

ISSN 2788-5283 (Print)
ISSN 2788-5291 (Online)

**«QAZAQSTAN RESPÝBLIKASY
ZAÑNAMA JÁNE QUQYQTYQ AQPARAT
INSTITÝTYNYŇ JARSHYSY»**

GYLYMI - QUQYQTYQ JURNAL

**«ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН»**

НАУЧНО – ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

**«BULLETIN OF INSTITUTE OF LEGISLATION
AND LEGAL INFORMATION
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN»**

SCIENTIFIC AND LEGAL JOURNAL

TOM 80 № 3-2025

АСТАНА, 2025

**«Qazaqstan Respublikasy Zańnama jáne quqyqtyq aqparat institýtynyń jarshysy»
Gylymi - quqyqtyq jurnal**

TOM 80 № 3-2025

Құрылтайшы және баспагер: «Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты»
ШЖҚ РМК

2006 жылдан бастап шығады

ISSN 2788-5283 (Print) / 2788-5291 (Online)

Журналдың шығу жиілігі – тоқсан сайын **Басылымның тілдері** – қазақ, орыс, ағылшын

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және коммуникациялар министрлігінің Ақпарат комитетінде тіркелген (№17761-Ж 2019 жылғы 25 маусым баспа басылымын (алғашқы есепке қою кезі 2005 жылғы 07 қыркүйек №6592-Ж), есепке қою туралы куәлік

Ғылыми журналының электрондық нұсқасы <https://www.zqai.kz/> сайтында орналастырылған

Негізгі тақырыптық бағыты: ғылыми-құқықтық, қоғамдық-саяси, экономикалық, тарихи, халықаралық-құқықтық материалдар жариялау.

Заң ғылымдары бойынша ғылыми қызметтің нәтижелерін жариялау үшін ұсынылатын басылымдар тізбесіне енгізілген (2 тізімі) (ҚР ҰЖБМ ҰЖБССҚК 2024 жылғы 12 шілде №603 бұйрығы), «Ресейлік ғылыми дәйексез индексі» (РГДИ) Ресейлік библиографиялық мәліметтер, «Қазақстандық ғылыми дәйексез индексі» (КазГДИ) Қазақстандық дәйексез индексі базасына енгізілген.

**Научно – правовой журнал
«Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан»**

TOM 80 № 3-2025

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан»

Издается с 2006 года

ISSN 2788-5283 (Print) / 2788-5291 (Online)

Периодичность издания – ежеквартально

Языки издания - казахский, русский, английский

Журнал зарегистрирован в Комитете информации Министерства информации и коммуникаций Республики Казахстан (свидетельство о постановке на учет печатного издания №17761-Ж от 25 июня 2019 года (первичная постановка на учет №6592-Ж от 07 сентября 2005 г.).
Электронная версия журнала размещена на сайте: <https://www.zqai.kz/>

Тематическая направленность: публикация научно-правовых, общественно-политических, экономических, исторических, международно-правовых материалов

Включен в перечень изданий, рекомендуемых для публикации результатов научной деятельности по юридическим наукам (список 2) (приказ КОКСНВО МНВО РК №603 от 12 июля 2024 г.), Российскую библиографическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), Казахстанскую базу цитирования «Казахстанский индекс научного цитирования» (КазИНЦ)

**«Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan»
Scientific and legal journal**

TOM 80 № 3-2025

Founder and publisher: RSE on the REM «Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan»

Published since 2006

ISSN 2788-5283 (Print) / 2788-5291 (Online)

Frequency of publication – quarterly

The languages of publication are – kazakh, russian, english

The journal is registered with the Information Committee of the Ministry of Information and Communications of the Republic of Kazakhstan (registration certificate: print edition No. 17761-Z dated June 25, 2019 (initial registration No. 6592-Z dated July 9, 2005).

The electronic version of the journal is available on the website: <https://www.zqai.kz/>

Thematic focus: publication of scholarly legal, socio-political, economic, historical, and international legal materials.

Included in the list of publications recommended for the publication of research results in legal sciences (List 2) (Order No. 603 of the Committee for Quality Assurance in the Sphere of Science and Higher Education of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan dated July 12, 2024), as well as in the Russian bibliographic database “Russian Science Citation Index” (RSCI) and the Kazakh citation database “Kazakhstan Citation Index” (KazCite).

Редакциялық алқа құрамы:

Әубәкірова И.О.	заң ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан) – Төраға ;
Абайділдинов Е.М.	заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан), (h-индексі=3) ;
Абдакимова Д.А.	заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан);
Абылайұлы А.	PhD, М.С. Нарықбаев атындағы КАЗГЮУ университеті (Астана, Қазақстан);
Алиев А.	құқық докторы (PhD), LL.M., Мартин Лютер университеті, Халле-Виттенберг (Киль, Германия);
Акимжанова М.Т.	PhD, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан), (h-индексі=2) ;
Анджелла Ди Грегорио	құқық докторы, Милан мемлекеттік университеті (Италия);
Андабеков Ш.А.	заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан);
Алишева М.М.	заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан)– Бас редактор ;
Байниязова З.С.	заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Н.Г. Чернышевский атындағы Саратов ұлттық зерттеу мемлекеттік университеті (Саратов, Ресей);
Василевич Г.А.	заң ғылымдарының докторы, Беларусь мемлекеттік университеті (Минск, Беларусь), (h-индексі=2) ;
Гладун Е.Ф.	заң ғылымдарының кандидаты, Тюмен мемлекеттік университеті (Тюмень, Ресей), (h-индексі=8) ;
Данельчук – Колодровски Н.	қоғамдық құқық докторы, доцент, Экс-Марсель университеті (Марсель, Франция);
Идрышева С.К.	заң ғылымдарының докторы, М.С.Нарықбаев атындағы КАЗГЮУ университеті (Астана, Қазақстан), (h-индексі=2) ;
Ишеков К.А.	заң ғылымдарының докторы, доцент, М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті (Мәскеу, Ресей), (h-индексі=1) ;
Малиновский В.А.	заң ғылымдарының докторы, Нархоз университетінің профессоры (Алматы, Қазақстан);
Мурашко Л.О.	заң ғылымдарының докторы, доцент, Беларусь Республикасының Конституциялық Соты (Минск, Беларусь);
Нукушева А.А.	заң ғылымдарының кандидаты, профессор, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық университеті (Қарағанды, Қазақстан), (h-индексі=8) ;
Рахимбердин Қ.Х.	заң ғылымдарының докторы, профессор, С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан мемлекеттік университеті (Өскемен, Қазақстан);
Рахметов С.М.	заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан);
Сыздық Б.К.	заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан);
Тайторина Б.А.	заң ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің тарих және құқық институты (Алматы, Қазақстан), (h-индексі=4) ;
Тегізбекова Ж.Ч.	заң ғылымдарының кандидаты, «АлаТоо» Халықаралық университеті (Бішкек, Қырғызстан);
Тлепина Ш.В.	заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан), (h-индексі=4) ;
Турецкий Н.Н.	заң ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты (Астана, Қазақстан);
Фролова Е.А.	заң ғылымдарының докторы, М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті (Мәскеу, Ресей), (h-индексі=2) ;
Хасенов М.Х.	PhD, қауымдастырылған профессор, М.С.Нарықбаев атындағы КАЗГЮУ университеті (Астана, Қазақстан), (h-индексі=1) ;
Цолль Ф.	заң ғылымдарының докторы, Ягеллон университеті (Краков, Польша), (h-индексі=2) ;
Юхневичус Э.	заң ғылымдарының докторы, Гданьск университеті (Гданьск, Польша), (h-индексі=1) ;
Стоилов Я.	заң ғылымдарының докторы, Охрид Әулие Климент университеті (София, Болгария) (h-индексі=1) .

Редактор – Қолтубаева Г.Б.

Компьютерлік беттеуші – Қалиева Г.Қ.

Состав Редакционной коллегии:

Аубакирова И.У.	доктор юридических наук, ассоциированный профессор, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан) – Председатель ;
Абайдельдинов Е.М.	доктор юридических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), (h-индекс=3) ;
Абдакимова Д.А.	кандидат юридических наук, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
Абылайұлы А.	PhD, Университет КАЗГЮУ имени М.С.Нарикбаева (Астана, Казахстан);
Алиев А.	доктор права, LL.M., Университет Мартина Лютера Халле-Виттенберг (Киль, Германия);
Акимжанова М.Т.	PhD, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан), (h-индекс=2) ;
Алишева М.М.	кандидат юридических наук, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан) - Главный редактор ;
Анджелла Ди Грегорио	доктор права, Миланский государственный университет (Италия);
Андабеков Ш.А.	кандидат юридических наук, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
Байниязова З.С.	кандидат юридических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Василевич Г.А.	доктор юридических наук, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь), (h-индекс=2) ;
Гладун Е.Ф.	кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия), (h-индекс=8) ;
Данельчук–Колодровски Н.	доктор публичного права, доцент, Университет Экс-Марсель (Марсель, Франция);
Идрышева С.К.	доктор юридических наук, Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Астана, Казахстан), (h-индекс=2) ;
Ишеков К.А.	доктор юридических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), (h-индекс=1) ;
Малиновский В.А.	доктор юридических наук, профессор Университета Нархоз (Алматы, Казахстан);
Мурашко Л.О.	доктор юридических наук, доцент, Конституционный суд Республики Беларусь (Минск, Беларусь);
Нукушева А.А.	кандидат юридических наук, профессор, Карагандинский национальный университет имени академика Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан), (h-индекс=8) ;
Рахимбердин К.Х.	доктор юридических наук, профессор, Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан);
Рахметов С.М.	доктор юридических наук, профессор, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
Сыздық Б.К.	кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
Тайторина Б.А.	доктор юридических наук, профессор, Институт истории и права Казахского национально-педагогического университета имени Абая (Алматы, Казахстан), (h-индекс=4) ;
Тегизбекова Ж.Ч.	кандидат юридических наук, Международный Университет «АлаТоо» (Бишкек, Кыргызстан);
Тлепина Ш.В.	доктор юридических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), (h-индекс=4) ;
Турецкий Н.Н.	доктор юридических наук, Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
Фролова Е.А.	доктор юридических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), (h-индекс=2) ;
Хасенов М.Х.	PhD, ассоциированный профессор, Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Астана, Казахстан), (h-индекс=1) ;
Цолль Ф.	доктор юридических наук, Ягеллонский университет (Краков, Польша), (h-индекс=2) ;
Юхневичус Э.	доктор юридических наук, Гданьский университет (Гданьск, Польша), (h-индекс=2) ;
Стоилов Я.	доктор права, Университет Святого Климента Охридского (София, Болгария), (h-индекс=1) .

Редактор – Колтубаева Г.Б.

Компьютерная верстка – Калиева Г.К.

© «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан», 2025

Editorial Board members:

Aubakirova I.U.	Doctor of Law, Associate Professor, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan) – Chairman ;
Abaydeldinov E.M.	Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan), <u>(h-index=3)</u> ;
Abdakimova D.A.	Candidate of Law, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan);
Abylaiuly A.	PhD, Maqsut Narikbayev University (Astana, Kazakhstan);
Aliyev A.	PhD, Doctor of Law, LLM, Martin Luther University Halle-Wittenberg (Kiel, Germany);
Akimzhanova M.T.	PhD, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan), <u>(h-index=2)</u> ;
Alisheva M.M.	Candidate of Law, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)- Chief Editor ;
Angela Di Gregorio	Doctor of Law, Full professor University of Milan (Italy);
Andabekov S.A.	Candidate of Law, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan);
Bayniyazova Z.S.	Candidate of Law, Associate Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);
Vasilevich G.A.	Doctor of Law, Belarusian State University (Minsk, Belarus), <u>(h-index=2)</u> ;
Gladun E.F.	Candidate of Law, Tyumen State University (Tyumen, Russia), <u>(h-index=8)</u> ;
Danielciuc-Colodrovschi N.	Doctor of science (public law), Associate Professor, Aix-Marseille University (Marseille, France);
Idrysheva S.K.	Doctor of Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Kazakhstan), <u>(h-index=2)</u> ;
Ishekov K.A.	Doctor of Law, Associate Professor, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia), <u>(h-index=1)</u> ;
Malinovskiy V.A.	Doctor of Law, Professor at Narkhoz University (Almaty, Kazakhstan);
Murashko L.O.	Doctor of Law, Associate Professor, Constitutional Court of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus);
Nukusheva A.A.	Candidate of Law, Professor, Karaganda National University named after academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan), <u>(h-index=8)</u> ;
Rakhimberdin K.H.	Doctor of Law, Professor, S. Amanzholov East Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan);
Rakhmetov S.M.	Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan);
Syzdyk B.K.	Candidate of Law, Associate Professor, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan);
Taitorina B.A.	Doctor of Law, Institute of History and Law of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai (Almaty, Kazakhstan), <u>(h-index=4)</u> ;
Tegizbekova Zh.Ch.	Candidate of Law, International University « Alatau » (Bishkek, Kyrgyzstan);
Tlepina Sh.V.	Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan), <u>(h-index=4)</u> ;
Turetskiy N.N.	Doctor of Law, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan);
Frolova E.A.	Doctor of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia) <u>(h-index=2)</u> ;
Khasenov M.Kh.	PhD, Associate Professor, Maqsut Narikbayev University (Astana, Kazakhstan), <u>(h-index=1)</u> ;
Zoll Fryderyk	Doctor of Law, Jagiellonian University (Krakow, Poland), <u>(h-index=2)</u> ;
Juchnevicius Edvardas	Doctor of Law, University of Gdansk (Gdansk, Poland), <u>(h-index=2)</u> ;
Stoilov Ya.	Doctor of Law, St. Kliment Ohridski University (Sofia, Bulgaria), <u>(h-index=1)</u> .

Editor – Koltubaeva G.B.
Computer layout – Kalieva G.K.

QAZAQSTAN RESPÝBLIKASY ZAǞNAMA JÁNE QUQYQTYQ AQPARAT
INSTITÝTYNYŇ JARSHYSY

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

BULLETIN OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION AND LEGAL INFORMATION
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

№3 (80) - 2025

МАЗМҰНЫ

Конституциялық және әкімшілік құқық

Р.К. Кәрім., Е.З. Бекбаев.

Қазақстандағы жергілікті өзін-өзі басқару реформасы: эстония моделінен сабақтар және қаржылық тәуелсіздікті іздеу 12

Г.С. Рысжанова., Б. Ахмет., Е.Б. Абдрасулов.

Соттың құқық шығару мәселесінің теориясы және Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары 23

Б.А. Умитчинова., Ю.А. Гаврилова., Г.А. Мензюк.

Жасанды интеллекті даму жағдайындағы жеке деректерді құқықтық реттеу: шетелдік тәжірибе және Қазақстан үшін төнетін қатерлер 37

Г.М. Ишкибаева., Д. Нұрмуханқызы., А.М. Бегжан.

Ғарыштық технологияларды коммерцияландыруға бағытталған стратегиялық маңызы бар жобалардағы мемлекеттік сатып алулар: «KAZSAT-3г» жобасын іске асыру мысалында 54

Азаматтық және азаматтық-процестік құқық

С.Қ. Идрышева.

Геологиялық ақпарат - азаматтық құқықтық қатынастардың ерекше объектісі 68

М.А. Әленов., Е.А. Дүйсенов.

Мемлекеттік - жекешелік әріптестік жобаларына экологиялық критерийлерді енгізудің құқықтық тетіктері 81

С.М. Ильясова., Н.А. Алдабергенова., М.К. Жусупбекова.

Мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасудағы құқықтық тәуекелдер 99

А.Б. Бекмағамбетов., А.Ф. Яғмусова., Ж.У. Смағұлов.

Қазақстан мен Грузияның зиянды және қауіпті өндірістердегі еңбекті қорғау саласындағы заңнамасын салыстырмалы талдау.....114

К. Бош.

Поляк жауапкершілігі шектеулі серіктестігіндегі акциялардың сабақтастығы: салыстырмалы перспектива 134

Г.О. Такишева.

Жылжымалы мүлікті атқарушылық жазба арқылы өндіріп алуға бола ма, әлде бұл заңнамадағы тағы бір олқылық па? 143

Қылмыстық құқық және қылмыстық процесс

К.А. Бакишев., Б.М. Нұрғалиев., К.С. Лақбаев.

Құрылыс орнындағы қауіпсіздік ережелерін бұзу: қылмыстық процесс және тергеп-тексерудің сот-сараптамалық аспектілері 156

Қ.Х. Рахимбердин.

Қазақстан Республикасындағы пробация: қазіргі мәселелер және даму үрдістері 167

А.Т. Батырбекова., А.Ш. Муталыпова., К.О. Алембаев.

Балалар саудасының себептерін және оны болдырмаудың құқықтық механизмдерін талдау: қазіргі құқық теориялары.....176

Халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану

А. Алмасұлы., Е.М. Абайділдинов.

Адам құқықтарын қорғау жөніндегі халықаралық органдарға жүгіну құқығын конституциялық деңгейде бекіту: шетелдік тәжірибе 191

М.В. Громоздина.

Балалар мен ата-аналар қатынастары: ресейлік және шетелдік заңнаманы салыстырмалы-құқықтық талдау 203

Ә.Б. Жанәбілова.

Өсиет өкімдерінің нысанына қатысты заңдардың қайшылығы туралы Гаага конвенциясы (05 қазан 1961 ж.): Қазақстан Республикасында ратификациялау қажеттілігі 216

Б.Ш. Исмаилова.

Қазақстанның экологиялық қылмыстарымен күрес саласындағы шет елдермен өзара әрекеті 228

Г.С. Жаманкараева., М.Х. Матаева., Ә.С. Майшекина.

Адам құқықтарын қорғау тетіктері: халықаралық стандарттар және Қазақстанның ұлттық тәжірибесі 238

Ванг Далин., Л.Б. Нысанбекова.

Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасының құқықтық кеңістігіндегі органикалық ауыл шаруашылығы: реттеу, стандарттар және кедергілер 251

Ақпараттық құқық және қауіпсіздік

А. Амантай., А.М. Нұрмағамбетов., А.Н. Ахпанов.

Жасанды интеллект құралдарын қолдану тұтынушылардың сот төрелігіне қол жетімділігін қамтамасыз ету әдісі ретінде 265

Ә.М. Көшербаев., Р.Т. Дуламбаева. Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқару жүйесінде клиентке бағдарлану қағидатын нормативтік-құқықтық бекіту: іске асыру мәселелері мен перспективалары 277

Д.Б. Разиева.

Антропоцентризм ұстанымы және құқық субъектісінің цифрлық дәуірдегі трансформациясы: еңбек құқығына төнетін сын-қатерлер 291

Әлеуметтану және құқық философиясы

З.К. Аюпова., Д.Ө. Құсайынов.

Құқықтық жүйені трансформациялау барысында құқықтық және әлеуметтік-мәдени құндылықтарды жаңғырту 306

Құқықтық мониторинг

Ж.О.Тілембаева.

Медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру денсаулық сақтау құқығын қорғау тетігі ретінде 317

Ә.Ғ. Қазбаева.

Бас бостандығынан айыру орындарында әйелдердің ұсталуының шарттарын талдау: ұлттық заңнама, халықаралық стандарттар және практикалық ұсынымдар 327

Л.К. Амандықова., А. Ержан., М.Қ. Жұрунова.

Заңнаманың тұрақтылығы және құқықтық мониторингтің рөлі 337

Жас ғалым мінбері

А.К. Досанова., А.Е. Рамазан.

Мүгедектігі бар адамдарды әлеуметтік қорғауды құқықтық қамтамасыз ету: талдау және жетілдіру жолдары 348

Н.М. Әпсімет.

Интернеттегі алаяқтықта deepfake қолданатын қылмыстар және оларды дәлелдеу мәселелері 357

А.С. Тулебаева.

Әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылықтың криминологиялық мәселелері 369

С.Ғ. Қожахметова.

Қазақстан Республикасы және шет елдер Конституциялық Соты судьясы қызметінің конституциялық-құқықтық кепілдіктері 376

СОДЕРЖАНИЕ

Конституционное и административное право

Р.К. Кәрім., Е.З. Бекбаев.

Реформа местного самоуправления в Казахстане: уроки эстонской модели и поиск финансовой независимости 12

Г.С. Рысжанова., Б. Ахмет., Е.Б. Абдрасулов.

Теория вопроса судебного правотворчества и нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан 23

Б.А. Умитчинова., Ю.А. Гаврилова., Г.А. Мензюк.

Правовое регулирование персональных данных в условиях развития искусственного интеллекта: зарубежный опыт и вызовы для Казахстана 37

Г.М. Ишкибаева., Д. Нұрмуханқызы., А.М. Бегжан.

Государственные закупки в стратегически значимых проектах по коммерциализации космических технологий: на примере реализации проекта «KAZSAT-3R» 54

Гражданское и гражданско-процессуальное право

С.К. Идрышева.

Геологическая информация - особый объект гражданских правоотношений 68

М.А. Аленов., Е.А. Дюсенов.

Правовые механизмы внедрения экологических критериев в проекты государственно-частного партнерства 81

С.М. Ильясова., Н.А. Алдабергенова., М.К. Жусупбекова.

Правовые риски при заключении договоров о государственных закупках 99

А.Б. Бекмагамбетов., А.Ф. Ягмусова., Ж.У. Смагулов.

Сравнительный анализ законодательства Казахстана и Грузии в области охраны труда на вредных и опасных производствах 114

К. Бош.

Правопреемство акций в польском обществе с ограниченной ответственностью: сравнительная перспектива 134

Г.О. Такишева.

Можно ли взыскать движимое имущество по исполнительной надписи или это еще один «пробел» нашего законодательства? 143

Уголовное право и уголовный процесс

К.А. Бакишев., Б.М. Нурғалиев., К.С. Лакбаев.

Нарушение правил безопасности на объектах строительства: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования 156

К.Х. Рахимбердин.

Пробация в Республике Казахстан: современные проблемы и тенденции развития 167

А.Т. Батырбекова., А.Ш. Муталыпова., К.О. Алембаев.

Анализ причин и правовых механизмов предотвращения торговли детьми: современные теории права 176

Международное право и сравнительное правоведение

А. Алмасулы., Е.М. Абайдельдинов.

Конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека: зарубежная практика 191

М.В. Громоздина.

Детско-родительские отношения: сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства 203

А.Б. Жанабилова.

Гагская конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений (05 октября 1961 г.): необходимость ратификации в Республике Казахстан 216

Б.Ш. Исмаилова.

Взаимодействие Казахстана с зарубежными странами в сфере противодействия экологическим преступлениям 228

Г.С. Жаманкараева., М.Х. Матаева., Э.С. Майшекина.

Механизмы защиты прав человека: международные стандарты и национальная практика Казахстана 238

Ванг Далин., Л.Б. Нысанбекова.

Органическое сельское хозяйство в правовом поле Республики Казахстан и Китайской Народной Республики: регулирование, стандарты и барьеры.....251

Информационное право и безопасность

А. Амантай., А.М. Нурмагамбетов., А.Н. Ахпанов.

Использование инструментов искусственного интеллекта как способ обеспечения потребителям доступа к правосудию 265

А.М. Кушербаев., Р.Т. Дуламбаева.

Нормативное закрепление клиентоориентированности в системе государственного управления Республики Казахстан: проблемы и перспективы реализации 277

Д.Б. Разиева.

Антропоцентричный подход и трансформация субъекта права в эпоху цифровизации: вызовы трудовому праву 291

Социология и философия права

З.К. Аюпова., Д.У. Кусаинов.

Модернизация правовых и социокультурных ценностей в ходе трансформации правовой системы 306

Правовой мониторинг

Ж.У. Тлембаева.

Страхование профессиональной ответственности медицинских работников как механизм защиты права на охрану здоровья 317

А.Г. Казбаева.

Анализ условий содержания женщин в местах лишения свободы: национальное законодательство, международные стандарты и практические рекомендации 327

Л.К. Амандыкова., А.Ержан., М.К. Журунова.

Стабильность законодательства и роль правового мониторинга 337

Трибуна молодого ученого

А.К. Досанова., А.Е. Рамазан.

Правовое обеспечение социальной защиты лиц с инвалидностью: анализ и пути совершенствования 348

Н.М. Аписмет.

Преступления с использованием deepfake в онлайн-мошенничестве и проблемы их доказывания 357

А.С. Тулеубаева.

Криминологические проблемы домашнего насилия в отношении женщин.....369

С.Г. Кожахметова.

Конституционно-правовые гарантии деятельности судьи Конституционного Суда Республики Казахстан и зарубежных стран 376

CONTENT

Constitutional and Administrative Law

R.K. Karim., E.Z. Bekbaev.

Local self-government reform in Kazakhstan: lessons from the Estonian model and the search for financial independence 12

G.S. Ryszhanova., B. Akhmet., Y.B. Abdrassulov.

Theory of the issue of judicial lawmaking and normative resolutions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan 23

B.A. Umitchinova., Y.A. Gavrilova., G.A. Menzyuk.

Legal regulation of personal data in the context of artificial intelligence development: foreign experience and challenges for Kazakhstan 37

G.M. Ishkibayeva., D. Nurmukhankyzy., A.M. Begzhan.

Public procurement in strategically significant projects aimed at the commercialization of space technologies: the case of the «KAZSAT-3r» project implementation 54

Civil and Civil Procedure Law

S.K. Idrysheva.

Geological information - a special object of civil legal relations 68

M.A. Alenov., Y.A. Dyussenov.

Legal mechanisms for introducing environmental criteria into public-private partnership projects 81

S.M. Ilyassova., N.A. Aldabergenova., M.K. Zhussupbekova.

Legal risks when concluding public procurement contracts 99

A.B. Bekmagambetov., A.F. Yagmussova., ZH.U. Smagulov.

Comparative analysis of the legislation of Kazakhstan and Georgia in the field of occupational safety in harmful and dangerous industries 114

K. Boś.

Succession of shares in a polish limited liability company: a comparative perspective 134

G.O. Takisheva.

Is it possible to repossess movable property through a notarial writ of execution, or just another legislative oversight? 143

Criminal Law and Criminal Procedure

K.A. Bakishev., B.M. Nurgaliev., K.S. Lakbaev.

Violation of safety rules at construction sites: criminal-procedural and criminalistic aspects of investigation 156

K.KH. Rakhimberdin.

Probation in the Republic of Kazakhstan: current issues and development trends 167

A.T. Batyrbekova., A.SH. Mytalyapova., K.O. Alembayev.

Analysis of the causes and legal mechanisms for preventing child trafficking: contemporary legal theories 176

International Law and Comparative law

A. Almassuly., Y.M. Abaideldinov.

Constitutional enshrinement of the right to appeal to international human rights bodies: foreign practice191

M.V. Gromozdina.

Parent-child relationships: comparative legal analysis of Russian and foreign legislation 203

A.B. Zhanabilova.

The Hague convention on the conflict of laws concerning the form of testamentary dispositions (October 05, 1961): the need for ratification in the Republic of Kazakhstan 216

B.S. Ismailova.

Kazakhstan's cooperation with foreign countries in the field of combating environmental crimes 228

G.S. Zhamankarayeva., M.KH. Matayeva., E.S. Maishekina.

Human rights protection mechanisms: international standards and national practice of Kazakhstan 238

Wang Dalin., L.B. Nyssanbekova.

Organic agriculture in the legal framework of the Republic of Kazakhstan and People's Republic of China: regulation, standards and barriers 251

Information Law and Security

A. Amantay., A.M. Nurmagambetov., A.N. Akhpanov.

Using artificial intelligence tools as a method to ensure consumers' access to justice 265

A.M. Kusherbayev., R.T. Dulambayeva.

Normative institutionalization of client orientation in the public administration system of the Republic of Kazakhstan: problems and implementation prospects.....277

D.B. Raziyeva.

Anthropocentric approach and the transformation of the legal subject in the digital age: challenges for labor law 291

Sociology and Philosophy of Law

Z.K. Ayupova., D.U. Kussainov.

Modernization of legal and socio-cultural values during the transformation of the legal system 306

Legal Monitoring

ZH.U. Tlembayeva.

Professional liability insurance of medical professionals as a mechanism for protecting the right to health protection 317

A.G. Kazbayeva.

Analysis of conditions of detention of women in places of imprisonment: national legislation, international standards and practical recommendations 327

L.K. Amandykova., A. Yerzhan., M.K. Zhurunova.

The stability of legislation and the role of legal monitoring 337

Young Researcher's Tribune

A.K. Dosanova., A.E. Ramazan.

Legal support of social protection of persons with disabilities: analysis and ways of improvement 348

N.M. Apsimet.

Crimes involving deepfake in online fraud and the challenges of proving them 357

A.S. Tulebayeva.

Criminological problems of domestic violence against women 369

S. Kozhakhmetova

Constitutional and legal guarantees of the activities of a judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan and foreign countries.....376

КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ
КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
 И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
 ISSN 2788-5283
 eISSN 2788-5291
 ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 12-22

УДК 342.6
ГРНТИ 10.16.02
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_12
Научная статья

© Р. Кәрім^{1*}, Е.З. Бекбаев², 2025

¹ТОО «МакКинзи и Компания Казахстан», Астана, Казахстан

²Университет Кунаева, Алматы, Казахстан
 (e-mail: ¹rustem@outlook.com; ²erzat_bek@mail.ru)

**РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: УРОКИ
 ЭСТОНСКОЙ МОДЕЛИ И ПОИСК ФИНАНСОВОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ**

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ становления и развития институтов местного самоуправления (далее - МСУ) в Республике Казахстан и Эстонской Республике. Актуальность темы обусловлена острой необходимостью совершенствования казахстанского законодательства, поскольку, несмотря на конституционное закрепление права на МСУ (ст. 89), специальный закон, регулирующий его организацию и деятельность, не принимается на протяжении десятилетий, а последний законопроект был отозван из Парламента в 2024 году. В работе проводится углубленный сравнительно-правовой анализ, исследуются теоретические основы МСУ в свете положений Европейской хартии, эволюция национальных законодательств и конституционные нормы о МСУ в Казахстане. Выявляются ключевые институциональные проблемы казахстанской модели, такие как слияние функций государственного управления и самоуправления, нечеткое разграничение компетенций, критическая финансовая зависимость местных бюджетов от центральных трансфертов и, как следствие, низкий уровень вовлеченности граждан. На основе анализа успешного эстонского опыта, характеризующегося высокой степенью автономии, цифровизацией и финансовой децентрализацией, а также на основе обобщения мнений ученых, практиков и результатов полевого исследования современной практики самоуправления в Казахстане, формулируются конкретные предложения. Центральной идеей является реформирование правового статуса исполнительных органов МСУ. В частности, предлагается концептуальное решение о создании исполнительных органов МСУ в форме общественных фондов сельского или городского населенного пункта. Такая организационно-правовая форма призвана повысить финансовую устойчивость, прозрачность и подотчетность местных органов самоуправления, позволяя аккумулировать различные источники финансирования, включая бюджетные средства, частные пожертвования и гранты, для эффективного решения вопросов местного значения.

Ключевые слова: местное самоуправление, институциональная трансформация, децентрализация, финансовая автономия, компетенция органов местного самоуправления, реформа местного самоуправления.

*Автор для корреспонденции. E-mail: rustem@outlook.com

Введение

Процесс реформирования системы публичной власти в Республике Казахстан, продолжающийся с момента обретения независимости, неизменно актуализирует вопросы совершенствования института местного самоуправления (МСУ). Несмотря на конституционное закрепление права граждан на МСУ, практическая реализация этого права, определение оптимального объема полномочий и обеспечение реальной организационно-финансовой автономии местных органов остаются предметом научных дискуссий и правотворческих поисков, на которые обратил внимание Глава государства в своем послании [1]. С момента провозглашения государственной независимости в Конституцию Республики Казахстан 1995 года внесена норма о том, что организация и деятельность МСУ в Казахстане регулируются законом. Для реализации данной конституционной нормы Правительство Республики Казахстан неоднократно вносило в Парламент различные варианты проекта закона «О местном самоуправлении в Республике Казахстан», но закон принят не был. Последний раз проект данного закона был внесен в Мажилис Парламента в 2022 году, но в 2024 году законопроект был отклонен и отозван [2;3]. Актуальность настоящего исследования обостряется наличием существенного пробела в научной доктрине: среди ученых-конституционалистов Казахстана отсутствует единый, общепринятый подход к определению самой природы МСУ в рамках национальной системы публичной власти. Дискуссия о том, является ли МСУ формой реализации государственной власти на местах (государственная теория) или же самостоятельным институтом гражданского общества (общественная, дуалистическая теория), остается незавершенной. Эта теоретическая неопределенность, как отмечают современные исследователи, выступает одним из ключевых препятствий для законодателя, который не может выработать устойчивую модель правового регулирования без четкой

концептуальной основы.

В этом контексте сравнительно-правовой анализ опыта стран, прошедших схожий путь трансформации, таких как Эстония, успешно реформировавшая систему МСУ [4], а также глубокое изучение конституционных основ и текущих проблем МСУ в Казахстане, приобретают особую значимость. Целью настоящей статьи является проведение глубокого сравнительного анализа институциональных и правовых аспектов трансформации МСУ в Казахстане и Эстонии, анализ конституционных норм Республики Казахстан (далее - РК) о МСУ, выявление системных проблем и определение перспективных направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики в Казахстане.

Институт местного самоуправления является фундаментальным элементом современных демократических систем управления, обеспечивая гражданам возможность участвовать в решении вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы на локальном уровне [5]. Европейская хартия местного самоуправления определяет МСУ как «право и способность местных властей в рамках закона регулировать и управлять значительной частью публичных дел под свою ответственность и в интересах местного населения»². Данное определение подчеркивает такие ключевые аспекты, как политическая, административная и финансовая независимость местных властей, что является необходимым условием для эффективного самоуправления. В научной доктрине МСУ рассматривается как сложный феномен, обладающий двойственной природой: с одной стороны, это элемент государственного механизма, реализующий делегированные государством функции, а с другой – институт гражданского общества, возникающий как результат самоорганизации населения [6]. Теоретическая база исследования основывается на разграничении понятий «государственное управление»

² Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г.) ETS 122 // URL: <https://rm.coe.int/168007a105> (дата обращения: 16.05.2025).

и «местное самоуправление». Если государственное управление представляет собой деятельность органов государственной власти, основанную на принципе централизма и иерархии, то местное самоуправление, согласно дуалистической теории, является формой публичной власти, не входящей в систему органов государственной власти. Это позволяет чётче обозначить методологическую рамку исследования, направленного на поиск оптимальной модели МСУ для Казахстана, которая бы сочетала самостоятельность в решении вопросов местного значения с эффективным взаимодействием с государственными структурами. Эффективность МСУ во многом зависит от степени децентрализации власти, предполагающей передачу полномочий, ответственности и ресурсов на нижестоящие уровни управления, что позволяет учитывать местные особенности и потребности [7]. При этом важно найти оптимальный баланс между централизацией и децентрализацией, избегая как чрезмерного государственного контроля, так и неконтролируемого роста центробежных тенденций [8].

Материалы и методы

В исследовании применен комплекс общенаучных и специальных методов познания. Основой послужил сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления конституционных норм и текущего законодательства о МСУ Республики Казахстан и Эстонской Республики с целью выявления общих тенденций и специфических особенностей. Проведен анализ научных публикаций, официальных документов и аналитических докладов по исследуемой теме. Формально-юридический метод применялся для толкования и анализа правовых норм, содержащихся в Конституциях, законах и подзаконных актах обоих государств. Исторический метод был использован для изучения эволюции институтов МСУ в Казахстане и Эстонии, что позволило проследить динамику реформ и

выявить причины возникновения современных проблем. Также в работе были задействованы системно-структурный, функциональный и диалектико-логический методы, которые позволили рассмотреть МСУ как целостную систему, проанализировать функции её отдельных элементов и выстроить аргументацию исследования. Проведен анализ научных публикаций, официальных документов и аналитических докладов по исследуемой теме. Выводы подкреплены результатами обобщения современной практики самоуправления, полученными в ходе полевого исследования в трех регионах Казахстана (два города районного значения и восемь сел), включая изучение мнений специалистов-практиков (представителей маслихатов, акиматов, общественных советов).

Результаты

Конституционно-правовые основы и статус органов МСУ в Республике Казахстан.

В Республике Казахстан конституционные нормы обладают высшей юридической силой. Вопросы МСУ регулируются статьей 89 Раздела VIII «Местное государственное управление и самоуправление» Конституции. Пункт 1 статьи 89 гласит: «В Республике Казахстан признается местное самоуправление, обеспечивающее самостоятельное решение населением вопросов местного значения»³. Данный пункт не вызывает особых разночтений.

Более дискуссионным является пункт 2 статьи 89, который в текущей редакции (после изменений) гласит: «Местное самоуправление осуществляется населением непосредственно, а также через маслихаты и другие органы местного самоуправления в местных сообществах, охватывающих территории, на которых компактно проживают группы населения. Органам местного самоуправления в соответствии с законом может делегироваться осуществление государственных функций»⁴. В первоначальной редакции Конституции

³ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 16.05.2025).

⁴ Там же.

1995 года данный пункт упоминал выборы как форму непосредственного осуществления МСУ и говорил об органах МСУ в «сельских и городских местных сообществах». Текущая редакция прямо называет маслихаты органами МСУ.

Пункт 3 статьи 89 устанавливает, что «Организация и деятельность местного самоуправления в Казахстане регулируются законом»⁵, а пункт 4 гарантирует «самостоятельность органов местного самоуправления в пределах их полномочий, установленных законом»⁶. Эти нормы трактуются как основание для принятия специального закона о МСУ.

Для реализации конституционных изменений в Закон «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» (далее – Закон о МГУ и МСУ) была внесена Глава 3-1 «Участие граждан в местном самоуправлении»⁷. Однако в этом законе законодатель пошел по пути расширительного толкования, относя к органам МСУ, помимо маслихатов, также акимов и акиматы, и другие государственные органы. Как отмечает П.В. Своик, после многочисленных неудачных попыток принять закон «О местном самоуправлении» (семь попыток до 2006 года), в 2007 году было объявлено, что местное государственное управление и МСУ – это одно и то же [3].

Такая позиция о единстве государственных органов и органов МСУ (далее - ОМСУ), поддерживаемая рядом исследователей [9; 10; 11], фактически ставит под сомнение необходимость в отдельном законе о МСУ, так как действующий Закон о МГУ и МСУ уже охватывает эти вопросы. Однако, если исходить из того, что ОМСУ, за исключением маслихатов, не должны быть государственными органами (что прямо не запрещено, но и не предписано Конституцией для «других органов МСУ»), то необходимость в специаль-

ном законе сохраняется. Последняя попытка принять такой закон в 2022-2024 годах на основе Концепции развития МСУ до 2025 года также не увенчалась успехом⁸. Проект предусматривал создание кенесов как отдельных органов МСУ, но был отклонен из-за опасений дублирования функций и возможных конфликтов с акиматами [3]. Ключевой причиной остается отсутствие четкого критерия разграничения органов государства и ОМСУ.

Статья 89 Конституции не содержит прямых норм об исполнительных органах МСУ, что создает дополнительную неясность. Представительные органы МСУ (маслихаты, сходы, собрания) определены, но сущность управления во многом заключается в деятельности именно исполнительных структур. Так М.Т. Габдуалиев отмечает, что Конституция допускает дальнейшее формирование «иных» ОМСУ на законодательном уровне [12].

Исследование практики МСУ в трех регионах Казахстана (города районного значения, села), проведенное с участием авторов в 2024 году, показало, что для специалистов на местах приоритетным вопросом является не столько наделение ОМСУ властными полномочиями, сколько их должное финансирование. Единодушное мнение практиков заключается в том, что при наличии достаточного финансирования многие вопросы могут быть решены без дополнительных властных рычагов. Данная позиция согласуется с теоретическими подходами в области фискальной независимости, согласно которым реальная автономия местного самоуправления невозможна без финансовой состоятельности. Отечественные и зарубежные исследователи подчеркивают, что передача полномочий без соответствующих финансовых ресурсов является «пустой» децентрализацией и не приводит к повышению эффективности управления. Таким образом, двуединой проблемой сегодня выступают финансирование си-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 г. №148-III «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148> (дата обращения: 16.05.2025).

⁸ Указ Президента Республики Казахстан от 18 августа 2021 г. №639 «Об утверждении Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан до 2025 года» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000639> (дата обращения: 16.05.2025).

стемы МСУ и правовой статус ее исполнительных органов.

Модель МСУ в Эстонии: автономия и правовые рамки.

Эстонская модель МСУ, напротив, формировалась на принципах Европейской хартии местного самоуправления, которую Эстония ратифицировала в 1994 году, и характеризуется высоким уровнем автономии. Конституция⁹ и Закон «Об организации местного самоуправления»¹⁰ гарантируют волостям и городам право самостоятельно управлять жизнью своих сообществ. Муниципалитеты обладают значительной самостоятельностью в формировании бюджетов, имеют право устанавливать местные налоги¹¹ и управлять муниципальной собственностью. Страна провела административно-территориальную реформу (2015-2017 гг.) для укрупнения муниципалитетов и добилась значительных успехов в цифровизации управления [13]. Тем не менее, эстонская система также сталкивается с вызовами. Наблюдаются определенные тенденции к централизации, например, в вопросах перераспределения функций после упразднения уездного уровня без адекватной финансовой децентрализации. Сохраняются проблемы кадрового обеспечения квалифицированными специалистами и, как и в Казахстане, недостаточной активности населения в решении местных вопросов [14].

Приоритетные вопросы развития МСУ в Казахстане. Исследование современной практики МСУ в трех регионах Казахстана выявило, что для специалистов на местах приоритетным вопросом является не столько наделение ОМСУ дополнительными властными полномочиями, сколько их должное и стабильное финансирование. Практики единодушно утверждают, что при наличии достаточных финансовых ресурсов многие вопросы местного значения

могут быть решены эффективно. Этот вывод, полученный эмпирическим путем, находит подтверждение в доктринальных источниках, посвященных взаимосвязи финансовой автономии и эффективности ОМСУ. Научные подходы как казахстанских, так и зарубежных авторов свидетельствуют о прямой корреляции между долей собственных доходов в местных бюджетах и качеством предоставляемых населению услуг. Высокая зависимость от трансфертов из центрального бюджета, характерная для Казахстана, где по оценкам экспертов она может достигать 80-90% в бюджетах сельских округов, снижает стимулы для ОМСУ к развитию местной экономической базы и подрывает их подотчетность перед населением, переориентируя ее на вышестоящие уровни власти. Таким образом, ключевой двуединой проблемой сегодня выступают финансирование системы МСУ и правовой статус ее исполнительных органов.

Обсуждение

Одной из наиболее острых проблем для казахстанской системы МСУ, выявленной при сравнении с эстонской моделью, является нечеткое разграничение компетенций между государственными органами и ОМСУ. Слияние функций в Законе о МГУ и МСУ ведет к доминированию государственной вертикали, что противоречит духу Европейской хартии местного самоуправления, которая предполагает МСУ как отдельную сферу публичной власти.

Финансовая самостоятельность является краеугольным камнем эффективного МСУ. Статья 9 Европейской хартии МСУ подчеркивает, что ОМСУ должны иметь достаточные собственные финансовые ресурсы, которыми они могут свободно распоряжаться, и что часть этих ресурсов должна поступать от местных налогов и сборов, ставки которых они

⁹ Конституция Эстонской Республики (принята 28 июня 1992 г.) // URL: https://www.riigikogu.ee/wp-content/uploads/2015/02/3_Pohiseadus_VENE.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

¹⁰ Закон Эстонской Республики от 2 июня 1993 г. «О порядке местного самоуправления» // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/502012017004/consolide> (дата обращения: 16.05.2025).

¹¹ Закон Эстонской Республики от 21 сентября 1994 г. «О местных налогах» // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/529122024017/consolide> (дата обращения: 16.05.2025).

имеют право устанавливать в пределах закона¹². В Казахстане ОМСУ в значительной степени зависят от трансфертов из вышестоящих бюджетов [15]. Механизм «бюджетных изъятий» (статья 79 Бюджетного кодекса РК)¹³ из нижестоящих бюджетов в вышестоящие противоречит принципам финансовой автономии, заложенным в Европейской хартии местного самоуправления. Эстонская система, напротив, предусматривает более широкие права муниципалитетов по установлению местных налогов и использует систему финансового выравнивания для поддержки более слабых муниципалитетов. Также актуальной для Казахстана остается проблема низкой вовлеченности населения в процессы принятия решений [16].

Исходя из проведенного анализа, для Казахстана представляется целесообразным разработать и принять отдельный Закон «О местном самоуправлении», четко разграничивающий функции МСУ от государственного управления и устанавливающий, что органы местного самоуправления, за исключением маслихатов, не являются государственными органами [17; 18].

Учитывая выявленную на практике приоритетность вопроса финансирования и необходимость гибкой структуры, предлагается закрепить в новом законе норму о том, что в соответствии с административно-территориальным устройством РК исполнительные органы МСУ создаются в форме общественного фонда сельского или городского населенного пункта. Такая форма позволит аккумулировать различные источники финансирования (бюджетные средства, пожертвования, гранты) и обеспечит большую прозрачность и подотчетность населению.

Предлагаемая модель общественного фонда как исполнительного органа МСУ является правомерной с точки зрения действующего законодательства Республики Казахстан. Общественный фонд является устоявшейся

организационно-правовой формой некоммерческой организации, регулируемой Гражданским кодексом и Законом РК «О некоммерческих организациях». Для интеграции этой модели в систему публичного управления потребуется придать таким фондам особый публично-правовой статус в профильном законе о МСУ. Данный закон должен будет определить, что такие фонды, оставаясь юридическими лицами частного права, уполномочены на выполнение конкретных задач местного значения, не связанных с осуществлением властных полномочий (например, благоустройство, организация досуга, поддержка социально уязвимых групп). Финансирование из бюджета может осуществляться в рамках государственного социального заказа или целевых трансфертов, что предусмотрено Бюджетным кодексом Республики Казахстан. Механизм подотчетности должен включать обязательную публикацию отчетов, общественные слушания и контроль со стороны представительного органа МСУ (маслихата или кенеса), который будет утверждать устав фонда и состав его попечительского совета.

Для укрепления финансовой основы МСУ необходимо наделить маслихаты реальными полномочиями по введению местных налогов и сборов (из перечня, определенного законодательством) и установлению их ставок, по аналогии с эстонским опытом, пересмотреть механизм «бюджетных изъятий» и разработать отдельный Закон «О местных налогах и сборах». Параллельно следует активно внедрять цифровые технологии для повышения эффективности и участия граждан, используя успешный опыт Эстонии [13], и работать над повышением правовой культуры населения [16].

Заключение

Проведенный анализ конституционных норм, действующего законодательства, мнений экспертов и зарубежного опыта показывает, что система МСУ в Казахстане требует

¹² Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г.) ETS 122 // URL: <https://rm.coe.int/168007a105> (дата обращения: 16.05.2025).

¹³ Кодекс Республики Казахстан «Бюджетный кодекс Республики Казахстан» от 15 марта 2025 года № 171-VIII // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000171> (дата обращения: 16.05.2025).

дальнейшего концептуального и правового реформирования. Несмотря на общий постсоветский старт, Эстония достигла большего прогресса в построении автономной и финансово состоятельной модели МСУ.

Для Казахстана ключевыми вызовами остаются нечеткое разграничение государственного управления и самоуправления, финансовая зависимость ОМСУ и низкий уровень гражданской активности. Предлагаемый подход к созданию исполнительных органов МСУ в форме общественных фондов, наряду с укреплением их финансовой базы и четким разграничением полномочий, может стать одним из путей решения существующих проблем. Правовая конкретизация данной модели требует детальной проработки в рамках предлагаемого нового Закона «О местном самоуправлении». В частности, необходимо четко определить перечень передаваемых функций (например, организация благоустройства, содержание объектов коммунальной

собственности местного значения, проведение культурных мероприятий), которые не требуют государственно-властных полномочий. Правовой статус таких фондов должен быть определен как особый вид некоммерческой организации публичного права, с механизмами контроля со стороны представительного органа МСУ и общества. Ответственность и подотчетность должны обеспечиваться через регулярные публичные отчеты, независимый аудит и возможность отзыва руководства фонда решением представительного органа. Интеграция в правовую систему возможна через внесение соответствующих поправок в Бюджетный кодекс (в части прямого финансирования задач МСУ) и Гражданский кодекс. Реализация этих мер потребует политической воли, комплексного подхода к реформированию законодательства и правоприменительной практики, а также учета лучших международных стандартов и национальных особенностей Республики Казахстан.

Данное исследование было профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант №AP23489679).

Вклад авторов

Аннотация, введение, материалы и методы, большая часть обсуждения, заключение, литература, транслитерация и информация об авторах написаны **Кәрім Р.К.** В то же время, и **Бекбаев Е.З.**, и **Кәрім Р.К.** внесли вклад в изучение библиографических источников и формулирование предложений к заключению. Большая часть выводов была основана на исследовании **Кәрім Р.К.**, при этом **Бекбаев Е.З.** предложил, на основе своих исследований, одно из немаловажных нововведений - закрепление формы исполнительных органов МСУ в виде общественных фондов. Данные двух исследований в форму текста данной статьи собрал и преобразовал **Кәрім Р.К.**

Список литературы:

1. Токаев, К-Ж. Послание народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» от 16 марта 2022 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-Kazakhstan-1623953> (дата обращения: 16.05.2025).
2. Своик, П. Местное самоуправление по-казахстански: а что не так? Часть 1 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://semey.city/novosti-kazakhstan/43697/> (дата обращения: 11.02.2025).
3. Выступление А.П. Рау 11 января 2023 года в Мажилисе // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/post-item/36/15958> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Грибанова, Г.И. Реформы местного самоуправления в Эстонии: институциональный контекст, намерения и результаты // Г.И. Грибанова // Балтийский

регион. — 2020. - №1. - С. 32-53.

5. Пешин, Н.Л. Особенности организации муниципальной власти и местного управления в странах Западной Европы // Н.Л.Пешин // Местное право. - 2019. - №1. - С. 5-18.

6. Чихладзе, Л.Т. Местное самоуправление и местное управление в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: теория, практика и тенденции развития // Л.Т. Чихладзе // Журнал российского права. - 2013. - №5. - С. 25-34.

7. Бухвальд, Е.М. Экономические проблемы федерализма, региональной политики и местного самоуправления // Е.М. Бухвальд // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2020. - №1. - С. 51-68.

8. Щепачев, В.А. О некоторых аспектах совершенствования правового регулирования публичной власти // В.А. Щепачев // Местное право. - 2017. - №4. - С. 13-19.

9. Сапаргалиев, Г.С. О самоуправлении в Республике Казахстан // Г.С. Сапаргалиев // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. - 2006. - №1. - С. 5-8.

10. Мидельский, С.Л. Краткая история местного самоуправления в Казахстане: традиции и тенденции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.regionacadem.org/index.php?id=255&lang=pl&option=com_content&view=article (дата обращения: 11.02.2025).

11. Чеботарев, А.Е. Аналитический доклад на тему: «Местное самоуправление в Казахстане: особенности и перспективы реформирования» // А.Е. Чеботарев // - Астана: НАО «Казахстанский институт общественного развития», 2023. - 106 с.

12. Габдуалиев, М.Т. К вопросу определения правового статуса органов местного самоуправления: постановка проблемы // М.Т. Габдуалиев // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. - 2012. - №2(26). - С. 46-48.

13. Матвеева, Н.Ю. Цели, методы работы и возможности электронного правительства на примерах Эстонии и Каталонии // Н.Ю. Матвеева, Е.В. Ольшанская // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. - 2019. - №2. - С. 109-121.

14. Mäeltsemees, S. Local Self-Government in Estonia // S.Mäeltsemees // Administrative Culture. - 2016. - Volume 17. - No. 2. - P. 79-109.

15. Солтангазинов, А.Р. Финансово-экономическая основа местного самоуправления Казахстана: проблемы и перспективы // А.Р. Солтангазинов // Вестник Университета «Туран». - 2018. - №2. - С. 153-158.

16. Ыдырыс, С.С. Активизация гражданского участия населения в деятельности органов местного самоуправления // С.С. Ыдырыс С, Д.О. Тубекова, С.А. Нахипбекова // Economics: the strategy and practice. - 2023. - №18. - С. 207-219.

17. Жанузакова, Л.Т. Правовые основы обеспечения развития института местного самоуправления в Республике Казахстан на современном этапе // Л.Т. Жанузакова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2021. - №4. - С. 21-30.

18. Сапаргалиев, Г.С. Некоторые соображения о местном самоуправлении в Республике Казахстан // Г.С. Сапаргалиев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2020. - №4. - С. 173-178.

© Р. Кәрім¹, Е.З. Бекбаев², 2025

¹ «МакКинзи и Компания Казахстан» ЖШС, Астана, Қазақстан

² Қонаев университеті, Алматы, Қазақстан

(e-mail: ¹rustem@outlook.com; ²erzat_bek@mail.ru)

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖЕРГІЛІКТІ ӨЗІН-ӨЗІ БАСҚАРУ РЕФОРМАСЫ: ЭСТОНИЯ МОДЕЛІНЕН САБАҚТАР ЖӘНЕ ҚАРЖЫЛЫҚ ТӘУЕЛСІЗДІКТІ ІЗДЕУ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы мен Эстония Республикасындағы жергілікті өзін-өзі басқару институттарының (ЖӨБ) қалыптасуы мен дамуының кешенді талдауы берілген. Тақырыптың өзектілігі қазақстандық заңнаманы жедел жетілдіру қажеттілігімен түсіндіріледі, өйткені жергілікті өзін-өзі басқару құқығы конституциялық түрде бекітілгеніне қарамастан (89-бап) оның ұйымдастырылуы мен қызметін реттейтін арнайы заң ондаған жылдар бойы қабылданбады, ал соңғы заң жобасы 2024 жылы Парламенттен кері қайтарылып алынды. Мақалада жергілікті өзін-өзі басқарудың тереңдетілген салыстырмалы құқықтық сараптамасы жасалып, Еуропалық Хартия ережелері, Қазақстандағы жергілікті өзін-өзі басқару жөніндегі ұлттық заңнаманың және конституциялық нормалардың эволюциясы аясында жергілікті өзін-өзі басқарудың теоретикалық негіздері зерттеледі. Мемлекеттік басқару және өзін-өзі басқару функцияларының біріктірілуі, құзыреттердің анық емес бөлінуі, жергілікті бюджеттердің орталық трансферттерге қаржылық тәуелділігі және соның салдарынан азаматтардың қатысудеңгейінің төмендігі сияқты қазақстандық модельдің негізгі институционалдық проблемалары анықталды. Автономия, цифрландыру және қаржылық орталықсыздандырудың жоғары деңгейімен сипатталатын табысты эстон тәжірибесін талдау негізінде, сондай-ақ ғалымдардың, практиктердің пікірлерінің түйіндемесі және Қазақстандағы заманауи өзін-өзі басқару тәжірибесін далалық зерттеу нәтижелерінің негізінде нақты ұсыныстар тұжырымдалған. Орталық идея – жергілікті өзін-өзі басқарудың атқарушы органдардың құқықтық мәртебесін реформалау. Атап айтқанда, ауылдық немесе қалалық елді мекеннің мемлекеттік қаражаты түріндегі жергілікті өзін-өзі басқарудың атқарушы органдарды құрудың тұжырымдамалық шешімі ұсынылады. Мұндай ұйымдық-құқықтық нысан жергілікті маңызы бар мәселелерді тиімді шешу үшін әр түрлі қаржыландыру көздерін, соның ішінде бюджеттік қаражаттарды, жеке қайырымдылықтар мен гранттарды жинақтауға мүмкіндік бере отырып, жергілікті өзін-өзі басқару органдарының қаржылық тұрақтылығын, ашықтығын және есептілігін арттыруға арналған.

Түйінді сөздер: жергілікті өзін-өзі басқару, институционалдық трансформация, орталықсыздандыру, қаржылық автономия, жергілікті өзін-өзі басқару органдарының құзыреті, жергілікті өзін-өзі басқаруды реформалау.

© R. Karim¹, E.Z. Bekbaev², 2025

¹ «McKinsey & Company Kazakhstan», Astana, Kazakhstan

² Kunaev University, Almaty, Kazakhstan

(e-mail: ¹rustem@outlook.com; ²erzat_bek@mail.ru)

LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORM IN KAZAKHSTAN: LESSONS FROM THE ESTONIAN MODEL AND THE SEARCH FOR FINANCIAL INDEPENDENCE

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the formation and development of local self-government institutions (LSG) in the Republic of Kazakhstan and the Republic of Estonia. The relevance of the topic is due to the urgent need to improve the Kazakh legislation, since, despite the constitutional enshrinement of the right to LSG (Article 89), a special law regulating its organization and activities has not been adopted for decades, and the last bill was withdrawn from the Parliament in 2024. The work

provides an in-depth comparative legal analysis, examines the theoretical foundations of LSG in the light of the provisions of the European Charter, the evolution of national legislation and constitutional norms on LSG in Kazakhstan. The key institutional problems of the Kazakhstan model are identified, such as the merging of public administration and self-government functions, unclear delineation of competencies, critical financial dependence of local budgets on central transfers and, as a consequence, a low level of citizen engagement. Based on the analysis of the successful Estonian experience, characterized by a high degree of autonomy, digitalization and financial decentralization, as well as on the basis of a summary of the opinions of scientists, practitioners and the results of a field study of modern self-government practices in Kazakhstan, specific proposals are formulated. The central idea is to reform the legal status of local self-government executive bodies. In particular, a conceptual solution is proposed to create local self-government executive bodies in the form of public funds of a rural or urban settlement. Such an organizational and legal form is designed to increase the financial sustainability, transparency and accountability of local self-governments, allowing for the accumulation of various sources of funding, including budget funds, private donations and grants, to effectively address issues of local importance.

Keywords: local self-government, institutional transformation, decentralization, financial autonomy, competence of local self-government bodies, local self-government reform.

References:

1. Tokaev, K-Zh. Poslanie narodu Kazakhstana Novyi Kazakhstan: put obnoveniya i modernizatsii ot 16 marta 2022 g. // Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-Kazakhstana-1623953> (data obrashcheniya: 16.05.2025).
2. Svoik, P. Mestnoe samoupravlenie po-kazakhstanski: a chto ne tak? Chast 1 // Retrieved from <https://semey.city/novosti-kazakhstana/43697/> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
3. Vystuplenie A.P. Rau 11 yanvarya 2023 goda v Mazhilise // Retrieved from <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/post-item/36/15958> (data obrashcheniya: 11.02.2025).
4. Gribanova, G.I. Reformy mestnogo samoupravleniya v Estonii: institutsionalnyi kontekst, namereniya i rezultaty // G.I. Gribanova // Baltiyskiy region. - 2020. - №1. - S. 32-53.
5. Peshin, N.L. Osobennosti organizatsii munitsipalnoi vlasti i mestnogo upravleniya v stranakh Zapadnoi Evropy // N.L. Peshin // Mestnoe pravo. - 2019. - №1. - S. 5-18.
6. Chikhladze, L.T. Mestnoe samoupravlenie i mestnoe upravlenie v gosudarstvakh - uchastnikakh Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv: teoriya, praktika i tendentsii razvitiya // L.T. Chikhladze // Zhurnal rossiyskogo prava. - 2013. - №5. - S. 25-34.
7. Bukhvald, E.M. Ekonomicheskie problemy federalizma, regionalnoi politiki i mestnogo samoupravleniya // E.M. Bukhvald // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoi akademii nauk. - 2020. - №1. - S. 51-68.
8. Shchepachev, V.A. O nekotorykh aspektakh sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya publichnoy vlasti // V.A. Shchepachev // Mestnoe pravo. - 2017. - №4. - S. 13-19.
9. Sapargaliev, G.S. O samoupravlenii v Respublike Kazakhstan // G.S. Sapargaliev // Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan. - 2006. - №1. - S. 5-8.
10. Midelskiy, S.L. Kratkaya istoriya mestnogo samoupravleniya v Kazakhstane: traditsii i tendentsii // Retrieved from https://www.regionacadem.org/index.php?id=255&lang=pl&option=com_content&view=article (data obrashcheniya: 11.02.2025).
11. Chebotarev, A.E. Analiticheskiy doklad na temu: «Mestnoe samoupravlenie v Kazakhstane: osobennosti i perspektivy reformirovaniya» // A.E. Chebotarev // — Astana: NAO «Kazakhstanskiy institut obshchestvennogo razvitiya», 2023. - 106 s.
12. Gabdualiev, M.T. K voprosu opredeleniya pravovogo statusa organov mest-

nogo samoupravleniya: postanovka problemy // M.T. Gabdualiev // Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan. - 2012. - №2(26). - S. 46-48.

13. Matveeva, N.Yu. Tseli, metody raboty i vozmozhnosti elektronnoho pravitelstva na primerakh Estonii i Katalonii // N.Yu. Matveeva, E.V. Olshanskaya // POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura. - 2019. - №2. - S. 109-121.

14. Mäeltsemees, S. Local Self-Government in Estonia // S.Mäeltsemees // Administrative Culture. - 2016. - Volume 17. - No 2. - P. 79-109.

15. Soltangazinov, A.R. Finansovo-ekonomicheskaya osnova mestnogo samoupravleniya Kazakhstana: problemy i perspektivy // A.R. Soltangazinov // Vestnik universiteta «Turan». - 2018. - №2. - S. 153-158.

16. Ydyrys, S.S. Aktivizatsiya grazhdanskogo uchastiya naseleniya v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya // S.S. Ydyrys, D.O. Tubekova, S.A. Nakhimbekova // Economics: the strategy and practice. - 2023. - №18. - S. 207-219.

17. Zhanuzakova, L.T. Pravovye osnovy obespecheniya razvitiya instituta mestnogo samoupravleniya v Respublike Kazakhstan na sovremennom etape // L.T. Zhanuzakova // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. - 2021. - №4. - S. 21-30.

18. Sapargaliev, G.S. Nekotorye soobrazheniya o mestnom samoupravlenii v Respublike Kazakhstan // G.S. Sapargaliev // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. - 2020. - №4. - S. 173-178.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Кәрім Рүстем Кәрімұлы – хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, «МакКинзи и Компания Қазақстан» ЖШС операциялық қызмет үйлестірушісі, Достық көшесі, 16, 010016, Астана, Қазақстан.

E-mail: rustem@outlook.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3109-8887>.

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич - заң ғылымдарының докторы, Қонаев университетінің «Құқық» бағыты бойынша профессоры, Құрманғазы көшесі, 107, 050000, Алматы, Қазақстан

E-mail: erzat_bek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3958-2795>, SPIN 7905-8016.

Кәрім Рүстем Кәрімұлы – автор для корреспонденции, магистр юридических наук, координатор по операционной деятельности ТОО «МакКинзи и Компания Казахстан», ул. Достык, 16, 010016, Астана, Казахстан.

E-mail: rustem@outlook.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3109-8887>.

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич - доктор юридических наук, профессор по направлению «Право» Университета Кунаева, улица Курмангазы, 107, 050000, Алматы, Казахстан.

E-mail: erzat_bek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3958-2795>, SPIN 7905-8016.

Karim Rustem Karimuly – corresponding authors, Master of Juridical sciences, Coordinator of Operations of McKinsey & Company Kazakhstan LLP; 16 Dostyk Street, 010016, Astana, Kazakhstan.

E-mail: rustem@outlook.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3109-8887>.

Bekbaev Erzat Zeinullayevich - Doctor of Law, Professor in the field of "Law" at Kunaev University, 107 Kurmangazy Street, 050000, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: erzat_bek@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3958-2795>, SPIN 7905-8016.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЗАҢНАМА ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚПАРАТ
ИНСТИТУТЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НӨМІРІ 3(2025), 23-36

ӘОЖ 342.39

FTAMP 10.07.00

DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_23

Ғылыми мақала

© Г.С. Рысжанова^{1*}, Б. Ахмет², Е.Б. Абдрасулов³, 2025

¹ Қарағанды облысы бойынша Қазақстан Республикасының

Сот әкімшілігінің департаменті, Қарағанды, Қазақстан

² М.Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті, Петропавл, Қазақстан

³ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

(e-mail: ¹g.s.ryszhanova@mail.ru; ²bekaahmetova@gmail.com; ³aermek_19@mail.ru)

СОТТЫҢ ҚҰҚЫҚ ШЫҒАРУ МӘСЕЛЕСІНІҢ ТЕОРИЯСЫ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЖОҒАРҒЫ СОТЫНЫҢ НОРМАТИВТІК ҚАУЛЫЛАРЫ

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларының құқықтық табиғаты, құқық жүйесіндегі орны және олардың құқық шығармашылығындағы рөлі жан-жақты зерттеледі. Авторлар Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары тек сот практикасын біріздендіру құралы ғана емес, сонымен қатар ұлттық құқықты дамытудың маңызды құқықтық тетігі екенін негіздейді. Мақалада осы қаулылардың құрылымдық ерекшеліктері, құқық нормаларын қалыптастырудағы маңызы және олардың құқықтық реттеудегі орнына қатысты теориялық және практикалық көзқарастар талданады. Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары Қазақстанның құқық жүйесінде ерекше орын алады. Олар сот практикасында туындайтын құқықтық олқылықтарды толтырып, заң нормаларын түсіндіру мен нақтылау арқылы құқық қолдану саласына елеулі ықпал етеді. Сонымен қатар, бұл қаулылардың белгілі бір дәрежеде жаңа құқықтық ережелер қалыптастыратындығы туралы ғылыми пікірлер де назарға алынады. Мақалада осы пікірлерге салыстырмалы-талдамалық тәсілмен баға беріліп, олардың теориялық негіздері мен практикалық маңыздылығы қарастырылады. Зерттеу барысында формальды-заңдық, жүйелік-құрылымдық, салыстырмалы-құқықтық және тарихи-құқықтық әдістер қолданылды. Авторлар Жоғарғы Сот қаулыларының мәтіндерін, олардың қабылдану тәртібі мен құрылымын, сондай-ақ қаулылар арқылы қалыптасатын құқықтық ұстанымдарды жүйелі түрде талдайды. Сонымен қатар, Германия, Ресей және Түркменстан елдерінің сот құқық шығармашылығы тәжірибелерімен салыстырулар жүргізіледі. Мақалада сот билігінің құқық шығармашылығына қатысуы мен оның заң шығару билігімен арақатынасы мәселелері де қозғалады. Бұл контексте Жоғарғы Сот қаулыларының құқық көзі ретіндегі мәртебесі, олардың заңдық күші және нормативтік құқықтық актілер иерархиясындағы орны зерттеледі. Авторлар нормативтік қаулыларды құқық жүйесінің бір бөлігі ретінде заңнамалық тұрғыда нақтылау қажеттігін алға тартады және осы бағытта нақты ұсыныстар ұсынады. Бұл мақала сот құқық шығармашылығын зерттеу саласындағы ғылыми ізденістерді тереңдетуге, сондай-ақ нормативтік қаулылардың құқықтық мәртебесін қайта қарау мәселесін күн тәртібіне қоюға арналған өзекті еңбектердің бірі болып табылады.

Түйінді сөздер: Жоғарғы Сот, Нормативтік қаулы, құқық шығармашылығы, құқықтық ұстаным, құқықтық акт, құқық көзі, сот практикасы, құқық жүйесі, құқықтық реттеу, құқықтық олқылық.

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: bekaahmetova@gmail.com.

Кіріспе

Сот билігінің құқық шығармашылығындағы орны мен рөлі – қазіргі құқық теориясы мен сот практикасының өзекті мәселелерінің бірі. Билікті бөлу қағидасына сәйкес, құқық шығару қызметі Парламентке тән деп есептеледі, ал сот органдары тек құқықты қолданушы ретінде қабылданады. Алайда заманауи құқықтық мемлекеттерде бұл ұстаным шартты сипатқа ие бола бастады. Сот билігінің құқық нормаларын нақтылау, толықтыру және белгілі бір дәрежеде қалыптастыру әрекеттері заң шығару процесіне жанама түрде ықпал ете отырып, ұлттық құқық жүйесінің дамуына серпін береді.

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары осы тұрғыда ерекше маңызға ие. Олар тек сот практикасын жүйелеудің құралы ғана емес, сонымен қатар қолданыстағы заңнаманы нақтылау және құқықтық олқылықтарды толтыру арқылы заңдарды қолдану тиімділігін арттыруға бағытталған құқықтық актілер болып табылады. Бұл қаулылардың нормативтік құқықтық актілер ретінде заңды күші бар және олардың мазмұны жаңа құқықтық ережелердің қалыптасуына ықпал ететіндігі туралы пікірлер ғылыми қауымдастықта кең талқыланды.

Аталған мақалада соттың құқық шығару қызметі жөніндегі теориялық көзқарастарға талдау жасалып, Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларының құқық жүйесіндегі орны мен мәні қарастырылады. Сонымен қатар, бұл қаулылардың құқық нормаларын қалыптастырудағы ерекшеліктері мен олардың ұлттық заңнаманы жетілдірудегі рөлі бағамдалады. Осы мақсатта отандық және шетелдік құқықтық доктриналар, нормативтік құқықтық актілер мен сот практикасы негізінде кешенді ғылыми зерттеу жүргізіледі.

Әдістер мен материалдар

Зерттеу барысында формальды-заңдық, жүйелік-құрылымдық, салыстырмалы-құқықтық, логикалық және тарихи-құқықтық әдістер

қолданылды. Бұл әдістер Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларының құқықтық табиғатын, олардың заңнамалық актілер жүйесіндегі орнын және ұлттық құқықты жетілдірудегі рөлін анықтауға мүмкіндік берді.

Материалдар ретінде Қазақстан Республикасының (бұдан әрі – ҚР) Конституциясы, «Құқықтық актілер туралы» және «Сот жүйесі және судьялардың мәртебесі туралы» заңдар, Азаматтық және Қылмыстық іс жүргізу кодекстері, ҚР Президентінің Сот әкімшілігі туралы Жарлығы, сондай-ақ Жоғарғы Соттың 2006–2022 жылдар аралығындағы нормативтік қаулылары пайдаланылды.

Нәтижелер мен талқылаулар

Заң шығару және құқық шығару қызметінің субъектілері болып табылатын негізгі мемлекеттік органдарды қарастыра отырып, оның ұлттық заңнаманы дамытуға және жетілдіруге қатысуының деңгейін анықтау үшін сот билігінің қызметін талдауға көшейік.

Билікті бөлу теориясы заңнамалық функциялардың Парламентке тиесілі екендігін, Үкіметтің атқарушықұзыреттерді жүзеге асыратындығын және заңның дамуына үлес қосатын заңға тәуелді актілерді қабылдайтынын қарастырады. Бұл тұжырымдама бойынша, сот билігі жаңа құқық нормаларын шығармайды, яғни ұлттық заңнаманы қалыптастыруға қатыспайды, тек нақты істер бойынша шешімдер қабылдап, сот төрелігінің жұмыс істеуін қамтамасыз етуде заңдар мен заңға тәуелді актілердің белгіленген нормаларын қолданумен айналысады.

Аталған тұжырымдама ҚР Конституциясының 3-бабы 4-тармағында көрсетілген. ҚР Негізгі заңының нормаларында Республикадағы мемлекеттік билік заң шығарушы, атқарушы және сот деп билік тармақтарына бөлу принципіне сәйкес жүзеге асырылатындығы белгіленген. Сонымен бірге Конституцияда мемлекеттік билік тежемелік әрі тепе-теңдік жүйесін қолдана отырып, билік тармақтарының өзара әрекеттесуі негізінде жүзеге асырылады¹ деп жазылған.

¹ Қазақстан Республикасының Конституциясы (1995 жылы 30-тамызда республикалық референдумда қабылданған) // URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K950001000_ (жүгінген күні: 18.07.2025).

Бұл сот билігінің тәуелсіздігі абсолютті бола алмайтындығын білдіреді, өйткені ол өз функцияларын жүзеге асыруда басқа мемлекеттік органдармен өзара әрекеттеседі және көбінесе мемлекеттік биліктің бірлігі негізінде олармен өзара байланысты болады. Осындай байланысы болғандықтан, аталған өзара іс-қимыл барысында сот билігі ұлттық заңнаманы қалыптастыруға және дамытуға қатысады. Дей отыра, сот билігі Қазақстан Республикасының құқық жүйесін құруға және жетілдіруге өзара іс-қимыл процесі арқылы ғана әсер етіп қоймайды. Сот билігінің өз өкілеттіктері оған жаңа құқықтық нұсқамалар жасауға және қазақстандық заңнаманы дамытуға қатысуға мүмкіндік береді [1, с. 6].

Алайда соттың құқық шығару мәселесі бойынша даулар көне заманнан бері тоқтаған жоқ, өйткені соттың жаңа құқықтық нормаларды құруға қатысуы билікті бөлу теориясына қайшы келетін сияқты болып тұрады. Басқа жағынан қарасақ, заңның құқықтық табиғаты, оның абстрактілік дәрежесі көбінесе судьялардың қалауы бойынша қарау қажеттілігіне әкеліп соғады, нәтижесінде бұл судьялар құқығының пайда болуына себепші болады.

Бұл туралы К. Левеллин былай деп жазды: «заң шығарушы ережені тіпті бір нұсқада тұжырымдауды жасады делік, барысында ереженің реттейтін жағдайлары оған жақсы таныс болды делік және содан бері олар өзгерген жоқ деп есептесек те, бәрібір бір күні күмәнді жағдай туындайды, яғни позитивті құқықтың одан жоғары позитивті (надпозитивный) құндылықтарға сәйкестігі тұрғысынан судьяның өзіндік бағалауға жүгіну арқылы шешу керектігі туындайды» [2].

Француз заң ғылымы мен практикасының өкілдері сот билігінің қолданыстағы құқықты қалыптастыру мен дамытуға қатысу қажеттілігі туралы одан әрі түбегейлі пікір білдіріп, судьяның заң мен оның нормаларын нақты және дәл болған кезде қолдануы керек екенін баса айтты. Дегенмен де, егер судья құқықтық нұсқамалардың мазмұнына күмәнданып жатса, судья құқық қалыптастырушылықпен шектесетін

кеңейтілген түсіндіруге жүгінуге құқылы. Бұл жерде жаңа құқықтық нормалардың құрылатындығы туралы айтылып отыр, бұлай айтудың себебі, Балло-Бопре Француз сот практикасының өкілі бола отырып, судьяларды қажет болған жағдайда қолданылатын заңнамалық мәтіндерді «әділеттілік, ақыл және қазіргі өмір талаптарына» бейімдеуге шақырды [3, с. 120].

Соттың құқық шығаруының қажеттілігі мен орындылығын негіздейтін ресейлік зерттеушілер соттың құқық шығару мүмкіндігі немесе болмауы керек екені туралы мәселені қозғаудың өзі орынсыз дейді. Бүгінгі таңда соттың құқық шығару фактісі барлық дерлік жерде танылды, сондықтан осыған байланысты пікірталастар оның басқа тақырыптары жайлы жүргізілуі керек екендігін айтады. Мәселен, соттың құқық шығарудағы шегі қандай, оның құқықтық табиғатының ерекшеліктері қандай, сот билігінің заңнаманы жетілдіруге және дамытуға қатысуы қандай формаларда жүзеге асырылады деген сияқты мәселелері [3, с. 118].

Қазақстандық конституциялық практика бұдан бұрын да сот билігінің құқық шығаруға қатысу мүмкіндігін заңнамалық деңгейде бекітуді ҚР Жоғарғы Сотының Республиканың қолданыстағы құқығын білдіретін нормативтік қаулыларды қабылдауы арқылы белгілеген болатын [4, с. 78].

Құқық туралы әдебиеттерде ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларына қолданыстағы құқық мәртебесінің берілуі, сондай-ақ нормативтік қаулыларды «Құқықтық актілер туралы» заңның 7-бабы 2-тармағына сәйкес², нормативтік құқықтық актілердің негізгі түрлеріне жатқызылуы кей кездері сынға ұшырайды. Солардың ішінен айтатын болсақ, мәселен Л. Чантурия ҚР Жоғарғы Сотына нормативтік қаулылар түрінде нормативтік құқықтық актілер шығару құқығын беру фактісінің күмәнді және бұрыс екенін атап өтті.

Біріншіден, оның пікірінше, Жоғарғы Сотта биліктің шамадан тыс шоғырлануы байқалады, ол бір уақытта құқық қолдану және құқық шығару органы бола алады.

² Құқықтық актілер туралы Қазақстан Республикасының 2016 жылғы 6 сәуірдегі №480-V Заңы // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000480> (жүгінген күні: 18.07.2025).

Екіншіден, нормативтік қаулылар көбінесе «соттар есеруі керек» деген сөздермен бірге жүру фактісі құқықтың екі жүйесінің пайда болуына әкелуі мүмкін, яғни соттар бір нормативтік қаулыларды қолданса, өзге органдар сол санаттағы істерге басқа нормативтік құқықтық актілерді қолдануы орын алуы мүмкін.

Үшіншіден, нормативтік құқықтық актілерді шығару үшін халықпен сайланған Парламентпен салыстырғанда, сот билігінде заңдастырудың қажетті дәрежесі жоқ.

Төртіншіден, Жоғарғы Соттың заң шығару және құқық шығару жұмысы бойынша тәжірибесі жоқ, нормативтік қаулыларды дайындауды және қабылдауды қамтамасыз ететін мамандары, тиісті институттары, бөлімдері жоқ.

Бесіншіден, Л.Чантурияның ойынша, сот органының кез-келген құқықтық актісі тек күресу (қарсыласу) процесінің нәтижесінде қабылдануы керек, бұл керек деп отырғанымыз нормативтік қаулыларды қабылдау формасына келмейді.

Алтыншыдан, сот шешімдері тек заң негізінде қабылдануы керек.

Жетіншіден, нормативтік қаулыларды қабылдау кезінде актіні тіркеуші орган – Әділет министрлігі тарапынан ҚР заңдарына сәйкестікке және конституциялық бақылау органы тарапынан ҚР Конституциясына сәйкестікке ықпал етудегі бақылау қамтамасыз етілмейді.

Сегізіншіден, ережелер олқылықтарды қамтуы мүмкін және көбінесе дер кезінде шығарылмайды [5, с. 169-170].

Бұл мәлімдемелермен толық келісу қиын, сондықтан Еуропалық адам құқықтары сотының судьясы, профессор Л.Чантурияның ұстанымдарын дұрыс деп санауға келмейтін өз аргументтерімізді келтірейік. Сонымен сот билігі нормативтік қаулылар шығарған кезде құқық қолдану және құқық шығару қызметімен айналыса отырып, өз қолында үлкен билікті шоғырландырады деген пікір биліктің басқа тармақтары да екі немесе одан

да көп стратегиялық функцияларды орындай алатындығына байланысты дұрыс емес. Мысалы, ҚР Үкіметі, түрлі министрліктер мен ведомстволар заң нормаларын орындай отырып, құқық қолдану және құқық шығару қызметтерімен де айналысады. Осы жағдайда Үкіметте биліктің шамадан тыс шоғырлануы туралы ешкім ешқашан айтпайды.

Нормативтік қаулыларды шығару және оларды «соттар ескеруі керек» деген сөздермен сүйемелдеу құқықтың екі жүйесінің пайда болуына әкелуі мүмкін деген алаңдаушылық негізсіз. Құқық туралы әдебиеттерде айтылғандай, Жоғарғы Сот нормативтік қаулылар қабылдау арқылы тек соттар үшін емес, сонымен бірге сот процесіне қатысатын барлық субъектілер үшін ережелер жасайды. Олар жедел-ізвестіру және бақылау-қадағалау құзыреттері бар органдар үшін міндетті болып табылатын болады. Бұған прокуратура, анықтау және алдын ала тергеу органдары, өртке қарсы қызметтер, шекара қызметтері, кедендік органдар, санитарлық-эпидемиологиялық қызметтер және т.б. кіреді [6].

Мәселен, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының «Жеке айыптау істері бойынша сот практикасы туралы» 2006 жылғы 25 желтоқсандағы №13 нормативтік қаулысының 6-тармағы анықтау органдарын, тергеушіні және прокурорды жеке айыптау істері бойынша шағымдар түскен кезде оларды Сотқа дейінгі тергеп-тексерулердің бірыңғай реестріне тіркеуге және солар бойынша үш күн ішінде шұғыл тергеу әрекеттерін жүргізуге міндеттейді³.

Жоғарғы Сот нормативтік қаулылар шығара алмайды, өйткені сот билігінде Парламенттікі сияқты қажетті заңдастырудың қажетті дәрежесі жоқ деген тезиске қатысты Л. Чантурияның үшінші аргументі де сынға төтеп бере алмайды. Әрине Парламент өз құзыретіндегі заңдастырудың үлкен дәрежесіне ие, әйтсе де бұл заңдастыру Парламентке заң шығаруға мүмкіндік береді.

Осы мәселе бойынша Жоғарғы Сотқа келетін болсақ, оның нормативтік

³ «Жеке айыптау істері бойынша сот практикасы туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2006 жылғы 25-желтоқсандағы N 13 Нормативтік қаулысы (11.12.2020 ж. уақытына қарай өзгерістермен және толықтырулармен) // URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P06000013S_ (жүгінген күні: 18.07.2025).

құқықтық актінің заң деңгейінде қабылдау туралы емес, нормативтік құқықтық актінің тек заңға тәуелді реттеу деңгейінде қабылдау туралы айту керек. Үкіметте де Парламенттікі сияқты заңдастыру дәрежесі жоқ. Дегенмен бұл ҚР Үкіметінің нормативтік мазмұндағы заңға тәуелді актілерді қабылдауына кедергі болып табылмайды. Демек ҚР Жоғарғы Соты да осындай өкілеттіктерге ие бола алады.

Л.Чантурияның Жоғарғы Соттың заң шығару және құқық шығару жұмысында тәжірибесі жоқ, нормативтік қаулыларды дайындауды және қабылдауды қамтамасыз ететін тиісті институттары, бөлімдері, мамандары жоқ деген төртінші дәлелі де сын көтермейді.

Біріншіден, сот билігі өкілдерінің заң шығару процесіне тиімді қатысуын біз диссертацияның келесі бөлімдерінде қарастыратын боламыз. Екіншіден, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының, Астанадағы, республикалық маңызы бар қалалардағы және облыстардағы жергілікті және басқа да соттардың аумақтық бөлімшелерінің қызметін ұйымдық-құқықтық, ақпараттық-талдамалық және материалдық-техникалық қамтамасыз етуді жүзеге асыратын Жоғарғы Сот жанынан Сот әкімшілігі жұмыс істейді. ҚР Президентінің 2023 жылғы 19-қаңтардағы Жарлығымен бекітілген Сот әкімшілігі туралы ережеге сәйкес, Сот әкімшілігінің негізгі функцияларының бірі – Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларының жобаларын әзірлеу. Сот әкімшілігі осы функцияны жүзеге асыруда заң жобалау, сараптамалық, зерттеу жұмыстарын орындау және консультациялар беру үшін белгіленген тәртіппен ғылыми ұйымдарды, мемлекеттік және өзге де органдардың, мекемелер мен ұйымдардың қызметкерлерін, мамандар мен сарапшыларды тарта алады. Бұдан басқа, ол Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларының жобаларын дайындау

жөніндегі функцияны жүзеге асыру үшін консультативтік-кеңесші органдарды, ведомствоаралық жұмыс топтарын, сараптамалық комиссияларды құра алады⁴.

Үшіншіден, нормативтік құқықтық актілерді қабылдау рәсімі Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2007 жылғы 7-наурыздағы жалпы отырысының Регламентінде белгіленген, онда құқық шығару жұмысының барлық аспектілері қамтылған. Осылайша Регламенттің 2-тарауында сот практикасын зерделеу, нормативтік қаулыларды қабылдау бойынша жалпы отырысты дайындау және өткізу тәртібі айқындалады⁵.

ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларын қабылдау мүмкіндігін жоққа шығаратын және сот органының кез келген құқықтық актісі тек қарсыласу процесінің нәтижесінде қабылдануы тиіс деген тезистің де жеткілікті теориялық және практикалық негізі жоқ. Мәселен, ҚР Азаматтық процестің кодексінің 138-бабына сәйкес, судья қарсыласу процесінің белгілері жоқ болса да, сот бұйрығын шығару туралы арызды қабылдаудан бас тартуға немесе қайтаруға қатысты Анықтау формасында сот актісін қабылдай алады, егер мысалы жауапкердің тұрғылықты жері немесе орналасқан жері Қазақстан Республикасынан тыс жерде болса, арыз мемлекеттік бажмен төленбеген және т.с.с. жағдайларда⁶.

Басқа жағынан алсақ, салыстырмалы түрдегі қарсыласу, керісінше біздің ойымызша ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларын қабылдау кезінде байқалады, өйткені Сот әкімшілігі дайындаған нормативтік қаулылардың жобалары Жоғарғы Соттың судьяларына, Конституциялық Соттың Төрағасына, Бас Прокурорға, Әділет министріне, Қазақстан Республикасы Президентінің Әкімшілігіне, облыстық соттарға, Судьялар одағына, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы ғылыми-консультативтік кеңес мүшелеріне және басқа да мүд-

⁴ «Қазақстан Республикасы Сот әкімшілігінің кейбір мәселелері туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2023 жылғы 19 қаңтардағы №106 Жарлығы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2300000106> (жүгінген күні: 18.07.2025).

⁵ Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жалпы отырысының Регламенті Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жалпы отырысының 7 наурыздағы 2007 жылғы қаулысымен БЕКІТІЛДІ. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P070000001S> (жүгінген күні: 18.07.2025).

⁶ Қазақстан Республикасының Азаматтық процестің кодексі 2015 жылғы 31 қазандағы №377-V ҚРЗ. //URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1500000377> (жүгінген күні: 18.07.2025).

делі тұлғалар мен ведомстволарға танысу және жалпы отырысқа дейін 2 айдан кешіктірмей ескертулер мен ұсыныстар алу үшін жіберіледі. Жоба Жоғарғы Соттың веб-сайтының «Жоғарғы Соттың жалпы отырысы» айдарында орналастырылады. Қажет болған жағдайда нормативтік қаулының жобасы жариялық талқылау үшін мамандандырылған құқықтық басылымдарда жариялануы мүмкін және оны апробациялау жергілікті соттарға барып жүргізіледі⁷.

Еуропалық адам құқықтары сотының судьясы Л.Чантурияның сот шешімдері тек заң негізінде қабылдануы керек, сондықтан Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларын соттар қолдана алмайды деген сынында айтылған алтыншы тезисін негіздеуге келмейді деуге болады, өйткені бұл жағдайда заң сөзі ұлттық заңнаманың бүкіл жүйесін білдіреді. Судья шешім қабылдау барысында заңдардың ережелерін егжей-тегжейлендіретін және нақтылайтын заңға тәуелді актілерді айналып өте алмайды. Мысалы, судья әскери қызметшілерге жауынгерлік кезекшілік жүргізу ережелерін бұзғаны үшін үкім шығара алмайды⁸, егер осы Заңға тәуелді құқықтық актіні талдамаса⁹ және бұл ережелердің қай бөлігінде бұзылғанын анықтамаса және оны сот шешімінде көрсетпесе.

Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары ешқандай бақылауға алынбайды деген аргументпен де келісу қиынға соқтырады. ҚР Конституциясына және ҚР Конституциялық Соты туралы ҚР Конституциялық заңына сәйкес, Конституциялық Сот азаматтардың өтініштері бойынша олардың Қазақстан Республикасының Конституциясында бекітілген құқықтары мен бостандықтарын тікелей қозғайтын Қазақстан Республикасының құқықтық актілерін Қазақстан Республикасының Конституциясына сәйкестігіне қарайды. Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары ҚР құқықтық актілер туралы заңына сәйкес негізгі нормативтік

құқықтық актілерге жатқызылғандықтан, олар Конституциялық Сотпен ҚР Конституциясына сәйкестігі тұрғысынан қаралуы мүмкін. Бұл Қазақстан Республикасы Президентінің, Бас прокурордың, Адам құқықтары жөніндегі уәкілдің Конституциялық Сотқа Қазақстан Республикасының барлық нормативтік құқықтық актілерінің (Бас прокурордың өтініші) Республика Конституциясына немесе Конституцияда бекітілген адам және азаматтың құқықтары мен бостандықтарын қозғайтын нормативтік құқықтық актілерге (Адам құқықтары жөніндегі уәкіл) сәйкестігі тұрғысынан берген өтініштеріне де қатысты.

Профессор Л.Чантурияның Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларында олқылықтар болуы мүмкін және нәтижесінде оларды қабылдауға болмайды деген соңғы дәлелінің теориялық мәні жоқ. Нормативтік құқықтық актілерде, заңдарды қоса алғанда, олқылықтардың болуы құқықтық реттеу жүйесінде жиі кездесетін құбылыс. Оның объективті де, субъективті де себептері бар. Алайда бұл олқылықтар болуы мүмкін деген қорқынышқа сілтеме жасай отырып, заңдар мен басқа да нормативтік құқықтық актілерді, Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларын қоса алғанда, шығарудан бас тартудың керегі жоқ.

Алайда шетелдік ғалымдар мен практиктер ғана емес, кейбір қазақстандық зерттеушілер де ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларды шығаруына қарсы. Осы мәселе бойынша А.Е. Абдрасулова Жоғарғы соттың негізгі қызметі сот төрелігі болуы керек, ал нормативтік құқықтық актілерді шығару оның қызмет салаларынан шығарылуы керек деп санайды. Бұл ретте автор бұрынғы КСР Одағы мемлекетін мысалға келтіреді, олардың құрамындағы барлығы дерлік жоғары сот органдарымен императивті сипаттағы әртүрлі нормативтік мазмұндағы актілердің қабылдануынан бас тартты, Түркменстанды қоспағанда,

⁷ Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жалпы отырысының Регламенті Қазақстан Республикасы Жоғарғы Соты жалпы отырысының 7 наурыздағы 2007 жылғы қаулысымен БЕКІТІЛДІ. //URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P070000001S> (жүгінген күні: 18.07.2025).

⁸ Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі №226-V ҚРЗ. //URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226>.

⁹ «Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің, басқа да әскерлері мен әскери құралымдарының жалпыәскери жарғыларын бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Президентінің 2007 жылғы 5 шілдедегі N 364 Жарлығы. //URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U070000364_ (жүгінген күні: 18.07.2025).

оның Жоғарғы Соты бүгінгі күнге дейін міндетті бұйрық түрінде соттар үшін басты түсініктемелер қабылдайды [7, с. 18].

Жалпы мұндай ескертудің маңыздылығын атай отырып, Германия Жоғарғы Сотының сот практикасының біркелкілігін қамтамасыз етудегі тәжірибесін талдай отырып, ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларына да тоқталған басқа шетелдік зерттеушілердің пікірін де көрсетпеске болмас. Олар нормативтік құқықтық актіні қабылдау негізінде құқықтың жаңа нормаларын құру сот билігі қызметінің басты формасы болып табылмайтынына қарамастан, сот билігі жұмысының қосымша бағыты ретіндегі мұндай құзыреттің ҚР сот төрелігін іске асыру процесінің тиімділігін қамтамасыз ететінін атап өтті. Бұны Парламенттің заңнамалық функциялары сот төрелігін жүзеге асырудың сапасын толық қамтамасыз ете алмайтындығымен байланыстырады, өйткені сот практикасы Парламенттің заңнамалық актілерін толықтыратын, анықтайтын, нақтылайтын және егжей-тегжейлендіретін Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларын қажет етеді. Нормативтік қаулылар әмбеде заңдардың мәнін өзгертпейді, яғни заңдарға жаңа құқықтық нұсқамалар енгізбейді [8].

Жоғарыда аталған пікір негізінен дұрыс, алайда Жоғарғы Соттың нормативтік қаулысына жаңа бір нәрсе енгізбесе, оның шығарылуы құры бос әрекет: нормативтік қаулының мазмұны қарапайым түсіндіруге айналады.

Осыған мәселеге байланысты Ж.Н.Баишевтің ұстанымы дұрысырақ көрінеді, ол Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларында жаңа құқық нормаларын құру мүмкіндігі туралы мәселені көтере отырып, оның күрделілігін және біржақты жауаптың жоқтығын айтады. Және де нормативтік қаулылар заң жүзінде нормативтік құқықтық актілер болып табылады деген ереженің дау тудырмайтындығы автоматты түрде оларда құқықтың жаңа нормалары бар деген логикалық қорытындыға әкеледі. Нормативтік құқықтық актіде, тіпті

нақтылау немесе анықтау сипатында болса да, жаңа ережелердің болмауы мүмкін емес. Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары әртүрлі тұрғыдан көбінесе стандартты, классикалық нормативтік құқықтық актілерге ұқсамауы мүмкін, бірақ нормативтік қаулылардың құрылу ерекшелігі олардың құқықтың жаңа нормаларын жасайтындығын және ұлттық заңнама жүйесін жетілдіретіндігін жоққа шығармайды [9].

ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларындағы құқық нормаларының құрылу формалары Е.Б. Абдрасуловпен жақсы зерттелді, ол құқық нормаларының құрылу ерекшелігін атап өтіп, сонымен бірге талданатын құқықтық құжаттарда құқық нормаларының құрылымын классикалық формада құру мүмкіндігін де көрсетті. Оларда гипотезаны, диспозицияны және құқықтық қатынастардың санкциясын анықтауға болады.

Мысалы, Жоғарғы Соттың 2007 жылғы 25 желтоқсандағы Нормативтік қаулысында¹⁰ құқықтық нормалардың дәстүрлі формада құрылғандығын көруге болатын көптеген тармақ бар. 25 тармақтағы шығарылу санының (таралымының) ұлғаюы типографияның өзіне байланысты жағдай – гипотеза болса, белгіленген ереже диспозиция болады, бұл жағдайда баспа ұйымы контрафактілік сипаттағы өнімді дайындау субъектісі ретінде танылады. Норманың санкциясы ретінде жауапкершілік болады, ол нормативтік қаулының ережелерінде басқа нормативтік құқықтық актіге сілтеме жасай отырып көзделген. Берілген мысалда құқықтық ережелердің классикалық құрылымдық бөліктерін анықтау үшін белгілі бір логикалық әрекеттерді жасау қажеттілігі жоқ. Оларды бірден байқауға болады [10].

Құқық нормасының құрылымдық бөліктерін классикалық формада құрылуын Жоғарғы Соттың 2022 жылғы 21 сәуірдегі «Соттардың мемлекеттік сатып алу туралы заңнаманы қолдануы туралы» нормативтік қаулысынан да көруге болады. Нормативтік қаулының 2-тармағының 5 абзацы талапкердің конкурс қорытындыларын заңсыз деп

¹⁰ «Соттардың авторлық құқық және сабақтас құқықтарды қорғау жөніндегі заңнаманың кейбір нормаларын қолдануы туралы» 2007 жылғы 25 желтоқсандағы №11 Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысы //URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P07000011S_ (жүргінген күні: 18.07.2025).

тану және жасалған мемлекеттік сатып алу туралы шартты жарамсыз деп тану талабының сәтімен айқындалатын норманың қолданылу талабынан басталады. Норманың диспозициясы мұндай талаптарды ӘРПК-ң 156-бабындағы ережелердің талаптарын ескере отырып, мамандандырылған ауданаралық әкімшілік сотта қарауды көздейді¹¹.

Көп жағдайда нормативтік қаулыларда сол немесе өзге заң нормаларының құрылымдық бөліктері нақтыланады, осының негізінде ұлттық заңнама нормаларын дамыту мен жетілдіру қамтамасыз етіледі. Оны мысал арқылы көрсететін болсақ, ҚР Жоғарғы Сотының 2022 жылғы 26-мамырдағы «Соттардың атқарушылық жазбаға дау айту бойынша істерді қарау кезінде заңнаманы қолдануы туралы» нормативтік қаулысының 3-тармағында АПК-ң 364 бабы 1-тармағының нотариаттық әрекет жасаудан бас тарту туралы ережелері нақтыланады. Нормативтік қаулының 3-тармағында атқарушылық жазба жасаудан құқыққа сыйымсыз түрде бас тарту ұғымы ашылады, бұл негіз бойынша бас тарту деп түсініледі және нотариат саласындағы қатынастарды реттейтін заңнамада көзделмеген¹².

Қылмыстық-процестік қатынастарды реттеу саласындағы ұлттық заңнама нормаларының дамуы мен жетілдірілуін ҚР Жоғарғы Сотының 2020 жылғы 24-қаңтардағы «Бұлтартпау шараларын санкциялаудың кейбір мәселелері туралы (22.12.2022 ж. жағдай бойынша өзгерістермен және толықтырулармен)» нормативтік қаулысының ережелерінен байқауға болады. Осы құқықтық актіде ҚПК-ң 151 бабының қамауда ұстау мерзімін ұзарту туралы өтінішхатқа қатысты ережелерін нақтылау қамтамасыз етілген. Мұндағы нақтылау тергеу

судьясының назарын күдіктіні қамауда ұстау мерзімінің аяқталуы оны ұзартуға негіз болып табылмайтындығына аударуға бағытталған. Сотқа дейінгі тергеп-тексеру органының сот алдында қамауда ұстау мерзімін ұзартудағы негіздемелерді растайтын дәлелдемелерінің болуы міндетті¹³.

ҚР ҚПК нормаларын қолданудың тиімділігіне бағытталған тура осындай мазмұнды ҚР Жоғарғы Сотының 2020 жылғы 11 желтоқсандағы «Жасырын тергеу әрекеттерін санкциялау туралы» нормативтік қаулысы да қамтиды. Онда, нақты айтқанда, ҚР ҚПК-ң 232-бабында көрсетілген үшінші тұлға ұғымы нақтыланады және егжей-тегжейленеді. Нормативтік қаулыда кез келген жеке тұлға (мысалы, күдіктінің туыстары, достары, таныстары), ҚПК-ң 232-бабының сегізінші бөлігінде көрсетілгендей жәбірленуші мен адвокатты қоспағанда, іс үшін маңызы бар ақпаратты алатын немесе беретін тұлға үшінші тұлға деп түсінілуі тиіс екені түсіндіріледі¹⁴.

ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларының мазмұнын талдау олардың ұлттық заңнаманы жетілдіру мен дамытудағы рөлін асыра бағалау қиын екенін көрсетеді. Профессор М.Т. Әлімбеков нормативтік қаулылардың реттеуші сапасын айта отырып, нормативтік қаулылардың жеке және заңды тұлғалардың едәуір санына және адам мен қоғам өмірінің әртүрлі салаларындағы бірқатар жағдайларға нормативтік-ұйымдастырушылық әсерінің маңызды рөлі туралы атап өтті. Сонымен қатар автор нормативтік қаулылардың заңдық күшінің деңгейі ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларында түсіндірілетін заңдардың күші мен мәніне сәйкес келеді деп пайымдайды [11].

Осындай тұжырыммен келісе отырып, мұндай көзқарас ҚР Құқықтық

¹¹ «Соттардың мемлекеттік сатып алу жөніндегі заңнаманы қолдануы туралы» 2022 жылғы 21 сәуірдегі №4 Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысы // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P220000004S> (жүгінген күні: 18.07.2025).

¹² «Соттардың атқарушылық жазбаға дау айту бойынша істерді қарау кезінде заңнаманы қолдануы туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2022 жылғы 26 мамырдағы №6 Нормативтік қаулысы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P220000006S> (жүгінген күні: 18.07.2025).

¹³ «Бұлтартпау шараларын санкциялаудың кейбір мәселелері туралы» 2020 жылғы 24 қаңтардағы №1 Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулысы // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P200000001S> (жүгінген күні: 18.07.2025).

¹⁴ «Жасырын тергеу әрекеттерін санкциялау туралы» Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2020 жылғы 11 желтоқсандағы №5 Нормативтік қаулысы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P200000005S> (жүгінген күні: 18.07.2025).

актілер туралы заңында көрініс табуы тиіс деп санаймыз. Өкінішке орай Құқықтық актілер туралы заңның 5-бабы 2-тармағында ҚР Конституциялық Сотының нормативтік қаулыларының алатын орны ғана неғұрлым дәл айқындалған, олар ҚР Конституциялық Сотының нормативтік қаулыларында қаралу нысанына айналатын конституциялық нормаларға теңестірілген. Заңның осы бабының 3-тармағында Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларының заңды күші туралы емес, сот практикасы мәселелері бойынша түсіндірулерге қатысты оның мазмұны туралы айтылады.

ҚР Конституциясының, «Сот жүйесі және судьялардың мәртебесі туралы» Конституциялық заңның, Құқықтық актілер туралы заңның нормаларын кешенді қарастырылуына сүйене отырып, ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларының заңдық күші деңгейін заңнамалық тұрғыдан бекітудің барлық алғышарттары бар деп есептейміз.

Біріншіден, ҚР Конституциялық Сотының нормативтік қаулылары сияқты, ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары да ҚР Конституциясына сәйкес, ҚР Конституциясынан бастап басқа да маңызды заңнамалық актілермен қатар қолданыстағы құқық болып табылады.

Екіншіден, Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары Құқықтық актілер туралы заңның 35-1-бабының 1-тармағына сәйкес, Конституциямен, конституциялық заңдармен, кодекстермен, заңдармен, нормативтік сипаттағы ҚР Президентінің жарлықтарымен; Парламенттің және оның Палаталарының нормативтік мазмұны бар қаулыларымен, ҚР Қауіпсіздік Кеңесі төрағасының нормативтік құқықтық актілерімен; нормативтік мазмұндағы Үкіметтің қаулыларымен, оның ішінде заңдық күші бар уақытша қаулысымен; ҚР Конституциялық Соттың нормативтік қаулыларымен қатар әділет органдарында тіркелуге жатпайды.

Үшіншіден, ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары Конституциялық Соттың нормативтік қаулылары сияқты нормативтік құқықтық актілер иерархиясынан тыс тұрады. Дегенмен

осыған қарамастан, ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларының заңдық күші Құқықтық актілер туралы заңның 5-бабы 2-тармағында айқындалған делік, ал ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулыларының заңдық күші белгіленбеген.

Құқықтық актілер туралы заңның тағы бір кемшілігі - ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары заңнамалық актілерге де, заңға тәуелді актілерге де жатқызылмаған, сонысына қарамастан нормативтік құқықтық актілер болып табылады.

Біз мұнда айқын қарама-қайшылықты көріп отырмыз, өйткені мұндай жағдайда Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары теориялық тұрғыдан заңдар мен заңға тәуелді актілерден тұратын қазақстандық заңнама жүйесінен толығымен шығып, нормативтік құқықтық актінің жекелеген түрін құрайтын болып тұр, ал бұл бұрыс болып саналады. Яғни бір мемлекетте құқықтың екі жүйесі болуы мүмкін емес, әмбеде ҚР Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары басқа нормативтік құқықтық актілермен қатар қолданыстағы құқық жүйесінде көрсетілген.

Сонымен ҚР ҚК нормативтік қаулыларының қабылдануы және олардың мазмұны аса маңызды қоғамдық қатынастарды реттейтін заңдардың құқықтық сипатына байланысты. Заңдар тұрақтылығы пен орнықтылығымен сипатталады, артық нақтыланбайды және егжей-тегжейленбейді. Осыған байланысты заң құқықтық регламенттеу арқылы қоғамдық қатынастардың ең көп түрлерін қамтиды.

Сонымен қатар қоғамның үдемелі дамуы, өмірдің барлық аспектілерінің жедел дамуы заңнамалық нормаларды нақтылау және егжей-тегжейлеу, олардың мәні мен мазмұнын ашу қажеттілігін тудырады. Сот билігі негізгі құқық қолдану органы ретінде, заңдағы олқылықтар мен қайшылықтарды ескере отырып, заңға тәуелді реттеу қажеттілігіне барынша жауап береді.

Осыған байланысты ҚР Жоғарғы Сотының қолданыстағы құқық болып табылатын нормативтік қаулыларды және заңнамалық нормаларды дамытып, толықтыратын негізгі нормативтік құқықтық актілердің бірін қабылдауына

объективті қажеттілік туындайды. Бұл мәселеде тек Жоғарғы Соттың нормативтік қаулыларындағы заңдардың ережелерін нақтылау шектерін сақтау маңызды. Нормативтік қаулыларда заң нормаларын жеткіліксіз нақтылау да, сондай-ақ заңнамалық нормаларды шамадан тыс егжей-тегжейлеу де құқықтық реттеу үшін зиянды болады. Оңтайлы теңгерімді сақтау үшін сот жүйесінің, республиканың барлық органдары мен ұйымдарының тынымсыз және үздіксіз жұмыс істеуі керек.

Қорытынды

Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының нормативтік қаулылары ұлттық құқық жүйесінің маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Олар сот практикасының бірізділігін қамтамасыз етіп қана қоймай, заңнамалық

нормаларды нақтылау және толықтыру арқылы құқықтық реттеудің тиімділігін арттырады. Зерттеу барысында Жоғарғы Соттың нормативтік қаулылары құқықтың жаңа нормаларын жасауға қабілетті, өзіндік құқық шығармашылық сипатқа ие актілер ретінде танылды. Қаулылардың құқықтық табиғаты, құрылымдық ерекшеліктері мен қабылдану тәртібі оларды заңнама жүйесіне органикалық түрде енгізу қажеттігін көрсетеді. Бұл актілердің заңдық күші мен орны «Құқықтық актілер туралы» заңда неғұрлым нақты әрі айқын белгіленуі тиіс. Сот билігінің нормативтік қаулылар арқылы құқықты дамытуға қатысуы құқықтық мемлекет қағидаттарына қайшы келмей, керісінше, оны нығайтуға ықпал етеді.

Авторлардың үлесі

Г.С. Рысжанова – нәтижелер мен талқылау.

Б. Ахмет – материалдар мен әдістер, әдебиеттерді рәсімдеу, транслитерация.

Е.Б. Абдрасулов – кіріспе, талдаулар, қорытынды.

Әдебиеттер тізімі:

1. Алимбеков, М.Т., Абдрасулов Е.Б. Применение гражданско-правовых норм судом в современный период. Монография // М.Т. Алимбеков, Е.Б. Абдрасулов // - Астана, 2009. - 274 с.
2. Llewellyn, K.N., Gewirtz P., Ansaldi M. // The Case Law System in America. Columbia Law Review // K.N. Llewellyn, P. Gewirtz, M. Ansaldi // - 1988. - No. 88(5). - P. 989–1020. // Retrieved from <https://doi.org/10.2307/1122696> (date of reference: 23. 07.2025.)
3. Давид, Р. Основные правовые системы современности: [пер. с фр. В.А. Туманова] // Рене Давид, Камилла Жоффре-Спинози // – М.: Международные отношения, 1996. - 400 с.
4. Мугауова, А.И. Толкование правовых норм судом (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 //А.И. Мугауова // - Бишкек, 2012. - 158 с.
5. Чантурия, Л. О правовой природе судебных актов и пределах судебско-го правотворчества // Л.Чантурия // В книге: Юридическая природа нормативных постановлений Верховного Суда: монография; Под общ.ред. М.Т. Алимбекова. – Астана, 2009. – 330 с.
6. Бахтыбаев, И.Ж. Проблемы применения нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан в деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскные и контрольно-надзорные функции // И.Ж. Бахтыбаев // Межд. научно-практ. семинар «Юридическая природа нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан и их роль в эффективности отправления правосудия», г. Алматы, 12 мая 2009 года. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30461689 (дата обращения: 18.07.2025).
7. Абдрасулова, А.Е. Официальное разъяснение нормативных правовых актов: опыт стран ЕАЭС и пробелы законодательного регулирования в Республике Казахстан // А.Е. Абдрасулова // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия «Право». - 2021. - №3(136). - С. 11-20.
8. Трунк, А. Роль Верховного суда в обеспечении единообразия и развития

судебной практики: опыт Германии // А. Трунк // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30466213 (дата обращения: 18.07.2025).

9. Баишев, Ж.Н. Место и роль нормативных постановлений в системе нормативных правовых актов и действующего права // Ж.Н. Баишев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30466063 (дата обращения: 18.07.2025).

10. Формы отражения в нормативных постановлениях запретов, предписаний и дозволений // В книге: Юридическая природа нормативных постановлений Верховного Суда: монография // Под общ.ред. М.Т. Алимбекова. - Астана, 2009. - 330 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31064215&pos=2;-34#pos=2;-34 (дата обращения: 18.07.2025).

11. Алимбеков, М.Т. Пределы конкретизации норм законодательства в нормативных постановлениях Верховного Суда Республики Казахстан // М.Т. Алимбеков // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36249336&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 18.07.2025).

© Г.С. Рысжанова¹, Б. Ахмет², Е.Б. Абдрасулов³, 2025

¹ Департамент Судебной администрации Республики Казахстан
по Карагандинской области, Караганда, Казахстан

² Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

³ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(e-mail: ¹g.s.ryszhanova@mail.ru; ²bekaahmetova@gmail.com; ³aermek_19@mail.ru)

ТЕОРИЯ ВОПРОСА СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА И НОРМАТИВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. В данной статье всесторонне исследуются правовая природа нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан, их место в правовой системе и роль в процессе правотворчества. Автор обосновывает, что нормативные постановления Верховного Суда являются не только инструментом унификации судебной практики, но и важным юридическим механизмом развития национального права. В статье рассматриваются структурные особенности данных актов, их значение в формировании правовых норм и место в системе правового регулирования с точки зрения теории и практики. Нормативные постановления Верховного Суда занимают особое место в правовой системе Казахстана. Они существенно влияют на сферу правоприменения, устраняя пробелы в праве, уточняя и конкретизируя нормы законодательства. В статье также анализируются научные позиции, согласно которым такие постановления в определённой степени формируют новые правовые положения. Посредством сравнительно-аналитического подхода проводится оценка этих взглядов, исследуются их теоретические основания и практическое значение. В ходе исследования применялись формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Авторы проводят системный анализ текстов нормативных постановлений Верховного Суда, порядка их принятия, структуры, а также правовых позиций, формируемых посредством этих актов. Также проводится сопоставление с практикой судебного правотворчества Германии, России и Туркменистана. В статье рассматриваются вопросы участия судебной власти в правотворчестве и её соотношения с законодательной властью. В этом контексте исследуется статус нормативных постановлений как источника права, их юридическая сила и место в иерархии нормативных правовых актов. Автор поднимает вопрос о необходимости законодательного закрепления правового статуса нормативных постановлений как самостоятельного элемента правовой системы и предлагает конкретные предложения в данном направлении. Настоящая статья представляет собой актуальное научное исследование, направленное

на углублённое осмысление судебного правотворчества и пересмотр правового статуса нормативных постановлений.

Ключевые слова: Верховный Суд, нормативное постановление, правотворчество, правовая позиция, правовой акт, источник права, судебная практика, правовая система, правовое регулирование, пробел в праве.

© G.S. Ryszhanova¹, B. Akhmet², Y.B. Abdrassulov³, 2025

¹ Department of Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan
for Karaganda Region, Karaganda, Kazakhstan

² M. Kozybayev named after North Kazakhstan University, Petropavl, Kazakhstan

³ Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan
(e-mail: ¹g.s.ryszhanova@mail.ru; ²bekaahmetova@gmail.com; ³aermek_19@mail.ru)

THEORY OF THE ISSUE OF JUDICIAL LAWMAKING AND NORMATIVE RESOLUTIONS OF THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the legal nature of the normative resolutions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, their place within the national legal system, and their role in the law-making process. The author substantiates that the normative resolutions of the Supreme Court are not only a means of unifying judicial practice but also an essential legal mechanism for the development of national law. The article examines the structural features of these resolutions, their significance in the formation of legal norms, and their position within the legal regulation system from both theoretical and practical perspectives. The normative resolutions of the Supreme Court occupy a unique place in Kazakhstan's legal system. They play a significant role in eliminating legal gaps and influencing the application of law by interpreting and clarifying legislative provisions. The article also considers scholarly opinions suggesting that these resolutions may, to a certain extent, constitute new legal norms. A comparative and analytical approach is used to assess these views and to explore their theoretical foundations and practical relevance. The research applies formal legal, systemic-structural, comparative-legal, and historical-legal methods. The authors conduct a systematic analysis of the texts of the Supreme Court's resolutions, their adoption procedures and structures, as well as the legal positions formed through these acts. Furthermore, the judicial law-making practices of Germany, Russia, and Turkmenistan are examined for comparison. The article also addresses the involvement of the judiciary in law-making and its relationship with the legislative branch. Within this context, the status of normative resolutions as sources of law, their legal force, and their place in the hierarchy of normative legal acts are investigated. The author argues for the necessity of legislatively clarifying the legal status of normative resolutions as an integral part of the legal system and offers specific proposals in this regard. This article represents a relevant scholarly contribution aimed at deepening the understanding of judicial law-making and raising the issue of revisiting the legal status of normative resolutions.

Keywords: Supreme Court, normative resolution, law-making, legal position, legal act, source of law, judicial practice, legal system, legal regulation, legal loophole.

References:

1. Alimbekov, M.T. *Primenenie grazhdansko-pravovykh norm sudom v sovremennyyi period*. Monografiya // M.T. Alimbekov, E.B. Abdrasulov // - Astana, 2009. - 274 s.
2. Llewellyn, K.N. // *The Case Law System in America*. Columbia Law Review // K.N. Llewellyn, P. Gewirtz, M. Ansaldi // - 1988. - No. 88(5). - P. 989-1020. // Retrieved from <https://doi.org/10.2307/1122696> (date of reference: 23. 07.2025).
3. David, R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti*: [per. s fr. V.A. Tumanova] // Rene David, Kamilla Zhoffre-Spinozi // - M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996. - 400 s.

4. Mugauova, A.I. Tolkovanie pravovyh norm sudom (voprosy teorii i praktiki): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 // A.I. Mugauova // - Bishkek, 2012. - 158 s.
5. Chanturiya, L. O pravovoi prirode sudebnyh aktov i predelah sudeiskogo pravotvorchestva // V knige: Yuridicheskaya priroda normativnyh postanovleniy Verhovnogo Suda: monografiya; Pod obshch.red. M.T. Alimbekova // L. Chanturiya // - Astana, 2009. - 330 s.
6. Bahtybaev, I.Zh. Problemy primeneniya normativnyh postanovleniy Verhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan v deyatelnosti organov, osushhestvlajushhih operativno-rozysknye i kontrolno-nadzornye funktsii // I.Zh. Bahtybaev // Mezhd. nauchno-prakt. seminar «Yuridicheskaya priroda normativnyh postanovleniy Verhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan i ih rol v effektivnosti otpravleniya pravosudiya», g. Almaty, 12 maya 2009 goda. // Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30461689 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
7. Abdrasulova, A.E. Ofitsialnoe razyasnenie normativnyh pravovyh aktov: opyt stran EAJeS i probely zakonodatelnogo regulirovaniya v Respublike Kazakhstan // A.E. Abdrasulova // Vestnik Evraziyskogo natsionalnogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya «Pravo». - 2021. - №3(136). - S. 11-20.
8. Trunk, A. Rol Verhovnogo suda v obespechenii edinoobraziya i razvitiya sudebnoi praktiki: opyt Germanii // A.Trunk // Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30466213 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
9. Baishev, Zh.N. Mesto i rol normativnyh postanovleniy v sisteme normativnyh pravovyh aktov i deistvujushchego prava // Zh.N.Baishev // Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30466063 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
10. Formy otrazheniya v normativnyh postanovleniyah zapretov, predpisaniy i dovoleniy // V knige: Yuridicheskaya priroda normativnyh postanovleniy Verhovnogo Suda: monografiya // Pod obshch.red. M.T. Alimbekova. - Astana, 2009. - 330 s. // Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31064215&pos=2;-34#pos=2;-34 (data obrashcheniya: 18.07.2025).
11. Alimbekov, M.T. Predely konkretizatsii norm zakonodatelstva v normativnyh // M.T. Alimbekov // Retrieved from [Elektronicheskoe resurs]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36249336&pos=6;-106#pos=6;-106 (data obrashcheniya: 18.07.2025).

Сведения об авторах:

Авторлар туралы мәліметтер:

Information about authors:

Рысжанова Гүлнұр Саматовна - хат – хабарларға арналған автор, PhD докторы, Қазақстан Республикасы Сот әкімшілігі департаментінің Қарағанды облысы бойынша департаментінің бас маманы, М. Әшімов көшесі, 16, 100001, Қарағанды, Қазақстан.

E-mail: g.s.ryszhanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2617-6165>.

Ахмет Бергенгул - заң ғылымдарының магистры, М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университетінің Қазақстан тарихы және құқық кафедрасының аға оқытушысы, М. Жұмабаев көшесі, 114, 150000, Петропавл, Қазақстан.

E-mail: bekaahmetova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-0708>; Scopus Author ID: 58885502700.

Абдрасулов Ермек Баяхметұлы - заң ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат Институтының конституциялық, әкімшілік заңнама және мемлекеттік басқару бөлімінің бас ғылыми қызметкері, Қ. Сатпаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: aermek_19@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4835-9760>; Scopus Author ID: 57188854156.

Рысжанова Гүлнұр Саматовна - автор для корреспонденции, доктор PhD, главный специалист Департамента Судебной администрации Республики

Казахстан по Карагандинской области, улица М. Ашимова, 16, 100001, Караганда, Казахстан.

E-mail: g.s.ryszhanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2617-6165>.

Ахмет Бергенгул - магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры истории Казахстана и права Северо-Казахстанского университета имени М. Козыбаева, улица М. Жумабаева, 114, 150000, Петропавловск, Казахстан

E-mail: bekaahmetova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-0708>; Scopus Author ID: 58885502700.

Абдрасулов Ермек Баяхметович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, главный научный сотрудник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, улица К. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: aermek_19@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4835-9760>; Scopus Author ID: 57188854156.

Ryszhanova Gulnur Samatovna - corresponding authors, doctor PhD, Chief Specialist, Department of Judicial Administration of the Republic of Kazakhstan for Karaganda Region; 16 M. Ashimov Street, 100001, Karaganda, Kazakhstan.

E-mail: g.s.ryszhanova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2617-6165>.

Akhmet Bergengul - Master of Law Degree, Senior Lecturer of the Department of History of Kazakhstan and Law, M. Kozybayev named after North Kazakhstan University, 114 M. Zhumabayev Street, 150000, Petropavl, Kazakhstan.

E-mail: bekaahmetova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-0708>; Scopus Author ID: 58885502700.

Abdrassulov Yermek Bayahmetovich - Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Chief Researcher of the Department of Constitutional, Administrative Legislation and Public Administration of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2 K. Satpayev Street, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: aermek_19@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4835-9760>; Scopus Author ID: 57188854156.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 37-53

УДК 34.05
ГРНТИ 10.19.61
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_37
Научная статья

© Б.А. Умитчинова^{1*}, Ю.А. Гаврилова¹, Г.А. Мензюк¹, 2025

¹ Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан
(E-mail: ¹umitchinova.botagoz@mail.ru; ¹gavriloulyiya@yandex.kz; ¹menzjuk@mail.ru)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Значительный прогресс технологий искусственного интеллекта расширяет возможности развития во многих сферах общественной жизни, однако, в тоже время, создает угрозы безопасности, в том числе при обработке искусственного интеллекта (далее - ИИ) персональных данных. В статье рассматриваются правовые аспекты регулирования защиты персональных данных в условиях развития искусственного интеллекта, анализируется зарубежный опыт к обеспечению конфиденциальности и оценивается текущее состояние правовой защиты персональных данных в Республике Казахстан.

Исследование основано на сравнительном правовом анализе законодательства ЕС, США, Китая и Казахстана в сфере защиты персональных данных и регулирования ИИ, анализируются различия в правоприменении и степень признания права на конфиденциальность в данных юрисдикциях. В ЕС персональные данные регулируются в рамках GDPR, который рассматривает их защиту как неотъемлемое право личности. В США подход менее унифицированный и определяется на уровне штатов, что приводит к фрагментации правового регулирования. Китай, напротив, контролирует обработку данных с позиций государственной безопасности, что ограничивает объем прав граждан на защиту их персональных данных.

В статье выявлены ключевые проблемы правоприменительной практики в Республике Казахстан, включая отсутствие конституционного признания права на защиту персональных данных, недостаточную регламентацию автоматизированного принятия решений и отсутствие механизма «права на объяснение» решений, принятых ИИ. Предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования защиты конфиденциальности, включающих внедрение правовых норм, обеспечивающих объяснимость решений ИИ, усиление защиты персональных данных в автоматизированных системах, гармонизацию национальных норм с международными стандартами. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства Казахстана в сфере ИИ и персональных данных, а также для дальнейших исследований в области правового регулирования цифровых технологий.

Ключевые слова: персональные данные, искусственный интеллект, конфиденциальность, автоматизированное принятие решений, генеративный ИИ.

* Автор для корреспонденции. E-mail: umitchinova.botagoz@mail.ru.

Введение

Бурное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) за последние годы предоставляет новые возможности для государств в сфере экономического, социального и культурного развития, улучшение системы здравоохранения и обороны. ИИ способен обрабатывать обширный пласт информации, который может использоваться для повышения эффективности и скорости анализа данных (в медицине – при диагностике заболеваний на основе анализа медицинских данных; финансах – для обнаружения мошенничества и алгоритмической торговли; науке и т.д.); упрощения сложных процессов принятия решений (в бизнесе, государственном секторе и др.); расширения доступности информации (переводы текстов на разные языки в реальном времени, автоматическое создание кратких выжимок из объемных отчетов); прогнозирования и предотвращения рисков (экономике, здравоохранении, моделирование последствий изменения климата и т.д.) и др.

Однако помимо положительных сторон, применение искусственного интеллекта может увеличить возможности для контроля, манипуляции и дискриминации; нарушить социальное взаимодействие; подвергнуть людей вреду в результате технологических сбоев или пренебрежения правами и социальными ценностями [1]. Кроме того, в связи с тем, что многие приложения ИИ включают в себя массовую обработку персональных данных, это затрагивает риски, касающиеся личных прав и интересов человека. Эти риски проистекают из огромного количества персональных данных, которые собирают, обрабатывают и хранят системы ИИ и могут привести к:

- утечке данных и несанкциониро-

ванному доступу к ним. Утечка данных приводит к краже личных данных, мошенничеству и другим правонарушениям. За последние пару лет произошел резкий скачок утечек персональной информации во всем мире, в сравнении с 2022 годом, в 2023 году данный показатель вырос на 111,5 % (Рисунок 1)¹;

- повторной идентификации анонимных данных. Передовые методы ИИ часто позволяют повторно идентифицировать людей, сопоставляя анонимные данные с другой доступной информацией. Этот процесс подрывает традиционные методы защиты конфиденциальности и вызывает опасения относительно эффективности текущих методов анонимизации;

- непреднамеренному использованию личной информации. Системы ИИ могут обнаруживать неожиданные корреляции или выводы из, казалось бы, безобидных данных, что может использоваться для вывода конфиденциальной информации, такой как состояние здоровья или политическая принадлежность, что потенциально приводит к дискриминации или манипуляции [2, р. 101].

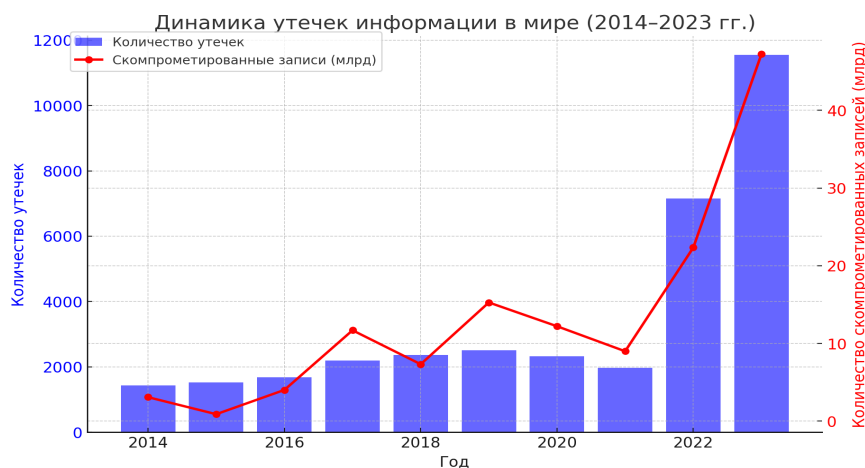

Рисунок 1. Динамика утечек персональных данных в мире (2014–2023 гг.).

В связи с этим, задача, стоящая перед исследователями и законодателем, заключается в том, чтобы найти баланс между использованием возможностей ИИ для развития общества и защитой личных прав и интересов человека,

¹ Аналитический отчет. Утечки информации в мире, 2022–2023 годы. - Экспертно-Аналитический центр InfoWatch, 2024 г. // URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/issledovaniye-utechek-informatsii-v-mire-za-2022-2023-gody.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

в том числе его персональных данных. В статье авторами на основе анализа законодательства о защите персональных данных зарубежных стран исследуются подходы и передовой зарубежный опыт достижения баланса между развитием ИИ и защитой конфиденциальности, выявляются проблемы в этой сфере в Республике Казахстан и предлагаются организационно-правовые меры по снижению рисков нарушения конфиденциальности.

Методы и материалы

В ходе исследования проблематики статьи авторами использовался метод сравнительного правового анализа, позволяющего провести анализ законодательства различных стран (ЕС, США, Китая, Казахстана) в области защиты персональных данных и их обработки системами ИИ, в ходе которого выявлены различия в подходах и правоприменительной практике. С помощью системного анализа исследованы нормативно-правовые акты, концепции и стратегии регулирования персональных данных и ИИ в различных юрисдикциях, проанализировано их влияние на баланс между развитием технологий и защитой конфиденциальности. Метод логического моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования защиты персональных данных в Казахстане, учитывая международный опыт и текущие вызовы.

Представленные методы дали возможность комплексно исследовать проблему, выявить правовые риски, оценить международный опыт и предложить меры по совершенствованию регулирования защиты персональных данных в Республике Казахстан.

Результаты и обсуждение

В цифровую эпоху определение правового статуса персональных данных имеет большое значение для их защиты. Различные государства придерживаются собственных подходов

к установлению правовой природы данного понятия. В ЕС статья 4 GDPR определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к человеку, которая идентифицирует или может идентифицировать человека. В GDPR право субъекта данных на его персональные данные характеризуется как «право на неприкосновенность частной жизни в отношении обработки персональных данных»². Такое право считается основным и не может быть перевешено другими ценностями. Кроме того, статья 16 Договора о функционировании Европейского союза обязывает ЕС устанавливать правила, касающиеся защиты лиц в отношении обработки персональных данных³.

В США право на защиту персональных данных более узко трактуется как «право быть в одиночестве» (right to be left alone) и является частью гражданских свобод, закрепленных Конституцией США. Защита данных обеспечивается фрагментарно на уровне штатов (например, закон CCPA в Калифорнии), что дает меньше единообразия в правовом регулировании, чем в ЕС.

В китайском законодательстве определение персональных данных закреплено в Законе Китая о кибербезопасности. Согласно статье 67(5) Закона, персональные данные охватывают различные сведения, к которым относятся, в частности, имя, дата рождения, персональный идентификационный номер, биометрические характеристики, место проживания и контактный телефон [3]. В КНР защита персональных данных не рассматривается как неотъемлемое право, в отличие от права на частную жизнь или собственности, и уровень ее охраны остается сравнительно низким. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, в отличие от ЕС, китайское законодательство не признает персональные данные основополагающим правом человека. Власти Китая, как крупнейший оператор данных, считают, что право граждан на защиту своей информации должно быть ограничено, если оно мешает государству собирать, обрабатывать, хранить

² General Data Protection Regulation (GDPR), adopted on April 27, 2016, and enforced since May 25, 2018 // URL: <https://gdpr-info.eu/> (date of reference: 15.11.2024).

³ Treaty on the Functioning of the European Union of 13 December 2007 - consolidated version // URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/oj/eng (date of reference: 15.11.2024).

и использовать эти данные. Во-вторых, Конституция Китая предоставляет минимальные гарантии защиты личной информации, включая лишь место жительства, свободу и тайну переписки. Однако персональные данные охватывают гораздо более широкий спектр информации, который выходит за рамки этих конституционных положений [3].

В Республике Казахстан правовой режим защиты персональных данных, по мнению авторов, близок к китайскому подходу, поскольку в Основном законе государства защита персональных данных не отражена как конституционное право человека, в ст. 18 закреплены лишь права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений⁴.

Таким образом, правовая природа персональных данных определяет режим защиты этих данных в различных государствах. Разные подходы государств к их определению и защите устанавливают границы возможностей использования данных и степень их конфиденциальности, особенно в эпоху развития искусственного интеллекта и цифровых технологий, в связи с тем, что персональные данные становятся «цифровым ресурсом». Поэтому необходим анализ правовых актов и нормативных рамок использования персональных данных в ИИ в зарубежных странах для выявления проблем защиты этих данных и возможности адаптации успешных международных практик в Республике Казахстан.

Европейский союз стал мировым лидером по защите персональной информации. Принятие Общего регламента ЕС по защите данных (GDPR) (вступил в силу 24 мая 2016 года и применяется с 25 мая 2018 года) стало важным шагом на пути к укреплению права человека на защиту персональных данных в цифровую эпоху и упрощению ведения бизнеса путем уточнения правил для компаний и государственных органов на цифровом

рынке. Единый закон значительно снижает фрагментацию в различных национальных системах и убирает ненужное административное бремя⁵. Регламент применяется в любой организации, которая обрабатывает персональные данные граждан ЕС, независимо от места нахождения организации. В GDPR применяются некоторые термины, относящиеся к интернету (Интернет, социальные сети, веб-сайт, ссылки и т. д.), но не содержатся понятия, относящиеся к искусственному интеллекту. Это свидетельствует о том, что Регламент направлен на урегулирование проблем конфиденциальности, связанных с использованием интернета, которые не были охвачены Директивой о защите данных 1995 года, но стали актуальными к моменту разработки GDPR, однако вопросы, касающиеся ИИ, которые приобрели социальную значимость только в последние годы, не рассмотрены.

GDPR построен на нескольких ключевых принципах защиты персональных данных, однако их внедрение сталкивается с трудностями из-за быстро развивающихся технологий, включая ИИ:

- принцип законности, справедливости и прозрачности (статья 5(1)(a)) сталкивается с трудностями в применении из-за сложности алгоритмов ИИ, что затрудняет их восприятие пользователями. В соответствии с GDPR, для соблюдения данного принципа субъектам данных необходимо предоставлять ясную и полную информацию о причинах, значении и возможных последствиях обработки их данных (Преамбула 71) [4];

- принцип ограничения цели (статья 5(1)(b)) требует, чтобы сбор данных осуществлялся для «определенных, явных и законных целей» без дальнейшей обработки в несовместимых целях. В то же время, алгоритмы машинного обучения часто требуют больших объемов данных, а цели их использования могут быть плохо определены, что нарушает этот принцип [4];

- принцип минимизации данных (статья 5(1)(c)) требует сбора только не-

⁴ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_/links (дата обращения: 21.11.2024).

⁵ European Commission. "Data protection in the EU." European Commission - European Commission, 30 April 2021 // URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/data-protection-eu_en (date of reference: 25.11.2024).

обходимых данных, однако ИИ-системы могут анализировать новые категории данных, выходя за рамки первоначального сбора. Например, алгоритм может выявить сексуальную ориентацию или политические взгляды человека по активности в соцсетях, что противоречит принципу минимизации [5];

- принцип ответственности (статья 5(2)) обязывает контролера данных не только соблюдать GDPR, но и доказывать его выполнение. Это требует четких политик и процедур, подтверждающих соблюдение регламента. GDPR также предусматривает право на объяснение решений ИИ, однако степень его детализации остаётся спорной. ЕС акцентирует внимание на объяснимости ИИ, поскольку это необходимо для соблюдения принципов точности и подотчетности. Суды могут требовать объяснений алгоритмических решений, чтобы обеспечить защиту прав пострадавших [4]. Без этого невозможно обеспечить человеческий контроль над ИИ, а также дать пострадавшим возможность эффективно защищать свои права и добиваться возмещения ущерба⁶.

Таким образом, несмотря на то что Регламент предлагает прочную основу для защиты персональных данных, такие особенности ИИ, как его сложность, непрозрачность и высокая потребность в данных, создают определенные проблемы для соблюдения принципов и механизмов GDPR. Важно отметить, что GDPR применяется не только к традиционной обработке данных, но и к более современным технологиям. Во-первых, хотя сам термин «искусственный интеллект» не упоминается в тексте Регламента, в нем есть несколько положений, касающихся ИИ-систем. Например, статья 22 защищает людей от решений, которые принимаются полностью автоматически, без участия человека (автоматизированное принятие решений (ADM)). Согласно этому положению, каждый человек имеет право не подвергаться ADM, если оно может негативно повлиять на его права, юридический статус или другие важные аспекты жизни [6, p. 11]. Во-вторых, положения GDPR применяются

к многим ИИ-системам, поскольку Регламент включает механизмы для защиты данных в процессе их обработки.

Закон ЕС об искусственном интеллекте, принятый в 2024 году, регулирует использование систем ИИ на основе рисков, уделяя особое внимание угрозам конфиденциальности и защите данных. Это подчеркивает тесную связь между GDPR и Законом ЕС об ИИ. GDPR, как технологически нейтральный акт, применяется к системам ИИ в случае обработки персональных данных на любом этапе их жизненного цикла. Большинство требований Закона об ИИ распространяются на системы высокого риска (перечислены в статье 6 и Приложении III). Организации, работающие с ИИ и персональными данными, обязаны соблюдать нормы обоих актов [7].

GDPR и Закон об ИИ отражают стремление ЕС к комплексному управлению конфиденциальностью данных в эпоху ИИ. Человекоцентричный и этический подход ЕС обеспечивает защиту прав и конфиденциальности, однако строгие стандарты могут замедлить темпы разработки и внедрения ИИ по сравнению с регионами с менее жестким регулированием [8].

В США, напротив, нормативные рамки для ИИ менее предписывающие и создающие основу к более быстрому развитию ИИ и инноваций, хотя и с меньшим акцентом на конфиденциальность и этические гарантии. К тому же, в отличие от европейского подхода к защите персональных данных, сделавшего акцент на централизованное регулирование (GDPR), подход США децентрализованный и основан на сочетании федеральных и отраслевых норм. Как ЕС, США сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым вызовам, связанным с ИИ, однако стратегии государств к решению этих проблем различны. Подход к регулированию ИИ в США преимущественно реактивный и отраслевой, при этом нет единого федерального закона, охватывающего весь спектр технологий ИИ и их

⁶ Ai, Data Governance and Privacy Synergies and Areas of International Co-operation. OECD Artificial Intelligence Papers, June 2024 No. 22, 55 p. // URL: https://ai.radensa.ru/wp-content/uploads/2024/07/AI_data_governance_and_privacy_Synergies_and_areas_of_international.pdf (date of reference: 02.12.2024).

последствий [9, p. 53].

Фрагментированный подход к регулированию рассматриваемых отношений отражает историческое развитие законов о конфиденциальности в США, где законодательство развивалось в ответ на конкретные проблемы, а не как часть скоординированной национальной стратегии. Например, Закон о переносимости и подотчетности медицинского страхования (HIPAA) регулирует безопасность персональных данных в секторе здравоохранения, обеспечивая конфиденциальность медицинской информации; Закон Грэмма-Лича-Блайли (GLBA) устанавливает стандарты защиты финансовой информации [10, p. 1368], также были приняты Закон о правах и конфиденциальности в сфере образования семьи (FERPA), Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете (COPPA), Закон о защите конфиденциальности видео (VPPA) и др. [6, p. 12]. Отсутствие всеобъемлющего федерального регулирования защиты персональных данных, привело к принятию законодательных актов на уровне штатов. Такие законы, как Закон Калифорнии о конфиденциальности потребителей (CCPA) 2018 г., Закон о конфиденциальности Нью-Йорка (NYPA), 2021 г., Закон о конфиденциальности Колорадо (CPA) 2021 г., Закон о защите данных потребителей Вирджинии (VCDPA) 2023 г. и другие создают сложную и непоследовательную нормативную среду по всей стране.

Закон Калифорнии о конфиденциальности потребителей (CCPA), принятый в 2018 году, является одним из самых важных законов о конфиденциальности на уровне штатов в Соединенных Штатах, существенно влияющих на ландшафт ИИ. Первоначально созданный для защиты конфиденциальности жителей Калифорнии, этот закон стал важным правовым документом для регулирования использования данных ИИ [11]. CCPA предоставляет жителям Калифорнии права в отношении их персональных данных, включая право

на доступ, удаление и отказ от продажи своих данных. Эти права имеют решающее значение в контексте ИИ, где большие объемы персональных данных часто используются для обучения алгоритмов и повышения производительности системы⁷.

Соответственно, положения CCPA напрямую влияют на системы ИИ несколькими способами:

- доступ к данным и удаление. Разработчики и компании ИИ должны выполнять запросы потребителей на доступ к их данным или их удаление;
- отказ от продажи данных. Закон позволяет потребителям отказаться от продажи своих персональных данных;
- прозрачность и подотчетность. Компании должны раскрывать свои методы сбора и обработки данных, что может повысить подотчетность и укрепить доверие к приложениям ИИ [12].

Таким образом, фрагментация законодательства о защите данных в США создает значительные проблемы из-за отсутствия единого федерального регулирования. Это приводит к разрозненности требований в разных штатах, что влечет за собой несколько сложностей:

- компании, работающие в нескольких штатах, сталкиваются с увеличением расходов и операционной сложности из-за необходимости соблюдать разные законы [13];
- отсутствие единообразия вызывает непоследовательную защиту конфиденциальности для потребителей в зависимости от их штата проживания, что подрывает эффективность мер защиты данных;
- постоянные изменения в нормативной среде на уровне штатов создают неопределенность для бизнеса, затрудняя адаптацию к новым требованиям;
- соблюдение множества различных законов усложняет инновации, особенно для стартапов и малых компаний, которым сложно ориентироваться в разрозненных правилах [10, p. 1371].

Принятый на федеральном уровне Закон о национальной инициативе в области искусственного интеллекта (2021 г.) ориентирован на поддержку научных исследований и разработок

⁷ California Consumer Privacy Act (CCPA), enacted on June 28, 2018, and effective since January 1, 2020 // URL: <https://oag.ca.gov/privacy/ccpa> (date of reference: 10.12.2024).

в области ИИ, а не на установление нормативных ограничений его применения. Этот законодательный акт направлен на стимулирование инноваций, однако не включает всесторонние меры, специально разработанные для устранения рисков, связанных с конфиденциальностью данных в технологиях ИИ [14, р. 1248].

Исходя из вышеизложенного, сегментированный нормативный ландшафт и отсутствие единой федеральной структуры создают значительные проблемы в защите конфиденциальности персональных данных в контексте ИИ в США. Фрагментированный характер нормативных актов США означает, что защита конфиденциальности может быть непоследовательной и менее комплексной по сравнению с более унифицированным и предупредительным подходом ЕС. Решение этих проблем потребует принятия федерального законодательства о конфиденциальности, аналогичного GDPR, являющимся необходимым предварительным условием для любого регулирования, которое явно нацелено на системы ИИ [15]. В то же время, ориентированный на инновации регулирующий подход США имеет тенденцию отдавать приоритет быстрой разработке и рыночным решениям. Отсутствие всеобъемлющего федерального регулирования ИИ обеспечивает большую гибкость и более быстрое внедрение новых технологий.

Режим защиты персональных данных в Китае демонстрирует существенные различия по сравнению с режимами ЕС и США. В отличие от GDPR, который характеризуется широкой сферой охвата, всеобъемлющим установлением стандартов и обеспечением их соблюдения, законодательство Китая в этой сфере не является унифицированным - действующие нормативные акты нацелены только на регулирование ряда конкретных секторов. Эти целевые законы включают общие требования, а установление стандартов и обеспечение их соблюдения осуществляется рядом регулирующих органов, наиболее значимыми из которых являются соответствующие министерства Государственного совета. В отличие от отраслевых законов в

США, которые больше ориентированы на государственный сектор, китайские законы предоставляют гражданам некоторую базовую защиту от частных сетевых операторов, но оставляют обработку персональных данных в государственном секторе в значительной степени нерегулируемой [16]. Еще одним фундаментальным различием между подходом КНР и подходами ЕС и США заключается в том, что последние отстаивают индивидуальную конфиденциальность как главный интерес, в то время как китайский подход предпочитает отдавать приоритет общественной безопасности [16].

Длительное время недостаточно развитая цифровая индустрия Китая обуславливала непоследовательное регулирование конфиденциальности и защиты данных. Однако цифровая трансформация экономики и связанные с этим проблемы - утечка данных, ценовая дискриминация и недобросовестная конкуренция среди интернет-компаний - заставили Китай усилить киберуправление. Рост глобальной конкуренции и угроз кибербезопасности также способствовал ужесточению законодательства о защите данных с 2010-х годов [17].

10 ноября 2021 года Китай принял Закон о защите персональной информации (PIPL), направленный на предотвращение злоупотреблений личными данными частными компаниями и государственными органами. Подобно GDPR (ЕС) и CCPA (США), закон запрещает автоматизированное принятие решений и требует получения согласия субъектов на обработку данных [6, р. 13]. Однако в судебной практике Китая права на персональные данные пока не признаны отдельным гражданским правом. Отсутствие четкой классификации прав на персональную информацию заставляет граждан обращаться за защитой через смежные права, такие как право на неприкосновенность частной жизни. Это затрудняет эффективное возмещение ущерба и приводит к консервативному подходу судов в подобных делах, создавая правовую неопределенность [18].

В июле 2023 года Китай принял первый регламент по

генеративному ИИ — «Временные меры по администрированию услуг генеративного искусственного интеллекта» (Меры по ИИ), разработанные Администрацией киберпространства Китая (CAC) совместно с другими ведомствами [17]. Меры направлены на обеспечение безопасности генеративного ИИ, включая защиту конфиденциальности и персональных данных, в соответствии с PIPL, Законом о кибербезопасности (CSL) и Законом о безопасности данных (DSL). Меры представляют собой руководящие принципы, а не детальные правила, поскольку законодатели Китая не имели полного понимания технологий генеративного ИИ. Они интегрируют существующие законы, создавая правовую основу для регулирования ИИ без установления конкретных норм по обработке данных и обязанностям провайдеров [17].

Исследование законодательства и научных трудов выявляет особенности правового режима защиты персональных данных в КНР. Во-первых, несмотря на создание правовой основы для защиты данных, нормы отстают от требований, предъявляемых генеративным ИИ в публичном и частном праве. Во-вторых, китайское законодательство рассматривает сетевую безопасность как ключевой элемент национальной безопасности, что подтверждается Законом о национальной безопасности Китая, устанавливающим принцип «осознанного согласия» для трансграничной передачи данных [19]. В-третьих, в Китае отсутствует единый надзорный орган по защите данных - контроль распределен между различными министерствами, что затрудняет соблюдение законодательства по сравнению с ЕС, где действует единый регулирующий орган.

Республика Казахстан (далее - РК) находится на начальном этапе развития правового регулирования ИИ и защиты персональных данных в контексте применения искусственного интеллекта. В отличие от ЕС, ставящего во главу угла права граждан и прозрачность алгоритмов; США, делающих упор на инновации; КНР, интегрировавшей защиту данных в

национальную стратегию безопасности и характеризующейся высоким уровнем государственного контроля, Казахстану предстоит определить свой путь.

В РК правовую основу законодательства о персональных данных составляет Закон РК «О персональных данных и их защите» от 21 мая 2013 года, приказ Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК «Об утверждении Правил осуществления собственником и (или) оператором, а также третьим лицом мер по защите персональных данных» от 12 июня 2023 года, Закон РК «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года, постановление Правительства РК «Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстана») от 30 июня 2017 года, Постановление Правительства РК «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы» от 24 июля 2024 года и др.

Закон РК «О персональных данных и их защите» регулирует общественные отношения, связанные со сбором, обработкой, хранением и защитой персональных данных. Данный нормативный акт является важным инструментом регулирования использования и защиты персональных данных, однако, в связи с развитием технологий, особенно искусственного интеллекта, требуется его адаптация для учета новых вызовов, таких как автоматизированная обработка данных и необходимость разъяснения решений, принимаемых ИИ. Благодаря использованию искусственного интеллекта персональные данные становятся не просто объектом защиты, а ценным ресурсом, который активно применяется для анализа, прогнозов и воздействия на поведение человека [20].

Вместе с тем, в условиях стремительной цифровизации существенно возрастает угроза утечки и неконтролируемого использования, что усиливает потребность в эффективных механизмах правовой защиты. Учитывая данные обстоятельства, в Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы одним из принципов внедрения искусственного интеллекта

является конфиденциальность, акцентирующий внимание на необходимости обеспечить защиту персональных данных, частной жизни человека и других охраняемых законом тайн⁸.

Как и Общий регламент ЕС по защите данных (GDPR) Закон РК устанавливает базовые принципы обработки персональных данных, однако между ними есть концептуальные различия в детализации, масштабе регулирования и правах субъектов данных. Принципы, закрепленные в нормативном акте РК, носят более общий характер (соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, законность, конфиденциальность персональных данных ограниченного доступа, равенство прав субъектов, собственников и операторов, обеспечение безопасности личности, общества и государства)⁹, тогда как принципы GDPR ЕС имеют отраслевой характер (ограничение целью, минимизация данных, достоверность персональных данных, ограничение срока хранения персональных данных, целостность и конфиденциальность)¹⁰, позволяющий более жестко регламентировать порядок обработки персональных данных. К тому же, казахстанский Закон имеет меньше детализированных требований по обработке данных, GDPR более строгий в отношении прозрачности, минимизации данных и сроков их хранения.

В то же время, в законодательстве о персональных данных правовой статус искусственного интеллекта не определен, однако существует разделение между обработкой данных с использованием средств автоматизации и без использования таковых. В Закон РК «Об информатизации» введена ст. 18-1. Права и обязанности собственника и владельца интеллектуального робота, п. 2 которой возлагает обязанность на собственников и владельцев интеллектуального робота

информировать субъекта персональных данных об автоматизированной обработке¹¹. В свою очередь, пп. 43-1 ст. 1 вышеуказанного Закона определяет интеллектуального робота как автоматизированное устройство, совершающее определенное действие или бездействующее с учетом воспринятой и распознанной внешней среды. По мнению Тлембаевой Ж.У., отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «искусственный интеллект» обусловлено тем, что оно во многом пересекается и частично сливается по смыслу с термином «искусственный (интеллектуальный) робот» [21, с. 65].

В соответствии с мировыми стандартами защиты персональных данных, в ст. 36 Закона РК «Об информатизации» были внесены дополнения, направленные на ограничение автоматизированного принятия решений, а также на повышение прозрачности обработки персональных данных. Они оказывают значительное влияние на защиту персональной информации в условиях развития искусственного интеллекта. Закон запрещает принимать решения на основании исключительно автоматизированной обработки данных, если такие решения влияют на права и законные интересы граждан. Данный запрет предотвращает дискриминационные или несправедливые решения, принимаемые без участия человека. Также владельцы и собственники электронных информационных ресурсов обязаны уведомлять субъектов персональных данных, если их информация обрабатывается автоматически и это влияет на их права, что повышает прозрачность обработки персональных данных.

Таким образом, минимизация рисков использования персональных данных субъектов искусственным интеллектом достигается с помощью того, что Закон:

⁸ Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592 «Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (дата обращения: 15.12.2024).

⁹ Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О персональных данных и их защите» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094/z13094.htm> (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁰ General Data Protection Regulation (GDPR), adopted on April 27, 2016, and enforced since May 25, 2018 // URL: <https://gdpr-info.eu/> (дата обращения: 15.12.2024).

¹¹ Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V «Об информатизации» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 15.12.2024).

- обязывает информировать субъект о том, как его данные используются;
- позволяет субъекту влиять на процесс принятия решений и требовать объяснений;
- запрещает полностью автоматизированные решения без согласия человека.

Однако, несмотря на позитивные стороны, есть ряд нерешенных вопросов. Во-первых, Закон не содержит механизма объяснения решений ИИ, тогда как в ЕС (GDPR) закреплено «право на объяснение», которое дает гражданину возможность узнать, как алгоритм пришел к решению. Во-вторых, в законодательстве не определен механизм контроля выполнения запрета (например, в банках или государственных структурах может использоваться скрытая автоматизация). В-третьих, не определены штрафы или санкции за нарушение данных норм.

Статья 56 Закона РК «Об информатизации» обязывает собственников и операторов информационных систем защищать персональные данные с момента их получения до уничтожения или обезличивания. В условиях развития ИИ это положение приобретает особую значимость, поскольку алгоритмы машинного обучения широко используют персональные данные для анализа и принятия решений. Закон возлагает обязанность по защите персональных данных не только на операторов, но и на третьи лица, которые могут передавать или обрабатывать данные. Это ключевой момент в регулировании ИИ, так как алгоритмы часто используют большие массивы информации, передаваемой различными компаниями и государственными органами. Важно, что Закон закрепляет защиту данных с момента их получения до уничтожения на всех этапах их использования - сбор данных, обучение алгоритмов, хранение, передача третьим лицам, удаление данных. Принцип «защиты на всем жизненном цикле данных» присутствует и в GDPR, где также предусмотрено обязательство защиты данных на всех стадиях их обработки, однако в Казахстане опять же не определены четкие механизмы контроля за соблюдением этих норм.

Одним из ключевых вопросов, на сегодняшний день, является консолидация законодательства в сфере защиты персональных данных. Закон РК «О персональных данных и их защите», принятый в 2013 году, во многом устарел и не учитывает современные цифровые реалии. В этой связи актуальной представляется разработка нового комплексного закона о персональных данных, который бы интегрировал положения действующего законодательства, включая нормы Закона РК «Об информатизации», касающиеся защиты данных в условиях использования ИИ и интеллектуальных систем. Таким образом, для усиления защиты персональных данных в эпоху ИИ Казахстану важно разработать специализированное законодательство и ориентироваться на лучшие мировые практики, учитывая национальные особенности. На данный момент в Республике Казахстан разработана национальная стратегия ИИ и на стадии завершения законопроект об ИИ, который должен обеспечить баланс между стимулированием развития и регулированием сферы ИИ, в том числе при использовании персональных данных при машинном обучении и автоматизированной обработке.

Заключение

Персональные данные в цифровую эпоху приобретают двойственную природу: с одной стороны, они являются объектом правовой защиты, с другой - ценным цифровым ресурсом, используемым в системах искусственного интеллекта для анализа, прогнозирования и принятия решений, что требует усиления правового режима их охраны. ИИ значительно увеличивает риски нарушения конфиденциальности, включая возможность утечки данных, повторной идентификации анонимной информации и принятия автоматизированных решений без участия человека. При этом нарушаются фундаментальные права личности, в том числе на неприкосновенность частной жизни и справедливое обращение.

Анализ международного опыта правового регулирования персональных данных в мире показывает, что разные страны по-разному трактуют

правовую природу персональных данных, что влияет на степень их защиты. В Республике Казахстан право на защиту персональных данных не признана конституционным, что делает его регулирование менее жестким и зависимым от текущей государственной политики. Этот вопрос остается предметом дискуссий. Среди государств СНГ Республика Узбекистан в статье 31 Конституции закрепила право каждого на защиту персональных данных, включая возможность требовать исправления недостоверной информации, а также удаления данных, собранных незаконным путем или утративших правовые основания.

На сегодняшний день законодательные нормы Республики Казахстан в области защиты персональных данных развиваются в соответствии с глобальными тенденциями. Вместе с тем, в сравнении с правовыми системами Европейского союза, США и Китая, казахстанское регулирование демонстрирует ряд существенных пробелов, особенно в контексте цифровой трансформации и развития технологий искусственного интеллекта. В частности, в законодательстве отсутствует достаточная детализация таких ключевых принципов, как минимизация сбора данных, ограничение сроков хранения, прозрачность обработки, а также целевая обусловленность и точность персональных данных, что приводит к высоким рискам злоупотреблений и нарушения прав субъектов данных.

В отличие от Общего регламента по защите данных Европейского союза (GDPR), в казахстанской правовой системе не предусмотрены:

- специализированные механизмы контроля за соблюдением указанных принципов;

- институционализируемая ответственность за нарушение стандартов защиты;

- четко сформулированное «право на объяснение» алгоритмических решений, обеспечивающее субъектам данных возможность понимать логику, последствия и правовые основания решений, принятых ИИ.

Хотя в Законе Республики Казахстан

«Об информатизации» закреплены положения, ограничивающие автоматизированное принятие решений, это следует рассматривать лишь как начальный этап регулирования. Современные условия требуют более продвинутого и комплексного подхода. В целях модернизации законодательства предлагается:

- инкорпорировать принципы GDPR в казахстанскую правовую систему, при этом адаптируя их к национальному контексту и техническим реалиям;

- уточнить правовые принципы обработки персональных данных, сделав их более специализированными, в том числе в части минимизации объема обрабатываемых данных, ограничения целей и сроков хранения, установления обязанностей по обеспечению прозрачности и отчетности;

- закрепить на законодательном уровне «право на объяснение» автоматизированных решений. Предлагается дополнить статью 22 проекта Закона РК «Об искусственном интеллекте» пунктом 4 «Субъекты персональных данных имеют право на получение понятного и обоснованного объяснения логики, значимости и предполагаемых последствий решений, принятых системой искусственного интеллекта без участия человека, если такие решения затрагивают их права и законные интересы»;

- разработать механизмы апелляции решений, принятых ИИ, а также процедурные гарантии участия человека при вынесении социально значимых решений.

Действующее национальное законодательство в сфере защиты персональных данных фрагментировано - регулирование разбросано по различным нормативным актам (Закон «О персональных данных и их защите», Закон «Об информатизации» и др.), что создает правовую неопределенность, особенно в условиях развития ИИ. В связи с этим, Казахстану требуется разработка единого закона о персональных данных, включающий положения об их обработке в системах ИИ.

Таким образом, для Казахстана важно разработать сбалансированную модель регулирования персональных данных, которая гармонизирует

защиту персональных данных с способствующих замедлению международными стандартами, инноваций, и создает четкие правила стимулирует развитие ИИ, взаимодействия государства, бизнеса и избегая чрезмерных ограничений, граждан в сфере обработки данных.

Вклад авторов

Автор **Умитчинова Б.А.** - внесла существенный вклад в разработку концепции и содержания статьи. Автором был проведен анализ научной литературы и нормативных материалов по теме исследования и предложены основные выводы.

Автор **Гаврилова Ю.А.** - разработала методологическую основу исследования, обосновав теоретические аспекты рассматриваемой темы. Кроме того, автор участвовала в редактировании текста, обеспечивая логическую последовательность изложения и соответствие статьи научным требованиям.

Автор **Мензюк Г.А.** - провела критический пересмотр содержания работы, утвердила окончательный вариант статьи для публикации, осуществила надлежащее изучение и решение вопросов, связанных с достоверностью данных и целостностью всех частей статьи.

Список литературы:

1. Sartor, G. The impact of the General Data Protection Regulation (GDPR) on artificial intelligence. Study Panel for the Future of Science and Technology. EPRS European Parliamentary Research Service // G.Sartor // - Brussels, European Union, 2020. - 84 p. // Retrieved from [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/641530/EPRS_STU\(2020\)641530_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/641530/EPRS_STU(2020)641530_EN.pdf) (date of reference: 15.11.2024).

2. Rajesh, V. Navigating the Privacy Paradox: Balancing AI Advancement and Data Protection in the Digital Age // V.Rajesh, K.Adapa // International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology. - No10(6). - P. 99-110.

3. Huang, J. Applicable Law to Transnational Personal Data: Trends and Dynamics // J. Huang // German Law Journal. - 2020. - Volume 21. - Issue 6. - P. 1283-1308. // Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/applicable-law-to-transnational-personal-data-trends-and-dynamics/28B05974FD63C50F-8BA6EA079B66C6B5> (date of reference: 21.11.2024).

4. Pierre, L. Data Protection in AI-Driven Systems: Understanding the EU's Legal and Regulatory Response Through the General Data Protection Regulation (GDPR) // L. Pierre, U.Barrat // IE University Law School. - June 12th, 2023. // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/385089185_Data_Protection_in_AI-Driven_Systems_Understanding_the_EU's_Legal_and_Regulatory_Response_Through_the_General_Data_Protection_Regulation_GDPR (date of reference: 25.11.2024).

5. Wachter, S. "Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation" // S.Wachter, B.Mittelstadt, L.Floridi // International Data Privacy Law. - 2017. - Volume 7. - No2. // Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2903469 (date of reference: 27.11.2024).

6. King, J. Rethinking Privacy in the AI Era Policy Provocations for a Data-Centric World. // J. King, C.Meinhardt // - Stanford University. White Paper. - February 2024. - 53 p.

7. Clark, J. Europe: The EU AI Act's relationship with data protection law: key take-aways. // J.Clark, M.Demircan, K.Kettas // Retrieved from <https://privacymatters.dlapipiper.com/2024/04/europe-the-eu-ai-acts-relationship-with-data-protection-law-key-take-aways/> (date of reference: 06.12.2024).

8. Mittelstadt, B. AI ethics—too principled to fail? // B. Mittelstadt // Journal of Ethics and Information Technology. - 2019. - No21(4). - P. 345-358 // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/333874695_AI_Ethics_-_Too_Principled_to_Fail (date of reference: 10.12.2024).

9. Binns, R. The lack of comprehensive AI regulation in the US: An overview. //

R. Binns // Journal of Technology Law & Policy. - 2022. - No23(1). - P. 45-67.

10. Atata, B. The AI Privacy Paradox: a Comparative Analysis of EU and US Approaches to Regulating Artificial Intelligence and Protecting Personal Data // B.Atata // International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science. - 2024. - Volume 6. - Issue 9. - P. 1363-1377.

11. Ijaiya, H., Adeniyi, I. AI and Personal Data Privacy in the U.S: Balancing Customer Convenience with Privacy Compliance // H.Ijaiya, I.Adeniyi // ABUAD Law Journal (ALJ). – 2024. Vol. 12. - Issue 1. - P. 41-64. // Retrieved from <https://doi.org/10.53982/alj.2024.1201.03-j> (date of reference: 25.12.2024).

12. Kang, C. How state privacy laws are reshaping the tech landscape // C. Kang // The New York Times. - 2021. // Retrieved from <https://nytimes.com> (date of reference: 30.12.2024).

13. Greenleaf, G. Global data privacy laws 2023: The emerging landscape. Privacy Law & Policy Report. - 2023. // G.Greenleaf // Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4426146 (date of reference: 05.01.2025).

14. Smith, B. The state of AI regulation: Challenges and opportunities // B. Smith // Harvard Law Review. - 2022. - No135(4). - P. 1234-1260.

15. Ratnam, G. Data privacy law seen as needed precursor to AI regulation. // G. Ratnam // Retrieved from <https://rollcall.com/2023/09/26/data-privacy-law-seen-as-needed-precursor-to-ai-regulation/> (date of reference: 10.01.2025).

16. Feng, Y. Personal Data Protection at the Crossroad in China: Legal Framework, Practical Problems and Suggested Reforms // Y.Feng // Asia Pacific Law Review. - 2019. - No27:1. - P. 62-82. // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/334995413_The_future_of_China's_personal_data_protection_law_challenges_and_prospects (date of reference: 13.01.2025).

17. Xiongbiao, Y. Privacy and personal data risk governance for generative artificial intelligence: A Chinese perspective // Y. Xiongbiao, Y. Yuhong, J.Li, B.Jiang // Telecommunications Policy. - 2024. - No48. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2024.102851> (date of reference: 16.01.2025).

18. Chen, Z., et al. Securing privacy in the digital age: The quest for judicial protection of personal information // Z.Chen, R.Geng, Z.Jia, et al. // Journal of Infrastructure, Policy and Development. - 2024. - No8(12). // Retrieved from <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i12.9253> (date of reference: 20.01.2025).

19. Yang, L. Practice and Prospect of Regulating Personal Data Protection in China // L.Yang, Y.Lin, B. Chen // Laws. - 2024. - No13. // Retrieved from <https://doi.org/10.3390/laws13060078> (date of reference: 20.01.2025).

20. Гусарова, А. Защита персональных данных в Казахстане 2.0: цифровой след COVID-19. Проект при финансовой поддержке Фонда Сорос-Казахстан // А. Гусарова, С. Джаксылыков // - 2021. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2021/03/Personal-Data_Covid-Implications.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

21. Тлембаева, Ж.У. О некоторых подходах к правовому регулированию искусственного интеллекта // Ж.У. Тлембаева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2021. - №2(65). - С. 61-74.

© Б.А. Умитчинова¹, Ю.А. Гаврилова¹, Г.А. Мензюк¹, 2025

¹ Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен, Қазақстан
(E-mail: ¹umitchinova.botagoz@mail.ru; ¹gavriloyuliya@yandex.kz; ¹menzjuk@mail.ru)

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТІ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ЖЕКЕ ДЕРЕКТЕРДІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ: ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН ҮШІН ТӨНЕТІН ҚАТЕРЛЕР

Аннотация. Жасанды интеллект технологияларының айтарлықтай ілгерілеуі қоғамдық өмірдің көптеген салаларында даму мүмкіндіктерін кеңейтеді, бірақ сонымен бірге қауіпсіздікке, соның ішінде жеке деректерді ЖИ-пен өңдеу кезінде қауіп төндіреді. Мақалада жасанды интеллектті дамыту жағдайында дербес деректерді

қорғауды реттеудің құқықтық аспектілері қарастырылады, құпиялылықты қамтамасыз етудің шетелдік тәжірибесі талданады және Қазақстан Республикасындағы жеке деректерді құқықтық қорғаудың қазіргі жағдайы бағаланады.

Зерттеу ЕО, АҚШ, Қытай және Қазақстанның жеке деректерді қорғау саласындағы заңнамасын салыстырмалы құқықтық талдауға негізделген және ЖИ-ті реттеуіндегі айырмашылықтар және осы юрисдикциялардағы құпиялылық құқығын тану дәрежесі талданған. ЕО-да жеке деректер GDPR шеңберінде реттеледі, ол оларды қорғауды жеке тұлғаның ажырамас құқығы ретінде қарастырады. АҚШ-та көзқарас бірыңғай емес және штат деңгейінде айқындалады, бұл құқықтық реттеудің фрагментациясына алып келеді. Қытай, керісінше, деректерді өңдеуді ұлттық қауіпсіздік тұрғысынан бақылайды, бұл азаматтардың жеке деректерін қорғау құқықтарының ауқымын шектейді.

Мақалада Қазақстан Республикасында құқық қолдану практикасының түйінді мәселелері, оның ішінде дербес деректерді қорғау құқығын конституциялық танудың жоқтығы, автоматтандырылған шешімдер қабылдауды реттеудің жеткіліксіздігі және ЖИ қабылдаған шешімдерді «түсіндіру құқығы» тетігінің жоқтығын анықталды. ЖИ шешімдерінің түсіндірілуін қамтамасыз ететін құқықтық нормаларды енгізуді, автоматтандырылған жүйелерде дербес деректерді қорғауды күшейтуді, ұлттық нормаларды халықаралық стандарттармен үйлестіруді қамтитын құпиялылықты қорғауды құқықтық реттеуді жетілдіру бойынша шаралар ұсынылады. Алынған нәтижелер Қазақстанның ЖИ және дербес деректер саласындағы заңнамасын жетілдіру үшін, сондай-ақ цифрлық технологияларды құқықтық реттеу саласындағы одан әрі зерттеулер үшін пайдаланылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: жеке деректер, жасанды интеллект, құпиялылық, автоматтандырылған шешім қабылдау, генеративті ЖИ.

© B.A. Umitchinova¹, Y.A. Gavrilova¹, G.A. Menzyuk¹, 2025

¹ Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
(E-mail: ¹umitchinova.botagoz@mail.ru; ¹gavriloyuliya@yandex.kz; ¹menzyuk@mail.ru)

LEGAL REGULATION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT: FOREIGN EXPERIENCE AND CHALLENGES FOR KAZAKHSTAN

Abstract. Significant progress in artificial intelligence technologies expands development opportunities in many areas of public life, but at the same time creates security threats, including when AI processes personal data. The article examines the legal aspects of regulating the protection of personal data in the context of the development of artificial intelligence, analyzes foreign experience in ensuring confidentiality and assesses the current state of legal protection of personal data in the Republic of Kazakhstan.

The study is based on a comparative legal analysis of the legislation of the EU, USA, China and Kazakhstan in the field of personal data protection and AI regulation, and analyzes the differences in law enforcement and the degree of recognition of the right to privacy in these jurisdictions. In the EU, personal data is regulated under the GDPR, which views its protection as an inalienable right of the individual. In the United States, the approach is less unified and is determined at the state level, which leads to fragmentation of legal regulation. China, by contrast, controls data processing from a national security perspective, which limits the scope of citizens' rights to protect their personal data.

The article identifies key issues in law enforcement practice in the Republic of Kazakhstan, including the lack of constitutional recognition of the right to personal data protection, insufficient regulation of automated decision-making, and the lack of a mechanism for the "right to an explanation" of decisions made by AI. Measures are proposed to improve the legal regulation of privacy protection, including the introduction of legal norms that ensure the explainability of AI decisions, strengthening the protection

of personal data in automated systems, and harmonizing national norms with international standards. The results obtained can be used to improve the legislation of Kazakhstan in the field of AI and personal data, as well as for further research in the field of legal regulation of digital technologies.

Keywords: personal data, artificial intelligence, privacy, automated decision making, generative AI.

References:

1. Sartor, G. The impact of the General Data Protection Regulation (GDPR) on artificial intelligence. Study Panel for the Future of Science and Technology. EPRS European Parliamentary Research Service // G.Sartor // - Brussels, European Union, 2020. - 84 p. // Retrieved from [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/641530/EPRS_STU\(2020\)641530_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/641530/EPRS_STU(2020)641530_EN.pdf) (date of reference: 15.11.2024).
2. Rajesh, V. Navigating the Privacy Paradox: Balancing AI Advancement and Data Protection in the Digital Age // V.Rajesh, K.Adapa // International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology. - No10(6). - P. 99-110.
3. Huang, J. Applicable Law to Transnational Personal Data: Trends and Dynamics // J. Huang // German Law Journal. - 2020. - Volume 21. - Issue 6. - P. 1283-1308. // Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/applicable-law-to-transnational-personal-data-trends-and-dynamics/28B05974FD63C50F-8BA6EA079B66C6B5> (date of reference: 21.11.2024).
4. Pierre, L. Data Protection in AI-Driven Systems: Understanding the EU's Legal and Regulatory Response Through the General Data Protection Regulation (GDPR) // L. Pierre, U.Barrat // IE University Law School. - June 12th, 2023. // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/385089185_Data_Protection_in_AI-Driven_Systems_Understanding_the_EU's_Legal_and_Regulatory_Response_Through_the_General_Data_Protection_Regulation_GDPR (date of reference: 25.11.2024).
5. Wachter, S. "Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation" // S.Wachter, B.Mittelstadt, L.Floridi // International Data Privacy Law. - 2017. - Volume 7. - No2. // Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2903469 (date of reference: 27.11.2024).
6. King, J. Rethinking Privacy in the AI Era Policy Provocations for a Data-Centric World. // J. King, C.Meinhardt // - Stanford University. White Paper. - February 2024. - 53 p.
7. Clark, J. Europe: The EU AI Act's relationship with data protection law: key take-aways. // J.Clark, M.Demircan, K.Kettas // Retrieved from <https://privacymatters.dlapipiper.com/2024/04/europe-the-eu-ai-acts-relationship-with-data-protection-law-key-take-aways/> (date of reference: 06.12.2024).
8. Mittelstadt, B. AI ethics—too principled to fail? // B. Mittelstadt // Journal of Ethics and Information Technology. - 2019. - No21(4). - P. 345-358 // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/333874695_AI_Ethics_-_Too_Principled_to_Fail (date of reference: 10.12.2024).
9. Binns, R. The lack of comprehensive AI regulation in the US: An overview. // R. Binns // Journal of Technology Law & Policy. - 2022. - No23(1). - P. 45-67.
10. Atata, B. The AI Privacy Paradox: a Comparative Analysis of EU and US Approaches to Regulating Artificial Intelligence and Protecting Personal Data // B.Atata // International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science. - 2024. - Volume 6. - Issue 9. - P. 1363-1377.
11. Ijaiya, H., Adeniyi, I. AI and Personal Data Privacy in the U.S: Balancing Customer Convenience with Privacy Compliance // H.Ijaiya, I.Adeniyi // ABUAD Law Journal (ALJ). - 2024. Vol. 12. - Issue 1. - P. 41-64. // Retrieved from <https://doi.org/10.53982/alj.2024.1201.03-j> (date of reference: 25.12.2024).
12. Kang, C. How state privacy laws are reshaping the tech landscape // C. Kang // The New York Times. - 2021. // Retrieved from <https://nytimes.com> (date of reference: 30.12.2024).

13. Greenleaf, G. Global data privacy laws 2023: The emerging landscape. Privacy Law & Policy Report. - 2023. // G.Greenleaf // Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4426146 (date of reference: 05.01.2025).
14. Smith, B. The state of AI regulation: Challenges and opportunities // B. Smith // Harvard Law Review. - 2022. - No135(4). - P. 1234-1260.
15. Ratnam, G. Data privacy law seen as needed precursor to AI regulation. // G. Ratnam // Retrieved from <https://rollcall.com/2023/09/26/data-privacy-law-seen-as-needed-precursor-to-ai-regulation/> (date of reference: 10.01.2025).
16. Feng, Y. Personal Data Protection at the Crossroad in China: Legal Framework, Practical Problems and Suggested Reforms // Y.Feng // Asia Pacific Law Review. - 2019. - No27:1. - P. 62-82. // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/334995413_The_future_of_China's_personal_data_protection_law_challenges_and_prospects (date of reference: 13.01.2025).
17. Xiongbiao, Y. Privacy and personal data risk governance for generative artificial intelligence: A Chinese perspective // Y. Xiongbiao, Y. Yuhong, J.Li, B.Jiang // Telecommunications Policy. - 2024. - No48. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.tel-pol.2024.102851> (date of reference: 16.01.2025).
18. Chen, Z., et al. Securing privacy in the digital age: The quest for judicial protection of personal information // Z.Chen, R.Geng, Z.Jia, et al. // Journal of Infrastructure, Policy and Development. - 2024. - No8(12). // Retrieved from <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i12.9253> (date of reference: 20.01.2025).
19. Yang, L. Practice and Prospect of Regulating Personal Data Protection in China // L.Yang, Y.Lin, B. Chen // Laws. - 2024. - No13. // Retrieved from <https://doi.org/10.3390/laws13060078> (date of reference: 20.01.2025).
20. Gusarova A. Zashchita personalnyh dannyh v Kazahstane 2.0: cifrovoi sled COVID-19. Proekt pri finansovoi podderzhke Fonda Soros-Kazahstan. // A.Gusarova, S. Dzhaksylykov // - 2021. // Retrieved from https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2021/03/Personal-Data_Covid-Implications.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2025).
21. Tlembaeva Zh.U. O nekotoryh podhodah k pravovomu regulirovaniyu iskusstvennogo intellekta // Zh.U. Tlembaeva // Vestnik instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakstan. - 2021. - №2(65). - S. 61-74.

Авторлар туралы мәліметтер:
Сведения об авторах:
Information about authors:

Умитчинова Ботагоз Аспандиаровна - хат-хабарларға арналған автор, философия докторы (PhD), Қазақстан-Американдық еркін университетінің құқық және халықаралық қатынастар кафедрасының қауымдастырылған профессоры, М. Горький көшесі, 76, 070004, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: umitchinova.botagoz@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4358-4459>; Scopus Author ID: 57697529500.

Гаврилова Юлия Александровна - заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан-Американдық еркін университетінің құқық және халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры, М. Горький көшесі, 76, 070004, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: gavriloyuliya@yandex.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1096-4079>; Scopus Author ID: 57191410604.

Мензюк Галина Анатольевна - заң ғылымдарының кандидаты, БҒСБК доценті, Қазақстан-Американдық еркін университетінің құқық және халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры, М. Горький көшесі, 76, 070004, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: menzjuk@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4597-7459>.

Умитчинова Ботагоз Аспандиаровна - автор для корреспонденции, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, улица М. Горького, 76, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан.

E-mail: umitchinova.botagoz@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4358-4459>; Scopus Author ID: 57697529500.

Гаврилова Юлия Александровна - кандидат юридических наук, профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, улица М. Горького, 76, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан.

E-mail: gavriloyuliya@yandex.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1096-4079>; Scopus Author ID: 57191410604.

Мензюк Галина Анатольевна - кандидат юридических наук, доцент ККСОН, профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, улица М. Горького, 76, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан

E-mail: menzjuk@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4597-7459>.

Umitchinova Botagoz Aspandyarovna - corresponding authors, Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor of the Department of Law and International Relations of the Kazakh-American Free University, 76 M. Gorky Street, 070007, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: umitchinova.botagoz@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4358-4459>; Scopus Author ID: 57697529500.

Gavrilova Yuliya Aleksandrovna - Candidate of Law, Professor of the Department of Law and International Relations of the Kazakh-American Free University, 76 M. Gorky Street, 070007, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: gavriloyuliya@yandex.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1096-4079>; Scopus Author ID: 57191410604.

Menzyuk Galina Anatolyevna - Candidate of Law, Associate Professor of CCES, Professor of the Department of Law and International Relations of the Kazakh-American Free University, 76 M. Gorky Street, 070007, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: menzjuk@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4597-7459>.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 54-67

УДК 351.72
ГРНТИ 10.21.51
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_54
Научная статья

© Г.М. Ишкибаева^{1*}, Д. Нұрмуханкызы¹, А.М. Бегжан², 2025

¹ Жетысуский университет имени И. Жансугурова, Талдыкорган, Казахстан

² Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: ¹gulmira_marat@mail.ru; ¹daniyafmo@mail.ru; ²aizat007@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В СТРАТЕГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТАХ ПО КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ КОСМИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «KAZSAT-3R»

Аннотация. Развитие космической отрасли в Республике Казахстан приобретает особую значимость в условиях стремительной цифровизации, растущей зависимости от передовых телекоммуникационных решений и усиливающейся международной конкуренции в сфере высоких технологий. Президент Касым-Жомарт Токаев неоднократно подчеркивал необходимость перехода от фундаментальных научных разработок к прикладным исследованиям и коммерциализации космических технологий как важнейшему элементу современной государственной политики.

Реализация национальных проектов как «KazSat-2», «KazSat-3» и планируемый космический аппарат «KazSat-3R», демонстрирует стремление Республики Казахстан обеспечить независимость в сфере спутниковой связи, расширить спектр цифровых услуг, снизить зависимость от иностранных операторов и одновременно создать экономически устойчивую модель получения доходов за счет коммерческого использования космической инфраструктуры.

Настоящее исследование посвящено правовому анализу процедур государственных закупок, применяемых в процессе реализации проекта «KazSat-3R» с учетом его стратегической значимости и технологической сложности. Центральное внимание уделяется положениям нового Закона «О государственных закупках», который вступил в силу с 1 января 2025 года.

Важным элементом исследования стал сравнительно-правовой анализ международной практики Франции и Германии, где применяются гибкие подходы к закупкам в стратегических отраслях. Такие инструменты обеспечивают баланс между соблюдением принципов конкурентности и необходимостью реализации сложных проектов в сфере космоса.

Проанализированы институциональные и нормативные барьеры, возникающие на практике при попытке привлечения зарубежных подрядчиков - таких как отсутствие финансовых показателей в отечественных системах оценки устойчивости, а также невозможность участия в закупках без наличия казахстанского бизнес-идентификационного номера (БИН).

По итогам проведенного анализа в работе предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства, направленные на устранение правовых барьеров при реализации высокотехнологичных проектов, включая разработку отраслевых норм закупок, внедрение гибких процедур и формализацию механизма участия иностранных поставщиков на основе международных критериев оценки.

* Автор для корреспонденции. E-mail: gulmira_marat@mail.ru.

Ключевые слова: «KazSat-3», государственные закупки, космическое право, национальная безопасность, стратегический проект.

Введение

Невозможно представить жизнь современного человека без космических технологий: телекоммуникаций, спутниковой навигации, дистанционного зондирования Земли из космоса, прогнозирования стихийных бедствий и погодных колебаний, разведки полезных ископаемых и т.д. [1, р. 474 - 487]. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев неоднократно подчеркивал важность коммерциализации космических технологий как ключевого направления развития национальной науки и высокотехнологичной экономики. В частности, в апреле 2024 года на заседании Национального совета по науке и технологиям он отметил необходимость восстановления утраченной связи между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и их коммерческим применением¹. Кроме того, в июле 2024 года в ходе переговоров с Председателем КНР Си Цзиньпином было подписано совместное заявление, в котором стороны выразили поддержку сотрудничеству в области мирного использования космоса и коммерческого использования космической инфраструктуры².

Одним из приоритетных направлений в этом контексте становится реализация телекоммуникационных спутниковых проектов, таких как планируемый спутник «KazSat-3R», который призван обеспечить преимущество космической инфраструктуры Казахстана, расширить возможности оказания платных телекоммуникационных услуг, а также укрепить позиции страны на региональном рынке космических технологий³.

Ввиду высокой стоимости, технологической сложности и стратегического характера подобных

проектов ключевое значение приобретает вопрос правового регулирования процедур их финансирования и реализации. Особенно важной становится система государственных закупок, через которую осуществляется выбор квалифицированных поставщиков и контроль за эффективным использованием бюджетных средств.

С 1 января 2025 года в Казахстане вступил в силу новый Закон «О государственных закупках», а также 9 октября 2024 года подписаны Правила осуществления государственных закупок, которые вносят существенные изменения в привычный порядок осуществления государственных закупок.

В современных условиях особую значимость приобретает анализ влияния последних изменений в законодательстве о государственных закупках на реализацию проекта «KazSat-3R», который рассматривается как стратегически важный для развития аэрокосмической отрасли Республики Казахстан. Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего правового осмысления механизмов, применяемых при осуществлении государственных закупок в рамках высокотехнологичных и международно - ориентированных проектов. В фокусе внимания находятся проблемы адаптации законодательства к особенностям научно-технически сложных закупок, обеспечение их прозрачности и правовое обеспечение участия иностранных поставщиков, обладающих специализированной квалификацией в области космических технологий.

Целью настоящего исследования является выявление правовых и институциональных барьеров, возникающих при реализации

¹ Кадры: Россия и Казахстан восстанавливают научную кооперацию // Ведомости. – 2025. – 17 марта. // URL: <https://www.vedomosti.ru/technologies/personnel/articles/2025/03/17/1098460-kadri-rossiya-i-kazakhstan> (дата обращения: 26.05.2025).

² Касым-Жомарт Токаев и Си Цзиньпин провели брифинг для представителей СМИ // URL: <https://ortcom.kz/ru/novosti/1720004530> (дата обращения: 25.05.2025).

³ В T153 млрд оценили модуль высокоскоростного интернета проектируемого спутника KazSat-3R // КазТАГ. – 2025. – 18 мая. // URL: <https://kaztag.kz/ru/news/v-t153-mlrd-otsenili-modul-vysokoskorostnogo-interneta-proektiruemogo-sputnika-kazsat-3r> (дата обращения: 26.05.2025).

стратегических проектов в аэрокосмической отрасли, путем анализа действующего законодательства, включая положения нового Закона Республики Казахстан «О государственных закупках» от 1 июля 2024 года, вступившего в силу с 1 января 2025 года на конкретном примере - «KazSat-3R». Исследование направлено на формулирование конкретных предложений по совершенствованию нормативной базы с учетом технологических требований и стратегических интересов государства.

Особое внимание в работе уделяется международному опыту правового регулирования закупок в аэрокосмической сфере. Рассматриваются подходы, реализуемые во Франции и Германии.

Таким образом, исследование направлено на комплексную правовую оценку действующего режима государственных закупок применительно к реализации сложных проектов, таких как «KazSat-3R». Анализируется степень его соответствия современным вызовам в сфере космической деятельности, где особую роль играют высокая технологическая сложность и тесная взаимосвязь с международным сотрудничеством. По результатам анализа обосновывается необходимость разработки специализированных правовых механизмов, включая особые процедуры закупок, дифференцированные требования к квалификации потенциальных поставщиков, механизмы баланса между открытостью и обеспечением национальной безопасности. Реализация указанных подходов рассматривается как условие достижения стратегических целей Республики Казахстан в сфере освоения и коммерциализации космических технологий, укрепления технологического суверенитета и повышения устойчивости критической инфраструктуры.

Материалы и методы

Материальной основой исследования послужили нормативные правовые акты Республики Казахстан, регулирующие сферы государственных закупок, включая

Закон «О государственных закупках» (в редакции от 1 июля 2024 года), Правила осуществления государственных закупок (от 9 октября 2024 года). Также были проанализированы официальные выступления Президента Республики Казахстан, решения Национального совета по науке и технологиям, программные документы, посвященные проекту «KazSat-3R» и публикации в специализированных средствах массовых информации. В исследование включены международные договоры и соглашения, касающиеся сотрудничества в области мирного освоения космоса, в частности двусторонние инициативы Казахстана и Китая, а также практики Франции и Германии в правовом сопровождении аэрокосмических закупок.

Методологическая основа исследования включает формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и документальный методы. Формально-юридический метод использован для анализа и интерпретации положений действующего законодательства, регулирующего сферу государственных закупок и космической деятельности. Сравнительно-правовой подход позволил сопоставить казахстанскую нормативную модель с зарубежными практиками в области правового сопровождения аэрокосмических закупок. Системный метод применялся для выявления взаимосвязей между правовыми нормами, институциональной архитектурой и задачами коммерциализации космических технологий. Документальный метод обеспечил анализ нормативных и аналитических источников, отражающих правовые и организационные аспекты реализации проекта «KazSat-3R».

Результаты и обсуждения

Анализ реализации проекта «KazSat-3R» в контексте действующего законодательства о государственных закупках выявил ряд ключевых особенностей и проблемных точек, требующих правового и организационного совершенствования.

1. Отсутствие единых отраслевых стандартов для закупок в сфере космоса. В настоящее время отсутствуют специализированные

правила, адаптированные под нужды аэрокосмической отрасли. M. Day и D.J. Atkinson в своей статье рассматривают крупномасштабные изменения в закупках и поставках в аэрокосмической отрасли, выходящие за рамки традиционных рациональных моделей и верно подчеркивают необходимость адаптации закупочных стратегий к быстро меняющимся условиям и технологическим требованиям [2, p. 257-268].

Необходимо отметить, что квазигосударственные предприятия аэрокосмической отрасли, где пятьдесят и более процентов голосующих акций (долей участия в уставном капитале) которых принадлежат государству, являются субъектами Закона «О государственных закупках»⁴. Соответственно, приобретение товаров, работ и услуг, необходимых для обеспечения функционирования, а также выполнения государственных функций либо уставной деятельности таких предприятий, должно осуществляться в соответствии с требованиями указанного закона, в таком же порядке, установленном как для всех государственных учреждений в Республике Казахстан.

Безусловно, такой подход, основанный на единых процедурах закупок, позволяет обеспечить прозрачность, подотчетность и контроль за расходованием бюджетных средств. Однако применение универсальных правил без учета отраслевой специфики создает определенные ограничения при реализации высокотехнологичных проектов с повышенным уровнем сложности и рисками, с учетом того, что потенциальными поставщиками зачастую выступают иностранные поставщики. Более того, общеизвестно, что одна из самых частых проблем, в сфере государственных закупок — это неоднократное признание закупок несостоявшимися. В таких случаях заказчики вынуждены повторно инициировать процедуры

государственных закупок, что нередко приводит к удорожанию стоимости закупаемых товаров, работ и услуг. Это, в свою очередь, оказывает негативное влияние на производственную деятельность заказчика. Указанное влечет за собой необходимость корректировки утвержденного бюджета. Подобное явление особенно характерно для сферы закупок космической техники и ее составных элементов. Высокая степень технологической сложности, ограниченное число квалифицированных поставщиков и длительные производственные циклы, усиливают риск неоднократного признания процедур несостоявшимися.

Например, согласно данным веб-портала государственных закупок goszakup.gov.kz заказчик - акционерное общество «Республиканский центр космической связи» в течение всего 2023 года не смогло осуществить закупки IP маршрутизатора на сумму 465 тыс. тенге, при этом объявление опубликовывалась более 6 раз⁵. Закупка осуществлена лишь в ноябре 2024 года на сумму 560 тыс. за единицу товара⁶. Причиной тому — невозможность указать марку и модель маршрутизатора в соответствии с требованиями законодательства о государственных закупках. Указанное приводит не только к затягиванию сроков реализации проектов, но и к дополнительным финансовым издержкам, что негативно сказывается на стабильности и предсказуемости выполнения государственных задач в космической отрасли.

Как отмечают А. Бегжан и С. Айдарбаев, в настоящее время существует острая необходимость в реформировании системы государственных закупок, что требует создания соответствующей законодательной базы и разработки концептуальных основ для комплексного совершенствования нормативно-правового регулирования в данной сфере [3, с. 257-268]. В этой связи актуализируется задача

⁴ Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 года № 106-VIII «О государственных закупках». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000106> (дата обращения: 25.05.2025).

⁵ Договор о государственных закупках от 13 ноября 2023 года №517 между АО «Республиканский центр космической связи» и ТОО «Allianz.kz». // URL: <https://www.goszakup.gov.kz> (дата обращения: 26.05.2025).

⁶ Договор о государственных закупках товаров от 27 ноября 2024 года № 413 между АО «Республиканский центр космической связи» и ИП Жаханова Орынкул // URL: <https://www.goszakup.gov.kz> (дата обращения: 26.05.2025).

разработки и внедрения отраслевых механизмов регулирования закупочной деятельности, ориентированных на поддержку научно-технологического развития и обеспечение эффективной реализации высокотехнологичных проектов.

С учетом выявленных в ходе анализа правовых и институциональных ограничений, а также специфики реализации космических проектов, представляется целесообразным инициировать разработку отраслевых правил государственных закупок для аэрокосмической сферы, которые учитывали бы особенности сложных научно-технических разработок; длительные производственные и испытательные циклы; необходимость защиты результатов интеллектуальной деятельности; условия международного технологического сотрудничества и трансфера знаний.

Принятие таких правил позволит повысить прозрачность и гибкость закупочных процедур, снизить правовые риски, а также обеспечить баланс между эффективным освоением бюджетных средств и поддержкой инновационного развития в аэрокосмическом секторе Республики Казахстан.

2. Ограниченность гибкости процедур при реализации высокотехнологичных проектов. Выбор поставщика по проекту «KazSat-3R» должно осуществляться в соответствии с Законом «О государственных закупках». При этом, в качестве потенциальных поставщиков по проекту рассматриваются иностранные космические компании⁷.

В январе 2025 года вступил в силу Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 года «О государственных закупках» в новой редакции. Утвержденный в рамках реализации указанного закона приказ Министра финансов от 28 августа 2024 года

№ 589 «Об утверждении перечней товаров, работ, услуг, по которым централизованные государственные закупки осуществляются едиными организаторами государственных закупок» устанавливает, что при закупке работ при превышении суммы лота, выделенной на проведение конкурса/ аукциона двадцатитысячекратного месячного расчетного показателя, установленного на соответствующий финансовый год законом о республиканском бюджете, процедуру таких закупок осуществляет единый организатор государственных закупок, т.е. Министерства финансов⁸. При этом, состав конкурсной комиссии определяется из числа работников единого организатора⁹.

В данном случае возникает обоснованное сомнение в том, обладают ли специалисты Минфина достаточной технической и профессиональной компетенцией для объективного рассмотрения заявок потенциальных поставщиков в высокотехнологичных отраслях, таких как аэрокосмическая. Учитывая специфику космических проектов, включая сложную техническую документацию, требования к безопасности, интеллектуальной собственности и международным стандартам, существует риск формального подхода к оценке заявок без должного учета отраслевых особенностей. Такой подход может привести к затруднениям при отборе квалифицированных подрядчиков, снижению качества приобретаемых услуг и нарушению сроков реализации стратегически значимых проектов.

В этой связи представляется обоснованным вопрос о целесообразности участия профильных ведомств и отраслевых экспертов в составе конкурсной комиссии, либо разработки исключений из общих правил для закупок в научно-технических и

⁷ Миллиарды в космос: зачем Казахстан в ближайшие пять лет заменит три спутника на орбите // URL: <https://cmn.kz/milliardy-v-kosmos-zachem-kazahstan-v-blizhajshie-pyat-let-zamenit-tri-sputnika-na-orbite/> (дата обращения: 21.05.2025).

⁸ Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 28 августа 2024 года № 589 «Об утверждении перечней товаров, работ, услуг, по которым централизованные государственные закупки осуществляются едиными организаторами государственных закупок». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035003> (дата обращения: 25.05.2025).

⁹ Приказ Министра финансов Республики Казахстан от 9 октября 2024 года №687 «Об утверждении Правил осуществления государственных закупок». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035238> (дата обращения: 25.05.2025).

космических сферах, где применимы специализированные требования.

Необходимо отметить, что все закупки в рамках Закона Республики Казахстан от 1 июля 2024 года «О государственных закупках» осуществляются на веб-портале государственных закупок – goszakur.gov.kz. Для участия в закупках потенциальные поставщики должны быть зарегистрированы на территории Республики Казахстан как лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, т.е. иметь БИН. Кроме того, для участия в закупке потенциальные поставщики должны иметь показатель финансовой устойчивости, определяемый порталом государственных закупок автоматически на основании данных уполномоченных органов (налоговая, статистика и т.д.) за последние 3 года.

Учитывая высокую вероятность того, что основная часть работ по проекту «KazSat-3R» будет осуществляться с участием иностранных юридических лиц, возникает объективная правовая и техническая проблема, связанная с ограниченным доступом таких поставщиков к участию в государственных закупках. Даже при наличии высокой международной деловой репутации, значительного опыта и объемов выручки, иностранные компании сталкиваются с барьером, установленным требованиями к наличию трехлетнего опыта ведения деятельности на территории Республики Казахстан.

Фактически это означает, что даже после регистрации дочерней компании в Казахстане потенциальные иностранные поставщики смогут претендовать на участие в закупках только по истечении трех лет. Подобное ограничение вступает в противоречие с реальной экономической мощностью и квалификацией таких поставщиков,

что может негативно отразиться на конкуренции, качестве выполняемых работ и сроках реализации высокотехнологичных проектов.

Так, выручка **Thales Alenia Space** (Франция/Европа) в 2023 году составила около **2,2 миллиарда евро**, при этом прибыль до налогообложения (EBIT) достигла **1%**, с прогнозируемым ростом до **7% к 2028 году**¹⁰. Российская компания **АО «Главкосмос»**, входящая в структуру Госкорпорации «Роскосмос», в 2021 году продемонстрировала выручку порядка **13 миллиардов рублей**, что почти в 1,5 раза превышает показатели 2020 года¹¹. Турецкий аэрокосмический гигант **Turkish Aerospace Industries (TAI)** в 2023 году достиг выручки в размере **2,67 миллиарда долларов США**, заняв **38-е место** в мировом рейтинге крупнейших аэрокосмических компаний¹².

Конечно, можно задать вполне логический вопрос, а как же осуществлялась реализация проектов «KazSat-2» и «KazSat-3», созданные российскими предприятиями [3, с. 143–169]. Ранее действовавшее законодательство устанавливало возможность осуществления таких закупок с применением особого порядка. Так например в соответствии с Законами «О государственных закупках» от 21 июля 2007 года и от 4 декабря 2015 года товары, работы, услуги, сведения о которых составляют государственные секреты в соответствии с законодательством Республики Казахстан о государственных секретах и (или) содержат служебную информацию ограниченного распространения, определенную Правительством Республики Казахстан, осуществлялись с применением особого порядка¹³. Закупка с применением особого порядка предусматривала осуществление процедур государственных закупок на бумажном носителе в соответствии с порядком,

¹⁰ Moonlight: Thales Alenia Space to develop the space segment of the navigation system orbiting the Moon. // Thales Alenia Space – Press Releases. // URL: <https://www.thalesaleniaspace.com/en/press-releases/moonlight-thales-alenia-space-develop-space-segment-navigation-system-orbiting> (date of reference: 25.05.2025).

¹¹ Glavkosmos becomes one of the best exporters of the year in the service sector. // URL: <https://www.glavkosmos.com/en/glavkosmos-becomes-one-of-the-best-exporters-of-the-year-in-the-service-sector/> (date of reference: 25.05.2025).

¹² Türkiye's TAI, Baykar rank in world's top 50 aviation firms. // URL: <https://www.trtworld.com/turkiye/turkiyes-tai-baykar-rank-in-worlds-top-50-aviation-firms-18230968> (date of reference: 25.05.2025).

¹³ Закон Республики Казахстан от 21 июля 2007 года №303-III «О государственных закупках». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000303> (дата обращения: 25.05.2025).

установленным постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2015 года № 1200 «Об утверждении Правил осуществления государственных закупок с применением особого порядка»¹⁴. Как результат, иностранные поставщики могли участвовать в подобных закупках без соответствующей регистрации на территории Республики Казахстан.

Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 года «О государственных закупках» с 2025 года такую возможность исключил, внося изменения в исчерпывающий перечень оснований для закупок с применением особого порядка. Если ранее закупки, содержащие служебную информацию ограниченного распространения (дсп), определенную Правительством, могли проводиться с применением особого порядка **независимо от цели** их использования, то с 2025 года такое основание ограничено: **использование особого порядка возможно только в случае, если соответствующие товары, работы или услуги необходимы для обеспечения нужд правопорядка и национальной безопасности**, т.е. фактически распространив только для правоохранительные органы Республики Казахстан.

Сенатор Республики Казахстан А. Лукин в своем депутатском запросе от 22 мая 2025 года выразил обеспокоенность ограничениями, введенными новым Законом «О государственных закупках» от 1 июля 2024 года, в отношении участия иностранных компаний в стратегических проектах, таких как «KazSat-3R». Он отметил, что изменения в законодательстве усложнили доступ иностранных производителей, рассматриваемых в качестве основных потенциальных поставщиков для создания спутника. В связи с этим А. Лукин предложил исключить проект «KazSat-3R» из действия Закона или разрешить проведение конкурса с применением особого порядка¹⁵.

Таким образом, анализ действующего законодательства

Республики Казахстан в сфере государственных закупок в контексте реализации проекта «KazSat-3R» выявил ряд существенных ограничений, снижающих гибкость и эффективность процедур закупок для высокотехнологичных и стратегически значимых проектов. Централизация закупочных процедур и формальный состав конкурсных комиссий, отсутствие отраслевых исключений и барьеры для участия иностранных поставщиков при всей их квалификации и репутации создают риски снижения качества предоставляемых услуг и затягивания сроков реализации проектов.

Исключение из перечня оснований для применения особого порядка закупок, ранее позволявшего учитывать чувствительный характер космических программ, также усложнило привлечение международных подрядчиков. Это особенно критично для проектов, требующих специализированных знаний, производственных мощностей и опыта, которыми, как правило, обладают иностранные компании.

С учетом выявленных правовых и институциональных ограничений, представляется целесообразным:

1. Внедрить альтернативные критерии оценки участников, включая международную финансовую отчетность и корпоративную репутацию;

2. Внести соответствующие изменения и (или) дополнения в Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 года «О государственных закупках», а именно:

пункт 2 статьи 26 Закона изложить в следующей редакции:

«Статья 26. Особый порядок осуществления государственных закупок»

1. Государственные закупки с применением особого порядка осуществляются в соответствии с настоящим Законом, за исключением норм, устанавливающих квалификационные требования, а также регламентирующих процедуры и сроки осуществления государственных

¹⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2015 года №1200 «Об утверждении Правил осуществления государственных закупок с применением особого порядка». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001200> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁵ Сенатор рассказал, как Казахстану развивать национальную спутниковую программу // URL: <https://www.zakon.kz/tekhno/6478293-senator-rasskazal-kak-kazakhstanu-razvivat-natsionalnuyu-sputnikovuyu-programmu.html> (дата обращения: 25.05.2025).

закупок, предусмотренных настоящим Законом.

2. Государственные закупки с применением особого порядка осуществляются в случаях приобретения:

.....

2) товаров, работ, услуг, сведения о которых составляют государственные секреты в соответствии с законодательством Республики Казахстан о государственных секретах **и (или) содержат служебную информацию ограниченного распространения, определенную Правительством Республики Казахстан.**».

Либо предусмотреть возможность осуществления закупок путем прямого заключения договора. Для этого предлагается подпункт 27) пункта 3 статьи 16 Закона от изложить в следующей редакции:

«Статья 16. Основания осуществления государственных закупок способом из одного источника

...

3. Государственные закупки способом из одного источника путем прямого заключения договора осуществляются в случаях:

...

27) приобретения услуг по подготовке космонавтов и организации осуществления полетов космонавтов в космос, **работ по созданию космических объектов и/или космических систем**, а также товаров и услуг по техническому обслуживанию и ремонту авиационной техники у специализированных авиационных производителей и предприятий;».

Кроме того, в целях достижения национальных приоритетов в космической сфере целесообразно предусмотреть возможность использования адаптированных процедур закупок с привлечением профильных ведомств, независимых технических экспертов и реализацией дифференцированного режима доступа для высококвалифицированных иностранных участников. Это позволит обеспечить баланс между принципами открытости и национальной безопасности при сохранении высокого уровня технологической реализации

проектов.

3.Необходимость интеграции международного опыта: международный опыт правового регулирования закупок в космической отрасли: кейсы Франции и Германии.

Во Франции, например, применяется механизм специальных закупок в интересах обороны и безопасности (*marchés de défense et de sécurité*), регулируемых на основе директив ЕС. Кодекс о государственных закупках (*Le Code de la commande publique*) выделяет два вида соглашений в рамках государственной контрактной системы, в том числе, государственные контракты в области обороны и безопасности¹⁶. Эти закупки осуществляются с возможностью отклонения от стандартных конкурсных процедур в случаях, когда речь идет о защите критически важной инфраструктуры или эксклюзивных технологиях. Также активно используются долгосрочные рамочные соглашения, позволяющие привлекать поставщиков на более продолжительный срок без необходимости повторного проведения конкурса.

В Германии действует специальный правовой режим, регулирующий государственные закупки в сфере обороны и аэрокосмической деятельности, что обусловлено необходимостью обеспечения гибкости и оперативности в реализации стратегически важных и технологически сложных проектов. Основу регулирования составляют положения **Закона о государственных закупках в сфере обороны и безопасности (*Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen – GWB*)**, а также директивы Европейского союза, в частности **Directive 2009/81/EC**, регулирующая закупки в оборонной и охранной сферах. Одной из ключевых особенностей немецкой системы является возможность осуществления закупки у **единственного поставщика (*Einzellieferant*)** в случаях, когда поставляемая продукция обладает **уникальными техническими характеристиками**, либо когда только один поставщик способен обеспечить

¹⁶ Code de la défense. Article L1113-1 // Légifrance – Le service public de l'accès au droit. // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000037703276 (date de consultation: 25.05.2025).

требуемый уровень технологической совместимости, конфиденциальности или национальной безопасности. Такие исключения допускаются строго при наличии документального обоснования и основаны на принципе технической неделимости поставки¹⁷.

Особое внимание в Германии уделяется так называемым **«технологическим исключениям»** (technologische Ausnahmen), которые позволяют применять нестандартные подходы к формированию закупочной документации, критериям оценки и условиям исполнения контракта¹⁸.

Дополнительно существует возможность **многоуровневой координации** между Министерством обороны, Федеральным агентством по оборудованию, информационным технологиям и использованию Бундесвера (BAAINBw) и другими отраслевыми структурами, что позволяет эффективно управлять закупками в рамках национальных стратегических программ, включая участие в международных космических миссиях и проектах Европейского космического агентства¹⁹.

Кроме того существующая система закупок в Европейском космическом агентстве (ESA) балансирует между эффективностью, промышленной политикой, и политическими интересами стран-участниц, что делает ее уникальной в сравнении с национальными моделями [4, р. 43].

Таким образом, европейская модель демонстрирует успешный баланс между соблюдением принципов прозрачности и конкуренции, с одной стороны, и необходимостью учитывать специфику оборонных и аэрокосмических разработок - с другой. Казахстану может быть полезна адаптация этих элементов, в частности, правовое закрепление оснований для закупки у единственного поставщика в аэрокосмической отрасли и формализация гибких процедур на этапе подготовки и заключения договоров.

Заключение

В настоящем исследовании была предпринята попытка комплексного правового анализа механизмов реализации государственных закупок в контексте стратегического космического проекта «KazSat-3R». На основе изучения положений нового Закона Республики Казахстан «О государственных закупках» от 1 июля 2024 года и сопоставления его с международной практикой выявлены правовые и институциональные ограничения, затрудняющие эффективную реализацию высокотехнологичных и наукоемких проектов в аэрокосмической сфере.

Ключевыми выводами исследования стали следующие положения:

1) действующая модель закупок в Казахстане основана на универсальных процедурах, не учитывающих специфику аэрокосмических разработок;

2) отсутствие гибкости в применении государственных закупок, особенно в отношении участия иностранных поставщиков, снижает конкурентоспособность и ограничивает доступ к передовым технологиям;

3) сужение оснований для ранее действовавшего особого порядка закупок, значительно ограничило правовые возможности для привлечения зарубежных подрядчиков в чувствительных секторах, включая космос.

Исходя из вышеуказанного, обоснована необходимость нормативной дифференциации в сфере государственных закупок: разработка **отраслевых правил для аэрокосмической сферы, внедрение специальных процедур отбора**, учитывающих научно-техническую сложность, длительность производственного цикла и трансграничный характер сотрудничества, – **предусмотрение исключений** из стандартных требований (в частности, по финансовой

¹⁷ Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen (GWB) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gwb/BJNR252110998.html#BJNR252110998BJNG018600118> (Gesehen am 25.05.2025).

¹⁸ Eisenbahn-Inbetriebnahmegenehmigungsverordnung (EIGV). § 5 Ausnahmen von der Anwendung der Technischen Spezifikationen für die Interoperabilität // Buzer.de. // URL: https://www.buzer.de/5_EIGV.htm (Gesehen am 25.05.2025).

¹⁹ Federal Office of Bundeswehr Equipment, Information Technology and In-Service Support (BAAINBw) // Bundeswehr. // URL: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/equipment/organization/baainbw> (Gesehen am 25.05.2025).

устойчивости и местному опыту) для высокотехнологичных проектов стратегического значения.

Основная идея исследования заключается в том, что достижение целей технологического суверенитета, устойчивого освоения космоса и коммерциализации научных разработок невозможно без правовой модернизации закупочных механизмов. Именно наличие гибкой, сбалансированной и технологически ориентированной правовой базы позволит Казахстану не только эффективно реализовывать проекты, подобные «KazSat-3R», но и занять достойное место на международном рынке космических технологий.

С практической точки зрения предложенные меры обладают прикладным потенциалом для совершенствования национального законодательства, формирования условий для привлечения инвестиций в

космическую отрасль, стимулирования научных разработок и укрепления международного сотрудничества.

Научная значимость статьи заключается в разработке конкретных предложений по нормативной трансформации публичных закупок в сфере космических технологий, основанных на анализе национального и зарубежного законодательства, а также системном осмыслении институциональных механизмов, поддерживающих инновационную и стратегическую деятельность государства в условиях глобальной технологической конкуренции.

Таким образом, исследование вносит вклад в развитие правовой теории и практики регулирования государственных закупок, ориентированных на поддержку стратегических направлений научно-технической и промышленной политики Республики Казахстан.

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № AP22683782).

Вклад авторов

Ишкибаева Г.М. – осуществила разработку концептуального замысла исследования, определение ключевой научной проблемы, а также сформулировала цели и задачи работы. Ею подготовлены введение и заключение статьи, проведено обоснование научной и практической актуальности темы, выполнено всестороннее исследование теоретических и нормативно-правовых источников, имеющих значение для заявленной проблематики.

Нұрмуханқызы Д. – отвечала за разработку и подробное описание методологии исследования, осуществила сбор и систематизацию эмпирических данных, провела аналитическую обработку и интерпретацию полученных результатов. Под ее авторством подготовлен и структурирован основной раздел статьи – «Результаты и обсуждение».

Бегжан А.М. – провела анализ как научной, так и нормативной литературы по теме исследования, обеспечила оформление библиографического списка в соответствии с установленными требованиями. Также на нее возлагались задачи по транслитерации, подготовке аннотаций, корректному указанию сведений об авторах и обеспечению формальных элементов публикации.

Все авторы принимали активное участие в обсуждении основных положений статьи, согласовали ее содержание на всех этапах подготовки и одобрили окончательный вариант для публикации.

Список литературы:

1. Ishkibayeva, G.M. Problems of legal regulation of activities for the commercial use of space communications // G.M. Ishkibayeva, D. Nurmukhankyzy // International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. – 2022. – №14(5). – P. 474–487.
2. Marc Day. Atkinson Large-scale transitional procurement change in the aerospace industry // Marc Day, J. David // Journal of Purchasing and Supply Management. – 2004. – №10(6). – P. 257–268.
3. Лефтер, В.Д. Становление космической связи в Казахстане // В.Д. Лефтер // Вестник Казахского университета путей сообщения. – 2018. – №1(110). – С. 64–68.
4. Begzhan, A. International legal regulation of government procurement for sustainable development in the framework of the WTO // A. Begzhan, S. Aidarbayev, M. Hartwig, S. Alibekov, Zhailau. Zh. // Rivista di Studi sulla Sostenibilità. – 2021. – №2(0). – P. 95–109.
5. Petrou, I. The European Space Agency's Procurement System: A Critical Assessment // I. Petrou // Public Contract Law Journal. – 2008. – №37(2). – P. 143–169.

© Г.М. Ишкибаева¹, Д. Нұрмуханкызы¹, А.М. Бегжан², 2025

¹І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті, Талдықорған, Қазақстан

²әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
(E-mail: ¹gulmira_marat@mail.ru; ¹daniyafmo@mail.ru; ²aizat007@mail.ru)

ҒАРЫШТЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАРДЫ КОММЕРЦИЯЛАНДЫРУҒА БАҒЫТТАЛҒАН СТРАТЕГИЯЛЫҚ МАҢЫЗЫ БАР ЖОБАЛАРДАҒЫ МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУЛАР: «KAZSAT-3R» ЖОБАСЫН ІСКЕ АСЫРУ МЫСАЛЫНДА

Аннотация. Қазақстан Республикасында ғарыш саласының дамуы жедел цифрландыру, озық телекоммуникациялық шешімдерге тәуелділіктің артуы және жоғары технологиялар саласындағы халықаралық бәсекелестіктің күшеюі жағдайында ерекше маңызға ие болуда. Президент Қасым-Жомарт Тоқаев іргелі ғылыми әзірлемелерден қолданбалы зерттеулер мен ғарыштық технологияларды коммерцияландыруға көшу қажеттігін бірнеше рет атап өткен болатын, бұл қазіргі мемлекеттік саясаттың маңызды элементіне айналуда.

«KazSat-2», «KazSat-3» сияқты ұлттық жобалардың, сондай-ақ жоспарланып отырған «KazSat-3R» ғарыш аппаратының жүзеге асырылуы, Қазақстан Республикасының спутниктік байланыс саласында тәуелсіздігін қамтамасыз етуге, цифрлық қызметтер аясын кеңейтуге, шетелдік операторларға тәуелділікті азайтуға және ғарыш инфрақұрылымын коммерциялық мақсатта пайдалану арқылы табыс табудың экономикалық тұрғыдан орнықты моделін қалыптастыруға ұмтылысын айқын көрсетеді.

Бұл зерттеу «KazSat-3R» жобасын іске асыру барысында қолданылатын мемлекеттік сатып алу рәсімдерінің құқықтық талдауына арналған. Зерттеуде 2025 жылғы 1 қаңтардан бастап күшіне енген жаңа «Мемлекеттік сатып алу туралы» Заң ережелеріне ерекше назар аударылады.

Зерттеудің маңызды элементі ретінде Франция мен Германия елдерінің халықаралық тәжірибесіне салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізілді, бұл елдерде стратегиялық салалардағы сатып алуларға икемді тәсілдер қолданылады. Мұндай құралдар бәсекелестік қағидаттарын сақтау мен ғарыш саласындағы күрделі жобаларды іске асыру қажеттілігінің арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз етеді.

Жұмыста шетелдік мердігерлерді тарту әрекеттері кезінде туындайтын институционалдық және нормативтік тосқауылдар сараланды – атап айтқанда, отандық тұрақтылықты бағалау жүйелерінде қаржылық көрсеткіштердің болмауы, сондай-ақ Қазақстандық бизнес-сәйкестендіру нөмірі (БСН) жоқ болған жағдайда

сатып алуға қатысу мүмкін еместігі.

Зерттеу қорытындылары негізінде жоғары технологиялық жобаларды іске асыру барысында туындайтын құқықтық кедергілерді жоюға бағытталған нақты заңнамалық жетілдіру шаралары ұсынылды. Олардың қатарында салалық сатып алу нормаларын әзірлеу, икемді рәсімдерді енгізу, сондай-ақ халықаралық бағалау критерийлеріне негізделген шетелдік жеткізушілердің қатысу механизмін формализациялау бар.

Түйінді сөздер: «KazSat-3», мемлекеттік сатып алулар, ғарыш құқығы, ұлттық қауіпсіздік, стратегиялық жоба.

© G.M. Ishkibayeva¹, D. Nurmukhankyzy¹, A.M. Begzhan², 2025

¹ Zhetysay University named after I. Zhansugurov, Taldykorgan, Kazakhstan

² Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

(E-mail: ¹gulmira_marat@mail.ru; ¹daniyafmo@mail.ru; ²aizat007@mail.ru)

PUBLIC PROCUREMENT IN STRATEGICALLY SIGNIFICANT PROJECTS AIMED AT THE COMMERCIALIZATION OF SPACE TECHNOLOGIES: THE CASE OF THE «KAZSAT-3R» PROJECT IMPLEMENTATION

Abstract. The development of the space industry in the Republic of Kazakhstan is acquiring particular significance in the context of rapid digitalization, increasing dependence on advanced telecommunication solutions, and intensifying international competition in the field of high technologies. President Kassym-Jomart Tokayev has repeatedly emphasized the need to shift from fundamental scientific developments to applied research and the commercialization of space technologies as a key element of modern state policy.

The implementation of national projects such as «KazSat-2», «KazSat-3» and the planned «KazSat-3R» satellite demonstrates the Republic of Kazakhstan's determination to ensure independence in satellite communications, expand the range of digital services, reduce reliance on foreign operators, and simultaneously create an economically sustainable model of revenue generation through the commercial use of space infrastructure.

This study is devoted to the legal analysis of public procurement procedures applied in the implementation of the «KazSat-3R» project, considering its strategic importance and technological complexity. Particular attention is given to the provisions of the new Law «On Public Procurement» which came into force on January 1, 2025.

An important element of the research is a comparative legal analysis of international practices in France and Germany, where flexible approaches are applied in procurement for strategic sectors. These instruments help to strike a balance between ensuring competitiveness and the need to implement complex projects in the space sector.

The study examines institutional and regulatory barriers that arise in practice when attempting to engage foreign contractors - such as the absence of financial indicators in domestic sustainability assessment systems, as well as the inability to participate in procurement without a Kazakhstan Business Identification Number (BIN).

Based on the analysis, the paper proposes specific measures to improve legislation aimed at eliminating legal barriers to the implementation of high-tech projects. These include the development of sector-specific procurement standards, the introduction of flexible procedures, and the formalization of mechanisms for the participation of foreign suppliers based on international evaluation criteria.

Keywords: «KazSat-3», public procurement, space law, national security, strategic project.

References:

1. Ishkibayeva, G.M. Problems of legal regulation of activities for the commercial use of space communications // G.M. Ishkibayeva, D. Nurmukhankyzy // International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. – 2022. – №14(5). – P. 474–487.
2. Marc Day. Atkinson Large-scale transitional procurement change in the aerospace industry // Marc Day, J. David // Journal of Purchasing and Supply Management. – 2004. – №10(6). – P. 257–268.
3. Lefter, V.D. Stanovlenie kosmicheskoi svyazi v Kazahstane // V.D. Lefter // Vestnik Kazahskogo universiteta putei soobshcheniya. – 2018. – №1(110). – S. 64–68.
4. Begzhan, A. International legal regulation of government procurement for sustainable development in the framework of the WTO // A. Begzhan, S. Aidarbayev, M. Hartwig, S. Alibekov, Zh. Zhailau // Rivista di Studi sulla Sostenibilità. – 2021. – №2(0). – P. 95–109.
5. Petrou, I. The European Space Agency's Procurement System: A Critical Assessment // I. Petrou // Public Contract Law Journal. – 2008. – №37(2). – P. 143–169.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Ишкибаева Гүлмира Маратқызы - хат – хабарларға арналған автор, философия докторы (PhD), І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің постдокторанты, Жансүгіров көшесі, 187А, 040009, Талдықорған, Қазақстан.

E-mail: gulmira_marat@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9216-5037>; Scopus Author ID: 57945907100.

Нұрмуханқызы Дания - философия докторы (PhD), І. Жансүгіров атындағы Жетісу университетінің қауымдастырылған профессоры, Жансүгіров көшесі, 187А, 040009, Талдықорған, Қазақстан.

E-mail: daniyafmo@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3817-1975>; Scopus Author ID: 56677820100.

Бегжан Айзат Маратқызы - философия докторы (PhD), әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Халықаралық құқық кафедрасының аға оқытушысы, әл-Фараби даңғылы, 71, 050040, Алматы, Қазақстан.

E-mail: aizat007@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6566-4671>; Scopus Author ID: 56819084200.

Ишкибаева Гүлмира Маратовна - автор для корреспонденции, доктор философии (PhD), постдокторант Жетісуского университета имени И. Жансугурова, улица И. Жансугурова, 187А, 040009, Талдықорған, Казахстан.

E-mail: gulmira_marat@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9216-5037>; Scopus Author ID: 57945907100.

Нұрмуханқызы Дания - доктор философии (PhD), ассоциированный профессор Жетісуского университета им. И. Жансугурова, улица И. Жансугурова, 187А, 040009, Талдықорған, Казахстан.

E-mail: daniyafmo@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3817-1975>; Scopus Author ID: 56677820100.

Бегжан Айзат Маратовна - доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры международного права Казахского Национального университета имени аль-Фараби, проспект аль-Фараби, 71, 050040, Алматы, Казахстан.

E-mail: aizat007@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6566-4671>; Scopus Author ID: 56819084200.

Ishkibayeva Gulmira Maratovna - corresponding authors, Doctor of Philosophy (PhD), postdoctoral researcher at Zhetysu University named after I. Zhansugurov, 187A I. Zhansugurov Street, 040009, Taldykorgan, Kazakhstan.

E-mail: gulmira_marat@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9216-5037>; Scopus Author ID: 57945907100.

Nurmukhankyzy Daniya - Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor at Zhetysu University named after I. Zhansugurov, 187A I. Zhansugurov Street, 040009, Taldykorgan, Kazakhstan.

E-mail: daniyafmo@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3817-1975>; Scopus Author ID: 56677820100.

Begzhan Aizat Maratovna - Doctor of Philosophy (PhD), Senior Lecturer, Department of International Law, Kazakh National University named after al-Farabi, 71 al-Farabi Avenue, 050040, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: aizat007@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6566-4671>; Scopus Author ID: 56819084200.

АЗАМАТТЫҚ ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ-ПРОЦЕСТІК ҚҰҚЫҚ ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО CIVIL AND CIVIL PROCEDURE LAW

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 68-80

УДК 347.122
ГРНТИ 10.27.23
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_68
Научная статья

© С.К. Идрышева^{1*}, 2025

¹ Университет КАЗГЮУ имени М. Нарикбаева (MNU), Астана, Казахстан
(E-mail: isk.80@mail.ru)

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ - ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Предметом исследования в статье явились нормы законодательства о недрах некоторых стран СНГ с наиболее сходными подходами к правовому регулированию общественных отношений; и доктринальные источники, посвященные геологической информации. Цель научной работы заключается в обосновании тезиса о статусе геологической информации о недрах как особого объекта гражданских прав и выявлении особенностей изучаемого института, подтверждающих заявленный тезис.

В этой связи методология научного исследования включает в себя совокупность общенаучных (системный, структурно-функциональный, исторический, анализ и синтез), частнонаучных (сравнительно-правовой) и специальных (формально-юридический, толкование правовых норм) методов.

Результаты работы исходят из цели научного исследования и представляют собой обоснованные автором положения об особенностях рассматриваемого объекта, присущих только данной категории объектов гражданских прав. Многие из рассмотренных в статье положений не были предметом исследования в доктрине стран СНГ и Казахстана, в частности.

Полученные результаты научного исследования о пробелах в легальном определении геологической информации, выявленные особенности и обоснования ее неразрывной связи с имущественными правами государства обогащают имеющиеся достижения науки гражданского права и смежных отраслей; могут послужить основанием для совершенствования законодательства стран СНГ по рассмотренным вопросам; создают базу для дальнейших научных изысканий.

Выводы: геологическая информация представляет собой упорядоченную систему информационных ресурсов о стратегических объектах, имеющих особое значение для обеспечения национальной, в том числе экономической безопасности, хранящихся в государственных базах и обеспеченных государственным контролем. Особое значение в гражданском обороте имеет документированная геологическая информация, признаки которой недостаточно разработаны в юридической доктрине.

Ключевые слова: недра, геологическая информация, исключительная собственность государства, стратегические объекты, первичная геологическая

* Автор для корреспонденции. E-mail: isk.80@mail.ru.

информация, документированная геологическая информация, объект авторского права, вещные права государства на геологическую информацию, фонд геологической информации о недрах, обладатель геологической информации.

Введение

Актуальность избранной нами темы статьи обусловлена относительно новым характером геологической информации в системе объектов гражданских прав, закрепленным в законодательстве лишь в последние десятилетия. Соответственно, научные изыскания относительно рассматриваемого института также появились в постсоветское время и еще не отображают в полном объеме присущие геологической информации признаки. Более общий для нашей темы объект гражданских прав «информация» также не получил всеобщего признания и закрепления в законодательстве стран СНГ.

Особенность геологической информации в качестве объекта гражданских прав обусловлена тем, что она представляет собой совокупность сведений о недрах, которые практически во всех государствах признаны государственной собственностью, а вся имеющаяся и вновь получаемая информация должна передаваться государству. Особая роль недр в обеспечении в первую очередь экономической безопасности государства оказывает влияние и на все другие свойства геологической информации о недрах, которые в юридической науке Республики Казахстан пока еще не исследованы. В этой связи наша работа представляет собой одну из первых попыток в системном порядке рассмотреть признаки геологической информации и обосновать особый характер данного объекта гражданских прав.

Материалы и методы

Материалами для написания статьи явились нормы законодательства Казахстана, России и Беларуси, доктринальные исследования ученых.

Статья подготовлена на основе общенаучных методов исследования, в числе которых использованы основные принципы диалектики, исторический,

логический, системно-структурный методы, анализ и синтез. Из частнонаучных методов применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы, грамматическое толкование правовых норм.

При подготовке статьи были использованы доктринальные позиции ученых как в целом об объектах гражданских правоотношений, так и об информации как объекте гражданских прав, а также о геологической информации. Особое внимание было уделено анализу научных трудов о геологической информации, при этом посредством поиска на просторах Интернет выявлено, что диссертационные исследования по интересующей нас теме были выполнены в начале 2000-х годов. Это работы Салиевой Р.Н. [1]; Агафонова В.Б. [2] После этого с перерывом почти в десятилетие появились работы Садовникова Н.И. 2015 г. по специальности 06 [3] и одна из последних диссертационных работ по юриспруденции Левочки В.В. 2019 г. [4].

За истекший период в законодательство о недрах в целом было внесено немало новелл. В частности, в Закон Российской Федерации «О недрах» (далее - РФ) было внесено около 30 изменений и дополнений, в том числе и о геологической информации (статьи 27 и 27.1)¹, что требует дополнительных научных исследований, хотя в России имеется достаточное количество научных комментариев к соответствующим статьям законодательного акта о недрах.

В Казахстане фундаментальных научных юридических исследований относительно геологической информации не проводилось, научные статьи практически отсутствуют, кроме статьи Амангельды А., в которой рассмотрены различные аспекты геологической информации в качестве объекта исключительных прав [5]. Имеется также единственный Комментарий к Кодексу Республики Казахстан «О недрах и

¹ Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 08.08.2024) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/6e29cf3933b2072d5cdd4c41bb843dfbaebbb895b/ (дата обращения: 20.03.2025).

недропользовании» 2022 г. (далее - РК), в котором авторами приведен комментарий к статьям о геологической информации².

Результаты и обсуждение

Статья 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее - ГК РК) не закрепила «информацию», а тем более «геологическую» либо иную информацию, в числе объектов гражданских прав. Обращаясь к доктрине гражданского права, отметим, что еще в 2008 г. академик Сулейменов М.К. к числу абсолютных имущественных прав относил «информацию»³. Об информации как объекте гражданских прав пишет также С.В. Скрыбин в новом Комментарии к ГК РК, отмечая и имущественный, и исключительный характер такого объекта⁴.

Наиболее детальный труд об объектах гражданских прав на постсоветском пространстве принадлежит перу Лапача В.А., который считает, что информация как объект гражданских прав «в исходном состоянии» не входит в понятие «имущество», поэтому относит ее к «невещественным благам» [6, с.6, с.160]. По его мнению: «Товарные качества таковой объект приобретает не потому, что информация зафиксирована на определенном носителе, а потому, что она обладает стоимостью» [6, с. 456].

В данном аспекте логичным представляется включение информации в перечень объектов гражданских прав Гражданскими кодексами некоторых постсоветских стран (статья 132 ГК Армении, статья 177 ГК Украины, статья 128 ГК России (до 2013 г.)).

Тема нашей статьи является относительно новой, т.к. впервые легальное определение термина «геологическая информация» было

закреплено в законодательство России и Казахстана немногим более 20 лет назад. Так, в Казахстане Законом от 27.01.1996 г. вместо рассматриваемого термина был включен термин «информация о недрах» с довольно кратким его содержанием. В следующем Законе «О недрах и недропользовании» 2010 г. краткое определение геологической информации было дано только в ст. 1 об основных понятиях. И лишь в действующем ныне Кодексе «О недрах и недропользовании» (далее – Кодекс РК о недрах) впервые было помещено легальное определение данного термина, которое к настоящему времени представлено в следующей редакции:

«1. Геологической информацией являются **сведения** о вещественном составе, геологическом строении и истории, геологических, геохимических, геофизических, гидрогеологических, геоморфологических и тектонических особенностях *недр и их участков*, месторождений и проявлений полезных ископаемых, *зафиксированные на любом носителе* и имеющие реквизиты, позволяющие идентифицировать такие **сведения**»⁵.

Тем самым, «информация» о недрах определяется посредством применения термина «сведения».

В Российской Федерации при принятии Закона «О недрах» статья 27 не содержала легальной дефиниции данного понятия, в ней были изложены лишь ее основные признаки. Впервые такое определение было включено с 2015 года, одновременно с этим была внесена статья 27.1 о едином фонде геологической информации и статья 27.2 об особенностях представления, хранения и использования материальных носителей первичной геологической информации⁶.

В этой связи исследователи

² Комментарий к Кодексу Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» 2022 г. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/T2200000002> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Объекты гражданских прав. Монография. – Алматы, НИИ частного права КазГЮУ, 2008. – С. 53 (600 с.).

⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный). В четырех книгах. Книга 2. Статьи 115-187. Алматы, 2022. – С. 36 (624 с.).

⁵ О недрах и недропользовании. Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 2017 года № 125-VI ЗПК. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000125> (дата обращения: 15.03.2025).

⁶ Федеральный закон от 29.06.2015 N 205-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181855/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100061 (дата обращения: 15.03.2025).

отмечают: «Категория «геологическая информация» о недрах не статична, постоянно развивается и уточняется» [7]. В изученной нами научной юридической и иной литературе не акцентируется внимание на том факте, что геологическая информация – это информация именно о состоянии недр как особого объекта общественных отношений. «Месторождения и проявления полезных ископаемых» могут находиться и на поверхности земли, но основное их расположение находится под землей, т.е. в недрах, в том числе и под водными пространствами морей. В этой связи Кодексом РК о недрах предусмотрено понятие «пространство недр» (статья 16), под которым понимается *«трехмерное пространственное свойство недр, которое ... может быть использовано ... для размещения объектов производственной, научной или иной деятельности»*.

В Казахстане до июня 2022 г. недра были отнесены к объектам *исключительной* собственности государства. Аналогично по Конституции Беларуси «недра, воды, леса составляют *исключительную* собственность государства».⁷ Об этом же говорится и в ст. 5 Кодекса Беларуси «О недрах»⁸. В Российской Федерации недра «являются государственной собственностью»⁹.

И это не случайно, суть таких норм свидетельствует об особой роли недр в системе природных ресурсов государства. В частности, Конституция Российской Федерации констатирует, что земля и иные природные ресурсы представляют собой *«основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории»* (ст.9).

По Закону Республики Казахстан от 08.06.2022 г. недра и другие природные ресурсы стали «принадлежать народу», от имени которого правомочия по владению, пользованию и распоряжению недрами осуществляет государство (ст.6 Конституции РК, ст.193 ГК РК)¹⁰.

Законом от 07.08.2007 г. в ГК РК была введена статья 193-1 «Стратегические объекты». Исходя из значимости недр для экономики любого государства; принимая во внимание, что недра не подлежат отчуждению, представляется объективно обусловленным отнесение недр также к стратегическим объектам. Согласно определению стратегических объектов, к ним могут быть отнесены объекты, имеющие социально-экономическое значение для устойчивого развития казахстанского общества, владение, пользование и распоряжение которыми будут оказывать влияние на состояние национальной безопасности государства (п.1 ст.193-1 ГК РК). По нашему мнению, недра в полной мере отвечают приведенным признакам стратегических объектов и этим обусловлен запрет на их отчуждение частным лицам, предоставление всем иным только прав владения и пользования.

Наше мнение косвенно подтверждается нормами статьи 13 Модельного кодекса о недрах СНГ и статьи 1 Кодекса Беларуси «О недрах», где под стратегическими понимаются полезные ископаемые, имеющие особое значение для социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности государства¹¹.

Более того, в Казахстане добыча и переработка топливно-энергетических полезных ископаемых отнесены

⁷ Конституция Республики Беларусь. // URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. (дата обращения: 16.03.2025).

⁸ Кодекс Республики Беларусь от 14 июля 2008 г. №406-3 «Кодекс Республики Беларусь о недрах». // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk0800406> (дата обращения 16.03.2025).

⁹ Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 08.08.2024) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/f9b38adfb752b4f43c6a767b9f0636e109cab3c3/ (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁰ О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 8 июня 2022 года (принят на республиканском референдуме 5 июня 2022 года (официальное сообщение об итогах республиканского референдума опубликовано в газете «Егемен Қазақстан» от 08.06.2022 г., №107(30336), «Казахстанская правда» от 08.06.2022 г., №107(29734). (дата обращения: 15.03.2025).

¹¹ Кодекс Республики Беларусь от 14 июля 2008 года №406-3 «О недрах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.03.2024 г.). // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414577&pos=177;-50#pos=177;-50 (дата обращения: 16.03.2025).

к отраслям экономики, имеющим стратегическое значение¹². В Российской Федерации существует «Список стратегических видов полезных ископаемых», сведения о которых составляют государственную тайну»¹³.

В этой связи геологическая информация о состоянии недр, в особенности о находящихся в ней стратегических полезных ископаемых и иных экономически полезных вещах в широком смысле также должна иметь особый статус, который пока еще ни в законодательстве, ни в юридической и иной специальной литературе не определен.

Следующей особенностью геологической информации является легальное закрепление в законодательстве двух ее видов. Так, в зависимости от способа фиксации (закрепления) таких сведений носители геологической информации подразделены на природные и искусственные носители (пункты 1 и 2 статьи 75 Кодекса РК «О недрах»). В том числе к природным носителям отнесены «керны буровых скважин, пробы полезных ископаемых, углекислых газов, меркаптанов, воды, образцы пород и минералов, пробы и коллекции каменного материала, шлифы, аншлифы, минеральные растворы и порошки».

К искусственным носителям геологической информации отнесены: журналы полевых наблюдений, опробования, анализов проб, регистрации геофизических наблюдений, различные отчеты о результатах геологоразведочных работ, об оценке ресурсов и запасов полезных ископаемых; бумажные и электронные носители первичных полевых данных и результатов обработки, анализа и обобщения такой информации.

В законодательстве России геологическая информация подразделяется на «первичную» и «интерпретированную» (ст.27 Закона

«О недрах»). При этом первичная геологическая информация — это геофизическая, геохимическая и иная информация о недрах, полученная при осуществлении недропользования и иных видов деятельности по геологическому изучению и добыче отдельных видов сырья, «захоронением радиоактивных отходов и токсичных веществ». Под интерпретированной геологической информацией имеются в виду результаты обработки первичной геологической информации, в том числе отчеты, карты, планы, эскизы.

По нашему мнению, названный разными терминами второй вид геологической информации может быть объединен одним названием «документированная» геологическая информация и именно в этом качестве она имеет свойство объекта гражданских прав.

В Казахстане геологическая информация, полученная за счет бюджетных средств государства либо переданная ему в собственность в предусмотренном законом порядке, это государственная геологическая информация. Если же информация получена за счет средств недропользователя, то она является частной геологической информацией. Тем не менее, частная геологическая информация передается государству в бессрочное владение и пользование (п.2 ст. 75 Кодекса РК о недрах).

Тем самым, в законодательстве Казахстана (п.2 ст.75) закреплено вещное право собственности на геологическую информацию и право бессрочного безвозмездного владения и пользования. В то же время в законодательстве России термин «собственник» заменен термином «владелец», которым может быть и иное лицо, не являющееся собственником, но имеющее иное титульное право на пользование и владение геологической информацией.

¹² Закон Республики Казахстан от 4 ноября 2003 года №490-III «О государственном мониторинге собственности в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.09.2024 г.). // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1044812&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 14.03.2025).

¹³ Список стратегических видов полезных ископаемых, сведения о которых в соответствии с пунктом 67 перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. №1203, составляют государственную тайну. Утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. №210 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 18 июля 2020 г. №1067). // URL: <http://government.ru/docs/all/128988/> (дата обращения: 16.03.2025).

Салиева Р.Н. по результатам диссертационного исследования пришла к выводу, что «институт права собственности следует применять не к геологической информации как к абстрактному, идеальному объекту, а к геологическим информационным ресурсам, т.е. к информации, получившей внешнее выражение в объективной форме» [1, с. 19]. Представляется, что логика в рассуждениях автора имеется и с ней можно согласиться. Внешнее выражение в объективной форме получает именно документированная геологическая информация. К тому же и ст. 27 Закона «О недрах» РФ регламентирует, что на праве собственности лицу может принадлежать только материальный носитель геологической информации.

В этой связи, учитывая приведенную ранее обоснованную позицию Лапач В.А., мы не можем согласиться с мнением Левочки В.В., которая считает, что «геологическая информация, созданная за счет частных средств, и срок абсолютного права обладания на которую не истек», является «имуществом» [4]. Кроме того, исходя из семантического значения слова «информация», она не может быть телесной вещью. Даже первичная геологическая информация в виде образцов пород, керна, являясь телесными вещами, имеет ценность не как просто имущество, а как предметы объективной реальности, несущие в себе определенную ценную информацию о составе недр.

В отличие от геологической информации на природных носителях, «интерпретированная» или «искусственная» геологическая информация должна быть документированной. Ценность ее заключается в том, что документированная информация является основой для дальнейших научных изысканий, для начала производственной деятельности по созданию товарной продукции, для дальнейшей ее переработки и получения новых сведений о состоянии и запасах недр на определенном участке и т.п.

Салиева Р.Н. считает, что информация является особым объектом гражданских прав, нематериальным благом, «не сводимым к тем физическим объектам, которые выступают ее носителями»;

непотребляемым благом; отличается возможностью ее практически неограниченного распространения и преобразования форм ее фиксации [1, с. 6, с. 18-19].

К признаку геологической информации, по нашему мнению, следует отнести также *неразрывную ее связь с вещными и обязательственными правами государства*. И это также свидетельствует о стратегическом характере недр и информации о недрах. Нами уже отмечалось, что полученная за счет бюджетных средств государства геологическая информация принадлежит государству. Кроме того, даже информация, полученная частным лицом (инвестором), обязана быть переданной уполномоченному органу государства и государство получает на такую информацию право безвозмездного и бессрочного владения и пользования. Более того, вся геологическая информация подлежит размещению на информационной платформе «Государственный банк данных о недрах», находящейся в ведении государственного юридического лица – «Национального оператора по сбору, хранению, обработке и предоставлению геологической информации».

В Российской Федерации аналогичный электронный ресурс называется «Единый фонд геологической информации о недрах». Это государственная информационная система, в которую вносятся реестр первичной и интерпретированной геологической информации (ст.27.1 Закона «О недрах»). Аналогичные нормы закреплены и в законодательстве Республики Беларусь. В этой связи отдельными исследователями предлагается понимать геологическую информацию о недрах «не только в узком значении данного понятия (как совокупность сведений, сообщений и данных, которые были получены в процессе изучения или использования недр), но и в более широком смысле - как информационную систему». Более того, предлагалось дополнить понятие геологической информации положением о том, что геологическая информация представляет собой «*организационно упорядоченную совокупность информационных ресурсов*, содержа-

щихся в федеральных (территориальных) геологических фондах, архивах, библиотеках, базах, банках данных и других информационных системах, с целью ее получения, сбора, обработки, интерпретации, систематизации и предоставления потребителю» [2, с. 8, с. 15; 7]. Действительно, геологическая информация представляет собой именно такую, «упорядоченную» сущность, и в этом состоит ее ценность. В частности, Блискивицкий А.А. констатирует, что пополнение Государственного банка цифровой геологической информации идет непрерывно в форме цифровых материалов и хранится в упорядоченной форме с использованием новейших достижений информационных технологий. Кроме того, он относит данную информацию к национальному достоянию [8, с. 9].

В отличие от казахстанского законодательства, в России ни государство, ни частные лица не названы «собственниками» геологической информации. Согласно статье 27 Закона РФ «О недрах», речь идет только об «обладателях» геологической информации, которыми могут быть государство, субъекты федерации и частные лица. И по данному Закону, и по ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (ст. 11.1, п.2) право собственности может принадлежать только на материальный носитель, содержащий геологическую информацию о недрах¹⁴. Такое право переходит к государству с момента представления геологической информации в установленные законом государственные органы и организации.

Именно государство реализует принцип доступности геологической информации, обеспечивая к ней открытый доступ (за исключением конфиденциальной или секретной геологической информации - ст. 7 Кодекса РК о недрах). При этом государство гарантирует также и достоверность такой информации (п.5 ст.7).

Особый характер геологической информации о недрах подтверждается также уведомительным или разрешительным порядком на вывоз за границу и отчуждение природных

носителей геологической информации и лишь для определенных целей.

Приведем только один юридический факт о роли, например, природной (первичной) геологической информации. Так, в Казахстане в соответствии с п. 11 «Правил учета, хранения, систематизации, обобщения и предоставления геологической информации» первичная геологическая информация, представленная в виде керна, после его геологической обработки подлежит *постоянному хранению*. «Любое изъятие керна, находящегося на хранении в кернохранилище, оформляется актом и отмечается в примечании напротив соответствующей записи в каталоге хранения» (п.43 Правил).

Наше мнение о стратегическом характере недр и геологической информации о них можно подтвердить и нормами статьи 2.1 Федерального Закона «О недрах» РФ, которой установлены «участки недр федерального значения». Такие участки определены в «целях обеспечения обороны страны и безопасности государства» и их перечень официально публикуется уполномоченным государственным органом в официальном издании; из них формируется *федеральный фонд резервных участков недр*.

В соответствии с п. 4 статьи 75 Кодекса РК о недрах, недропользователи обязаны обеспечить наличие, учет и сохранность геологической информации и ее носителей, а также беспрепятственный доступ к ним представителей уполномоченного государственного органа. Недропользователи **не вправе отчуждать природные носители геологической информации**, полученные в результате своей деятельности. Они могут вывозить такие носители лишь в виде проб, образцов и только для целей исследования и анализа, с предварительным уведомлением об этом государственного органа, а их результаты обязаны включить в геологические отчеты.

Значимость геологической информации для государства подтверждается также обязанностью

¹⁴ Федеральный закон от 30.12.1995 N 225-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О соглашениях о разделе продукции». // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8816/a094151a2360304b1a591b1190f7f3afc0217dd1/ (дата обращения: 18.03.2025).

уполномоченного органа по изучению недр осуществлять государственный контроль за соблюдением требований по учету, хранению, сохранности и достоверности геологической информации; осуществлять государственный мониторинг недр, сбор и обобщение геологической информации (ст. 64 Кодекса РК о недрах). Обобщение и анализ геологической информации являются основой для разработки Программы управления государственным фондом недр (п. 2 ст. 70).

В Российской Федерации статьей 27 Закона «О недрах» также закреплены императивные нормы аналогичного содержания.

Кроме того, геологическая информация подлежит государственной экспертизе с целью подтверждения ее достоверности (ст. 29 Закона РФ «О недрах»). В Казахстане кодекс также оперирует терминами «экспертиза недр», «экспертиза запасов» и «экспертиза проектов».

Еще одна, существенная и значимая особенность геологической информации как объекта гражданских правоотношений связана именно с делением ее на указанные выше два вида. По нашему мнению, геологическая информация, отнесенная нами к документированной, создается в результате творческого инициативного труда/деятельности специально обученных физических лиц, обладающих определенными знаниями в данной сфере; получение информации требует определенного мыслительного процесса и навыков от специалистов и ученых. В указанном смысле она отвечает всем признакам объектов авторского права.

Тем самым, за геологической информацией следует признать её свойство быть объектом исключительных прав. В зависимости от вида геологической информации на искусственных носителях и при условии, что такая информация оформлена в виде «объективированных результатов творческой интеллектуальной деятельности», она в первую очередь

может быть объектом авторского права.

В соответствии со ст. 972 ГК РК, к объектам авторского права в числе прочих объектов отнесены карты, планы, эскизы, иллюстрации и трехмерные произведения, относящиеся к географии, топографии и другим наукам, и иные объекты. Документированная геологическая информация может быть отражена в любом из этих объектов.

Кроме того, документированная геологическая информация может быть отнесена и к производным произведениям в результате научной обработки и переработки уже зафиксированной геологической информации, ее дальнейшего изучения, составления системных отчетов, представляя собой результат творческого научного труда.

Помимо Кодекса о недрах, в Казахстане существуют также специальные «Правила учета, хранения, систематизации, обобщения и предоставления геологической информации, находящейся в собственности, а также владении и пользовании у государства» (далее – Правила)¹⁵. Аналогичные Правила существуют и в России (Постановление Правительства РФ от 2 июня 2016 г.).

Анализ названных Правил подтверждает наше мнение о необходимости признания документированной геологической информации в качестве объектов авторского права. Только в казахстанских Правилах искусственная геологическая информация названа «вторичной геологической информацией», а на природных носителях – первичной. Так, согласно пункту 19 Правил, постоянному хранению согласно требованиям законодательства об архивах подлежит следующая вторичная геологическая информация:

«1) отчеты о проведении операций по недропользованию;

2) изданные карты геологического содержания и пояснительные записки к ним и ... авторские оригиналы подготовленных к изданию карт...; ...

4) отчетные и сводные балансы запасов минерального сырья, материалы

¹⁵ Об утверждении Правил учета, хранения, систематизации, обобщения и предоставления геологической информации, находящейся в собственности, а также владении и пользовании у государства. Приказ Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 24 мая 2018 года №380. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017079> (дата обращения: 13.03.2025).

по обеспеченности горнорудных предприятий с разведанными запасами;

5) материалы по геологической изученности недр...;

6) изданные топографические карты;

7) опубликованные монографии геологического содержания;

8) результаты научно-исследовательских работ, прямо или косвенно касающихся геологических наук;

9) отчеты по оценке запасов минеральных ресурсов по объектам на территории Республики Казахстан;

10) графические приложения и модели, разработанные на специализированном программном обеспечении в исходном электронном формате, в виде растрового изображения, либо с приложением дистрибутива программы для просмотра и печати, или на бумажном носителе».

По нашему мнению, все приведенные в 9 из 11 подпунктов пункта 19 Правил документы являются именно «объективированными результатами интеллектуальной творческой деятельности», т.е. объектами авторского права.

Особенность геологической информации состоит также в том, что в соответствии со ст. 91 Кодекса РК о недрах уполномоченный орган вправе раскрыть геологическую информацию только по истечении пяти лет со дня ее получения, т.е. законом установлен «срок конфиденциальности». Приведенная норма свидетельствует, что в течение пяти лет после ее получения уполномоченным органом геологическая информация имеет статус «коммерческой тайны» и «нераскрытой информации» (статья 126 ГК РК и Глава 55, статьи 1017-1019 ГК РК) и должна охраняться по правилам защиты соответствующего вида тайны. Такая особенность также подтверждает наше мнение об особом характере геологической информации.

По правилам формальной логики и исходя из содержания законодательства об авторских правах, следует предположить, что по истечении указанного срока геологическая информация должна получить

статус «общественного достояния» в соответствии со статьей 983 ГК РК, ст.1282 ГК РФ.

По мнению В.В. Левочки, геологическая информация необоснованно исключена из ст. 1259 ГК РФ, в связи с чем она предлагает внести в ГК дополнения в части признания интерпретированной геологической информации объектом авторского права [4, с. 21].

Соглашаясь с данным мнением, в подтверждение приведем нормы Модельного Кодекса «О недрах и недропользовании», в статье 51 которого предусмотрена возможность возникновения исключительных прав на геологическую информацию¹⁶.

Относительно характеристики документированной геологической информации как «товара», исследователи отмечают проблемы определения стоимости данного объекта гражданских прав. В частности, Салиева Р.Н. указывает на отсутствие соответствующих методик, что «затрудняет ее вовлечение и использование в имущественном обороте» [1, с. 116]. Р. Хамитов констатирует, что объекты документированной геологической информации «не оцениваются и не берутся на бухгалтерский учет как имущество» [9]. Представляется, что государство, являясь сувереном, и в то же время равноправным участником гражданских правоотношений, вправе передавать заинтересованным лицам геологическую информацию за разумную плату, размер которой должен быть утвержден уполномоченным органом.

Заключение

Проведенное научно-правовое исследование позволило прийти к следующим выводам.

Геологическая информация представляет собой относительно новое понятие в законодательстве, а, следовательно, и в доктрине. Легальные дефиниции геологической информации закреплены в законодательных актах стран СНГ лишь в последние десятилетия, однако они не отражают всей полноты характеризующих ее признаков. Так, геологическая информация представляет собой не

¹⁶ Модельный кодекс «О недрах и недропользовании для государств - участников СНГ» (7 декабря 2002 года). // URL: <https://base.garant.ru/2568378/> (дата обращения: 14.03.2025).

просто «сведения», а упорядоченную совокупность постоянно обновляемых информационных ресурсов о недрах, закрепленных в государственных информационных базах и в иных документированных источниках.

Геологическая информация обладает множеством иных специфических признаков, которые дают основание отнести ее к особым объектам гражданских правоотношений. К числу таких признаков нами предложено отнести неразрывную связь геологической информации с недрами, которые в большинстве стран являются собственностью государства (народа) по причине их значимости для обеспечения национальной и экономической безопасности. Поэтому недра (участки недр) обладают признаками стратегических объектов. Соответственно, информация о таких участках недр и их содержанием также должна быть отнесена к стратегической геологической информации и подлежать особой защите и хранению.

Из двух видов геологической информации (первичной и интерпретированной) свойство товара в смысле объекта гражданских прав имеет документированная, т.е. соответствующим образом оформленная и закрепленная на бумажных либо электронных носителях упорядоченная информация о недрах.

Представляется обоснованной позиция ученых о некорректности положений законодательства о принадлежности геологической информации на праве собственности государству либо негосударственному субъекту. В этой связи более соответствующей правовой действительности представляется закрепление в российском законодательстве термина «обладатель» геологической информации, что неравнозначно институту «право собственности».

Еще одной из особенностей геологической информации мы называем ее неразрывную связь с вещными и обязательственными правами государства. В частности,

закон обязывает всех обладателей геологической информации в документированном виде представлять ее государству и затем государство передает всю хранящуюся у него геологическую информацию (кроме секретной и ограниченного пользования) другим лицам, причем безвозмездно. Государство осуществляет функции контроля за сбором и оформлением геологической информации, детально регламентирует порядок ее хранения и выдачи на бумажных носителях либо в электронном формате и т.д. Запрещается отчуждение природных носителей геологической информации, кроме вывоза в научных целях, и то с разрешения уполномоченного органа и т.д.

Еще одним подтверждением статуса геологической информации как особого объекта гражданских прав мы определили ее свойство в документированном виде на искусственных носителях, при условии оформления ее в виде объективированных результатов творческой интеллектуальной деятельности, быть объектом авторского права.

Тем самым, геологическая информация о недрах является особым объектом гражданских прав, в том числе объектом и имущественных, и исключительных гражданских прав; носит стратегический характер, неразрывно связана с национальной и экономической безопасностью государства. Однако определение оценочной стоимости геологической информации как объекта имущественных прав государства и иных ее обладателей пока еще не закреплено законодательством и требует дальнейшего исследования и апробации на практике. Представляется, что любой востребованный товар должен иметь стоимость и государство на правах титульного обладателя данного объекта должно установить разумные расценки для передачи в пользование всем иным лицам упорядоченной геологической информации (кроме секретной и ограниченного пользования) из государственного фонда.

Список литературы:

1. Салиева, Р.Н. Документированная геологическая информация: гражданско-правовой аспект получения и использования: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 // Р.Н. Салиева // - Екатеринбург, 2007 - 194 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/civil-pravo/dokumentirovannaja-geologicheskaja-informacija-grazhdansko-pravovoj-aspekt-poluchenija-i.html> (дата обращения: 05.01.2025).
2. Агафонов, В.Б. Право собственности на геологическую информацию (дисс. ... канд. юрид. наук). // В.Б. Агафонов // - М., 2006. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www/https://www.dissercat.com/content/pravo-sobstvennosti-na-geologicheskuyu-informatsiyu (дата обращения: 05.01.2025).
3. Садовникова, Н.И. Правовое регулирование геологического изучения недр в Российской Федерации. // Н.И. Садовникова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-geologicheskogo-izucheniya-nedr-v-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 06.01.2025).
4. Левочки, В.В. Объекты гражданских прав в недропользовании. Дисс. на соискание уч. степ к.ю.н. - 2019 г. // В.В. Левочки // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www/https://www.dissercat.com/content/obekty-grazhdanskikh-prav-v-nedropolzovanii (дата обращения: 07.01.2025).
5. Амангелді, А. Жер қойнауын пайдалану тәжірибесіндегі интеллектуалдық меншік құқығы. // А. Амангелді // BULLETIN OF INSTITUTE OF LEGISLATION AND LEGAL INFORMATION OF THE RK. – 2024. - №2(77). – С. 135-145.
6. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. // В.А. Лапач // – СПб.: «Юридический Центр ПРЕСС», 2002. - 544 с.
7. Конев, С.И. Правовой статус геологической информации о недрах. // С.И. Конев, И.Л. Кунина // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) – 2018. - №5 (50) (дата обращения: 05.02.2025).
8. Блискавицкий, А.А. Концептуальные основы создания и развития геоинформационных систем фондов геологической информации. Геоинформатика. - // А.А. Блискавицкий // 2016. - №1. - С. 9-21.
9. Хамитов, Р.А. Геологическая информация и право собственности. // Минерально-сырьевая база. Экономические и правовые механизмы управления: материалы VII Межрегиональной геологической конференции. // Р.А. Хамитов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ig.ufaras.ru/File/K2008/03_003_08.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

© С.К. Идрышева¹, 2025

¹ М.Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ университеті (МНУ), Астана, Қазақстан
(E-mail: isk.80@mail.ru)

ГЕОЛОГИЯЛЫҚ АҚПАРАТ - АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ЕРЕКШЕ ОБЪЕКТІСІ

Аннотация. Мақаланың зерттеу пәні ретінде қоғамдық қатынастарды құқықтық реттеуге неғұрлым ұқсас көзқарастары бар кейбір ТМД елдерінің жер қойнауы туралы заңнама нормалары және геологиялық ақпаратқа арналған доктриналық қайнар көздер болды. Ғылыми жұмыстың мақсаты – жер қойнауы туралы геологиялық ақпараттың азаматтық құқықтардың ерекше объектісі ретінде танылу туралы тезисті негіздеу және осы құқықтық институттың ерекшеліктерін негіздейтін жағдайларды анықтау.

Осыған байланысты ғылыми зерттеу әдістемесі жалпы ғылыми (жүйелік, құрылымдық-функционалдық, тарихи, талдау және синтездік), жеке құқықтық ғылыми (салыстырмалы-құқықтық) және арнайы (формальды-құқықтық, құқықтық нормаларды түсіндіру) ғылыми әдістердің жиынтығын қамтиды.

Жұмыстың нәтижелері ғылыми зерттеу мақсатына негізделеді және азаматтық құқықтар объектілерінің осы санатына ғана тән қарастырылатын ерекшеліктері

туралы автордың дәлеленген ұстанымдарын білдіреді. Мақалада қарастырылған ережелердің көпшілігі ТМД елдерінің және оның ішінде Қазақстанның доктринасында зерттеу нысаны болған жоқ.

Геологиялық ақпаратты құқықтық анықтаудағы олқылықтар туралы ғылыми зерттеулердің алынған нәтижелері, оның мемлекеттің меншік құқығымен ажырамас байланысының анықталған белгілері мен негіздемесі азаматтық құқық ғылымының және онымен байланысты салалардың бар жетістіктерін байытады; қаралатын мәселелер бойынша ТМД елдерінің заңнамасын жетілдіруге негіз бола алады; одан әрі ғылыми зерттеулерге негіз ретінде қолдануға болады.

Қорытынды: геологиялық ақпарат – мемлекеттік деректер қорында сақталатын және мемлекеттік бақылаумен қамтамасыз етілген, ұлттық, оның ішінде экономикалық, қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін ерекше маңызы бар стратегиялық объектілер туралы ақпараттық ресурстардың реттелген жүйесі. Азаматтық айналымда ерекше маңызға ие құжатталған геологиялық ақпарат, олардың сипаттамалары құқықтық доктринада жеткілікті түрде дамымаған.

Түйінді сөздер: жер қойнауы, геологиялық ақпарат, айрықша мемлекеттік меншік, стратегиялық объектілер, бастапқы геологиялық ақпарат, құжатталған геологиялық ақпарат, авторлық құқық объектісі, геологиялық ақпаратқа мемлекеттің мүлктік құқығы, жер қойнауы туралы геологиялық ақпарат қоры, геологиялық ақпарат иесі.

© S.R. Idrysheva¹, 2025

¹ KAZGUU University named after M. Narikbayev (MNU), Astana, Kazakhstan
(E-mail: isk.80@mail.ru)

GEOLOGICAL INFORMATION - A SPECIAL OBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS

Abstract. The subject of the research in the article is the norms of legislation on the subsoil of some CIS countries with the most similar approaches to the legal regulation of public relations; and doctrinal sources devoted to geological information. The purpose of the scientific work is to substantiate the thesis on the status of geological information about the subsurface as a special object of civil rights and to identify the features of the institution under study that confirm the stated thesis.

In this regard, the methodology of scientific research includes a set of general scientific (systemic, structural-functional, historical, analysis and synthesis), specific scientific (comparative-legal) and special (formal-legal, interpretation of legal norms) methods.

The results of the work are based on the purpose of the scientific research and represent the provisions substantiated by the author on the features of the object under consideration, inherent only to this category of civil rights objects. Many of the provisions considered in the article were not the subject of research in the doctrine of the CIS countries and Kazakhstan in particular.

The obtained results of the scientific study on the gaps in the legal definition of geological information, the identified features and justifications for its inextricable connection with the property rights of the state enrich the existing achievements of the science of civil law and related industries; can serve as a basis for improving the legislation of the CIS countries on the issues considered; create a basis for further scientific research.

Conclusions: geological information is an ordered system of information resources on strategic objects of particular importance for ensuring national, including economic security, stored in state databases and provided with state control. Of particular importance in civil circulation is documented geological information, the features of which are not sufficiently developed in the legal doctrine.

Keywords: subsoil, geological information, exclusive property of the state, strategic objects, primary geological information, documented geological information, object of copyright, property rights of the state to geological information, fund of geological information on subsoil, owner of geological information.

References:

1. Saliyeva, R.N. Dokumentirovannaya geologicheskaya informatsiya: grazhdansko-pravovoi aspekt polucheniya i ispolzovaniya: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03 // R.N. Saliyeva // - Ekaterinburg, 2007 - 194 s. // Retrieved from <http://www.dslib.net/civil-pravo/dokumentirovannaya-geologicheskaya-informaciya-grazhdansko-pravovoj-aspekt-polucheniya-i.html> (data obrashcheniya: 05.01.2025).
2. Agafonov, V.B. Pravo sobstvennosti na geologicheskuyu informatsiyu (dis. ... kand. yurid. nauk). // V.B. Agafonov // - M., 2006. // Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/pravo-sobstvennosti-na-geologicheskuyu-informatsiyu> (data obrashcheniya: 05.01.2025).
3. Sadovnikova, N.I. Pravovoe regulirovanie geologicheskogo izucheniya neдр v Rossiyskoi Federatsii. // N.I. Sadovnikova // Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-geologicheskogo-izucheniya-neдр-v-rossiiskoi-federatsii> (data obrashcheniya: 06.01.2025).
4. Levochko, V.V. Obyekty grazhdanskikh prav v nedropolzovanii. Diss. na soiskanie uch. step k.yu.n. // V.V.Levochko // - 2019 g. // Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/obyekty-grazhdanskikh-prav-v-nedropolzovanii> (data obrashcheniya: 07.01.2025).
5. Amangeldi, A. Zher koinauyn paidalanu tazhiribesindegi intellektualdyk menshik kykygy. // A.Amangeldi // BULLETIN OF INSTITUTE OF LEGISLATION AND LEGAL INFORMATION OF THE RK. – 2024. - №2(77). – S. 135-145.
6. Lapach, V.A. Sistema obyektov grazhdanskikh prav: teoriya i sudebnaya praktika. // V.A. Lapach // – SPb.: “Yuridicheskiy Centr PRESS”, 2002. - 544 c.
7. Konev, S.I. Pravovoi status geologicheskoi informatsii o nedrah. // S.I. Konev, I.L. Kunina // Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh (ESU) – 2018. - №5(50) (data obrashcheniya: 05.02.2025).
8. Bliskavitskiy, A.A. Kontseptualnye osnovy sozdaniya i razvitiya geoinformatsionnykh sistem fondov geologicheskoi informatsii. Geoinformatika. // A.A. Bliskavitskiy // - 2016. - №1. - S. 9-21.
9. Hamitov, R.A. Geologicheskaya informatsiya i pravo sobstvennosti. // R.A. Hamitov // Mineralno-syrevaya baza. Ekonomicheskie i pravovye mehanizmy upravleniya: materialy VII Mezhhregionalnoi geologicheskoi konferentsii. // Retrieved from http://ig.ufaras.ru/File/K2008/03_003_08.pdf (data obrashcheniya: 06.02.2025).

Сведения об авторе:**Автор туралы мәліметтер:****Information about author:**

Идрышева Сара Кимадиевна - хат – хабарларға арналған автор, Ресей Федерациясының заң ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасының заң ғылымдарының кандидаты (PhD), доцент, М.Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ университеті (MNU) Жоғары құқық мектебінің құрметті профессоры, Қорғалжын тас жолы, 8, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>; Researcher ID WOS: N-4239-2014; Scopus Author ID: 57208162047.

Идрышева Сара Кимадиевна - автор для корреспонденции, доктор юридических наук Российской Федерации, кандидат юридических наук Республики Казахстан (PhD), доцент, Emeritus Professor Высшей школы права Университета КАЗГЮУ имени М. Нарикбаева (MNU), Кургальжинское шоссе, 8, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>; Researcher ID WOS: N-4239-2014; Scopus Author ID: 57208162047.

Idrysheva Sara Kimadievna - corresponding authors, Doctor of Law of the Russian Federation, Candidate of Law of the Republic of Kazakhstan (PhD), Associate Professor, Emeritus Professor of the Higher School of Law of KAZGUU University named after M. Narikbayev (MNU), 8 Kurgalzhin Highway, 010000, Astana, Kazakhstan

E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>; Researcher ID WOS: N-4239-2014; Scopus Author ID: 57208162047.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 81-98

УДК 349.6
ГРНТИ 10.53.30
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_81
Научная статья

© М.М. Алёнов^{1*}, Е.А. Дюсенов², 2025

¹Международный университет «Астана», Астана, Казахстан

²Конституционный Суд Республики Казахстан, Астана, Казахстан
(E-mail: ¹lsc@mail.ru; ²erbol.dyussenov@gmail.com)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ В ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. Статья посвящена теме государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) и вопросам внедрения экологических критериев в реализуемые в этой сфере совместные проекты. По теме проведен обзор действующего природоохранного законодательства и анализ соответствующих положений Закона Республики Казахстан «О государственно-частном партнерстве». При освещении вопросов темы уделено внимание нормам Экологического кодекса Республики Казахстан о критериях оценки влияния хозяйственной деятельности на природные процессы.

Авторы полагают, что в вопросах партнерства необходима активность государства и бизнес-структур, для чего нужны действенные правовые инструменты. В качестве наиболее эффективного внедрения в практику экологических критериев предлагается детализация природоохранных положений в текстах договоров о партнерстве. Авторами показано, как в договорах это должно выглядеть и на какой положительный эффект в этом случае можно рассчитывать.

В статье использованы данные Казахстанского центра государственно-частного партнерства. По затронутым Центром вопросам представлена авторская позиция об экологическом сегменте договоров ГЧП. Авторы считают обоснованным мнение, что проблемы реализации проектов, реализуемых на партнерских началах, связаны с качеством разрабатываемых документов, в числе которых договор занимает ключевое место.

На конкретных примерах показано, что может произойти, когда меняется отраслевое законодательство или отдельные его положения. Экологические критерии оценки события или явления в контрактах, как правило, остаются неизменными, но к ним может измениться отношение участников проекта, в особенности представителей уполномоченных органов. Это может произойти, когда изменения в законодательстве произошли уже на стадии исполнения договора. Авторами дается обоснование позиции по содержанию договора, при этом считают, что его универсальный (модельный) вариант разработать затруднительно. Статья содержит выводы авторов относительно того, по каким критериям должны оцениваться договоры о партнерстве и какая информация важна для исследования по ранее заключенным и исполненным договорам государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: правовые механизмы, экологические критерии, условия партнерства, государство и бизнес, договоры о партнерстве, окружающая среда.

* Автор для корреспонденции. E-mail: erbol.dyussenov@gmail.com.

Введение

Законодательство Республики Казахстан (далее - РК) определяет государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) как форму сотрудничества между государственным и частным партнерами. Сферы взаимодействия государства с бизнес-структурами на разных уровнях являются общим полем деятельности, сама же эта работа в конкретном направлении является действенным способом для достижения общих целей.

Необходимость использования в полной мере института ГЧП, особенно для привлечения инвестиций в социальную инфраструктуру обозначена в выступлении Главы государства на совещании по вопросам социально-экономического развития страны 19 апреля 2023 года [1].

За годы самостоятельного развития Казахстана отечественный бизнес участвовал в различных экономических проектах, при реализации которых были задействованы и частный капитал, и государственные ресурсы. В ряде стран такие проекты проявили эффективность и показали интерес к ним хозяйствующих субъектов и людей проживающих на конкретной территории. В данном направлении государством должна быть выстроена системная основа, которая, в свою очередь, обеспечивает порядок в партнерских взаимоотношениях государства и бизнеса.

В национальном законодательстве содержатся базовые положения, на которых строятся партнерские отношения в сферах, где необходим учет интересов не только сторон-партнеров по заключенным договорам, но и населения. Так, Предпринимательский кодекс РК устанавливает необходимость обеспечения баланса интересов потребителей, субъектов предпринимательства и государства (пункт 6 статьи 3 Кодекса). Это один из принципов взаимодействия субъектов предпринимательства и государства, соответственно, он является нормативным условием, предъявляемым к обеим сторонам при разработке соответству-

ющих проектов и их реализации. На основании действующих нормативных положений, анализа информации из открытых источников авторами предпринята попытка представить свое видение правовых механизмов внедрения экологических критериев в проекты, реализуемые государством и бизнесом на партнерских началах.

При освещении темы партнерства авторы статьи провели исследование вопросов, затрагивающих правовые механизмы внедрения экологических критериев в контексте юридической фиксации целей, условий, продолжительности партнерства между государством и представителями бизнеса. Необходимость изучения данной сферы обусловлена экологическими реалиями Казахстана, его местом в международных экономических связях и положениями международных конвенций, к которым присоединился Казахстан.

Все или почти все крупные проекты предполагают вмешательство в природные процессы, соответственно, масштабы этого вмешательства становятся известными разработчикам уже в начале работы. Доступ к этой информации должно обеспечивать государство, о чем говорится в статье 4 Орхусской Конвенции¹.

Материалы и методы

Исследование проведено на основе анализа нормативной базы, результатов ранее состоявшихся исследований по актуальным вопросам охраны окружающей среды и правового регулирования отношений, возникающих в данной сфере.

Основными материалами послужили законодательство Республики Казахстан, международные документы, аналитические материалы, сообщения СМИ и т.д. При подготовке статьи авторами использованы метод правового анализа, системный метод и другие научные методы.

Результаты

Закон РК «О государственно-частном партнерстве» (далее – Закон,

¹ Закон Республики Казахстан от 23 октября 2000 года № 92-ІІ. «О ратификации Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды». // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000092_ (дата обращения: 15.06.2024).

ГЧП) был принят в 2015 году². За период его действия он претерпел изменения в 2016, 2017, 2018-м и в последующие годы. В этом Законе уделено должное внимание важным вопросам, которые нуждаются в детальном регулировании. Так, нормативное воплощение получили такие базовые правила, касающиеся условий государственно-частного партнерства, процедуры определения частного партнера и основных задач и принципов ГЧП.

Отдельного внимания заслуживает подпункт 8) статьи 1 Закона, где проект государственно-частного партнерства обозначен как совокупность *последовательных мероприятий по осуществлению государственно-частного партнерства, реализуемых в течение ограниченного периода времени и имеющих завершённый характер, согласно настоящему Закону и бюджетному законодательству Республики Казахстан*. Необходимость и ценность этой нормы заключается в том, что проект, в котором участвуют стороны-партнёры, предполагает поэтапность взаимосвязанных между собой конкретных действий, направленных на достижение сторонами единой цели. Кроме этого, норма устанавливает временные рамки реализации проекта, что и предполагает его завершённый характер.

В научном обиходе применяется термин «*экологический критерий*», который используется для обозначения условий описания или оценки фактов действительности, касающихся окружающей среды. В Экологическом кодексе РК (далее – Экологический кодекс) он присутствует в статье 230, в ней установлены экологические требования при зонировании и использовании земель сельскохозяйственного назначения (*экологические критерии оценки земель*). Можно привести примеры и из других нормативных правовых актов, что подтверждает универсальность термина для обозначения комплекса требований экологического характера к реализации проектов разного масштаба и направленности. Термин

«государственно-частное партнерство» используется в Экологическом кодексе и несет существенную смысловую нагрузку в регулировании вопросов управления твердыми бытовыми отходами.

Статья 366 Экологического кодекса содержит детальные положения о ГЧП. Данной статьей регулируются вопросы партнерства между государством и частным инвестором в области управления твердыми бытовыми отходами (далее – ТБО). Бесспорно, что ТБО в условиях отечественных мегаполисов, представляют собой серьезную проблему не только для региональных властей, населения крупных городов, но и для людей, проживающих на близлежащих территориях. Если принять во внимание только финансовую часть проблемы, то для ее решения у государства может не оказаться необходимых ресурсов. Приведенная выше статья говорит о возможности *реализации проектов ГЧП по проектированию, строительству, созданию, реконструкции, модернизации и эксплуатации инфраструктуры и подее деятельности по сбору, транспортировке, сортировке, захоронению твердых бытовых отходов, ликвидации стихийных свалок*. Сам перечень работ, которые необходимо в этих случаях выполнить, свидетельствует об их масштабах и финансовых затратах, которые неизбежно будут необходимы. Кроме этого, статья содержит положения:

- о компетенции уполномоченного органа в области охраны окружающей среды по разработке и утверждению порядка и условий реализации проектов государственно-частного партнерства;
- о полномочиях местных исполнительных органов;
- о возмещении затрат частного партнера в рамках проектов государственно-частного партнерства по управлению твердыми бытовыми отходами и др.

В Зеленой Книге по вопросам ГЧП и права Европейского сообщества в сфере государственных закупок и концессий³ отмечается, что государственные

² Закон Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 379-V. «О государственно-частном партнерстве». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000379> (дата обращения: 17.03.2025).

³ Green Paper on public-private partnerships and Community law on public contracts and concessions — Commission of the European Communities. Brussels, 30.4.2004. COM (2004) 327 final. //

услуги, связанные с обращением с отходами или распределением воды или энергии, все чаще поручаются предприятиям, которые могут быть государственными, частными или их сочетанием. Европейский Парламент в своей резолюции о Зеленой Книге об услугах общего интереса от 14 января 2004 года признал, что соблюдение этих правил может быть «эффективным инструментом для предотвращения ограничений конкуренции, в то же время позволяя государственным органам самим определять и контролировать условия, касающиеся качества, доступности и экологических требований».

Следовательно, вопросы обращения с отходами, распределения воды и энергии получают широкое признание как возможность создания со стороны уполномоченных органов условий для конкуренции по улучшению качества, доступности и соответствия требованиям по охране окружающей среды.

В научной литературе отмечается особая роль ГЧП как инструмента привлечения инвестиций в экологическую сферу и форма взаимодействия по поводу объектов инфраструктуры [2], а также подчеркивается актуальность вопроса инвестиционной привлекательности проектов ГЧП [3].

Действующее законодательство содержит нормы, применение которых обеспечивает исполнение договоров. В товарно-денежных отношениях применимы договорные санкции, которые оказывают своей дисциплинирующий эффект на поведение участников названных отношений. Связаны с денежными вопросами и партнерские отношения, которые формируются между государством и бизнесом. Санкции возможны и здесь, но правда в том, что бизнес, вкладывая свои ресурсы в важные для государства и населения проекты, уже изначально идет на риски.

На некоторые из них он идет осознанно, но очевидно то, что усугублять их невыгодными обязательствами он не сможет, особенно на фоне негативных экономических прогнозов.

В этой связи сбалансированный подход в распределении ответственности за нанесение экологического вреда и вреда здоровью населения требует пристального внимания.

Уместно привести правовую позицию органа конституционного контроля о непропорциональном распределении ответственности за оказание социальной поддержки пострадавшим гражданам вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне. В нормативном постановлении Конституционного Суда Республики Казахстан от 25 сентября 2023 года №30-НП отмечается, что нагрузку по выплатам, предусмотренным статьей 13 Закона Республики Казахстан от 18 декабря 1992 года «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне», несет не только государство, но и в существенной мере работодатели – негосударственные субъекты, что, исходя из содержания статьи, свидетельствует о непропорциональном распределении ответственности за оказание социальной поддержки пострадавшим гражданам.⁴

Представляется убедительным мнение о том, что эффективность ГЧП в зеленой экономике зависит от того, насколько успешно оно способствует достижению устойчивого развития, созданию новых возможностей для бизнеса и общества, снижению негативного воздействия на окружающую среду [4].

Разделение рисков между государством и частным сектором реализовано в **Канаде**, где используется модель «Public-private partnership risk allocation framework». Риски, связанные

URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/94a3f02f-ab6a-47ed-b6b2-7de60830625e/language-en> (date of reference: 17.03.2025).

⁴ Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 25 сентября 2023 года №30-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан статьи 13 Закона Республики Казахстан от 18 декабря 1992 года «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S2300000030> (дата обращения: 30.03.2025).

с проектированием, строительством и эксплуатацией, делятся между государством и частным сектором в зависимости от их способности управлять этими рисками.

В **Германии** в проекте ГЧП для строительства инфраструктуры, например, дорог, риски, связанные с эксплуатацией и техническим обслуживанием, ложатся на частные компании, в то время как государство берет на себя долгосрочные финансовые риски, связанные с изменением тарифов или политики.

В отношении обеспечения прозрачности и открытости конкурсов заслуживает внимания опыт **Великобритании**. В рамках реализации проектов Private Finance Initiative (PFI) для обеспечения прозрачности и конкурентности проводится открытое информирование о всех шагах реализации проектов. **Австралия** использует прозрачные тендерные процессы, включая подробное раскрытие информации о критериях отбора, что позволяет обеспечить конкурентоспособность и справедливое распределение государственных контрактов.

Успешный опыт предоставления гарантий и субсидий для частных инвесторов имеется в Испании. В целях стимулирования частных инвесторов в сфере инфраструктуры используются государственные гарантии на доходность, если проект не достигает требуемых экономических результатов.

Механизм долгосрочного контроля и мониторинга действует в **Новой Зеландии**. Система «Project Assurance Framework» включает независимый аудит, мониторинг качества на всех этапах проекта и регулярные отчёты. **Филиппины** имеют опыт функционирования Агентства по развитию ГЧП, осуществляющее контроль всех проектов с этапа планирования и заканчивая эксплуатацией.

Социальные и экологические критерии применяются в **Швеции** при разработке контрактов ГЧП. Широко применяются государственные

стандарты и критерии для устойчивых государственных закупок, включая экологические, социальные и экономические аспекты, разработанные Шведским Агентством по государственным закупкам. В проектах ГЧП в Швеции применяется анализ жизненного цикла, который учитывает экологические и экономические аспекты на всех этапах проекта. Это способствует выбору решений, которые минимизируют долгосрочные экологические и экономические затраты.

В Канаде для проектов ГЧП действуют социальные критерии, включая создание рабочих мест и развитие местных сообществ.

Международным финансовым институтом (IFC), входящего в структуру Всемирного банка, выработаны международные стандарты по ГЧП – IFC's Public-Private Partnership Handbook.⁵ Данный справочник охватывает все стадии реализации проекта от идентификации до завершения, а также включает рекомендации по социальной и экологической устойчивости.

Внедрение экологических стандартов, отражающих современное понимание качественных и эффективных в долгосрочной перспективе решений, в проекты ГЧП в Казахстане имеет ключевое значение для устойчивого экономического и экологического развития. Экологические требования, такие как энергоэффективность, использование возобновляемых источников энергии и минимизация воздействия на окружающую среду, способствуют улучшению качества жизни населения и созданию материальных выгод. Эффективная интеграция таких стандартов способствует привлечению международных инвестиций и улучшению имиджа страны на мировом рынке.

Обращают на себя внимание подходы в правоприменительной практике, обозначенные представителями уполномоченной организации в сфере ГЧП. Отмечаются организационные и процедурно-документационные аспекты проведения конкурсных процедур, оптимизации

⁵ World Bank. Public Private Partnership Handbook (English). Washington, D.C.: World Bank Group. // URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/099011524111939011/099011524111939011> (date of reference: 17.03.2025).

процесса подготовки и заключения договора с частным партнером, целесообразность применения компаратора государственного сектора, то есть инструмента для сравнительного анализа выбора способа реализации проекта за счет привлекаемых инвестиций в рамках ГЧП или исключительно посредством государственного финансирования и управления [5].

Имеется мнение, что основной проблемой, препятствующей реализации проектов ГЧП, является слабо развитый механизм компенсационных затрат частного партнера Minimum Revenue Guarantee [6]. Данный подход был широко применен в 1990-х и 2000-х годах, однако завышенная оценка спроса влекла нагрузку на бюджет по восполнению доходов частного партнера. Критика правительства Южной Кореи за значительные бюджетные расходы повлекла за собой широкое применение подхода по сбалансированному распределению рисков, включая модели shared revenue (раздел доходов) или availability payments (оплата за доступность объекта).

ГЧП в экологических сферах является важным инструментом для реализации устойчивого развития и решения экологических проблем. В последние десятилетия все больше ученых и экспертов отмечают его перспективность, так как оно может эффективно сочетать ресурсы и возможности частного сектора с политической волей и регуляторной функцией государства.

Отдельные научные позиции о перспективах ГЧП в экологических сферах, представленные в зарубежной литературе:

1. Исследования показывают, что проблемы разработки и реализации регулирующих контрактов на практике требуют серьезного подхода и проработки вопросов организации выбора частного партнера, хода исполнения договора ГЧП (контракта), обеспечения прозрачности, тарифной политики. Во-первых, важно признать важную роль наличия внешнего регулятора с самого начала процесса разработки тендера. Во-вторых, разработка публичных тендерных

документов должна включать автоматические механизмы, связанные с мониторингом контракта (например, штрафы за неисполнение). В-третьих, на всех этапах процедуры должны отражать прозрачность и подотчетность. Например, тарифные предложения должны подлежать стандартной административной процедуре, включая участие клиентов и других заинтересованных сторон; основные решения должны публично утверждаться в муниципальном парламенте, а не на закрытых заседаниях между заинтересованными сторонами [7];

2. Также в литературе отмечается, что одним из недостатков контракта является то, что общество может не иметь возможности наблюдать усилия консорциума, а только его влияние на социальное благосостояние проекта [8];

3. Распределение и разделение рисков на интересы налогоплательщиков и общественности/пользователей. Поскольку, как правило, рассматриваются только проблемы правительства и заинтересованных сторон частного сектора. Данные свидетельствуют о том, что многие контракты подвергаются повторным переговорам. В научной литературе отмечается, что существует очень мало исследований, которые изучают влияние распределения и разделения рисков при закрытии контракта и при повторных переговорах в течение контракта [9].

Перечень критериев оценки влияния хозяйственной деятельности на природные процессы:

1. Воздействие на биоразнообразие включает в себя оценку влияния на экосистемы, видовой состав, численность и состояние популяций животных и растений. Показатели, такие как уровень загрязнения среды, уничтожение природных местообитаний и разрушение экосистем, важны для оценки воздействия;

2. Оценка уровня использования и истощения природных ресурсов (воды, леса, полезные ископаемые), в том числе объемов добычи и потребления, эффективности использования ресурсов, их возобновляемости;

3. Загрязнение среды. Оценка выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, воду и почву (концентрация загрязняющих веществ, токсичность

отходов, степень их переработки и утилизации);

4. Климатическое воздействие. Оценка вклада хозяйственной деятельности в изменение климата, включая выбросы парниковых газов (CO₂, метан, азотные оксиды и другие);

5. Энергетическая эффективность. Оценка расхода энергии на производство товаров и услуг, а также доли использования возобновляемых источников энергии;

6. Оценка воздействия на качество и объем водных ресурсов, включая загрязнение водоемов, изменение гидрологического режима, сокращение водных ресурсов, а также эффективность водосбережения;

7. Долговечность и устойчивость экосистем. Оценка влияния хозяйственной деятельности на устойчивость экосистем, а также их способности к самовосстановлению.

8. Социальные и экономические последствия, включая уровень жизни населения, доступность экологически чистых продуктов и услуг, создание рабочих мест и влияние на здоровье людей.

Эти критерии могут быть использованы для комплексной оценки воздействия хозяйственной деятельности на природу и позволяют определять, насколько деятельность компании или страны соответствует принципам устойчивого развития.

При этом набор экологических требований в зависимости от специфики конкретного объекта ГЧП может быть адаптирован к задачам государственной политики в сфере устойчивого развития, общественным интересам и запросам местных сообществ.

Современное состояние национальной экономики таково, что Казахстану есть что показать миру, у него есть признанные в мире позиции, которые в экономической сфере достигнуты в партнерстве не только с отечественным, но и с иностранным бизнесом. Национальное законодательство реагирует на изменяющиеся общественные условия, принимаются новые законы, либо совершенствуются действующие. На фоне динамичных общественных процессов актуальными представляются

вопросы юридической фиксации взаимоотношений государства и бизнеса, особенно, когда эти вопросы касаются партнерских отношений. В статье представлено авторское видение проблемных вопросов темы и предлагаются способы обеспечения качества юридически значимых документов и их исполнения.

Обсуждение

При обсуждении вопросов затрагиваемой темы необходим ответ на вопрос, что представляют собой экологические критерии, которые авторы предлагают для внедрения в проекты ГЧП. Прежде всего признаки, определяющие экологические требования, которые могут быть в нормативных правовых актах разного иерархического уровня и разной отраслевой принадлежности. Здесь имеются в виду требования, которые представлены в отраслевом законодательстве, например, в водном или земельном. Разумеется, в круг обязательных условий, которые должны соблюдаться при реализации проектов в водной, земельной и иных сферах, входят и положения (ограничительные, запретительные и др.), которые включены в соответствующие статьи нормативных правовых актов других отраслей. В качестве примера можно привести требования:

- об обеспечении эффективного экологического мониторинга и экологического контроля (статьи 3 Экологического кодекса РК) (далее – ЭК РК);
- о минимизации антропогенного воздействия на окружающую среду (статьи 4 ЭК РК);
- обязанность сохранения природы и бережного отношения к ее ресурсам (статьи 13 ЭК РК) и др.

Экологические критерии используются в рекомендациях, разрабатываемых специалистами соответствующих отраслей знаний. Они излагаются в научных отчетах по целевым исследованиям, в заключениях экспертов, которые могут учитываться при разработке, оценке качества и степени готовности соответствующих проектов. В отличие от нормативных требований они не обеспечены принудительной силой

исполнения, однако в них специалисты представляют свои выводы не только на основе своего видения проблемы и их научного анализа. В своих выводах они опираются на соответствующие нормативные правовые акты, что придает рекомендациям и экспертным заключениям должное правовое значение. Все это в совокупности обеспечивает правовую состоятельность рекомендаций специалистов, наибольшая ценность которых заключается также в научном прогнозе результатов разрабатываемого (реализуемого) проекта.

Что касается правовых механизмов внедрения, то здесь имеется в виду совокупность юридических инструментов, посредством которых экологические *критерии* должны найти свое место в соответствующих документах. С помощью этих инструментов определяется соответствие проекта ГЧП действующим требованиям на всех его стадиях, т.е. в процессе его подготовки, разработки и реализации. Таким образом эффективный правовой *механизм* способствует обеспечению юридической состоятельности проекта.

Одной из особенностей таких проектов том, что в нем участвуют две стороны, которые не одинаковы и не могут быть одинаковыми по своему статусу. Если проект подразумевает возведение небольшого социального объекта, во что вкладывают свои ресурсы государство и бизнес-структура, то здесь несложно обозначить весь комплекс прав и обязанностей его участников. Однако, если проект предполагает вмешательство в природные процессы, то к нему будут предъявляться другие требования. Здесь надо отметить, что партнерство в выбранном направлении не предполагает какие-либо изменения в контрольных функциях государства по отношению к проекту и его участникам. Контролирующие органы

(фискальные, природоохранные и др.) не предоставляют преференции и послабления при реализации проекта в связи с участием в нем государства. Существует, например, перечень объектов, которые не могут быть переданы для реализации ГЧП. В числе таких объектов земля, воды (кроме права временного безвозмездного землепользования), растительный и животный мир; особо охраняемые природные территории; объекты культурного наследия и др.⁶. Это – ограничительное требование и оно обязательно к исполнению для обеих сторон.

Принимая во внимание характер отношений, складывающийся по поводу осуществления государственно-частного партнерства, ряд государственных органов, вовлечены в эту сферу.

Основным органом, выполняющим задачу по формированию государственной политики в сфере государственно-частного партнерства и наделенным компетенциями по регламентации порядка взаимодействия государственных органов и субъектов предпринимательства, является Министерство национальной экономики Республики Казахстан.⁷

Следует отметить, что государственные органы в рамках вверенных им сфер регулирования реализуют свои функции в отношении проектов ГЧП.

Также в числе государственных органов, задействованным в сфере государственно-частного партнерства, можно отметить министерство финансов РК, агентство по защите и развитию конкуренции, министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности, здравоохранения, экологии и природных ресурсов, энергетики, науки и высшего образования, а также промышленности и строительства.

Так, аудит эффективности управления и использования средств местного бюджета, активов государства

⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2017 года № 710. «Об утверждении перечня объектов, не подлежащих передаче для реализации государственно-частного партнерства, в том числе в концессию». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000710/links> (дата обращения: 20.02.2025).

⁷ Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 сентября 2014 года № 1011 «Вопросы Министерства национальной экономики Республики Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400001011> (дата обращения: 20.02.2025).

и субъектов квазигосударственного сектора в сфере охраны окружающей среды осуществляют Высшая аудиторская палата, ревизионные комиссии областей и городов республиканского значения.

Вмешательство контролирующего органа возможно и в ценовые вопросы, которые входят в сферу регулирования норм экологического законодательства. Это касается, например, размеров *предельного тарифа для каждого проекта ГЧП на сбор, транспортировку, сортировку и захоронение твердых бытовых отходов*. В соответствии с пунктом 7 статьи 366 ЭК РК он разрабатывается и утверждается уполномоченным органом в области охраны окружающей среды и отражает фактические и инвестиционные расходы по указанным операциям в соответствующем регионе.

Стороны-партнеры заключают соответствующий договор на началах равенства (например, государственно-административно-территориальной единицы по правилам статьи 112 ГК РК), но при этом государство (его органы), как властный субъект, должно исполнять свои контрольные функции. В договоре, указанном в Преамбуле Закона РК «О государственно-частном партнерстве», говорится о правовых условиях взаимоотношений сторон и регулировании тех общественных отношений, которые возникают в процессе подготовки и реализации проекта. В рассматриваемом случае подразумевается властное начало, присущее государству – одной из сторон договора. При указанных статусных различиях сторон, Гражданским кодексом РК и законодательством о ГЧП предусмотрен именно договорной формат юридического оформления партнерских отношений между государством и бизнесом.

В зависимости от специфики конкретного объекта, сроков реализации и предполагаемых результатов проекта, договоры могут разными как по содержанию, так и по объему. По этим и иным характеристикам они могут преследоваться определенные цели, но ключевыми пунктами сделки будут

права и обязанности сторон. Взаимные обязательства прописываются именно в договорах, это общепринятая практика, которая основана на нормативных правилах и является универсальным юридическим инструментом в различных сферах деятельности.

Одним из видов деятельности казахстанского Центра ГЧП заявлены *проведение исследований и выработка рекомендаций* по вопросам партнерства между государством и заинтересованными бизнес-структурами⁸. Это важное направление работы, которое предполагает анализ договорной практики и оценку ее эффективности. Применительно к заявленной теме внедрения экологических критериев в проекты ГЧП, именно договорной механизм представляется наиболее *приемлемым* для сторон и *эффективным* по результатам исполнения. Приемлемость заключается в свободном волеизъявлении сторон, что исключает административный прессинг, в противном случае договор сторонами заключен не будет. Что касается эффективности, то здесь все достаточно ясно: если не просматривается эффект от реализации проекта, то стороны не могут рассчитывать на должный результат. В конечном итоге отрицательный результат будет свидетельствовать о несостоятельности самого проекта.

Договорной механизм предполагает обязательность для договаривающихся сторон выполнения прописанных в сделке обязательств. Соблюдение этого стандартного правила сторонами сделки и обеспечивает ее реальное исполнение. По договорам, где не возникают вопросы в процессе их подписания и исполнения, и достигается экономический и социально значимый результат. Однако так происходит не всегда. Например, в договорной практике нередки случаи, когда стороны берут на себя взаимные обязательства с общей формулировкой «в соответствии с действующим законодательством». Ничего незаконного здесь нет, это допустимо и вполне приемлемо в ряде случаев. Однако, если речь о масштабных

⁸ Информация об АО «Казахстанский центр государственно-частного партнерства». // URL: <https://www.gov.kz/situations/338/888?lang=ru> (дата обращения: 20.02.2025).

проектах, то представляется необходимой детализация требований, в том числе экологических, в текстах самих договоров. Это важно, если договор рассчитан на несколько лет и его исполнение предполагает (допускает) возможность воздействия на природные процессы. Здесь необходимо отметить два момента.

Первое. Казцентром ГЧП разработан Конструктор договоров государственно-частного партнерства⁹ (*данные на 2024 год*). В информации, представленной на сайте Центра, говорится, что большинство проблем реализации проектов связаны с недостаточной проработкой текстов договоров. Здесь профильная структура подтверждает актуальность проблемы качества рабочих документов партнерства, основным среди которых является договор. Конструктор, он же Примерный договор, не является типовым договором, о чем и предупреждают его разработчики. Они приглашают к сотрудничеству экспертов и других пользователей информации для решения общих задач. Из изложенного следует, что Центр делает акцент на решающее значение договора о ГЧП и считает необходимым участие общественности в разработке его наиболее качественных модельных версий.

Второе. Выше уже говорилось о допустимости ссылки на соответствующие статьи кодексов и законов для определения комплекса прав и обязанностей каждой стороны договора. Однако есть важные обстоятельства, которые необходимо отметить при освещении вопросов данной темы. С 1991 года, то есть за весь постсоветский период, отраслевые законы и кодексы претерпели серьезные изменения. Некоторые кодексы были признаны утратившими силу и были приняты новые. К числу последних относится и Экологический кодекс РК. В 1992 году был принят Закон «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье»¹⁰.

Этот Закон состоит из 24 статей, но за период действия претерпел значительные изменения. Они коснулись статьи 14 (статья исключена), статьи 15 *Дополнительные компенсации и льготы к лицам, пострадавшим вследствие экологической катастрофы* (из статьи исключены четыре из пяти пунктов), статьи 16 *«Дополнительные компенсации и льготы к лицам, пострадавшим вследствие экологического кризиса»* (из статьи исключены четыре из пяти пунктов) и др. Это наглядный пример того, какие серьезные изменения могут в законодательстве произойти, даже если сам Закон продолжает действовать.

Учитывая динамику изменений в законодательстве, наиболее эффективным представляется прописывание нормативных условий в соответствующие договоры, при этом освобождая текст от ссылок на нормативные правовые акты любого уровня. Это может показаться не соответствующим сложившимся договорным традициям, но это допустимо. Польза такой практики становится очевидной, когда возникает спор о необходимости исполнения/ неисполнения пункта договора, который воспроизводит норму, исключенной из НПА в ходе реализации проекта. Здесь дело не в том, исполнять договор или не исполнять согласно правилам статьи 4 ГК РК *Действие гражданского законодательства во времени*. Отсутствие ссылки на НПА в тексте договора дает эффект действительности *самих обязательств*, принятых сторонами, и нормативная основа для такого утверждения тоже есть. Так, принимая на себя обязательства в соответствии с законодательством, действовавшим на момент разработки проекта и его подписания, стороны не выходят за рамки правового поля, соответственно, их действия законны и оснований для возникновения спора нет.

Что касается обязательности собственно договорных условий, то в гражданском законодательстве есть

⁹ Казцентр ГЧП разработал Конструктор договоров ГЧП. // URL: <https://kzppp.kz/ru/2024/04/19/> (дата обращения: 20.02.2025).

¹⁰ Закон Республики Казахстан от 30 июня 1992 года № 1468-XII. «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье». // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920002600_ (дата обращения: 17.03.2025).

множество положений, где в одинаковой степени признаются равными по силе и условия договора, и нормативные требования. В Гражданском кодексе РК можно найти множество статей, которые содержат слова *«если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими законодательными актами или соглашением сторон»*. Отсюда следует вывод, что изменения в законодательстве не окажут негативного влияния на ход исполнения Проекта, что придаст устойчивость заключенному договору и проекту в целом.

Несколько слов можно сказать о таком элементе партнерских отношений, как *администрирование проекта*. В научной литературе этот термин используется в разных значениях, но в основном под этим понимается работа группы специалистов, управляющих процессом реализации проекта. Это могут быть группы, представляющие отдельно каждую сторону договора, но при этом они работают согласованно, согласно определенному функционалу. Экологические критерии могут стать необходимыми для оценки ситуации на отдельных этапах проекта, где и работают эти группы. Например, целью проекта является строительство автодороги, в котором в свое время не были учтены пути миграции диких животных. Известно, что это не разовое природное явление, преодолев большие расстояния из одной среды обитания в другую, животные проделывают такой же путь и в обратном направлении. В подобных ситуациях необходимо участие специалистов, которые могут представить не только данные о направлениях и цикличности миграции животных, но и прогнозы о росте численности их популяции. Организация этой работы может по условиям договора возлагаться на одну или обе стороны, или согласовываться ими в процессе исполнения проекта.

Обеспечение беспрепятственной миграции животных через участок, отведенный под строительство, неизбежно влечет дополнительные затраты, что важно для сторон, но и экологический аспект вопроса в подобных ситуациях проигнорирован быть не может. Договорные отношения между государством и частным

партнером не исключают экологический контроль в ходе реализации проекта, поскольку обеспечение эффективного экологического мониторинга и экологического контроля является целью экологического законодательства (подпункт 10 пункта 1 статьи 3 ЭК РК). В то же время, административное вмешательство в реализацию проекта допустимо в нормативных рамках и не должно оставлять «за скобками» договорные обязательства сторон. Последнее обстоятельство также повышает юридическую значимость договора о партнерстве и определяет перспективы его исполнения.

Договорные отношения, формирующиеся в разных сферах, имеют очень долгую историю, например, специалисты называют договор одной из самых древних правовых конструкций [10]. Он предпочтителен для сторон в партнерских отношениях, привычен для обозначения в тексте как перспективных целей, так и деталей будущего сотрудничества. Немаловажным является возможность включения сторонами условий, восполняющих то, что на момент заключения договора не урегулировано законодательством. Данная возможность является преимуществом договора, позволяющее включать в проект природоохранные меры, которые в законодательстве прямо не прописаны.

Внедрение экологических критериев в договоры ГЧП представляется целесообразным проводить на уровне договорной практики посредством включения экологических требований на этапе подготовки проекта, включающего оценку воздействия на окружающую среду, оценку жизненного цикла проекта, определение климатических и ESG (environmental, social, governance) рисков.

Также в ходе структурирования соответствующего договора востребован учет экологических критериев с проработкой конкретных формулировок параметров, целевых показателей в отношении использования возобновляемых ресурсов, выбросов CO₂, энергопотребления, энергоемкости продукции (стандарты ISO 50001, BAT best available techniques, SE4ALL sustainable energy for all), уровня шума, за-

грязнений, экологической сертификации (например, LEED, BREEAM, ISO 14001), требований по обращению с отходами, доля повторного использования воды (где это применимо), уровень загрязняющих веществ в сточных водах, доля отходов, отправленных на переработку и на захоронение.

Немаловажным представляется этап исполнения договора ГЧП, который должен сопровождаться сбором и обработкой данных по KPI (ключевые показатели эффективности) в целях предупреждения нарушений природоохранных норм, стимулирования экологически ответственного поведения с использованием подхода в оплате по достижению ранее обозначенных результатов. Предоставление отчетности, применение санкций предусмотренных договоров и мер стимулирования.

Апробированные подходы в поддержании устойчивой инфраструктуры наделенные прикладным характером являются документы Экономического и Социального Совета Организации Объединённых Наций: Руководство по поощрению «зеленых» и устойчивых закупок в рамках государственно-частных партнерств в интересах достижения целей в области устойчивого развития; Руководящие принципы по улучшению реализации проектов государственно-частных партнерств и инфраструктуры посредством проведения цифровой трансформации на протяжении всего жизненного цикла проектов в поддержку Целей в области устойчивого развития; Руководство по поощрению «зеленых» и устойчивых закупок в рамках государственно-частных партнерств в интересах достижения целей в области устойчивого развития¹¹, а также платформа, поддерживаемая Немецким обществом по международному сотрудничеству (GIZ, Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit) и Программой ООН по окружающей среде (UNEP, United Nations Environment Programme) и именуемая Навигатор

по инструментам устойчивой инфраструктуры (Sustainable Infrastructure Tool Navigator)¹².

На основе анализа вышеуказанных актов и платформы можно выделить в качестве рекомендаций следующее:

1. Включение экологических критериев в тендерную документацию, включающих методы оценки жизненного цикла для определения экологических последствий на всех этапах проекта (LCA), требования к соблюдению международных экологических стандартов и к наличию соответствующих сертификатов (например, ISO 14001, LEED).

2. Расширение практики проведения устойчивых закупок, в частности установление приоритета в выборе поставок экологически чистых материалов и технологий.

3. Интеграция экологических требований в условия договора посредством установления экологических KPI, определения конкретных экологических показателей по сокращению выбросов CO₂, энергоэффективности и управления отходами.

4. Стимулирование и санкции согласно условиям договора ГЧП: введение системы вознаграждений за достижение экологических целей и штрафов за их невыполнение.

5. Использование цифровых инструментов для мониторинга и управления экологическими показателями на всех этапах проекта.

6. Обучение и повышение квалификации участников проекта ГЧП в формате проведения тренингов и семинаров по вопросам устойчивого развития и экологического менеджмента. Стимулирование получения сертификатов в области устойчивого строительства и экологического менеджмента.

7. Учет местных экологических условий, специфики местных экосистем и интересов сообществ при проектировании, реализации проектов ГЧП. Также внимание обращается на вовлечение местных властей и сообществ в процесс принятия решений и реализации про-

¹¹ Сайт Европейской Экономической Комиссии ООН. // URL: https://unece.org/sites/default/files/2024-11/ECE_CECI_WP_PPP_2024_05-ru.pdf; https://unece.org/sites/default/files/2024-11/ECE_CECI_WP_PPP_2024_03-ru.pdf; https://unece.org/sites/default/files/2024-11/ECE_CECI_WP_PPP_2024_05-ru.pdf (дата обращения: 17.05.2025).

¹² Сайт Навигатора по инструментам устойчивой инфраструктуры. // URL: <https://sustainable-infrastructure-tools.org/> (дата обращения: 17.05.2025).

ектов. Успешность проекта ГЧП, в том числе, достижение социально-значимого эффекта от его реализации связаны с тем, насколько проект эффективно решает проблемы и запросы местных сообществ, отвечает задачам проводимой государственной политики.

Следует отметить, что договор не ограничен по количеству и характеру взаимных обязательств, которые стороны принимают на себя добровольно. Что же касается цели договора о ГЧП, то рассчитывается он на длительный срок и продолжает действовать, когда из числа ответственных исполнителей выбывают лица, его подписавшие.

В соответствующие пункты договора могут быть включены условия:

- *о степени воздействия проекта на окружающую среду, энергоэффективности, переработки отходов либо передачи их специализированным предприятиям для переработки (выработки) электроэнергии;*

- *гарантии соответствия используемых материалов (продукции) гигиеническим нормативам, применения экологически чистых материалов и технологий;*

- *периодическая отчетность исполнителей о соблюдении санитарно-эпидемиологических правил и нормативов, меры позитивного стимулирования и санкции;*

- *процедура участия местного сообщества*

Приведенные условия есть часть стандартного перечня, который, как правило, включается в проекты, например, по строительству дорог, путепроводов или возведению производственных объектов на соответствующей территории. В хозяйственных договорах они присутствуют, но и вопросы, а то и споры по ним, между сторонами договора могут возникнуть. Для того, чтобы избежать нежелательные нестыковки и предпочтителен детальный договор. В этом случае спор будет решаться не по тому, что имел в виду законодатель в конкретной норме, а по тому, что сами стороны согласовали и включили в договор о партнерстве.

Специалисты могут возразить, что излишняя детализация «утяжеляет»

договор, затрудняет его исполнение, чревата разночтениями отдельных пунктов. Опыт показывает, что такие опасения высказываются по данным договорной практики. Данный вопрос может быть отдельной темой исследования, здесь, не вдаваясь в его детали, можно отметить, что предпочтительнее «тяжелый», обремененный деталями договор, чем последующие не менее тяжелые, судебные разбирательства. Что касается собственно детального текста договора, то в нем может отражаться не только то, что говорится в законе, но и то, каким видят экологическую защиту (природоохранные меры) сами стороны договора.

По структуре и содержанию договора сложно создать его совершенный модельный вариант. Специалисты могут, конечно, ставить такую цель, работать в этом направлении, однако будут ли востребованы результаты этой работы, решат юристы-практики. Модели можно создавать, они могут выглядеть убедительно, но на практике они могут не прижиться. Более приемлемым представляется иной путь и далее, в заключении, будут представлены соответствующие выводы по этим вопросам. По обозначенным выше направлениям необходимо будет вести системную работу, которая должна обязательно опираться на данные уже наработанной практики. Одной из целей Центра ГЧП заявлена *выработка рекомендаций* и подразумевается здесь решение вопросов обеспечения качества договоров. Формула «качественный договор обеспечивает его качественное исполнение» является универсальной. Исходя из этой истины представляются выводы о правовых механизмах внедрения экологических критериев в проекты государственно-частного партнерства.

Заключение

Правовые механизмы внедрения экологических критериев в проекты ГЧП представляют собой совокупность юридических инструментов, с помощью которых природоохранные требования должны исполняться при реализации этих проектов. Для внедрения их в

практику договор представляется наиболее действенным, так как его основой является добровольное принятие сторонами согласованных ими обязательств.

Для достижения целей ГЧП необходим системный анализ договорной практики, результаты которого покажут эффект партнерских отношений между государством и бизнесом. Наиболее ценными здесь представляются данные судебной практики по рассмотрению дел по спорам между государственными органами и бизнес-структурами.

Разработка модельных образцов договора может послужить унификации договорных стандартов. Они могут служить юридическим каркасом сделки и касаться примерной структуры и общих обязательных ее элементов.

Применительно к конкретным направлениям, отраслям, видам деятельности необходим анализ:

- исполнения экологических требований сторонами по реализованным проектам (договорам);

- результатов участия общественности в принятии решений по вопросам охраны окружающей среды при разработке проектов;

- практики природоохранных органов и работы общественных экологических организаций.

Для эффективного внедрения в договорную практику экологических критериев необходима детализация природоохранных положений в текстах договоров о партнерстве. В этом случае они будут сохранять силу и в том случае, если претерпит изменения сам закон или отдельные его положения. Это будет способствовать формированию устойчивой договорной практики и обеспечению действенности экологических критериев в договорах о ГЧП.

Вклад авторов

Все структурные части подготовлены при совместном участии соавторов. Между тем разграничить вклад каждого автора по отдельности можно следующим образом: разработка концептуальных позиций выполнена доктором юридических наук **М.А. Аленовым**, подготовка статьи на предмет соответствия требованиям редакционной политики осуществлена кандидатом юридических наук **Е.А. Дюсеновым**.

Список литературы:

1. Выступление Главы государства К. Токаева на расширенном совещании по вопросам социально-экономического развития страны. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-soveshchanii-po-voprosam-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-strany-1934439> (дата обращения: 15.06.2024).

2. Тараскина, А.Ю. Правовые основы государственно-частного партнёрства в сфере охраны окружающей среды // А.Ю. Тараскина // Экономика. Социология. Право. - 2021. - №2(22). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-gosudarstvenno-chastnogo-partnyorstva-v-sfere-ohrany-okruzhayuschey-sredy> (дата обращения: 13.05.2025).

3. Бабич, А.А. Особенности заключения соглашения государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды и инвестиционная привлекательность экологической сферы для частных партнеров // А.А. Бабич // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». - 2019. - №6. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-soglasheniya-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-oblasti-ohrany-okruzhayuschey-sredy-i-investitsionnaya> (дата обращения: 13.05.2025).

4. Khashimova, S.N. Public-private partnership in green economy efficiency. Spectrum Journal of Innovation, Reforms and Development. // S.N. Khashimova, A.A. Abdikarimova // – 2024. - No28. – P. 10–13. // Retrieved from <https://www.sjird.journalspark.org/index.php/sjird/article/view/1055> (date of reference: 13.05.2025).

5. Ешимова, Д.А. Применение механизма государственно-частного партнерства для развития региональной инфраструктуры // Д.А. Ешимова, Р.А. Нурпейсов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. - 2017. - №4(49). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/467/472> (дата обращения: 13.05.2025).

6. Асабаев, Е.А. Совершенствование механизма компенсации операционных затрат проектов государственно-частного партнерства // Е.А. Асабаев // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. - 2020. - №2(60). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/170/221> (дата обращения: 13.05.2025).

7. Cunha Marques, R. Public-private partnership contracts: a tale of two cities with different contractual arrangements. // R.Cunha Marques, S. Berg // Public Administration. – 2011. – Volume 89. – Issue 4. – P. 1585-1603. // Retrieved from <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2011.01944.x> (date of reference: 13.05.2025).

8. Hajjej, I. «Optimal contract with moral hazard for Public Private Partnerships» // I. Hajjej, C. Hillairet, M.Mnif, M.Pontier // Retrieved from <https://doi.org/10.1080/17442508.2017.1303068> (date of reference: 13.05.2025).

9. Mazher, Kh.M. «Review of studies on risk allocation and sharing in public-private partnership projects for infrastructure delivery» Frontiers in Built Environment. 19 February 2025. Sec. Construction Management // Kh.M. Mazher // – 2025. - Volume 11. // Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fbuil.2025.1505891> (date of reference: 13.05.2025).

10. Сейтенова, С.Ж. Договорное право в Республике Казахстан. // С.Ж. Сейтенова // – Алматы: Эверо, 2024. – 180 с.

© М.А. Аленов¹, Е.А. Дюсенов², 2025

¹ «Астана» халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

² Қазақстан Республикасы Конституциялық Соты, Астана, Қазақстан

МЕМЛЕКЕТТІК-ЖЕКЕШЕЛІК ӘРІПТЕСТІК ЖОБАЛАРЫНА ЭКОЛОГИЯЛЫҚ КРИТЕРИЙЛЕРДІ ЕНГІЗУДІҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІКТЕРІ

Аннотация. Мақала мемлекеттік-жекеменшік әріптестік (бұдан әрі – МЖӘ) тақырыбына және осы салада жүзеге асырылатын бірлесіп орындалатын жобаларға экологиялық критерийлерді енгізу мәселелеріне арналған. Тақырып бойынша қолданыстағы заңнамаға шолу және «Мемлекеттік-жекеменшік әріптестік туралы» Қазақстан Республикасы Заңының тиісті нормаларына талдау жүргізілді. Тақырыптың мәселелерін қамту барысында Қазақстан Республикасының Экологиялық кодексінің шаруашылық қызметтің табиғи процестерге әсерін бағалау критерийлерін белгілейтін нормаларына назар аударылды.

Авторлар әріптестік мәселелерінде мемлекет пен бизнес құрылымдары белсенді болуы керек, ал ол үшін тиімді құқықтық құралдар (тетіктер) қажет деп санайды. Экологиялық критерийлерді іске асырудың ең тиімді жолы әріптестік келісімдерінің мәтіндерінде экологиялық ережелерді егжей-тегжейлі көрсету болып табылады. Авторлар бұл ережелер келісім-шарттарда қалай көрінетінін және осы бағытта қандай оң нәтиже күтуге болатынын көрсетеді.

Мақалада Қазақстандық мемлекеттік-жекеменшік әріптестік орталығы ашық дереккөздерде берген деректер пайдаланылады. Орталық көтерген мәселелер бойынша МЖӘ келісімдерінің экологиялық сегменті туралы авторлардың ұстанымы ұсынылған. Авторлар әріптестік негізінде жүзеге асырылатын жобаларды іске асыру қиындықтары әзірленетін құжаттардың сапасына байланысты деген пікірді негізді деп санайды. Ол құжаттардың арасында келісім шарт негізгі орын алады.

Нақты мысалдар арқылы салалық заңнама немесе ондағы жеке ережелер өзгерген кезде не болатыны мақалада көрсетілген. Келісімшарттардағы оқиғаны немесе тиісті құбылысты бағалаудың экологиялық критерийлері, әдетте, өзгеріссіз

қалады, бірақ жобаға қатысушылардың, әсіресе уәкілетті органдардың өкілдерінің, оларға деген көзқарасы өзгеруі мүмкін. Бұл шартты орындалу сатысында заңнамаға өзгерістер енгізілген кезде орын алуы мүмкін. Авторлар шарттың мазмұны бойынша өз ұстанымдарын негіздейді, ал оның әмбебап (модельдік) нұсқаны әзірлеу қиын деп есептейді. Мақалада авторлардың әріптестік шарттары қандай критерийлер бойынша бағалануы керек және бұрын жасалған және орындалған мемлекеттік-жекешелік әріптестік жобалары бойынша зерттеу үшін қандай ақпарат маңызды екендігі туралы қорытындылары қамтылған.

Түйінді сөздер: құқықтық механизмдер, экологиялық критерийлер, серіктестік шарттары, мемлекет және бизнес, серіктестік келісімдері, қоршаған орта.

© M.A. Alenov¹, Y.A. Dyussenov², 2025

¹ «Astana» International University, Astana, Kazakhstan

² Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

LEGAL MECHANISMS FOR INTRODUCING ENVIRONMENTAL CRITERIA INTO PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS

Abstract. The article is devoted to the topic of public-private partnership (hereinafter – PPP) and the issues of introducing environmental criteria into joint projects implemented in this area. On the topic, a review of the current legislation and an analysis of the relevant provisions of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Public-Private Partnership» are conducted. When covering the issues of the topic, attention is paid to the norms of the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan on the criteria for assessing the impact of economic activity on natural processes.

The authors believe that in matters of partnership, the activity of state and business structures is necessary, which requires effective legal instruments. As the most effective implementation of environmental criteria, it is proposed to detail environmental provisions in the texts of partnership agreements. The authors show how this should look in the agreements and what positive effect can be expected in this case.

The article uses data provided by the Kazakhstan Center for Public-Private Partnership in open sources. On the issues raised by the Center, the author's position on the environmental segment of the agreements is presented. The authors believe that the opinion that the problems of implementing projects carried out on a partnership basis are related to the quality of the documents being developed, among which the contract occupies a key place, is justified.

Specific examples show what can happen when the legislation or individual provisions change. Environmental criteria for assessing an event or phenomenon remain unchanged, as a rule, but the attitude of project participants, especially representatives of authorized bodies, towards them may change. This may happen when changes in legislation have occurred during at stage of contract execution. The authors provide a justification for their position regarding the content of the contract, but believe that it is difficult or impossible to develop a universal (standard) version. The article contains the authors' conclusions regarding the criteria by which partnership contracts should be assessed, and what information is important for studying previously concluded and executed public-private partnership contracts.

Keywords: legal mechanisms, environmental criteria, partnership terms, state and business, partnership contracts, environment.

References:

1. Vystuplenie Glavy gosudarstva K. Tokaeva na rasshirennom soveshchanii po voprosam sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya strany. // [Retrieved from <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-rasshirennom-soveshchanii-po-voprosam-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-strany-1934439> (data obrash-

cheniya: 15.06.2024).

2. Taraskina, A.Yu. Pravovye osnovy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere ohrany okruzhayushchei sredy // A.Yu. Taraskina // *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*. - 2021. - №2(22). // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-gosudarstvenno-chastnogo-partnyorstva-v-sfere-ohrany-okruzhayuschey-sredy> (data obrashcheniya: 13.05.2025).

3. Babich, A.A. Osobennosti zaklyucheniya soglasheniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v oblasti ohrany okruzhayushchei sredy i investitsionnaya privlekatel'nost ekologicheskoi sfery dlya chastnykh partnerov // A.A. Babich // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»*. - 2019. - №6. // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zaklyucheniya-soglasheniya-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-oblasti-ohrany-okruzhayuschey-sredy-i-investitsionnaya> (data obrashcheniya: 13.05.2025).

4. Khashimova S.N. Public-private partnership in green economy efficiency. *Spectrum Journal of Innovation, Reforms and Development*. // S.N. Khashimova, A.A. Abdikarimova // – 2024. - No28. – P. 10–13. // Retrieved from <https://www.sjird.journalspark.org/index.php/sjird/article/view/1055> (date of reference: 13.05.2025).

5. Yeshimova, D.A. Primenenie mehanizma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva dlya razvitiya regionalnoi infrastruktury // D.A Yeshimova, R.A. Nurpeisov // *Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan*. - 2017. - №4(49). // Retrieved from <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/467/472> (data obrashcheniya: 13.05.2025).

6. Asabaeyv, E.A. Sovershenstvovanie mehanizma kompensatsii operatsionnykh zatrat proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // E.A. Asabaeyv // *Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan*. - 2020. - №2(60). // Retrieved from <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/170/221> (data obrashcheniya: 13.05.2025).

7. Cunha Marques, R. Public-private partnership contracts: a tale of two cities with different contractual arrangements. // R. Cunha Marques, S. Berg // *Public Administration*. – 2011. – Volume 89. – Issue 4. – P. 1585-1603. // Retrieved from <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2011.01944.x> (date of reference: 13.05.2025).

8. Hajjej I. «Optimal contract with moral hazard for Public Private Partnerships». // I, Hajjej C, Hillairet M, Mnif M. // *Pontier* Retrieved from <https://doi.org/10.1080/17442508.2017.1303068> (date of reference: 13.05.2025).

9. Mazher, Kh.M. «Review of studies on risk allocation and sharing in public-private partnership projects for infrastructure delivery» *Frontiers in Built Environment*. 19 February 2025. Sec. Construction Management // Kh.M. Mazher // – 2025. - Volume 11. // Retrieved from <https://doi.org/10.3389/fbuil.2025.1505891> (date of reference: 13.05.2025).

10. Seitenova, S.Zh. Dogovornoe pravo v Respublike Kazakhstan. // S.Zh. Seitenova // – Almaty: Evero, 2024. – 180 s.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Әленов Марат Амрадинұлы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының докторы, «Астана» халықаралық университетінің Жоғары құқық мектебінің профессоры, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: lscc@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4352-5494>; Scopus Author ID: 57205323177.

Дүйсенов Ербол Абайұлы - заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының Талдау, отырыстарды ұйымдастыру және хаттама жасау бөлімінің талдаушысы, Мәңгілік Ел даңғылы, 13, Астана, Қазақстан.

E-mail: erbol.dyussenov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2554-9078>.

Аленов Марат Амрадинович - автор для корреспонденции, доктор юридических наук, профессор Высшей школы права Международного университета «Астана», проспект Кабанбай Батыра, 8, 020000, Астана, Казахстан.

E-mail: lsc@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4352-5494>; Scopus Author ID: 57205323177.

Дюсенов Ербол Абаевич - кандидат юридических наук, аналитик отдела аналитики и конституционного производства Конституционного Суда Республики Казахстан, проспект Мәңгілік Ел, 13, 010000 Астана, Казахстан.

E-mail: erbol.dyussenov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2554-9078>.

Alenov Marat Amradinovich - corresponding authors, Higher doctorate Jurisprudence, Professor of the Higher School of Law of Astana International University, 8 Kanbai Batyr Avenue, Astana, Kazakhstan

E-mail: lsc@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4352-5494>; Scopus Author ID: 57205323177.

Dyussenov Yerbol Abayevich - Candidate's degree in Jurisprudence, Analyst of the Department of Analytics, organization of meetings and record keeping of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, 13 Mangilik El Avenue, Astana, Kazakhstan.

E-mail: erbol.dyussenov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2554-9078>.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЗАҢНАМА ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚПАРАТ
ИНСТИТУТЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НӨМІРІ 3(2025), 99-113

ӨОЖ 347.451.031
ҒТАМР 10.23.31
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_99
Ғылыми мақала

© С.М. Ильясова¹, Н.А. Алдабергенова¹, М.К. Жусупбекова^{2*}, 2025

¹ «Тұран» университеті, Алматы, Қазақстан

² Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан
(E-mail: ¹samal@mail.ru; ¹n.aldabergenova@turan-edu.kz; ²zhmk6464@mail.ru)

МЕМЛЕКЕТТІК САТЫП АЛУ ТУРАЛЫ ШАРТТАРДЫ ЖАСАСУДАҒЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТӘУЕКЕЛДЕР

Аннотация. Бұл мақалада авторлар мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасудағы құқықтық тәуекелдерді теориялық және практикалық тұрғыда зерттейді, негізгілерін анықтайды, пайда болу заңдылықтарын түсіндіреді, азайту жолдарын ұсынады.

Мақаланың мақсаты мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасудағы негізгі құқықтық тәуекелдерді анықтау және қолданыстағы заңнамаға және тәжірибеге талдау жасау арқылы құқықтық тәуекелдерді азайту жолдарын ұсыну болып табылады.

Жұмыстың ғылыми және практикалық маңызының қысқаша сипаттамасы. Зерттеу объектісіне ғалымдардың қызығушылықтарының артуы, проблемалық мәселелерді кешенді шешу үшін зерттеуді қажет ететін көптеген сұрақтар туғызады. Бұл ретте, мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасудағы құқықтық тәуекелдерді теориялық тұрғыдан зерттеу құқық доктринасы үшін маңызды. Ғылыми мақаладағы зерттеулер тәжірибедегі заң бұзушылықтардың алдын алуға көмектеседі.

Зерттеу әдістемесінің қысқаша сипаттамасы. Бұл зерттеу жұмысы кешенді талдау жасауды талап етеді, сондықтан зерттеу жүргізу барысында жүйелі түрде жалпы және арнайы ғылыми-зерттеудің эмпирикалық және теориялық әдістері қолданылады.

Зерттеу жұмысының негізгі нәтижелері мен талдаулары, қорытындылары. Зерттеудің нәтижесінде негізгі құқықтық тәуекелдер анықталып жүйеленді, тәжірибеге талдау жасалды. Заңнаманы бұдан әрі жетілдіруге, қатысушылардың құқықтық мәдениетін арттыруға тұжырымдар жасалды.

Жүргізілген зерттеудің мәні – зерттеу нәтижелерін азаматтық құқық саласы бойынша дәріс беруде және зерттеуші ғалымдар үшін ғылыми материал ретінде пайдалануға болады.

Жұмыс нәтижелерінің практикалық мәні. Жұмыс нәтижелерін тапсырыс берушілердің, әлеуетті өнім берушілер мен өнім берушілердің, құқық қолдану органдарының, сот органдарының, соңымен қатар заң шығарушы және реттеуші органдардың жұмыстарында қолдануға болады.

Түйінді сөздер: мемлекеттік сатып алу туралы шарт, құқықтық тәуекелдер, тапсырыс беруші, құқықтық мәдениет.

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: zhmk6464@mail.ru.

Kіріспе

Қазақстан Республикасының Президентімен 01 шілде 2024 жылы «Мемлекеттік сатып алу туралы» жаңа заңға қол қойылды. Бұл заң мемлекеттік сатып алулар саласын құқықтық реттеудегі уақыт талабына сәйкес қабылданған маңызды құжат.

Заң Президенттің 2022 жылғы 1 қыркүйектегі «Әділетті мемлекет. Біртұтас ұлт. Берекелі қоғам» атты Қазақстан халқына Жолдауын жүзеге асыру мақсатында қабылданды¹.

Жаңа заң мемлекеттік сатып алу саласындағы мерзімдерді жеңілдету және қысқартуға, шағымдарды қараудың жаңа механизмін енгізуге, өнім берушілердің жауапкершілігін күшейтуге, қоғамдық мониторинг институтын енгізуге, кешенді құрылыс институтын қалыптастыруға, офтейк-контрактілер, бір көзден сатып алуды жеңілдетуге бағытталған. Яғни, жаңа заң мемлекеттік сатып алу саласында туындайтын түрлі құқықтық тәуекелдерді болдырмауды және азайтуды көздейді.

Қазақстан Республикасында мемлекеттік сатып алу институты қоғам мен мемлекеттің қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін тауарлар, жұмыстар және қызметтерді сатып алуға арналған мемлекеттік ресурстарды бөлудегі басты механизм болып табылады. Сәйкесінше, мемлекеттік сатып алу институты әрқашан мемлекеттің басты назарында.

Қазіргі уақытта мемлекеттік сатып алу туралы заңнаманы қолданудағы заң бұзушылықтар және экономикалық ортадағы қиыншылықтар мемлекеттік сатып алу саласын кешенді қарастырып зерттеуді қажет етеді.

Мемлекеттік сатып алу саласында тапсырыс беруші мен өнім беруші арасындағы азаматтық-құқықтық қатынастарды реттейтін негізгі құжат – бұл мемлекеттік сатып алу шарты деп қарастыратын болсақ, оны жасасқаннан кейін туындайтын көптеген проблемалық мәселелер азаматтық құқықтық тәуекелдер ұғымына әкеліп, құқықтық тәуекелдерді болдырмаудың жолдарын зерттеу қажеттілігін туындатады. Атап айтқанда, тапсырыс берушілер мен өнім берушілер шарт жасасқаннан кейін немесе шарт жасасқанға дейін

түрлі объективтік және субъективтік факторларға байланысты орын алатын құқықтық тәуекелдермен кездеседі. Бұндай тәуекелдер мемлекеттік сатып алу шартының қатысушыларына кері әсерін тигізіп, дауларға, қаржылық жоғалтуларға және заң нормаларының бұзылуына алып келеді.

Бұл жағдайда мемлекеттік сатып алу жүйесінде азаматтық-құқықтық шарттар ерекше рөл атқарады, өйткені олардың көмегімен мемлекеттік сатып алу үдерісінде бірізділік қамтамасыз етіліп, қатысушылардың іс-әрекетінде тәртіп орнайды.

Жоғарыда айтылғандар мемлекеттік сатып алу жүйесінде тауарларды, жұмыстарды және қызметтерді мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасудағы құқықтық тәуекелдерді зерттеу, оларды болдырмау және азайту мәселелерін қарастыру өзекті мәселелердің бірі болып табылатындығын және кешенді зерттеуді қажет ететіндігін көрсетеді.

Мақалада зерттеу объектісі ретінде мемлекеттік сатып алу шарттарын жасасу және орындау барысында туындайтын қоғамдық қатынастар мен осы процесті реттейтін құқықтық нормалар қарастырылады. Атап айтқанда, зерттеу мемлекеттік сатып алу туралы заңнаманы бұзу жағдайларынан, шарт жасасу кезіндегі теріс пайдаланушылықтан және заң актілеріндегі кемшіліктерден туындайтын құқықтық тәуекелдерге, сондай-ақ олардың қатысушыларға тигізетін құқықтық салдарына назар аударады.

Зерттеудің мақсаты мен міндеттері. Мақаланың мақсаты - мемлекеттік сатып алу шарттарын жасасу кезінде туындайтын құқықтық тәуекелдерді талдап, қатысушылардың құқықтық қорғалуын қамтамасыз ету үшін оларды шектеу және төмендету бағытында ұсыныстар әзірлеу болып.

Мақаланың міндеттері мыналар болып табылады:

- мемлекеттік сатып алу туралы шарттың құқықтық табиғатын және оны жасасу ерекшеліктерін зерттеу;

- шартты дайындау, жасасу және орындалуы сатысындағы негізгі құқықтық тәуекелдерді анықтау;

¹ Мемлекет басшысы «Мемлекеттік сатып алу туралы» Қазақстан Республикасының Заңына қол қойды. // URL: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-memleketitik-satyp-alu-turaly-kazakstan-respublikasynyn-zany-na-kol-koydy-16395>. (жүгінген күні: 27.10.2024).

- заңнамадағы кемшіліктерді, заң нормаларын қолданудағы тәжірибелік кемшіліктерді қоса алғанда, құқықтық тәуекелдердің пайда болу себептерін талдау;

- типтік қателер мен заң бұзушылықтарды анықтау үшін, мемлекеттік сатып алу саласындағы даулар бойынша сот және әкімшілік практиканы қарау;

- сатып алу процесіне қатысушыларға қол жетімді құқықтық тәуекелдердің алдын алу және азайту бойынша механизмдерге баға беру;

- құқықтық тәуекелдерді азайту және мемлекеттік сатып алуларды құқықтық реттеуді жетілдіру үшін ұсынымдар дайындау.

Мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасудағы құқықтық тәуекелдердің орын алуы мемлекеттік сатып алуды құқықтық реттеудегі кемшіліктерден және заңнаманы құқықтық тәжірибеде дұрыс қолданбаудан, тәуекелдерді болдырмау мен бақылаудың тиімді механизмінің жоқтығынан орын алады. Құқықтық тәуекелдерді нормативтік-құқықтық базаны жетілдіру арқылы, сатып алуға қатысушыларды құқықтық қорғау бойынша қосымша шараларды енгізу арқылы азайтуға болады деген гипотеза жасалады.

Мақаланың теориялық, практикалық және әлеуметтік маңыздылығы да бар. Ғылыми мақаланың тақырыбы бойынша зерттеу жұмыстарын жүргізу нәтижесінде тақырыпқа қатысты отандық авторлардың монографиялық ғылыми жұмыстары жоқ екені анықталды. Бұл ретте, жақын және алыс шетелдік (Ресей, Украина, Германия, Польша) ғалымдардың еңбектері зерттелді.

Зерттеу жүргізудің теориялық негіздемесі ретінде қазақстандық, ресейлік, украиндық авторлардың, атап айтқанда В.В. Тен, А.А. Шахбазян, Е.А. Суханов, Р.А. Крючков, М.Ю. Осипов, М.М. Старосельцева, В.В. Устинова, И.Т. Трубилинаның ғылыми еңбектері негізге алынды.

Зерттеу әдістері мен материалдар

Мақаладағы зерттеудің әдіснамалық негізін танымның ғылыми диалектикалық әдістерінің ережелері

құрайды. Мақаладағы зерттеулер тақырып бойынша нормативтік - құқықтық деректерді талдау, ұлттық және халықаралық нормаларды салыстыру, жүйелілік, кейс әдістер қолданудан, яғни нақты ситуацияларға талдау жасау, құқықтық салыстыру, құқықтық болжау әдістерін қолдану арқылы жүргізілді.

Нәтижелер мен талқылау

Мемлекеттік сатып алу туралы шарт жасасудағы құқықтық тәуекелдер мәселесін қарастырмас бұрын, мемлекеттік сатып алу туралы шарттың заңды анықтамасына сілтеме жасап, оның құқықтық мән-мағынасына көңіл бөлген жөн.

Қолданыстағы заңнамаға сәйкес, мемлекеттік сатып алу шарты, заңмен көзделген ерекше жағдайларды қоспағанда, тапсырыс беруші мен өнім беруші арасында мемлекеттік сатып алу веб-порталы арқылы жасалып, электрондық цифрлық қолтаңбамен расталған азаматтық-құқықтық келісім болып табылады.

Қазіргі заңнама мемлекеттік сатып алуды жүргізу кезінде пайда болатын азаматтық құқықтық қатынастарды шарттық реттеуде тек мемлекеттік сатып алу туралы шартпен ғана шектелмей, басқа да шарттық келісімдер ұғымдарын қолданады.

Атап айтқанда, қолданыстағы заңнама негіздемелік және офтейк келісім-шарты туралы түсініктер қарастырған. Осы орайда, негіздемелік келісім тараптар арасында кейіннен мемлекеттік сатып алу туралы шарт жасасу мақсатында орталықтандырылған мемлекеттік сатып алуды өткізу нәтижелері бойынша әлеуетті өнім берушілермен жасалатын келісім ретінде анықталса, офтейк-келісімшарты тараптардың арасында жасалған сатып алуға жоспарланған тауарларды, яғни материалдық игіліктерді болашақта сатып алу жөніндегі келісім ретінде қаралады².

Біздің зерттеуіміз мемлекеттік сатып алу шарттарын жасасудағы құқықтық тәуекелдерге бағытталғандықтан, соңғы екі ұғымға арнайы тоқталмаймыз.

Мемлекеттік сатып алу туралы шарттың ұғымына, оның құқықтық

² Қазақстан Республикасының «Мемлекеттік сатып алу туралы» 2015 жылғы 4 желтоқсандағы №434-V Заңы. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34146377#activate_doc=2. (жүргінген күні: 24.10.2024).

табиғатына қатысты ғылыми әдебиеттерде түрлі пікірлер айтылуда. Отандық зерттеушілер Г.Б. Мұқалдиева, З.Н. Аданбекова, Р.Б. Сейсенбекова мемлекеттік сатып алу саласында бірізді терминологиялық ақпарат қалыптаспағандығын, сондықтан мазмұны мен мәні жағынан бірдей, тепетең құқықтық феномендер түрлі мемлекеттер мен аймақтарда әрқалай аталатындығын көрсетеді [1, 43 б.].

Мемлекеттік сатып алулар саласындағы деңгейлілік, шартты жасасасудағы негізгі субъект болып табылатын тапсырыс берушілерді бөліп қарастырудың мысалы ретінде Ресей Федерациясын алатын болсақ, бұл мемлекеттегі «Мемлекеттік және муниципалдық қажеттіліктерді қамтамасыз ету үшін тауарларды, жұмыстарды, қызметтерді сатып алу саласындағы келісім-шарттық жүйе туралы» 05.04.2013 N44-ФЗ Федералдық заңында «мемлекеттік контракт», «муниципалдық контракт», «контракт» ұғымдары кеңінен қолданылған. Сәйкесінше, тапсырыс берушілер «мемлекеттік тапсырыс беруші», «муниципалдық тапсырыс беруші», «тапсырыс беруші» деп санаттарға бөлінеді³.

Ресейлік ізденуші М.В.Руденконың зерттеулерінен мемлекеттік сатып алуды құқықтық реттеудегі деңгейлілік қағидатын қолдану Германдық федеративтік республикасында да кенінен тарағандығы байқалады. Автор бұл елде мемлекеттік сатып алу орталықтандырылмағандығын, 30 000-ға жуық мемлекеттік тапсырыс берушілер үш деңгейде жұмыс жасайтындығын көрсетеді: федеративтік, аймақтық және муниципалдық [2, с. 42].

Қазақстандық құқықтық жүйесіндегі мемлекеттік сатып алу туралы шарттың құқықтық табиғатын зерттеуге, өзіндік ұғым қалыптастыруға отандық ғалымдардың да бірқатар еңбектері арналған. Айталық, Г.Б. Мұқалдиева, З.Н. Аданбекова, Р.Б. Сейсенбекова мемлекеттік сатып алу туралы шарттардың құқықтық табиғатын зерттей келе, мемлекеттік сатып алу туралы келісім шартқа түсінік беріп, оны мемлекеттік тапсырысты

жүзеге асырудың құқықтық нысаны ретінде қарастырады [1, 44 б.].

Біздің ойымызша, қазіргі мемлекеттік сатып алу заңнамасы сатып алу саласындағы қатынастарға қатысты қолданылатынын және бюджет заңнамасына сәйкес мемлекеттік тапсырма аясында алынатын тауарлар, жұмыстар, сонымен қатар көрсетілетін қызметтер бұл қатарға жатпайтынын назарға алсақ, мемлекеттік сатып алу туралы шартқа анықтама беруде «мемлекеттік тапсырыс» ұғымын қолданбаған жөн. Себебі, мемлекеттік тапсырыс бойынша сатып алынатын материалдық игіліктер мемлекеттік сатып алу заңнамасымен реттелмейді.

Отандық ғалым В.В. Теннің зерттеу жұмысында мемлекеттік сатып алу шартының авторлық түсінігі қарастырылады. Онда мемлекеттік сатып алу шартының мәні ашылады. Автор мемлекеттік сатып алу шартын заңмен қаралған жағдайларды қоспағанда мемлекеттік сатып алу веб-порталы арқылы тапсырыс беруші мен өнім беруші арасында жасалатын және электрондық-цифрлық қолтаңбамен бекітілетін азаматтық-құқықтық келісім шарттың дербес түрі деп түсіндіреді [3, с. 8].

Жоғарыда айтып кеткендей, мемлекеттік сатып алу жүйесінде мемлекетаралық біртұтас терминологиялық феномендер қалыптаспаған.

«Шарт» және «Контракт» ұғымдарының арақатыстылығы туралы айтатын болсақ, бұл терминдер синоним ретінде қаралады. Келісімшарт – азаматтық құқықта екі немесе одан да көп адамдардың азаматтық құқықтар мен міндеттерді белгілеу, өзгерту немесе тоқтату туралы келісімі, мәміле деп тұжырымдалған. Контракт ұғымына анықтама беруде азаматтық және еңбек қатынастарына қатысты «келісімшарт» ұғымының синонимі деп айқындалған⁴. Яғни, келісім шарт және контракт ұғымдарын біріктіретін белгісі келісімге келушілердің өзара келісімдерін қалай атайтындығына қарамастан, өзара міндеттемелер туралы келісімге келуінде.

³ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N44-ФЗ. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/. (дата обращения: 24.10.2024).

⁴ Большой юридический словарь. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1999000&pos=5;-106#pos=5;-106. (дата обращения: 24.10.2024).

Мемлекеттік сатып алу туралы шарттың заңнамалық анықтамасының мағынасынан бұл шарт екі жақты шарт. Заң шарттың екі жақтылығына, бір тапсырыс беруші мен бір өнім беруші арасында жасалатындығына басымдық берген. Біздің көзқарасымыз бойынша, заңнамалық анықтамаға сәйкес, мемлекеттік сатып алу туралы шартқа үшінші тұлғалардың қатысуы мүмкін емес, сондықтан көпсубъектілік түсінігі бұл санаттағы шарттарға қолданылмайды.

Мемлекеттік сатып алу шартының тараптары ерекше құқықтық мәртебеге ие болып, тапсырыс беруші және өнім беруші болып айқындалады. Тапсырыс беруші мемлекет атынан әрекет ететін субъект болғандықтан, оның құқықтық мәртебесіне жеке тоқталған жөн деп санаймыз.

Негізінен, тапсырыс беруші мен өнім берушінің құқықтық мәртебесі және анықтамасы 04 желтоқсан 2015 жылғы «Мемлекеттік сатып алу туралы» Қазақстан Республикасының заңында беріледі.

Тапсырыс берушінің құқықтық мәртебесін айқындау бойынша заң нормаларына құқықтық талдау нәтижесімен төмендегідей ерекшеліктерді көрсетуге болады. Олар, тапсырыс берушілердің мемлекет атынан қатысуы, мемлекеттік сатып алу ісін жүргізуге өкілеттіліктің тек тапсырыс берушіде болуы, жүргізілетін мемлекеттік сатып алуды тапсырыс берушілер бюджеттік немесе бюджеттен тыс қаражат есебінен жүргізетіндігі, тапсырыс беруші ретінде азаматтық құқықтың кез-келген субъектісі қатыса алмайтындығы.

Көрсетілгендердің негізінде, авторлармен тапсырыс берушілердің құқықтық мәртебесін айқындау үшін төмендегі ерекшеліктерді белгілеу ұсынылады:

- мемлекеттік сатып алуға мемлекет атынан қатысуы;
- мемлекеттік сатып алу ісін жүргізуге өкілеттіліктің болуы;
- мемлекеттік сатып алуды бюджеттік немесе бюджеттен тыс қаражат есебінен жүргізуі;
- заң актілерінде көрсетілгендерден басқа жағдайларды қоспағанда, тапсырыс беруші ретінде тек мемлекет-

тік органдар, мемлекеттік мекемелер, дауыс беру акциясының елу және одан көп пайызы (жаорғылық капиталға қатысудың үлесі) мемлекетке тиесілі заңды тұлғалар және олармен еншілес заңды тұлғалардың болуы.

Мемлекеттік сатып алу шартының екінші қатысушысы өнім берушілер. Өнім беруші – тапсырыс берушімен мемлекеттік сатып алу туралы шартқа отырып, контрагент ретінде әрекет ететін, кәсіпкерлік қызметті жүзеге асыратын жеке немесе заңды тұлға, сондай-ақ заңды тұлғалардың уақытша бірлестігі (консорциум). Егер кәсіпкерлік қызмет субъектісі емес жеке тұлға тапсырыс берушілерге өз жеке меншігіндегі тұрғын үйді сататын болса, ол да өнім беруші ретінде қарастырылуы мүмкін.

Өнім берушінің құқықтық мәртебесін айқындауда заң шығарушымен бір ғана ерекше жағдай көрсетіледі. Ол, өнім беруші ретінде мемлекеттік мекемелердің қатыса алмауы.

Біздің ойымызша, заң шығарушы мемлекеттік сатып алу туралы шарттың мазмұнын айқындауда мемлекет атынан қатысатын субъектіні бірінші атаған. Бұл өз кезегінде, тапсырыс берушілерде мемлекеттік үлесі бар екендігін көрсетеді және бұл құқықтық қатынаста тапсырыс берушілердің орнына басымдық береді. Біздің ойымызша, отандық заңнамадағы мемлекеттік сатып алу саласында пайда болатын құқықтық қатынастарды реттеуде «шарт» сөзінің орнына «мемлекеттік контракт» ұғымын қолдану, мемлекеттік сатып алу жүйесіне салмақтылық береді және құқықтық тәуекелдердің азаюына әсер етеді, сонымен қатар бұл санаттағы шарттарға басқа азаматтық құқықтық шарттардың арасында ерекше статус береді.

Авторлармен мемлекеттік сатып алу туралы шарт атауын мемлекеттік контракт атауымен ауыстыру ұсынылады және оған мынадай авторлық анықтама беріледі. «Мемлекеттік контракт - заңда көзделген ерекше жағдайларды қоспағанда, тапсырыс беруші мен өнім берушінің мемлекеттік сатып алу веб- порталы арқылы тауарларды, жұмыстарды немесе қызметтерді сатып алу үшін электрондық - цифрлік қолтаңбалармен бекітілген жазбаша

нысандағы электрондық азаматтық-құқықтық шарт».

Біздің ойымызша, «Мемлекеттік контракт» терминін қолдану осы түрдегі шарттарға мемлекеттік деңгейде ерекше мәртебе береді. Шарттың электрондық нысанда екендігін нақты көрсету тапсырыс берушілердің мемлекеттік сатып алу веб-порталынан тыс шарт жасауына кедергі келтіреді.

Мемлекеттік сатып алу шарттарын жасауға қатысты ерекшеліктерге назар аударсақ, бұл санаттағы шарттардың тараптарының бірі міндетті түрде мемлекеттік заңды тұлғалар немесе мемлекеттік үлесі бар квазимемлекеттік субъектілер болып табылатындығын көрсетуге болады. Сонымен қатар, бұл саладағы шарттар тек жазбаша нысанда жасалады. Шарт жасасу мемлекеттік сатып алудың орталықтандырылған веб-порталында онлайн режимде тараптардың электрондық цифрлық қолтаңбасын қою арқылы жасалады және бұл санаттағы шарттарың пәні тауарлар, жұмыстар немесе қызметтер.

Мемлекеттік сатып алу туралы заңның 43-бабына сәйкес, мемлекеттік сатып алу туралы шарттардың жобалары уәкілетті орган бекітетін тауарларды мемлекеттік сатып алу, жұмыстарды мемлекеттік сатып алу және көрсетілетін қызметтерді мемлекеттік сатып алу туралы үлгілік шарттарға сәйкес жасалады⁵.

Осылайша, жүргізілген мемлекеттік сатып алулардың нәтижесінде тапсырыс беруші өнім берушіге шартты үлгілік шарттарға сай жасап, жолдауға міндетті. Мемлекеттік сатып алу ісін жүргізу құқықтық білімі жоқ мамандарға тапсырылған тапсырыс беруші – мекемелерінде жасалған шарттың орындалмай қалу қаупі жоғары болып келеді, себебі жауапты мамандармен үлгілік шарттар еш жөзгеріссіз, шартты пысықтайтын нормалар енгізілмей бастапқы түрінде жолданады. Яғни, мемлекеттік сатып алу шарттарын жасасудағы құқықтық тәуекелдердің орын алуы шарт жасасудың осы сатысынан бастау алады. Сондықтан, мемлекеттік сатып алу ісін жүргізетін

мамандар үшін азаматтық құқықтық шарттардың құқықтық табиғатын білу, оларды жасасудағы негізгі қажетті ережелер мен кездесуі мүмкін құқықтық кедергілердің теориялық негіздемесін білген дұрыс. Бұл ретте, құқықтық теорияда қалыптасқан құқықтық тәуекелдер ұғымына, олардың жіктелуіне қатысты мәселелерге тоқталамыз.

Құқықтық тәуекелдер мәселесіне қатысты цивилистикада көптеген авторлардың еңбектерін кездестіруге болады және бұл құқықтық санат кеңес үкіметі кезінен зерттеліліп, ғалымдармен түрлі пікірлер айтылған. Айталық, ресейлік ғалым К.П. Победоносцев өзінің еңбекерінде «кез келген шарт, сөзсіз, тәуекелдермен байланысты ...» деп көрсетсе, Я.М. Магазинер «құқық ұғымын тәуекелдерді бөлу жүйесі ретінде қарастырады, олар экономиканың табиғи заңдардың негізінде бөліністерді өзгертіп және жөндеп тұратының көрсетеді» [4, с. 132].

Зерттеулерде кездесетін құқықтық тәуекелдерге берілген анықтамалар бойынша ғалымдар құқықтық тәуекелдердің орын алуын заң нормаларының бұзулыуымен, табыстан айырылып қалумен байланыстыратындығы байқалады. Кейбір авторлар құқықтық тәуекелдер мен құқықтық жауапкершілік ұғымдарының арақатынастылығы туралы айтқан [5, с. 431].

Үлкен заң сөздігінде берілген анықтамаға сәйкес тәуекел – бұл болуы мүмкін және болмай қалмайтын сипаттағы, шығыстардың себебі болуы мүмкін кездейсоқтық немесе оқиға⁶.

Цивилистикалық әдебиеттерде дәстүр бойынша тәуекелдердің негізі үш тұжырымдамасын бөліп көрсетуге болады: объективті, субъективті және күрделі (дуалистік).

Объективті теорияға сәйкес тәуекел субъектінің санасына тәуелсіз объективті категория болып табылады. Бұл теорияны жақтаушыларға Н.С. Малейнді, Т.М. Калининді, А.А. Собчакті және басқаларды

⁵ Қазақстан Республикасының «Мемлекеттік сатып алу туралы» 2015 жылғы 4 желтоқсандағы № 434-V Заңы. // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34146377#activate_doc=2. (жүгінген күні: 24.10.2024).

⁶ Терминологический словарь-справочник юриста. // URL: <https://www.iprbookshop.ru/epd-reader?publicationId=27077> (дата обращения: 24.10.2024).

жатқызады. Сонымен қатар, А.А. Собчактың айтуынша тәуекел әрқашан жағымсыз салдарлардың туындау қаупі болып табылады және олардың туындауы немесе туындамауы белгісіз болып келеді.

Субъективті теорияны жақтаушылар тәуекелді субъективті категория ретінде қарастырды - адамның өз әрекетінің ықтимал (кездейсоқ) салдарына психикалық қатынасы ретінде қарайды. Субъективтік теорияны қолдаушыларға В.А. Ойгензихт, С.Н. Братусь, О.А. Красавчиков және тағы басқа авторларды жатқызады.

Бірқатар авторлар (А.П. Алгин, М.Ф. Озрих, Е.О. Харитонов және т. б.) тәуекелді объективті-субъективті категория ретінде анықтай отырып, компромисстік көзқараспен бөліседі. Е.О. Харитоновтың айтуынша, объективті тәуекел жауапкершілікпен бір жазықтықта, ал субъективті тәуекел кінәмен тең құбылыс. Дуалистік тұжырымдаманы жақтаушылар объективті тәуекел заң шығарушымен белгілі бір тұлғаға жүктелген ықтимал шығындар немесе шығыстар, ал субъективті тәуекел – адамның қоғамға пайдалы нәтижеге бағытталған өзінің заңды әрекеттерінің пайда болуы мүмкін теріс салдарын болжау ретінде түсіндіріледі [6, с. 49].

О.А.Красавчиковтың пайымдауынша тәуекел - ол субъектінің еркінен тыс пайда болатын жағымсыз мүлдіктік салдардың орын алу қаупі ретінде қаралады. Яғни, тәуекел кінәсіз келтірілген зиянды өтеуге ғана негіз болады, ал кінә болған жағдайда азаматтық құқықтық жауапкершілік мәселесі туындайды [7, с. 66].

В.А. Ойгензихтның пікірінше, тәуекел кінә ұғымынан ерекшеленетін субъективтік категория және тұлғаның өзінің әрекетіне, одан туындайтын немесе туындауы мүмкін нәтижелерге деген психикалық қатынасын білдіреді, ол жағымсыз мүлдіктік салдардың орын алуына саналы түрде жол береді [8, с. 62].

Ал, Реселік ғалым Р.А. Крючков өзінің диссертациялық зерттеуінде тәуекел ұғымына ерекше тоқтап, құқықтағы тәуекел - «адамның іс-әрекетіне тән, объективті түрде бар және белгілі бір шектерде бағалауға

және ерікті түрде реттеуге қабілетті, әртүрлі алғышарттармен табиғи түрде байланысты келеңсіз оқиғалардың туындауы салдарынан құқықтық қатынастар субъектілерінің теріс салдарларға ұшырау ықтималдығы (қауіп факторлары)» деп көрсетеді [9, с. 8].

М.Ю. Осипов бұл тұжырыммен келіспей, берілген анықтама тәуекелдердің мазмұнын толық ашпайтындығын, себебі бұл жерде келеңсіз салдардың не екені түсініксіз екенің және олардың қандай салдары бар екені белгісіз екенің көрсетеді: экономикалық, әлеуметтік, мәдениеттік немесе құқықтық. Ғалымның айтуынша, құқықтағы тәуекел немесе құқықтық тәуекел - бұл құқық субъектілері үшін белгілі бір келеңсіз құқықтық (экономикалық, әлеуметтік емес, мәдени емес) салдарлардың туындау ықтималдығы [10, с. 268].

М.М. Старосельцева және В.В. Устинова азаматтық-құқықтық тәуекелдерді күтпеген жағдайлардың пайда болу қаупі ретінде қарастырады. Олардың пайда болуы күтпеген салдарды туындататын екі түрлі сипаттағы сыртқы және ішкі факторларға байланысты болып келетіндігін көрсетеді [11, с. 34].

Х.В. Идрисов тәуекелдерді құқықтық категория ретінде қарастыру оған мүдделі емес адамдар үшін тәуекелдік қызметтің қандай да бір шығындардың орын алуына әкеп соғатынымен, сәйкесінше бұндай тәуекелдік қызмет субъектілері үшін құқықтық салдар туғызатыны тұрғысынан қарайды. Басқаша айтқанда, тәуекелді іс-әрекеттер олардың жүзеге асырылуына (субъектілер үшін қауіпті қызметтің жағымсыз салдарларының туындауы) байланысты заңның аясына жатады. Керісінше, бар, бірақ ақырында жүзеге аспайтын тәуекел азаматтық құқықтың назарында емес [12, с. 61].

Тәуекелдер ұғымына қатысты цивилистикалық көзқарастардың түрлі болуына қарамастан, олардың кейбір ортақ белгілерін анықтауға болады. Айталық, тәуекелдер әрқашан болу-болмау сипатындағы және тиісті субъектілердің әрекеттеріне байланысты емес жағымсыз салдар болып табылады.

Жоғарыда көрсетілгендей, құқықтық доктринада құқықтық

тәуекелдер ұғымына бірыңғай анықтама жоқ. Қазіргі ғалымдар бұл ұғымға анықтама беруде экономикалық белгілермен байланыстыратындығы байқалады. Бұл тұрғыда, біз құқықтық тәуекелдердің объективтік теориядағы субъектінің еркінен тыс пайда болатын жағымсыз мүліктік салдардың орын алуы деген тұжырымды ұстанамыз.

Қолданыстағы азаматтық заңнама нормаларында да тәуекелдерге қатысты ресми анықтама берілмеген. Құқықтық тәуекел институты азаматтық заңнаманың жекелеген бөліктерінде ғана көрініс табады және әр жағдайда оның құқықтық салдарына қарай сараланады. Айталық, азаматтық құқықтық шарттардағы құқықтық тәуекел Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің 190 бабында (Мүліктің кездейсоқ жойылу немесе кездейсоқ бүліну қаупі), 275 – бабында (Міндеттемені тиісті адамның орындауы), 339 – бабында (Несие беруші құқықтарының басқа адамға ауысу негіздері мен тәртібі) кездеседі және жағдайға байланысты қолданылады⁷. Яғни, көрсетілген заң нормаларына сәйкес азаматтық құқықтағы құқықтық тәуекелдер ауырпалығы тауарларға қатысты меншік құқығы иесіне, жұмыстар мен қызмет көрсетулерге қатысты жұмыстарды орындау үшін қолданылатын материалдарға қатысты меншік құқығы иесіне жүктеледі.

Мемлекеттік сатып алу шарттарын жасау барысында құқықтық тәуекелдердің алдын алу үшін мемлекеттік сатып алу рәсімдерін жүзеге асыру кезінде заң талаптарының дәл орындалуы, сыбайлас жемқорлық тәуекелдерінің болдырмауды, сондай-ақ шартты жасау және орындау кезінде құқықтық қамтамасыз ету шаралары қажет.

Қолданыстағы заңнаманың талаптарына сәйкес, мемлекеттік сатып алу шарты азаматтық құқықтық шарттардың бір түрі ретінде қаралғандықтан, мемлекеттік сатып алу шартындағы құқықтық тәуекелдерді қарастыруда азаматтық құқық теориясында қолданылатын жалпы азаматтық құқықтық тәуекелдерге тоқтаған жөн. Олардың қатарына мыналар жатқызылады: азаматтық

құқықтық шарттарда шарттың елеулі талаптарының көрсетілмеуі, шарттың нысанын сақтамау, шартты орындамау (тиісті дәрежеде орындамау) тәуекелі, шартты бұзу, шартты орындаудан бір жақты бас тарту, шарт бойынша міндеттемені контрагент тарапынан орындамау, шығындардың пайда болу тәуекелі.

Мемлекеттік сатып алуды жүзеге асыру кезінде пайда болған, алайда тексерулер нәтижесімен тек шарт жасасу кезінде, немесе шарт жасалып болғаннан кейін айқындалған кемшіліктер және олқылықтар мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасуда арнайы құқықтық кедергілерді туғызады. Олар, мемлекеттік сатып алуды жоспарлау, конкурстық рәсімдер өткізуде, өнім берушіні анықтау кезінде орын алған кемшіліктерден туындайтын құқықтық тәуекелдер. Жоғарыда көрсетілгендей, азаматтық құқықтық тәуекелдерді жіктеудің әртүрлі түрлері бар. Алайда, тәуекелді бөлудің заңды критерийі белгіленген жағдайда ғана көзделген мақсатқа жету мүмкін болады.

Қазіргі уақытта қолданыстағы заңнамада және сот тәжірибесінде тәуекелді бөлудің әмбебап критерийі жоқ. Мұндай критерий доктринада да әзірленбеген. Ғалымдарды ұсынған критерийлеріне талдау жасау арқылы тәуекелдерді екі санатқа бөліп қарастыруға болады: әсер ету көзіне қарай құқықтық тәуекелдер сыртқы – заңнамадағы өзгерістер, оны шарт тарапының бұзуы және шарт тараптарының бірінің тікелей ішкі – құқықтық қателері [13, с. 231].

Құқық теориясында тәуекелдерді анықтау шарт жасасу сатысымен байланыстырылады. Сондықтан, құқықтық тәуекелдердің негізгілерін айқындауда шарт жасасу сатысын білу маңызды. Қолданыстағы заңнамаға сәйкес, мемлекеттік сатып алу туралы шарттарды жасасу сатысы және тәртібі қатаң регламенттелген және мыналарды қамтиды: мемлекеттік сатып алуды жоспарлау, мемлекеттік сатып алу туралы хабарлама жариялау, қатысушылармен өтінімдерді дайындау және беру, өтінімдерді қарау (баға ұсыныстарын тандау), жеңімпазды анықтау, шартты жасау, шартты

⁷ Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі (Жалпы бөлім) 1994 жылғы 27 желтоқсандағы

орындау, шарттың орындалуын бақылау және есеп беру, дауларды шешу.

Ресейлік онлайн басылымда жарияланған ақпаратқа сәйкес, мақала авторы Е. Колнооченко мемлекеттік сатып алу процесіндегі тәуекелдердің келесі түрлерін көрсетеді:

- бәсекелестік рәсімдерінің бұзылуы (ауызша шарт жасау);
- өнім берушімен қажетті қарым қатынастың қалыптастырылмауы;
- мүдделер қақтығысы (сыйлықтар алу, өнім беруші ретінде достарын, жақын туыстарын және таныстарын тандау);
- қатысушылардың ұсыныстарына дұрыс баға бермеу (бейтараптық көрсету);
- белгілі өнім берушінің пайдасы үшін негізсіз талаптар белгілеу;
- өнім берушіден сапасы төмен тауарларды, жұмыстарды және қызметтерді қабылдау;
- сатып алу құжаттарын рәсімдеп беруге байланысты алаяқтық;
- қажетті бақылау механизмінің болмауы және т.б.⁸.

Аталғандардан бөлек, зерттеу жүргізу нәтижесінде авторлармен төмендегідей қосымша құқықтық тәуекелдер анықталды:

- заң бұзушылықтардан туындайтын тәуекелдер;
- шарт бойынша тауарларды жеткізу, жұмыстар мен қызметтерді орындау мерзімдерінің бұзылуы.

Ғылыми мақалада көрсетілген құқықтық тәуекелдердің болуы мемлекеттік сатып алу саласындағы түрлі заң бұзушылықтарға алып келеді.

Біздің ойымызша, қазіргі мемлекеттік сатып алу жүйесінде мемлекеттік бюджет қаражатының бір көзден бөлінетініне қарамастан, біртұтас іске асыру әдістері мен мемлекеттік сатып алу саласына арналған ортақ стратегияның болмауы себебінен сатып алу процесінің құқықтық негіздері, әртүрлі платформалары мен сайттар реттелмей, жүйесіз және бытыраңқы

күйде қалған. Сонымен қатар, мемлекеттік сатып алуды жоспарлауда тапсырыс берушілермен сатып алу бағасын қолдан көтеру жағдайлары кең таралған.

Бұл туралы Қазақстан Республикасының сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатының 2022-2026 жылдарға арналған тұжырымдамасында да айтылған. Айталық, Дүниежүзілік банк, Ислам даму банкі және басқа да халықаралық ұйымдардың сарапшылары елімізде мемлекеттік сатып алу саласында бірыңғай заңнамалық және нормативтік-құқықтық базаның болмауы ортақ әрі экономикалық тиімді тәжірибелерді енгізуге кедергі келтіретінін атап өткен⁹.

2023 жылы мемлекеттік сатып алуға жүргізілген мониторинг нәтижесімен тауарлар, жұмыстар және көрсетілетін қызметтер құнын жалпы сомасы 41,4 млрд теңгеге асыра бағалаудың алды алынған, барлығы – 140,6 млрд теңге (2019 ж. – 0,8 млрд теңге, 2020 ж. – 22,8 млрд теңге, 2021 ж. – 46,6 млрд теңге, 2022 ж. – 29 млрд теңге) қаражатқа асыра бағалау жағдайларын анықталған¹⁰.

Бұл ретте, бағаларды негізсіз көтеру көп жағдайда кеңсе кеңсе тауарлары, жанар-жағармай, компьютерлік техника және азық-түлік өнімдерін сатып алу кезінде орын алатындығына және бағалардың осылайша асыра белгіленуіне көбінесе әкімдік аппараттары, білім беру және денсаулық сақтау мекемелері жол беретініне назар аударған жөн.

Мысалға, Қостанай облысының аудандық Білім бөлімі 2023 жылы наурызда литріне 580 теңгеден 43 мың литр жазғы дизель отынын сатып алуды жоспарланып, көрсетілген күні орташа бағасы литріне 250 теңгеден кем. 14,8 млн. теңгеге сатып алудың артуына жол берілмеген.

Ақтөбе облысында Денсаулық сақтау министрлігінің аумақтық департаменті жалпы сомасы 15 млн. теңгеге 3 мың дана жиынтықта бір

// URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K940001000_#z136. (жүрінген күні: 24.10.2024).

⁸ Антикоррупционные меры при госзакупках: опыт Канады. // URL: <http://www.ua-tenders.com/rubrics/materials/205742/>. (дата обращения: 24.10.2024).

⁹ Қазақстан Республикасының сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатының 2022 – 2026 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту және Қазақстан Республикасы Президентінің кейбір жарлықтарына өзгерістер енгізу туралы Қазақстан Республикасы Президентінің 2022 жылғы 2 ақпандағы № 802 Жарлығы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/https://adilet.zan.kz/kaz/>. (жүрінген күні: 24.10.2024).

реттік қорғаныш медициналық костюм сатып алуды жоспарлаған. Бұл ретте, тауардың осындай көлемінің орташа нарықтық құны 6 млн. теңгені құраған. 9 млн. теңге мөлшеріндегі үнемдеу бюджетке қайтарылған.

Абай облысында 2023 жылы маусым айында атқарушы орган басшыға жиһаз сатып алуды 2 млн. теңгеге жоспарлаған, жиынтық үшін орташа нарықтық құны 1 млн. теңге. Мониторинг нәтижесінде жиһаз 1,3 млн. теңгеге сатып алынып, бағасы 700 мың теңгеге төмендетілген.

Түркістан облысында квазимемлекеттік сектор субъектісі 2023 жылғы қарашада нарықтық құны 5 млн. теңгеден аспайтын 11 млн. теңгеге өз сайты қайта құру бойынша көрсетілетін қызметтерді сатып алуды жоспарлаған. Үнемдеу 7 млн. теңгені құрап (көрсетілетін қызмет 4 млн теңгеге сатып алынған).

2023 жылы 142 сыбайлас жемқорлыққа қарсы мониторинг жүргізіліп, мемлекеттік органдарға 787 ұсыныс енгізіліп, олардың 488-і немесе 62%-ы орындалған¹⁰.

Жоғарыда көрсетілгендей, мемлекеттік сатып алулар саласында жасалатық құқық бұзушылықтардың басым бөлігі құқықтық тәуекелдер ұғымымен байланысты. Ал азаматтық заңнамада, соның ішінде мемлекеттік сатып алу туралы заңнамада құқықтық тәуекелдер ұғымына анықтама берілмеуі бұл саладағы заң бұзушылықтардың орын алуына әкеп соғатыны сөзсіз. Бұл тұрғыда, Қазақстан Республикасының «Мемлекеттік сатып алу туралы» заңының 2 –бабын 36-шы тармақпен толықтырып, құқықтық тәуекелдерге мынадай анықтама беруді ұсынамыз: «36) Құқықтық тәуекелдер – бұл мемлекеттік сатып алуға қатысушыларға жүктелетін және олардың еркінен тыс туындайтын құқықтық салдар қаупі.» Біздің ойымызша, құқықтық тәуекелдер ұғымын заңды түрде ресми анықтау заң бұзушылықтардың санын азайтуға ықпал етеді.

Қорытынды

Жүргізілген зерттеулердің нәтижесімен мемлекеттік сатып алу

саласындағы құқықтық тәуекелдер тапсырыс берушілер үшін де өнім берушілер үшін де елеулі қауіп тудырады деген тұжырым жасауға болады. Мұндай тәуекелдердің туындауына негізгі факторлар ретінде құқықтық базаның жетілмеуі, сыбайлас жемқорлық қаупі, мемлекеттік сатып алу рәсімдерінің ашықтығының жеткіліксіздігі және шарттардың орындалуын бақылау мен мониторинг жүргізудегі қиындықтар жатады.

Құқықтық тәуекелдерді төмендету үшін заңнаманы жетілдіру, мониторинг пен бақылаудың жаңа тетіктерін енгізу, сондай-ақ мемлекеттік сатып алу жүргізуде бәсекелестік пен ашықтықты қамтамасыз ету қажет. Бұл ретте, құқық қолдану тәжірибесін дамытудың да орны ерекше. Құқық қолдану тәжірибесін дамыту арқылы құқықтық нормалардың бірыңғай түсінік берілуіне қол жеткіземіз. Демек, құқықтық, әкімшілік және заң нормалары тұрғысынан кешенді қарау ғана құқықтық тәуекелдерді азайтуға және мемлекеттік сатып алулардың тиімділігін қамтамасыз етеді.

Зерттеу нәтижесінде мемлекеттік сатып алу шартын жасасу кезеңінде туындайтын құқықтық тәуекелдердің сипаты мен себептері айқындалып, оларды азайтуға бағытталған нақты құқықтық және ұйымдастырушылық шаралар кешені ұсынылды.

1. Шарт талаптарының нақтылығының жеткіліксіздігі тараптар арасында әртүрлі түсіндіруге және дау-жанжалдардың туындауына себеп болады. Осыған байланысты, 2024 жылғы 1 шілдедегі №103-VIII ҚР «Мемлекеттік сатып алу туралы» Заңының 17-бабына өзгерістер енгізу ұсынылады:

- шарт жобасына қойылатын міндетті талаптардың нақты тізбесін белгілеу туралы толықтыру енгізу;

- техникалық ерекшеліктердің шарт мазмұнына толық және нақты енгізілуі тиіс екенін заңмен айқындау;

- типтік шарттардың құқықтық мәртебесін нақтылау және оларды қолдану жағдайларын заң деңгейінде бекіту.

Сот практикасы көрсеткендей, шарт жобасындағы бұлыңғыр формулировкалар (мысалы, «шартқа қол қоймаған жағдайда жеңімпаз ретінде

¹⁰ 2023 жылғы сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл туралы Ұлттық баяндама // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/documents/details/>. (жүгінген күні: 24.10.2024).

танылмайды») тараптар арасында дау тудырады. Сот практикасы көрсеткендей, шарт жобасындағы бұлыңғыр формулировкалар тараптар арасында дау тудырады. Мысалы, Қызылорда облыстық сотының 2015 жылғы 18 желтоқсандағы шешімінде өнім беруші тарап шартқа қол қоймағаны үшін жосықсыз қатысушы ретінде танылған¹¹. Сонымен қатар, Жоғарғы Соттың 2024 жылғы 9 қыркүйектегі шешімінде техникалық ерекшеліктер нақты енгізілмеген шарт бойынша тапсырыс беруші тараптың шартты біржақты бұзуы заңсыз деп танылған¹².

2. Шарт жасасудан жалтару тәуекелін төмендету мақсатында:

- заңның 17-бабына өнім берушінің шарт талаптарымен алдын ала электронды келісім беру тетігін енгізу;

- заңның 8 бабына (Мемлекеттік сатып алу саласында қалыптастырылатын тізілімдер) шарттан бас тартқан жеңімпазды автоматты түрде екі жылға жосықсыз қатысушылар тізіміне енгізу тәртібін бекіту ұсынылады.

Атырау облыстық сотының тәжірибесінде шарт талаптарын орындаудан жалтарған өнім беруші екі жыл мерзімге жосықсыз қатысушы ретінде танылған¹³.

3. Шарттардың жарамсыздығына алып келетін бұзушылықтардың алдын

алу үшін заңның 17- бабына:

- уәкілетті органға және тапсырыс берушілерге заң бұзушылықтар анықталған жағдайда шартты тіркеуден бас тарту құқығын қарастыру;

- шартқа қол қою алдында тапсырыс берушілермен ішкі құқықтық аудит жүргізу тәртібін енгізу.

Сонымен қатар, көлемдегі сатып алуларға алдын ала құқықтық аудит жүргізу міндеттеліп, бұл үшін үлгілік аудит актісі әзірленіп, тапсырыс берушінің заң қызметімен бекітілуі тиіс.

4. Сот даулары тәуекелін азайту мақсатында заңның 25 – бабында толықтыру енгізіп, дауларды баламалы түрде шешу мүмкіндігін (медиация, төрелік) заңнамада қарастыру және тараптарға шартта төрелік келісімді қарастыру құқығын нақтылап беру ұсынылады.

Бұл тәсілдердің тиімділігі ҚР Жоғарғы Сотының 2022 жылғы 21 сәуірдегі №4 нормативтік қаулысында нақты көрсетілген, онда дауларды баламалы шешудің (медиация, төрелік) нәтижелілігі мен тиімділігі атап өтілген¹⁴.

Жоғарыда көрсетілген ұсыныстар мемлекеттік сатып алу саласындағы шарттық қатынастардың айқындығын арттыруға, құқықтық олқылықтарды жоюға және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған.

Авторлардың қосқан үлесі

Ильясова С.М. тақырып бойынша ғылыми мақала жазудағы идеяларды қалыптастырды және зерттеу тұжырымдамасын құрды. Сонымен қатар, автормен зерттеу жоспары дайындалды (ғылыми мақаланы жазу сатылары, оларды жүзеге асыру мерзімдерін белгілеу, жинақтау). Зерттеу жоспарына сәйкес зерттеу әдіснамасы әзірленді, материалдар жинақталды, тұжырымдар жасалды.

Алдабергенова Н.А. мақаланың мәтінін сыни тұрғыдан қайта қарап, оны жариялау үшін мақаланың соңғы нұсқасын бекітті.

Жусупбекова М.Қ. мақаланың құрылымын редакцияның бекіткен талаптарына сәйкес келтірді, тексеріп отырды, тексерілген мақаланы жөндеп әдебиеттерді рәсімдеді мен транслитерациялады.

¹¹ Қызылорда облыстық сотының шешімі, 2015 жылғы 18 желтоқсан. // URL: <https://kzl.sud.kz/kaz/taxonomy/term/146/>. (жүгінген күні: 24.10.2024).

¹² Қазақстан Республикасының Жоғарғы Сотының шешімі, 2024 жылғы 9 қыркүйек. // URL: <https://sud.gov.kz/kaz/news/sot-kimshiliginde-2024-zhyldyn-9-ayyndagy-zhumys-korytyndysy-shygaryldy/>. (жүгінген күні: 24.10.2024).

¹³ Атырау облыстық сотының шешімі, азаматтық іс бойынша. // URL: <https://atr.sud.kz/kaz/news/atyrau-oblystyky-sotyryn-azamatyky-zhne-kimshilik-ister-zhonindegi-apellyacyalyk-sot-alkasy-men>. (жүгінген күні: 24.10.2024).

¹⁴ Қазақстан Республикасының Жоғарғы Сотының 2022 жылғы 21 сәуірдегі №4 нормативтік қаулысы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P220000004S>. (жүгінген күні: 24.10.2024).

Әдебиеттің тізімі:

1. Мұқалдиева, Г.Б. Мемлекеттік сатып алу туралы шарттың құқықтық реттелу ерекшеліктері. // Г.Б. Мұқалдиева, З.Н. Аданбекова, Р.Б. Сейсембекова // Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті. Хабаршы. Заң сериясы. - 2019. - №1(89). – 43-53 б.
2. Руденко, М.В. Сравнительный анализ государственных закупок Германии и России. // М.В. Руденко // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». – 2023. - №8(65). – С. 42.
3. Тен, В.В. Актуальные вопросы совершенствования законодательства Республики Казахстан о государственных закупках: дисс. ... доктора философии (PhD). // В.В.Тен // - Алматы, 2022. – 150 с.
4. Шахбазян, А.А. Понятие и значение правовых рисков в гражданском праве и способы их минимизации. // А.А. Шахбазян // Российский юридический журнал. - 2011. - №5. - С. 128 -136.
5. Суханов, Е.А. Гражданское право. В 4 ч. // Е.А. Суханов // - М.: Издательство «БЕК», 1998. Т. 1. – 431 с.
6. Белокрылов, К.А. Механизмы снижения экономических и правовых рисков в системе закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Коллективная монография под. общ. ред. О.С. Белокрыловой. / К.А. Белокрылов, О.С. Белокрылова, Е.Ф. Гуцелюк, Е.Г. Джигоева, С.А. Дюжиков, Л.П. Рунова, Е.В. Тищенко / — Ростов н/Д, Изд-во: Фонд инноваций и экономических технологий «Содействие– XXI век», 2016. — 304 с.
7. Красавчиков, О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности.// О.А. Красавчиков // - М.: Юридическая литература, 1966. – 200 с.
8. Диденко, А.А. К вопросу о моделях заключения гражданско – правовых договоров в сфере государственных закупок. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (Краснодар). // А.А. Диденко // Журнал «Власть закона». – 2013. - №3(15). – С. 77.
9. Крючков, Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. // Р.А. Крючков // - Н. Новгород, 2011. – 27 с.
10. Осипов, М.Ю. Понятие и классификация рисков в праве. Текст научной статьи по специальности «Право». // М.Ю. Осипов // Юридическая техника. – 2019. - №13. – С. 269-274.
11. Старосельцева, М. Гражданско-правовые риски при заключении государственных контрактов в сфере государственных закупок для нужд органов внутренних дел. // М.Старосельцева, В.В. Устинова // Вестник ТвГУ. Серия «Право». - 2016. - №4. - С. 25 –36.
12. Идрисов, Х.В. Риск как гражданско-правовая категория: доктринальные подходы и законодательные позиции. // Х.В. Идрисов // Актуальные проблемы государства и права. - 2022. - №1. - С. 60-64.
13. Снытникова, Н.В. Правовые механизмы минимизации рисков на основе принципа добросовестности при заключении и исполнении договора на оказание юридических услуг в предпринимательской сфере. // Н.В. Снытникова // Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. - Саратов, 2023. – С. 213.

© С.М. Ильясова¹, Н.А. Алдабергенова¹, М.К. Жусупбекова², 2025¹ Университет «Туран», Алматы, Казакстан² Кызылординский университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Казакстан
(E-mail: ¹samal@mail.ru; ¹n.aldabergenova@turana-edu.kz; ²zhmk6464@mail.ru)**ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРОВ
О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ**

Аннотация. В данной статье авторы теоретически и практически исследуют вопросы правовых рисков при заключении договоров о государственных закупках, выявляют основные из них, объясняют закономерности их возникновения и предлагают пути их минимизации.

Цель статьи - выявить основные правовые риски при заключении договоров о государственных закупках. Основной задачей статьи является предложение путей снижения правовых рисков путем анализа практики и действующего законодательства.

Краткое описание научной и практической значимости работы. Возрастающий интерес ученых к объекту исследования ставит множество вопросов, требующих исследования для решения сложных задач. При этом, для правовой доктрины важно изучение правовых рисков при заключении договоров о государственных закупках с теоретической точки зрения. Исследования в научной статье могут помочь предотвратить злоупотребления служебным положением на практике.

Краткое описание методологии исследования. Данная исследовательская работа требует комплексного анализа, поэтому в ходе исследования систематически используются эмпирические и теоретические методы общего и специального научного исследования.

Основные результаты и анализ, выводы исследовательской работы. В результате исследования были выявлены и систематизированы основные правовые риски, проанализирован опыт. Сделаны выводы по дальнейшему совершенствованию законодательства и повышению правовой культуры участников закупочных процедур.

Ценность проведенного исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в лекциях по отраслям гражданского права и в качестве научного материала для ученых-исследователей.

Практическое значение итогов работы. Результаты работы в своей повседневной деятельности могут быть использованы представителями заказчиков, осуществляющих государственные закупки, представителями органов контроля.

Ключевые слова: договор о государственных закупках, правовые риски, заказчик, правовая культура.

© S.M. Ilyassova¹, N.A. Aldabergenova¹, M.K. Zhussupbekova², 2025¹ University «Turan», Almaty, Kazakhstan² Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan
(E-mail: ¹samal@mail.ru; ¹n.aldabergenova@turana-edu.kz; ²zhmk6464@mail.ru)**LEGAL RISKS WHEN CONCLUDING
PUBLIC PROCUREMENT CONTRACTS**

Abstract. In this article, the authors theoretically and practically examine the issues of legal risks when concluding public procurement contracts, identify the main ones, explain the patterns of their occurrence and suggest ways to minimize them.

The purpose of the article is to identify the main legal risks when concluding public procurement contracts. The main objective of the article is to propose ways to reduce legal risks by analyzing practice and current legislation.

Brief description of the scientific and practical significance of the work. The growing interest of scientists in the object of research raises many questions that require research to solve complex problems. At the same time, for legal doctrine it is important to study the

legal risks when concluding public procurement contracts from a theoretical point of view. Research in a scientific article can help prevent malpractice in practice.

Brief description of the research methodology. This research work requires a comprehensive analysis, therefore, during the study, empirical and theoretical methods of general and special scientific research are systematically used.

Main results and analysis, conclusions of the research work. As a result of the study, the main legal risks were identified and systematized, and experience was analyzed. The article shows the conclusions on the improvement of legislation in the field of public procurement, which also contributes to the improvement of legal culture.

The value of the research is that the results of the study can be used in lectures on branches of civil law and as scientific material for academic researchers.

Practical significance of the results of the work. Representatives of customers carrying out public procurement and representatives of control authorities can use the results of the work in their daily activities.

Keywords: Public procurement agreement, legal risks, customer, legal culture.

References:

1. Mukaldiyeva, G.B. Seisembekova R.B. Memlekettik satyp alu turaly sharttyr kutyktyk rettelu erekshelekteri. // G.B. Mukaldiyeva, Z.N. Adanbekova // Al-Farabi atyndagy Kazak Ulttyk universiteti. Habarshy. Zan seriyasy. - 2019. - №1(89). – 43-53 b.
2. Rudenko, M.V. Sravnitelnyi analiz gosudarstvennyh zakupok Germanii i Rossii. // M.V. Rudenko // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «VESTNIK NAUKI». – 2023. - №8(65). – S. 42.
3. Ten, V.V. Aktualnye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan o gosudarstvennyh zakupkah: diss. ... doktora filosofii (PhD). // V.V. Ten // - Almaty, 2022. – 150 s.
4. Shahbazyan, A.A. Ponyatie i znachenie pravovyh riskov v grazhdanskom prave i sposoby ih minimizatsii. // A.A. Shahbazyan // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. - 2011. - №5. - S. 128 -136.
5. Suhanov, E.A. Grazhdanskoye pravo. V 4 ch. // Suhanov E.A // - M.: Izdatelstvo «BEK», 1998. T. 1. – 405 s.
6. Belokrylov, K.A. Mehanizmy snizheniya ekonomicheskikh i pravovyh riskov v sisteme zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennyh i munitsipalnyh nuzhd: Kollektivnaya monografiya pod. obshh. red. O.S. Belokrylovoi // K.A. Belokrylov, O.S. Belokrylova, E.F. Gutselyuk, E.G. Dzhioyeva, S.A. Dyuzhikov, L.P. Runova, E.V. Tishchenko // — Rostov n/D, Izd-vo: Fond innovatsii i ekonomicheskikh tehnologiy «Sodeistviye– XXI vek», 2016. — 304 s.
7. Krasavchikov, O.A. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoi opasnosti. // O.A. Krasavchikov // - M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. – 200 s.
8. Didenko, A.A. K voprosu o modelyakh zaklyucheniya grazhdansko – pravovyh dogovorov v sfere gosudarstvennyh zakupok. Kubanskiy gosudarstvennyi agrarniy universitet im. I.T. Trubilina (Krasnodar). // A.A. Didenko // Zhurnal «Vlast zakona». – 2013. - №3(15). – S. 77.
9. Kryuchkov, R.A. Risk v prave: genezis, ponyatie i upravlenie: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk. // R.A. Kryuchkov // - N. Novgorod, 2011. – 27 s.
10. Osipov, M.Ju. Ponyatie i klassifikatsiya riskov v prave. Tekst nauchnoi statyi po spetsialnosti «Pravo». // M.Ju. Osipov // Yuridicheskaya tehnika. – 2019. - №13. – S. 269-274.
11. Staroseltseva, M. Grazhdansko-pravovye riski pri zaklyuchenii gosudarstvennyh kontraktov v sfere gosudarstvennyh zakupok dlya nuzhd organov vnutrennih del. // M. Staroseltseva, V.V. Ustinova // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». - 2016. - №4. - S. 25 –36.
12. Idrisov, H.V. Risk kak grazhdansko-pravovaya kategoriya: doktrinalnye podhody i zakonodatelnye pozitsii. // H.V. Idrisov // Aktualnye problemy gosudarstva i prava. - 2022. - №1. - S. 60-64.
13. Snytnikova, N.V. Pravovye mehanizmy minimizatsii riskov na osnove printsipa

dobrosovestnosti pri zaklyuchenii i ispolnenii dogovora na okazanie yuridicheskikh uslug v predprinimatelskoi sfere. // N.V. Snytnikova // Materialy XIV Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi pamyati professora F.M. Rudinskogo. - Saratov, 2023. – S. 213.

Авторлар туралы мәліметтер:
Сведения об авторах:
Information about authors:

Ильясова Самал Мырзамуратқызы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, «Тұран» университетінің докторанты, Қ. Сатпаев көшесі, 16А, Алматы, Қазақстан.

E-mail: isamal@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7384-3664>.

Алдабергенова Нонна Алдабергенқызы - заң ғылымдарының кандидаты, доцент, «Тұран» университетінің Құқық жоғары мектебінің профессоры, Қ. Сатпаев көшесі, 16А, Алматы, Қазақстан.

E-mail: n.aldabergenova@turan-edu.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7384-3664>.

Жусупбекова Мадина Қойшыбайқызы - заң ғылымдарының кандидаты, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университетінің «Құқықтану» кафедрасының доценті, Әйтеке би көшесі, 29А, 120014, Қызылорда, Қазақстан.

E-mail: zhmk6464@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-0472>.

Ильясова Самал Мырзамуратовна - автор для корреспонденции, магистр юридических наук, докторант университета «Тұран», улица Сатпаева, 16А, 050013, Алматы, Казахстан.

E-mail: isamal@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7384-3664>.

Алдабергенова Нонна Алдабергеновна - кандидат юридических наук, доцент, профессор Высшей школы права университета «Туран», улица Сатпаева, 16А, 050013, Алматы, Казахстан.

E-mail: n.aldabergenova@turan-edu.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7384-3664>.

Жусупбекова Мадина Койшыбаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правоведение» Кызылординского университета имени Коркыт Ата, улица Айтеке би, 29А, 120014, Кызылорда, Казахстан.

E-mail: zhmk6464@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-0472>.

Ilyassova Samal Myrzamuratovna - corresponding authors, Master of Legal Sciences, doctoral student of the Turan University, 16A K. Satpayev Street, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: isamal@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7384-3664>.

Aldabergenova Nonna Aldabergenovna - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of Higher School of Law at Turan University, 16A K. Satpayev Street, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: n.aldabergenova@turan-edu.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7384-3664>.

Zhussupbekova Madina Koishybaevna - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence at Korkyt Ata Kyzylorda University, 29A Aiteke Biy Street, 120014, Kyzylorda, Kazakhstan.

E-mail: zhmk6464@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-0472>.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 114-133

УДК 349
ГРНТИ 10.09.91
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_114
Научная статья

© А.Б. Бекмагамбетов^{1*}, А.Ф. Яғмусова¹, Ж.У. Смагулов², 2025

¹ РГП на ПХВ «Республиканский научно-исследовательский институт по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан», Астана, Казахстан

² Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Казахстан

(E-mail: ¹adilet1979@mail.ru; ¹yagmussovaa@mail.ru; ²zhaslansmagulov2016@gmail.com)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАЗАХСТАНА И ГРУЗИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ТРУДА НА ВРЕДНЫХ И ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ

Аннотация. Безопасность труда на предприятиях с вредными и опасными условиями производства - одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере защиты прав работников. Эффективное законодательное регулирование этой области способствует снижению профессиональных рисков, улучшению условий труда и обеспечению социальных гарантий. В статье проведен сравнительный анализ норм законодательства Казахстана и Грузии в сфере охраны труда, учитывая эмпирические наблюдения одного из авторов во время зарубежной научной стажировки.

Цель исследования - выявить сходства и различия в регулировании условий труда, мерах безопасности и компенсационных механизмах. Рассмотрены обязательства работодателей, государственный контроль, социальные гарантии работников, включая страхование профессиональных рисков, предоставление льгот и досрочную пенсию. Дополнительно анализируются механизмы возмещения вреда в случае несчастных случаев на производстве, а также практика привлечения к ответственности за нарушение норм охраны труда.

Научная значимость исследования заключается в сравнении правовых норм, их соответствии международным стандартам, выявлении пробелов и возможных направлений совершенствования законодательства. Практическая значимость обусловлена возможностью использования полученных результатов для модернизации системы охраны труда в Казахстане, разработки более эффективных механизмов социальной защиты работников и повышения ответственности работодателей.

Использованы сравнительно-правовой метод, анализ нормативных актов, системный и структурный анализ. Выявлены различия в степени государственного контроля, уровне ответственности работодателей, порядке расследования несчастных случаев. Определены перспективные направления модернизации законодательства Казахстана с учетом положительных реформаторских тенденций, реализованных в Грузии с 2018 года, таких как внедрение риск-ориентированного подхода, усиление роли работодателей и гармонизация законодательства с европейскими стандартами.

Результаты исследования могут быть полезны для юристов, специалистов по охране труда, профсоюзов, работодателей и государственных органов,

* Автор для корреспонденции. E-mail: adilet1979@mail.ru.

занимающихся вопросами трудового права и социальной политики. Выводы и предложения, сформулированные в статье, могут способствовать совершенствованию законодательства в сфере охраны труда, минимизации профессиональных рисков и повышению уровня защиты работников.

Ключевые слова: охрана труда, вредные и опасные производства, профессиональные риски, социальные гарантии, трудовое законодательство, Казахстан, Грузия.

Введение

Охрана труда на вредных и опасных производствах - одна из ключевых задач государственной политики в сфере трудовых отношений и социальной защиты. В условиях технологического развития и роста индустриальных рисков обеспечение безопасных условий труда становится особенно актуальным. Несмотря на наличие нормативно-правовой базы в Казахстане и Грузии, ряд аспектов, включая классификацию условий труда, оценку профессиональных рисков и систему компенсаций, требует дальнейшего совершенствования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью сравнительного анализа правовых механизмов двух стран. Это позволит выявить сильные и слабые стороны законодательства, его соответствие международным стандартам и предложить пути совершенствования. В научной литературе вопросам охраны труда уделяется внимание, однако детальный сравнительный анализ законодательства Казахстана и Грузии остается недостаточно проработанным, что и определяет необходимость данного исследования.

Объект исследования - законодательство Казахстана и Грузии в сфере охраны труда на вредных и опасных производствах.

Цель исследования - выявить сходства и различия в правовом регулировании охраны труда в Казахстане и Грузии, а также разработать рекомендации по совершенствованию национального законодательства. При этом под успешными практиками Грузии в настоящем исследовании понимаются не достигнутые результаты, а направления реформ в области охраны труда, реализуемые с 2018 года. Особый интерес представляет переход от фрагментарного регулирования к системной модели с

усилением инспекционного надзора, внедрением риск-ориентированного подхода и адаптацией национальных норм к директивам ЕС. Несмотря на определённые институциональные сложности, эти шаги могут быть полезны для Казахстана при модернизации собственной нормативной базы.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- анализ нормативно-правовых актов Казахстана и Грузии;

- определение ключевых сходств и различий в регулировании охраны труда;

- изучение международного опыта и его влияния на национальные стандарты;

- оценка эффективности механизмов защиты работников и разработка рекомендаций.

Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе законодательных норм двух стран с выявлением наиболее эффективных механизмов. Практическая значимость - возможность применения полученных результатов для совершенствования законодательства, усиления защиты прав работников и повышения безопасности на производстве.

Таким образом, исследование направлено на выявление особенностей правового регулирования охраны труда в Казахстане и Грузии, а также разработку рекомендаций по совершенствованию законодательства и улучшению условий труда. Анализ существующей литературы позволяет определить ключевые направления исследований и выявить области, требующие дальнейшего изучения.

В Казахстане вопросам охраны труда, особенно в отношении работников во вредных и опасных условиях, уделяется особое внимание. А.Б. Бекмагамбетов, А.Р. Енсебаева, А.М. Курманов, И.Е. Сарыбаева, А.Н. Омаркожаева подчеркивают

необходимость человекоцентричного подхода при модернизации социальных гарантий и совершенствовании законодательства с учетом международных стандартов [1, с. 377-389]. С.Б. Каратаева акцентирует внимание на оценке условий труда и выявлении вредных факторов, предлагая совершенствование системы аттестации рабочих мест для повышения эффективности контроля [2, с. 210-213]. Д.М. Турекулова, Б.Т. Череева и Е.С. Петренко отмечают значимость взаимодействия государственных органов, работодателей и работников для обеспечения безопасности на производстве [3, с. 45-58].

В Грузии охрана труда является предметом активных научных исследований. Р. Джавахадзе, Н. Рухадзе, М. Церетели, О. Гваберидзе и М. Цимакауридзе выделяют ключевые вызовы в сфере регулирования и контроля за соблюдением норм безопасности, подчеркивая необходимость приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами [4]. И. Казумян акцентирует внимание на строительной отрасли, анализируя существующие проблемы и предлагая решения [5]. М.П. Цимакауридзе рассматривает риски, связанные с воздействием химических веществ в промышленности [6], а Г.Ш. Габуния исследует радиационную безопасность на рудниках и шахтах [7]. Н. Читашвили и С. Курасбедиани анализируют выполнение Грузией обязательств по Соглашению об ассоциации с ЕС, выявляя проблемы адаптации европейских стандартов и предлагая пути их решения [8].

Сравнительный анализ международного опыта демонстрирует различные подходы к охране труда. Тадерера (2012) рассматривает адаптацию международных стандартов к национальным условиям [9]. MacEachen и др. (2016) анализируют механизмы соблюдения законодательства и его влияние на безопасность работников [10]. Bijelic, Misic и Bozilov (2015) выделяют ключевые элементы эффективных стратегий управления охраной труда, включая оценку рисков, мониторинг условий труда и совершенствование механизмов

контроля [11]. Такой комплексный подход позволяет выявить наиболее эффективные стратегии управления охраной труда и совершенствования законодательства.

Анализ представленных исследований показывает, что эффективное регулирование охраны труда требует комплексного подхода, включающего разработку нормативных актов и механизмы их исполнения. Опыт Казахстана и Грузии может способствовать совершенствованию национальных систем, адаптации международных стандартов и повышению защиты работников.

Обзор литературы демонстрирует активные исследования в обеих странах, однако сравнительный анализ их законодательства остается недостаточно изученным. Это подчеркивает необходимость дальнейших исследований для выявления эффективных механизмов регулирования и совершенствования нормативной базы.

Материалы и методы

Исследование основано на сравнительно-правовом, системном и структурном методах, анализе нормативных актов и их применения. Это позволяет оценить модели охраны труда и пути их совершенствования.

Анализ охватывает законодательство Казахстана и Грузии (Трудовые кодексы, подзаконные акты, международные конвенции МОТ). Качественный анализ выявляет сходства и различия в защите работников, оценке условий труда и контроле норм, а количественный - основывается на статистике травматизма и профзаболеваний за 10 лет.

Исследовательский вопрос: Каковы сходства и различия в регулировании охраны труда в Казахстане и Грузии, и какие механизмы можно адаптировать?

Гипотеза: Охрана труда в обеих странах основана на международных стандартах, но её эффективность зависит от контроля и правоприменения.

Этапы исследования:

- Анализ законодательства и правоприменения,
- Оценка эффективности контроля,

–Выявление проблем и направлений развития,
–Разработка рекомендаций.

Методы:

- Сравнительно-правовой анализ,
- Системный метод,
- Контент-анализ,
- Статистический анализ,
- Правовое моделирование.

Дополнительную исследовательскую ценность настоящему анализу придаёт возможность использования эмпирических наблюдений, полученных одним из соавторов в рамках зарубежной научной стажировки в Грузии, осуществлённой в процессе докторантской подготовки в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

В период стажировки была изучена практика реализации законодательства в сфере охраны труда, включая функционирование инспекционных органов, а также взаимодействие регулирующих институтов с работодателями. Полученные в результате наблюдений и экспертных обсуждений данные позволили глубже осмыслить особенности грузинской модели более обоснованно сопоставить её с казахстанским регулированием. Такой подход усиливает прикладную составляющую сравнительно-правового анализа и позволяет учесть факторы правоприменительной специфики.

Результаты и обсуждение

Обеспечение социальной защиты работников вредных и опасных производств - ключевая задача трудового законодательства. Гарантии должны учитывать уровень риска, а мониторинг условий труда позволяет корректировать компенсации. Национальная политика направлена на повышение стандартов социальной защиты через рискориентированные подходы в соответствии с рекомендациями МОТ и опытом ЕС.

Рост числа работников, занятых во вредных условиях, требует комплексных мер по улучшению производственной среды. В Казахстане

в 2023 году 410,3 тыс. человек работали в несоответствующих санитарным нормам условиях, что на 40,3 тыс. больше, чем в 2019 году. Число занятых тяжелым физическим трудом также выросло с 94 тыс. до 107 тыс., составляя 25% от общего числа работников. Эти данные подтверждают необходимость модернизации производства и усиления контроля за охраной труда¹.

В Казахстане основными вредными факторами производства являются шум и вибрации (46%) и запыленность с загазованностью воздуха (33%), часто совмещающиеся и приводящие к профессиональным заболеваниям. Наибольшее число работников, занятых в таких условиях, сосредоточено в Алматы (12,01%) и Астане (7,70%). Высокие показатели отмечаются в здравоохранении (28%), горнодобывающей и обрабатывающей промышленности (12%) и сфере транспорта и складирования (13%)².

В ответ на эти вызовы Казахстан совершенствует систему социальной защиты, увеличивая компенсации. В период с 2019 по 2023 год наблюдалось постепенное увеличение числа работников, получающих дополнительные отпуска: показатель вырос с 33,26% до 33,81%. Наряду с этим усилилось внимание к мерам профилактического характера, включая организацию обеспечения персонала молочными продуктами и специализированным питанием в целях сохранения здоровья³.

Охрана труда на вредных производствах в Грузии остаётся острой проблемой. В 2011-2022 гг. зарегистрировано 1767 случаев травматизма и 514 смертей, особенно в горнодобывающей отрасли и строительстве. В 2020 году на производстве погибло 39 человек, 249 получили травмы, в 2021 году - 33 погибших и 252 травмированных [12].

Особенно опасны угольные шахты: аварии в Ткибули (2018 г.) унесли жизни 11 горняков, что привело к реформированию системы охраны труда. По данным Инспекции труда Грузии (2019-2023 гг.),

¹ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан <https://stat.gov.kz/ru/>.

² Там же <https://stat.gov.kz/ru/>.

³ Там же <https://stat.gov.kz/ru/>.

наиболее травмоопасными остаются строительство, горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, транспорт и сельское хозяйство [8].

В Грузии утверждён перечень отраслей с вредными условиями труда, включая металлургию и энергетику. Добыча марганца - одна из самых травмоопасных сфер. Официальные данные о численности работников ограничены, но в 2008 году в тяжёлых условиях труда было занято около 85,7 тыс. человек (менее 10% занятости)⁴.

И в Казахстане, и в Грузии наибольшая концентрация случаев производственного травматизма наблюдается в регионах с развитой промышленной инфраструктурой - таких как Имеретия, Квемо-Картли и город Тбилиси. В противоположность этому, сельскохозяйственные области, например, Кахетия, характеризуются значительно более низкими показателями⁵.

Обе страны предпринимают активные меры по реформированию системы охраны труда, внедряя современные принципы управления, ориентированные на предварительную оценку и снижение профессиональных рисков. Однако в Казахстане сохраняется устаревший списочный метод, не учитывающий технологические изменения, что ведёт к несоответствию компенсаций реальным потребностям. Этот подход характерен для многих постсоветских стран.

Сравнительный анализ показывает, что Казахстан и Грузия ориентируются на международные стандарты (ILO-OSH 2001, ISO 45001:2018), но реализуют их по-разному. В Грузии утверждён перечень отраслей с вредными условиями труда (строительство, горнодобывающая промышленность, металлургия, энергетика), причём добыча марганца

остаётся одной из самых травмоопасных сфер. В 2008 году в тяжёлых условиях труда работало около 85,7 тыс. человек (менее 10% занятости), но актуальные данные ограничены.

В Казахстане развитие системы охраны труда связано с Концепцией развития госуправления до 2030 года, ориентированной на человекоцентричный подход. Гальченко С.А. и др. отмечают, что акцент смещается с компенсаций на превентивные меры и реабилитацию [13], однако финансовые выплаты остаются приоритетом.

Грузия адаптирует охрану труда к европейским стандартам, внедряя риск-ориентированный подход, мониторинг и обучение [14]. Buchanan, Townsend и Romme подчеркивают, что такой подход повышает вовлеченность работников и формирует культуру безопасности, способствуя устойчивому развитию [14].

Человекоцентричный подход подтверждается международными стандартами: ILO-OSH 2001⁶ подчеркивает важность безопасных условий и управления рисками, а ISO 45001:2018 - участие сотрудников в формировании безопасной рабочей среды⁷.

Примером служит госкорпорация «Росатом», где, по словам замгендиректора Т. Терентьевой, приоритет отдается интересам сотрудников как личности и части коллектива [12].

Человекоцентричный подход повышает производительность и устойчивость компаний, создавая условия для самореализации сотрудников и позитивной корпоративной культуры (Сергунина Н.А.) [15]. Это особенно важно для охраны труда на вредных производствах. Казахстан и Грузия, совершенствуя свои системы, могут опираться на стандарты ILO-OSH 2001 и ISO 45001:2018 для повышения безо-

⁴ Промышленность Грузии // Википедия: свободная энциклопедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Промышленность_Грузии (дата обращения: 26.03.2025).

⁵ Georgia: Worker Rights, Safety at Risk. // Human Rights Watch. – 2019. - August 22. // URL: <https://www.hrw.org/news/2019/08/22/georgia-worker-rights-safety-risk> (date of reference: 06.05.2025).

⁶ Guidelines on Occupational Safety and Health Management Systems (ILO-OSH 2001 // Geneva: International Labour Office, 2001. – 82 p. // URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40ed_protect/%40protrav/%40safework/documents/normativeinstrument/wcms_107727.pdf (date of reference: 26.03.2025).

⁷ ISO 45001:2018. Occupational health and safety management systems – Requirements with guidance for use // Geneva: International Organization for Standardization, 2018. – 45 p. // URL: <https://cdn.standards.iteh.ai/samples/63787/d11ebcad88d1415cb6c60ded136e0e03/ISO-45001-2018.pdf> (date of reference: 26.03.2025).

пасности работников.

В Казахстане охрана труда регулируется законодательством, направленным на защиту прав сотрудников, минимизацию рисков и улучшение условий работы:

1. Трудовой кодекс Республики Казахстан (ТК РК) регулирует охрану труда, определяя обязанности работодателей, права работников и меры ответственности за нарушение норм безопасности⁸.

2. Социальный кодекс РК (2023) регулирует социальное страхование, пенсии и защиту работников на вредных и опасных производствах⁹.

3. Приказ № 170 (24.05.2023) утверждает перечень профессий с вредными и опасными условиями труда, для которых обязательны профессиональные пенсионные взносы (ОППВ)¹⁰.

4. Приказ № 490 (25.12.2024) закрепляет профессиональный стандарт «Безопасность и охрана труда»¹¹.

5. Приказ № 521 (25.12.2023) устанавливает порядок назначения и выплаты специального профессионального государственного пособия для работников вредных и опасных производств¹².

6. Концепция безопасного труда РК (2024-2030) - стратегический документ, направленный на совершенствование охраны труда и снижение профессиональных рисков¹³.

Сравнительный анализ охраны труда в Казахстане и Грузии выявляет как общие тенденции, обусловленные

ориентиром на международные стандарты МОТ и ЕС, так и существенные национальные особенности. Казахстан реализует комплексный нормативный подход, включающий Трудовой и Социальный кодексы, систему подзаконных актов, а также развитую структуру социальных гарантий.

Грузия, в свою очередь, выстраивает смешанную модель охраны труда, сочетающую государственное регулирование и элементы саморегулирования. Государственный надзор осуществляется через Службу инспекции труда, однако в практической плоскости значительная часть ответственности возлагается непосредственно на работодателя¹⁴. Последний несёт обязанность по оценке профессиональных рисков, разработке профилактических мер и формированию внутренней политики безопасности труда. Такой подход приближает грузинскую систему к модели самоконтроля, ориентированной на директивы Европейского союза. В отличие от Казахстана, где законодательство детализировано и централизованно регулирует вопросы компенсаций и льгот, в Грузии работодатели обладают большей свободой в формировании механизмов защиты работников, что требует высокого уровня корпоративной культуры охраны труда.

Нормативно-правовая база Грузии включает Закон «О безопасности труда»

⁸ Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=238;-54#pos=238;-54 (дата обращения: 25.03.2025).

⁹ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36492598 (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 24 мая 2023 года № 170 «Об утверждении перечня производств, работ, профессий работников, занятых на работах с вредными условиями труда, в пользу которых агентами по уплате обязательных профессиональных пенсионных взносов за счет собственных средств осуществляются обязательные профессиональные пенсионные взносы» (с изменениями от 13.12.2024 г.) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032568> (дата обращения: 26.03.2025).

¹¹ Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 25 декабря 2024 года №490 «Об утверждении профессионального стандарта «Безопасность и охрана труда»» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G24G0000490> (дата обращения: 26.03.2025).

¹² Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 25 декабря 2023 года №521 «Об утверждении Правил назначения, осуществления, приостановления, возобновления и прекращения выплаты специального профессионального государственного пособия». Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 26 декабря 2023 года №33801 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033801> (дата обращения: 26.03.2025).

¹³ Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 декабря 2023 года №1182 «Об утверждении Концепции безопасного труда Республики Казахстан на 2024 – 2030 годы» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001182> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁴ Закон Грузии (№7062-ІІ от 29.09.2020) «О службе инспекции труда» // URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/5003057?publication=2> (дата обращения: 26.03.2025).

(2019)¹⁵, Трудовой кодекс (2010 г., с изменениями 2020 г.) и Закон «О службе инспекции труда» (2020 г.). Указанные акты охватывают все сферы экономики и ориентированы на внедрение превентивных и риск-ориентированных подходов. Подзаконные нормативные акты регулируют технические и организационные аспекты охраны труда. В их числе - постановления правительства №381 (2018)¹⁶ и №597 (2018)¹⁷, утверждающие перечни опасных профессий и условий, дающих право на сокращённую рабочую неделю.

Минздрав Грузии регулирует вопросы медицинских осмотров работников (приказы №01-74/н от 2015 г. и №01-8/н от 2023 г.), а также порядок отчётности по несчастным случаям (приказ №01-39/н от 2019 г.). Также действуют технические регламенты по охране труда при работах на высоте (№477 от 2017 г.), использованию средств индивидуальной защиты (№362 от 2020 г.) и ограничению уровня шума (№535 от 2021 г.)¹⁸.

Дополнительно законодательство охватывает вопросы равенства и недопущения дискриминации (Закон «Об обеспечении равенства», 2014 г.) и охраны труда в государственном секторе (Закон «О публичной службе», 2015 г.) [8].

Таким образом, грузинская система сочетает государственное

регулирование и элементы самоконтроля, адаптированные к европейским стандартам.

Грузия, будучи членом МОТ с 1993 года, ратифицировала 18 конвенций, из которых 17 остаются в силе, включая 8 из 10 основополагающих документов. Однако ряд ключевых конвенций по охране труда не ратифицирован, что указывает на сложности в адаптации международных стандартов.

Так, Грузия не ратифицировала:

– Конвенцию №81 (1947) об инспекции труда в промышленности и торговле и Протокол 1995 года к ней¹⁹;

– Конвенцию №129 (1969) об инспекции труда в сельском хозяйстве²⁰;

– Конвенцию №155 (1981) о безопасности и гигиене труда²¹;

– Конвенцию №187 (2006) о промоциональной рамке в области безопасности и здоровья на работе²²;

– Конвенцию №176 (1995) о безопасности и гигиене труда на шахтах²³.

Отсутствие ратификации ключевых конвенций МОТ ограничивает обязательность их норм в Грузии, ослабляя систему охраны труда. Международная комиссия экспертов МОТ неоднократно указывала на недостаточность инспекционного надзора, что связано с несоответствием системы контроля

¹⁵ Изменения в законе о безопасности труда в Грузии // URL: <https://ru.armenian-lawyer.com/georgia/labor-safety-law-changes-in-georgia/> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁶ Постановление Правительства Грузии №381 от 27 июля 2018 года «Об утверждении перечня особо тяжёлых, вредных и опасных работ» // URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/4277583/0/ge/pdf> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁷ Постановление Правительства Грузии №597 от 7 декабря 2018 года «Об утверждении технического регламента по безопасности строительных работ» // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/1852448?publication=0> (дата обращения: 26.03.2025).

¹⁸ State Strategy of Labor Safety and Ways of Establishing a Risk Assessment System in the Construction Sector // Georgian Scientists, 2024, No. 6(3). // URL: <https://journals.4science.ge/index.php/GS/article/download/3096/3088/4471> (date of reference: 26.03.2025).

¹⁹ Конвенция №81 Международной организации труда «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (Женева, 11 июля 1947 года) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120804/ (дата обращения: 26.03.2025).

²⁰ Конвенция №129 Международной организации труда «Об инспекции труда в сельском хозяйстве» (Женева, 25 июня 1969 года) // URL: <https://base.garant.ru/2541288/> (дата обращения: 26.03.2025).

²¹ Конвенция №155 Международной организации труда «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» (Женева, 22 июня 1981 года) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121449/ (дата обращения: 26.03.2025).

²² Конвенция №187 Международной организации труда «Об основах, содействующих безопасности и гигиене труда» (Женева, 15 июня 2006 года) // URL: <https://base.garant.ru/2565616/> (дата обращения: 26.03.2025).

²³ Конвенция №176 Международной организации труда «О безопасности и гигиене труда на шахтах» (Женева, 22 июня 1995 года) // URL: <https://base.garant.ru/2561530/> (дата обращения: 26.03.2025).

стандартам Конвенций №81 и №129²⁴.

Причины нератификации носят политико-институциональный характер. В частности, Конвенция №81 требует независимой трудовой инспекции, но в Грузии она отсутствовала с 2006 по 2015 год, что не позволяло выполнять даже минимальные обязательства по Европейской социальной хартии. Ратификация Конвенции №176 затруднена из-за отсутствия национальных нормативов и недостаточного социального диалога в горнодобывающем секторе²⁵.

Тем не менее, Грузия адаптирует законодательство к международным стандартам. В 2018 году Европейский комитет по социальным правам рекомендовал стране усилить инспекционный надзор, что привело к расширению полномочий Инспекции труда в 2019-2020 гг. [16]. В рамках Соглашения об ассоциации с ЕС (2016) Грузия обязалась гармонизировать нормы охраны труда с 40 директивами ЕС, включая 26, касающихся безопасности на рабочих местах. В результате был принят Закон «О безопасности труда», внедривший систему оценки рисков и установивший обязанности работодателей по улучшению условий труда.

Грузия постепенно адаптирует свои подзаконные акты в соответствии с отраслевыми директивами ЕС. Уже утверждены технические регламенты, регулирующие охрану труда, включая безопасность работ на высоте (Постановление №477 от 27.10.2017)²⁶, базовые нормативы, касающиеся условий труда, охватывают требования к индивидуальным средствам защиты, уровню освещенности, допустимому фоновому шуму и ряду иных факторов, влияющих на безопасность и здоровье работников. В соответствии

с переходными положениями законодательства продолжают действовать ранее установленные нормативы, направленные на защиту от воздействия асбеста, канцерогенных и биологических факторов, до тех пор, пока не будут утверждены обновленные стандарты. Дополнительно, в период с 2021 по 2023 годы планировалось принятие новых регламентов по безопасности в горнодобывающей отрасли, что в свою очередь предполагает внедрение норм, аналогичных стандартам ЕС²⁷.

При поддержке ЕС и МОТ значительная часть этих норм уже принята или находится в стадии разработки. Несмотря на отсутствие ратификации Конвенции МОТ №155, ее ключевые принципы реализуются: внедрены механизмы предотвращения рисков, работникам гарантировано право отказаться от опасных работ, а работодатели обязаны улучшать условия труда. Аналогично, несмотря на нератификацию Конвенции №81, в Грузии действует инспекционная служба, соответствующая многим требованиям МОТ, при этом продолжается работа над устранением кадровых и финансовых недостатков.

Таким образом, Грузия адаптирует международные нормы через нормативно-правовую реформу, однако для полного соответствия международным стандартам требуется дальнейшее укрепление институциональной базы, в частности, усиление инспекционного надзора.

Казахстан активно участвует в международных инициативах по охране труда, ратифицировав 25 конвенций МОТ, включая:

– Конвенция №187 (2006) – национальная политика и программы в сфере охраны труда²⁸.

²⁴ Human Rights Education and Monitoring Center (EMC). Fragmented Labor Inspection – Labor Rights Left without Oversight. – Тбилиси: EMC, 2020. // URL: https://socialjustice.org.ge/uploads/products/pdf/Labour_Inspection_merged_1613562487.pdf (date of reference: 26.03.2025).

²⁵ ICEM, ILO Conduct Mine Safety Seminar in Tbilisi, Georgia // IndustriALL Global Union. – 2011. -July, 18 // URL: <https://www.industrial-all-union.org/archive/icem/icem-ilo-conduct-mine-safety-seminar-in-tbilisi-georgia> (date of reference: 26.03.2025).

²⁶ Fundamentals of Occupational Safety and Health: Introduction and Implementation of Management System // URL: <https://euagenda.eu/upload/publications/fundamentals-of-occupational-safety-and-health-introduction-and-implementation-of-management-system-english.pdf> (date of reference: 26.03.2025).

²⁷ Закон Грузии от 20 мая 2018 года «О безопасности труда» // URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/4486188?publication=2> (дата обращения: 26.03.2025).

²⁸ Закон Республики Казахстан от 20 октября 2014 года №243-V ЗПК. О ратификации

– Конвенция №81 (1947) - эффективная система инспекции труда²⁹.

– Конвенция №26 (1928) - механизмы установления минимальной заработной платы (ратифицирована в 2022 г.)³⁰.

– Конвенция №87 (1948) - свобода объединения и защита права на организацию³¹.

– Конвенция №155 (1981) - профилактика профессиональных рисков и охрана труда³².

– Конвенция №167 (1988) - безопасность и гигиена труда в строительстве³³.

– Конвенция №184 (2001) - охрана труда в сельском хозяйстве³⁴.

– Конвенция МОТ №187 (2006) о промоционной рамке в области безопасности и гигиены труда³⁵. В соответствии с ратифицированными конвенциями МОТ Казахстан принял ряд нормативных актов, регулирующих охрану труда.

В декабре 2024 года МОТ запустила проект по повышению безопасности труда в горнодобывающей отрасли Казахстана, направленный на снижение профессиональных рисков, усиление инспекционного контроля и приведение национального законодательства в соответствие с международными

стандартами³⁶.

В феврале 2025 года в Астане прошел семинар МОТ, собравший представителей правительства, работодателей и работников для обсуждения международных стандартов охраны труда. Целью мероприятия стало укрепление социального диалога, совершенствование политики безопасности труда и повышение уровня защиты работников³⁷.

Заключение

Сравнительный анализ законодательства Казахстана и Грузии в сфере охраны труда выявил общие принципы, основанные на международных стандартах Международной организации труда, и различия в механизмах правоприменения.

В Казахстане была усилена система государственного контроля в сфере трудовых отношений: с 6 августа 2024 года начал функционировать Комитет по государственной инспекции труда с региональными подразделениями, переданный в структуру Министерства труда и социальной защиты населения. Основными направлениями деятельности нового органа определены повышение профессионального уровня инспекторского состава, внедрение

Конвенции об основах, содействующих безопасности и гигиене труда (Конвенция 187) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000243> (дата обращения: 26.03.2025).

²⁹ Закон Республики Казахстан от 7 мая 2001 года №194. О ратификации Конвенции об инспекции труда в промышленности и торговле // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000194_ (дата обращения: 26.03.2025).

³⁰ Международная организация труда. Конвенции и рекомендации, ратифицированные Республикой Казахстан // URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:11110:0::NO:~P11110_COUNTRY_ID:103542 (дата обращения: 26.03.2025).

³¹ Закон Республики Казахстан от 30 декабря 1999 года №29-II. О ратификации Республикой Казахстан Конвенции 1948 года о свободе ассоциации и защите права на организацию // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z9900000029_ (дата обращения: 26.03.2025).

³² Закон Республики Казахстан от 13 июня 1996 года №7-1. О ратификации Конвенции Международной организации труда (МОТ) №155 1981 года «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z9600000007_ (дата обращения: 26.03.2025).

³³ Закон Республики Казахстан от 19 июня 2007 года №263. О ратификации Конвенции о безопасности и гигиене труда в строительстве (Конвенция 167) // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0700000263_ (дата обращения: 26.03.2025).

³⁴ Конвенция Международной организации труда №184. О безопасности и гигиене труда в сельском хозяйстве (Женева, 21 июня 2001 года) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31569879 (дата обращения: 26.03.2025).

³⁵ Международная организация труда. ILO launches new project to promote occupational safety and health in Kazakhstan // URL: <https://www.ilo.org/resource/news/ilo-launches-new-project-promote-occupational-safety-and-health-kazakhstan> (дата обращения: 26.03.2025).

³⁶ Международная организация труда. ILO supports Kazakhstan in advancing occupational safety and health // URL: <https://www.ilo.org/resource/news/ilo-supports-kazakhstan-advancing-occupational-safety-and-health-through> (дата обращения: 26.03.2025).

³⁷ Shroma.ge. Why are labor laws important? // URL: <https://shroma.ge> (date of reference: 26.03.2025).

цифровых инструментов надзора, формирование устойчивой культуры охраны труда, а также расширение взаимодействия с объединениями работников и представителей работодателей.

Модернизация инспекционной системы включает раннее выявление нарушений, оперативное реагирование, мониторинг прозрачности трудовых отношений и применение цифровых технологий, включая искусственный интеллект.

Казахстан усилил контроль за охраной труда на вредных и опасных производствах, повысив ответственность работодателей. Внесены поправки в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях: предупреждения заменены штрафами, их размеры увеличены вдвое. Это коснулось статей 93-96, регулирующих безопасность труда, медосмотры, СИЗ, аттестацию объектов и расследование несчастных случаев³⁸.

Грузия регулирует охрану труда единым Законом «О безопасности труда», охватывающим все отрасли. В Казахстане ранее действовали отдельные законы, но с 2015 года они включены в трудовое законодательство.

Согласно Закону Грузии «О безопасности труда», работники имеют право:

- отказываться от работы, угрожающей их жизни и здоровью;
- требовать перевода по медпоказаниям;
- получать компенсацию за причиненный вред;
- обращаться к специалистам по охране труда при нарушении норм безопасности.

Работодатели обязаны:

- соблюдать требования безопасности и контролировать оборудование;
- предоставлять и проверять использование СИЗ;
- обучать работников технике безопасности;
- информировать о профессиональных рисках;

–организовывать медосмотры.

В трудовых коллективах численностью до 100 сотрудников внедряется позиция специалиста, отвечающего за соблюдение норм охраны труда, тогда как на более крупных предприятиях организуются специализированные подразделения, курирующие вопросы производственной безопасности. Надзор за исполнением требований осуществляется компетентным контролирующим органом, уполномоченным налагать штрафные санкции и приостанавливать деятельность субъектов, нарушающих установленные стандарты. За последнее десятилетие Казахстан и Грузия провели последовательную трансформацию нормативной базы в сфере охраны труда, однако различия в реализуемых подходах свидетельствуют о влиянии национальной экономической специфики на вектор этих преобразований.

В Грузии до недавнего времени отсутствовала полноценная система трудовой инспекции (она была упразднена в 2006 г. и восстановлена поэтапно к 2019-2020 гг.), и охрана труда регулировалась фрагментарно. Принятие специального закона «Об охране труда» (2018/2019) и Закона «Трудовой кодекс Грузии» (с изменениями 2020 г.) заложило основу современного регулирования³⁹. Были установлены обязанности работодателей по обеспечению безопасных условий (в т.ч. предоставление СИЗ, обучение, медосмотры) [1], а с 2020 г. создана независимая Служба инспекции труда с полномочиями по надзору за соблюдением как норм безопасности, так и трудовых прав [14].

Кроме того, в Казахстане разработан детализированный механизм социальных гарантий и компенсаций для лиц, чья профессиональная деятельность связана с вредными и (или) опасными производственными факторами. Данные меры направлены на снижение профессиональных рисков, улучшение условий труда и обеспечение дополнительной социальной защиты работников. В отличие от Грузии, где

³⁸ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года №235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.03.2025 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 26.03.2025).

³⁹ Изменения в законе о безопасности труда в Грузии // URL: <https://ru.armenian-lawyer.com> (дата обращения: 26.03.2025).

нормативно-правовая база в данной сфере менее детализирована, в Казахстане действуют конкретные правовые нормы, регулирующие следующие виды гарантий:

–Для работников, деятельность которых связана с вредными и (или) опасными условиями, предусмотрено сокращённое рабочее время. Такая мера закреплена на законодательном уровне и реализуется через установление укороченной продолжительности рабочей недели. Конкретная величина сокращения определяется с учётом степени воздействия вредных производственных факторов, что устанавливается по результатам специализированной оценки условий труда.

–Дополнительный оплачиваемый отпуск (ПДО) - в зависимости от степени воздействия неблагоприятных факторов, работникам предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск. Длительность такого отпуска устанавливается с учётом категории вредности, вида производственной деятельности и иных нормативных критериев.

–Дополнительные выплаты за условия труда - заработная плата работников, осуществляющих трудовую деятельность в условиях вредных и (или) опасных факторов, включает компенсационные надбавки. Размер данных выплат регулируется трудовым законодательством и может быть дополнительно закреплён в коллективном договоре, а также в локальных нормативных актах работодателя⁴⁰.

–Обязательные профессиональные пенсионные взносы (ОППВ) - в соответствии с пенсионной системой Республики Казахстан, за работников, занятых на вредных и (или) опасных производствах, работодатели осуществляют дополнительные профессиональные пенсионные

отчисления. Эти взносы обеспечивают досрочное назначение пенсионных выплат и служат механизмом компенсации за тяжёлые условия труда⁴¹.

–Специализированное лечебно-профилактическое питание (ЛПП) - в случаях, когда условия труда сопряжены с повышенным риском профессиональных заболеваний, работодатель обязан обеспечивать работников специализированным лечебно-профилактическим питанием, включающим биологически активные компоненты, способствующие снижению негативного воздействия вредных факторов.

–Выдача молока или эквивалентных пищевых продуктов - для снижения вредного воздействия производственных факторов работникам предоставляются молоко или равноценные пищевые продукты. Указанные меры основаны на санитарных регламентах и направлены на сохранение здоровья персонала, задействованного в условиях повышенного риска. В Республике Казахстан функционирует разветвлённая система социальных компенсаций, ориентированная на смягчение последствий неблагоприятных производственных факторов и снижение уровня профессиональных рисков. В Грузии также существуют механизмы защиты трудящихся, занятых на вредных и опасных участках, однако компенсационные инструменты носят менее системный характер и, как правило, формируются через положения коллективных договоров и индивидуальных соглашений между сторонами трудовых отношений.

–Лица, осуществляющие трудовую деятельность в условиях, сопряжённых с вредными и (или) опасными производственными факторами, в отдельных случаях получают право на

⁴⁰ Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 28 декабря 2015 года №1053. Об утверждении Списка производств, цехов, профессий и должностей, перечня тяжёлых работ, работ с вредными и (или) опасными условиями труда, работа в которых даёт право на сокращённую продолжительность рабочего времени, дополнительный оплачиваемый ежегодный трудовой отпуск и повышенный размер оплаты труда, а также правил их предоставления. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 31 декабря 2015 года №12731 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012731> (дата обращения: 26.03.2025).

⁴¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2023 года №520. Об утверждении Правил осуществления обязательных профессиональных пенсионных взносов // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000520> (дата обращения: 26.03.2025).

сокращённое рабочее время. Однако в законодательстве отсутствуют чёткие нормы, обязывающие работодателей предоставлять такую льготу повсеместно. Вопрос о сокращении рабочего времени чаще всего регулируется коллективными договорами или отраслевыми соглашениями.

–Для отдельных категорий работников законодательство предусматривает возможность предоставления дополнительного оплачиваемого отпуска. Как правило, его продолжительность составляет не менее 10 календарных дней, однако точные сроки и условия предоставления зависят от конкретного работодателя.

–Вознаграждение за труд в условиях, характеризующихся повышенной степенью профессионального риска, устанавливается с учётом негативного воздействия производственной среды и регулируется специальными нормами, и может включать надбавки, однако их размер и порядок начисления не закреплены в законодательных актах на государственном уровне. Вопрос о повышенной оплате труда решается в рамках коллективных или индивидуальных договоров⁴².

–Работодатели обязаны организовывать предварительные и периодические медицинские осмотры для работников, трудящихся во вредных условиях. Допуск к работе возможен только после прохождения медицинского освидетельствования. Финансирование данных обследований осуществляется за счёт работодателя⁴³.

–Работодатели обязаны бесплатно предоставлять работникам средства индивидуальной защиты (СИЗ) и обеспечивать их обучение безопасным методам работы. Однако государственные стандарты по конкретным видам СИЗ и нормативам их предоставления менее детализированы по сравнению с международной практикой.

–При выявлении ухудшения

состояния здоровья, вызванного воздействием неблагоприятных производственных факторов, работнику может быть рекомендован перевод на иную трудовую позицию, не предполагающую аналогичного уровня вредности. Однако порядок перевода и сохранение льгот зависят от условий трудового договора и не регламентированы отдельными законодательными нормами.

– Если у работника диагностировано профессиональное заболевание или он получил увечье в результате работы во вредных и (или) опасных условиях, законодательство предусматривает механизм компенсации. Однако вопросы страховых выплат, реабилитации и возмещения ущерба регулируются индивидуальными соглашениями между работодателем и работником либо судебными решениями.

Работодатель обязан проводить оценку профессиональных рисков и документировать условия труда. Работники имеют право отказаться от выполнения работы, если среда труда не соответствует требованиям безопасности. Однако механизм защиты прав работников в таких случаях требует дополнительного совершенствования, поскольку не все аспекты охраны труда детализированы в национальном законодательстве⁴⁴.

В Грузии предусмотрены основные гарантии и компенсации для сотрудников, работающих в условиях вредных и (или) опасных факторов, однако их практическое внедрение в значительной степени зависит от условий, установленных коллективными соглашениями и внутренними нормативными актами работодателя.

Обе страны стремятся к сближению с международными стандартами, внедряя риск-ориентированный подход. Казахстан и Грузия закрепляют превентивные меры: оценку рисков, обучение персонала, приоритет профилактики. В Грузии работодатели обязаны проводить оценку профессиональных рисков, в

⁴² Европейский фонд улучшения условий жизни и труда (Eurofound). Официальный сайт // URL: <https://www.eurofound.europa.eu> (дата обращения: 26.03.2025).

⁴³ Международная организация труда (МОТ). База данных национального трудового законодательства NATLEX // URL: <https://natlex.ilo.org> (дата обращения: 26.03.2025).

⁴⁴ Американская торговая палата в Грузии (AmCham Georgia). Официальный сайт // URL: <https://www.amcham.ge> (дата обращения: 26.03.2025).

Казахстане - регулярно аттестовать условия труда с разработкой плана снижения риска. Оба государства регулируют обеспечение работников средствами защиты, инструктажи, учет несчастных случаев⁴⁵.

В Грузии перечень отраслей с сокращенной рабочей неделей утвержден Правительством (№597)⁴⁶; в Казахстане аналогичные нормы содержатся в Трудовом кодексе. Оба государства внедряют цифровые инструменты: в Грузии действует Реестр экономической деятельности для регистрации опасных работ⁴⁷, в Казахстане - система «Талдау» для мониторинга условий труда и автоматизации процессов охраны труда.

В Казахстане более 1,6 млн человек (≈18,6% занятых) работают во вредных условиях, что выше, чем в Грузии⁴⁸. Казахстанское законодательство предусматривает компенсации: сокращенный рабочий день, доплаты, дополнительный отпуск, лечебно-профилактическое питание. В 2023 году 543,5 тыс. работников получили допотпуск, 419,4 тыс. - доплаты, 323,8 тыс. - молоко, а предприятия затратили на это свыше 255 млрд тенге. Контроль ведет инспекция труда⁴⁹.

В Грузии акцент на страховании и профилактике: с 2019 г. работодатели обязаны страховать работников, проводить медосмотры, улучшать условия труда. Закон не предусматривает доплаты за вредность и льготное питание. Казахстан сохраняет списки вредных производств, в Грузии их значение снижается⁵⁰.

Уровень исполнения выше в Казахстане благодаря жесткому госнадзору. В Грузии с 2021-2022

гг. инспекция труда получила право штрафовать (до 50 000 лари). Различия сокращаются: Грузия вводит инженеров по безопасности, усиливает санкции, внедряет оценку профессиональных рисков, аналогично Казахстану⁵¹.

Казахстан активно внедряет IT-решения в сферу труда, создавая онлайн-сервисы для занятости, безопасности и профессионального развития. Важный проект - Цифровая карта предприятия (ЦКП), оценивающая более 60 показателей (финансовых, социальных, трудовых) и позволяющая прогнозировать риски. Интеграция с Цифровой картой семьи даёт возможность работодателям учитывать социальное благополучие работников.

В Грузии аналогичная система отсутствует, но функционирует Реестр экономической деятельности (более 5000 объектов с опасными условиями на 2021 г.), а Инспекция труда публикует онлайн-отчёты и ведёт Портал трудовых прав для подачи жалоб⁵². Ожидается дальнейшее развитие цифровой инфраструктуры, включая интеграцию данных Министерства здравоохранения и Инспекции труда.

Гипотеза о сходстве принципов регулирования охраны труда при различиях в механизмах реализации подтвердилась. Выявленные различия могут способствовать взаимному заимствованию успешных практик: Грузия - усилению государственного контроля и нормативной детализации льгот, Казахстан - более широкому распределению ответственности между государством и работодателями, широкому применению цифровых инструментов мониторинга условий труда, реализации прав работников

⁴⁵ Закон Грузии о безопасности труда от 20 мая 2018 года // URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/4486188?publication=2> (дата обращения: 26.03.2025).

⁴⁶ Shroma.ge. Why are labor laws important? // URL: <https://shroma.ge/en/labor-laws-en/> (date of reference 26.03.2025).

⁴⁷ Там же (47).

⁴⁸ Energyprom.kz. В Казахстане уменьшилось количество «зелёных» рабочих мест, 22 августа 2023 года // URL: <https://energyprom.kz/articles-ru/society-ru/pri-etom-chislennost-teh-kto-rabotaet-v-neblagopriyatnyh-ili-opasnyh-usloviyah-tolko-rastyot/> (дата обращения: 26.03.2025).

⁴⁹ Kapital.kz. Число казахстанцев, работающих во вредных условиях, растёт, 10 апреля 2024 года // URL: <https://kapital.kz/gosudarstvo/124760/chislo-kazakhstantsev-rabotayushchikh-vo-vrednykh-usloviyakh-rastet.html> (дата обращения: 26.03.2025).

⁵⁰ Закон Грузии о безопасности труда от 20 мая 2018 года // URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/4486188?publication=2> (дата обращения: 26.03.2025).

⁵¹ Изменения в законе о безопасности труда в Грузии // URL: <https://ru.armenian-lawyer.com> (дата обращения: 26.03.2025).

⁵² Shroma.ge. Why are labor laws important? // URL: <https://shroma.ge/en/labor-laws-en/> (date of reference 26.03.2025).

в части обучения, обеспечения СИЗ, предоставления льгот и компенсаций лицам, занятым во вредных условиях труда. На основе сравнительно-правового анализа и учёта актуальных практик реформирования трудового законодательства в Грузии, представляются целесообразными следующие направления дальнейшего развития национального законодательства Республики Казахстан в области охраны труда на вредных и опасных производствах:

– Совершенствование механизмов оценки условий труда путем отказа от аттестации рабочих мест к оценке профессиональных рисков, результаты которых размещать в информационных системах уполномоченного органа. В целях повышения ответственности работодателя за профилактику профессиональных рисков представляется обоснованным предложение о нормативном закреплении обязательности разработки и повсеместного внедрения системы управления охраной труда с учётом специфики отраслей.

Кроме того, в настоящее время отсутствует формализованное требование об обязательности и четко закреплённой периодичности оценки профессиональных рисков. В настоящий момент, несмотря на то, что сам термин «оценка профрисков» упоминается в ст.182 ТК РК, его регламент в части обязательности и сроков проведения, а также процедурных последствий нуждается в совершенствовании. Соответственно, действующие санкции в области охраны труда (ст.93 - 96 КоАП РК) не конкретизируют ответственность именно за отсутствие или несвоевременное проведение оценки профрисков. В этой связи целесообразно ввести административную ответственность за непроведение оценки профессиональных рисков либо нарушение установленных сроков её актуализации.

С учетом результатов оценки профрисков на основе новых научно-методических разработок по экономическому стимулированию работодателей к улучшению условий труда, целесообразно в ближайшее время разработать новый

самостоятельный нормативно-правовой акт регламентирующий порядок определения видов, объемов льгот и компенсаций работникам, занятым во вредных условиях труда. Должна быть сформирована соответствующая интегрированная база данных, что будет способствовать реализации и защите трудовых прав работников.

Развитие цифровых инструментов в системе государственного надзора за охраной труда. С учетом общемировых тенденций перехода к цифровым формам государственного контроля, в том числе в рамках практики стран ОЭСР, ЕС и постсоветского пространства (в частности, Грузии), представляется целесообразным усиление цифровизации надзорной деятельности в сфере охраны труда в Республике Казахстан. Актуальным является нормативное закрепление процедур онлайн-мониторинга, дистанционного аудита условий труда, а также интеграции ведомственных информационных систем для автоматизации процессов оценки и управления профессиональными рисками. Важным направлением правового регулирования должно стать обеспечение функционирования системы «Цифровая карта предприятия» как инструмента прогнозирования и превентивного управления рисками на рабочих местах. Реализация указанных мер способствует укреплению прозрачности надзорной деятельности, снижению коррупционных факторов и формированию модели превентивного, а не реактивного контроля, соответствующей международным стандартам (MOT, EU-OSHA).

Установление системы обязательной сертификации специалистов по охране труда. В целях повышения эффективности кадрового обеспечения системы охраны труда предлагается внедрение института обязательной сертификации специалистов в данной области с последующим включением сведений о них в единый государственный реестр. Отсутствие на данный момент единых квалификационных требований и обязательных процедур верификации компетенций ведет к фрагментарности и формализму в вопросах назначения лиц,

ответственных за охрану труда. Опыт таких стран, как Грузия, демонстрирует практическую эффективность сертификации как инструмента повышения профессионального уровня кадров, занятых в сфере охраны труда, особенно на опасных и вредных производственных участках. Введение сертификационной модели позволит обеспечить единообразие подготовки, систематическое повышение квалификации, а также повысить доверие работников и работодателей к институту охраны труда как реальному механизму обеспечения безопасности и профилактики производственного травматизма.

Предлагаемые меры направлены не на дублирование существующих норм, а на их развитие и детализацию с целью повышения эффективности правоприменения и внедрения современных моделей управления охраной труда в условиях перехода к превентивной политике и цифровой трансформации трудовой сферы. Реализация указанных направлений позволит Казахстану не только повысить эффективность охраны труда, но и приблизить систему регулирования к современным международным

стандартам в рамках мер Концепции безопасного труда.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования законодательства, адаптации международных стандартов и повышения эффективности охраны труда.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку воздействия нормативных изменений на реальный уровень безопасности труда, на совершенствование правоприменительной практики, а также на изучение возможностей гармонизации норм в рамках международного и регионального сотрудничества.

В статье представлены ключевые результаты прикладных исследований в рамках выполнения научно-технической программы на тему «Трансформация государственного механизма социальных гарантий в отношении лиц, занятых во вредных условиях труда в современном контексте» (ИРН BR 22182673), финансируемой Министерством труда и социальной защиты населения Республики Казахстан.

Вклад авторов

А.Б. Бекмагамбетов - разработка концепции исследования, анализ нормативно-правовой базы, подготовка основных выводов.

А.Ф. Яғмусова - сбор и систематизация эмпирических данных, сравнительно-правовой анализ международного опыта, организация взаимодействия между авторами.

Ж.У. Смагулов - интерпретация результатов, подготовка рукописи и критический пересмотр содержания статьи.

Все авторы активно участвовали в обсуждении результатов исследования и единогласно одобрили окончательный вариант статьи для публикации.

Список литературы:

1. Курманов, А.М. Роль человекоцентричного подхода в модернизации социальных гарантий для работников во вредных условиях // А.М.Курманов, А.Б. Бекмагамбетов, И.Е. Сарыбаева, А.Р. Енсебаева, А.Н. Омаркожаева // Вестник КазУТБ. - 2024. - №4. - С. 39-41.
2. Каратаева, С.Б. Аттестация рабочих мест // С.Б. Каратаева // Вестник науки. - 2022. - Том 4. - №1(46). - С. 210 - 213. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vestnik-nauki.rpf/article/5197> (дата обращения: 25.03.2025).
3. Турекулова, Д.М. Организация охраны труда на производстве // Д.М. Турекулова, Б.Т. Череева, Е.С. Петренко // Вестник Евразийского национального университета. - 2023. - №2(145). - С. 45-58. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bulecon.eni.kz/index.php/main/article/download/500/472> (дата обращения: 25.03.2025).

4. Javakhadze, R. Occupational health and safety problems in Georgia. // R. Javakhadze, N. Rukhadze, M. Tsereteli, O. Gvaberidze, M. Tsimakuridze // Collection of Scientific Works of Tbilisi State Medical University - 2023. - Volume 48 // Retrieved from <https://journals.4science.ge/index.php/CSW/article/view/1652> (date of reference: 25.03.2025).
5. Kazumyan, I. The right to safe and healthy working conditions: Regulation and implementation of occupational safety and health in Georgia (example of the construction industry) // I. Kazumyan // Georgian Journal for European Studies. - 2024. - №14. - P. 196-232. - Retrieved from 10.2478/bjes-2024-0010. // URL: <https://doi.org/10.2478/bjes-2024-0010> (date of reference: 26.03.2025).
6. Tsimakuridze, M. The characteristic state of health of ammonia nitrate producing workers // M. Tsimakuridze, V. Saakadze, M. Tsereteli // Georgian Medical News. - 2005. - No.7-8(124-125). - P. 80-83.
7. Габуня, Г.Ш. Радиационный фон в рудниках и шахтах Грузии // Г.Ш. Габуня // Гигиена и санитария. - 1969. - №11. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/radiatsionnyy-fon-v-rudnikah-i-shahtah-gruzii> (дата обращения: 26.03.2025).
8. Chitashvili, N. Analysis of the fulfilment of obligations under the EU - Georgia Association Agreement in the field of Occupational Safety (Legislative Compliance and Effectiveness of Implementation) // N. Chitashvili, S. Kurasbediani // Journal of Law. - 2024. - No. 1. - DOI: <https://doi.org/10.60131/jlaw.1.2024.7941> (date of reference: 26.03.2025).
9. Taderera, H. Occupational Health and Safety Management Systems: Institutional and Legal Framework in Zimbabwe // H. Taderera // International Journal of Human Resource Studies. - 2012. - Volume 2. - No.4. - P. 1-13. - DOI: 10.5296/ijhrs.v2i4.2149 (date of reference: 26.03.2025).
10. MacEachen, E. Systematic review of qualitative literature on occupational health and safety legislation and regulatory enforcement planning and implementation // E. MacEachen, A. Kosny, C. Ståhl, F. O'Hagan, L. Redgrift, S. Sanford, C. Carrasco, E. Tompa, Q. Mahood // Scandinavian Journal of Work, Environment & Health. - 2016. - Volume 42. - №1. - P. 3-16. - DOI: 10.5271/sjweh.3529 (date of reference: 26.03.2025).
11. Bijelic, B. Occupational Health and Safety Management Systems // B. Bijelic, N. Misic, A. Bozilov. Safety Engineering. - 2015. - Volume 5. - №1. - P. 8. - DOI: 10.7562/SE2015.5.01.08 (date of reference: 25.03.2025).
12. Терентьева, Т. Человекоцентричный подход - основа развития современных предприятий // Т. Терентьева // EnergyLand.info. - 2024. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://energyland.info/analitic-show-247598> (дата обращения: 26.03.2025).
13. Гальченко, С.А. Человекоцентричность - необходимое условие экономики будущего // С.А. Гальченко, О.Н. Сезонова, В.Н. Ходыревская, В.В. Трубникова, А.В. Рюмшин // Лидерство и менеджмент. - 2022. - Том 9. - №2. - С. 309-322. - DOI: 10.18334/lim.9.2.114587.
14. Buchanan, R. Human Dignity and Human Rights: Thoughts on the Principles of Human-Centered Design // R. Buchanan // Design Issues. - 2001. - Volume 17. - No.3. - P. 35-39. - DOI: 10.1162/074793601750357047 (date of reference: 25.03.2025).
15. Сергунина, Н.А. Москва: умные решения для качества жизни. // Стандарты и качество. // Н.А. Сергунина, Н. Быкова // - 2021. - №10. - С. 84-87. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46943543>.
16. Kardava, E. 10 Years of Labor Policy and European Integration in Georgia: 2014-2024. // E. Kardava // - Tbilisi: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2024. // Retrieved from <https://southcaucasus.fes.de/news-list/e/10-years-of-labor-policy-and-european-integration-in-georgia-2014-2024.html> (date of reference: 26.03.2025).

© **Ә.Б. Бекмағамбетов¹, А.Ф. Яғмусова¹, Ж.Ө. Смағұлов², 2025**¹ Қазақстан Республикасы Еңбек және халықты әлеуметтік қорғау министрлігінің Республикалық ғылыми-зерттеу институты ШЖҚ РМК, Астана, Қазақстан² Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы

Құқық қорғау органдары академиясы, Қосшы, Қазақстан

(E-mail: ¹adilet1979@mail.ru; ¹yagmussova@mail.ru; ²zhaslansmagulov2016@gmail.com)

ҚАЗАҚСТАН МЕН ГРУЗИЯНЫҢ ЗИЯНДЫ ЖӘНЕ ҚАУІПТІ ӨНДІРІСТЕРДЕГІ ЕҢБЕКТІ ҚОРҒАУ САЛАСЫНДАҒЫ ЗАҢНАМАСЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Аннотация. Өндірістің зиянды және қауіпті жағдайлары бар Кәсіпорындардағы еңбек қауіпсіздігі-қызметкерлердің құқықтарын қорғау саласындағы мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі. Бұл саланы тиімді заңнамалық реттеу кәсіби тәуекелдерді азайтуға, еңбек жағдайларын жақсартуға және әлеуметтік кепілдіктерді қамтамасыз етуге ықпал етеді. Мақалада шетелдік ғылыми тағылымдама кезінде авторлардың бірінің эмпирикалық бақылауларын ескере отырып, Қазақстан мен Грузияның еңбекті қорғау саласындағы заңнамасының нормаларына салыстырмалы талдау жүргізілді.

Зерттеудің мақсаты-еңбек жағдайларын реттеудегі, қауіпсіздік шаралары мен өтемақы механизмдеріндегі ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтау. Жұмыс берушілердің міндеттемелері, мемлекеттік бақылау, қызметкерлердің әлеуметтік кепілдіктері, соның ішінде кәсіптік тәуекелдерді сақтандыру, жеңілдіктер беру және мерзімінен бұрын Зейнетақы қарастырылды. Өндірістегі жазатайым оқиғалар кезінде зиянды өтеу тетіктері, сондай-ақ еңбекті қорғау нормаларын бұзғаны үшін жауапкершілікке тарту практикасы қосымша талданады.

Зерттеудің ғылыми маңыздылығы құқықтық нормаларды салыстыру, олардың халықаралық стандарттарға сәйкестігі, олқылықтар мен заңнаманы жетілдірудің мүмкін бағыттарын анықтау болып табылады. Практикалық маңыздылығы алынған нәтижелерді Қазақстандағы еңбекті қорғау жүйесін жаңғырту, жұмыскерлерді әлеуметтік қорғаудың неғұрлым тиімді тетіктерін әзірлеу және жұмыс берушілердің жауапкершілігін арттыру үшін пайдалану мүмкіндігіне байланысты.

Салыстырмалы-құқықтық әдіс, нормативтік құқықтық актілерді талдау, жүйелі және құрылымдық талдау әдістері қолданылды. Мемлекеттік бақылау деңгейі, жұмыс берушілердің жауапкершілік дәрежесі және жазатайым оқиғаларды тергеу тәртібі бойынша айырмашылықтар айқындалды. 2018 жылдан бастап Грузияда жүзеге асырылып жатқан оң реформалық үрдістерді ескере отырып, Қазақстан заңнамасын жетілдірудің перспективалық бағыттары айқындалды. Оларға тәуекелге негізделген тәсілді енгізу, жұмыс берушілердің рөлін күшейту және заңнаманы еуропалық стандарттарға сәйкестендіру жатады.

Зерттеу нәтижелері еңбек құқығы мен әлеуметтік саясат мәселелерімен айналысатын заңгерлерге, еңбек қауіпсіздігі жөніндегі мамандарға, кәсіподақтарға, жұмыс берушілер мен мемлекеттік органдарға пайдалы болуы мүмкін. Мақалада тұжырымдалған қорытындылар мен ұсыныстар еңбек қауіпсіздігі саласындағы заңнаманы жетілдіруге, кәсіптік тәуекелдерді азайтуға және жұмыскерлердің құқықтарын қорғау деңгейін арттыруға ықпал ете алады.

Түйінді сөздер: еңбекті қорғау, зиянды және қауіпті өндірістер, кәсіптік тәуекелдер, әлеуметтік кепілдіктер, еңбек заңнамасы, Қазақстан, Грузия.

© A.B. Bekmagambetov¹, A.F. Yagmussova¹, Z.U. Smagulov²

¹ Deputy Director General of the Republican Research Institute of Labour Protection and Health of the Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

² Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Kazakhstan

(E-mail: ¹adilet1979@mail.ru; ¹yagmussovaa@mail.ru; ²zhaslansmagulov2016@gmail.com)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF KAZAKHSTAN AND GEORGIA IN THE FIELD OF OCCUPATIONAL SAFETY IN HARMFUL AND DANGEROUS INDUSTRIES

Abstract. Occupational safety at enterprises with harmful and dangerous conditions is a key priority of state policy in protecting workers' rights. Effective legislative regulation helps reduce occupational risks, improve working conditions, and ensure social guarantees. This article provides a comparative analysis of the labor protection legislation of Kazakhstan and Georgia, incorporating empirical observations from a foreign scientific internship.

The study aims to identify similarities and differences in regulating working conditions, safety measures, and compensation mechanisms. It examines employer obligations, state control, and social guarantees, including occupational risk insurance, benefits, and early retirement. Additionally, compensation mechanisms for workplace accidents and legal accountability for labor protection violations are analyzed.

The study's scientific significance lies in comparing legal norms, assessing compliance with international standards, and identifying areas for legislative improvement. The practical significance is in applying findings to modernize Kazakhstan's labor protection system and enhance social protection mechanisms.

The study employed the comparative legal method, analysis of regulatory acts, as well as systemic and structural analysis. Differences were identified in the degree of state control, the level of employer responsibility, and the procedures for investigating occupational accidents. Prospective directions for modernizing Kazakhstan's legislation were defined, taking into account the positive reform trends implemented in Georgia since 2018, such as the introduction of a risk-based approach, strengthening the role of employers, and harmonizing national legislation with European standards.

The results of the study may be useful for lawyers, occupational safety specialists, trade unions, employers, and government authorities involved in labor law and social policy. The conclusions and proposals formulated in the article can contribute to improving occupational safety legislation, minimizing professional risks, and enhancing the level of worker protection.

Keywords: labor protection, harmful and dangerous industries, occupational risks, social guarantees, labor legislation, Kazakhstan, Georgia.

References:

1. Kurmanov, A.M. Rol chelovekotsentrichnogo podhoda v modernizatsii socialnyh garantiy dlya rabotnikov vo vrednyh usloviyah // A.M. Kurmanov, A.B. Bekmagambetov, I.E. Sarybaeva, A.R. Ensebaeva, A.N. Omarkozhaeva // Vestnik KazUTB. - 2024. - №4. - S. 39-41.
2. Karataeva, S.B. Attestatsiya rabochih mest // S.B. Karataeva // Vestnik nauki. - 2022. - Tom 4. - №1(46). - S. 210 - 213. // Retrieved from <https://www.vestnik-nauki.rf/article/5197> (data obrashcheniya: 25.03.2025)
3. Turekulova D.M. Organizatsiya ohrany truda na proizvodstve // D.M. Turekulova, B.T. Chereeva, E.S. Petrenko // Vestnik Evraziyskogo natsionalnogo universiteta. - 2023. - №2(145). - S. 45-58. - Retrieved from <https://bulecon.enu.kz/index.php/main/article/download/500/472> (data obrashcheniya: 25.03.2025).
4. Javakhadze, R. Occupational health and safety problems in Georgia. // R. Javakhadze, N.Rukhadze, M.Tsereteli, O.Gvaberidze, M.Tsimakuridze // Collection

of Scientific Works of Tbilisi State Medical University - 2023. - Volume 48 // Retrieved from <https://journals.4science.ge/index.php/CSW/article/view/1652> (date of reference: 25.03.2025).

5. Kazumyan, I. The right to safe and healthy working conditions: Regulation and implementation of occupational safety and health in Georgia (example of the construction industry) // I. Kazumyan // Georgian Journal for European Studies. - 2024. - №14. - P. 196-232. - DOI: 10.2478/bjes-2024-0010. // Retrieved from <https://doi.org/10.2478/bjes-2024-0010> (date of reference: 26.03.2025).

6. Tsimakuridze, M. The characteristic state of health of ammonia nitrate producing workers // M. Tsimakuridze, V. Saakadze, M. Tsereteli // Georgian Medical News. - 2005. - No. 7-8(124-125). - P. 80-83.

7. Gabuniya, G. Sh. Radiatsionnyi fon v rudnikah i shahtah Gruzii // G. Sh. Gabuniya // Gigiena i sanitariya. - 1969. - №11. - Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/radiatsionnyy-fon-v-rudnikah-i-shahtah-gruzii> (data obrashcheniya: 26.03.2025).

8. Chitashvili, N. Analysis of the fulfilment of obligations under the EU - Georgia Association Agreement in the field of Occupational Safety (Legislative Compliance and Effectiveness of Implementation) // N. Chitashvili, S. Kurasbediani // Journal of Law. - 2024. - No. 1. - DOI: <https://doi.org/10.60131/jlaw.1.2024.7941> (date of reference: 26.03.2025).

9. Taderera, H. Occupational Health and Safety Management Systems: Institutional and Legal Framework in Zimbabwe // H. Taderera // International Journal of Human Resource Studies. - 2012. - Volume 2. - No. 4. - P. 1-13. - DOI: 10.5296/ijhrs.v2i4.2149 (date of reference: 26.03.2025).

10. MacEachen, E. Systematic review of qualitative literature on occupational health and safety legislation and regulatory enforcement planning and implementation // E. MacEachen, A. Kosny, C. Ståhl, F. O'Hagan, L. Redgrift, S. Sanford, C. Carrasco, E. Tompa, Q. Mahood // Scandinavian Journal of Work, Environment & Health. - 2016. - Volume 42. - №1. - P. 3-16. - DOI: 10.5271/sjweh.3529 (date of reference: 26.03.2025).

11. Bijelic, B. Occupational Health and Safety Management Systems // B. Bijelic, N. Misic, A. Bozilov // Safety Engineering. - 2015. - Volume 5. - №1. - P. 8. - DOI: 10.7562/SE2015.5.01.08 (date of reference: 25.03.2025)

12. Terenteva, T. Chelovekotsentrichnyi podhod - osnova razvitiya sovremennykh // T. Terenteva // Retrieved from <https://energyland.info/analitic-show-247598> (data obrashcheniya: 26.03.2025).

13. Galchenko. Chelovekotsentrichnost - neobhodimoe usloviye ekonomiki budushchego // S. A. Galchenko, O. N. Sezonova, V. N. Hodyrevskaya, V. V. Trubnikova, A. V. Ryumshin // Liderstvo i menedzhment. - 2022. - Tom 9. - №2. - S. 309-322. - DOI: 10.18334/lim.9.2.114587.

14. Buchanan, R. Human Dignity and Human Rights: Thoughts on the Principles of Human-Centered Design // R. Buchanan // Design Issues. - 2001. - Volume 17. - No. 3. - P. 35-39. - DOI: 10.1162/074793601750357047 (date of reference: 25.03.2025)

15. Sergunina, N. A. Moskva: umnye resheniya dlya kachestva zhizni. // Standarty i kachestvo. // N. A. Sergunina, N. Bykova // - 2021. - №10. - S. 84-87. - Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=46943543>

16. Kardava, E. 10 Years of Labor Policy and European Integration in Georgia: 2014-2024. // E. Kardava // - Tbilisi: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2024. // Retrieved from <https://southcaucasus.fes.de/news-list/e/10-years-of-labor-policy-and-european-integration-in-georgia-2014-2024.html> (date of reference: 26.03.2025).

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Бекмағамбетов Әлімжан Бауыржанұлы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, «Қазақстан Республикасының Еңбек және халықты әлеуметтік қорғау министрлігінің Республикалық ғылыми-зерттеу институты» ШЖҚ РМК бас директорының орынбасары, А. Кравцов көшесі, 18, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: adilet1979@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2033-3625>; Scopus Author ID: 57194526739.

Яғмусова Ақерке Файзуллақызы - Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ докторанты, «Қазақстан Республикасының Еңбек және халықты әлеуметтік қорғау министрлігінің Республикалық ғылыми-зерттеу институты» ШЖҚ РМК әлеуметтік-құқықтық зерттеулер бөлімінің аға ғылыми қызметкері, А. Кравцов көшесі, 18, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: yagmussovaa@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3276-4264>.

Смағұлов Жаслан Өндірсұлы - Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының докторанты, Республика көшесі, 94, 010078, Қосшы қ., Қазақстан.

E-mail: zhaslansmagulov2016@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2838-5911>; Researcher ID WOS: KWT-8774-2024.

Бекмағамбетов Алимжан Бауржанович - автор для корреспонденции, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор, заместитель генерального директора РГП на ПХВ «Республиканский научно-исследовательский институт по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан», улица А. Кравцова, 18, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: adilet1979@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2033-3625>; Scopus Author ID: 57194526739.

Яғмусова Ақерке Файзуллақызы - докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, старший научный сотрудник отдела социально-правовых исследований РГП на ПХВ «Республиканский научно-исследовательский институт по охране труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан», улица А. Кравцова, 18, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: yagmussovaa@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3276-4264>.

Смағұлов Жаслан Ундрусович - докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, улица Республики, 94, 010078, Косшы, Казахстан.

E-mail: zhaslansmagulov2016@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2838-5911>; Researcher ID WOS: KWT-8774-2024.

Bekmagambetov Alimzhan Baurzhanovich - corresponding authors, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Director General of the Republican Research Institute of Labour Protection and Health of the Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Kazakhstan, 18A. Kravtsov Street, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: adilet1979@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2033-3625>; Scopus Author ID: 57194526739.

Yagmussova Akerke Faizullakzy - doctoral student at the - L.N. Gumilyov Eurasian National University, Senior Researcher at the Department of Social and Legal Research at the Republican Research Institute of Labour Protection and Health of the Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Kazakhstan, 18A. Kravtsov Street, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: yagmussovaa@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3276-4264>.

Smagulov Zhaslan Undrusovich - doctoral student at the Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, 94 Respublika Street, 010078, Kosshy, Kazakhstan.

E-mail: zhaslansmagulov2016@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2838-5911>; Researcher ID WOS: KWT-8774-2024.

BULLETIN OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION
AND LEGAL INFORMATION OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 No 3(2025), 134-142

UDC 347.65/.68
IRSTI 10.45.91
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_134
Scientific article

© Kacper Boś^{1*}, 2025

¹ Jagiellonian University, Krakow, Poland
(E-mail: ¹kacper.bos@queens.ox.ac.uk)

SUCCESSION OF SHARES IN A POLISH LIMITED LIABILITY COMPANY: A COMPARATIVE PERSPECTIVE¹

Abstract. This paper aims to conduct an analysis of the process of succession of shares in Polish limited liability company (*spółka z ograniczoną odpowiedzialnością*) from a comparative perspective. The comparative study is based on German and US regulations concerning the companies which in their characteristics most closely resemble Polish limited liability company. Under German law it is the *Gesellschaft mit beschränkter Haftung*, whereas under US law – the Limited Liability Company, regulated by the Revised Uniform Limited Liability Company Act, which has been adopted in numerous US states. The analysis in this paper leads to a conclusion that the solutions concerning the succession of shares in limited liability company applied in the Polish legal system seem to lie between the German and American regulations. Unfortunately, Polish regulation ultimately also proves to be incomplete due to a very laconic formulation of art. 183 of Polish Commercial Companies Code, which leads to many considerable legal issues. One of the most significant of these is issues of the legal nature of the *sp. z o.o.*-share, which in the doctrine and the judiciary is considered a ‘relatively heritable right’. The comparative analysis conducted in this paper suggests that it would be desirable to change the Polish regulation and opt for the mandatory inheritance of shares, as it is in German law.

Keywords: death of shareholder, succession of shares, company succession, Limited Liability Company, Comparative Private Law.

Introduction

The legal succession after the death of a shareholder in limited liability companies is a subject of in-depth doctrinal considerations not only in Polish law. The fact that this topic is located at the junction of inheritance law and company law raises numerous doubts, which are also characteristic for other legal systems [1, s. 101]. Due to the significant complexity of the issue, the legal solutions implemented in foreign legal systems often differ significantly from each other. For this reason, they may be the subject of a comparative analysis, the results of which may realistically influ-

ence proposed *de lege ferenda* conclusions concerning the Polish regulation on the exclusion and limitation of succession of shares in a limited liability company.

Materials and Methods

This paper employs the comparative legal analysis, based on the functional method [2]. The comparative study of Polish law is conducted on the basis of regulations from two countries - Germany and the United States. The analysis focuses on the regulations concerning the companies, which in their characteristics most closely resemble Polish limited liability compa-

¹ This paper is a modified extract from the author's unpublished master's thesis: Exclusion and limitation of succession of shares in a limited liability company, prepared under the supervision of Dr hab. Grzegorz Suliński/ Эта статья представляет собой измененную выдержку из неопубликованной магистерской диссертации автора «Исключение и ограничение наследования акций в обществе с ограниченной ответственностью», подготовленную под руководством Dr. hab. Гжегожа Сулиньски.

ny (*spółka z ograniczoną odpowiedzialnością*)². Under German law it is be the *Gesellschaft mit beschränkter Haftung*³. In terms of American law, the Limited Liability Company⁴ is analysed. Because corporate law in the United States is a subject of state law, the regulation of LLCs may vary to a certain extent depending on the content of the law adopted in a particular state. For this reason, to ensure that the considerations presented are as universal as possible, the analysis of LLCs is based on the provisions of Revised Uniform Limited Liability Company Act⁵, which has been adopted in numerous US states⁶.

The selection of reference systems proposed above may raise some doubts, particularly due to the reference to regulations concerning LLCs in US law. It might seem that, due to the common law system in place there, the provisions concerning succession after the death of a shareholder in US company will differ so much from the solutions implemented in continental law systems that comparing them would be pointless. However, it should be noted that solutions and structures characteristic of common law systems are increasingly being used in countries based on the continental law system, especially in the field of commercial and corporate law. For this reason, it seems that the regulation of American LLCs may provide guidance on potential changes that could be made under Polish law. This conclusion also seems justified insofar as US company law has a long tradition, which also covers the issue of succession of the assets of commercial company shareholders. The choice of German law as the reference system for the subject matter of this paper should not raise any doubts. German law may be considered a model continental legal system, which, also due to its long tradition, has

been developed by legal doctrine in a very detailed manner. In addition, there are a significant number of similarities between German and Polish private law, which can greatly facilitate the assessment of the statutory solutions applied in both systems.

Results and Discussion

Polish Law

In Polish law, the death of a shareholder in sp. z o.o. is not an event causing the dissolution of the company. Moreover, the sp. z o.o.-share is widely considered a hereditary right [3, s. 7; 4, s. 331-332; 5, s. 344; 6, s. 260; 7, s. 189; 8, s. 25]⁷. According to art. 922 of Polish Civil Code *Kodeks cywilny*⁸, a right of the deceased is hereditary if: 1) the right is a civil and property right, 2) the right is not closely connected with the deceased; and 3) the right doesn't devolve onto designated persons regardless of whether they are deceased's heirs. The sp. z o.o.-share meets every requirement mentioned above. Therefore, after the death of a shareholder, his shares will become part of the estate and, as a result, will be eventually acquired by his heirs under the universal succession regime. Upon the opening of the estate (that takes place at the moment of deceased's death⁹), the heirs of the deceased shareholder will obtain the rights arising from the shares and the associated status of shareholder [1, s. 295]. If there are several heirs, they should exercise their rights in the company through a previously designated joint representative until the division of the estate¹⁰.

The default statutory process of succession of shares in sp. z o.o. might be significantly modified by the shareholders though. According to art. 183 § 1 of Polish Commercial Companies Code¹¹, the shareholders may exclude or limit (for example, to a group that meets specific requirements)

² Hereinafter: sp. z o.o.

³ Hereinafter: GmbH.

⁴ Hereinafter: LLC.

⁵ Revised Uniform Limited Liability Company Act, National Conference of Commissioners on Uniform State Laws (2006), Last Amended 2013; hereinafter: RULLCA.

⁶ RULLCA has been adopted in states such as California, Florida, Illinois, and New Jersey, among others.

⁷ This view is widely represented in the judiciary as well – see Decision of the Supreme Court of Poland of 17.05.2007, III CZP 45/07; Judgment of the Court of Appeals in Warsaw of 28.10.2026, I ACa 1727/15; Judgment of Voivodeship Administrative Court in Gdańsk of 14.10.2015, I SA/Gd 1017/15.

⁸ Kodeks cywilny, Polish Civil Code of 23.04.1964; hereinafter: CC, Polish Civil Code.

⁹ Article 924 CC.

¹⁰ Article 184 CCC.

¹¹ Kodeks spółek handlowych, Polish Commercial Companies Code of 15.09.2000; hereinafter: CCC, Polish Commercial Companies Code.

the entry of heirs into the company in place of a deceased shareholder by introducing a proper clause in the articles of association. In case of exclusion of the heirs, the shares of the deceased shareholder might be redeemed or acquired by the remaining shareholders, depending on the content of the clause. For such an exclusion or limitation to be effective, the statute requires only that the terms of settlement with the heirs who do not become shareholders in the company be specified in the articles of association. The very concept of "terms of settlement" or the methods for determining them have not been detailed by the legislator in any way. The provisions of Polish Commercial Companies Code also do not specify the method by which settlement should be calculated. It seems, however, that the terms of settlement cannot be determined by the shareholders at their discretion. The settlement should constitute the equivalent [6, s. 262; 9; 10, s. 374; 11]¹² of lost shares in financial terms to comply with constitutional principle of equal legal protection of the right of succession¹³. This conclusion is questioned by few scholars though, who claim that due to the lack of details in describing the terms of settlement by the legislator, the shareholders are free to determine them at their discretion [12; 13], which would allow them to state that the repayment for the heirs amounts to one PLN.

As already indicated, the inclusion of a clause excluding the entry of heirs to the place of a deceased shareholder in a sp. z o.o. and the specification of the terms of settlement in the articles of association are the only prerequisites for the effectiveness of the clause literally resulting from art. 183 § 1 CCC. In particular, according to the statute, the shareholders are not obliged to determine the future fate of the deceased partner's shares, which, due to the application of the exclusion clause, will not be subject to inheritance. However, this issue has not been regulated by the legislator in art. 183 § 1 CCC or any other statutory provision. This legal gap causes some serious consequences, because Polish Commercial Companies Code, in its current

wording, does not allow for determining the further legal fate of shares excluded from inheritance in a situation where this issue is not regulated in any way in the articles of association by the shareholders. Therefore, lack determination of this issue may also – in some circumstances – lead to the ineffectiveness of the clause limiting or excluding the entry of heirs into the company in place of a deceased shareholder, as it might be impossible to determine whether the shares should be redeemed or acquired by a certain entity.

Due to the possibility of excluding the entry of the shareholder's heirs into sp. z o.o. in his place, the sp. z o.o.-share is described as a 'relatively heritable right' both in the doctrine and the judiciary [1, s. 295-296; 3, s. 9; 4, s. 332-333; 14]¹⁴. Such rights, as a rule, are part of the estate but the decedent, either alone or together with other entities, on the basis of a specific statutory provision may decide to deprive them of the hereditary feature. Thus, sp. z o.o. articles of association may provide that the deceased shareholder's shares are not hereditary, and instead the heirs receive a financial compensation that becomes a part of the estate in place of the non-inheritable shares [1, s. 295-296; 3, s. 9; 4, s. 332-333]¹⁵. This conclusion might be seen as to far reaching, considering that art. 183 CCC doesn't directly refer to the issue of limitation of inheritance of shares, only indicating the possibility to limit or exclude the entry of heirs to Polish LLC. That specific wording used by legislator in art. 183 CCC is recognized as a simplification though [1, s. 295; 15]. However, some Polish scholars argue that, due to the lack of an explicit provision in art. 183 § 1 CCC allowing for the exclusion or restriction of the inheritance of shares in a limited liability company, this right is absolutely inheritable [7, s. 191-197]. This debate has a very negative impact on the legal certainty of the institution arising from art. 183 CCC, as it pertains one of the most fundamental issues related to the succession of shares in sp. z o.o. which is the legal nature of the shares.

¹² See also Judgment of the Supreme Administrative Court of Poland of 19.06.2015, II FSK 1216/13; Judgment of the Court of Appeals in Warsaw of 28.10.2016, I ACa 1727/15.

¹³ Article 64 sec. 2 of Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, The Constitution of the Republic of Poland of 02.04.1997.

¹⁴ See also Judgment of the Court of Appeals in Warsaw of 28.10.2016, I ACa 1727/15.

¹⁵ See also Judgment of the Court of Appeals in Warsaw of 28.10.2016, I ACa 1727/15.

German law

The German Limited Liability Company Act *Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung*¹⁶ explicitly states that GmbH-share is a hereditary right¹⁷. The death of a shareholder is also not an event causing the dissolution of the company [16, p. 231]. As in Polish law, after the death of a shareholder, his shares in the company will become part of the estate on the basis of the general rules set out in § 1922 of the German Civil Code *Bürgerliches Gesetzbuch*¹⁸ and, if it is to be inherited by more than one heir, it will become the subject of joint co-ownership¹⁹, which will cease as a result of a division of the estate [1, s. 113-114; 16, p. 238]. The heirs of the deceased shareholder are entitled to exercise shareholder rights since the decedent's death [16, p. 238], however, due to the joint co-ownership of the estate, these rights will be exercised jointly²⁰. The processes of inheritance of a share in GmbH and in sp. z o.o. are therefore very similar to each other.

However, GmbHG does not contain an equivalent of art. 183 of the Polish Commercial Companies Code, which would allow for a clause in the articles of association limiting or excluding the right of heirs to join the company. Furthermore, the literature emphasises that the inheritability of GmbH-share is mandatory, so that the articles of association may not in any way exclude or limit its heredity [16, p. 237-238]. It is even pointed out that, due to the mandatory nature of § 15 (1) GmbHG, it would also be unlawful to include a clause in GmbH articles of association according to which the shares belonging to a shareholder would be automatically redeemed upon his death [1, s. 115; 17, s. 1265-1266].

The impermissibility of excluding or limiting the heredity of GmbH-shares has led to the development of clauses which, although they do not directly affect the heredity of the shares, in fact have a remarkably similar effect. This effect is achieved through the use of succession clauses *Nachfolgeklauseln* [16, p. 233-238]. These clauses may order the heirs to dispose of

their inherited shares or give the company the right to redeem them [18, s. 215; 19, s. 96], producing an effect similar to a clause excluding the heirs from joining GmbH. The legal doctrine also admits clauses which make the obligation of the heirs to dispose of the shares or the right to redeem them by the company conditional on the heirs fulfilling a certain criterion [*Ibid.*]. Thus, in its essence, this clause is similar to the clause limiting the entry of heirs into sp. z o.o. regulated in art. 183 § 1 CCC.

The entity entitled to demand the disposal of shares in GmbH by the heirs of a deceased shareholder in the event of the application of *Nachfolgeklauseln* is, as a rule, the company itself [1, s. 115]. The articles of association may also provide that if the heirs fail to dispose of the shares within a certain period of time, the company will be entitled to redeem the shares [1, s. 116]. The doctrine assumes that the heirs are entitled to payment for the redeemed shares, which is equivalent to the objective (market) value of the shares or their book value [1, s. 116-117]. The possibility of completely excluding the heirs' right to remuneration for the redeemed shares is disputable [1, s. 117; 17, s. 1273; 18, s. 217; 19, s. 96].

Due to the lack of the possibility to exclude or limit the hereditary nature of the shares in GmbH by its shareholders, the process of exclusion and limitation of succession of shares in GmbH is conducted differently than in Polish law under art. 183 § 1 CCC. The mandatorily hereditary nature of GmbH-share does not allow the content of the deceased shareholder's estate to be changed by clauses in the articles of association. However, despite the different legal nature of GmbH and sp. z o.o. shares, the effects of the clause excluding or limiting the heirs' right to join sp. z o.o. and the *Nachfolgeklauseln* clause are similar. This is because in both cases, the heirs of the deceased shareholder will ultimately be deprived of their decedent's shares in the company, receiving a cash payment instead.

¹⁶ Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung, German Limited Liability Company Act of 20.04.1892; hereinafter: GmbHG, German Limited Liability Company Act.

¹⁷ §15(1) GmbHG.

¹⁸ Bürgerliches Gesetzbuch, German Civil Code of 18.08.1896; hereinafter: BGB.

¹⁹ §2032 BGB.

²⁰ §18(1) GmbHG.

US law

The analysis of succession of shares in an American LLC should begin with outlining some key characteristics of this company. Even though that out of all types of American business organisations, LLC is certainly the most similar to Polish sp. z o.o., it differs significantly from it in certain aspects due to its functioning in the Common Law system. First of all, it should be mentioned that the division into “partnerships” and “capital companies” used in Polish CCC is not appropriate for the American legal system [20, s. 52]. The development of company law in the US has led to the emergence of hybrid entities - such as LLC - which combine features of both partnerships and capital companies [*ibid.*]. The number of characteristics linking American LLCs and partnerships is very significant. These similarities are more far-reaching than those between sp. z o.o. and Polish partnerships - even considering the sp. z o.o.’s “partnership nature”, which is often argued in Polish literature [1, s. 291-292; 21].

The most significant difference between sp. z o.o. and LLC is their taxation regime. This is because under federal law, LLC is taxed in the same manner as partnerships [22, §19:1]²¹. This means that, from a tax perspective, the profits and losses of LLC are considered as personal profit or loss of its shareholders [20, s. 53], called members in US law. Additionally, RULLCA provisions implicitly assume that the entity obliged to manage LLC is not, as in the case of sp. z o.o., the management board, but the members themselves²².

Despite the method of taxation and rules of company’s management which are characteristic for partnerships, the members of LCC are not liable for the obligations of the company itself, which is explicitly provided for in RULLCA²³. However, a member’s liability for the company’s obligations may arise due to the application of the concept of piercing the corporate veil [20, s. 56; 22, §15:3]. Thus, LLC appears to be a very flexible structure that allows its members to combine the most attractive characteristics of partnerships and corporations from a business perspective, enabling the creation of an entity that is sin-

gle-taxed and at the same time excludes the personal liability of its members.

Significant differences between LLC and sp. z o.o. are also noticeable in the context of the regulation of the succession of shares belonging to a deceased shareholder. Historically, the US statutes regulating LLCs assumed that the death of a member would, as a rule, entail the dissolution of the company [23]. However, the statutory law has changed over the past decades. Under RULLCA, the death of a member is not a cause of dissolution of LLC, but the shares belonging to him are also not subject to the same rules of succession as shares in Polish sp. z o.o.²⁴. This is because with the death of LLC member, the rights belonging to his shares are divided, and the estate includes only the economic interest [24, p. 2]. The legal successors of the deceased member do not acquire the corporate rights that pass to the remaining members of LLC [*ibid.*]. The status of the heirs in the US law is referred to as transferee [25]²⁵. Thus, the heirs of a deceased shareholder acquire, for example, the right to dividends in the company, but have no influence in deciding the amount of dividends or even the payment [24, p. 2]. To a certain extent, the provisions of RULLCA increase the rights of the heirs of a deceased shareholder over a regular transferee, but these mainly concern the right to information regarding the company’s activities²⁶.

LLC members may decide to regulate the succession after the death of one of them differently from the statutory law [25]. The range of potential solutions is very wide. The members may decide to allow the heirs of the deceased member to join the company; to impose an obligation on a specific entity to buy out the shares from the heirs; or even to grant the heirs a specific catalogue of rights arising from the shares, excluding, for example, rights related to the management of the company [24, p. 3].

The default statutory consequences of the death of LLC member appear to be very unfavourable - especially considering how broad a catalogue of possibilities

²¹ In Poland sp. z o.o. is taxed like an American corporation.

²² §407 (a) RULLCA.

²³ §304 RULLCA.

²⁴ §504 RULLCA.

²⁵ §504 RULLCA.

²⁶ §504 RULLCA in conjunction with § 410 RULLCA.

is available to the members in terms of regulating this issue in the articles of association, called “operating agreement” in RULLCA²⁷. The acquisition by the heirs of only the economic interest associated with the shares appears to be an undesirable solution for both the heirs and LLC members. Under US law, it seems almost a necessity to regulate the issue of succession on the death LLC member in the operating agreement. Thus, the legal system shifts the burden to the members to determine the consequences of the death of one of them, but provides them with a very wide range of available solutions.

Conclusions

In Polish legal system a sp. z o.o.-share is a hereditary right. After the death of a shareholder, his become a part of his estate, which is acquired by the deceased's heirs. The process of succession of shares in sp. z o.o. might be significantly modified by the shareholders in the articles of association, who are able to limit or exclude the right of heirs to become shareholders in place of a deceased shareholder, providing that the terms of settlement with the heirs who do not become shareholders in the company will be specified. At a first glance, this solution might be considered as a good balance between the shareholders' and heirs' economic interests. On the other hand, a very laconic formulation of art. 183 CCC leads to many considerable legal issues. In fact, the problems associated with the limitation or exclusion of the right of heirs to become shareholder are so significant, that the consequences of introducing this institution to the articles of association might be tough to foreseen. Therefore, it is justified to look for legal solutions introduced in other legal systems and see whether those regulation might be considered more convincing.

A significant advantage of the German regulation of the inheritance of GmbH-share is the mandatorily hereditary character of the shares. The lack of the possibility to exclude shares from the estate implies significantly less complicated consequences of the inclusion of succession clauses in the articles of association, in especially when only some of the heirs of a deceased shareholder join the company. Nevertheless, the German regulation

- like the Polish one - also seems incomplete, as in both systems there are some doubts concerning the permissible ways of determining the repayment of heirs who are deprived of shares and the value of the repayment.

In the US legal system, the biggest advantage of RULLCA provisions is the considerable freedom of LLC members in terms of permissible ways to regulate the process of legal succession in the event of their death. The degree of this discretion far exceeds potentially permissible solutions under Polish law. However, as the statutory solution is unfavourable from the perspective of both the heirs of the deceased member and the other members, the regulation of succession of shares after the death of one of LLC members is almost a necessary element of the operating agreement. Thus, the members are given a significant level of discretion, but in exchange for the responsibility transferred to them for constructing the content of the operating agreement in such a way that the succession process designed by them is effective.

It seems that the solutions concerning the succession of shares in Limited liability company applied in the Polish legal system seem to lie between the German and American regulations presented above. On the one hand, the content of art. 183 §1 of the CCC allows for the limitation or exclusion of succession of shares in a sp. z o.o., but on the other hand, it limits the range of actions that shareholders may take, for example by imposing on them the obligation to specify the terms of settlement under pain of the entire clause becoming ineffective. Unfortunately, Polish regulation ultimately proves to be incomplete. The legislator's decision to allow the exclusion of inheritance of shares, which constitutes a significant interference with the inheritance law system, should be accompanied by a much more precise regulation of the institution of exclusion and restriction of heirs' entry into a sp. z o.o. It seems that a much simpler solution would be to opt for the mandatory inheritance of shares in a sp. z o.o. and to allow the company to redeem the shares belonging to the deceased partner or to require the heirs to resell them to the remaining partners.

²⁷ §105 RULLCA.

References:

1. Zdanikowski, P. Następstwo prawne na wypadek śmierci po wspólnikach i akcjonariuszach spółek handlowych. // P.Zdanikowski // - Warszawa, 2021.
2. Kötz, H. Introduction to comparative law. // H. Kötz, K. Zweigert // - Oxford, 1987. - P. 31-33.
3. Boś, K. Charakter prawny roszczenia o spłatę z art. 183 § 1 k.s.h., Transformacje Prawa Prywatnego 3/2023. // K. Boś // - Kraków, 2023. - P. 5-25.
4. Borysiak, W. Dziedziczenie. Konstrukcja prawna i ochrona.// W.Borysiak // - Warszawa, 2013.
5. Dumkiewicz, M. Kodeks spółek handlowych. Komentarz. // M.Dumkiewicz // - Warszawa, 2020.
6. Michalski, M. [in:] Kodeks spółek handlowych. Tom II. Komentarz do art. 151-300, ed. by A. Kidyba.// M.Michalski // - Warszawa, 2018.
7. Kopaczyńska-Pieczniak, K. Ustanie członkostwa w spółce z o.o. // K.Kopaczyńska-Pieczniak // - Kraków, 2002.
8. Zdanikowski, P. Ograniczenie lub wyłączenie wstąpienia spadkobiercy wspólnika a zapis windykacyjny udziałów w spółce z ograniczoną odpowiedzialnością // P. Zdanikowski // PPH 2016. - Volume 3. - P. 24-29.
9. Boś, K. Minimalna treść klauzuli wyłączającej wstąpienie spadkobierców wspólnika do spółki z ograniczoną odpowiedzialnością. // K. Boś // - Rejent, 2024.- Volume 10. - P. 11-31.
10. Suliński, G. Wyłączenie lub ograniczenie wstąpienia spadkobiercy wspólnika do spółki z o.o. - zagadnienia wybrane // G.Suliński // St.lur.Torun. - 2021. - Volume 2. - P. 369-384.
11. Zawisłak, K. Skutki wyłączenia wstąpienia spadkobierców zmarłego wspólnika do spółki z o.o. // K. Zawisłak // PPH 2020. - Volume 3. - P. 37-38.
12. Chomiuk, M. [in:] Kodeks spółek handlowych. Komentarz, ed. by Z. Jara. // M. Chomiuk // - Warszawa, 2017. - P. 703.
13. Nowacki, A. Spółka z ograniczoną odpowiedzialnością. // A. Nowacki // Tom I. Komentarz. Art. 151-226. - Warszawa, 2018. - Art. 183. - Thesis 31.
14. Kidyba, A. Kodeks spółek handlowych, t. I, Komentarz do art. 1-300. // A. Kidyba // - Warszawa, 2017. - P. 810.
15. Pabis, R. [in:] Kodeks spółek handlowych. Tom IIA. Spółka z ograniczoną odpowiedzialnością. Komentarz. Art. 151-226, ed. by A. Opalski. // R. Pabis // - Warszawa, 2018. - Art. 183. - Thesis 7.
16. Sanders, A. Company Law and the Law of Succession in Germany [in:] Company Law and the Law of Succession, ed. by S. Kalss // A. Sanders // - 2015.
17. Ebbing, F. [in:] Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbH-Gesetz), band I, Hrsg. L. Michalski. // F. Ebbing // - München, 2002.
18. Hueck G. [in:] GmbH-Gesetz. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung, Hrsg. A. Baumbach, A. Hueck // G. Hueck, L. Fastrich // - München, 2000.
19. Wiedemann, H. Die Übertragung und Vererbung von Mitgliedschaftsrechten bei Handelsgesellschaften. // H.Wiedemann // - München, 1965.
20. Regiec, A. P. Amerykańska spółka limited liability company, PPH 2016. // A.P. Regiec // - Volume 6. - P. 52-58.
21. Szumański, A. Prawo spółek. // A. Szumański, I. Weiss [in:], W. Pyziół // - Warszawa, 2019. - P. 257-258.
22. Ribstein, L.E., Keatinge R.R. Ribstein and Keatinge on Limited Liability Companies // L.E. Ribstein, R.R. Keatinge // - 2024.
23. Callison, J.W. Limited Liability Companies: A State-by-State Guide To Law And Practice. // J.W. Callison, M.A. Sullivan // - 2023. - §9:2.
24. Pachman, S.L. Death of an LLC Member: Part II, Business Law Today // S.L. Pachman // - 2020. // Retrieved from <https://businesslawtoday.org/2020/01/death-llc-member-part-ii/> (date of reference: 19.06.2024).

25. Sargent, M.A. Liability Company Handbook // M.A. Sargent, W.D. Schwidetzky // - 2023. - §3:112.

© Каспер Бош¹

¹ Ягеллон университеті, Краков, Польша
(E-mail: ¹kasper.bos@queens.ox.ac.uk)

ПОЛЯК ЖАУАПКЕРШІЛІГІ ШЕКТЕУЛІ СЕРІКТЕСТІГІНДЕГІ АКЦИЯЛАРДЫҢ САБАҚТАСТЫҒЫ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. Бұл мақаланың мақсаты - поляк жауапкершілігі шектеулі серіктестігінің акцияларын мұрагерлікке алу процесіне салыстырмалы талдау жүргізу. Салыстырмалы зерттеу Германия мен АҚШ-тың Польша жауапкершілігі шектеулі серіктестіктеріне ең жақын сипаттамалары бар компанияларға қатысты ережелеріне негізделген. Неміс заңы бойынша бұл Gesellschaft mit beschränkter Haftung, ал АҚШ заңы бойынша – АҚШ-тың көптеген штаттарында қабылданған жауапкершілігі шектеулі серіктестіктер туралы қайта қаралған Бірыңғай Заңмен реттелетін жауапкершілігі шектеулі серіктестік. Осы мақалада жүргізілген талдау поляк құқықтық жүйесінде қолданылатын жауапкершілігі шектеулі серіктестіктегі акциялардың сабақтастығына қатысты шешімдер неміс және американдық ережелер арасында көрінеді деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Өкінішке орай, поляк заңнамасы, нәтижесінде, Польшаның коммерциялық компаниялар Кодексінің 183-бабының өте қысқа тұжырымдалуына байланысты толық емес болып шығады, бұл көптеген маңызды құқықтық мәселелерге әкеледі. Олардың ішіндегі ең маңыздыларының бірі-доктрина мен сот жүйесінде «салыстырмалы түрде мұрагерлік құқық» деп саналатын жеке үлестің құқықтық табиғаты туралы мәселе. Осы мақалада келтірілген салыстырмалы талдау Польша заңнамасын өзгертіп, Германия заңнамасында қарастырылғандай акциялардың міндетті мұрагерлігін таңдау керек екенін көрсетеді.

Түйінді сөздер: акционердің қайтыс болуы, акциялардың мұрагері, компанияның мұрагері, жауапкершілігі шектеулі серіктестік, салыстырмалы жеке құқық.

© Каспер Бош¹

¹ Университет Ягеллон, Краков, Польша
(E-mail: ¹kasper.bos@queens.ox.ac.uk)

ПРАВОПРЕЕМСТВО АКЦИЙ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа процесса наследования акций польского общества с ограниченной ответственностью (spółka z ograniczoną odpowiedzialnością). Сравнительное исследование основано на нормативных актах Германии и США, касающихся компаний, которые по своим характеристикам наиболее близки к польским обществам с ограниченной ответственностью. По немецкому законодательству это Gesellschaft mit beschränkter Haftung, тогда как по законодательству США – компания с ограниченной ответственностью, деятельность которой регулируется пересмотренным Единым законом об обществах с ограниченной ответственностью, который был принят во многих штатах США. Анализ, проведенный в данной статье, позволяет сделать вывод о том, что решения, касающиеся правопреемства акций в обществе с ограниченной ответственностью, применяемые в польской правовой системе, по-видимому, находятся между немецкими и американскими

нормативными актами. К сожалению, польское законодательство в конечном счете также оказывается неполным из-за очень лаконичной формулировки статьи 183 Кодекса о коммерческих компаниях Польши, что приводит ко многим значительным юридическим проблемам. Одним из наиболее важных из них является вопрос о правовой природе частной доли, которая в доктрине и судебной системе считается «относительно наследуемым правом». Сравнительный анализ, проведенный в этой статье, показывает, что было бы желательно изменить польское законодательство и сделать выбор в пользу обязательного наследования акций, как это предусмотрено законодательством Германии.

Ключевые слова: смерть акционера, наследование акций, правопреемство компании, общество с ограниченной ответственностью, сравнительное частное право.

Автор туралы мәліметтер:

Сведения об авторе:

Information about author:

Каспер Бош - хат-хабарларға арналған автор, LL.M (АҚШ), заң магистрі (Польша), Ягеллон университетінің бас зерттеушісі, Р. Ингарден көшесі, 6, 30-060, Краков, Польша Республикасы.

E-mail: kacper.bos@queens.ox.ac.uk; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9207-7253>.

Каспер Бош - автор для корреспонденции, LL.M (США), магистр права (Польша), главный исследователь Ягеллонского университета, улица Р. Ингардена, 6, 30-060, Краков, Польская Республика.

E-mail: kacper.bos@queens.ox.ac.uk; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9207-7253>.

Kacper Boś - corresponding authors, LL.M (the USA), Master in Laws (Poland), Principal Investigator at the Jagiellonian University, 6 Ingarden Street, 30-060, Krakow, Republic of Poland.

E-mail: kacper.bos@queens.ox.ac.uk; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9207-7253>.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НОМЕР 3(2025), 143-155

УДК 347.961
ГРНТИ 10.27.51
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_143
Научная статья

© Г.О. Такишева^{1*}, 2025

¹ Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан, Астана, Казахстан
(E-mail: tgo_170380@mail.ru)

МОЖНО ЛИ ВЗЫСКАТЬ ДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ ИЛИ ЭТО ЕЩЕ ОДИН «ПРОБЕЛ» НАШЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА?

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема практической реализации положений статьи 92-1 Закона Республики Казахстан «О нотариате», допускающей возможность истребования движимого имущества по исполнительной надписи нотариуса. Несмотря на то, что указанная норма, действует с 2016 года, нотариальная практика демонстрирует практически полное отсутствие возможности её применения в практической деятельности нотариусов. В статье анализируются причины сложившейся ситуации, которые кроются в явных пробелах действующего законодательства, в отсутствии четко регламентированной процедуры, необходимой для реализации взыскания движимого имущества.

В нотариальной практике, трудности возникают как в правовой неопределенности порядка истребования движимого имущества, так и невозможности объективного определения рыночной стоимости имущества для расчета нотариального тарифа. Автор заостряет внимание читателей на коллизиях, возникших между законами Республики Казахстан «О нотариате» и «О финансовом лизинге» которые заводят нотариусов и взыскателей в «тупиковую» ситуацию, которая к тому же усложняется и юридической спецификой договора финансового лизинга, являющегося по своей природе многосторонней сделкой, содержащей в себе элементы как договора купли-продажи, так и договора аренды. О спорной природе договора лизинга, ее предмете, правах и обязанностях сторон, мерах ответственности в юридической литературе не однократно поднимались различные дискуссии, что также бросает тень на факты возможной «бесспорности», по которым возможно совершение исполнительной надписи. В своем исследовании автор приходит к выводу о необходимости незамедлительных законодательных изменений, направленных на устранение существующих пробелов и противоречий. Предлагается разработать отдельные нормы, регламентирующие порядок совершения исполнительной надписи по требованиям, связанным с истребованием движимого имущества, а также установить механизм определения и взыскания нотариального тарифа по ним. Устранение указанных недостатков в действующем законодательстве позволит расширить возможности внесудебного взыскания задолженности и повысит эффективность исполнительной надписи.

Ключевые слова: нотариат, исполнительная надпись, внесудебные механизмы взыскания, бесспорные требования, нотариальные действия, договор лизинга.

* Автор для корреспонденции. E-mail: tgo_170380@mail.ru.

Введение.

Статья 92-1 Закона Республики Казахстан «О нотариате» (далее – Закон о нотариате) позволила гражданам и юридическим лицам, обратить взыскание по возникшей задолженности не только на деньги, но и истребовать иное движимое имущество от должника путем совершения исполнительной надписи нотариуса. Пункт 1 рассматриваемой статьи звучит следующим образом: «Для взыскания денег или истребования иного движимого имущества от должника нотариус совершает исполнительную надпись в электронном виде посредством единой нотариальной информационной системы при предъявлении подлинного документа, устанавливающего задолженность, на котором делается соответствующая отметка»¹. Буквальное толкование данной нормы однозначно свидетельствует о возможности истребования с должника иного движимого имущества, но возможно ли такое на практике?

Анализ нотариальной практики и статистических данных нотариальных палат, свидетельствует о том, что нотариусы практически не совершают исполнительные надписи в части «истребования движимого имущества». И проблема здесь не в отсутствии обращений взыскателей к нотариусам по данному виду нотариального действия. Исполнительная надпись нотариуса, за годы ее применения, стала достаточно востребованным и эффективным инструментом, позволяющим субъектам права, без сложных и затяжных судебных споров и разбирательств взыскивать с должников, возникшую задолженность по бесспорным требованиям.

Хотелось бы, в данной статье, обратить внимание юридической общественности, на возникшие в нотариальной практике проблемы, а точнее «пробелы» в законодательстве, которые не позволяют данному нотариальному действию «заработать» в полной мере.

Материалы и методы.

Настоящее исследование основано на комплексном подходе

к изучению правовой нормы, содержащейся в статье 92-1 Закона о нотариате, и анализа практики её применения. В качестве источников использовались нормативные правовые акты, официальные статистические сведения, материалы нотариальной практики, а также научные публикации казахстанских и зарубежных ученых в области гражданского права. В ходе исследования были применены следующие методы научного познания: **формально-юридический метод**, с помощью которого осуществлялось буквальное и системное толкование правовых норм; **сравнительно-правовой метод**, позволивший выявить расхождение между нормативной моделью и фактическим правоприменением; **логико-аналитический метод**, применённый для выявления внутренних противоречий в правовом регулировании; **эмпирический метод**, использованный при сборе и интерпретации статистических данных нотариальной деятельности. Применение указанных методов позволило выявить нормативные и практические ограничения, препятствующие полноценной реализации положений статьи 92-1 Закона о нотариате в части истребования движимого имущества по исполнительной надписи нотариуса, и обосновать необходимость законодательных изменений.

Результаты, обсуждение.

Любое нотариальное действие характеризуется наличием особой процедуры, установленной законом, облечением его в установленную форму, отсутствие или нарушение которой, может повлечь ее спорность и породить негативные юридические последствия, как для лиц, обратившихся за совершением нотариального действия, так и для самого нотариуса. В части совершения исполнительной надписи нотариуса, наличие четкого алгоритма и установление регламентированной процедуры ее совершения играет особое значение. Исполнительная надпись совершается по бесспорным требованиям, поэтому отсутствие четкой

¹ Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 года №155-І. «О нотариате». // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000155_ (дата обращения: 28.07.2025).

процедуры однозначно будет ставить под сомнение ее основную характеристику - «беспорность».

Законодатель, определил десять «беспорных» требований, перечень которых является исчерпывающим и содержится в пункте 2 статьи 92-1 Закона о нотариате. Для более тщательного анализа рассматриваемой в настоящей статье проблемы, необходимо обратиться к содержанию закрепленных в законе о нотариате норм. Так из десяти требований, изложенных в пункте 2 статьи 92-1 Закона о нотариате, два требования позволяют обратиться взыскание на движимое имущество. Это подпункт 4 и 5 пункта 2 статьи 92-1 Закона о нотариате:

4) об истребовании предмета лизинга в соответствии с договором лизинга или законами Республики Казахстан;

5) об обращении взыскания на предмет залога по истечении срока возврата кредита, предъявленного ломбардом к должнику-залогодателю»².

Содержание перечисленных выше требований, позволяет сделать вывод о том, что граждане и юридические лица могут обратиться взыскание и истребовать движимое имущество.

Статья 117 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) дает следующее определение понятию движимого имущества: «Имущество, не относящееся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законодательных актах»³. К недвижимости гражданское законодательство относит земельные участки, здания, сооружения, многолетние насаждения и иное имущество, прочно связанное с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно. Квартиры и иные жилые помещения, а также нежилые помещения, находящиеся в составе объекта кондоминиума, признаются самостоятельными объектами (видами) недвижимости, если они находятся в индивидуальной (раздельной) собствен-

ности.

Так методом от обратного, можем предположить, что все что можно переместить в пространстве без «несоразмерного ущерба их назначению» будет являться движимым имуществом. К примеру: транспортные средства, ювелирные изделия, и т.п. Деление имущества на движимое и недвижимое в рассматриваемом случае имеет существенное практическое значение. Но в юридической науке, как и на практике решение вопроса об отнесении имущества к движимым и недвижимым вызывает массу дискуссий, и не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. В своем исследовании, О.Ю. Скворцов приходит к следующему выводу «определение недвижимости при помощи нескольких абстрактных признаков – прочная связь с землей», «невозможность перемещения без несоразмерного ущерба назначению» – может вызвать трудности у правоприменителя. Исползованные законодателем формулы имеют оценочный характер и фактически отданы на усмотрение правоприменителя» [1, с. 32-33].

Для совершения исполнительной надписи основным признаком является беспорность заявленного взыскателем требования. В рассматриваемом случае, во избежание споров и судебных тяжб, имело бы большое практическое значение закрепление в норме закона, и конкретизация какое именно движимое имущество может быть истребовано по указанным основаниям.

По подпункту 4 и по подпункту 5 пункта 2 статьи 92-1 Закона о нотариате, взыскатель может истребовать предмет лизинга, в соответствии с договором лизинга и обратиться взыскание на предмет залога по истечении срока возврата кредита, предъявленного ломбардом к должнику-залогодателю. Очень перспективная и рабочая норма в нотариальной практике оказалась совсем не «рабочей», и не потому, что взыскатели не обращаются, а потому что исполнители закона, нотариусы, на практике не могут притворить в жизнь эту норму. Об этом свидетельствуют и статисти-

² Там же.

³ Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года №268-ХІІІ. Гражданский кодекс Республики Казахстан // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 28.07.2025).

ческие данные. К примеру, в 2019 году из 752944 исполнительных надписей, совершенных по всему Казахстану, по подпункту 4 пункта 2 статьи 92-1 Закона о нотариате было совершено всего 19 исполнительных надписей, а по подпункту 5 об обращении взыскания на предмет залога было совершено 61143, из них большая часть была совершена в Алматы 54907 надписи, по Астане всего 5288, а в Шымкенте всего 10 исполнительных надписей⁴. Для сравнения взяты крупные города Казахстана

В 2020 году из 802869 нотариальных действий по подпункту 4 пункта 2 статьи 92-1 Закона о нотариате было совершено всего 9554 исполнительных надписей по городу Алматы и 1 исполнительная надпись в городе Шымкент, в остальных

регионах не было совершено ни одной исполнительной надписи по истребованию предмета лизинга, а по подпункту 5 об обращении взыскания на предмет залога было совершено 122205, из них большая часть была совершена в Алматы 103388 надписи, по Астане всего 996, а в Шымкенте – 57 исполнительных надписей⁵.

Из сведений в отношении совершенных частными нотариусами исполнительных надписей за 2021-2024 год, опубликованных Республиканской нотариальной палатой в Научно-практическом журнале «Бюллетень нотариуса» за соответствующие годы представляю сравнительную таблицу 1 для обозрения.^{6,7,8,9}

Общее количество, совершенных исполнительных надписей по требованиям об истребовании иного движимого имущества по Республике Казахстан за период 2021 – 2024 годы

Период	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
Общее количество действий в году по Казахстану	1277195	1678146	2022335	1488116
Из них:				
По пп. 4.п.2 ст. 92-1 Закона о нотариате: об истребовании предмета лизинга в соответствии с договором лизинга или законами Республики Казахстан;	29	37	31	1323
По пп. 5.п.2 ст. 92-1 Закона о нотариате: об обращении взыскания на предмет залога по истечении срока возврата кредита, предъявленного ломбардом к должнику-залогодателю.	1340	1504	690	643

Таблица 1.

⁴ Научно-практический журнал Республиканской нотариальной палаты «Бюллетень нотариуса. 1» 2020» // URL: <https://npaktobe.kz/storage/app/media/bul/2020/bn1-2020.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ Научно-практический журнал Республиканской нотариальной палаты «Бюллетень нотариуса. 1» 2021» // URL: <https://www.jambyl-notariat.kz/wp-content/uploads/2021/12/%D0%91%D0%9D-1-2021.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

⁶ Научно-практический журнал Республиканской нотариальной палаты «Бюллетень нотариуса. 1» 2022». // URL: <https://www.jambyl-notariat.kz/wp-content/uploads/2022/09/%D0%91%D0%9D-1-2022-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

⁷ Научно-практический журнал Республиканской нотариальной палаты «Бюллетень нотариуса. 1» 2023». // URL: <https://www.jambyl-notariat.kz/wp-content/uploads/2023/03/%D0%91%D0%9D-1-2023-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

⁸ Научно-практический журнал Республиканской нотариальной палаты «Бюллетень нотариуса. 1» 2024». // URL: <https://notpalata-nursultan.kz/media/%D0%91%D0%9D-1-2024.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

⁹ Научно-практический журнал Республиканской нотариальной палаты «Бюллетень нотариуса. 1» 2025». // URL: <https://notpalata-nursultan.kz/media/%D0%91%D0%9D-1-2025-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

Приведенные выше цифры являются доказательством того, что очень мало совершается исполнительных надписей по указанным требованиям, и в основной своей массе они совершаются по взысканию задолженности в денежном выражении, а не об истребовании имущества, ввиду отсутствия четких законодательно закрепленных процедур. Действующие нормы закона, а именно глава 14 Закона о нотариате, определяет процедуру и порядок совершения исполнительной надписи в целом, относящуюся ко всем десяти бесспорным требованиям. Действующие нормы Закона о нотариате и правил совершения нотариальных действий нотариусами определяют общие правила и порядок совершения исполнительной надписи как в отношении взыскания денежных средств, так и в отношении взыскания движимого имущества. Нет отдельного порядка или отдельных норм, регулирующих процедуру взыскания движимого имущества, что на практике приводит к невозможности реализации данной нормы. В практической деятельности нотариус сталкивается с массой неразрешимых задач, которые не могут быть устранены ввиду наличия тех или иных пробелов в законодательстве.

Рассмотрим ситуацию на примере возможности истребования предмета лизинга в соответствии с договором лизинга. Лизинговые отношения регулируются ГК РК и Законом РК от 5 июля 2000 года «О финансовом лизинге»¹⁰ (далее – Закон о финансовом лизинге) ГК РК выделяет лизинг, как отдельный вид договора имущественного найма. Статья 565 ГК РК дает определение договора лизинга, согласно которого «лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у продавца и предоставить лизингополучателю это имущество во временное владение и пользование за плату». Законодатель не ограничивает предмет лизинга, указывая что

«предметом лизинга могут быть здания, сооружения, машины, оборудование, инвентарь, транспортные средства, земельные участки и любые другие не потребляемые вещи. Предметом лизинга может быть движимое имущество, являющееся предметом залога»¹¹. Исключение составляют ценные бумаги и природные ресурсы, которые предметом лизинга быть не могут.

Закон о финансовом лизинге, характеризует «лизинг, как вид инвестиционной деятельности, при которой лизингодатель обязуется передать приобретенный в собственность у продавца и обусловленный договором лизинга предмет лизинга лизингополучателю за определенную плату и на определенных условиях во временное владение и пользование на срок более одного года»¹².

Из буквального толкования вышеприведенных норм, видны противоречия, возникшие в юридической технике изложения указанных норм ГК РК и Закона о финансовом лизинге, где в первом случае «лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у продавца», а во втором «лизингодатель обязуется передать приобретенный в собственность у продавца и обусловленный договором лизинга предмет лизинга лизингополучателю». Проблемы, возникающие в правоприменительной практике, неоднократно поднимались как учеными правоведами, так и юристами практиками. Профессор, д.ю.н., К.М. Ильясова и А.Е. Дуйсенова в комментарии к § 2 «Лизинг» главы 29 ГК РК (Особенная часть) указывают на нечеткость и несогласованность изложения данных норм [2].

В юридической практике встречается различное оформление договоров лизинга. К примеру, договоры лизинга могут быть оформлены как при помощи двух взаимосвязанных договоров: договора купли-продажи (между

¹⁰ Закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 года №78. «О финансовом лизинге» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000078_ (дата обращения: 31.07.2025).

¹¹ Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года №268-ХІІІ. Гражданский кодекс Республики Казахстан // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 28.07.2025).

¹² Закон Республики Казахстан от 5 июля 2000 года №78. «О финансовом лизинге» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000078_ (дата обращения: 31.07.2025).

лизингодателем и продавцом) и договора лизинга (между лизингодателем и лизингополучателем), так и другим не менее распространенным способом оформления лизинга - возможностью оформления обязательств между лизингодателем, продавцом предмета лизинга и лизингополучателем одним договором лизинга. При совершении исполнительной надписи, к нотариусам взыскатели -лизингодатели обращаются как с двусторонними договорами, оформленными отдельно, так и с многосторонними договорами лизинга. Для совершения исполнительной надписи форма оформления договора лизинга имеет большое практическое значение, так как от этого зависит субъектный состав стороны - взыскателя, обратившегося к нотариусу с правом истребования предмета лизинга. Вопросы и меры ответственности сторон договора лизинга затронуты в статье А.Е. Дуйсеновой «Последствия нарушения договора лизинга», которая отмечает «что вопросы бесспорного истребования предмета лизинга являются одними из дискуссионных в цивилистической литературе, посвященной исследованию договора лизинга, в силу того, что до сих пор не ясной остается правовая природа таких последствий нарушения условий договора лизингополучателем, а их законодательное урегулирование сопряжено с массой противоречий» [3]. Аналогичного мнения придерживается М.С. Уакпаев, «вся проблема заключается в том, что изъятие предмета лизинга ни в коем случае нельзя отнести к категории бесспорных дел... Такого же мнения придерживается и Верховный Суд, ... поскольку истребование предмета лизинга является спором имущественного характера и возможно лишь в судебном порядке, в порядке искового производства» [4, с. 30-31].

Как правило за совершением исполнительной надписи о взыскании просроченных лизинговых платежей, обращаются лизингодатели, в этом случае особых проблем с совершением исполнительной надписи нотариуса не возникает, сложность заключается в истребовании движимого имущества, предмета лизинга в бесспорном порядке, опре-

деленных пунктом 2 статьи 24 Закона о финансовом лизинге¹³.

Исследуемая норма свидетельствует о том, что исполнительная надпись нотариуса может быть совершена лишь в отношении движимого имущества, являющегося предметом лизинга.

Законодателем четко определены конкретные случаи, когда предмет лизинга может быть истребован в бесспорном порядке. Статьей 24 Закона о финансовом лизинге установлено, что «лизингодатель имеет право бесспорного истребования предмета лизинга в следующих случаях:

1) если использование предмета лизинга лизингополучателем не соответствует условиям договора лизинга или назначению предмета лизинга;

2) если лизингополучатель ограничивает доступ лизингодателя к предмету лизинга;

3) если лизингополучатель два и более раза подряд в сроки, предусмотренные договором, не вносит лизинговый платеж по договору лизинга в установленном объеме»¹⁴.

Первое противоречие, с которым сталкивается нотариус, это то, что пункт 3 статьи 24 Закона о финансовом лизинге вступает в прямое противоречие с подпунктом 4 пункта 2 статьи 92-1 Закона о нотариате устанавливая, что «бесспорное истребование предмета лизинга осуществляется в порядке приказного производства в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан». Видимо законодатель «забыл» привести в соответствие действующему законодательству данную норму закона, так как данное положение закона, как основание вынесение судебного приказа было исключено из статьи 135 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан еще в 2019 году, законом Республики Казахстан от 21 января 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

законодательства»¹⁵. Однако, этот серьезный законодательный «ляп», вводит в замешательство не только нотариусов, но и взыскателей, вызывая недоумение, при определении порядка обращения. Малочисленные обращения к нотариусу в части истребования предмета лизинга являются скорее всего показателем обращений в суд за вынесением судебного приказа. Однако, это не единственная проблема, с которой сталкивается нотариус. Это именно те основания, которые приводят к отказу нотариусом в совершении исполнительной надписи по указанному требованию и вынесению постановления об отказе в совершении нотариального действия. В соответствии с пунктом 223 Правил совершения нотариальных действий нотариусами¹⁶, при истребовании предмета лизинга, в соответствии с договором лизинга или законами Республики Казахстан, представляются: «договор лизинга; письменное предупреждение о возможном истребовании предмета лизинга, направленное лизингополучателю не менее чем за один месяц до подачи заявления и документ, подтверждающий его направление; документы, подтверждающие фактическую уплату лизинговых платежей лизингополучателем».

Совершение любого нотариального действия возможно только при предъявлении всех необходимых для этого действия документов и оплаты нотариальных действий частного нотариуса. И если предоставление нотариусу пакета документов, предусмотренного пп.4. п.223 Правил не является затруднительным, то вот в части оплаты нотариального тарифа по рассматриваемому требованию возникают определенные проблемы.

В соответствии с пунктом 22-1) статьи 30-1 Закона о нотариате установлена оплата услуг правового и технического характера при совершении нотариальных действий частным нотариусом. За совершение исполнительной надписи, взыскатель, в данном случае лизингодатель, являющийся юридическим лицом, должен оплатить нотариусу один процент от взыскиваемой суммы или рыночной стоимости истребуемого иного движимого имущества, но не менее 1-месячного расчетного показателя и не более 100-месячных расчетных показателей¹⁷.

Из смысла данной нормы, для истребования предмета лизинга, взыскатель должен оплатить нотариусу один процент от рыночной стоимости истребуемого движимого имущества. Как и на основании каких документов лизингодатель нотариус должен определить рыночную стоимость? Закон Республики Казахстан «Об оценочной деятельности в Республике Казахстан»¹⁸ дает определение рыночной стоимости, как расчетной денежной суммы, за которую состоялся бы обмен актива на дату оценки между заинтересованным лицом и продавцом в результате коммерческой сделки после проведения надлежащего маркетинга, при которой каждая из сторон действовала бы, будучи хорошо осведомленной, расчетливо и без принуждения. Этот же закон определяет, что дата оценки – это день или период времени, на который определяется возможная рыночная или иная стоимость объекта оценки. Таким образом, из смысла указанных действующих норм законодательства, можно сделать вывод о том, что взыскатель на дату обращения к нотариусу за совершением

¹⁵ Закон Республики Казахстан от 21 января 2019 года №217-VI ЗРК. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000217> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶ Приказ Министра юстиции Республики Казахстан от 31 января 2012 года №31. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 28 февраля 2012 года №7447. Об утверждении Правил совершения нотариальных действий нотариусами // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1200007447> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷ Закон Республики Казахстан от 14 июля 1997 года №155-І. «О нотариате». // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000155_ (дата обращения: 28.07.2025).

¹⁸ Закон Республики Казахстан от 10 января 2018 года №133-VI ЗРК. «Об оценочной деятельности в Республике Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000133> (дата обращения: 01.08.2025).

исполнительной надписи должен определить рыночную стоимость предмета лизинга, путем проведения оценки ее рыночной стоимости и предъявить нотариусу отчет об оценке, чтобы нотариус имел возможность начислить и взыскать оплату услуг правового и технического характера при совершении нотариального действия и приступить непосредственно к совершению нотариального действия. Как правило лизингодатели, на дату обращения к нотариусу, не имеют на руках отчетов об оценке предмета лизинга, к тому же закон о нотариате не обязывает взыскателя предоставлять таковой документ и нотариус, в свою очередь, не вправе требовать от обратившегося лица предоставления отчета об оценке. Возникает тупиковая ситуация, как в этом случае, нотариус должен определить сумму нотариального тарифа, ведь закон ему предписывает взыскать оплату исходя из рыночной стоимости истребуемого движимого имущества. Кроме того, «расходы, выплаченные взыскателем нотариусу при совершении исполнительной надписи в качестве государственной пошлины и за услуги правового и технического характера, подлежат отнесению на должника» (ст. 30-1 Закона). Если в случае с начислением оплаты, которая будет отнесена на должника не будет определенности, то однозначно это будет поводом для возражений со стороны должника и обжалования действий нотариуса.

Допустимо, что лизингодатели готовы будут изготовить отчет об оценке с определением рыночной стоимости предмета лизинга, но как правило это дополнительные расходы, связанные с проведением оценки, которые нотариус не может включить в расходы взыскателя, связанные с совершением исполнительной надписи и отнести ее на должника. Данная ситуация приводит к увеличению расходов взыскателя, и соответственно исполнительная надпись теряет свою привлекательность с точки зрения экономичности, доступности и срочности ее совершения. Но если даже предположить, что отчет об оценке будет представлен взыскателем нотариусу, то насколько можно утверждать о

бесспорности данного документа. Если при совершении исполнительной надписи, мы фокусируем свое внимание на бесспорности заявленного требования, то необходимо исключить любые возможные факторы спорности представленных документов. Может ли нотариус, в данном конкретном случае отнести отчет об оценке к бесспорным документам? Полагаю, что нет! При составлении отчета об оценке, оценщики используют различные подходы к оценке, с использованием одного или нескольких методов оценки. И если нотариус, основываясь на предъявленный отчет об оценке, взыщет нотариальный тариф, который в последствии подлежит удержанию с должника, то данная ситуация, дает должнику абсолютное основание возражать против совершенной исполнительной надписи даже в части взысканного нотариального тарифа, не переходя к сути самого требования. Законодательная привязка оплаты нотариального действия, в части совершения исполнительной надписи нотариуса, к рыночной стоимости истребимого движимого имущества привела на сегодняшний день к нотариальной практике отказов со стороны нотариусов в совершении исполнительных надписей в части истребований движимого имущества. В рассматриваемой ситуации логичным и вполне законным требованием становится требование лизингодателя, связанное с взысканием суммы просроченных лизинговых платежей, нежели истребования самого предмета лизинга. Необходимо устранить возникшие юридические коллизии и привести их в соответствие. На законодательном уровне требует своего разрешения ситуация, связанная с возможностью истребования движимого имущества путем совершения исполнительной надписи. Аналогичная ситуация происходит и с обращением взыскания на предмет залога по пп. 5) п.2. ст. 92-1 Закона о нотариате «об обращении взыскания на предмет залога по истечении срока возврата кредита, предъявленного ломбардом к должнику-залогодателю». Если обратиться к опыту России в этом вопросе, то обращение взыскания

на заложенное имущество выведено в отдельную главу XVI.1., которая регламентирует порядок и особенности совершения исполнительной надписи об обращении взыскания на заложенное имущество¹⁹. В своей статье Соколов Г.Г. изучает особенности, установленные в указанной главе XVI.1: «При обращении взыскания на заложенное имущество необходимо одновременное соблюдение следующих условий: 1) сумма неисполненного обязательства составляет не менее 5 % от размера стоимости заложенного имущества; 2) период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет не менее чем три месяца ... Совершение исполнительной надписи на договоре о залоге происходит в случае, если залогодатель в течение 14 дней с момента получения направленного в его адрес предложения исполнить обеспеченное залогом обязательство не представил доказательства исполнения или отсутствия основания для исполнения обязательства, а также доказательства принятия судом обеспечительных мер в отношении данного имущества (ст. 94.3 Основ). Соответственно, для обращения взыскания на предмет залога с точки зрения соблюдения сроков кредитор необходимо убедиться, что период просрочки обеспеченного залогом обязательства составляет не менее чем три месяца и что с момента получения залогодателем уведомления прошло 14 календарных дней. Представляется, что установление иных сроков в соглашениях между сторонами не будет основанием для их применения ввиду императивности указанных норм» [5]. Мнение А.М. Коновалова в этом вопросе такого, что «должник, получивший вышеприведенное предложение, имеет полное право направить нотариусу свои возражения... При получении от должника таких возражений нотариус обязан будет отказать в совершении нотариального действия» [6]. Однако указанное утверждение, на мой взгляд, является не совсем правильным, так как бесспорность – это объективный критерий требований взыскателя, который не может зависеть от формального возражения должника по

указанному требованию.

В Правилах совершения нотариальных действий нотариусами, закреплена еще одна норма, которая закреплена лишь для виду, так как и вовсе отсутствует механизм ее реализации, и это норма закреплённая в пункте 233 Правил «При обращении за совершением исполнительной надписи взыскателя, освобожденного от уплаты государственной пошлины и/или услуг правового и технического характера, обязанность по их уплате возлагается на должника». В данной ситуации, законодатель по сути предлагает нотариусу отработать бесплатно, так как если разобраться, то при обращении к нотариусу взыскателя, имеющего льготы, установленные законом, нотариус обязан освободить его от оплаты, но указать что данная сумма возлагается на должника, но не в содержании исполнительной надписи, и ни в одной другой норме закона о нотариате порядок возмещения суммы нотариусу не оговорен. То ли должник сам должен прийти к нотариусу и оплатить указанные суммы, то ли судебный исполнитель должен удержать их и вернуть нотариусу не понятно. По общему правилу, судебный исполнитель, взыскивая сумму основного долга, также взыскивает и суммы расходов, оплаченные взыскателем нотариусу, и перечисляет их на счет взыскателя, а механизм и последовательность взыскания этих платежей в отношении нотариуса, к сожалению, законодательно не определен. Указанные выше пробелы действующего законодательства, порождают негативные последствия для наших граждан, подрывают доверие населения к институту нотариата, призванного защищать права и законные интересы юридических и физических лиц.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что несмотря на наличие в законодательстве Республики Казахстан положений, допускающих возможность истребования движимого имущества на основании исполнительной надписи

¹⁹ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» 11 февраля 1993 г. N4462-1 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=488259&ysclid=megska8h8d13550702#h2364> (дата обращения 18.08.2025).

нотариуса, при реализации этой нормы на практике, нотариус сталкивается с рядом серьезных препятствий. Главной проблемой является отсутствие детальной, специальной процедуры совершения исполнительной надписи в случаях, когда объектом взыскания выступает движимое имущество, а не денежные средства. Унифицированная процедура, установленная главой 14 Закона о нотариате, ориентирована преимущественно на денежные требования и не учитывает особенности истребования движимого имущества, как, например, предметов лизинга или заложенного имущества. Это создает правовую неопределённость для нотариуса, ограничивает возможности взыскателя и делает невозможным полную реализацию законных механизмов внесудебного взыскания.

Привязка исчисления нотариального тарифа к рыночной стоимости истребуемого движимого имущества, приводит к невозможности корректного исчисления стоимости нотариального тарифа и, как следствие, вынуждает нотариусов отказывать в совершении исполнительной надписи. Установленные в законодательстве обязанности нотариуса по взиманию платы с учётом рыночной стоимости не подкреплены правом требовать представления отчёта об оценке, а сам отчёт, будучи документом с оценочным характером, не может быть признан бесспорным. Это противоречит ключевому принципу исполнительной надписи – бесспорности требований. Анализ положений законодательства о финансовом лизинге также показывает несогласованность норм, касающихся порядка истребования предмета лизинга. Право лизингодателя на внесудебное истребование имущества вступает в противоречие с положениями других актов, что ещё более усиливает неуверенность нотариуса при оценке правовой ситуации и формирует высокий риск признания его действий

незаконными.

Таким образом, в результате проведенного исследования, представляется необходимым:

1. устранить законодательные коллизии между Законом о нотариате и Законом о финансовом лизинге приведя их в соответствие действующему законодательству, а именно исключить пункт 3 статьи 24 Закона о финансовом лизинге, в части вынесения судебного приказа;

2. разработать и утвердить специальный порядок совершения исполнительной надписи в отношении движимого имущества, с учетом особенностей взыскания движимого имущества, с учетом опыта Российской Федерации.

3. исключить привязку нотариального тарифа к рыночной стоимости движимого имущества;

4. предусмотреть на законодательном уровне компенсацию расходов нотариуса при обращении за совершением исполнительной надписи взыскателя, освобожденного от уплаты государственной пошлины и/или услуг правового и технического характера. На законодательном уровне разработать и закрепить механизм оплаты тарифа, возложенного на должника при обращении за совершением исполнительной надписи взыскателя, освобожденного от уплаты государственной пошлины и/или услуг правового и технического характера.

Без своевременного реагирования на выявленные пробелы и противоречия законодательство будет и далее создавать иллюзию существующего правового механизма, который на практике остаётся нефункциональным. Развитие института исполнительной надписи требует не только нормативного, но и концептуального пересмотра его роли в системе защиты имущественных прав граждан и юридических лиц в досудебном порядке.

Список литературы:

1. Скворцов, О.Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте: учеб.-практ. пособие // О.Ю. Скворцов // - М.: Волтер Клувер, 2006. - 368 с.
2. Комментарий к §2 «Лизинг» главы 29 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Особенная часть) (д.ю.н., профессор К.М. Ильясова, А.Е. Дуйсенова) //

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39970948&ysclid=mds5h28s8i983291463&pos=5;-93#pos=5;-93 (дата обращения: 01.08.2025).

3. Дуйсенова, А.Е. «Последствия нарушения договора лизинга» // А.Е. Дуйсенова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38440651&ysclid=mdssyeeg9m606023087&pos=6;-118#pos=6;-118 (дата обращения: 01.08.2025).

4. Уакпаев, М.С. Проблемы совершенствования законодательства о лизинге // М.С. Уакпаев // Юрист. - 2004. - №2. - С. 30-31.

5. Соколов, Г.Г. Особенности внесудебного взыскания задолженности с использованием исполнительной надписи нотариуса. // Г.Г. Соколов // 15 Электронное приложение к «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ». - №3/2022. - С. 15-22. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/vebin/Downloads/osobennosti-vnesudebnogo-vzyskaniya-zadolzhennosti-s-ispolzovaniem-ispolnitelnoy-nadpisi-notariusa.pdf>.

6. Коновалов, А.М. Исполнительная надпись нотариуса как инструмент для злоупотребления правом // А.М. Коновалов // Нотариус. - 2021. - №2. - С. 3–5.

© Г.О.Такишева¹, 2025

¹ Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесі жанындағы
Сот төрелігі академия, Астана, Қазақстан
(E-mail: tgo_170380@mail.ru)

ЖЫЛЖЫМАЛЫ МҮЛІКТІ АТҚАРУШЫЛЫҚ ЖАЗБА АРҚЫЛЫ ӨНДІРІП АЛУҒА БОЛА МА, ӘЛДЕ БҰЛ ЗАҢНАМАДАҒЫ ТАҒЫ БІР ОЛҚЫЛЫҚ ПА?

Аннотация. Осы мақалада Қазақстан Республикасының «Нотариат туралы» Заңының 92-1-бабының жылжымалы мүлікті нотариустың атқарушылық жазбасы арқылы талап ету мүмкіндігін көздейтін нормасын іс жүзінде қолдану мәселесі қарастырылады. Аталған норма 2016 жылдан бері қолданыста болғанына қарамастан, нотариалдық практикада оны іс жүзінде жүзеге асыру мүмкіндігі жоқтың қасы.

Мақалада бұл жағдайдың себептері талданады. Олар қолданыстағы заңнаманың айқын олқылықтарынан және жылжымалы мүлікті өндіріп алу рәсімін нақты реттейтін тәртіптің болмауынан туындайды. Нотариалдық тәжірибеде қиындықтар мүлікті талап ету тәртібінің құқықтық тұрғыдан анық болмауынан, сондай-ақ нотариалдық тарифті есептеу үшін мүліктің нарықтық құнын объективті айқындаудың мүмкін еместігінен туындайды.

Автор Қазақстан Республикасының «Нотариат туралы» және «Қаржылық лизинг туралы» заңдары арасындағы қайшылықтарға ерекше назар аударады. Бұл қайшылықтар нотариустар мен өндіріп алушыларды тығырыққа тірейді. Жағдайды күрделендіретіні – қаржылық лизинг шартының құқықтық табиғаты, ол сатып алу-сату және жалдау шарттарының элементтерін қамтитын көпжақты мәміле болып табылады. Лизинг шартының даулы сипаты, оның нысанасы, тараптардың құқықтары мен міндеттері, жауапкершілік шаралары туралы заң әдебиеттерінде бірнеше рет пікірталастар қозғалған, бұл атқарушылық жазбаны жасау үшін қажет «даусыздық» талабына күмән келтіреді.

Автор қолданыстағы олқылықтар мен қайшылықтарды жоюға бағытталған шұғыл заңнамалық өзгерістер қажет деген қорытындыға келеді. Жылжымалы мүлікті өндіріп алу туралы талаптар бойынша атқарушылық жазбаны жасаудың тәртібін және нотариалдық тарифті айқындау мен өндіріп алу механизмін реттейтін жеке нормаларды әзірлеу ұсынылады. Аталған кемшіліктерді жою соттан тыс берешекті өндіріп алу механизмін кеңейтіп, атқарушылық жазбаның тиімділігін арттырады.

Түйінді сөздер: нотариат, атқарушылық жазба, соттан тыс өндіріп алу тетіктері, даусыз талаптар, нотариаттық әрекеттер, лизинг шарты.

© G.O. Takisheva¹, 2025

¹Academy of Justice under the High Judicial Council of the
Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
(E-mail: tgo_170380@mail.ru)

IS IT POSSIBLE TO REPOSSESS MOVABLE PROPERTY THROUGH A NOTARIAL WRIT OF EXECUTION, OR JUST ANOTHER LEGISLATIVE OVERSIGHT?

Abstract. This article addresses the issue of practical implementation of Article 92-1 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Notariat,” which allows for the recovery of movable property through a notary’s enforcement inscription. Although this legal provision has been in force since 2016, notarial practice shows an almost complete lack of its application in practice.

The article analyzes the reasons behind this situation, which stem from significant gaps in current legislation and the absence of a clearly regulated procedure necessary to carry out the recovery of movable property. In notarial practice, difficulties arise both from legal uncertainty regarding the procedure for recovering movable property and from the inability to objectively determine the market value of the property for the calculation of the notarial fee.

The author draws attention to the legal conflicts between the Laws of the Republic of Kazakhstan “On Notariat” and “On Financial Leasing,” which place notaries and creditors in a deadlock. This issue is further complicated by the legal nature of financial leasing agreements, which are multilateral contracts combining elements of both sales and lease agreements. The disputable nature of leasing agreements, their subject matter, the rights and obligations of the parties, and liability measures have repeatedly sparked discussions in legal literature, casting doubt on the “undisputed” nature of claims required for the execution of a notarial enforcement inscription.

The author concludes that urgent legislative amendments are needed to eliminate existing gaps and contradictions. It is proposed to develop separate provisions regulating the procedure for executing enforcement inscriptions on claims related to the recovery of movable property, as well as to establish a mechanism for determining and collecting notarial fees. Addressing these shortcomings will enhance the possibilities for extrajudicial debt recovery and improve the effectiveness of the notarial enforcement inscription.

Keywords: notariate, executive inscription, out-of-court recovery mechanisms, indisputable claims, notarial acts, leasing agreement.

References:

1. Skvortsov, O.Yu. Sdelki s nedvizhimostyu v kommercheskom oborote: ucheb.-prakt. posobie // O.Yu. Skvorcov // - M.: Volter Kluver, 2006. - 368 s.
2. Kommentariy k §2 «Lizing» glavy 29 Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Kazahstan (Osobennaya chast) (d.yu.n., professor K.M. Ilyasova, A.E. Duisenova) // Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39970948&ysclid=mds5h28s8i983291463&pos=5;-93#pos=5;-93 (data obrashcheniya: 01.08.2025).
3. Duisenova, A.E. «Posledstviya narusheniya dogovora lizinga» // A.E. Duisenova // Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38440651&ysclid=mdssyeeg9m606023087&pos=6;-118#pos=6;-118 (data obrashcheniya: 01.08.2025).
4. Uakpaev, M.S. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva o lizinge // M.S. Uakpaev // Yurist. - 2004. - №2. - S. 30-31.
5. Sokolov, G.G. Osobennosti vnesudebnogo vzyskaniya zadolzhennosti s ispolzovaniem ispolnitelnoi nadpisi notariusa. // G.G. Sokolov // 15 Elektronnoe prilozhenie k «ROSSIYSKOMU YuRIDICHESKOMU ZhURNALU». №3/2022. - S 15-22. // Retrieved from file:///C:/Users/vebin/Downloads/osobennosti-vnesudebnogo-vzyskaniya-zadolzhennosti-s-ispolzovaniem-ispolnitelnoy-nadpisi-notariusa.pdf
6. Konovalov, A.M. Ispolnitelnaya nadpis notariusa kak instrument dlya zloupotrebleniya pravom // A.M. Konovalov // Notarius. - 2021. - №2. - S. 3–5.

**Автор туралы мәліметтер:
Сведения об авторе:
Information about author:**

Такишева Гульшат Омирсериковна - хат – хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, Қазақстан Республикасы Жоғары Сот Кеңесі жанындағы Сот төрелігі академиясының Академиялық бағдарламалар мен жобалар орталығының зерттеу және халықаралық жобалар координаторы, Бейбітшілік көшесі, 46, 020000, Астана, Қазақстан.

E-mail: tgo_170380@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3655-1730>.

Такишева Гульшат Омирсериковна - автор для корреспонденции, магистр юридических наук, координатор исследовательских и международных проектов Центра академических программ и проектов Академии правосудия при Высшем Судебном Совете Республики Казахстан, улица Бейбитшилик, 46, 020000, Астана, Казахстан.

E-mail: tgo_170380@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3655-1730>.

Takisheva Gulshat Omirserikovna - corresponding authors, Master of Law, Coordinator of Research and International Projects at the Center for Academic Programs and Projects of the Academy of Justice under the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan; 46 Beibitshilik Street, 020000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: tgo_170380@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3655-1730>.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
 И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
 ISSN 2788-5283
 eISSN 2788-5291
 ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 156-166

УДК 343.9.01
 ГРНТИ 10.79.51
 DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_156
 Научная статья

© К.А. Бакишев^{1*}, Б.М. Нурғалиев¹, К.С. Лакбаев¹, 2025

¹ Карагандинский университет Казпотребсоюза, Караганда, Казахстан
 (E-mail: ¹bakishev@yahoo.com; ¹nbake@mail.ru; ¹k.lakbaev@mail.ru)

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ СТРОИТЕЛЬСТВА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты расследования уголовных преступлений, предусмотренных статьей 277 Уголовного кодекса Республики Казахстан, регламентирующей ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных и строительных работ, но с акцентом на строительный сектор. Исследование показало существенный рост анализируемых деликтов на фоне роста несчастных случаев в строительной отрасли в целом по стране и снижения профилактического влияния на эти процессы. Дело в том, что органы досудебного расследования и суды испытывают серьезные затруднения при проведении расследования деликтов, совершаемых в сфере ведения опасных видов работ. В этой связи авторы предпринимают попытку определить меры для совершенствования методик такого вида расследования, основанных, прежде всего, на наиболее полном варианте обстоятельств совершения преступления, которые должны быть установлены и доказаны. В работе подробно рассматриваются: а) наиболее типичные нарушения правил безопасного ведения строительных работ; б) характеристика субъекта, проблемы вины, мотивации и других не менее важных с точки зрения уголовного процесса и криминалистики вопросов; проблемы квалификации несчастных случаев на стройке. Кроме того, были изучены следственная и судебная практика по делам о нарушении правил безопасности при ведении строительных работ, изучены архивные материалы уголовных дел. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости изменения текущей редакции статьи 277 Уголовного кодекса Республики Казахстан, предлагают некоторые меры оптимизации перечня нормативных правовых актов, регламентирующих охрану труда в сфере строительства, и совершенствования отдельных этапов расследования этого преступления.

Ключевые слова: расследование, криминалистическая методика, уголовный процесс, доказывание, субъект, вина, мотив, нарушение правил безопасности, строительные работы.

* Автор для корреспонденции. E-mail: tgo_170380@mail.ru.

Введение

Строительство, как известно, является одной из ключевых отраслей мировой экономики, в которой трудится более 150 миллионов человек. Ежегодные затраты на строительство превышают 7,5 триллиона долларов, а общий вклад этой сферы в мировой ВВП составляет около 10%. Ранее ведущими странами в строительстве были Европа, США с 1 триллионом долларов и Япония с 800 миллиардами долларов, однако в настоящее время на первом месте находится Китай с более чем 1,2 триллиона долларов. Несмотря на общие трудности в экономике и сельском хозяйстве Казахстана, строительная отрасль демонстрирует значительный рост. Каждый год темпы строительства увеличиваются на 10-15%. В прошлом, 2023 году в Казахстане ввели почти 10 млн кв. м жилья — на 13 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Большая часть жилья — 9,2 млн кв. м, или 92,3% — была введена в эксплуатацию частными застройщиками¹. Вместе с тем, строительная отрасль, является весьма травмоопасной. Аварии, связанные с травматизмом, случаются во многих странах и, как показал анализ, могут произойти вследствие разнородных причин: технических, организационных, личностных. Вполне очевидно, что унификация нормативных актов, особенно в сфере охраны труда, в значительной мере разрешит трудности, связанные с квалификацией уголовных правонарушений и разработкой системы мер их предупреждения.

Материалы и методы исследования

Цель исследования: совершенствовать методику расследования преступных нарушений правил безопасности в строительстве.

Задачи исследования: проанализировать судебную практику по делам, связанным с преступлениями, предусмотренными статьей 277 Уголовного кодекса РК, а также выработать рекомендации по уточнению предмета доказывания при расследовании фактов о нарушениях в сфере строительства.

Научная и практическая значимость данного исследования заключается в оптимизации применения статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) статьи 277 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) в следственной и судебной практике.

Методы исследования. Для достижения обозначенных целей и поставленных задач исследования использовались следующие методы исследования: исторический, статистический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Теоретической базой исследования послужили исследования ученых в области уголовного процесса и криминалистики, в частности, Р.С. Белкина, Л.Я. Драпкина, Н.П. Яблокова, К.А. Бакишева, О.Н. Коршуновой, С.В. Борисова, Е.В. Чугунова, А.А. Хмырова и других отечественных и зарубежных ученых. Практической базой послужили статистические материалы правоохранительных органов, а также архивных уголовных дел по делам о нарушениях правил безопасности в строительстве.

Результаты и обсуждение

Криминалистическая литература изобилует разнообразными мнениями относительно места в криминалистической методике криминалистической характеристики преступления и обстоятельств, подлежащих доказыванию. Не углубляясь в дискуссию, хотелось бы отметить, что оба эти элемента непосредственно связаны между собой и характеризуют как процесс познания преступления, так и его расследование. Эти категории нельзя рассматривать изолированно, они не исключают, а даже дополняют друг друга и в таком тандеме следует рассматривать их применительно к методике расследования конкретного вида преступлений. И только в этом случае будет польза как в научном, так и в содержательном плане применительно к расследованию аварий в строительстве. И совершенно прав А.А. Хмыров в том, что «предмет доказывания определяет конечную цель,

¹ Бум жилищного строительства в Республики Казахстан // URL: https://forbes.kz/news/newsid_311148 (дата обращения: 10.08.2024).

криминалистическая характеристика же помогает найти конкретные пути и способы ее достижения» [1, с. 54]. Кроме того, для более глубокого понимания преступления следует подчеркнуть значимость следственных ситуаций, а также вопросы, связанные с программированием этого процесса. Иными словами - как планируется расследование, выдвигаются версии, какие рекомендации необходимы в тактическом плане, как для первоначальных, так и последующих следственных действий. Этим важнейшим криминалистическим аспектам посвящены работы Р.С. Белкина [2], Л.Я. Драпкина [3], Н.П. Яблокова [4] и многих других учёных. Не затрагивая в этой работе основную категорию из вышеназванных для данного вида преступления, хотелось бы отметить, что при создании в будущем криминалистической характеристики по делам рассматриваемой категории должны быть соблюдены устоявшиеся научные требования как по структурным элементам, так и подробной их наполняемости, исходя из накопленного практического материала, т.е. криминальной практики. Мы присоединяемся к тем учёным, которые утверждают, что обе эти категории являются комплексами разных систем. Если первая категория опирается на статистические данные и следственную практику, представляя собой в основном абстрактное научное понятие, то вторая формируется с учетом уголовного и уголовно-процессуального законодательства и всегда имеет конкретное применение в рамках каждого уголовного дела [5, с. 15], [6, с. 57].

Анализ уголовных дел, связанных с авариями в строительстве, позволяет наметить перечень обстоятельств, которые необходимо доказывать. При составлении данного списка мы будем

опираться на положения ч.1 статьи 113 УПК РК «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу». Оно охватывает событие и предусмотренное законом признаки состава преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения) и другие обстоятельства.

Органы досудебного расследования, изучая обстоятельства инцидента в строительной сфере, обязаны выяснить, имело ли место юридически значимое событие — нарушение лицом правил охраны труда и норм промышленной безопасности [7, с. 92]. Однако в архитектурно-строительной отрасли насчитывается свыше 2,5 тысяч различных нормативных правовых документов: инструкций и правил, и они разработаны в соответствии с международными стандартами². Однако они нередко противоречат друг другу, тем самым усложняя процесс расследования несчастных случаев. Сказанное подтверждает проведенный нами опрос следователей, ведущих досудебное расследование правонарушений в сфере охраны труда. На вопрос: «Что осложняет квалификацию правонарушений, предусмотренных ст. 277 УК РК?», 25,5 % респондентов указали на многочисленные нормативные правовые акты, регламентирующие правила безопасного ведения горных или строительных работ. Поэтому вполне справедливо критикуя работу правительства и системные проблемы экономики, Президент К.-Ж. Токаев поручил Правительству РК принять концептуально новый документ - Градостроительный кодекс [8].

В неосторожных преступлениях со специальным составом, каковым является и рассматриваемое деяние, способ их совершения выражается в нарушении специальных правил безопасности. В силу ограниченности текста отметим лишь наиболее типичные

² Например, Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 года. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414>. Закон Республики Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан» от 16 июля 2001 года No 242-III. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000242>; Технический регламент «Требования к безопасности зданий и сооружений, строительных материалов и изделий», утвержденный постановлением Правительства от 17 ноября 2010 года No1202. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1000001202>; Технический регламент «Общие требования к пожарной безопасности», утвержденный постановлением Правительства РК от 16 января 2009 года No 14. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100024045>; Строительные нормы Республики Казахстан (СН РК 1.03-05-2017) «Охрана труда и техника безопасности в строительстве». // URL: https://new-shop.ksm.kz/upload/e-fond/upload/NTD/SNRK22/1_03_05_2011.pdf. (дата обращения: 07.08.2024).

из них. Самое распространённое в следственной практике—это выполнение строительных работ без необходимой организационно-технической и технологической документации, выражающееся, например, в отсутствии выдачи разрешений на строительство, нарядов и актов-допусков разрешения на строительство и т.п. Нарушения в контексте ст. 277 УК РК могут выражаться в неустановлении специального ограждения с обозначением опасных участков, в пределах которых ведутся работы, непроведении обучения, подробного инструктажа перед выполнением работы, проверки знаний, стажировок, аттестации, эксплуатации неисправных машин и механизмов, допуске к работе неподготовленных лиц, неправильной установке лесов, подмостей и других средств, отсутствии контроля за организацией и способами ведения электрогазосварочных, погрузочно-разгрузочных, монтажных и иных видов строительных работ, необеспечении рабочих индивидуальными защитными средствами, и т. д. [9, с. 109]. Способ этого преступления может выражаться также в нарушении технологического процесса при проведении строительных работ, например, в отсутствии актов освидетельствования скрытых работ или в выполнении работ без соблюдения требований технологических карт и так далее [10, с. 717].

Обязательному выяснению подлежит установление места ведения строительных работ. Это строительные площадки и территории, где ведутся работы различных видов строительных и монтажных работ. Строительные площадки и приравненные к ним территории, представляют зоны повышенной опасности, с возможным обрушением конструкций, механизмов, грузов и поэтому ограждения их гарантирует безопасность граждан, как занятым в строительстве, так и тех, кто по какой-либо причине оказался рядом с зоной строительства. В ходе расследования следует не только подтвердить наличие нарушений правил охраны труда на строительной площадке, но и установить, что данное место непосредственно связано с производственной деятельностью.

Кроме того, необходимо определить характер этой деятельности, который мог привести к негативным последствиям, значительным убыткам, травмам или даже летальным исходам. Иными словами, необходимо установить не только связь между юридически значимым событием и возникшими негативными последствиями, но и специфику и характер строительных работ [11, с. 297].

Анализ свидетельствует о том, что основным элементом предмета доказывания в рассматриваемой категории дел является наличие состава преступления, который определяется исключительно характером и масштабом причиненного ущерба, как указано в статье 277 УК РК. Действующая статья 277 УК РК предусматривает нарастающую констатацию вреда — от причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека (ч. 1), смерти человека или иных тяжких последствий (ч. 2), смерти двух или более лиц (ч. 3). Поэтому в ходе расследования важно установить связь между присутствием потерпевшего в момент причинения ему травмы или смерти и производством, на котором произошло событие, в ходе выполнения им трудовых обязанностей. Дело в том, что судебной практике известны случаи, когда пострадавшие получали травму после окончания рабочего дня.

Так, рабочий С. по завершении рабочего дня употребил спиртные напитки на строительной площадке, после чего уснул в траншее. Водитель бульдозера К., проводивший земляные работы, совершил наезд скреперной лопатой, в результате чего С. получил тяжкие телесные повреждения. К. был оправдан судом из-за отсутствия связи нахождения потерпевшего в момент причинения ему вреда с производством, на котором произошло событие с выполнением им своих трудовых обязанностей [12].

Исходя из вышеизложенного, следует прийти к выводу, что место совершения преступления, наступления вредных последствий и связь потерпевшего с производством играют в доказывании особую квалифицирующую роль. И ещё одна немаловажная деталь, как мы указывали ранее, что между

нарушением правил безопасности и вредными последствиями должна быть установлена причинная связь, она присутствует, когда: а) вред явился результатом деяния; б) деяние было необходимым условием наступления вреда; в) деяние создало реальную возможность наступления вреда; г) именно деяние превратило возможность вреда в действительность. Отсутствие такой связи исключает уголовную ответственность [12, с. 115]. Аналогичным образом реагирует и российская судебная практика.

Так, Ульяновский областной суд апелляционным определением оставил оправдательный приговор по ст. 143 УК Республики Федерации без изменения. М. предъявлено обвинение в нарушении требований охраны труда лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, что повлекло по неосторожности смерть человека. Из содержания предъявленного М. обвинения следует, что Ш. вследствие того, что проводил работы на высоте без страховочной привязи (предохранительного пояса с фалом) и с нарушением правил охраны труда, обязанность по соблюдению которых, по мнению органов следствия, лежала на М., потеряв равновесие, упал в районе опоры моста с мостового перехода через реку в воду с высоты 10 метров, где скончался. Бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что именно действия М. повлекли наступление смерти Ш. и находятся с ней в прямой причинно-следственной связи стороной обвинения не представлено [13, с. 115].

Характеристика личности преступника и мотивов его преступного поведения. Рассматривая следующий аспект предмета доказывания в отношении лица, совершившего деяние, запрещенное уголовным законом, следует отметить, что им могут быть вменяемые и достигшие шестнадцатилетнего возраста:

- а) граждане Республики Казахстан;
- б) иностранные граждане и лица без гражданства.

На основании изучения архивных уголовных дел субъектов деяния

условно можно разделить на три группы. В первой группе находятся лица, чьи служебные обязанности включают организацию, контроль и надзор за выполнением строительных работ, а также соблюдением работниками норм безопасности.

Так, директор строительной фирмы Д. осужден по ст. 277 УК РК. Как установило следствие, он заключил договор с другой строительной фирмой, которая обязалась выполнить возведение, монтаж грузоподъемного башенного крана. Д. после установки монтажа крана в нарушение правил обеспечения безопасности не обеспечил полное внеочередное техническое освидетельствование башенного крана после его монтажа и установки в новом месте, не убедился в безопасности пуска и допустил к работам крановщика С. При поднятии бетонных плит произошло падение крана в результате перетирания и обрыва каната С. погиб³.

В эту же группу входят также и нижестоящие руководители, а также, мастера, бригадиры, инженеры, работники службы техники безопасности и др. Для представителей данной группы характерен правовой статус должностного лица, что означает, что они занимают определённую должность в рамках действующей процедуры назначения на неё.

Ко второй группе можно отнести работников строительной организации, которые непосредственно выполняют различные виды строительных работ и управляют различными машинами, такими как тракторы, экскаваторы, грейдеры, краны, скреперы и другими механизмами и оборудованием. Субъектность возникает в том случае, если указанные лица прошли соответствующую профессиональную подготовку, получили надлежащую инструкцию, были проверены на знание требований правил безопасности и обеспечены необходимыми инструментами, оборудованием, машинами и механизмами [13, с. 97]. Д., будучи руководителем строительно-монтажной организации, допустил Ц. к высотным работам без вводного инструктажа по технике

³ Архив Бухар-Жырауского районного суда Карагандинской области за 2019 год. Дело No 1924-19-00-1/139.

безопасности. Также он нанял водителя автогидроподъемника без документов, подтверждающих регистрацию подъёмной установки и прохождение соответствующей проверки. Далее Ц. по указанию Д. приступил к работе по демонтажу плит со стены здания, находясь в корзине автогидроподъемника. В момент спуска оборвалось верхнее звено стрелы данной техники, в результате чего с высоты 8 метров Ц. упал и получил травму, от которой скончался⁴. Попутно отметим, что для привлечения к строительным работам обязательны прохождение медицинского осмотра, стажировки на рабочем месте, наличие определённого тарифного разряда, стажа и опыта работы по соответствующей строительной специальности.

В третью группу входят сотрудники службы логистики, охранники и т.д. [14, с. 140]. Как справедливо отмечает И.М. Тяжкова, условием ответственности лица может быть только надлежащее закрепление обязанностей локальным актом в установленном порядке и отсутствие должно исключать ответственность по анализируемой статье [15, с. 231]. Большинству лиц, совершивших рассматриваемое преступление, характерен высокий образовательный уровень, который они должны иметь в силу своего служебного положения. Что касается вины лица в совершении рассматриваемого преступления, то диспозиция статьи 277 УК РК подразумевает лишь одну форму вины – неосторожность в виде легкомыслия или небрежности. В данном случае суть преступления заключается в отношении лица к последствиям нарушения правил безопасности. Как справедливо отмечал С.В. Борисов, по каждому уголовному делу следователь должен установить факт осведомленности лица о нарушении правил безопасности или хотя бы наличие у него обязанности и возможности быть ознакомленным с такими правилами и знать их содержание [16, с. 69]. Основными причинами нарушения установленных правил безопасности являются пренебрежительное отношение к предписаниям и запретам, вытекающим

из этих правил, нежелание соблюдать трудовую дисциплину, а в ряде случаев корыстные мотивы, приводящие к ускорению выполнения строительных работ в ущерб безопасности. Поэтому в контексте статьи 277 УК РК необходимо устанавливать не только отсутствие умысла в отношении наступивших последствий, но и мотивы нарушения правил охраны труда [17, с. 122].

В числе других важных условий ответственности, которые должны быть установлены в процессе досудебного расследования, следователь обязан выявить также обстоятельства, исключающие уголовную противоправность его действия, а также аспекты, касающиеся степени и характера ответственности подозреваемого или обвиняемого. В данной работе эти вопросы подробно не рассматриваются, поскольку аналогичный анализ может быть проведен для всех преступлений по неосторожности и не требует специальных знаний в области криминологии или уголовно-процессуального права. Однако, с учетом обобщения следственной и судебной практики каждый из этих параметров достоин внимания и подробного вне рамок этой работы рассмотрения.

Заключение

Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам:

1) Существует большое количество различных документов (более 2,5 тысяч), которые представляют собой инструкции и правила, регулирующие вопросы охраны труда и безопасности в архитектурно-строительной сфере. Однако они не систематизированы, тем самым существенно затрудняя квалификацию нарушений правил безопасности при ведении строительных работ. В этой связи считаем своевременным и практически оправданным принятие Градостроительного кодекса, который в настоящее время уже обсуждается в Парламенте республики;

2) Нарушения правил безопасности ведения опасных видов работ (в горной и строительной отраслях экономики), которые могут привести к серьезным

⁴ Архив Казыбекбийского районного суда г. Караганды за 2022 год. Дело No 4124-21-00-1/106.

последствиям, зафиксированы в статье 277 УК РК. Тем не менее, специфика нарушений правил в этих двух отраслях существенно различается, и каждая из них требует отдельной статьи для криминализации в УК РК;

3) На превентивную функцию права в сфере охраны труда отрицательно влияет наличие неоправданно больших интервалов между верхними и нижними пределами, не позволяющих достичь целей уголовного наказания в полном объеме. Например, санкция ч. 2 ст. 277 УК РК карает лишением свободы на срок до шести лет, санкция ч. 3 этой же статьи – лишением свободы на срок от трех до восьми лет. Такие чрезмерно широкие законодательные преде-

лы наказуемости даже при достаточно высоком уровне правосознания судей оставляют неоправданно большие возможности для судейского произвола. Поэтому в санкциях ч. 2 и ч. 3 ст. 277 УК РК следует указать также нижнюю границу наказания. Например, в ч. 2 срок наказания должен составлять от трех до шести лет, ч. 3 – от шести до восьми лет лишения свободы;

4) Для правильной квалификации нарушений правил охраны труда целесообразно обобщить практику применения ст. 277 УК РК и принять нормативное постановление Верховного суда РК по делам этой категории.

Статья подготовлена в рамках выполнения договора на грантовое финансирование Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН проекта АР 19675171).

Вклад авторов

Бакишев К.А. - введение, исследование, заключение, методология, информация об авторах.

Нургалиев Б.М. - обсуждение, оформление литературы, транслитерация.

Лакбаев К.С. - исследование, заключение, обработка статданных.

Список литературы:

1. Хмыров, А.А. Криминалистическая характеристика и предмет доказывания // А.А. Хмыров // Криминалистическая характеристика. – М.: МГУ, 1984. – С. 54-58.
2. Белкин, Р.С. Курс криминалистики. В 3-х томах. Т. 3. // Р.С. Белкин // – М.: Юрист, 1997. – 480 с.
3. Драпкин, Л.Я. Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений. Учебное пособие // Л.Я. Драпкин // – Екатеринбург: УрГЮА, 2014. – 201 с.
4. Яблоков, Н.П. Криминалистическая характеристика преступления как составляющая часть общей криминалистической теории // Н.П. Яблоков // Вестник Московского государственного университета. Сер. Право. – 2000. – №2. – С. 3-8.
5. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // В.Ф. Ермолович // – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.
6. Рубцов, И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дис. ... канд. юрид. наук // И.И. Рубцов // – СПб., 2001. – 224 с.
7. Сиракян, А.Р. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности: содержание и основные элементы криминалистической характеристики // А.Р. Сиракян // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2019. – №5(42). – С. 91-93.
8. Послание Главы государства К.К. Токаева народу Казахстана «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» 1 сентября 2022 года. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (дата обращения: 12.08.2024).
9. Бакишев, К.А. Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах.

Особенности новой редакции ст. 281 УК РК // К.А. Бакишев, А.Х. Феткулов // Вестник Института законодательства и правовой информации. – 2023. – №2(73). – С. 108-116.

10. Коршунова, О.Н. Курс криминалистики. В 3-х томах. Том 1 // О.Н. Коршунов // – СПб: Юридический центр, 2016. – 715 с.

11. Ермаков, И.Ю. Методика расследования преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // И.Ю. Ермаков // – М., 2008. – 28 с.

12. Сиракян, А.Р. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делам, связанным с преступными нарушениями правил охраны труда и техники безопасности // Проблемы экономики и юридической практики // А.Р. Сиракян // – 2020. – Т. 16. – №4. – С. 296-300.

13. Панфилов, В.В. Оправдательный приговор по ст. 143 УК РФ // Судебная практика // В.В. Панфилов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/YWGYkxrPf11_92TR (дата обращения: 17.08. 2024).

14. Григорьева, М.А. Криминалистическая характеристика субъекта нарушения правил безопасности // М.А. Григорьева // КриминалистЪ. – 2012. – №1(10). – С. 139-141.

15. Тяжкова, И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности // И.М. Тяжкова // – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 278 с.

16. Борисов, С.В. Форма и содержание вины в преступлениях, связанных с нарушением требований охраны труда и правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, а также на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах // С.В. Борисов // Алтайский юридический вестник. – 2018. – №4. – С. 67-73.

17. Селезнева, Д.А. Государственный надзор и контроль в сфере охраны труда // «Приоритетные направления развития науки и технологий»: материалы XXXIV международной научно-практической конференции // Д.А.Селезнева // Тула: Инновационные технологии, 2018. – С. 121-124.

© Қ.Ә. Бәкішев¹, Б.М. Нұрғалиев¹, Қ.С. Лакбаев¹, 2025

¹Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан
(E-mail: ¹bakishev@yahoo.com; ²nbake@mail.ru; ³k.lakbaev@mail.ru)

ҚҰРЫЛЫС ОРНЫНДАҒЫ ҚАУІПСІЗДІК ЕРЕЖЕЛЕРІН БҰЗУ: ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС ЖӘНЕ ТЕРГЕП-ТЕКСЕРУДІҢ СОТ-САРАПТАМАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 277-бабында көзделген, тау-кен жұмыстарын және құрылыс жұмыстарын жүргізу кезінде қауіпсіздік ережелерін бұзғаны үшін жауапкершілікті көздейтін қылмыстық құқық бұзушылықтарды тергеп-тексерудің әртүрлі аспектілері талданады, бірақ құрылыс саласына баса назар аударылады. Зерттеу бүкіл ел бойынша құрылыс саласындағы жазатайым оқиғалардың өсуі және осы процестерге профилактикалық әсердің төмендеуі аясында талданған деликттердің айтарлықтай өскенін көрсетті. Өйткені, сотқа дейінгі тергеу органдары мен соттар зиянды жұмыстар саласында жасалған деликттер бойынша тергеуді жүргізу кезінде елеулі қиындықтарға тап болады. Осыған байланысты авторлар, ең алдымен, анықталып, дәлелденуге тиіс қылмыстың мән-жайларының барынша толық нұсқасына сүйене отырып, тергеудің осы түрінің әдістерін жетілдіру шараларын анықтауға әрекет жасайды. Жұмыста: а) құрылыс жұмыстарын қауіпсіз жүргізу ережелерінің ең типтік бұзушылықтары; б) субъектінің сипаттамалары, кінә мәселелері, уәждеме және қылмыстық процесс және криминология тұрғысынан маңыздылығы кем емес басқа да мәселелер; құрылыс объектілеріндегі жазатайым оқиғаларды квалификациялау мәселелері егжей-тегжейлі қарастырылады. Сонымен қатар, құрылыс жұмыстарын жүргізу кезін-

де қауіпсіздік ережелерін бұзу туралы істер бойынша тергеу және сот тәжірибесі зерделеніп, қылмыстық істердің мұрағаттық материалдары зерделенді. Зерттеулер негізінде авторлар Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 277-бабының қолданыстағы редакциясын өзгерту қажет деген қорытындыға келеді, құрылыстағы еңбекті қорғауды реттейтін нормативтік құқықтық актілердің тізбесін оңтайландыру бойынша кейбір шараларды ұсынады. сала, және осы қылмысты тергеудің жекелеген кезеңдерін жетілдіру.

Түйінді сөздер: тергеу, криминалистикалық әдістеме, қылмыстық процесс, дәлелденетін мән-жайлар, субъекті, кінә, мотив, қауіпсіздік ережелерін бұзу, құрылыс жұмыстары.

© K.A. Bakishev¹, B.M. Nurgaliev¹, K.S. Lakbaev¹, 2025

¹ Karaganda University of Kazpotreboysuz; Karaganda, Kazakhstan
(E-mail: ¹bakishev@yahoo.com, ¹nbake@mail.ru, ¹k.lakbaev@mail.ru)

VIOLETION OF SAFETY RULES AT CONSTRUCTION SITES: CRIMINAL-PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS OF INVESTIGATION

Abstract. The article presents an analysis of various aspects related to the investigation of criminal offences under Article 277 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. This article focuses on the construction sector and provides an in-depth examination of the liability provisions set forth in Article 277 for violations of safety rules in mining and construction works. The study demonstrated a notable surge in the incidence of the analysed offences, coinciding with an increase in accidents in the construction industry at the national level and a concomitant reduction in the preventive influence on these processes. It is evident that pre-trial investigation bodies and courts encounter considerable challenges in investigating torts perpetrated in the context of hazardous work. In light of this, the authors endeavour to delineate measures to enhance the investigative techniques employed in such cases, with a particular emphasis on the comprehensive ascertainment and substantiation of the circumstances surrounding the offence in question. The paper provides a comprehensive examination of the most typical violations of the rules of safe conduct of construction works. It also addresses the characterization of the subject, issues of guilt, motivation and other equally important matters from the perspective of criminal procedure and criminalistics. Additionally, it considers the problems of qualification of construction accidents. Furthermore, the authors examined the investigative and judicial practice concerning cases of violation of safety rules during construction works, as well as the archival materials of criminal cases. Based on the conducted research, the authors conclude that it is necessary to modify the current wording of Article 277 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, suggest certain measures to optimize the list of normative legal acts regulating occupational safety in the field of construction, and improve certain stages of investigation of this crime.

Keywords: investigation, criminalistic methodology, criminal procedure, proving, subject, guilt, motive, violation of safety rules, construction works.

References:

1. Hmyrov, A.A. Kriminalisticheskaya harakteristika i predmet dokazyvaniya / A.A. Hmyrov // Kriminalisticheskaya harakteristika // A.A. Hmyrov // – M.: MGU, 1984. – S. 54-58.
2. Belkin, R.S. Kurs kriminalistiki. V 3-h tomah // R.S. Belkin // T. 3. / R.S. Belkin. – M.: Yurist, 1997. – 480 s.
3. Drapkin, L.Ya. Kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. Uchebnoe posobie // L.Ya. Drapki // – Ekaterinburg: UrGJuA, 2014. – 201 s.
4. Yablokov, N.P. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya kak sostavlyayushchajya chast obshchei kriminalisticheskoi teorii // N.P. Yablokov // Vestnik

Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo. – 2000. – №2. – S. 3-8.

5. Ermolovich, V.F. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniy // V.F. Ermolovich // – Minsk: Amalfeja, 2001. – 304 s.

6. Rubtsov, I.I. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniy kak element chastnyh metodik rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk // I.I. Rubtsov // – SPb., 2001. – 224 s.

7. Sirakanyan, A.R. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy, svyazannyh s narusheniem pravil ohrany truda i tehniki bezopasno-sti: sodержanie i osnovnye elementy kriminalisticheskoi harakteristiki // A.R. Sirakanyan // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGJuA. – 2019. – №5(42). – S. 91-93.

8. Poslanie Glavy gosudarstva K.K. Tokaeva narodu Kazahstana «Spravedlivoe gosudarstvo. Edinaya natsiya. Blagopoluchnoe obshchestvo» 1 sentyabrya 2022 goda. // Retrieved from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (data obrashcheniya: 12.08.2024).

9. Bakishev, K.A., Fetkulov A.H. Narushenie pravil bezopasnosti na vzryvoopasnyh ob'yektah. Osobennosti novoi redaktsii st. 281 UK RK // K.A. Bakishev, A.H. Fetkulov // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii. – 2023. - №2(73). - S. 108-116.

10. Korshunova, O.N. Kurs kriminalistiki. V 3-h tomah. Tom 1 // O.N. Korshunova // – SPb: Yuridicheskiy centr, 2016. – 715 s.

11. Ermakov, I.Yu. Metodika rassledovaniya prestupnyh narusheniy pravil ohrany truda i tehniki bezopasnosti: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk // I.Yu. Ermakov // – M., 2008. – 28 s.

12. Sirakanyan, A.R. Obstoystelstva, podlezhashchie dokazyvaniyu, po delam, svyazannym s prestupnymi narusheniyami pravil ohrany truda i tehniki bezopasnosti // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki // A.R. Sirakanyan // – 2020. – T. 16. - №4. – S. 296-300.

13. Panfilov, V.V. Opravdatelnyi prigovor post. 143 UK RF // Sudebnaya praktika // V.V. Panfilov // Retrieved from https://dzen.ru/a/YWGYkxPf11_92TR (data obrashcheniya: 17.08.2024).

14. Grigoryeva, M.A. Kriminalisticheskaya harakteristika sub'yekta narusheniya pravil bezopasnosti // M.A. Grigoryeva // Kriminalist. – 2012. – №1(10). – S. 139-141.

15. Tyazhkova, I.M. Neostorozhnye prestupleniya s ispolzovaniem istochnikov povyshennoi opasnosti // I.M. Tyazhkova // – SPb.: Yuridicheskiy centr Press, 2002. – 278 s.

16. Borisov, S.V. Forma i sodержanie viny v prestupleniyah, svyazannyh s narusheniem trebovaniy ohrany truda i pravil bezopasnosti pri vedenii gornyh, stroitelnyh ili inyh rabot, a takzhe na vzryvoopasnyh ob'yektah ili vo vzryvoopasnyh cehah // S.V. Borisov // Altaiskiy yuridicheskiy vestnik. – 2018. – №4. - S. 67-73.

17. Selezneva, D.A. Gosudarstvennyi nadzor i kontrol v sfere ohrany truda // «Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i tehnologii»: materialy XXXIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii // D.A. Selezneva // Tula: Innovatsionnye tehnologii, 2018. - S. 121-124.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Бәкішев Қайрат Әлиханұлы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының докторы, профессор, ғылыми-зерттеу институтының зертханасының меңгерушісі, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Академическая көшесі, 9, 100000, Қарағанда, Қазақстан.

E-mail: bakishev@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9841-4353>; Scopus Author ID: 57195920656.

Нұрғалиев Бақыт Молдатяұлы - заң ғылымдарының докторы, профессор, ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Академическая көшесі, 9, 100000, Қарағанда, Қазақстан.

E-mail: nbake@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3017-3610>; Scopus

Author ID: 56275926800.

Лакбаев Қанат Сәметұлы - заң ғылымдарының докторы, профессор, ғылыми-зерттеу институтының бас ғылыми қызметкері, Қазтұтынуодағы Қарағанды университеті, Академическая көшесі, 9, 100000, Қарағанда, Қазақстан.

E-mail: k.lakbaev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1900-5250>; Scopus Author ID: 57200499422.

Бакишев Кайрат Алиханович - автор для корреспонденции, доктор юридических наук, профессор, руководитель лаборатории Научно-исследовательского института Карагандинского университета Казпотребсоюза, ул. Академическая, 9, 100000, Караганда, Казахстан.

E-mail: bakishev@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9841-4353>; Scopus Author ID: 57195920656.

Нурғалиев Бахыт Молдатьяевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Карагандинского университета Казпотребсоюза, ул. Академическая, 9, 100000, Караганда, Казахстан

E-mail: nbake@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3017-3610>; Scopus Author ID: 56275926800.

Лакбаев Канат Саметович - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Карагандинского университета Казпотребсоюза, ул. Академическая, 9, 100000, Караганда, Республика Казахстан

E-mail: k.lakbaev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1900-5250>; Scopus Author ID: 57200499422.

Bakishev Kairat Alikhanovich - corresponding authors, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of Research Institute Laboratory, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz; 9 Akademicheskaya Street, 100000, Karaganda, Kazakhstan.

E-mail: bakishev@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9841-4353>; Scopus Author ID: 57195920656.

Nurgaliev Bakhyt Moldatyaevich - Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of Research Institute, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, 9 Akademicheskaya Street, 100000, Karaganda, Kazakhstan.

E-mail: nbake@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3017-3610>; Scopus Author ID: 56275926800.

Lakbaev Kanat Sametovich - Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of Research Institute, 9 Akademicheskaya Street, 100000, Karaganda University of Kazpotrebsoyuz, Karaganda, Kazakhstan.

E-mail: k.lakbaev@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1900-5250>; Scopus Author ID: 57200499422.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НОМЕР 3(2025), 167-175

УДК 343.848
ГРНТИ 10.83.41
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_167
Научная статья

© К.Х. Рахимбердин^{1*}, 2025

¹Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан
(E-mail: ¹matai71@mail.ru)

ПРОБАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается комплекс системных, взаимосвязанных проблем правового, доктринального и прикладного характера, связанных с более чем десятилетним опытом включения пробационного контроля, в уголовное законодательство Республики Казахстан. Уделяется внимание категории probation, как особой разновидности социально-правового и посткриминального контроля. Автор приходит к выводу о том, что казахстанский законодатель поверхностно воспринял этот опыт научного осмысления и не пошел по пути создания отдельного самостоятельного вида пробационного уголовно-правового воздействия. Он сделал probation, лишь одним из содержательных элементов наказания в виде ограничения свободы. Автор убедительно и наглядно показывает, что методологические и управленческие погрешности в реализации института probation в Казахстане, привели к формированию целого ряда негативных тенденций probation, способствующих ее расхождению в правовой системе Казахстана, с рекомендациями международных правовых актов ООН и лучшими достижениями мирового опыта альтернатив лишению свободы. Эти тенденции, в частности, проявляются в том, что наказание в виде ограничения свободы, стало основным пробационным конкурентом не столько лишению свободы, сколько классическому институту условного осуждения. Это порождает риски как полагает автор, обрушения реальной практики всех наказаний без изоляции от общества. Критикуя ошибки и просчеты в организации национальной системы probation, автор приходит к выводу о необходимости их преодоления и отмечает основные элементы, такой фактической стратегии probation, которая позволит достигнуть подлинно высоких результатов в ее гуманности и эффективности.

Ключевые слова: probation, осужденные, уголовное законодательство, Казахстан, ограничение свободы, условное осуждение, международные правовые акты ООН, наказание, социальная реинтеграция.

Введение

Институт probation существует в уголовно-исполнительной системе Республики Казахстан уже более десяти лет. Он достаточно широко известен мировой правоприменительной практике и в международных правовых актах ООН, рассматривается как один из гуманных и эффективных инструментов

противодействия преступности, на основе альтернатив наказанию в виде лишения свободы. Возникнув на базе классического условного осуждения, probation, по мере своего развития, включила в себя как пенитенциарную, так и постпенитенциарные модели, о которых, в частности, говорят Минимальные стандартные правила

* Автор для корреспонденции. E-mail: matai71@mail.ru.

ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы)¹. Следует отметить, что впервые об этом уголовно-правовом институте, стали писать еще отдельные советские ученые, а также российские и казахстанские исследователи (Н.Н. Полянский [1, с.399], В.П. Шупилов [2, с.107], О.В. Филимонов [3, с.179], М.Р. Гета [4, с.17]). Таким образом, в юридической науке, накоплен значительный опыт познания сущности пробации и ее организационно-правового механизма, требующий дальнейшего осмысления и практического воплощения.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что в Республике Казахстан (далее - РК) впервые на евразийском пространстве, произошла легитимации пробации и есть основания говорить об определенных этапах ее генезиса и развития. Эти процессы были тесно связаны с гуманизацией уголовной и уголовно-исполнительной политики казахстанского государства, имплементацией международных правовых актов ООН в национальное законодательство в сфере борьбы с преступностью, с сокращением численности «тюремного населения» Казахстана. Эта численность за два десятилетия государственной независимости Казахстана, с 2000 по 2022 годы уменьшилась со 100 тыс. осужденных до 32 тыс. чел. [5, с.27]. Однако вполне очевидно, что для качественной трансформации уголовной и уголовно-исполнительной политики страны, механическое снижения численности «тюремного населения», было явно недостаточным. Пробация должна стать новым вариантом реагирования общества и государства на преступность и прежде всего на сравнительно неопасные, но достаточно распространенные преступления. Однако, к сожалению, на самом раннем этапе становления пробации в Казахстане, была допущена методологическая ошибка. Законодатель не обозначил пробацию в качестве самостоятельного вида уголовно-правового воздействия, определив пробационный контроль как элемент содержания

наказания в виде ограничения свободы (часть 2 статьи 44 УК РК). Это ошибочное правотворческое решение привело к тому, что на уровне восприятия многих практических работников системы Министерства внутренних дел РК (далее – МВД РК), в юрисдикции которого находятся органы пробации, последнее стало восприниматься как некое продолжение наказания, как его довесок, а вовсе не как самостоятельный инструмент некарательного характера. К сожалению, это способствовало возникновению негативных тенденций развития пробации, необходимость преодоления которых в настоящее время, имеет ключевой характер.

Материалы и методы

Методология настоящего исследования, предлагаемого вниманию читателей, базируется на сочетании диалектического метода анализа социально-правовой реальности, дающего возможность увидеть органическую связь пробационного контроля с уголовно-правовыми мерами, альтернативными лишению свободы. Диалектический метод дополняется в свою очередь такими способами научного познания известными правовой доктрине как проблемно-поисковый, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, эвристические методы, метод контент анализа. В процессе работы над настоящим исследованием, проводилась сравнительная характеристика положений уголовно-исполнительного законодательства РК, выявлялись особенности судебной и уголовно-исполнительной практики применения пробации. Обозначались и анализировались установленные тенденции пробации в Казахстане, в целях преодоления неблагоприятных факторов ее развития и содействия повышению ее эффективности, как наиболее достойной альтернативы лишению свободы.

Результаты и обсуждение

Как показало наше исследование законодательное закрепление

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы). Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 17 декабря 2015 года. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O1500000005> (дата обращения: 20.09.2024 г.)

института пробации в Казахстане, в качестве составной части наказания в виде ограничения свободы, во многом обусловило появление и сохранение ее дальнейших, негативных тенденций. Фактически «центр тяжести» наказательной, правоприменительной практики переместился на уголовную кару в виде ограничения свободы. По существу, это привело к «растворению» пробации в одном из уголовных наказаний и к стремительному, буквально лавинообразному росту его воплощения в судебную практику. Из малоизвестного наказания, ограничение свободы превратилось в господствующий инструмент карательного уголовно-правового воздействия. Так, например, по состоянию на 1 кв. 2024 года, удельный вес применения ограничения свободы, соответствовал показателю 70,6%, а доля осужденных условно – 11,8% [6, с. 17]. Таким образом, ограничение сво-

боды стало бесспорным лидером среди всех уголовно-правовых средств, альтернативных лишению свободы. Его «ареал» превысил сферу применения классического уголовно-правового института условного осуждения, более чем в 6 раз. При этом словно оправдались прогнозы российского ученого В.А. Уткина, о том, что ограничение свободы станет реальным конкурентом условному осуждению и альтернативой ему [7, с. 144]. Однако, это означает что ограничение свободы перестает быть альтернативой изоляции от общества и, следовательно, возникает риск такой ситуации, когда никаких внятных противовесов лишению свободы, не окажется.

В этой связи отметим, что сведения о практике пробационного контроля в РК, по состоянию на 1 кв. 2024 года, приведены в нижеследующей таблице 1.

Таблица 1. Статистика применения пробационного контроля в РК (по состоянию 1 кв. 2024 г.)

Виды уголовно-правового воздействия, связанного с пробацией. Показатели в абсолютных величинах и процентах					
Ограничение свободы	Условное осуждение	Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью	Привлечение к общественным работам	Отсрочка отбывания наказания	Исправительные работы
19925 (70,6%)	3335 (11,8%)	3893 (13,8%)	493 (1,7%)	584 (2,1%)	8 (0,03%)

Из таблицы видно, что удельный вес осужденных условно, фактически в 6,5 раз меньше численности лиц, осужденных с ограничением свободы, частью которого является пробационный контроль. Как отмечалось выше — это очень тревожная тенденция, которая в перспективе может привести к обрушению всей реальной практики альтернатив лишению свободы и к превращению ограничения свободы, в своеобразный «идол» и панацею уголовно-правового воздействия. К сожалению, в казахстанской юридической науке до сих пор не предпринят, глубокий и серьезный, принципиальный анализ этой ситуации.

Она очень серьезная. Фактически, казахстанский законодатель превратил пробацию в часть уголовного наказания, что с позиции правовой доктрины, совершенно не логично. Как известно, юридическая наука убедительно доказала, что наказание и кара неразлучны. Известный советский исследователь М.Д. Шаргородский, в свое время так и называл наказание карой [8, с. 19] и как бы мы не воспринимали ограничение свободы, но пробационный контроль плотно зажат в «тисках». Согласитесь, при такой ситуации очень трудно объяснить, как не карательное средство пробации, может распространяться на

наказания без изоляции от общества и даже превращаться в пенитенциарную пробацию. Другой проблемой как представляется стало недостаточное научно-методологическое объяснение того обстоятельства, что в настоящее время в Казахстане, пробация чаще применяется за тяжкие преступления, чем за деяния невысокой общественной опасности. Еще в 1951 году ЭКОСОС ООН, рекомендовал пробацию именно за сравнительно не опасные

преступления. Казахстанские, российские исследователи и ученые других государств, всегда были согласны с тем, что альтернативы лишению свободы должны адресоваться лицам, совершившим преступления, с относительно невысокой общественной опасностью. Однако правоприменительная практика в Казахстане, существенно подкорректировала этот тезис. Сведения об этом, содержатся в таблице 2.

Таблица 2. Практика распределения режима пробационного контроля к различным категориям преступлений на 1 кв. 2024 г. в РК

Категории уголовных правонарушений	Удельный вес применения пробационного контроля	
	(число лиц и %)	
Уголовные проступки	989	3,5%
Преступления небольшой тяжести	2457	8,7%
Преступления средней тяжести	6228	22,1%
Тяжкие преступления	18496	65,5%
Особо тяжкие преступления	68	0,2%

Как следует из содержания данной таблицы, пробация в Казахстане за указанный период времени в абсолютном большинстве случаев применялась за совершение тяжких преступлений и к сожалению, этот показатель не является статичным, а отражает еще одну неблагоприятную тенденцию пробации – тенденцию ее назначения лицам, виновным в опасных преступлениях. В частности, по сравнению с первым кварталом 2023 года, доля таких возросла с 59% до 65,5% и это только за один год! В чем причина этого, достаточно странного явления? Представляется, что этих причин несколько. Во-первых, казахстанский законодатель не создал эффективного инструментария отбора правонарушителей, направляемых на пробацию, хотя контуры этого инструментария были заложены еще в Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила).² Досудебная пробация, хотя и предусмотренная казахстанским

законодательством, к сожалению, в реальности не работает, потому что никто не обучил сотрудников органов пробации, методике проведения социального исследования личности правонарушителя. Никто не научил сотрудников пробации оценивать риски в посткриминальном поведении правонарушителей и составлять пробационные доклады для суда. И самое главное, суды не получили такого подспорья для своей работы, как содержательные пробационные доклады, по результатам которых они могли бы, с большей обоснованностью решать, кто из подсудимых заслуживает пробации, а кто нет. Другая причина тесно связана с «увлеченностью» судебной практики, наказанием в виде ограничения свободы. Суды назначают это наказание, по существу, в минимальной степени распределяя подсудимых, между другими альтернативными наказаниями. Доля условного осуждения, в разы сократилось в реальной практике

² Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/110 от 14 декабря 1990 года. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O90000000004> (дата обращения: 20.09.2024).

и поэтому суды часто стоят перед дилеммой: отравить преступника в «места не столь отдаленные» или осудить с ограничением свободы, направив на пробационный контроль. Не могут же всех осужденных, водворяя в пенитенциарные учреждения, тем более что государственная политика, уже многие годы направлена на снижение численности «тюремного населения». В результате произошел рост числа осужденных за тяжкие преступления, находящихся на пробации. Этого бы не случилось, если бы все правонарушители, равномерно и обоснованно распределялись бы, между различными альтернативными видами уголовно-правового воздействия. К чему это может привести в перспективе? На это указывают весьма красноречивые данные. По состоянию на 1 кв. 2024 г., во всех пенитенциарных учреждениях РК, содержалось 31 846 осужденных. Эта цифра намного превосходит показатель численности осужденных за тяжкие преступления, находящихся на пробационном контроле (18 496 осужденных) [6, с. 7]. Иными словами, больше половины таких осужденных находится на свободе и состоит на учете в органах пробации. Как объяснить обществу, что значительная часть виновных в опасных преступлениях, не изолирована от него, а находится среди обычных граждан? Представляется, что в этом есть определенные социальные риски и опасности конфликтов. Нельзя также игнорировать и соблазн коррупционных схем, посредством которых можно оказаться на пробации и миновать стены пенитенциарных учреждений. Следует отметить, например, что по состоянию на апрель 2024 г. на учете в органах пробации состояло 380 осужденных, за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Весьма сомнительно, что казахстанское общество готово благожелательно воспринимать такую практику. Отсутствие четких и внятных критериев направления на пробационный контроль осужденных, совершивших серьезные преступления, в том числе преступные посягательства против половой неприкосновенности несовершеннолетних, может создать проблему опасности дискредитации

пробации в обществе и увеличения карательных притязаний населения.

Одно из ожиданий, связанных с пробацией не только в Казахстане, но и во всем мире — это снижение уровня рецидивной преступности. Оно считается неоспоримым приоритетом уголовно-исполнительной деятельности. При создании пробации, большие надежды возлагались именно на то, что она позволит сократить повторную преступность, по сравнению с наказанием в виде лишения свободы. Увы, но о полном оправдании этих надежд, говорить не приходится. По данным на 1 кв. 2024 года, в Казахстане 235 осужденных, находящихся на учете в органах пробации, подозревались в совершении новых преступлений. При этом 94 осужденных, совершили тяжкие рецидивные преступления. А особо тяжкие, в том числе убийство - были совершены 7 поднадзорными органами пробации [6, с.35]. Эти цифры говорят о недостаточной эффективности воспитательно-предупредительной деятельности в отношении осужденных, а в более широком аспекте – о неоправданности применения пробации к преступникам, совершившим криминальный рецидив. К сожалению, определенную проблему создает и недостаточно отлаженный механизм взаимодействия органов пробации и судов. В этой связи, обращает на себя внимание следующая ситуация. В 1 кв. 2024 года, органы пробации направили в суды материалы о замене наказания 1861 осужденному. Это случаи, когда осужденные совершали злостные нарушения порядка и условий наказания, не выдержали требований пробационного испытания. И суды в 19,4% случаев, отказывали в удовлетворении этих представлений. После такого отказа, 9,4% осужденных совершили новые преступления, подтвердив тем самым, необоснованность применения к ним пробации [6, с. 45]. Думается, что это следствие низкого уровня индивидуализации профилактической работы, отсутствия внятных пробационных докладов и оценочных заключений для суда, нормально работающих индивидуальных программ социальной реинтеграции осужденных.

Данные обстоятельства

затрагивают еще одну, серьезную правовую и прикладную проблему, применения пробации в Казахстане. Как известно, неотъемлемой чертой пробации, является разработка и последующее применение индивидуальных программ социальной реинтеграции осужденных. Что такое программа? По существу, это официальный документ, в котором отражается алгоритм действий сотрудников органов пробации и других субъектов, направленных на создание условий для исправления и ресоциализации преступников, находящихся под их контролем. Конечно, это и сами действия, в их логической, системной связи между собой. В Казахстане, изначально не был внедрен в практику организационно-правовой алгоритм составления и последующего использования в уголовно-исполнительной деятельности, индивидуальных программ социальной реинтеграции осужденных. Затем Законом от 30 декабря 2021 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан»³, исключили составление службой пробации индивидуальных программ оказания социально-правовой помощи лицам, в отношении которых применяется пробация (вступило в действие со 2 марта 2022 г.). Таким образом, казахстанский законодатель допустил системную ошибку, лишив пробацию одной из «несущих конструкций». Убирая из сферы ответственности сотрудников пробации, индивидуальные программы социальной реинтеграции, мы обесмысливаем данный правовой институт и превращаем службы пробации, просто в носители соответствующих

«вывесок». Этими программами может заниматься кто угодно, но если они не будут составной частью компетенции сотрудников органов пробации, то такие программы также будут чем угодно, но только не программами возвращения в общество вчерашних преступников.

Наряду с этим, в настоящее время существует еще одна проблема системного характера, связанная с казахстанской пробацией. Законом РК «О пробации»⁴ предусмотрена постпенитенциарная пробация. По логике вещей эта пробация должна быть адресована осужденным, находящимся под административным надзором или лицам условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания. Однако, приказом МВД РК от 25.03.2022 г. №148⁵, был исключен функционал взаимодействия службы пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, в отношении которых установлен административный надзор, а также условно-досрочно освобожденных. Следовательно, лица, находящиеся под административным надзором и условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания, не находятся в сфере взаимодействия органов полиции и пробации. Это решение не поддается никакой логике и противоречит Закону РК «О пробации».

Выявленные нами проблемы, буквально «наслаиваются» на довольно латентную дискуссию, которая ведется в настоящее время в Казахстане и касается управленческой модели ее «юридической судьбы». Руководство Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК фактически готово передать пробацию в юрисдикцию Комитета административной полиции МВД РК. Однако руководством МВД РК, окончательное решение пока не принято. Думается, что подобная передача пробации, приведет еще к более удручающим показателям ее жизнеспособности в Казахстане.

³ Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2021 года №95-VII ЗПК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности и перераспределения отдельных функций органов внутренних дел Республики Казахстан». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000095> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года №38-VI ЗПК «О пробации». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038> (дата обращения: 20.09.2024).

⁵ «О внесении изменений в некоторые приказы Министра внутренних дел Республики Казахстан» приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 25 марта 2022 года №148. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 1 апреля 2022 года №27367. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027367> (дата обращения: 20.05.2024).

Заключение

Обозначенные в настоящем исследовании проблемы и негативные факторы, дефекты управленческих решений, правотворческого и правоприменительного процесса в сфере probation, порождают риски негативных тенденций ее развития в Казахстане. Эти тенденции, могут выражаться в увеличении численности лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений и попадающих на учет в органы probation, в «растворении» probation среди традиционных уголовных наказаний, в увеличении масштабов рецидивной преступности в условиях probationного контроля, в появлении негативного восприятия probation широкой общественностью Казахстана, и в росте карательных притязаний населения. Вместо того, чтобы развивать инструментарий probation, государство отвечая на эти карательные притязания, будет образно говоря инвестировать в новые тюрьмы.

Результатом подобных тенденций, может стать дискредитация идей probation и ее социальной ценности, как в самой уголовно-исполнительной

системе, так и в казахстанском обществе, которое все еще не преодолело последствия «тюремного синдрома».

В данном контексте, плодотворной является дальнейшая научно-исследовательская и правореализационная деятельность, направленная на то, чтобы наименование probation в Казахстане, полностью соответствовало изначальному смыслу, этого социально-правового института, как метода осуществления уголовной политики и как гуманной технологии борьбы с преступностью. Подобное соответствие находится в русле инициированного Президентом РК Касым-Жомартом Токаевым, процесса системной трансформации казахстанского общества и государства, его национальной правовой системы. Она неизбежно затрагивает и сферу уголовной и уголовно-исполнительной политики. Ее модернизация предполагает преодоление ошибочных подходов и управленческих дефектов, которые могут привести к настоящему кризису probation, а этот кризис будет иметь весьма дорогую цену для нашего общества.

Список литературы:

1. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии // Н.Н. Полянский // - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрид. лит., 1969. - 399 с.
2. Шупилов, В.П. Надзор за условно осужденными в основных капиталистических странах. (Институт probation в уголовном праве Англии США). ред. Ю. Б. Мельникова // В.П. Шупилов // 1971. - 107 с.
3. Филимонов, О.В. Посткриминальный контроль: Теорет. основы правового регулирования / Под ред. Н. И. Ланкина // О.В. Филимонов // Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - 179 с.
4. Гета, М.Р. Probation и ее перспективы в уголовном праве Республики Казахстан: специальность 12.00.08: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // М.Р. Гета // Томский государственный университет. - Томск, 2000. - 17 с.
5. Рахимбердин, К.Х. Преодоление наследия ГУЛАГа: из прошлого в современность уголовно-исполнительной системы Казахстана // К.Х. Рахимбердин // - Нур-Султан, 2022. - 160 с.
6. Джанибеков, Т.Н. Актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы Казахстана. Материалы заседания Общественного совета по вопросам деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан // Т.Н. Джанибеков // - Астана: МВД РК, 2024. - 74 с.
7. Уткин, В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций // В.А. Уткин // - Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. - 240 с.
8. Шаргородский, М.Д. Наказание, его цели и эффективность // М.Д. Шаргородский // - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. - 160 с.

© Қ.Х. Рахимбердин¹, 2025¹С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, Өскемен, Қазақстан
(E-mail: ¹matai71@mail.ru)**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ПРОБАЦИЯ:
ҚАЗІРГІ МӘСЕЛЕЛЕР ЖӘНЕ ДАМУ ҮРДІСТЕРІ**

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасына пробациялық бақылауды енгізудің он жылдан астам тәжірибесіне қатысты құқықтық, доктриналық және қолданбалы сипаттағы жүйелі, өзара байланысты мәселелер кешені қарастырылады. Пробация санатына ерекше әлеуметтік-құқықтық және постқылмыстық бақылаудың бір түрі ретінде назар аударылады. Автор қазақстандық заң шығарушы ғылыми түсінудің осы тәжірибесін үстірт қабылдады және пробациялық қылмыстық-құқықтық ықпалдың жеке дербес түрін құру жолымен жүрмеді деген қорытындыға келеді. Пробацияны тек бостандықты шектеу түріндегі жазаның бір құрамдас элементі етіп жасады. Автор Қазақстанда пробация институтын іске асырудағы әдіснамалық және басқарушылық қателіктер оның БҰҰ-ның халықаралық құқықтық актілерінің ұсынымдарымен және бас бостандығынан айыруға балама нұсқалардың әлемдік тәжірибесінің үздік жетістіктерімен Қазақстанның құқықтық жүйесіндегі алшақтығына ықпал ететін пробацияның бірқатар теріс үрдістерінің қалыптасуына әкелгенін айқын және көрнекті көрсетеді. Бұл үрдістер, атап айтқанда, бас бостандығын шектеу түріндегі жаза классикалық шартты соттау институтына қарағанда бас бостандығынан айырудың негізгі пробациялық бәсекелесіне айналғандығынан көрініс табады. Бұл автордың пікірінше, қоғамнан оқшауламай жазаның барлық түрлерін қолдану тәжірибесінің құлдырауына әкелетін тәуекелдерді тудырады. Ұлттық пробация жүйесін ұйымдастырудағы қателіктер мен кемшіліктерді сынға ала отырып, автор оларды еңсерудің қажеттілігін атап өтеді және пробацияның шынайы гуманистік және тиімді нәтижелеріне қол жеткізуге мүмкіндік беретін осындай фактілік стратегиясының негізгі элементтерін көрсетеді.

Түйінді сөздер: пробация, сотталғандар, қылмыстық заңнама, Қазақстан, бостандықты шектеу, шартты түрде соттау, БҰҰ халықаралық құқықтық актілері, жаза, әлеуметтік реинтеграция.

© K.K. Rakhimberdin¹, 2025¹East Kazakhstan University named after. S. Amanzholov, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
(E- mail: matai71@mail.ru)**PROBATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
CURRENT ISSUES AND DEVELOPMENT TRENDS**

Abstract. The article examines a range of systemic, interrelated legal, doctrinal, and practical issues associated with more than a decade of experience in incorporating probation supervision into the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. Attention is given to the concept of probation as a special type of socio-legal and post-criminal control. The author concludes that the Kazakhstani legislature has superficially adopted this scientific understanding and has not pursued the creation of an independent form of probation within criminal law. Instead, probation was made only one of the substantive elements of the punishment in the form of restriction of freedom. The author convincingly and clearly demonstrates that methodological and managerial errors in the implementation of the probation institution in Kazakhstan have led to the emergence of several negative trends, causing probation to diverge from the recommendations of international UN legal instruments and the best practices of global alternatives to imprisonment. These trends, in particular, manifest in the fact that punishment in the form of restriction of freedom has become a primary competitor to not only imprisonment but also to the classical institution of suspended sentencing. The author believes that this creates risks of undermining the practical application of all non-custodial sentences. Criticizing the mistakes and missteps in organizing the national probation system, the author

concludes that overcoming them is necessary and outlines the main elements of a factual probation strategy that will allow for truly high results in both its humanity and effectiveness.

Keywords: probation, convicts, criminal legislation, Kazakhstan, restriction of freedom, suspended sentencing, UN international legal instruments, punishment, social reintegration.

References:

1. Polyanskiy, N.N. Uголовное право i uголовnyi sud Anglii // N.N. Polyanskiy // 2-e izd., ispr. i dop. - M.: Yurid. lit., 1969. - 399 c.
2. Shupilov, V.P. Nadzor za uslovno osuzhdennymi v osnovnyh kapitalisticheskikh stranah // V.P. Shupilov // (Institut probatsii v ugovnom prave Anglii SShA). red. Yu. B. Melnikova, 1971. - 107 s.
3. Filimonov, O.V. Postkriminalnyi kontrol: Teoret. osnovy pravovogo regulirovaniya / Pod red. N. I. Lankina // O.V. Filimonov // Tom. gos. un-t im. V. V. Kuibysheva. - Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991. - 179 s.
4. Geta, M.R. Probatsiya i ee perspektivy v ugovnom prave Respubliki Kazakhstan: spetsialnost 12.00.08: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk // M.R. Geta // Tomskiy gosudarstvennyi universitet. - Tomsk, 2000. - 17 s.
5. Rakhimberdin, K.H. Preodolenie naslediya GULAGa: iz proshlogo v sovremennost ugovno-ispolnitelnoi sistemy Kazakhstana // K.H. Rakhimberdin // - Nur-Sultan, 2022. - 160 s.
6. Dzhanibekov, T.N. Aktualnye problemy ugovno-ispolnitelnoj sistemy Kazakhstana. Materialy zasedaniya Obshchestvennogo soveta po voprosam deyatel'nosti organov vnutrennih del Respubliki Kazakhstan // T.N. Dzhanibekov // - Astana: MVD RK, 2024. - 74 c.
7. Utkin, V.A. Problemy teorii ugovnykh nakazaniy: kurs lektsiy // V.A. Utkin // - Tomsk: Izdatelskij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. - 240 s.
8. Shargorodskiy, M.D. Nakazanie, ego celi i effektivnost // M.D. Shargorodskiy // — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1973. — 160 s.

Сведения об авторе:

Автор туралы мәліметтер:

Information about author:

Рахимбердин Куат Хажұмұханұлы - хат – хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының докторы, С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті құқықтану кафедрасының профессоры, 30-шы Гвардиялық дивизия көшесі, 34, 070002, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: matai71@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9280-2830>.

Рахимбердин Куат Хажумуханович - автор для корреспонденции, доктор юридических наук, профессор кафедры «Юриспруденция» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 34, 070002, Усть-Каменогорск, Казахстан.

E-mail: matai71@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9280-2830>.

Rakhimberdin Kuat Khazhumukhanovich - corresponding authors, doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Jurisprudence at NJSC East Kazakhstan University named after. S. Amanzholov, 34, 30th Guards Division Street, 070002, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: matai71@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9280-2830>.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЗАҢНАМА ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚПАРАТ
ИНСТИТУТЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НӨМІРІ 3(2025), 176-190

ӘОЖ 10.77.51
ҒТАМР 10.77.51
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_176
Ғылыми мақала

© А.Т. Батырбекова^{1*}, А.Ш. Муталыпова¹, К.О. Алембаев¹, 2025

¹ Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен қ., Қазақстан
(E-mail: ¹batyrbekova29@mail.ru; ¹ojan-12@mail.ru; ¹kairat_kafu@mail.ru)

БАЛАЛАР САУДАСЫНЫҢ СЕБЕПТЕРІН ЖӘНЕ ОНЫ БОЛДЫРМАУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕХАНИЗМДЕРІН ТАЛДАУ: ҚАЗІРГІ ҚҰҚЫҚ ТЕОРИЯЛАРЫ

Аннотация. Мақалада балалар саудасының себептері мен оның алдын-алудың құқықтық тетіктері қазіргі заманғы құқықтық теориялар тұрғысынан жан-жақты талданған. Бұл құбылыстың пайда болуына әкелген негізгі әлеуметтік-экономикалық, криминологиялық және институционалдық факторлар қарастырылады. Халықаралық және ұлттық заңнамадағы олқылықтарға, сондай-ақ нормативтік, нақты және табиғи құқықтық тәсілдерді ескере отырып, оны жетілдіру мүмкіндіктеріне ерекше назар аударылады.

Бала саудасы отбасылық қиындықтар, кедейлік, әлеуметтік теңсіздік, жеткіліксіз құқықтық қорғау және ата-ана қамқорлығының болмауы салдарынан кең етек жаюда. Қылмыскерлер көбінесе өте кедей отбасылардан шыққан немесе ата-аналары мен қамқоршылары тастап кеткен балаларды нысанаға алады. Қақтығыстар, экономикалық дағдарыстар және экологиялық апаттар балаларды, әсіресе қараусыз қалған және жалғыз жүрген жас мигранттарды осал жағдайға ұшыратады.

Адам саудагерлері балалармен байланысу, пайдалану және бақылау үшін онлайн платформаларды, әлеуметтік желілерді және қараңғы желіні пайдаланады. Заманауи технологияны пайдалана отырып, олар өздерінің кім екендігін жасыра алады және де зорлық-зомбылық мазмұнды контентті желіде таратады. Балалардың интернет пен әлеуметтік желілерді бақылаусыз пайдалануы, көбінесе тиісті қауіпсіздік шараларынсыз, оларды қанау қаупіне одан әрі ұшыратуы мүмкін.

Бала саудасы мәселесін талдайтын қазіргі құқықтық теориялар бұл құбылысқа одан да жан-жақты көзқарас ұсынады. Олар дәстүрлі құқықтық әдістерді заманауи әлеуметтік, экономикалық және технологиялық факторлармен үйлестіруге бағытталған. Бұл балалар саудасына қарсы күрес контекстіндегі қазіргі құқықтық теорияның негізгі тәсілдері мен бағыттарын қарастырады. Мақалада балаларды қорғаудың құқықтық тетіктерін нығайту, тиімді алдын алу шараларын әзірлеу және озық халықаралық тәжірибені үйлестіру бойынша ұсыныстар әзірленген.

Зерттеу нәтижелері заңгерлерге, құқық қорғау органдарының қызметкерлеріне, Адам құқықтарын қорғау жөніндегі мамандарға және балалар саудасына қарсы мемлекеттік саясатты құрастырушыларға пайдалы болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: балалар саудасы, құқықтық механизмдер, қазіргі құқық теориялары, халықаралық құқық, бала құқықтарын қорғау, алдын алу шаралары.

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: batyrbekova29@mail.ru.

Кіріспе

Балалар саудасы – адамның негізгі құқықтарына әсер ететін және қоғамдық қауіпсіздікті төмендететін ең кең таралған жаһандық мәселелердің бірі. Қолданыстағы халықаралық және ұлттық құқықтық механизмдерге қарамастан, осы құқықбұзушылықтың көлемі артуда, бұл оның пайда болу себептерін және құқықтық реттеу жүйесін жетілдіруді егжей-тегжейлі талдауды қажет етеді. Балалар саудасы тақырыбын зерттеу қажеттілігін келесі себептермен түсіндіруге болады:

1. Балалар саудасы көлемінің артуы Халықаралық ұйымдардың (БҰҰ, ЮНИСЕФ, Интерпол, Көші-қон жөніндегі халықаралық ұйым) мәліметтері бойынша жыл сайын жүздеген мың балалар жыныстық зорлық-зомбылық, мәжбүрлі еңбек, бала асырап алу, қылмыстық әрекеттерге қатысу және басқа да теріс қылықтар мақсатын көздейтін адам саудасының құрбаны болады. Жаһандану, цифрлық технологиялар және көші-қон мәселелері бұл құбылыстың белең алуына мүмкіндік жасайды және оны трансұлттық мәселеге айналдырады¹.

2. Құқықтық механизмдер тиімділігінің жеткіліксіздігі.

Қолданыстағы құқықтық нормалар бүгінгі күннің талаптарына сай бола бермейді. Негізгі мәселелер деп келесілерді атауға болады:

- қылмысты анықтаудың қиындығы, әсіресе киберкеңістікте жасалған құқықбұзушылықтарды анықтау қиынға соғады, себебі адам саудасымен байланысты қылмыстардың латенттілігі жоғары [1];

- қылмыстан зардап шеккен балалардың жеткіліксіз деңгейде қорғалуы және оларды оңалту механизмдерінің шектелуі;

3. Қазіргі құқық теорияларын қолдану қажеттілігі.

Қазіргі құқық теориялары балалар саудасымен күрес жүргізуді құқықтық реттеуге жаңа көзқарас қалыптастырады. Атап айтқанда:

- Нормативизм заңнамадағы олқылықтарды анықтап, оларды жою жолдарын ұсынады.

- Құқықтық реализм нормалардың

тиімділігіне ерекше мән беріп, олардың тәжірибеде қолданылуына зер салады.

- Табиғи құқық және әділеттілік теориясы бала құқықтарын қорғау басымдығын айқындайды [2].

Сондықтан қазіргі заманғы құқықтық теориялар тұрғысынан балалар саудасының себептерін және оның алдын-алудың құқықтық тетіктерін зерттеу теориялық және практикалық тұрғыдан маңызды. Осы жұмыстың нәтижелері балалар саудасы жетілдіруге, балаларды қорғаудың жаңа әдістерін жасауға және осы саладағы халықаралық ынтымақтастықтың тиімділігін арттыруға көмектеседі.

Мақаланың мақсаты – Қазақстан Республикасындағы балалар саудасының проблемасын қазіргі құқық теориялары тұрғысынан талдау (балалар саудасының өсуіне ықпал ететін себептерді анықтау), осы қылмыстың алдын алу және жою бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Бұл мәселенің даму дәрежесін зерттей отырып, оның отандық авторлардың зерттеу қызығушылығын тудырмағанын көруге болады. Қазақстандық ғалымдар бұл тақырыпты толық іргелі зерттеу жүргізген жоқ. Балалар саудасына арналған фрагменттік талдау осы құқықты қамтамасыз етудің жекелеген мәселелеріне қатысты: кәмелетке толмағандардың саудасы және оны шешу жолдары туралы өз еңбектерінде з.ғ.к. Б.У. Сейтхожин сөз етті [3], балалар саудасы мәселесін саяси тұрғыдан с.ғ.к. А.У. Сыдыкова талдады [4], Қазақстан Республикасындағы және шетелдегі балалар саудасымен күрес туралы құқықтанушы ғалымдар В.В. Люцик, Л.В. Сокольская, А.Ф. Сулейманов ғылыми мақала жазса [5], Б.Н. Бейсеналиев з.ғ.к. дәрежесін алу диссертациясында Қазақстан Республикасының заңнамасы бойынша адам саудасымен күресудің криминологиялық және қылмыстық-құқықтық шаралары туралы іргелі зерттеу жүргізді.

Балалар саудасының алдын алу, онымен күресу мәселелері бойынша келесі шетелдік ғалымдардың еңбектері қарастырылды: Г. Трейд, П.К. Мартинс, Ө. Каракуш, О. Башыбүйік, К. Найлс, С. Федеричи, К. Хойл, Д. Харвей.

¹ Global Report on Trafficking in Persons 2024. // URL: analysis/glotip/2024/GLOTIP2024_BOOK.pdf (date of reference: 10.12.2024).

Сонымен қатар Г. Тард [6], П.К. Мартинс [7], Ө. Каракуш және О. Башыбүйік [8] өз зерттеулерінде бала саудасы қылмысын әлеуметтік бақылау теориясы тұрғысынан, Д. Харви бұл мәселені неолиберализм теориясы [9] шегінде, ал С. Федеричи бала саудасын феминистік теория [10] аясында қарастырды; К. Нильс адам саудасы құрбанының бес белгісін атап көрсетті [11]; К. Хойле адам саудасының негізгі төрт факторына тоқталды [12]. Бұл ғалымдардың іргелі еңбектері бала саудасының алдын алуға және бұл қылмыспен күрес жүргізуге зор үлес қосты.

Ресейдің құқық ғылымында балалар саудасы тақырыбын зерттеген авторларды ерекше атап өту қажет: Е. Кузнецова, Ю.А. Силуянова, Л.Ю. Егорова. Бұл ресейлік ғалымдар балалар саудасы мәселесін Ресей Федерациясының заңнамасы негізінде қарастырып, аталған қылмыстың түрлерін, факторларын және онымен күрес жүргізудің тиімді жолдарын ұсынады.

Осылайша, бала саудасының алдын алудың себептері мен құқықтық тетіктерін талдауға арналған тақырыпты таңдау жаһандық әлеуметтік проблема, бала құқықтарының бұзылуы, заңнаманы жетілдіру қажеттілігі, тұрақты дамуының 5 мақсатын жүзеге асыру сынды объективті және өзекті факторларға байланысты болды.

Авторлардың ойынша, зерттеу нәтижелері заңгерлерге, құқық қорғау органдарының қызметкерлеріне, Адам құқықтарын қорғау жөніндегі мамандарға және балалар саудасына қарсы мемлекеттік саясатты құрастырушыларға пайдалы болады.

Материалдар мен әдістер

Балалар саудасы мәселесін қарастыру зерттеудің сапалық және сандық әдістерін қоса алғанда, кешенді тәсілді қажет етеді. Осы мақалада халықаралық және ұлттық құқықтық актілерді саралау, халықаралық ұйымдардың есептерін талдау, құқыққорғау органдарының статистикасына шолу жасау құжаттарды талдау әдісі арқылы жүзеге асырылды.

Құқыққорғау органдары анықтаған балалар саудасының түрлі жағдайларын қарастыру, балалар

саудасы құрбандарының портретін жасау зерттеудің статистикалық талдау әдісінің көмегімен сараланды.

Әлеуметтік бақылау теориясының эволюциясын қарастыру зерттеудің тарихи әдістемесін қолдану арқылы ұсынылды.

Нәтижелер мен талқылау

Бала саудасы – зорлық-зомбылықтың ең ауыр түрлерінің бірі, балаларды құлдыққа, мәжбүрлі еңбекке, жыныстық зорлық-зомбылыққа немесе басқа да зорлық-зомбылық түрлеріне пайдалану үшін сату, жалға беру немесе тұтқында ұстау заңсыз әрекеті. Бұл жағдай дүние жүзіндегі мыңдаған балаларға әсер етіп, олардың құқықтарын бұзып, физикалық, психологиялық және физикалық зорлық-зомбылық қаупіне ұшыратады. Бала саудасын ұлтаралық қылмыстық топтар жүзеге асырады және аймақтық ауқымда болуы мүмкін. Ғалым Б.У. Сейтхожиннің пікірінше адам саудасы тек балалар саудасын ғана емес, сонымен бірге әйелдер мен ерлер саудасын да қамтиды, бұл оларды жыныстық қанау мақсатында да, құлдыққа және мәжбүрлі еңбекке тарту мақсатында да жүзеге асырылады [3].

Балалар саудасының негізгі себептерінің бірі – кедейлік, әлеуметтік тұрақтылықтың болмауы және адам құқықтарының тиімді мониторингінің болмауы. Қаржылық қиындықтарға тап болған отбасылар балаларына жақсы өмір немесе жұмыс туралы жалған уәделер беретін жағымсыз тәжірибелерден зардап шегуі мүмкін. Балалар саудасының тән ерекшелігі – бұл трафикерлер, балалар саудасын ұйымдастырушылар шебер қолданатын балалардың психологиялық ерекшеліктері, мысалы, жағдайдың қауіптілігін бағалау қабілетінің төмендеуі, олардың қорқыныштарын түсіну және артикуляциялау, өз қауіпсіздігіне байланысты тәуелсіз шешімдер қабылдау қабілеті, өзіне қамқорлық жасай алмау, осы мәселелерде ересектерге үнемі тәуелділік [4]. Бала саудасы есірткі саудасы және сыбайлас жемқорлық сияқты қылмыстың басқа түрлерімен де байланысты. Кедейлік, соғыс және климаттық дағдарыстар көптеген елдерде адам саудасының қаупін арттырады. Осы алаңдауға

тұрарлық жағдайды ескере отырып, БҰҰ Есірткі және қылмыс жөніндегі басқармасы өткен жылы жариялаған есебінде адам саудасымен күрес халықаралық қауымдастықтың ынтымақтастығын талап ететінін атап өтті.

БҰҰ Есірткі және қылмыс жөніндегі басқармасының 2024 жылғы адам саудасы туралы жаһандық баяндамасында 156 мемлекеттің аймақтарынан мәліметтер жинақталған. Баяндамаға сәйкес, әлемде адам саудасы құрбандарының жалпы саны 2022 жылы 69,6 мыңнан асқан, бұл көрсеткіш 2020 жылғы Covid-19 пандемиясы кезінде жылдам азайған анықталған жағдайлар санымен салыстырғанда 43% артық².

Балалар саудасының алдын алу адам құқықтары тетіктерін нығайтуды, білім беру мен әлеуметтік қолдауды жақсартуды, сондай-ақ ұйымдасқан қылмыстық желілермен күресте

халықаралық ынтымақтастықты қамтитын кешенді тәсілді қажет етеді. Халықтың қорқыныш пен балаларды зорлық-зомбылықтан қорғау жолдары туралы хабардарлығын арттыру үшін кеңірек ақпараттық науқан жүргізу қажет. Халықаралық ұйымдар мен әртүрлі елдердің үкіметтері балалар саудасымен күресудің бағдарламаларын, саясатын, жаңа заңдары мен тетіктерін әзірлеуде белсенді жұмыс істейді, өйткені бұл қоғамның ең осал аспектілерінің бірі [5].

Қазақстан Республикасындағы балалар саудасы мәселесі өте өзекті болып тұрғаны мәлім. Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есеп комитетінің ғаламтор-порталындағы статистикалық мәліметтерге сүйенетін болсақ, 2014-2024 жылдар аралығында балалар саудасы 2015 жылы ең жоғары көрсеткішке жетсе, 2022 жылы тек 1 қылмыс фактісі тіркелген³.

Кесте 1. Балалар саудасымен байланысты тіркелген қылмыстық құқықбұзушылықтар саны (2014-2024 жж.).

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Кәмелетке толмағандар саудасы (ҚР ҚК 135-бабы)	15	49	13	12	5	6	20	13	1	19	7

Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есеп комитетінің ғаламтор-порталынан алынды (ҚР БП ҚСЖАЕК) <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>.

Кестеден байқағанымыздай, 2014 жылы Қазақстан Республикасында балалар саудасына қатысты қылмыс саны едәуір артқан. Мұны келесі факторлармен байланыстыруға болады:

1. Экономикалық қиындықтар:

Елдің негізгі табыс көздерінің бірі болып табылатын мұнайдың әлемдік бағасының төмендеуі көптеген отбасылардың материалдық жағдайының нашарлауына әкелді. Халықаралық энергетикалық агенттіктің <https://www.iea.org> ресми мәліметі

бойынша 2014 жылы Қазақстанда мұнай бағасы барреліне 98,95 долларды құрады, ол алдыңғы жылмен салыстырғанда 8,94% төмен. Кедейлік пен жұмыссыздықтың өсуі балаларды қанауға осал етті, өйткені кейбір отбасылар қиын жағдайда өмір сүрмеу үшін күмәнді шешімдерге жүгінуі мүмкін.

2. Көші-қон процестерін күшейту және урбанизация:

Халықтың ауылдық аймақтардан қалаларға белсенді қоныс аударуы, сондай-ақ трансұлттық көші-қон ағындары әлеуметтік байланыстардың әлсіреуіне және осал топтарды бақылауға ықпал етті. Бұл балалар саудасына мамандандырылған қылмыстық топтардың қызметіне

² Global Report on Trafficking in Persons 2024. // URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2024/GLOTIP2024_BOOK.pdf P. 10 (date of reference: 14.11.2024).

³ Қазақстан Республикасы Бас Прокуратурасының Құқықтық статистика және арнайы есеп комитетінің ғаламтор-порталы (ҚР БП ҚСЖАЕК). // URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (жүгінген күні: 10.11.2024).

қолайлы жағдай жасады.

3. Мемлекеттік органдар арасындағы төмен координация:

Құқық қорғау органдары, әлеуметтік қызметтер және халықаралық серіктестер арасындағы іс-әрекеттердің үйлестірілмеуі бала саудасымен байланысты қылмыстық әрекеттерді уақтылы анықтауды және жолын кесуді қиындатты. 2014 жылы 3 шілдеде Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі қабылданды⁴. Бұл Кодексте адам ұрлау бабы бойынша жаза қатаңдатылып, он жылдан он бес жылға дейінгі мерзімге өзгертілді. Жаңартылған қылмыстық кодекс қолданысқа енгізілгеннен кейін адам саудасының, соның ішінде балалар саудасының көрсеткіші төмендеді деп сеніммен айтуға болады.

4. Қылмыстарды анықтау деңгейін арттыру:

Бақылау тетіктерін күшейту және бала саудасы мәселесіне көбірек көңіл бөлу статистиканың бұрынғыға қарағанда көбірек тіркелген жағдайларды көрсетуіне әкелуі мүмкін. Бұл міндетті түрде қылмыстың күрт өсуін білдірмейді, бірақ бұл қылмыстарды тіркеу және тергеу процестерінің жақсарғанын көрсетуі мүмкін. Осылайша, 2014 жылы Қазақстан Республикасында балалар саудасының өсуі экономикалық, әлеуметтік және ұйымдастырушылық факторлардың үйлесуіне байланысты, бұл осы мәселені шешуге кешенді көзқарастың қажеттілігін байқатады.

Балалар саудасының себептерін, түрлерін және оған әсер етуші факторларды анықтау үшін қазіргі құқықтың теорияларына жүгінгенді жөн санаймыз. Құқық теорияларының балалар саудасына қатысты тұжырымдарын анықтап, бұл қылмысты болдырмаудың және алдын алудың жолдарын ұсынуға болады. Балалар саудасы туралы қазіргі құқық теориялары халықаралық келісімдер мен ұлттық құқықтан бастап қылмыстық бизнеске қатысты әлеуметтік мәселелерге дейінгі көптеген аспектілерге қатысты. Бала саудасы адам құқықтары таптаудың ең ауыр түрі болып табылады және осы салада құқық белсенді түрде дамуда. Осы тақырып бойынша заң тәжірибесінде

қазіргі құқық теорияларын, тәсілдер мен тенденцияларды қарастырып өтейік.

Әлеуметтік бақылау теориясы және кемсітушілікке қарсы теория.

Соңғы жылдары балалар саудасы жағдайында әлеуметтік әділеттілік мәселелеріне көбірек көңіл бөлінуде. Балалар саудасы әлеуметтік әділетсіздік пен кемсітушілік жағдайында жүзеге асырылады. Әлеуметтік әділеттілік теориясына сәйкес, балалар саудасына қарсы күрес алдымен балаларға қауіп төндіретін әлеуметтік теңсіздіктің, мәдени және экономикалық теңсіздіктің кең контекстін ескеруі керек. Бала саудасының жаһандық экономикада тамыры тереңге жайылғанын мойындау маңызды, мұнда халықтың белгілі бір топтары, әсіресе дамушы елдерде, оларға қарсы тұруға осал етеді.

Тәуелсіз бағыт ретінде әлеуметтік бақылау теориясы XIX ғасырдың соңында пайда бола бастайды. Ғылымда «әлеуметтік бақылау» терминінің пайда болуы Г.Тардтың есімімен байланысты. Тард өзінің «Коммуникация және әлеуметтік ықпал» атты еңбегінде бұл ұғымды «қоғамға жат мінез-құлқы бар адамдарды қоғамдық маңызы бар қызметке қайтару құралы», жалпы қабылданған әлеуметтік нормаларға сәйкес келетін мінез-құлық ретінде айқындай отырып енгізеді [6].

Әлеуметтік бақылаудың табиғаты мен мәні туралы идеялардың дамуында қоғамның әлеуметтік өміріндегі осы құбылысқа көзқарастардың даму тенденциясы айқын байқалады. Бастапқыда әлеуметтік бақылау және басқару туралы идеялар қоғамның өмір сүруінде тұрақтылықты қамтамасыз ету қажеттілігі және оған қол жеткізу құралдарын іздеу туралы дерексіз пайымдауларға дейін азайды. Алайда, кейінірек әлеуметтік бақылаудың әлеуметтік шындықта қоғамның басқарылуын қамтамасыз ететін арнайы механизм ретінде бар екенін түсінуге көшу болды [13].

Бала саудасы мәселесіне қатысты әлеуметтік бақылау теориясы бұл құбылыстың неліктен пайда болатынын және оны қалай болдырмауға болатынын түсіндіруге көмектеседі. Сонымен, теория балалар саудасы

⁴ Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K1400000226> (жүгінген күні: 05.11.2024).

әлеуметтік институттар (отбасы, мектеп, құқық қорғау органдары) әлсіреген немесе тиімсіз қоғамдарда жиі кездеседі деп тұжырымдайды. Мысалы, дисфункционалды отбасылардан, маргиналды қауымдастықтардан немесе қақтығыстардан зардап шеккен аудандардан шыққан балалар қанауға осал болады [7].

Бақылау жүйесінен тыс балалар, мысалы, панасыз немесе қараусыз қалған мигранттар сауданың құрбаны болу қаупі жоғары. Бұл топтар қорғаныс механизмдерінен оқшауланған және көбінесе қолдауға қол жеткізе алмайды [7]. Мұндай ұстанымды түрік ғалымдары Ө. Каракуш және О. Башыбүйік ұстанады. Түрік қоғамының мысалында «Social disorganization theory and human trafficking: a systemic control approach to the phenomenon» атты зерттеуінде зерттеушілер Халықтың көші-қонына байланысты әлеуметтік бақылаудың төмен деңгейі адам саудасының себептерінің бірі екенін дәлелдейді [8].

Әлеуметтік бақылау теориясы білім беру, медициналық, әлеуметтік және құқықтық жүйелер арасында үйлестірілген әрекеттердің болмауы балалардың саудасы байқалмайтын және жазасыз қалатын жағдайлар туғызатынын атап көрсетеді. Мысалы, құрбандарды сәйкестендіру процедураларының сәйкес келмеуі олардың қажеттіліктеріне жеткіліксіз жауап беруге әкеледі. Денсаулық сақтау, білім беру жүйелері, құқық қорғау органдары мен әлеуметтік қорғау қызметтері арасындағы үйлестірудің болмауы қарастырылуда [7].

Сауда құрбандарының балаларын әлеуметтік қабылдау көбінесе «проблемалы» балалар немесе «бөтен адамдар» туралы стереотиптерге негізделген. Бұл әлеуметтік бақылау теориясымен түсіндірілетін мәселені шешу үшін қоғамдық қызығушылық пен белсенді әрекет деңгейін төмендетеді [7].

Адам құқықтары (бала құқықтары) теориясы

Бала саудасы адам құқықтары тұрғысынан баланың өмір сүру құқығы, Бостандық, жеке басына қол сұғылмаушылық және зорлық-зомбылықтан қорғау сияқты негізгі

құқықтарын бұзу ретінде қарастырылады. Халықаралық деңгейде құқық қорғау тетіктерін қолдану осы қылмыспен күресте шешуші рөл атқарады⁵. Бала құқықтарының маңыздылығы әмбебап, орынға немесе ұлтқа тәуелді емес деп саналады.

Бұл тәсілге сәйкес, бала құқықтың субъектісі болып табылады және оның мүдделері кез-келген жағдайда қорғалуы керек. Құқықтық қорғау мыналарды қамтиды:

- Балаларды әртүрлі нысандарда (жыныстық, еңбек және т.б.) қанауға қарсы тұру.

- Кінәлілерді жазалауға бағытталған халықаралық және ұлттық нормаларды қабылдау.

- Жәбірленушілердің құқықтарын қалпына келтіру және оңалту шаралары.

Осы тұста ресейлік ғалым Ю.А. Силуянованың ғылыми мақаласына тоқталуды жөн көрдік. Ол Ресейдегі балалар саудасымен күресу мәселесін қарастыра отырып, балалар саудасының бірнеше формалары мен түрлерін анықтайды:

1. балаларды қайыр сұрауға мәжбүрлеу үшін сату;

2. ағзаларды трансплантациялау мақсатында саудалау;

3. балаларды қарулы топтарға тарту;

4. кәмелетке толмағандарды сексуалдық қызмет көрсетуге мәжбүрлеу [14]. Автор осы мақалада дисфункционалды отбасынан шыққан балалармен үнемі профилактикалық жұмыс жүргізу керек деген қорытындыға келеді.

Ғалым Егорова Л.Ю. заң ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алуға арналған диссертациясының авторефератында экономикалық, жыныстық мақсатта пайдалану, бала асырап алу, трансплантациялау үшін ағза мүшелері мен тіндерді алу, ақшалай табыс алу сияқты балалар саудасының түрлерін анықтайды [15].

Криминологиялық теория

Баласаудасының криминологиялық теориясы осы қылмысқа ықпал ететін себептер мен жағдайларды талдайды. Бұл теория шеңберінде кедейлік, білімнің болмауы және әлеуметтік ұтқырлық мүмкіндіктері сияқты

⁵ Бала құқықтары жөніндегі конвенция, 1989 жылғы 20 қарашадағы Бас Ассамблеяның 44/25 резолюциясымен қабылданды. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child-con.shtml (жүгінген күні: 08.10.2024).

элеуметтік-экономикалық факторларды зерттеуге баса назар аударылады, бұл балаларды жалдау мен қанауға осал етеді. Сондай-ақ, заңсыз операциялар үшін әртүрлі елдер заңнамасының әлсіз жақтарын пайдаланатын трансұлттық қылмыстық желілердің маңыздылығы атап өтіледі.

Теория бала саудасымен күресу тек қылмыстық жазаларды ғана емес, сонымен бірге қылмысқа ықпал ететін факторларды азайтуға бағытталған алдын-алу шараларын да қамтуы керек деп болжайды (мысалы, білім деңгейін көтеру, элеуметтік қорғауды жақсарту).

Криминологиялық теория қылмыскер мен жәбірленішінің портретін сипаттайтындықтан, балалар саудасының құрбаны қандай болады деген сұрақ туындайды. Норвегиялық криминолог Нильс Кристиадам саудасының идеалды құрбанының 5 белгісін анықтайды:

1. Жәбірленуші әлсіз (физикалық тұрғыдан). Науқас, қарт немесе өте жас адамдар идеалды құрбан ретінде өте қолайлы.

2. Жәбірленуші қоғамдағы «маңызды» қызметпен айналысады.

3. Жәбірленушінің жасаған әрекеттері мен орналасқан жерін айыптауға болмайды.

4. Қылмыскер ірі денелі, түрі суық.

5. Қылмыскер мен жәбірленуші та- ныс емес [11].

Құрбанның қандай сипатқа ие екенін анықтап алған соң, аталған қылмысқа ықпал ететін факторларды айқындаған жөн. Оксфорд университетінің профессоры Кэролин Холлдың адам саудасының 4 факторын атап көрсеткенін ескеру қажет: итермелеу факторы, экономикалық кедейлік, әлсіз қорғаныс, тартылыс факторы [12].

Ал ресейлік ғалым Силуянова Ю. А. бала саудасының элеуметтанулық факторларын зерттей отырып, олардың келесідей маңыздыларын анықтайды: жаһандану, қылмыстық экономика, қарулы қақтығыстар, табиғи апаттар, демографиялық көрсеткіштер, теңсіздік, заңнаманың тиімсіздігі [16].

Халықаралық құқық және гуманитарлық нормалар теориясы

Халықаралық құқық балалар саудасына қарсы күресте шешуші рөл атқарады. Бірнеше маңызды халықаралық шарттар бар, мысалы:

- Адам саудасының, әсіресе әйелдер мен балалардың алдын алу және жолын кесу туралы Хаттама БҰҰ-ның Трансұлттық ұйымдасқан қылмысқа қарсы конвенциясына қосымша⁶.

- Балалар құқықтарын қорғау туралы конвенция, ол мемлекеттердің балаларды қанаудан, оның ішінде саудадан қорғау жөніндегі міндеттемелерін белгілейді⁷.

адамзатқа қарсы қылмыс деп таниды⁸.

Бұл халықаралық нормалар жаһандық деңгейде балалар саудасымен күресуге, сондай-ақ елдер арасында ынтымақтастық орнатуға, соның ішінде ақпарат алмасуға және қылмыстың жолын кесу әрекеттерін үйлестіруге негіз болды.

Гендерлік зерттеулер теориясы.

Гендерлік зерттеулер теориясы балалар саудасының гендерлік аспектілеріне назар аударады. Көп жағдайда сауда құрбандары қоғамдағы стереотиптермен және жыныстық кемсітушілікпен байланысты қыздар болып табылады. Жыныстық қанау немесе мәжбүрлі некеге тұру үшін балаларды сату әйелдер мен қыздардың құқықтарын шектейтін патриархалдық құрылымдардың салдары болып табылады.

Бұл теория маңызды аспектілерді қарастырады:

- Қыздардың жыныстық қанауға осалдығы.

- Элеуметтік және құқықтық тұрғыдан гендерлік теңсіздікті жою қажеттілігі.

- Кемсітушілік пен зорлық-зомбылықпен күресу қажеттілігін көрсететін феминистік призма арқылы балалардың құқықтарын қорғау.

2016 жылы құлдықтың қазіргі түрлерінің әрбір төртінші құрбаны бала

⁶ 2000 жылы 15 қарашада Бас Ассамблеяның 55/25 резолюциясымен қабылданды. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (жүгінген күні: 20.01.2025).

⁷ Бала құқықтары жөніндегі конвенция, 1989 жылғы 20 қарашадағы Бас Ассамблеяның 44/25 резолюциясымен қабылданды. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child-con.shtml (жүгінген күні: 08.10.2024).

⁸ Халықаралық қылмыстық соттың Рим статуты. // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (жүгінген күні: 18.01.2025).

болды деп есептелді. Әйелдер мен қыздар пропорционалды емес дәрежеде зардап шекті, зардап шеккендердің 71 пайыздан астамы әйелдер болды. Мәжбүрлі еңбекке тартылған 24,9 миллион адамның 4,1 миллионы мемлекет мәжбүрлеген мәжбүрлі еңбекке ұшырады, 4,8 миллион адам ересектердің мәжбүрлі жыныстық қанауына және/немесе балалардың коммерциялық жыныстық қанауына ұшырады және 16 миллион адам жеке экономикада мәжбүрлі еңбек қанауына ұшырады. Соңғысы көптеген іс-шараларда, соның ішінде үй жұмыстары (24 пайыз), құрылыс (18 пайыз), өңдеу өнеркәсібі (15 пайыз) және ауыл шаруашылығы, орман шаруашылығы және балық шаруашылығы (11 пайыз) болды. Жәбірленушілердің көпшілігі жалдау кезеңінде де, жұмысқа орналасу кезеңінде де мәжбүрлеудің әртүрлі түрлеріне ұшырады. Қанауға байланысты 16 миллион мәжбүрлі еңбек құрбандарының шамамен 24 пайызы жалақыны ұстады, 17%-ы зорлық-зомбылық қаупіне ұшырады, ал құрбандардың 16,4%-ы физикалық зорлық-зомбылыққа ұшырады. Физикалық зорлық-зомбылық ерлер мен әйелдерге бірдей әсер еткенімен, әйелдер мен қыздардың 98%-ы жыныстық зорлық-зомбылыққа ұшыраған⁹.

Феминистік теорияның өкілі Сильвия Федеричи өзінің «Калибан және сиқыршы» монографиясында (1984) феодализмнің капитализмге өту кезеңіндегі әйелдер тарихын сипаттайды. Ол құл саудасы еуропалық жұмысшылар үшін дәуірлік бақытсыздық болды деп мәлімдейді [10]. Қара құлдарға үйленген ақ әйелдер сотталды, ал мұндай одақта туылған балалар өмір бойы құл болды. Олардың балалары аукционға шығарылды. Автордың пікірінше, адам саудасы, соның ішінде балалар саудасы әйелдердің ақысыз еңбегімен, әйелдер еңбегінің құнсыздануымен және әйелдер мен олардың балаларының құқықтарына нұқсан келтірумен байланысты.

Неолиберализм теориясы.

Неолиберализм теориясы жаһандану және нарықтарды

либерализациялау процестері экономикалық өсуге, халықаралық ынтымақтастық мүмкіндіктерін кеңейтуге және капиталдың еркін қозғалысына ықпал ететінін атап көрсетеді. Алайда, бұл процестер бір мезгілде әлеуметтік теңсіздікті күшейтіп, халықтың осал топтары, соның ішінде балалар қанауға қауіп төндіретін жағдайлар туғызуы мүмкін. Бәсекелестік нарық жағдайында жеткілікті әлеуметтік қорғаудың болмауы көлеңкелі экономикалық қатынастардың дамуын ынталандыруы мүмкін, олардың арасында балалар саудасымен байланысты заңсыз нарықтар да бар.

Дэвид Харви неолиберализм, ең алдымен, тұжырымдары іс жүзінде кеңінен қолданыла бастаған саяси экономикалық теория деп санайды. Бұл теорияға сәйкес, жеке тұлға өзінің кәсіпкерлік қабілеттерін еркін нарық жағдайында қолдана отырып, әл-ауқатқа қол жеткізе алады, дегенмен белгілі бір институционалдық шекараларда – күшті меншік құқығы, еркін нарық және еркін сауда ортасы болады. Бұл теория бойынша бала саудасы да нарықтың бір тауарындай қарастырылады [9].

Неолибералдық теория нарықтық механизмдер ресурстарды оңтайлы бөлуді қамтамасыз етеді деп есептей отырып, мемлекеттің экономикадағы рөлін төмендетуді жақтайды. Алайда, балалар саудасы жағдайында нарықтық тетіктерге деген шамадан тыс сенім мемлекеттік құрылымдардың көлеңкелі әрекеттерден туындайтын жағымсыз сыртқы әсерлерге дұрыс жауап бере алмауына әкелуі мүмкін. Реттеудің жеткіліксіздігі сыбайлас жемқорлық байланыстарының пайда болуына және заңсыз экономикалық процестерді бақылаудың әлсіреуіне ықпал етуі мүмкін, бұл қылмыстық желілер үшін қолайлы жағдай туғызады.

Неолибералдық тәсіл меншік құқығы нақты анықталған және бұзушылықтар үшін қатаң санкциялар белгіленген күшті және ашық құқықтық жүйені құруды талап етеді. Бала саудасына қатысты бұл кәмелетке толмағандарды қанаумен айналысатын қылмыстық топтардың қызметін жедел тоқтатуға мүмкіндік беретін тиімді құқықтық құралдарды қалыптастыру

⁹ Current and emerging forms of slavery. Report of the Special Rapporteur on contemporary forms of slavery, including its causes and consequences. // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g19/226/64/pdf/g1922664.pdf> (date of reference: 14.01.2025).

қажеттілігін білдіреді. Қылмыстардың трансұлттық сипаты жағдайында әрекет етуге қабілетті сот жүйесі мен құқық қорғау органдарының дамуы маңызды аспект болып табылады.

Неолибералдық модель жеке сектор мен азаматтық қоғамның әлеуметтік мәселелерді шешуге белсенді қатысуын болжайды. Бала саудасына қарсы күресте бұл қылмыстық схемаларды мониторингтеу және анықтау үшін инновациялық технологияларды әзірлеу мен енгізуде, сондай-ақ осал аймақтардағы өмір сүру деңгейін арттыруға бағытталған корпоративтік әлеуметтік жауапкершілік бағдарламаларын іске асыруда көрініс табуы мүмкін. Мемлекет, бизнес және КЕҰ арасындағы серіктестік көлеңкелі экономикаға қатысуға деген ынтаны төмендете отырып, балалар мен олардың отбасылары үшін балама мүмкіндіктер жасауға ықпал ете алады.

Неолибералдардың еркін нарықтың тиімділігіне деген сеніміне қарамастан, олар айтарлықтай әлеуметтік және экономикалық теңсіздік қылмыстық схемалар үшін қолайлы жағдай туғызатынын мойындайды. Тиісті әлеуметтік кепілдіктер мен жұмысқа орналасу мүмкіндіктері болмаған жағдайда, әсіресе кедей аймақтарда отбасылар өмір сүрудің заңсыз әдістеріне жүгінуге мәжбүр болуы мүмкін, ал балалар қанаушыларға оңай олжа болады. Осылайша, экономикалық мүмкіндіктерді дамыту және осал топтарды қолдау арқылы теңсіздікті азайту бала саудасының алдын алудың маңызды құралы ретінде қабылданады.

Неолибералдық теориялар трансұлттық қылмыстық желілермен күресте халықаралық ынтымақтастық қажеттілігін атап көрсетеді. Заңнаманы үйлестіру, бақылаудың жалпы тетіктерін құру және мемлекеттер арасында ақпарат алмасу бала саудагерлері пайдаланатын құқықтық нормалардағы алшақтықты азайтудың негізгі құралдары ретінде қарастырылады. Бұл тұрғыда тиімді халықаралық ынтымақтастық жаһандық көлеңкелі нарықтарға қарсы тұру стратегиясының ажырамас бөлігіне айналады.

Бала саудасының неолибералды талдауы еркін нарықтың қосарланған сипатын көрсетеді: бір жағынан ол

экономикалық өсуге және халықаралық ынтымақтастықтың дамуына ықпал етеді, ал екінші жағынан белгілі бір топтардың әлеуметтік теңсіздігі мен осалдығын күшейтетін жағдайлар жасай алады. Бала саудасымен күресу үшін неолибералдық теориялар құқықтық мемлекетті нығайтуды, көлеңкелі нарықтарды тиімді реттеуді, жеке сектордың белсенді қатысуын және халықаралық ынтымақтастықты ұсынады. Нарықтық тетіктерді әлеуметтік қорғау саласындағы ойластырылған мемлекеттік саясатпен үйлестіру бұл қылмыстың көлемін азайтудың кілті болуы мүмкін.

Қорытынды

Қазіргі құқықтың теориялары қоғамдағы түрлі құрылымдардағы негізгі әлсіз жақтарын анықтауға және балалар саудасының алдын алудың тиімді шараларын, соның ішінде отбасы мен қоғам деңгейінде бақылау мен қолдауды күшейтуге көмектеседі.

Бала саудасының себептерін және оның алдын алудың құқықтық тетіктерін талдау осы мәселені шешуге кешенді көзқарастың қажеттілігін көрсетеді. Қолданыстағы халықаралық және ұлттық нормаларға қарамастан, балалар саудасы әлеуметтік-экономикалық, криминологиялық және институционалдық факторларға байланысты елеулі қауіп болып қала береді.

Бала саудасы бойынша құқықтың қазіргі заманғы теориялары құқық қорғау, криминологиялық, халықаралық-құқықтық және әлеуметтік-гендерлік перспективаларды қамтитын кешенді тәсілдерді әзірлейді. Бұл жаһандық қылмыспен күресу заңнаманы жақсартуды да, балаларды қанауға ықпал ететін әлеуметтік жағдайларды өзгертуді де қамтитын көп қырлы тәсілді қажет етеді.

Балалар саудасының түрлерін, себептерін қазіргі заманғы құқықтық теориялар тұрғысынан жан-жақты талдау арқылы біз осы күні балалар саудасы қылмысы артуының бірнеше себебін атап өткіміз келеді: әлеуметтік теңсіздік, гендерлік мәселе, экономикалық тұрақсыздық, қылмыстың латенттілігі және заңнаманың осал тұстары. Бала саудасына қарсы күрес халықаралық,

ұлттық және жергілікті деңгейдегі шараларды қамтитын кешенді тәсілді талап етеді. Бұл құбылыстың алдын алу және онымен күресу үшін қажет болатын бірнеше тәсілді ұсынғымыз келеді:

1. Құқықтық және нормативтік шаралар.

- Заң талаптарын қатаңдату: маңызды қадам – бала саудасының алдын алуға, саудагерлерді қылмыстық қудалауға және құрбандарды қолдауға бағытталған заңдарды қабылдау және жетілдіру. Заңдар бала саудасының жоғарыда аталған барлық түрлерін қамтуы керек – жыныстық қанаудан еңбекке қолдануға дейін.

- Халықаралық келісімдер және ынтымақтастық: БҰҰ-ның Адам саудасымен күрес туралы хаттамасы және қосымша хаттамалар сынды халықаралық келісімдерге мемлекеттердің қатысуы елдер арасындағы үйлестіру мен ақпарат алмасуды жақсартуға мүмкіндік береді.

- Құрбандарды қорғау: заңдар балалар саудасының куәгерлері мен құрбандарын қорғауды, соның ішінде баспана, қалпына келтіру және оңалту құқығын қамтамасыз етуі керек.

2. Алдын алу шаралары.

- Білім беру мекемелері: Халыққа, әсіресе балаларға, адам саудасының қаупі және өзін-өзі қорғау жолдары туралы білім беру. Мұндай бағдарламалар әсіресе мектептер мен жастар ұйымдары деңгейінде оқытылуы қажет.

- Отбасыларды қолдау: Балалар үшін қауіп факторы болуы мүмкін кедейліктің алдын алу үшін аз қамтылған отбасыларға әлеуметтік және экономикалық көмек көрсету. Бұл тұрғын үй, білім беру және медициналық көмек түріндегі көмекті қамтиды.

- Осал топтармен мақсатты жұмыс: Кедей отбасылардан шыққан балаларға, жетімдерге, босқындарға, мигранттарға, сондай-ақ көбінесе сауданың құрбаны болатын көшедегі балаларға көмектесуге бағытталған бағдарламалар әзірлеу.

3. Құқыққорғау органдарымен жұмыс.

- Қызметкерлердің біліктілігін арттыру: полицейлерді, сот және басқа органдарды балалар саудасына қатысты істерді тергеудің тиімді әдістеріне,

сондай-ақ жәбірленуші балалармен жұмыс істеудің нақты тәсілдеріне үйрету.

- Елдер арасындағы ынтымақтастық: Халықаралық балалар саудасының жолын кесу үшін әртүрлі мемлекеттер арасында ақпарат алмасу және бірлескен операциялар тетіктерін әзірлеу.

- Технологияны қолдану: жоғалған балалар туралы мәліметтер базасы сияқты қылмыстық желілерді бақылау және бақылау технологияларын қолдану, ғаламтордағы ақпаратты талдау үшін жасанды интеллектті пайдалану, әлеуметтік медиа мен онлайн платформаларда белсенді жұмыс істеу.

4. Құрбандарды оңалту және қолдау бойынша кешенді жұмыс.

- Психологиялық және әлеуметтік көмек: психологиялық оңалтуды, әлеуметтік бейімделуді қалпына келтіруге, қоғамға кірігуді қоса алғанда, балалар саудасының құрбандарына мамандандырылған көмек көрсету.

- Заң тұрғысынан қолдау: Балалар саудасының құрбандарына өтемақы алу, қорғау және құқықтарын қалпына келтіру үшін заңгерлік көмек көрсету.

- Балаларды туған отбасыларына қайтару бағдарламалары: егер бұл қауіпсіз болса, балаларды тиісті күтім мен қорғауды қамтамасыз ете отырып, олардың отбасыларына немесе балалар мекемелеріне қайтаруға жәрдемдесу.

5. Халықаралық ынтымақтастық.

- Халықаралық ұйымдармен ынтымақтастық: мысалы, ЮНИСЕФ, Интерпол, Халықаралық көші-қон ұйымы, Халықаралық еңбек ұйымы және басқалармен ақпарат алмасуды жақсарту, бірлескен тергеулер жүргізу және балалар саудасының алдын алу шаралары.

6. Медиа және заманауи технологияларды пайдалану.

- Медиа-ағарту шаралары: Бұқаралық ақпарат құралдары қоғамды проблема туралы хабардар етуде және бала саудасының алдын алуда шешуші рөл атқара алады. Теледидар, интернет және әлеуметтік медиа арқылы науқан тәуекелдер туралы хабардарлықты арттыра алады.

- Интернеттегі қанауға қарсы күрес: интернеттегі белсенділікті бақылау және балаларды сату мен қанаумен

айналысатын сайттарды бұғаттау үшін технологияларды қолдану. Балаларды сатуға немесе олардың суреттерін теріс пайдалануға болатын онлайн платформаларды бақылау да маңызды.

Қоғамның барлық секторларының күш-жігерін қамтитын аралас тәсіл балалар саудасымен күресудің ең тиімді әдісі болып табылады.

Осылайша, бала саудасының алдын алудың құқықтық тетіктерін жетілдіру тек

заңнамалық реформаларды ғана емес, сонымен қатар заманауи технологиялар мен халықаралық тәжірибені тереңірек біріктіруді талап етеді. Осы зерттеудің нәтижелері балаларды қорғаудың жаңа стратегияларын әзірлеу, халықаралық ынтымақтастықты күшейту және кәмелетке толмағандар саудасының алдын алу саласында тиімді мемлекеттік саясатты қалыптастыру үшін пайдалы болуы мүмкін.

Авторлардың үлестері.

Батырбекова А.Т. – зерттеу тұжырымдамасын әзірлеу және негіздеу, оның ішінде идеяны ұсыну, зерттеудің мақсаттары мен міндеттерін айқындау.

Муталаяпова А.Ш. – ғылыми әдебиеттерді талдау және қолжазба мәтіндерімен жұмыс жүргізу.

Алембаев К.О. – заң әдебиеттерін талдау, қорытынды жасау.

Әдебиеттің тізімі:

1. Бейсеналиев, Б.Н. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с торговлей людьми по законодательству Республики Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 // Б.Н. Бейсеналиев // - Бишкек, 2011. - 25 с.

2. Соловьева, В.В. К вопросу о теории справедливости Джона Ролзаю // В.В. Соловьева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-teorii-spravedlivosti-dzhona-rolza/viewer> (дата обращения: 20. 01.2025).

3. Сейтхожин, Б.У. Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права // «Проблемы перспективы развития уголовного законодательства Республики Казахстан»: материалы международной научно-практической конференции // Б.У. Сейтхожин // – Караганда: КарЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2004. - С. 1-8.

4. Сыдыкова, А.У. Проблемы траффика детей в Республике Казахстан. // А.У. Сыдыкова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-traffika-detey-v-respublike-kazahstan/viewer> (дата обращения: 14.12.2024).

5. Люцик, В.В. К вопросу о борьбе с торговлей детьми в Республике Казахстан и зарубежных странах // В.В. Люцик, Л.В. Сокольская, А.Ф.Сулейманов // Eurasian Scientific Journal of Law. - 2024. - №2(7). - С. 40-48.

6. Tarde, G. On Communication and Social Influence // G. Tarde // - Chicago: The university of Chicago Press, 1969. - 256 p.

7. Martins, P.C. Child Trafficking: The Construction of a Social Problem. // P.C. Martins // Retrieved from <https://www.intechopen.com/chapters/70093> (date of reference: 07.01.2025).

8. Karakuş, Ö. Social disorganization theory and human trafficking: a systemic control approach to the phenomenon // Ö.Karakuş, O.Başıbüyük // Turkish Journal of Police Studies. - 2010. - №12(2). - P. 23-41.

9. Harvey, D.A. Brief History of Neoliberalism // D.A. Harvey // Journal of the Royal Anthropological Institute. - 2008. - №14(3). - P. 666-710.

10. Federici, S. Caliban and the Witch // S.Federici // – New York: Autonomedia, 1984. - 128 p.

11. Nils Ch. The ideal victim. // [Retrieved from https://www.academia.edu/7884144/Nils_Christie_s_concept_of_the_ideal_victim_and_the_Murder_of_Anita_Cobby (date of reference: 14.01.2025).

12. Hoyle, C. Labelling the Victims of Sex Trafficking: Exploring the Borderland

between Rhetoric and Reality // C. Hoyle // Social & Legal studies. - 2011. - №20(3). - P. 313-329.

13. Kuznetsova, E. SocialControl: Essence and Methods of Implementation // E. Kuznetsova // –Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. - 200 p.

14. Силуянова, Ю.А. Борьба с торговлей детьми в России: поиски решения проблемы // Ю.А. Силуянова // Государственное управление. Электронный вестник. - 2020. - №81. - С. 313-329.

15. Егорова, Л.Ю. Торговля несовершеннолетними: проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 // Л.Ю. Егорова // - М., 2007. - 30 с.

16. Силуянова, Ю.А. Факторы, способствующие развитию индустрии торговли людьми в России и в мире // Ю.А. Силуянова // Государственное управление. Электронный вестник. - 2019. - №77. - С. 84-110.

© **А.Т. Батырбекова¹, А.Ш. Муталыпова¹, К.О. Алембаев¹, 2025**

¹ Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан
(E-mail: ¹batyrbekova29@mail.ru; ¹ojan-12@mail.ru, ¹kairat_kafu@mail.ru)

АНАЛИЗ ПРИЧИН И ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ПРАВА

Аннотация. В статье всесторонне анализируются причины торговли детьми и правовые механизмы ее предотвращения с точки зрения современных правовых теорий. Рассматриваются ключевые социально-экономические, криминологические и институциональные факторы, способствующие возникновению данного явления. Особое внимание уделяется пробелам в международном и национальном законодательстве, а также возможностям его совершенствования с учетом нормативного, позитивного и естественного правового подходов.

Торговля детьми процветает в условиях семейной дисфункции, бедности, неравенства, недостаточной защиты и отсутствия родительской заботы. Преступники часто выбирают в качестве мишени детей из крайне бедных семей или тех, кто был брошен родителями и опекунами. Конфликты, экономические проблемы и экологические катастрофы делают детей, особенно несопровождаемых и разлученных с семьями юных мигрантов, более уязвимыми.

Торговцы людьми используют онлайн-платформы, социальные сети и даркнет для контакта с детьми, их эксплуатации и контроля над жертвами. С помощью современных технологий они избегают обнаружения и распространяют контент насильственного характера. Бесконтрольное использование детьми Интернета и социальных сетей, часто без надлежащих мер безопасности, может еще больше подвергнуть их риску эксплуатации.

Современные правовые теории, исследующие проблему торговли детьми, предлагают более комплексный взгляд на это явление. Они направлены на синтез традиционных правовых методов с учетом современных социальных, экономических и технологических факторов. В статье рассматриваются основные подходы и направления современной правовой теории в контексте борьбы с торговлей детьми. На основе проведенного анализа разработаны рекомендации по укреплению правовых механизмов защиты детей, разработке эффективных мер профилактики и интеграции передового международного опыта.

Результаты исследования могут быть полезны юристам, сотрудникам правоохранительных органов, специалистам в области защиты прав человека, а также разработчикам государственной политики в сфере борьбы с торговлей детьми.

Ключевые слова: торговля детьми, правовые механизмы, современные правовые теории, международное право, защита прав ребенка, меры профилактики.

© A.T. Batyrbekova¹, A.Sh. Mytalyapova¹, K.O. Alembayev¹, 2025¹ Kazakh-American free university, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan
(E-mail: ¹batyrbekova29@mail.ru; ¹ojan-12@mail.ru, ¹kairat_kafu@mail.ru)

ANALYSIS OF THE CAUSES AND LEGAL MECHANISMS FOR PREVENTING CHILD TRAFFICKING: CONTEMPORARY LEGAL THEORIES

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the causes of child trafficking and the legal mechanisms for its prevention from the perspective of contemporary legal theories. It examines the key socio-economic, criminological, and institutional factors that contribute to the emergence of this phenomenon. Special attention is given to gaps in international and national legislation, as well as opportunities for improvement by considering normative, positive, and natural legal approaches.

Child trafficking thrives in contexts of family dysfunction, poverty, inequality, inadequate protection and neglect. Perpetrators often target children from extremely poor families or those who have been abandoned by their parents and caregivers. Conflicts, economic problems and environmental disasters make children, especially unaccompanied and separated young migrants, more vulnerable.

Traffickers use online platforms, social media and the dark web to contact, exploit and control children. They use modern technology to avoid detection and distribute violent content. Children's unsupervised use of the internet and social media, often without adequate security measures, can further expose them to exploitation.

Contemporary legal theories analyzing the issue of child trafficking offer a more comprehensive perspective on this phenomenon. They aim to integrate traditional legal approaches with modern social, economic, and technological factors. This article examines the key approaches and directions of contemporary legal theory in combating child trafficking. The article develops recommendations for strengthening legal mechanisms for the protection of children, developing effective preventive measures and harmonizing international best practices. The article presents recommendations for strengthening legal mechanisms for child protection, developing effective preventive measures, and coordinating best international practices.

The research findings may be useful for lawyers, law enforcement officers, human rights specialists, and policymakers involved in developing state policies against child trafficking.

Keywords: child trafficking, legal mechanisms, contemporary legal theories, international law, child rights protection, preventive measures.

References:

1. Beisenaliev, B.N. Kriminologicheskie i ugovorno-pravovye mery borby s trgovlei lyudmi po zakonodatelstvu Respubliki Kazakhstan: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 // B.N. Beisenaliev // - Bishkek, 2011. - 25 s.
2. Solovyeva, V.V. K voprosu o teorii spravedlivosti Dzhona Rolzayu. // V.V. Solovyeva // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-teorii-spravedlivosti-dzhona-rolza/viewer> (data obrashcheniya: 20. 01.2025).
3. Seithozhin, B.U. Aktualnye problemy ugovornogo prava, kriminologii i ugovorno-ispolnitelnogo prava // «Problemy perspektivy razvitiya ugovornogo zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan»: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. - Karaganda: KarJul MVD RK im. B. Beisenova, 2004. - S. 1-8.
4. Sydykova, A.U. Problemy traffika detei v Respublike Kazakhstan. // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-traffika-detey-v-respublike-kazakhstan/viewer> (data obrashcheniya: 14.12.2024).
5. Lyutsik, V.V., Sokolskaya L.V., Suleimanov A.F. K voprosu o borbe s trgovlei detmi v Respublike Kazakhstan i zarubezhnyh stranah // Eurasian Scientific Journal of Law. - 2024. - №2(7). - S. 40-48.
6. Tarde, G. On Communication and Social Influence. - Chicago: The university of

Chicago Press, 1969. - 256 p.

7. Martins, P.C. Child Trafficking: The Construction of a Social Problem. // Retrieved from <https://www.intechopen.com/chapters/70093> (date of reference: 07.01.2025).

8. Karakuş, Ö., Başibüyük O. Social disorganization theory and human trafficking: a systemic control approach to the phenomenon // Turkish Journal of Police Studies. - 2010. - №12(2). - P. 23-41.

9. Harvey, D.A. Brief History of Neoliberalism // Journal of the Royal Anthropological Institute. - 2008. - №14(3). - P. 666-710.

10. Federici, S. Caliban and the Witch // S. Federici // - New York: Autonomedia, 1984. - 128 p.

11. Nils Ch. The ideal victim. // Retrieved from https://www.academia.edu/7884144/Nils_Christie_s_concept_of_the_ideal_victim_and_the_Murder_of_Anita_Cobby (date of reference: 14.01.2025).

12. Hoyle, C. Labelling the Victims of Sex Trafficking: Exploring the Borderland between Rhetoric and Reality // C.Hoyle // Social & Legal studies. - 2011. - №20(3). - P. 313-329.

13. Kuznetsova, E. Social Control: Essence and Methods of Implementation // E. Kuznetsova // –Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. - 200 p.

14. Siluyanov, Yu.A. Borba s trgovlei detmi v Rossii: poiski resheniya problemy // Yu.A. Siluyanov // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. - 2020. - №81. - S. 313-329.

15. Yegorova, L.Yu. Torgovlya nesovershennoletnimi: problemy kvalifikatsii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 // L.Yu. Yegorova, // Egorova - M., 2007. - 30 s.

16. Siluyanov, Yu.A. Faktory, sposobstvujushchie razvitiyu industrii trgovli lyudmi v Rossii i v mire // Yu.A. Siluyanov // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik. - 2019. - №77. - S. 84-110.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Батырбекова Арайлым Турлыбековна - хат – хабарларға арналған автор, Қазақстан - Американдық еркін университетінің докторанты, М. Горький көшесі, 76, 070004, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: batyrbekova29@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1039-6359>.

Муталыпова Айман Шерехановна - заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан - Американдық еркін университетінің Құқық және халықаралық қатынастар кафедрасының қауымдастырылған профессоры, М. Горький көшесі, 76, 070004, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: ojan-12@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4154-734X>.

Алембаев Кайрат Оралканович - PhD докторы, Қазақстан - Американдық еркін университетінің Құқық және халықаралық қатынастар кафедрасының профессоры, М. Горький көшесі 76, 070004, Өскемен, Қазақстан.

E-mail: kairat kafu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2529-4768>; Scopus Author ID: 57698139400.

Батырбекова Арайлым Турлыбековна - автор для корреспонденции, докторант Казахстанско-Американского свободного университета, улица М. Горького, 76, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан.

E-mail: batyrbekova29@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1039-6359>.

Муталыпова Айман Шерехановна - кандидат юридических наук, ассоциированный профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско - Американского свободного университета, улица М. Горького, 76, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан.

E-mail: ojan-12@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4154-734X>.

Алембаев Кайрат Оралканович - доктор права PhD, профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско - Американского свободного

университета, улица М. Горького, 76, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан.

E-mail: kairat_kafu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2529-4768>;
Scopus Author ID: 57698139400.

Batyrbekova Araylim Turlybekovna - corresponding authors, PhD student at the Kazakh-American free university, 76 M. Gorky Street, 070007, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: batyrbekova29@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1039-6359>.

Mytalyapova Ayman Sherekhanovna - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law and International Relations at the Kazakh-American free university, 76 M. Gorky Street, 070007, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: ojan-12@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4154-734X>.

Alembayev Kairat Oralkanovich – doctor PhD, Professor at the Department of Law and International Relations at the Kazakhstan-American free university, 76 M. Gorky Street, 070007, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan.

E-mail: kairat_kafu@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2529-4768>;
Scopus Author ID: 57698139400.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 191-202

УДК 341.231.14
ГРНТИ 10.87.27
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_191
Научная статья

© А. Алмасулы^{1*}, Е.М. Абайдельдинов¹, 2025

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан,
(E-mail: ¹almassuly.arlan@gmail; ¹comerbolabay@mail.ru)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНЫ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В научной статье представлено исследование практики конституционного закрепления права на обращение в международные органы по защите прав человека в ряде государств, развития данной конституционной нормы во внутреннем праве и взаимодействия государств с международными органами по защите прав человека.

В ходе исследования проведен сравнительный анализ практики исполнения решений международных органов по защите прав человека в ряде государств, где право на обращение к этим органам закреплено на конституционном уровне, и в тех, где такого закрепления нет. На основе результатов анализа формулируется вывод об эффективности конституционного закрепления права на обращение в международные органы по защите прав человека как политико-правовой гарантии, обеспечивающей рассмотрение и исполнение решений международных органов по защите прав человека.

В статье также уделено внимание анализу теоретических и практических аспектов реализации права на обращение в международные органы по защите прав человека. Выявлены дополнительные закономерности, возникающие в результате конституционного закрепления данного права.

В заключении представленной статьи сформулирован основной вывод исследования, согласно которому конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека свидетельствует о политической позиции государства, намеренного на деле обеспечить и защищать права человека на своей территории. Кроме того, выявлено, что данный подход способствует улучшению реализации права, в частности за счет повышения уровня осведомленности граждан и совершенствования нормативной правовой базы государства.

Ключевые слова: договорные органы, ООН, права человека, Европейский суд по правам человека, Конституция, индивидуальные жалобы, решения Комитетов ООН.

* Автор для корреспонденции. E-mail: 1almassuly.arlan@gmail.

Введение

Конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека получило значительное распространение в зарубежной законодательной практике. В частности, сегодня данное право закреплено в Конституциях Боливарианской Республики Венесуэла, Республики Перу, Республики Армения и Республики Черногория. В 2023 году Республика Узбекистан также предусмотрела аналогичное положение в новой редакции своей Конституции, став вторым государством в Центральной Азии после Кыргызской Республики, закрепившим это право на конституционном уровне¹.

Международные органы по защите прав человека в целом положительно оценивают подобную практику, отмечая, что закрепление прав и свобод человека в основном законе способствует их более эффективной защите. Например, в Замечаниях общего порядка №31 Комитет по правам человека обращает внимание, что «...гарантируемые в Пакте (Международном пакте о гражданских и политических правах) права могут быть лучше защищены в государствах, где Пакт автоматически или через соответствующую процедуру инкорпорации становится частью внутренней правовой системы»².

Специалисты в области международного права также подчеркивают действенность данного подхода, отмечая, что наряду с ратификацией международных договоров по правам человека, включение их положений в Конституцию государства значительно усиливает гарантии прав человека. К примеру, Мэри Кэтрин Хили (Mary Kathryn Healy) в своем исследовании отмечает, что внесение поправок в Конституцию Республики Аргентины в 1994 году, включивших инкорпорацию норм нескольких международных договоров по правам человека, существенно повлияло на юрисдикцию судов, а также изменило подход национальных институтов к ин-

терпретации и обеспечению соблюдения этих норм [1].

В данном контексте примечательно, что конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека способно повлиять не только на национальные механизмы его реализации, но и опосредованно на практику рассмотрения и исполнения решений международных органов, которые возникают как прямое следствие осуществления этого права.

Учитывая, что в настоящее время во многих государствах сохраняются определенные трудности в рассмотрении и исполнении решений международных органов по защите прав человека, принятие конституционного положения, закрепляющего право на обращение в такие органы, можно рассматривать как потенциально эффективный шаг к их преодолению.

Исходя из этого, настоящая научная статья, помимо общей оценки практической значимости конституционного закрепления права на обращение в международные органы по защите прав человека, в частности, посвящена анализу его влияния на процедуру рассмотрения и исполнения решений международных органов в государстве.

Методы и материалы

Для выявления практической значимости конституционного закрепления права на обращение в международные органы по защите прав человека, а также для изучения его влияния на процедуру рассмотрения и исполнения решений международных органов, в статье используется сравнительно-правовой метод исследования.

При этом следует отметить, что в рамках аспекта исследования, посвященного практике рассмотрения и исполнения государствами решений международных органов по защите прав человека, преимущественно уделяется внимание решениям договорных органов ООН по правам человека.

¹ Конституция Республики Узбекистан (принята: 30.11.2023). // URL: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 25.10.2024).

² Замечание общего порядка №31: Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства -участники Пакта; Комитета по правам человека (принято: 29.03.2004). // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=8&DocTypeID=11 (дата обращения: 26.10.2024).

В качестве источников исследования используются конституции, нормативные правовые акты государств, решения национальных судов и международных органов, а также международные договоры по правам человека и факультативные протоколы к ним. Дополнительно привлекаются статистические данные, опубликованные на официальных сайтах государственных органов и международных организаций.

Результаты и обсуждение

Значение конституционного закрепления права в признании компетенции и реализации рекомендаций международных органов.

В соответствии с положениями международных договоров по правам человека, лица, находящиеся под юрисдикцией государства, могут воспользоваться правом на обращение в международные органы по защите прав человека в случае, если государство официально признало компетенцию этих органов принимать и рассматривать индивидуальные сообщения (жалобы).

В этом контексте признание компетенции договорных органов ООН по правам человека реализуется двумя основными способами. Первый способ применяется к Комитету по правам человека (КПЧ), Комитету по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП), Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), Комитету по правам ребенка (КПР) и Комитету по правам инвалидов (КПИ). Для этого государство должно ратифицировать соответствующий международный договор, регулирующий деятельность органа, а также факультативный протокол, касающийся процедуры подачи индивидуальных сообщений.

Второй способ касается Комитета по ликвидации расовой дискриминации (КЛРД), Комитета против пыток (КПП), Комитета по насильственным исчезновениям (КНИ) и Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов

и членов их семей (КПТМ)³. В данном случае, после ратификации соответствующего международного договора, необходимо направить специальное заявление подтверждающее признание компетенции органа на принятие и рассмотрение индивидуальных сообщений.

Признание компетенции региональных органов по защите прав человека осуществляется аналогичным образом — одним из вышеуказанных способов.

Таким образом, анализ международных договоров по правам человека демонстрирует, что помимо обозначенных условий, не существует дополнительных требований, необходимых для признания компетенции международных органов по защите прав человека. Следовательно, включение в конституцию положения о праве на обращение в международные органы также не является обязательным условием для признания их компетенции.

Это правило действует и в обратном порядке: даже если государство закрепляет в своей конституции право на обращение в международные органы для лиц, находящихся под его юрисдикцией, это не создает прямых оснований для реализации данного права без формального признания компетенции соответствующего органа.

Стоит отметить, что в некоторых случаях международные органы по защите прав человека могут прямо рекомендовать государствам принять определенные законодательные или иные меры для обеспечения полноценной реализации права на обращение в эти органы. Тем самым, международные органы могут, в том числе, рекомендовать закрепление данного права в основном законе государства.

При этом общая практика показывает, что международные органы по защите прав человека все же избегают предписания детализированных мер, которые государства должны предпринять для обеспечения реализации прав или устранения

³ Согласно статье 77 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, Комитет может принимать и рассматривать индивидуальные сообщения только после того, как десять государств-участников сделают соответствующие заявления о признании его компетенции. На данный момент это условие не выполнено, и Комитет не исполняет данную функцию.

существующих препятствий. Вместо этого они дают общие рекомендации, предоставляя суверенному государству свободу в выборе конкретных действий.

Этот подход подтверждается в Замечаниях общего порядка № 9 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, где отмечается: «...выбор конкретного метода обеспечения осуществления признанных Пактом (Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах) прав в национальном праве оставлен на усмотрение каждого государства-участника...»⁴.

Таким образом, результаты анализа показывают, что конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека не может считаться условием для признания их компетенции, гарантией реализации этого права при отсутствии соответствующего признания, либо же мерой, рекомендованной международными органами для осуществления права или устранения препятствий в его реализации.

Из этого следует, что включение права на обращение в международные органы по защите прав человека в конституцию следует рассматривать как действие, основанное на принципе *ex gratia* (добровольной основе), направленное на создание дополнительной политико-правовой гарантии осуществления данного права.

Роль Конституции в информировании лиц, находящихся под юрисдикцией государства, о праве и ключевых условиях его реализации.

Признание государством компетенции международных органов по защите прав человека предоставляет лицам, находящимся под его юрисдикцией правовую основу для реализации права на обращение в эти органы. Вместе с тем, для ее успешного осуществления необходимо помимо прочего соблюдение ряда ключевых условий (*conditio sine qua*

non), таких как исчерпание внутренних средств правовой защиты, юрисдикция по времени (*ratione temporis*), статус жертвы (*ratione personae*) и предмет спора (*ratione materiae*).

При несоблюдении одного из этих условий международные органы могут признать сообщение неприемлемым и отказать его рассматривать, даже при наличии зафиксированного нарушения прав человека.

Так, в деле 3.Ю. против Республики Казахстан, рассмотренном Комитетом по правам человека, автор сообщения указала на жестокое обращение к ней со стороны полиции и бездействие следственных органов по этому вопросу, которые отказались возбуждать уголовное дело. Суд первой инстанции удовлетворил иск автора, что инициировало повторное расследование. Однако дело снова не было возбуждено, и автор уже после представила сообщение в КПЧ.

Комитет в свою очередь отметил, что после второго отказа автор ограничилась направлением жалобы лишь в прокуратуру, не воспользовавшись доступными судебными процедурами для оспаривания решений следственных органов. Также автор не доказала неэффективность внутренних средств правовой защиты. На этом основании КПЧ признал сообщение автора неприемлемым, несмотря на то, что сообщение могло быть признано обоснованным по существу дела⁵.

Ввиду частоты подобной практики международные органы по защите прав человека нередко рекомендуют государствам широко распространять информацию о правах, закрепленных в международных договорах, а также о механизмах их реализации, уделяя особое внимание информированию всего населения, а не только государственных служащих или юристов. Так, в пункте 7 Замечания общего порядка №31 Комитет по правам человека указал: «Комитет считает важным повышать уровень осведомленности о Пакте не

⁴ Замечания общего порядка №9: Применение Пакта во внутреннем праве; Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (принято: 01.12.1998). // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=9&DocTypeID=11 (дата обращения: 02.11.2024).

⁵ Решение, принятое Комитетом по правам человека в соответствии Факультативным протоколом в отношении сообщения № 2849/2016 (принято: 24.03.2022). // URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/3148/ru-RU> (дата обращения: 03.11.2024).

только государственных должностных лиц и государственных служащих, но также и всего населения»⁶.

В этом ключе роль конституции в информировании граждан о праве на обращение в международные органы, а также об условиях его реализации представляется весьма значительной. Как основной закон, конституция является, как правило, одним из наиболее доступных и изучаемых источников права. Следовательно, указание в ней права на обращение в международные органы по защите прав человека, а также условий его реализации способствует повышению осведомленности населения и тем самым более эффективной реализации самого права.

Особенно важно учитывать это в современных условиях, когда рассмотрение индивидуальных сообщений международными органами по защите прав человека занимает от одного до трех лет или более. Ввиду чего отказ в рассмотрении сообщения из-за несоблюдения ключевых условий становится для авторов крайне неблагоприятным исходом, означающим потерю времени и упущенные возможности. Например, в уже упомянутом деле З.Ю. против Республики Казахстан автор сообщения ожидала решения КПЧ шесть лет, однако в итоге ее сообщение было признано неприемлемым по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

Исходя из этого примечателен способ закрепления данного права в Конституции Республики Перу. В статье 205 указано: **«После того, как все правовые средства, предусмотренные национальным законодательством, были использованы и в них было отказано, сторона, считающая себя пострадавшей с точки зрения прав, предоставленных Конституцией, может обратиться в международные суды или органы, учрежденные международными**

договорами или соглашениями, участником которых является Перу»⁷. Из текста статьи становится очевидно, что для реализации права необходимо соблюдение определенных ключевых условий. В данном случае в тексте прямо обозначены два условия исчерпание внутренних средств правовой защиты и принцип *ratione personae*.

В Конституции Боливарианской Республики Венесуэлы дается более общее описание ключевых условий, без их прямого упоминания, что также представляется эффективным, поскольку такой подход побуждает лиц самостоятельно обращаться к текстам международных договоров. В первом абзаце статьи 31 указано: **«Каждый человек имеет право на условиях, установленных международными договорами по правам человека, пактами и конвенциями, ратифицированными Республикой, обращаться с петициями и жалобами в специально созданные для этой цели органы, с тем чтобы просить о защите своих прав человека»⁸.**

Показателен также пример Конституции Боснии и Герцеговины. Хотя право на обращение в международные органы по защите прав человека прямо не упоминается в основном законе государства, в нем вместо этого косвенно отражены доступные для граждан международные механизмы защиты прав человека. Так, в статье 8 главы 2 отмечается: **«Все компетентные органы власти Боснии и Герцеговины сотрудничают с любыми международными механизмами наблюдения за соблюдением прав человека, созданными для Боснии и Герцеговины, и предоставляют неограниченный доступ к ним, в том числе надзорным органам, учрежденным любым из международных соглашений, перечисленных в приложении I к настоящей Конституции ...»⁹.**

⁶ Замечание общего порядка №31: Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства -участники Пакта; Комитета по правам человека (принято: 29.03.2004). // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=8&DocTypeID=11 (дата обращения: 26.10.2024).

⁷ Политическая Конституция Республики Перу (принята: 29.12.1993). // URL: <https://www.congreso.gob.pe/constitucion/reglamento/> (дата обращения: 03.11.2024).

⁸ Конституция Боливарианской Республики Венесуэла (принята: 15.12.1999). // URL: <https://venezuela.justia.com/federales/constitucion-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela/> (дата обращения: 04.11.2024).

⁹ Конституция Боснии и Герцеговины (принята: 14.12.1995). // URL: <https://www.paragraf.ba/>

В свою очередь, уже в приложении I перечисляются все международные договоры по правам человека, ратифицированные государством.

Подобный подход представляется весьма эффективным, поскольку способствует лучшей осведомленности граждан и иных лиц, находящихся на территории государства, о доступных им международных механизмах. Аналогичный подход к перечислению доступных механизмов в конституции мог бы быть полезным для Республики Казахстан. Поскольку согласно данным из базы правовой практики договорных органов ООН по правам человека, из 85 решений, принятых на основе индивидуальных сообщений против Казахстана, 83,53% (71 решение) вынес Комитет по правам человека. Остальные решения распределились следующим образом: 15,29% (13 решений) были вынесены Комитетом против пыток, а Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин за все время принял лишь одно решение (1,18%)¹⁰.

Эта статистика свидетельствует о явной диспропорции: граждане и лица, находящиеся в Казахстане, преимущественно обращаются только в КПЧ, что вызывает обоснованное беспокойство, учитывая, что доступ к КПЧ стал возможным лишь в 2009 году. Для сравнения, КЛДЖ доступен с 2001 года, а КПП и КЛРД — с 2008 года¹¹.

Безусловно, необходимо учитывать, что Международный пакт о гражданских и политических правах охватывает наиболее широкий перечень прав человека, что объясняет, почему КПЧ получает большее количество индивидуальных сообщений. Согласно принципу *ratione materiae*, сообщение должно касаться прав, закрепленных в соответствующем международном договоре. Широкий охват прав, предусмотренных Пактом, позволяет КПЧ рассматривать более разнообразные случаи нарушений,

чем другие договорные органы, чья юрисдикция более узкая.

Тем не менее, полное отсутствие решений со стороны КЛРД и всего одно решение, вынесенное КЛДЖ наталкивает на размышления о недостаточной осведомленности лиц о возможностях обращения в другие договорные органы. Так, профессор М.А. Сарсембаев, бывший член Комитета по правам человека (период членства: 2012), размышляя об отсутствии индивидуальных сообщений от граждан некоторых государств, также отмечал, что это может быть связано с тем, что «граждане некоторых государств могут просто не знать о существовании Комитетов ООН по правам человека» [2].

Практика рассмотрения договорными органами по правам человека индивидуальных сообщений от граждан Казахстана также указывает на важность осведомленности о доступных механизмах. Например, в деле С.Ш. против Казахстана КПЧ признал индивидуальное сообщение неприемлемым, поскольку все события, включая пытки сына автора, произошли до вступления в силу ратифицированного Казахстаном Факультативного протокола к МПГПП (30 сентября 2009 года). Из-за принципа *ratione temporis* Комитет не мог рассмотреть дело. При этом автор мог обратиться в КПП, который был доступен для него с 21 февраля 2008 года, и избежать подобного ограничения¹².

С учетом вышеизложенного конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека, с указанием условий его реализации и доступных механизмов, представляется важным шагом для повышения осведомленности граждан и иных лиц, находящихся на территории государства.

propisi.bih/ustav-bosne-i-hercegovine.html (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁰ Управление Верховного Комиссара по правам человека. База данных JURIS центральный источник правоприменительной практики договорных органов ООН по правам человека. // URL: <https://juris.ohchr.org/AdvancedSearch> (дата обращения: 04.11.2024).

¹¹ Закон Республики Казахстан «О ратификации Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах» (принят: 11.02.2009). // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000130> (дата обращения: 11.11.2024).

¹² Решение, принятое Комитетом по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом в отношении сообщения № 2842/2016 (принято: 28.03.2017). // URL: <https://juris.ohchr.org/casedetails/2188/en-US> (дата обращения: 04.11.2024).

Влияние конституционного закрепления права на национальное законодательство.

Анализ законодательства зарубежных государств показывает, что закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека в конституции не обязательно сопровождается законодательной поддержкой в виде принятия отдельного нормативного правового акта, конкретизирующего условия его реализации. Эта ситуация является исключением из общего правила, так как, обычно, права человека часто поддерживаются специализированными законами.

Так, например, абзац 4 статьи 18 Конституции Республики Армения гласит: «Каждый в соответствии с международными договорами Республики Армения имеет право обращаться с просьбой о защите своих прав и свобод в международные органы по защите прав и свобод человека»¹³. Однако, несмотря на наличие этого положения, в государстве отсутствует отдельный нормативный правовой акт, конкретизирующий реализацию данного права. Для сравнения, право на свободу собраний, закрепленное в статье 44 Конституции, имеет законодательную поддержку в виде Закона о свободе собраний¹⁴.

Подобная ситуация объясняется тем, что условия и аспекты реализации права на обращение в международные органы по защите прав человека, как правило, уже подробно урегулированы в международных договорах и факультативных протоколах, регулирующих деятельность соответствующих органов. В связи с этим принятие отдельного нормативного правового акта, дублирующего положения международных договоров лишь в части содержания указанного права, может восприниматься как избыточное.

Между тем, конституционное закрепление права на обращение в

международные органы по защите прав человека способствует принятию иных законодательных мер. В частности, оно обуславливает необходимость внесения изменений в действующие законы в целях их согласования с конституционным положением, а также уже конкретизации условий реализации данного права в определенных правовых ситуациях.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (УПК) в пункте 8 статьи 103 устанавливает: «Каждый осужденный вправе в соответствии с международными договорами Республики Армения обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все средства правовой защиты, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством»¹⁵.

Данная норма прямо коррелируется с конституционным закреплением права на обращение в международные органы, а также уточняет порядок его реализации, поскольку предусматривает возможность осуществления данного права конкретной категорией субъектов — осужденными. Вместе с этим, данная норма также косвенно возлагает обязательства на государственных служащих устранять любые препятствия для реализации указанного права, независимо от правового статуса осужденного.

Конституционное закрепление права в качестве политико-правовой гарантии исполнения решений международных органов по защите прав человека.

Полноценная реализация права на обращение в международные органы по защите прав человека не ограничивается лишь предоставлением доступа к этим механизмам. Без создания в государстве условий для рассмотрения и исполнения решений международных органов, которые являются следствием реализации данного права, оно утрачивает смысл. В частности, право лишается своей

¹³ Конституция Республики Армения (принята: 06.12.2015). // URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 06.11.2024).

¹⁴ Закон Республики Армения. О свободе собраний (принят: 14.04.2011). // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4123&lang=rus#:~:text=участие%20в%20собраниях-,1.,участию%20в%20каком%20либо%20собрании> (дата обращения: 08.11.2024).

¹⁵ Уголовный процессуальный кодекс Республики Армения (принят: 01.07.1998). // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1450&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 09.11.2024).

ключевой цели — возможности восстановления нарушенных прав.

Соответственно, конституционное закрепление данного права, помимо обеспечения доступа к международным органам, может стимулировать государство к принятию мер, направленных на создание эффективных механизмов для рассмотрения и исполнения решений международных органов.

В действительности, в ряде государств, где в конституции закреплено право на обращение в международные органы, в национальном законодательстве предусмотрены соответствующие механизмы, обеспечивающие восстановление нарушенных прав авторов индивидуальных сообщений. Такие механизмы включают пересмотр судебных решений, выплату компенсации или предоставление мер защиты направленных на предотвращение продолжающихся нарушений.

Например, согласно подпункту 6 пункта 1 статьи 424 УПК Республики Черногория, уголовное разбирательство, завершённое вступившим в законную силу судебным решением, может быть возобновлено в пользу обвиняемого, если Европейский суд по правам человека или иной международный суд установит нарушение прав и свобод человека в ходе разбирательства¹⁶.

Стоит отметить, что эта норма также могла быть принята в рамках международных обязательств государства, вытекающих из его участия в ЕКПЧ. Данное предположение подтверждается примером Республики Грузии, где аналогичная норма закреплена в пункте «д» статьи 310 Уголовно-процессуального кодекса, хотя в Конституции государства отсутствует положение о праве на обращение в международные органы¹⁷.

Поэтому для определения влияния конституционного закрепления права на

обращение в международные органы на принятие законодательных мер по созданию механизмов рассмотрения и исполнения их решений целесообразно изучить практику государств из других регионов.

В этом контексте предоставляет актуальным рассмотрение практики государств Центральной Азии. Так, в Конституции Республики Кыргызстан закреплено право на обращение в международные органы, а национальное законодательство предусматривает механизмы для исполнения решений таких органов. В частности, УПК (подп. 3 п. 4 ст. 451) признает возможность возобновления дела на основании решений международных органов¹⁸, а ГПК (подп. 3 п. 2 ст. 374) предусматривает возможность пересмотра дела на основе решений международных органов признавая их в качестве новых обстоятельств дела¹⁹.

В противоположность этому, в Республике Таджикистан и Республике Казахстан отсутствует конституционное закрепление права на обращение в международные органы, ввиду чего по-видимому отсутствуют и соответствующие механизмы. Таким образом, это сравнение *prima facie* (на первый взгляд) указывает, что конституционное закрепления права на обращение как минимум опосредованно может влиять на принятие законодательных мер, в отношении рассмотрения и исполнения решений международных органов.

Однако важно отметить, что вопреки вышеперечисленному, конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека, даже в совокупности с механизмами рассмотрения и исполнения решений этих органов, само по себе не обеспечивает их обязательного исполнения государством.

Это подтверждается, в частности, статистикой исполнения решений Ев-

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Черногория (принят: 01.09.2009). // URL: <https://www.paragraf.me/propisi-crnegore/zakonik-o-krivicnom-postupku.html> (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия (принят: 09.10.2009). // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=163> (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Кыргызстан (принят: 28.11.2021). // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/14744/ru> (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁹ Гражданско-процессуальный кодекс Республики Кыргызстан (принят: 25.01.2017). // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111521/edition/13446/ru> (дата обращения: 14.11.2024).

ропейского суда по правам человека в государствах. Так, в Армении уровень исполнения составляет 66%, в Черногории — 86%. С другой стороны, в Грузии и Хорватии, где право на обращение в международные органы не закреплено в Конституции, эти показатели составляют 55% и 88% соответственно. Данные демонстрируют отсутствие прямой зависимости между наличием конституционного положения о праве на обращение в международные органы и уровнем исполнения решений ЕСПЧ²⁰.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении исполнения решений договорных органов ООН по правам человека. Несмотря на то, что Конституция Кыргызстана закрепляет право на обращение в международные органы по защите прав человека, а в Туркменистане такие нормы отсутствуют, ситуация с исполнением решений в обоих государствах остается схожей. В заключительных замечаниях (от 2023 года) по третьему периодическому докладу Туркменистана Комитет отмечал, что государство по-прежнему не выполнило 23 принятых решения по индивидуальным сообщениям²¹. С другой стороны, заместитель директора Национального центра по предупреждению пыток Кыргызской Республики Д.Ш. Саякова в своем исследовании 2023 года также указала, что «по шести вынесенным решениям Комитета о нарушении права на свободу от пыток Верховным судом было отказано в удовлетворении ходатайства о пересмотре дела в связи с новыми обстоятельствами» [3].

В добавление вышеперечисленному анализ практики национальных судов различных государств по исполнению решений международных органов по защите прав человека также показывает, что конституционное закрепление права на обращение в эти органы, как правило, не оказывает прямого влияния на их решения. Это подтверждается отсутствием ссылок на такие

конституционные нормы в судебных актах.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека вносит вклад в развитие законодательства. Однако оно не гарантирует институциональной поддержки или полного исполнения решений международных органов.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что конституционное закрепление права на обращение в международные органы по защите прав человека представляет собой действие, основанное на принципе *ex gratia* — на добровольной основе. Это не является юридической обязанностью, поскольку механизмы реализации права на обращение в значительной мере обеспечиваются существующими международными договорами и факультативными протоколами, которые государства ратифицируют по своему усмотрению. Тем не менее, подобное конституционное закрепление права на обращение в международные органы свидетельствует о политической позиции государства, на деле намеренного осуществлять обеспечение и защиту прав человека на своей территории, и могла бы способствовать:

1) Укреплению конституционных гарантий обеспечения и защиты прав человека, которые далее детализируются в национальном законодательстве, различного рода программах и иных механизмах.

2) Повышению осведомленности граждан и всех находящихся на территории данного государства о данном праве, что представляет собой значительный шаг на пути к его более эффективной реализации.

Это актуально и в отношении Республики Казахстан, которая, в качестве ответственного члена мирового сообщества, в соответствии с п.1 статьи 1 Конституции страны «... утверждает себя демократическим,

²⁰ Общее количество дел, переданных на надзор. // URL: <https://public.tableau.com/app/profile/execution/viz/PercentageLeadingTotal/Dashboard1> (дата обращения: 16.11.2024).

²¹ Заключительные замечания Комитета по правам человека по третьему периодическому докладу Республики Туркменистан (опубликованы: 12.04.2023) // URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/countries.aspx?CountryCode=TKM&Lang=RU (дата обращения: 30.10.2024).

светским, правовым и социальным которого являются человек, его жизнь, государством, высшими ценностями права и свободы».

Вклад авторов.

Алмасұлы А. - формулирование темы и задач исследования, проведение анализа международных договоров, нормативных правовых актов и научной литературы, написание всех разделов статьи (введение, основная часть, заключение), подготовка списка литературы и аннотаций, редактирование текста и оформление согласно требованиям издания.

Абайдильдинов Е.М. - научное руководство, консультации по структуре и методологическому подходу, внесение содержательных и стилистических правок, проверка корректности проведенного анализа и окончательное утверждение текста статьи.

Список литературы:

1. Healy, M.K. Constitutional Incorporation of International Human Rights Standards: An Effective Legal Mechanism? // M.K. Healy // Chicago Journal of International Law. – 2023. – Vol. 2. - №2. – P. 114-129.
2. Сарсембаев, М.А. Решения Комитетов ООН в отношении Республики Казахстан: рекомендации по вынесению и реализации ее судебных решений // М.А. Сарсембаев // – Нур-Султан: Фонд имени Ф. Эберта в Казахстане, 2021. – 115 с.
3. Саякова, Д. Вопросы выплаты компенсации и возмещения ущерба жертвам пыток в Кыргызской Республике. // Д. Саякова // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://npm.kg/wp-content/uploads/2023/06/Polisi-8-Vozmeshhenie-vreda____.pdf. (дата обращения: 22.11.2024).

© А. Алмасұлы¹, Е.М. Абайділдинов¹, 2025

¹ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан,
(E-mail: ¹almassuly.arian@gmail; ¹comerbolabay@mail.ru)

АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ЖӨНІНДЕГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ОРГАНДАРҒА ЖҮГІНУ ҚҰҚЫҒЫН КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ДЕҢГЕЙДЕ БЕКІТУ: ШЕТЕЛДІК ТӘЖІРИБЕ

Аннотация. Ғылыми мақалада адам құқықтарын қорғау жөніндегі халықаралық органдарына жүгіну құқығының бірқатар мемлекеттердің конституцияларында бекітілу тәжірибесі, осы конституциялық норманың ішкі құқықтағы дамуы және мемлекеттердің халықаралық адам құқықтарын қорғау органдарымен өзара әрекеттесуі зерттеледі.

Зерттеу барысында адам құқықтарын қорғау бойынша халықаралық органдардың шешімдерін орындау тәжірибесінің салыстырмалы талдауы жүргізіледі. Бұл талдау аталған құқық конституциялық деңгейде бекітілген және ондай бекіту жоқ елдерді қамтиды. Оның нәтижесінде халықаралық органдарға жүгіну құқығын конституциялық түрде бекітудің тиімділігі туралы қорытынды жасалады. Аталған құқықты конституциялық деңгейде бекіту саяси-құқықтық кепіл ретінде шешімдерді қарау мен орындауды қамтамасыз ететіндігі көрсетіледі.

Мақалада сонымен қатар адам құқықтарын қорғау бойынша халықаралық органдарға жүгіну құқығын жүзеге асырудың теориялық және практикалық аспектілеріне талдау жасалған. Осы құқықтың конституциялық бекітілуі нәтижесінде туындайтын қосымша заңдылықтар анықталды.

Мақаланың қорытынды бөлімінде жүргізілген зерттеудің негізгі тұжырымы жасалды: адам құқықтары жөніндегі халықаралық органдарына жүгіну құқығын конституциялық тұрғыда бекіту мемлекеттің өз аумағында адам құқықтарын қамтамасыз ету мен қорғауға шынайы ниетті екенін көрсететін саяси ұстанымын

білдіреді. Онымен қатар аталған тәсіл құқықты жүзеге асыруды жақсартуға ықпал етеді, әсіресе азаматтардың осы құқық туралы хабардарлығын арттыру және мемлекеттің нормативтік құқықтық базасын жетілдіру арқылы.

Түйінді сөздер: шарттық органдар, БҰҰ, адам құқықтары, Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот, Конституция, жеке шағымдар, БҰҰ комитеттерінің шешімдері.

© A. Almassuly¹, Y.M. Abaideldinov¹, 2025

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan,
(E-mail: ¹almassuly.arlan@gmail; ¹comerbolabay@mail.ru)

CONSTITUTIONAL ENSHRINEMENT OF THE RIGHT TO APPEAL TO INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS BODIES: FOREIGN PRACTICE

Abstract. The scientific article presents a study of the practice of constitutional enshrinement of the right to appeal to international human rights bodies in a number of states, the development of this constitutional norm within domestic law, and the interaction of states with international human rights bodies.

The study includes a comparative analysis of the implementation practices of decisions made by international human rights bodies in states where the right to appeal to these bodies is constitutionally enshrined and those where it is not. Based on the analysis, a conclusion is drawn about the effectiveness of constitutional enshrinement of the right to appeal to international human rights bodies as a political and legal guarantee that ensures the consideration and implementation of decisions made by these bodies.

The article also examines theoretical and practical aspects of the implementation of the right to appeal to international human rights bodies. Additional patterns arising from the constitutional enshrinement of this right have been identified.

In conclusion, the article formulates the main finding of the study, which states that the constitutional enshrinement of the right to appeal to international human rights bodies reflects the political stance of a state genuinely committed to ensuring and protecting human rights within its territory. Furthermore, it has been revealed that this approach enhances the realization of the right, particularly through raising citizens' awareness and improving the state's regulatory framework.

Keywords: Treaty Bodies, UN, Human Rights, European Court of Human Rights, Constitution, Individual Complaints, UN Committees' Decisions.

References:

1. Healy, M.K. Constitutional Incorporation of International Human Rights Standards: An Effective Legal Mechanism? // M.K. Healy // Chicago Journal of International Law. – 2023. – Vol. 2. - №2. – P. 114-129.
2. Sarsembaev, M.A. Resheniya Komitetov OON v otnoshenii Respubliki Kazakhstan: rekomendatsii po vyneseniyu i realizatsii yeyo sudebnyh resheniy // M.A. Sarsembaev // – Nur-Sultan: Fond imeni F. Eberta v Kazahstane, 2021. – 115 s.
3. Sayakova, D. Voprosy vyplaty kompensatsii i vozmeshcheniya ushcherba zhertvam pytok v Kyrgyzskoi Respublike. // D. Sayakova // Retrieved from https://npm.kg/shhp-content/uploads/2023/06/Polisi-8-Vozmeshchenie-vreda____.pdf. (data obrashcheniya: 22.11.2024).

Авторлар туралы мәліметтер:
Сведения об авторах:
Information about authors:

Алмасұлы Арлан - хат-хабарларға арналған автор Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты, Қ.Сатпаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан

E-mail: almassuly.arlan@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0230-2657>.

Абайділдинов Ербол Мусинович - заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институты Халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану бөлімінің бас ғылыми қызметкері, Қ. Сатпаев көшесі, 2, 010000, Астана, Қазақстан

E-mail: erbolabay@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2267-2540>.

Алмасұлы Арлан - автор для корреспонденции докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, улица К. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: almassuly.arlan@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0230-2657>.

Абайдельдинов Ербол Мусинович - доктор юридических наук, профессор, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, главный научный сотрудник отдела международного права и сравнительного правоведения Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, улица К. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан

E-mail: erbolabay@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2267-2540>.

Almassuly Arlan - corresponding authors, doctoral student at L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 K. Satpayev Street, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: almassuly.arlan@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0230-2657>.

Abaideldinov Yerbol Musinovich - doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Chief Researcher of the Department of International Law and Comparative Legal Studies of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2 K. Satpayev Street, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: erbolabay@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2267-2540>.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 203-215

УДК 347.63
ГРНТИ 10.47.91
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_203
Научная статья

© М.В. Громоздина^{1*}, 2025

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Российская Федерация
(E-mail: gromlaws@mail.ru)

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Российское и зарубежное семейное законодательство имеют много общих положений, связанных с регулированием отношений родителей и детей, суть которых сводится к тому, что в период детства правовые нормы закрепляют обязанности за родителями, а права - за детьми. Вместе с тем взрослые дети также наделяются обязанностями, вытекающими из правоотношений между ними и родителями, но не являются безусловными и нуждаются в оценке судом, как, например, в случаях взыскания алиментов с детей на содержание родителей. Исходя из сказанного следует однозначный вывод, что несовершеннолетний ребенок в системе детско-родительских отношений занимает определяющую позицию.

Несмотря на то, что детско-родительские отношения во всем мире регулируются достаточно схожими по сути нормами, есть и отличия, некоторые из которых рассмотрим далее. Представляется, что наиболее сложными в правовом регулировании являются отношения, связанные с воспитанием детей и спорами между родителями, в том числе при расторжении брака и раздельном проживании, а также выявление мнения ребенка по вопросам, затрагивающим его интересы, лишение родительских прав и др.

Для проведения сравнительного анализа действующего семейного законодательства России и за рубежом автором были изучены нормативные акты Казахстана, Беларуси, Армении, Великобритании и др., в результате чего автор обоснованно пришел к выводу, что семейные нормы стран постсоветского пространства по правовой природе и регулированию имеют больше сходства по сравнению с нормами европейского законодательства.

Ключевые слова: алименты, воспитание, детско-родительские отношения, лишение родительских прав, учет мнения ребенка, родители, родительские права и обязанности, семейное законодательство, семья.

Введение

Отношения между родителями и детьми на всех этапах своего существования претерпевают развитие и трансформацию: от младенчества детей до старости родителей. В определенные периоды связь между родителями и детьми очень тесная,

необходимая, незаменимая, а в некоторые периоды – едва заметная, почти несуществующая, но все-таки имеющаяся и готовая в любой момент окрепнуть. Детство (как раннее, так и позднее) – это этап жизни, когда уровень развития ребенка (от неспособности к дееспособности) определяет формат

* Автор для корреспонденции. E-mail: gromlaws@mail.ru.

взаимоотношений между ним и родителем и регулируется положениями закона. Отношения родителей и совершеннолетних (дееспособных) детей носят иной характер, в большей степени не связанный с правовым регулированием, и основанный на добровольности, любви, но не лишены правовой связи, как правило, в силу родства.

Как показывает анализ российского и зарубежного законодательства наибольшее число проблем в регулировании детско-родительских отношений содержится в вопросах, связанных с определением границ родительских прав и обязанностей, особенно в случаях конфликтов между родителями, а также относительно воспитания и образования детей. Кроме этого, особые сложности возникают при определении мер защиты прав ребенка в случаях, когда родители не справляются с обязанностями, злоупотребляют правами, когда между родителями возникают серьезные разногласия.

Регулирование детско-родительских отношений является сложной задачей, в связи с чем в семейном законодательстве закрепляются нормы, обеспечивающие баланс между правами и обязанностями родителей с целью обеспечения наилучших интересов ребенка.

Материалы и методы

В представленной статье исследованы вопросы международно-правового регулирования детско-родительских отношений на основе действующего российского и зарубежного семейного законодательства. Особое внимание и интерес представляют институты семьи, лишения и ограничения родительских прав, учета мнения ребенка и др., исследование которых показало, как современное общество расставляет акценты в семейных правоотношениях, а также роль родителей и место ребенка в них.

При написании данной статьи

автор применял общенаучный метод диалектического познания действительности с опорой на семейное законодательство различных стран, что позволило ему выделить ряд существенных особенностей правового регулирования аналогичных правоотношений. Также применялись и специальные научные методы: системный, формально-юридический, метод анализа и синтеза, а также метод сравнительно-правового анализа. Перечисленные методы позволили автору сформулировать выводы о перспективах развития семейного законодательства разных стран, обозначить сущность правовых проблем, возникающих в связи с применением норм семейного права в современных условиях. Сопоставление отдельных семейно-правовых институтов, законодательно закрепленных в разных странах, позволило автору выявить сходства и отличия в процессе их реализации.

Результаты и обсуждения

Говоря о детско-родительских отношениях в первую очередь необходимо обратиться к преамбуле Конвенции ООН о правах ребенка, определяющей, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания¹. Несмотря на то, что такое утверждение представляется простым, понятным и бесспорным, в действительности, в нем скрывается очень глубокий смысл и осознание того, что следует понимать под каждым словом. Из всего там перечисленного только слово «семья» может быть интерпретировано с точки зрения права, в то время как слова «счастье» и «любовь», скорее, категории оценочные. К слову сказать, Семейный кодекс РФ² не содержит определение семьи, хотя велись многолетние дискуссии по этому поводу и даже предпринимались попытки узаконить это понятие. Вполне обоснованной представляется позиция И.А. Трофимец

¹ Конвенция ООН о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 16.06.2025).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.06.2025)

о том, что не все основополагающие категории нуждаются в нормативном установлении и понятие «семья» как раз относится к этому случаю, так как семья (как круг близких лиц) не является самостоятельным субъектом семейных правоотношений, юридическое значение имеет статус лица – члена семьи, поэтому нет необходимости установления определения семьи [1].

Однако такой позиции придерживаются не все страны, а потому закрепляют легальную дефиницию «семья». Так, семейное законодательство Республики Казахстан (далее - РК) и Беларуси закрепили легальное понятие «семья».

Согласно ст.1 п. 29 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье»³, семья – круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений.

Кодекс о браке и семье Республики Беларусь⁴ определил, что семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления.

Из представленного видно, что данные определения очень близкие по смыслу, что свидетельствует о близости подходов в формировании семейной политики и регулировании семейных отношений в этих странах, возможно, это связано с общим историческим прошлым. Однако можно отметить иные подходы к семье и семейной политике, реализуемые в мире.

В Великобритании нет четкой семейной политики, и семья не ассоциируется с ячейкой общества, как это принято в большинстве континентальных стран... семья включает в себя несколько поколений

родственников разной степени близости, а также третьих лиц, которые по суду или соглашению с законным родителем получили право опеки над ребенком [2, с. 27].

Некоторые современные исследователи предлагают пересмотреть сложившееся и привычное отношение к семье, как к ячейке общества, мотивируя, что законодательно «романтизировал» семью как место единых интересов и общих ценностей. Это «романтизированное» видение семьи изображает детей как невинных, зависимых и пассивных существ, нуждающихся во взрослой заботе, надзоре и руководстве. Хотя это в некоторой степени и верно, портрет зависимого ребенка скрывает, что дети активно участвуют в качестве полноценных членов общества, и преуменьшает обстоятельства, когда детско-родительские отношения демонстрируют «тревожные элементы доминирования и контроля» [3]. Авторы акцентируют внимание на том, что семья в сложившемся понимании отражает явные признаки власти родителей над детьми и их чрезмерно широкие полномочия, что не отвечает интересам и идентичности детей даже в раннем возрасте. Таким образом, они «продвигают» новую модель родительских отношений, в которой родительский контроль нивелируется.

Вновь обращаясь к семейной политике Великобритании, заметим, что до 1989 года в наименовании родительских полномочий существовала разность терминов – «родительские права и обязанности», «права и властные полномочия», «полномочия и обязанности» [2, с. 27–28]. С принятием нового закона о детях⁵, законодатель однозначно указал, что вопрос о воспитании детей – это не вопрос родительских прав и обязанностей, а вопрос родительской ответственности. Так закон акцентировал, что родители имеют не права на ребенка, а обязанности в отношениях с ребенком. Также была усилена идея о распределении ответственности за детей между государством и роди-

³ Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518/> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Кодекс о браке и семье Республики Беларусь // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900278> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Children Act 1989 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/41/data.pdf> (дата обращения: 16.06.2025)

телями [2, с. 28]. Из чего следует, что новая модель родительских отношений не такая уж и новая, а обозначенный подход представляется совсем небезупречным и означает, что эти отношения базируются не на любви, заботе и воспитании, а исключительно на ответственности, влекущей правовые последствия для родителей.

Семейное законодательство не является инструкцией по воспитанию и надлежащему осуществлению родительских прав, оно служит вектором, направленным на обеспечение благополучия и полноценного развития детей. К слову сказать, в статье 95 Семейного закона Хорватии установлено, что во имя благополучия ребенка в соответствии с его возрастом и зрелостью родители имеют право и обязанность контролировать его или ее в общении с другими лицами [4, с. 163]. Аналогичные положения закреплены в семейном законодательстве России, Казахстана и Беларуси, что, по мнению автора, вполне оправданно, так как они сочетают признаки надлежащего осуществления родительских прав и ответственного родительства. Подобные нормы закреплены в семейном законодательстве большинства стран, например, в ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации.

При исследовании детско-родительских отношений необходимо обозначить проблемные аспекты относительно учета мнения ребенка и процедуру его выяснения. Возраст детей, с которого может быть учтено их мнение по вопросам, затрагивающим их интересы в законах о семье определен по-разному, а иногда даже не определен вовсе, как в Конвенции ООН о правах ребенка. Статья 12 названной Конвенции не определяет конкретный возраст ребенка, а «делает ставку» на понимание того, что с ним происходит и может ли он повлиять на это. Ребенок представляется не просто как человеческий индивид определенного возраста, а как человек, способный сформулировать свои собственные взгляды, у которого есть право свободно выражать эти взгляды по всем затрагивающим его вопросам.

В отличие от Конвенции семейное законодательство многих стран наделило ребенка правом выражать свое мнение именно по достижению определенного возраста, что также представляется вполне убедительным, так как к определенному возрасту ребенок приобретает способность формулировать свои мысли и желания и выражать их. Рассмотрим некоторые примеры закрепления права ребенка выражать свое мнение.

Например, в параграфе 867 Гражданского кодекса Чешской Республики⁶ установлена презумпция, что ребенок старше 12 лет способен воспринимать информацию, сформулировать свое собственное мнение и в состоянии его выразить. Но этот подход, скорее, исключение, так как большинство стран, среди которых: Россия, Казахстан, Беларусь, Сербия и др., признали на законодательном уровне, что наиболее оптимальным возрастом для выяснения и учета мнения ребенка является возраст 10 лет.

Кроме того, в законах нет четкого перечня, определяющего ситуации, когда мнение ребенка все-таки необходимо выяснить. Формулировка типа: ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, позволяет не учитывать мнение ребенка в некоторых случаях, хотя объективно речь идет об интересах ребенка. Например, случаи заключения нотариального соглашения между родителями о порядке общения с родителем, проживающим отдельно, об определении места жительства и даже уплате алиментов относятся к вопросам, затрагивающим интересы ребенка, а значит выяснение мнения ребенка обязательно, хотя и прямо не предусмотрено семейным законодательством.

Очень верно отметила О. Ю. Ильина, что, обеспечивая законность совершаемой сделки, нотариус должен удостовериться в том, что условия соглашения отвечают интересам ребенка. Если ребенок старше десяти лет, нотариус должен установить, что его мнение учтено при

⁶ Гражданский кодекс Чешской Республики от 3.02.2012 // URL: https://anesro.com/download/zakon/89-2012_Sb.pdf (дата обращения: 16.06.2025)

согласовании родителями условий договора, либо родители представляют доказательства того, что учет мнения ребенка противоречит его интересам [5].

Для наглядности процитируем п. 2 ст. 62 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» о процедуре выяснения мнения ребенка: мнение ребенка оформляется решением органа, осуществляющего функции по опеке или попечительству, принятым в присутствии родителей или других законных представителей по месту нахождения ребенка.

Законодательство Республики Беларусь схожим образом фиксирует процесс выяснения мнения несовершеннолетнего в п. 4 ст. 74 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье: мнение ребенка по запросу суда выявляется органом опеки и попечительства по месту жительства ребенка.

В отличие от сказанного, ст. 57 Семейный кодекс Российской Федерации (далее - РФ) не требует присутствия родителей или других законных представителей. Кроме этого, органы опеки и попечительства по российскому законодательству не наделены полномочиями выяснять мнение ребенка, предполагается, что это прерогатива суда. Однако прямого запрета тоже нет. Присутствие родителей при выяснении мнения ребенка воспринимается неоднозначно, хотя бы, потому что родители указаны во множественном числе, что предполагает присутствие обоих родителей, что не всегда может быть обеспечено и полезно для ребенка.

Наиболее многочисленную группу семейных споров в России, представляют споры об определении места жительства ребенка и порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем в порядке статей 65 и 66 Семейного кодекса РФ. Рассмотрим некоторые особенности правового регулирования указанных отношений. Эта проблема находит отражение в семейном законодательстве разных стран и определяется через категории «родительская опека и право доступа», хотя в Семейном кодексе РФ понятия «родительская опека и право

доступа» над собственными детьми отсутствует. В то время как зарубежное законодательство использует различные виды родительской опеки для регулирования вопроса о воспитании детей в случаях спора между родителями, о том, с кем и как будут проживать дети.

В российском семейном законодательстве закрепляется принцип равенства родительских прав независимо от наличия или отсутствия брака между самими родителями. Однако в судебной практике уже сложился подход - ребенок может жить только с одним из родителей, а общаться с обоими, то есть отсутствует практика судов о равном, поочередном проживании ребенка с каждым из родителей.

Законы РК и Беларуси в семейном законодательстве закрепили схожие правовые нормы, устанавливающие равенство прав и обязанностей родителей. Несмотря на похожесть, все-таки можно выделить некоторые особенности, например, в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье ст. 76 абз. 3 установлено: если родители ребенка не состоят в браке между собой, суд может поручить осуществление попечения над ребенком одному из них, ограничив права и обязанности другого в отношении ребенка.

Интересно, что опыт России по этому вопросу сложился вполне конкретный – права родителей равны всегда, кроме случаев лишения или ограничения родителя в правах, то есть иных оснований для передачи единоличных родительских прав нет.

Обратимся к примерам законодательства других стран по аналогичным вопросам. Законодательство Латвийской Республики раскрывает особенности осуществления родительских прав в зависимости от ситуации, устанавливая в ст. 178 Гражданского кодекса Латвийской Республики⁷ (далее ГК РЛ): вместе живущие родители осуществляют попечение совместно. Если родители живут раздельно, совместное попечение родителей продолжается. Забота о ребенке и

⁷ Гражданский кодекс Латвийской Республики // <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

надзор над ним осуществляются тем из родителей, у которого ребенок проживает. Разногласия родителей разрешаются сиротским судом, если законом не установлено иное.

Однако в ряде стран, исходя из понятий «единоличная или совместная опека», возможность определения места жительства ребенка в равном количестве времени с каждым из родителей возможна и считается способом, обеспечивающим права как родителей, так и ребенка, например, в Германии и Финляндии. В латвийском законодательстве есть норма (ст. 178 ГК ЛР), устанавливающая, что совместное попечение родителей прекращается, когда на основании соглашения родителей или решения суда, устанавливается отдельное попечение одного из родителей⁸.

Для российского семейного законодательства характерно отсутствие возможности равного, поочередного проживания ребенка с обоими родителями. Подавляющее большинство случаев свидетельствует о том, что дети остаются проживать с матерями, как по решению суда, так и в силу сложившихся обстоятельств, но нормативного закрепления этого нет. В то время как, Гражданский кодекс КНР в ст. 1084 установил, что после расторжения брака между родителями ребенок, не достигший двух лет, по общему правилу, должен проживать с матерью. Место жительства ребенка, достигшего восьми лет, должно определяться с учетом его мнения [6, с. 266].

Абсолютно общим для законодательства всех стран по этому вопросу является то, что при наличии споров между родителями, именно суд разрешает разногласия и определяет критерии в пользу кого их родителей будет принято решение, но в некоторых странах имеются специализированные суды: Сиротский суд в Латвии, Семейный суд в Германии, специализированный суд по делам несовершеннолетних в Казахстане, которые рассматривают споры между родителями и в интересах несовершеннолетних.

Чуть подробнее остановимся на

ювенальных судах в Казахстане.

В РК на 2009-2011 годы была принята Концепция развития системы ювенальной юстиции, а с 2012 года ювенальные суды были образованы во всех областных центрах и некоторых крупных городах республики. Законодателем четко очерчен круг дел, подсудных ювенальным судам: об определении места жительства ребенка; определении порядка общения родителя с ребенком и отобрании ребенка, находящегося у других лиц; об определении места жительства ребенка при выезде ребенка с одним из родителей за пределы республики на постоянное место жительства; о лишении (ограничении) и восстановлении родительских прав; об усыновлении (удочерении) ребенка и его отмене и др. По мнению некоторых судей, рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних специализированными судами способствует более тщательному исследованию материалов, индивидуализации подходов при назначении наказания [7].

К числу особенностей немецкого семейного законодательства относится всемерное стимулирование спорящих родителей к переговорам и согласительному общению. Для законодателя такой подход видится в том, чтобы сохранить должный образ родителя, который соответствует классическому социальному правопорядку [2].

Вместе с тем, в российском и зарубежном законодательстве имеется принципиальная разница в процедуре урегулирования споров между родителями относительно воспитания детей и участия в нем каждого родителя. Так, согласно семейному законодательству РФ, обозначенные споры разрешаются судами при отсутствии соглашения между родителями. Это возможно как до расторжения брака, так и после него несмотря на положения ст. 24 Семейного кодекса РФ, устанавливающей, что при расторжении брака суд обязан разрешить вопросы, в том числе с кем будут жить дети, размер алиментов

⁸ Гражданский кодекс Латвийской Республики // <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

на детей и др. Но по факту суд, рассматривающий спор о расторжении брака (мировой судья), некомпетентен этого делать, а потому эти вопросы могут быть рассмотрены судом только в том случае, если они прямо заявлены как исковые требования в производстве суда общей юрисдикции.

Отметим, что законодательство других стран строго связывает расторжение брака и разрешение обозначенных вопросов, обоснованно полагая, что эти вопросы возникнут в будущем, но время для объективного и заинтересованного рассмотрения будет упущено, что может отразиться как на интересах несовершеннолетних детей, так и самих родителей.

В связи с чем следует отметить, что ст. 22 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» в редакции, вступившей в силу в январе 2025 года⁹, содержит перечень вопросов, разрешаемых судом при вынесении решения о расторжении брака, как то: об определении размера алиментов на содержание детей, о порядке общения родителя с ребенком и др., а также была дополнена пунктом 2-1 «при определении порядка общения родителя с ребенком суд учитывает равенство прав и обязанностей родителей, а также законные интересы ребенка». Действительно, разрешение обозначенных вопросов одновременно с расторжением брака вполне оправданно и имеет целью защитить интересы детей в распадающемся браке, но вопросы воспитания и содержания ребенка могут возникнуть у родителей, и не состоящих в браке.

Для российских родителей, спорящих в суде о своих правах и правах детей, дополнительным усложняющим коэффициентом в деле может быть процедура снятия запрета на выезд ребенка за пределы Российской Федерации, который отменяется только в судебном порядке¹⁰. Особо сложными являются дела, когда родители проживают в разных государствах,

включая страны бывшего СССР и дальнего зарубежья. Такая сложность усугубляется разными гражданствами самих родителей и наличием нескольких гражданств у ребенка. Интересной и сложной представляется ситуация, когда отец-гражданин РФ без согласования с матерью-гражданкой Казахстана, проживающей там постоянно с несовершеннолетним ребенком, оформил последнему российское гражданство и выставил запрет на выезд за пределы РФ. В момент возвращения из отпуска матери и ребенка на российско-казахском пограничном пункте контроля обнаружился запрет на выезд ребенка в результате чего оба были сняты с поезда¹¹. Информацию о наличии запрета можно запросить в компетентном органе, но обязанности уведомлять граждан об имеющихся ограничениях у компетентных органов нет. Для преодоления этих сложностей необходимо обеспечить возможность получения сведений о запрете через Госуслуги, например.

Споры между родителями нередко носят затяжной характер и «перерастают» из одного судебного разбирательства в другое, например: от определения места жительства к лишению родительских прав, включая требования о взыскании алиментов, порядке общения с ребенком, снятия ограничений на выезд и др.

Институт лишения родительских прав представляется одним из наиболее сложных в системе правового регулирования детско-родительских отношений. Российское законодательство, наряду с другими странами, рассматривает лишение родительских прав как крайнюю меру семейно-правовой ответственности. Эта процедура осуществляется исключительно через суд как следствие ненадлежащего осуществления родительских прав и как правило помимо воли самих родителей. С одной стороны, в законодательствах многих стран

⁹ Статья дополнена пунктом 2-1 в соответствии с Законом Республики Казахстан от 30.12.24 г. № 148-VIII (введен в действие с 11 января 2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748&doc_id2=39080438#activate_doc=2&pos=607;-99&pos2=0;0 (дата обращения: 16.06.2025).

¹⁰ Федеральный закон от 15 августа 1996 года N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9895> (дата обращения: 28.07.2025).

¹¹ Гражданское дело находится в производстве районного суда г. Новосибирска. Решение еще не принято. Истец оспаривает правомерность выставленного отцом запрета.

однозначно прослеживается принцип семейного воспитания детей, с другой стороны, закрепляется приоритет благ ребенка, что в некоторых ситуациях требует не только применения процедур лишения или ограничения родительских прав, но и экстренного отобрания ребенка с целью устранения опасности для ребенка.

В Беларуси в Кодексе о браке и семье определены конкретные основания, предусматривающие лишение родительских прав, а также закреплены положения об ограничении родительских прав, что сильно схоже с положения Семейного кодекса РФ.

Основания лишения родительских прав в законодательствах разных странах варьируются, но при этом сохраняется схожесть подходов применения установленных положений. Левушкин А. Н. отмечая, что институты лишения родительских прав в странах СНГ и России имеют много схожего в правовом регулировании, особо акцентирует внимание на создание в Республике Казахстан системы ювенальной юстиции и судов по делам несовершеннолетних, что, по его мнению, является «логическим продолжением последовательной государственной политики по защите прав несовершеннолетних детей» [8].

Во всех случаях зарубежного применения лишения и ограничения родительских прав это происходит в судебном порядке по инициативе родственников ребенка, органов опеки или прокуратуры.

В законодательстве европейских государств также нашел закрепление институт лишения родительских прав. Во Франции институт лишения и ограничения родительских прав применяется по аналогии с российским законодательством, в том числе с правом восстановления в правах [9]. А вот в Германии конкретные основания лишения родительских прав не предусмотрены [4].

Вышеописанное подтверждает, что законодательство ряда стран допускает прекращение родительских прав только в судебном порядке и в случаях виновного поведения родителей, в то же время возможность добровольного отказа от родительских прав отсутствует.

Это подтверждается ст. 376 Гражданского кодекса Франции: никакой отказ, никакая уступка родительской власти не могут состояться, иначе как по судебному решению.

Исключением из этого, является положение ст. 841 Гражданского кодекса Японии, устанавливающей, что в случае, когда отец или мать отказываются от родительских прав... отец или мать безотлагательно должны обратиться в семейный суд с требованием назначить ребенку опекуна [10]. Складывается неоднозначное мнение относительно описанной нормы. Возможно, что более глубокое исследование этого вопроса позволило бы сделать более обоснованные выводы относительно добровольного прекращения родительских прав, закрепленных в японском праве. На данном этапе этот институт детально не изучен автором.

Продолжением споров между родителями зачастую являются иски о содержании несовершеннолетних детей и выплате алиментов. В России, несмотря на принятие значимых мер, направленных на противодействие сокрытию доходов лицами, обязанными платить алименты, а также усиление ответственности за неуплату алиментов (вплоть до уголовной) вопрос окончательно до настоящего времени не решен, количество злостных неплательщиков и неисполненных производств у судебных приставов еще очень велико. Аналогичные проблемы актуальны для многих стран несмотря на то, что их законодательство прямо предусматривает нормы, устанавливающие обязанность по уплате алиментов.

Особенностью законодательства Казахстана является то, что возраст детей, до которого с родителей могут быть взысканы алименты достигает 21 года в случаях, если родители добровольно не предоставляют средства на содержание своим несовершеннолетним детям, а также совершеннолетним детям, обучающимся в системе общего среднего, технического и профессионального, послесреднего образования, в системе высшего образования по очной форме обучения (ст.138 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье».

По мнению В.И. Пенкрат, в

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье необходимо включить норму, устанавливающую, что при обучении ребенка в возрасте до 24 лет в учебном заведении дневной формы обучения на платной основе надо обеспечить участие в оплате обучения обоих родителей [11], что видимо, может рассматриваться как разновидность алиментов.

Российское законодательство не содержит аналогичных положений, хотя предложения подобного рода регулярно поступают на рассмотрение законодателя и не лишены правовой ценности.

Вопрос об алиментных отношениях требует самостоятельного и тщательного изучения не только с целью понимания тенденций их развития в разных правовых системах, но для создания эффективных инструментов их правового регулирования, прежде всего, направленных на добровольное исполнение обязанности по уплате алиментов. Одна из сложных задач законодателя – правильно определить нравственный минимум, подлежащий законодательному закреплению, чтобы не возлагать неподъемное бремя на слабые плечи «грешного человечества» и наоборот не занижать «этической планки» [12, с. 188–189].

В представленной статье рассмотрены лишь отдельные институты семейного права, представляющие, по мнению автора, особую значимость и правовой интерес. Однако такой подход не свидетельствует об отсутствии иных актуальных и сложных вопросов, требующих дополнительного изучения и семейно-правового регулирования.

Заключение

Подводя итоги проведенного сравнительно-правового анализа отдельных институтов детско-родительских отношений в российском и зарубежном праве, можно сделать следующие выводы.

Действительно, материально-правовые нормы семейного права разных стран различаются. Это обусловлено уникальным сочетанием культурных, исторических, религиозных и социальных факторов, которые формируют особенности каждой национальной правовой

системы. Задача законодателя сводится к поддержанию разумного баланса между противоположенными подходами, устанавливающими пределы правового вмешательства в систему нравственных отношений [13, с. 43]. Если в одних странах акцент делается на традиционных семейных ценностях, что находит отражение в строгом регулировании брачных отношений, то в других предпочтение отдается более либеральным подходам [14]. В результате семейное право каждой страны является уникальным отражением ее культурных, исторических и социальных особенностей.

Говоря об исторических и культурных особенностях законодательства РК, учеными отмечается, что мусульманское право в Казахстане не имеет никакой перспективы. Казахстан был объявлен светским демократическим государством. Тем более, что за 70 лет коммунистического господства остатки шариата были выкорчеваны. Больше перспектив имеет обычное право (адат), в казахском обществе оно было более значимо, чем шариат. Адат до сих пор применяется в бытовых отношениях [15]. В настоящий момент времени семейно-правовое регулирование в РК обеспечивается Кодексом «О браке (супружестве) и семье», наряду с другими законами.

Относительно факторов, влияющих на развитие семейного законодательства в России, имеется мнение, что оно «сохраняет влияние советского семейного права и не отвечает в полной мере требованиям и ожиданиям современного общества», потому как оно должно обеспечить более сбалансированный подход к регулированию объема родительских полномочий с учетом развивающихся особенностей ребенка [16]. Наличие проблем в российском семейном праве означает необходимость пересмотра некоторых вопросов, как-то: взыскание алиментов, дифференциация объема родительских прав в случаях раздельного проживания родителей и др.

Социальные факторы, такие как уровень экономического развития, образование и гендерное равенство,

также оказывают влияние на законодательство, регулирующее семейные отношения. По мнению некоторых исследователей, семейное законодательство Республики Беларусь находится в развитии, правовое регулирование семейных отношений нуждается в дальнейшем совершенствовании [17], в существенном изменении подходов к правовому регулированию меняющихся семейных отношений, а «не в шлифовке

отдельных норм» [11].

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что современное семейное законодательство в части регулирования детско-родительских отношений уделяет приоритетное внимание наилучшим интересам ребенка, включая вопросы опеки, алиментов, воспитания, и одновременно направлено на создание благоприятной среды осуществления родительских прав.

Список литературы:

1. Трофимец, И.А. К вопросу о понятийном аппарате семейного права: определение юридических категорий «семья» и «брак» // И.А. Трофимец // Семейное и жилищное право» - 2024. - №3. - С. 20-23.
2. Комиссарова, Е.Г. Родители и родительство по нормам российского семейного права // Е.Г. Комиссарова // М.: Проспект, 2023. - 344 с.
3. Dailey, A.C., Rosenbury L.A. The new parental rights // A.C. Dailey, L.A. Rosenbury // Retrieved from <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4086&context=dlj> (date of reference: 16.06.2025)
4. Степаненко, Р.Ф. Семейное право России и государств Европы: учебник // Р.Ф. Степаненко, Ф.И. Хамидулина, П.А. Якушев // - М.: Проспект, 2023. - 288 с.
5. Ильина, О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // О.Ю. Ильина // «Нотариус». - 2019. - №3. - С. 18-21.
6. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики // отв.ред. перевода Ван Чжихуа. - М. - 368 с.
7. Акпар, Р.М. Как работают ювенальные суды в Казахстане // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/proisshestiia/6481748-zhiltsov-17etazhnogo-doma-evakuirovali-izza-pozhara-v-astane.html> (дата обращения: 16.06.2025).
8. Левушкин, А.Н. Сходства и различия института лишения родительских прав в странах содружества независимых государств (на примерах Украины, Республики Беларусь и Республики Казахстан) // А.Н. Левушкин // Общество и право. – 2011. - №3. - С. 119 - 123.
9. Смирновская, С.И. К вопросу об ответственности родителей по семейному законодательству России и Франции // С.И. Смирновская // Семейное и жилищное право. - 2010. - №1. - С. 6 - 9.
10. Гражданский кодекс Японии / отв.ред. М. В. Кратенко. - М.: Проспект, 2024. - 334 с.
11. Пенкрат, В.И. Пути совершенствования семейного законодательства Республики Беларусь // В.И. Пенкрат // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257534/1/226-233.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).
12. Романец, Ю.В. Сделки противные основам правопорядка и нравственности (этический и правовой аспекты) // Ю.В. Романец // Вестник гражданского права. - 2009. - №2. - С. 188-199.
13. Антонов, В.Ф. Нравственные основания правового регулирования // В.Ф. Антонов // М., 2024. - С. 43.
14. Азретбергенова, И.Ж. Международные браки: правовые проблемы семейно-брачных отношений с иностранным элементом // И.Ж. Азретбергенова, Б.А. Тайторина, М.Т. Бейсенбаева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2025. - №1(80). - С. 220-231.
15. Сулейменов, М.К. Частное право Республики Казахстан // Частное пра-

во в странах бывшего СССР: итоги 30-летия: сборник статей // исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ под ред. Л.Ю. Михеевой // М.К. Сулейменов // - М.: Статут, 2022. - 546 с.

16. Тригубович, Н.В. О концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Н.В. Тригубович, О.А. Хазова, С.Ю. Чашкова, Е.А. Чефранова // Закон. - 2022. - №1. - С. 28 - 38.

17. Мещанова, М.В. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования // М.В. Мещанова, В.Н. Годунов // Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия: сборник статей // исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ под ред. Л.Ю. Михеевой. - М.,: Статут, 2022. - 546 с.

© М.В. Громоздина¹, 2025

¹ Новосибирск мемлекеттік экономика және басқару университеті,
Новосибирск, Ресей Федерациясы
(E-mail: gromlaws@mail.ru)

БАЛАЛАР МЕН АТА-АНАЛАР ҚАТЫНАСТАРЫ: РЕСЕЙЛІК ЖӘНЕ ШЕТЕЛДІК ЗАҢНАМАНЫ САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Ресейлік және шетелдік отбасылық заңдарда ата - аналар мен балалардың қарым-қатынасын реттеуге байланысты көптеген Жалпы ережелер бар, олардың мәні балалық шақта құқықтық нормалар ата-аналарға, ал құқықтар балаларға жүктеледі. Сонымен қатар, ересек балаларға олар мен ата-аналардың арасындағы құқықтық қатынастардан туындайтын міндеттер жүктеледі, бірақ олар сөзсіз емес және соттың бағалауы қажет, мысалы, балалардан ата-аналарын асырауға алимент өндіріп алу жағдайларында. Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, балалар мен ата-аналардың қарым-қатынас жүйесіндегі кәмелетке толмаған бала анықтаушы позицияны алады деген нақты тұжырым жасалады.

Дүние жүзіндегі балалар мен ата-аналардың қарым-қатынасы айтарлықтай ұқсас нормалармен реттелгеніне қарамастан, айырмашылықтар да бар, олардың кейбірін әрі қарай қарастырамыз. Құқықтық реттеудегі ең қиын нәрсе-бала тәрбиесімен және ата-аналар арасындағы даулармен байланысты қатынастар, оның ішінде некені бұзу және бөлек тұру, сондай-ақ баланың мүдделерін қозғайтын мәселелер бойынша пікірін анықтау, ата-ана құқығынан айыру және т. б.

Ресейдің және шетелдің қолданыстағы отбасылық заңнамасына салыстырмалы талдау жүргізу үшін автор Қазақстанның, Беларусьсияның, Арменияның, Ұлыбританияның және т.б. нормативтік актілерін зерттеді, нәтижесінде автор посткеңестік кеңістік елдерінің құқықтық табиғат пен реттеу жөніндегі отбасылық нормалары еуропалық заңнама нормаларына қарағанда көбірек ұқсастықтарға ие деген қорытындыға келді.

Түйінді сөздер: алимент, тәрбие, балалар мен ата-аналар қарым-қатынасы, ата-ана құқығынан айыру, баланың пікірін ескеру, ата-аналар, ата-ана құқықтары мен міндеттері, отбасы заңнамасы, отбасы.

M.V. Gromozdina¹, 2025

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation
(E-mail: gromlaws@mail.ru)

PARENT-CHILD RELATIONSHIPS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

Abstract. Russian and foreign family legislation share many common provisions regarding the regulation of parent-child relationships. The essence of these provisions is that during childhood, legal norms assign obligations to parents and rights to children. However, adult children also bear certain obligations arising from their legal relationship with their parents, though these are not unconditional and require judicial assessment—such as in cases where children are required to pay alimony for the support of their parents. Based on this, it follows unequivocally that a minor child holds a determining position in the parent-child relationship system.

Although parent-child relationships worldwide are regulated by largely similar norms in substance, there are also differences, some of which will be discussed further. It appears that the most legally complex issues involve child-rearing and disputes between parents, including in cases of divorce and separation, as well as determining the child's opinion on matters affecting their interests, parental rights termination, and other related matters.

For a comparative analysis of current family legislation in Russia and abroad, the author examined the legal acts of Kazakhstan, Belarus, Armenia, the United Kingdom, and other countries. As a result, the author reasonably concluded that the family laws of post-Soviet states share more similarities in their legal nature and regulation than with the norms of European legislation.

Keywords: alimony, upbringing, parent-child relationships, deprivation of parental rights, taking into account the child's opinion, parents, parental rights and responsibilities, family legislation, family

References:

1. Trofimets, I.A. K voprosu o ponyatiynom apparate semeinogo prava: opredelenie yuridicheskikh kategoriy "semya" i "brak" // I.A. Trofimets // «Semeinoe i zhilishchnoe pravo» - 2024. - №3. - S. 20-23.
2. Komissarova, E.G. Roditeli i roditelstvo po normam rossiyskogo semeinogo prava // E.G. Komissarova // M.: Prospekt, 2023. - 344 s.
3. Dailey, A.C. The new parental rights // A.C. Dailey, L.A. Rosenbury // Retrieved from <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4086&context=dlj> (date of reference: 16.06.2025)
4. Stepanenko, R.F. Semeinoe pravo Rossii i gosudarstv Evropy: uchebnik // R.F. Stepanenko, F.I. Hamidulina, P.A. Yakushev // - M.: Prospekt, 2023. - 288 s.
5. Ilyina, O.Yu. Uchet mneniya rebenka pri notarialnom udostoverenii soglasheniy, zatragivayushchih ego interesy: aksioma ili teorema? // O.Yu. Ilyina // «Notarius». – 2019. - №3. - S. 18-21.
6. Grazhdanskiy kodeks Kitaiskoj Narodnoi Respubliki // otv.red. perevoda Van Chzhihua. - M. - 368 s.
7. Akpar, R.M. Kak rabotayut yuvenalnye sudy v Kazahstane // R.M. Akpar // Retrieved from <https://www.zakon.kz/proisshestviia/6481748-zhiltsov-17etazhnogo-doma-evakuirovali-iz-za-pozhara-v-astane.html> (data obrashcheniya: 16.06.2025)
8. Levushkin, A.N. Shodstva i razlichiya instituta lisheniya roditelskikh prav v stranah sodruzhestva nezavisimyyh gosudarstv (na primerah Ukrainy, Respubliki, Belarus i Respubliki Kazakhstan) // A.N. Levushkin // Obshchestvo i pravo. – 2011. - №3. - S. 119 - 123.

9. Smirnovskaya, S.I. K voprosu ob otvetstvennosti roditel'ei po semeinomu zakonodatel'stvu Rossii i Francii // S.I. Smirnovskaya // «Semeinoe i zhilishchnoe pravo» - 2010. - №1. - S. 6 - 9.

10. Grazhdanskiy kodeks Yaponii / otv.red. M. V. Kratenko. – M.: Prospekt, 2024. - 334 s.

11. Penkrat, V.I. Puti sovershenstvovaniya semeinogo zakonodatel'stva Respubliki Belarus // Retrieved from <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257534/1/226-233.pdf> (data obrashcheniya: 16.06.2025)

12. Romanets, Yu.V. Sdelki protivnye osnovam pravoporyadka i нравstvennosti (eticheskii i pravovoi aspekt) // Yu.V. Romanets // Vestnik grazhdanskogo prava. - 2009. - №2. - S. 188–199.

13. Antonov, V.F. Nравstvennye osnovaniya pravovogo regulirovaniya // V.F. Antonov // M., 2024. - S. 43.

14. Azretbergenova, I.Zh. Mezhdunarodnye braki: pravovye problemy semeino-brachnykh otnosheniy s inostrannym elementom // I.Zh. Azretbergenova, B.A. Taitorina, M.T. Beisenbaeva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan - 2025. - №1(80). - S. 220-231.

15. Suleimenov, M.K. Chastnoe pravo Respubliki Kazakhstan // M.K. Suleimenov // Chastnoe pravo v stranah byvshego SSSR: itogi 30-letiya: sbornik statei // issledovatel'skiy centr chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente RF pod red. L.Yu. Miheevoi - M.: Statut, 2022. - 546 s.

16. Trigubovich, N.V. O kontsepcii sovershenstvovaniya zakonodatel'stva, reguliruyushchego otnosheniya detei i roditel'ei // N.V. Trigubovich, O.A. Hazova S.Yu. Chashkova E.A. Chefranova // Zakon. - 2022. - №1. - S. 28 - 38.

17. Meshchanova, M.V. Chastnoe pravo Respubliki Belarus: istoriya stanovleniya, razvitie i perspektivy sovershenstvovaniya // Chastnoe pravo v stranah byvshego SSSR: itogi 30-letiya: sbornik statei // issledovatel'skiy centr chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente RF pod red. L. Ju. Miheevoi // M.V. Meshchanova, V.N. Godunov // - M.,: Statut, 2022. - 546 s.

Сведения об авторе:

Автор туралы мәліметтер:

Information about author:

Мария Владимировна Громоздина - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының кандидаты, Новосибирск мемлекеттік экономика және басқару университеті азаматтық және кәсіпкерлік құқық кафедрасының доценті, Каменская көшесі, 56, 630099, Новосибирск, Ресей Федерациясы.

E-mail: gromlaws@mail.ru.

Громоздина Мария Владимировна - автор для корреспонденции, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления, улица Каменская, 56, 630099, Новосибирск, Российская Федерация.

E-mail: gromlaws@mail.ru.

Gromozdina Maria Vladimirovna - corresponding authors, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Novosibirsk State University of Economics and Management; 56 Kamenskaya Street, 630099, Novosibirsk c., Russian Federation

E-mail: gromlaws@mail.ru.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 216-227

УДК 347.67
ГРНТИ 10.45.45
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_216
Научная статья

© А.Б. Жанабилова^{1*}, 2025

¹ Республиканская нотариальная палата Республики Казахстан, Астана,
Казахстан (E-mail: ¹notakama@mail.ru)

**ГААГСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОВ,
КАСАЮЩИХСЯ ФОРМЫ ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ
(05 ОКТЯБРЯ 1961 г.): НЕОБХОДИМОСТЬ РАТИФИКАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Аннотация. Принятие Казахстаном Гаагской конвенции о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений от 5 октября 1961 года, является актуальной задачей в условиях растущей трансграничной мобильности граждан и увеличения числа наследственных дел с иностранным элементом.

В настоящее время отсутствие участия Казахстана в международных конвенциях по вопросам наследования создает коллизии между правовыми системами разных стран, что приводит к правовой неопределенности и трудностям для граждан.

Настоящая статья обосновывает необходимость присоединения Казахстана к Конвенции 1961 года. В работе исследуются особенности регулирования завещаний в различных правовых системах, включая законодательство Казахстана, Германии, Франции и Италии. Подчеркивается, что, несмотря на общие черты, каждое государство имеет свою специфику в регулировании наследственных отношений, что вызывает потребность в унификации коллизионных норм.

Детально анализируются положения Конвенции 1961 года, в частности, ее гибкие коллизионные привязки (место совершения завещания, гражданство, domicilio, обычное местожительство завещателя, место нахождения недвижимого имущества), которые способствуют признанию действительности завещаний по формальным признакам.

В статье также рассматриваются потенциальные риски, связанные с реализацией отдельных норм Конвенции, такие как неопределенность понятия «обычное место жительства» или вопросы двойного гражданства. Для минимизации этих рисков предлагается использовать предусмотренные Конвенцией оговорки (статьи 9, 10, 11 и 12), позволяющие адаптировать ее положения к казахстанскому законодательству.

В заключении делается вывод о целесообразности ратификации Казахстаном Конвенции 1961 года для укрепления правовой защиты граждан, повышения правовой определенности и упрощения международного сотрудничества в сфере наследственного права.

Ключевые слова: наследование по завещанию, форма завещательных распоряжений, право применимое к завещанию, коллизия законов, недвижимое имущество, domicilий, международные соглашения, конвенции.

* Автор для корреспонденции. E-mail: notakama@mail.ru).

Введение

Существенная специфика и уникальность наследственных правоотношений в международном частном праве значительно затрудняют их унификацию и модернизацию в рамках международно-правового регулирования. Данное обстоятельство позволяет понять причины сравнительно небольшого объема унифицированных норм в сфере наследственного права, что проявляется на всех уровнях международного правотворчества.

Исторически наследственные отношения формируются с учетом обычаев, традиций и религиозных норм, отражающих национальные особенности. Правовые нормы закрепляют эти правила, что создает проблемы при наследовании с иностранным элементом, когда отношения выходят за пределы одного государства и регулируются нормами международного частного права.

В настоящее время граждане различных государств становятся более мобильными. Исключением не являются и граждане Казахстана. Ежегодно казахстанцы выезжают за рубеж, многие там постоянно проживают, часть казахстанцев имеют имущественные активы за рубежом. Необходимо отметить и приток иностранных граждан в Республику Казахстан, которые здесь приобретают имущество.

Все это приводит к росту наследственных отношений с иностранным элементом, что вызывает потребность в унификации правовых норм для минимизации имеющихся коллизий.

В наследственном праве выделяют два основания наследования: по закону и по завещанию. Последнее предоставляет наследодателю возможность самостоятельно определить круг наследников и условия наследования. Волеизъявление завещателя должно строго соответствовать требованиям закона как по форме, так и по содержанию. «В современных условиях завещание представляет собой неотъемлемый демократический инструмент передачи имущества наследникам, полностью отвечающий волеизъявлению лица и

способствующий росту благосостояния граждан» [1].

В регулировании наследственных правоотношений, осложненных иностранным элементом, включая вопросы, касающиеся исполнения завещания, ключевое значение приобретает процесс квалификации применимого права. В случаях, когда выбор права невозможен, применяются материально-правовые нормы прямого действия либо коллизионные нормы, определяющие компетентный правопорядок.

Ограниченная степень унификации материальных норм наследственного права на международном уровне предопределяет доминирование национальных коллизионных механизмов в регулировании соответствующих правоотношений.

В настоящее время существует лишь несколько международных конвенций, регулирующих вопросы наследования. Казахстан не является участником существующих конвенций в данной сфере, что усложняет правовое сопровождение трансграничных наследственных дел.

Среди международных договоров, затрагивающих вопросы завещательных распоряжений, особого внимания заслуживает Гаагская конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений, от 5 октября 1961 года (далее – Конвенция 1961 года). Однако Казахстан до настоящего времени не ратифицировал данный международный акт, что сужает возможности гармонизации правового регулирования в этой области.

В настоящей работе остановимся на рассмотрении Конвенции 1961 года с целью обосновать необходимость присоединения к ней Казахстана для обеспечения правовой определенности в международных наследственных делах.

Материалы и методы

В процессе подготовки статьи в качестве материалов использованы нормы Конвенции 1961 года, Конституции Республики Казахстан¹ (далее - РК), Гражданского кодекса Ре-

¹ Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. (с изменениями и дополнениями на 01.01.2023) // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 13.03.2024).

спублики Казахстан² (далее - ГК РК), Закона «О нотариате» и других нормативных правовых актов.

Кроме того, проведен обзор литературы по теме статьи изложенный в работах Медведева И.Г., Никоновой М.В., Сарсембаева М.А., Яркова В.В. и других. Результаты исследования достигнуты применением формально-юридического, сравнительно-правового, системного методов, а также анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Результаты

1. Особенности завещаний в различных правовых системах. Завещание в Республики Казахстан.

Анализ приводимых в юридической литературе определений понятия «завещание», позволяет судить о двух возможных аспектах в его определении: с одной стороны как «документа, посредством которого гражданин может определить судьбу своего имущества после своей смерти» [2, с. 44-45], самостоятельно назначив своих наследников, а с другой стороны — как «акта волеизъявления со стороны наследодателя, его личного распоряжения на случай смерти» [3, с. 98; 4, с. 42].

В отношении первого аспекта следует отметить, что воля завещателя, будучи направленной на определение юридической судьбы имущества после смерти, должна быть облечена в установленную законом форму. Данное волеизъявление носит строго односторонний характер и, в соответствии с общепринятыми принципами наследственного права, обладает свойством отзывности.

В отношении второго аспекта, необходимо сказать, что правовая природа завещания как односторонней сделки не подвергается сомнению в доктрине и законодательстве большинства государств. Это положение подтверждается как формальными

требованиями к его совершению, так и его содержательной составляющей, что свидетельствует о единстве подходов к пониманию завещания в сравнительном правоведении.

Легальные определения завещания имеются не во всех национальных законодательствах. Например, по законодательству Германии завещание – «одностороннее распоряжение на случай смерти, завещание (термин, заимствованный из латинского языка) или последнее волеизъявление»³.

Французское право устанавливает: «Каждый может распорядиться с помощью завещания или относительно определения наследника, или относительно легатов, или любым другим способом проявить свою волю»⁴. В Италии завещание представляет собой «отменяемый акт, которым некто распоряжается на момент, в который он прекратит жить, всем своим имуществом или его частью»⁵.

В РК понятие завещание было закреплено в ГК РК в 1999 году и определяется как волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти (статья 1046 ГК РК).

Исследование законодательных подходов различных стран к регулированию наследования по завещанию выявляет, что при общности базовых принципов, национальные правовые системы демонстрируют различия в детализации отдельных положений. Данная дифференциация обусловлена особенностями исторического развития, правовой культуры и социально-экономических условий конкретных государств.

«Законодатель, определяя порядок составления завещания, стремится решить несколько порой конкурирующих задач: 1) частная собственность предполагает простоту распоряжения имуществом на случай смерти; 2) ценность

² Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 01 июля 1999 года № 409-І (с изменениями и дополнениями на 23.01.2024) // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (дата обращения: 13.03.2024).

³ § 1937 Bürgerliches Gesetzbuch (BGB): einseit Verfügung von Todes wegen (Testament, letztwillige Verfügung)

⁴ art. 967 Code civil (CC): Toute personne pourra disposer par testament soit sous le titre d'institution d'heritier, soit sous le titre de legs, soit sous toute autre denomination propre a manifester sa volonte.

⁵ art. 587 Codice civile (CC) Il testamento e un atto revocabile (679 e seguenti) con il quale taluno dispone, per il tempo in cui avra cessato di vivere, di tutte le proprie sostanze o di parte di esse (978, 1920, 2821)).

имеет достоверная информация о последней воле наследодателя; 3) соблюдение формальностей призвано отделять хорошо обдуманное и принятые завещателем решения от эмоциональных порывов, размышлений, решений, принятых под давлением; 4) при жизни надлежит обеспечить тайну завещания, и наоборот, после открытия наследства должна существовать легкость обнаружения завещания. Исходя из изложенного, правопорядки предлагают различные сочетания видов и форм завещаний» [5, с. 80-81].

В соответствии с общепринятой правовой доктриной, завещание требует письменной формы как обязательного условия его действительности. Однако сравнительный анализ национальных законодательств позволяет выявить существование исключительных случаев, когда допускается устная форма волеизъявления. Например, в «США – при неминуемой смерти завещателя» [6, с. 138], аналогичная норма содержится в законодательстве Ирана [7, с. 10.]

«Наиболее распространены четыре основные формы завещания: собственноручное; тайное; публичное; завещание, удостоверенное свидетелями. Собственноручное завещание полностью пишется от руки самим наследодателем, им самостоятельно датируется и подписывается. Тайное завещание предполагает составление завещания наследодателем с передачей завещания в запечатанном конверте нотариусу в присутствии свидетелей. Публичным именуется такое завещание, когда завещание после его совершения в присутствии должностных лиц (нотариусов, судей) и свидетелей передается для депонирования нотариусу или другому должностному лицу. Наконец, завещание, удостоверенное свидетелями, после его совершения и подписания завещателем либо другим лицом по его указанию удостоверяется не менее чем двумя свидетелями в присутствии завещателя. Такая форма предусматривается в Англии, где она к тому же является и единственной формой завещания»

[6, с. 138],

Статья 1050 действующего ГК РК предусматривает, что завещание должно быть совершено в письменной форме и нотариально удостоверено с указанием места, даты и времени его составления, а также должно быть собственноручно подписано завещателем. Кроме того, статья 1051 ГК РК предусматривает возможность удостоверения нотариусом секретного завещания, текст которого до открытия наследства будет известен только лишь самому завещателю. Иных форм завещания законодательство РК не предусматривает.

Различия в нормативно-правовом регулировании наследственных отношений в законодательстве отдельных государств обуславливают необходимость применения коллизионных норм для определения применимого права к завещательным распоряжениям. Данная проблема возникает в случаях, когда гражданин одного государства оставляет наследственное имущество на территории другого государства, что требует разрешения коллизий между правовыми системами для обеспечения правовой определенности и защиты интересов наследников.

Например, в нотариальной практике имел место случай когда на территории Казахстана открылось наследство после смерти гражданина Республики Казахстан, постоянно проживавшего в Швейцарии и оставившего там завещание, составленное в рукописной форме без нотариального удостоверения (олографическое), переданное на хранение нотариусу зарубежом на хранение⁶.

В рассматриваемом случае применение швейцарского права приведет к признанию завещания действительным, тогда как использование норм казахстанского законодательства повлечет противоположный правовой результат. Подобные коллизионные ситуации наглядно демонстрируют необходимость четкого определения применимого права посредством соответствующих коллизионных норм, устанавливающих

⁶ Осетрова И.В. Адвокатский запрос от 04 мая 2024 года. Архив Республиканской нотариальной палаты, Астана, 2024

компетентный правопорядок для регулирования формы завещательных распоряжений.

Естественно, государства стремятся разработать механизмы, направленные на защиту прав своих граждан, сталкивающихся с подобными правовыми трудностями, что подчеркивает важность унификации коллизионных норм и международного сотрудничества в сфере наследственного права.

Одним из наиболее действенных инструментов защиты прав граждан, сталкивающихся с трудностями в сфере трансграничного наследования, являются международные соглашения, направленные на гармонизацию спорных аспектов наследования по завещанию. К таким соглашениям относится Конвенция.

2. Общая характеристика Гаагской конвенции от 05 октября 1961 года.

Конвенция совершена в Гааге 5 октября 1961 года и включает коллизионные нормы, устанавливающие выбор права для действительности завещания. Участниками Конвенции являются более 40 государств.

«Очевидной отличительной особенностью Конвенции 1961 года является то, что завещание признается действительным лишь по формальным признакам, т.е. в случае соответствия требованиям, предъявляемым к составлению завещания» [8].

Конвенция 1961 года распространяет свое действие на завещания и акты, отменяющие их.

Следует обратить внимание на терминологическую особенность Конвенции 1961 года, в которой используется понятие «завещательное распоряжение» вместо традиционного термина «завещание».

«По свидетельству профессора Батифоля, «данное выражение позволяет охватить последнюю волю завещателя, выраженную в документах, предметом которых не является исключительно завещание, например — в письме» [9, с. 118].

Все правовые системы предусматривают право завещателя на отмену завещания в любой момент до открытия наследства, что является

прямым выражением принципа свободы завещания. Это право сохраняется за завещателем до тех пор, пока он не утратит дееспособность.

Однако свобода отмены завещания ограничена требованием соблюдения установленной законом формы. В большинстве случаев отмена ранее составленного завещания может быть осуществлена одним из следующих способов: 1. подача компетентному лицу заявления об отмене ранее составленного завещания; 2. составление нового завещания, которое автоматически отменяет предыдущее.

При этом, завещатель имея полную свободу в распоряжении своей волей, обязан соблюдать формальные требования, установленные законодательством.

В этой связи, положения Конвенции 1961 года в статье 2 устанавливают, что сфера её действия охватывает не только первоначальные завещательные распоряжения, но и акты их последующей отмены.

«Данная формула явным образом выражает намерение исключить из поля действия Конвенции любой отзыв или отмену завещания, происходящие из события или юридического акта с другим предметом, как, например, отзыв завещания в связи с заключением последующего брака или в силу расторжения брака — основания для отзыва завещания, используемых в некоторых правовых системах» [9, с. 130].

Сфера действия Конвенции 1961 года распространяется также на определение действительности формы совместных завещательных распоряжений, совершённых двумя или более лицами в одном документе.

«В то же время Конвенция 1961 г. не применяется к наследственным договорам, хотя их исключение из предмета ее действия прямо не предусмотрено в тексте Конвенции. Это связано с общепринятым толкованием наследственного договора как двустороннего обязательства, тогда как завещание представляет собой акт одностороннего волеизъявления, который может быть отозван лицом, его совершившим» [9, с. 119].

В Конвенции 1961 года сделана попытка урегулировать вопросы разграничения между «формой» и «существом» завещания. Так, статья 5 к форме завещательных распоряжений относит не только формальные требования к документу, но и материально-правовые условия: возраст, гражданство и иные личные качества завещателя, а также свидетелей, необходимых для действительности завещательного распоряжения.

Конвенция 1961 г. содержит пять альтернативных коллизионных привязок в отношении формы завещательных распоряжений.

Согласно статье 1 Конвенции 1961 года, «завещательное распоряжение является действительным в том, что касается формы, если его форма соответствует внутреннему законодательству:

а) места, где завещатель сделал его, или

б) гражданства, которое имеет завещатель, либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти, или

с) места, в котором завещатель имел свой домициль либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти, или

д) места, в котором завещатель имел свое обычное местожительство либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти, или

е) когда речь идет о недвижимом имуществе, места ее нахождения.»⁷

При этом пункты б), с), д) устанавливают диспозитивную временную привязку при определении компетентного правопорядка:

- либо на момент составления завещания,

- либо на момент смерти завещателя.

Как видно список законов, которые могут потенциально применяться достаточно большой.

При этом, «следует уточнить, что речь идет именно о внутреннем, материальном законодательстве соответствующих государств» [9, с. 120],

т.е. коллизионные нормы во внимание не принимаются.

Такая гибкость позволяет учитывать изменения в гражданстве, месте жительства или обычном местожительстве завещателя, что делает Конвенцию 1961 года более адаптивной к реальным жизненным обстоятельствам.

Отметим, что законодательство РК предусматривает ограниченный перечень коллизионных привязок при регулировании наследственных отношений с иностранным элементом. В частности, учитываются право страны места жительства завещателя в момент составления акта и его отмены, право страны гражданином которой он является, право места составления акта, право страны, где находится недвижимое имущество (ст. 1122 и 1123 ГК РК).

Особого внимания заслуживает положение статьи 6 Конвенции 1961 года, в соответствии с которым применение её коллизионных норм осуществляется без каких-либо требований о взаимности. «В этом случае отказ от признания форм завещаний не может быть основан на том, что государство гражданина, просящего признания формы завещания в Казахстане, не признало форму завещания гражданина Казахстана. Более того, Конвенция будет применяться даже если потенциальный наследник и право не являются гражданином и правом государства - участника Конвенции. Таким образом, Конвенцией могут пользоваться все люди без исключения»⁸.

Так, например, в случае смерти гражданина РК, который постоянно проживал на территории Франции, при этом имел в наличии движимое имущество, находящееся в Алматы, вопрос о соблюдении формальных требований к составлению завещания в отношении указанного имущества будет решаться в соответствии с французским законодательством. Это связано с тем, что Франция является участницей Конвенции 1961 года, которая предусматривает применение права

⁷ Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений от 05 октября 1961 года. Заключена в Гааге // URL: https://e-ecolog.ru/docs/heRZ03MCYdfPcu6HwDAaa?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F (дата обращения: 13.03.2025).

⁸ Заключение научной правовой экспертизы на Конвенцию о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений. - Астана - октябрь, 2016 – с. 7

страны, где завещатель имел обычное место жительства, для определения действительности формы завещания.

Между тем, Конвенция 1961 года оставляет неразрешенными некоторые вопросы, в частности, «Конвенция не содержит определения понятия «обычное место жительства» (*habitual residence*) или даже абстрактных критериев, позволяющих отграничить эту категорию от понятия домицилия (*domicile*). Кроме того, отсутствуют указания относительно того, по праву какой страны следует устанавливать содержание данных понятий» [8].

«В Конвенции 1961 года также не рассматриваются вопросы, касающиеся двойного гражданства наследодателя: по праву какой страны следует определять действительность завещания, если наследодатель является гражданином более чем одного государства» [8].

Таким образом, Конвенция 1961 года «прежде всего преследует цель придать завещательным распоряжениям свойство формальной действительности посредством расширения перечня юрисдикций, право которых может регулировать этот вопрос, а не посредством создания унифицированной формы завещательного распоряжения, пользующейся всеобщим признанием, так чтобы завещание было действительным вне зависимости национального права того или иного государства» [8].

Обсуждение

В условиях становления в РК гражданского общества и правового государства, где приоритет отдается защите прав и свобод человека, а также его социальному и материальному благополучию, важное значение приобретает право наследования. Оно способствует материальному обеспечению широкого круга лиц и формированию среднего класса, что является важным элементом развития гражданского общества.

Согласно статье 26 Конституции РК, граждане имеют право на частную

собственность, включая право наследования, которое гарантируется законом. В условиях рыночной экономики и признания частной собственности круг объектов, переходящих по наследству, значительно расширился. В собственности граждан находятся жильё, земельные участки, транспортные средства, ценные бумаги, объекты интеллектуальной собственности и другое имущество.

«В Казахстане до недавнего времени завещание оставалось лишь небольшим числом весьма «продвинутых» в юриспруденции граждан» [10, с. 81], ввиду «...отсутствия достаточной правовой пропаганды среди населения преимуществ удостоверения завещания, невысокой правовой культуры части населения, смерти в раннем возрасте, скоропостижной смерти, суеверной боязни составления завещания ускорить естественное течение событий и другие» [10, с. 81]. С ростом материального благосостояния увеличивается и число граждан, вовлечённых в наследственные правоотношения. Так, если в 2002 году было удостоверено 16881 завещание⁹, то в 2024 году их количество достигло почти 25 тысяч¹⁰.

Однако наследование, особенно в случаях с иностранным элементом, часто сопровождается коллизиями, связанными с различиями в национальных правовых системах. Основным инструментом регулирования таких отношений являются коллизионные нормы, которые помогают определить применимое право.

Известен случай из нотариальной практики, когда наследники гражданина Германии, постоянно проживавшего в Казахстане, столкнулись с проблемой признания рукописного завещания (собственноручно написанного и подписанного завещателем согласно § 2247 Германского гражданского уложения) в Казахстане. При обращении к казахстанскому нотариусу выяснилось, что такой документ не может быть принят к исполнению, так как законодательство Казахстана (ст. 1050 ГК РК) предусматривает исключительно

⁹ Обобщение нотариальной практики по удостоверению завещания. // URL <https://drive.google.com/file/d/1I8EGTQ6-YMB3uGZuUrHhWbSwqK0iDxeq/view> (дата обращения: 20.03.2025)

¹⁰ Обобщение итоговых информации территориальных нотариальных палат за 2024 год // Бюллетень нотариуса. – 2025. - №1 - С. 55

нотариальную форму завещания¹¹.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что наследственная масса была распределена между наследниками первой очереди по закону, хотя волеизъявление умершего явно указывало на необходимость передачи имущества его сестре. Это наглядный пример того, как различия в национальных законодательствах могут воспрепятствовать реализации последней воли наследодателя.

Данный случай демонстрирует практические трудности, возникающие при отсутствии унифицированных международных норм в сфере наследственного права.

В этом контексте заключение Конвенции 1961 года способствует гарантированию конституционного права на наследование. Конвенция не содержит ограничений прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и законами РК, и соответствует принципам защиты имущественных прав граждан.

Таким образом, присоединение к Конвенции укрепляет правовые механизмы наследования, обеспечивая правовую определённость и защиту интересов граждан в условиях глобализации.

Несмотря на преимущества, существуют риски, связанные с реализацией отдельных норм Конвенции. Например, возможны сложности при определении «обычного места жительства» завещателя или при признании завещаний, составленных в формах, не предусмотренных национальным законодательством.

Для минимизации таких рисков Конвенция предусматривает возможность заявления оговорок (статьи 9-13). Оговорки позволяют государствам-участникам адаптировать положения Конвенции к своим национальным правовым системам, сохраняя при этом её основные принципы.

Оговорка, предусмотренная статьёй 9 Конвенции 1961 года,

предусматривает возможность использования «*lex fori*» при определении domicilio завещателя (пункт «с» статьи 1 Конвенции). Это обусловлено следующими причинами:

1. В законодательстве Казахстана термин «доминилий» приравнен к понятию «постоянного местожительства», что соответствует сложившейся правовой практике.

2. При рассмотрении наследственных споров судами Казахстана применение казахстанского права повышает правовую определённость, поскольку суды лучше знакомы с национальным законодательством.

Также мы согласны с предложением применить оговорку статьи 11, что позволит частично исключить риски, связанные с имуществом, находящимся на территории РК.

В данном контексте представляется обоснованным заявление оговорки в соответствии со статьями 10 и 12 Конвенции, поскольку их применение направлено на обеспечение соблюдения ключевых принципов наследственного права Республики Казахстан. Эти принципы включают требования минимальной правовой защиты интересов участников наследственных правоотношений, а также необходимость чёткого разграничения с сопутствующими правовыми институтами.

Согласно статье 10 Конвенции, «каждое Договаривающееся государство может оговорить за собой право не признавать, кроме исключительных обстоятельств, завещательные распоряжения, сделанные в устной форме одним из его граждан, не имеющим какого-либо другого гражданства»¹².

Как отмечалось ранее, законодательство РК (статьи 1050–1053 ГК РК) устанавливает обязательное требование о письменной нотариальной форме завещания. Данная норма обеспечивает дополнительную гарантию соответствия содержания завещания подлинной воле наследодателя, мини-

¹¹ Министерство юстиции Республики Казахстан письмо от ТОО «RSP International (PCP Интернэшнл)». Наследственное дело, осложненное иностранным элементом запрос от 10 сентября 2021 года. Архив Республиканской нотариальной палаты, Астана, 2021

¹² Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений от 05 октября 1961 года. Заключена в г. Гаага // URL https://e-ecolog.ru/docs/heRZ03MCYdfPcu6HwDAaa?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F (дата обращения: 13.03.2025)

мизируя риски оспаривания и злоупотреблений. Таким образом, заявление указанной оговорки согласуется с действующим правовым регулированием и направлено на укрепление юридической определённости в сфере наследственных отношений. Устные завещания, допускаемые в некоторых иностранных правовых системах, существенно затрудняют установление и исполнение воли наследодателя, а также создают риски злоупотреблений со стороны недобросовестных наследников или иных заинтересованных лиц.

Таким образом, заявление оговорки статьи 10 позволит:

- обеспечить соблюдение принципов правовой определённости и защиты интересов наследников;

- предотвратить признание устных завещаний, составленных гражданами Казахстана за границей, что может привести к нарушению их имущественных прав.

Статья 12 Конвенции предоставляет государствам-участникам важный механизм для разграничения формальной действительности завещательных распоряжений от иных односторонних актов волеизъявления. «Известно, что в некоторых правовых системах завещание позволяет не только урегулировать будущее наследование, но и осуществить ряд иных юридических действий одностороннего характера, таких как признание внебрачного ребенка, назначение опекуна или душеприказчика и др. В принципе, формальная действительность подобных актов подпадает под действие Конвенции. Однако во избежание возможных недоразумений ее ст. 12 предусматривает возможность оговорки: «Каждое Договаривающееся государство может оговорить за собой право исключать применение настоящей Конвенции к положениям завещания, которые, согласно его законодательству, не относятся к вопросам наследования» [9, с.119].

Заявление оговорки статьи 12 позволит:

- сохранить чёткое разграничение между наследственными правоотношениями и иными институтами гражданского права;
- избежать правовой неопределённости, связанной с применением иностранного права, допускающего смешение указанных институтов.

ности, связанной с применением иностранного права, допускающего смешение указанных институтов.

Применение оговорок к статьям 9, 10, 11 и 12 Конвенции позволит Казахстану адаптировать её положения к национальным правовым реалиям, минимизировать риски, связанные с признанием завещаний, составленных за границей, и обеспечить защиту имущественных прав граждан. Это соответствует принципам правовой определённости, юридической безопасности и соблюдения публичного порядка, закреплённым в законодательстве Республики Казахстан.

Заключение

Присоединение Казахстана к Конвенции 1961 года является обоснованным шагом, который укрепит правовую защиту граждан, упростит международное сотрудничество и повысит доверие к правовой системе страны. Заявление оговорок к отдельным положениям Конвенции позволит минимизировать возможные риски и адаптировать её нормы к национальным правовым реалиям, обеспечивая соблюдение принципов правовой определённости и защиты имущественных прав граждан.

Кроме того, для дальнейшего совершенствования механизмов международного сотрудничества в сфере наследственного права Казахстану, полагаем необходимым рассмотреть возможность ратификации Конвенции о создании международного реестра завещаний. Это позволит:

- упростить поиск и проверку завещаний, составленных за границей;

- обеспечить оперативный доступ к информации о наследственных правах граждан;

- снизить риски мошенничества и злоупотреблений в наследственных отношениях.

Таким образом, ратификация Конвенции 1961 года и последующее присоединение к Конвенции о реестре завещаний станут важными шагами в укреплении правовой защиты граждан и повышении эффективности международного сотрудничества в сфере наследственного права.

Список литературы:

1. Медведев, И.Г. Завещание без границ: о необходимости присоединения к международным договорам в данной сфере // И.Г. Медведев, В.В. Ярков // Закон - 2014. - №6. - С. 82-93 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/57513341/> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Шушкевич Б.А. Наследственное право Российской Федерации: Учеб. пособие // Б. А. Шушкевич // - Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1998. - 119 с.
3. Эйдинова Э.Б. Завещание // Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева // Э.Б. Эйдинова // - М.: Сов. энцикл., 1984. - 415 с.
4. Наследственное право. Комментарий законодательства и практика его применения / Т.И. Зайцева, П.В. Крашенинников - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2002. - 384 с.
5. Петров, Е.Ю. Наследственное право России: состояние и перспективы развития (сравнительно-правовое исследование) // Е.Ю. Петров // - М.: М-Логос, 2017. - 152 с.
6. Зенин, И.А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие, руководство по изучению дисциплины, практикум по изучению дисциплины, учебная программа / И.А. Зенин // - 5-е изд. Вып. 5 - М.: МЭСИ, 2005. - 194 с.
7. Пелевин, М.С. Наследование в Иране // М.С. Пелевин // Журнал международного частного права. - 1997. - №1. - С. 3-14.
8. Новиков, В.С. Международное (трансграничное) наследование: коллизии законов, коллизии юрисдикций и материально-правовое регулирование отношений, осложненных иностранным элементом // В.С. Новиков // Право и политика. - 2023. - №1. - С. 10-40. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39669/ (дата обращения: 25.03.2025).
9. Медведев, И.Г. Комментарий к конвенциям в области имущественных отношений супругов и наследования // И.Г. Медведев // - М.: Волтерс Клувер, 2007. - 231 с.
10. Акатов, И.Е. О некоторых аспектах совершения секретного завещания в Республике Казахстан // И.Е. Акатов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан - 2012.- №1. - С. 80-84.

© Э.Б. Жанәбілова¹, 2025

¹ Қазақстан Республикасы Республикалық нотариаттық палата, Астана, Қазақстан
E-mail: 1notakama@mail.ru

ӨСИЕТ ӨКІМДЕРІНІҢ НЫСАНЫНА ҚАТЫСТЫ ЗАҢДАРДЫҢ ҚАЙШЫЛЫҒЫ ТУРАЛЫ ГААГА КОНВЕНЦИЯСЫ (05 ҚАЗАН 1961 Ж.): ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА РАТИФИКАЦИЯЛАУ ҚАЖЕТТІЛІГІ

Аннотация. Қазақстанның 1961 жылғы 5 қазандағы өсиет өкімдерінің нысанына қатысты заңдардың қайшылығы туралы Гаага конвенциясын қабылдауы азаматтардың трансшекаралық қозғалысының артуы және шетелдік элементі бар мұрагерлік істер санының артуы жағдайында өзекті міндет болып табылады. Қазіргі уақытта Қазақстанның мұрагерлік мәселелері жөніндегі халықаралық конвенцияларға қатыспауы әртүрлі елдердің құқықтық жүйелері арасында қайшылықтар туғызады, бұл азаматтар үшін құқықтық белгісіздік пен қиындықтарға алып келеді.

Осы бап Қазақстанның 1961 жылғы Конвенцияға қосылу қажеттілігін негіздейді. Бұл жұмыста Қазақстан, Германия, Франция және Италия заңнамаларын қоса алғанда, әртүрлі құқықтық жүйелердегі өсиеттерді реттеу ерекшеліктері зерттеледі. Жалпы белгілерге қарамастан, әр мемлекеттің мұрагерлік қатынастарды реттеуде өзіндік ерекшелігі бар, бұл қайшылық нормаларын біріздендіру қажеттілігін тудырады.

1961 жылғы Конвенцияның ережелері, атап айтқанда оның икемді қайшылық байланыстары (өсиет жасалған жер, азаматтық, домицил, өсиет қалдырушының қарапайым тұрғылықты жері, жылжымайтын мүліктің орналасқан жері) егжей-тегжейлі талданады, бұл өсиеттердің ресми белгілері бойынша жарамдылығын тануға ықпал етеді.

Мақалада Конвенцияның жекелеген нормаларын іске асыруға байланысты ықтимал қауіптер, мысалы, «қарапайым тұрғылықты жер» ұғымының белгісіздігі немесе қос азаматтық мәселелері қарастырылады. Осы қауіптерді барынша азайту үшін Конвенцияда көзделген ережелерді қазақстандық заңнамаға бейімдеуге мүмкіндік беретін ескертпелерді (9, 10, 11 және 12-баптар) пайдалану ұсынылады.

Қорытындыда азаматтарды құқықтық қорғауды нығайту, құқықтық сенімділікті арттыру және мұрагерлік құқық саласындағы халықаралық ынтымақтастықты оңайлату үшін 1961 жылғы Конвенцияны Қазақстанның ратификациялауының орындылығы туралы қорытынды жасалады.

Түйінді сөздер: өсиет бойынша мұрагерлік, өсиет өкімдерінің нысаны, өсиетке қолданылатын құқық, заңдардың қайшылығы, жылжымайтын мүлік, домицилия, халықаралық келісімдер, конвенциялар.

© A.B. Zhanabilova¹, 2025

¹ Republican Notary Chamber of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
(E-mail: ¹notakama@mail.ru)

THE HAGUE CONVENTION ON THE CONFLICT OF LAWS CONCERNING THE FORM OF TESTAMENTARY DISPOSITIONS (OCTOBER 05, 1961): THE NEED FOR RATIFICATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The adoption by Kazakhstan of the Hague Convention on the Conflict of Laws concerning the Form of Testamentary Dispositions of October 5, 1961, is an urgent task in the context of growing cross-border mobility of citizens and an increase in the number of inheritance cases with a foreign element. Currently, Kazakhstan's lack of participation in international inheritance conventions creates conflicts between the legal systems of different countries, which leads to legal uncertainty and difficulties for citizens.

This article substantiates the need for Kazakhstan's accession to the 1961 Convention. The paper examines the specifics of the regulation of wills in various legal systems, including the legislation of Kazakhstan, Germany, France and Italy. It is emphasized that, despite the common features, each state has its own specifics in regulating hereditary relations, which necessitates the unification of conflict-of-laws rules.

The provisions of the 1961 Convention are analyzed in detail, in particular, its flexible conflict-of-laws bindings (place of making a will, nationality, domicile, habitual residence of the testator, location of immovable property), which contribute to the recognition of the validity of wills on formal grounds.

The article also examines the potential risks associated with the implementation of certain provisions of the Convention, such as the uncertainty of the concept of «habitual residence» or issues of dual citizenship. To minimize these risks, it is proposed to use the reservations provided for in the Convention (articles 9, 10, 11 and 12), allowing its provisions to be adapted to Kazakh legislation.

The conclusion concludes that it is advisable for Kazakhstan to ratify the 1961 Convention in order to strengthen the legal protection of citizens, increase legal certainty and simplify international cooperation in the field of inheritance law.

Keywords: inheritance by will, the form of testamentary dispositions, the law applicable to a will, conflict of laws, immovable property, domicile, international agreements, conventions.

References:

1. Medvedev, I.G. Zaveshchanie bez granits: o neobhodimosti prisoedineniya k mezhdunarodnym dogovoram v dannoi sfere // I.G. Medvedev, V.V. Yarkov // *Zakon* - 2014. - №6. - S. 82-93 // Retrieved from <https://base.garant.ru/57513341/> (data obrashcheniya: 15.03.2025).
2. Shushkevich, B.A. Nasledstvennoe pravo Rossiyskoi Federatsii: Ucheb. posobie // B. A. Shushkevich // - Tyumen: Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 1998. - 119 s.
3. Eidinova, E.B. Zaveshchanie // *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* / Pod red. A.Ya. Suhareva // E.B. Eidinova // - M.: Sov. entsikl., 1984. - 415 s.
4. Nasledstvennoe pravo. Kommentariy zakonodatelstva i praktika ego primeneniya / T.I. Zaitseva, P.V. Krashennnikov - 3-e izd., pererab. i dop. - M.: Statut, 2002. - 384 c.
5. Petrov E.Yu. Nasledstvennoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya (sravnitelno-pravovoe issledovanie) // E.Yu. Petrov // - M.: M-Logos, 2017. - 152 s.
6. Zenin I.A. Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh stran: Uchebnoe posobie, rukovodstvo po izucheniyu distsipliny, praktikum po izucheniyu distsipliny, uchebnaya programma // I.A. Zenin // - 5-e izd. Vyp. 5 - M.: MESI, 2005. - 194 s.
7. Pelevin M.S. Nasledovanie v Irane // M.S. Pelevin // *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava*. - 1997. - №1. - S. 3-14.
8. Novikov V.S. Mezhdunarodnoe (transgranichnoe) nasledovanie: kollizii zakonov, kollizii yurisdiksiy i materialno-pravovoe regulirovanie otnosheniy, oslozhnennykh inostrannym elementom // V.S. Novikov // *Pravo i politika*. - 2023. - №1. - S. 10-40. // Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39669/ (data obrashcheniya: 25.03.2025).
9. Medvedev I.G. Kommentariy k konventsiiam v oblasti imushchestvennykh otnosheniy suprugov i nasledovaniya // I.G. Medvedev // - M.: Volters Kluver, 2007. - 231 s.
10. Akatov I.E. O nekotorykh aspektakh soversheniya sekretnogo zaveshchaniya v Respublike Kazakhstan // I.E. Akatov // *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan* - 2012. - №1. - S. 80-84

Сведения об авторе:**Автор туралы мәліметтер:****Information about author:**

Жанәбілова Әсел Булатқазықызы - хат – хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, Қазақстан Республикасы Республикалық нотариаттық палатасының төрайымы, Сарайшық көшесі, 38, 5 кеңсе, 010000, Астана, Қазақстан. E-mail: notakama@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2446-5056>.

Жанабилова Асель Булатказыевна - автор для корреспонденции, магистр юридических наук, Председатель Республиканской нотариальной палаты Республики Казахстан, улица Сарайшык, 38, офис 5, 010000, Астана, Казахстан. E-mail: notakama@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2446-5056>.

Zhanabilova Assel Bulatkazyevna - corresponding authors, Master of Laws, President of the Republican Notary Chamber of the Republic of Kazakhstan, 38 Saraishyk Street, office 5, 010000, Astana, Kazakhstan. E-mail: notakama@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2446-5056>.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 228-237

УДК 343.77
ГРНТИ 10.87.89
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_228
Научная статья

© Б.Ш. Исмаилова^{1*}, 2025

¹ Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Актюбе, Казахстан
(E-mail: daulet070108@mail.ru)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗАХСТАНА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация. Влияние человека на окружающую среду в большинстве случаев имеет негативные последствия. Развитие научно-технических исследований, различных технологий может также вести к нарушению экологического баланса на соответствующей территории. Обеспечение своевременного реагирования на подобные изменения в окружающей среде - ключевая задача для создания благоприятных условий для жизни человека. В работе рассматриваются вопросы взаимодействия международного сообщества относительно проведения совместной политики в области противодействия экологическим преступлениям. При этом приводятся статистические данные по экологическим преступлениям, совершенным в Казахстане, в целях определения ущерба наносимого государству, физическим и юридическим лицам. Кроме того, национальное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство подвергается изменению по причине возрастания влияния различных видов деятельности человека на окружающую среду, на природные объекты либо на отдельные природные ресурсы. В связи с этим, особое значение приобретает деятельность по сотрудничеству с различными зарубежными странами для формирования единых подходов по привлечению к ответственности в области борьбы с экологическими преступлениями. В статье приводятся международные документы согласно времени их разработки и принятия, также рассматриваются направления, по которым взаимодействие стран в исследуемой области правоотношений может быть наиболее эффективным, в частности, относительно разработок международных документов и механизма их реализации субъектами мирового сообщества. В качестве доказательственной базы приводятся примеры практики иных государств, а также сравнение с правоприменительной практикой органов судебной власти Казахстана. Немаловажное значение в сотрудничестве имеет работа с международными организациями, чья деятельность связана непосредственно с противодействием экологической преступности.

Ключевые слова: экологическое преступление, национальное законодательство, международное сотрудничество, ущерб, окружающая среда, граждане, ответственность.

Введение
Экологическое состояние окружающей среды зависит от воздействия на нее людей, на основании чего можно утверждать, что ухудшение положения экологических объектов является следствием антропогенных причин [1, с.248]. Реализация хозяй-

* Автор для корреспонденции. E-mail: daulet 070108@mail.ru.

ственной деятельности может затрагивать интересы различных субъектов правоотношений, потому действия данных участников могут способствовать нанесению ущерба состоянию окружающей среды. Совершенствование технологий, создание комфортных условий для жизнедеятельности также являются причинами ухудшения экологической ситуации, при этом окружающая среда не способна сразу реагировать и восстанавливать свои ресурсы [2, р. 5]. Поэтому посредством законодательных методов, деятельностью по противодействию нарушениям экологического законодательства, профилактике совершению экологических правонарушений страны и иными путями страны пытаются улучшить экологическое положение своих территорий. При этом экологическая сфера требует проведения совместных согласованных действий в связи с ее направленностью на благополучие человечества в целом, в том числе относительно несоблюдения экологического и уголовного законодательства. Количество правонарушений в исследуемой области общественных отношений в Казахстане довольно большое.

Материалы и методы

Применение в работе таких методов, как логический, позволило рассмотреть отдельные аспекты темы исследования посредством анализа статистических и иных данных. Полезными в написании также было использование специального метода на основе рассмотрения теоретических и практических сторон изучаемого института. Для изучения различных подходов, направлений, задач и путей для дачи наиболее эффективных рекомендаций в области противодействия экологической преступности был использован сравнительно-правовой метод.

Обсуждение

Согласно мировым статистическим данным, экологические правонарушения находятся на четвертом месте по

частоте совершения, они уступают лишь нескольким группам: распространение наркотических средств, фальшивомонетничество и незаконная торговля людьми. Также, хотелось бы обратить внимание на то, что ущерб от экологических преступлений превышает в десять тысяч раз сумму, которая выделяется на борьбу с данным видом преступной деятельности, что отрицательно сказывается на бюджете страны. Немаловажным аспектом данной проблемы является то, что в большинстве государств мира происходит неконтролируемая добыча полезных ископаемых, что также вредит экологии, помимо этого немалый ущерб приносит истребление флоры и фауны. В пример хотелось бы привести сайгаков, несмотря на запрет отстрела данного вида животных, люди продолжают их истреблять, что в конечном результате приведёт к их полному вымиранию и разрушению экосистемы¹.

За последние 4 года в республике примерное ежегодное количество экологических преступлений около 1100, как видно на рисунке 1, и при уменьшении их с каждым годом объем нанесенного вреда увеличивается. Рекордная сумма ущерба Казахстане наблюдалась в 2017 году и составила 5,3 миллиарда тенге.

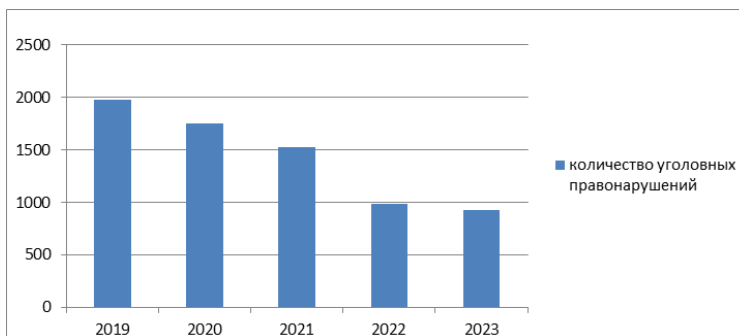

Рисунок 1. Количество экологических правонарушений за 2019-2023 годы.

Незаконные действия в отношении несоблюдения норм экологического законодательства приводят к увеличению различных заболеваний, нарушениям экологической системы, появлению экологических катастроф.

¹ В Казахстане продлен мораторий на использование сайгаков, их частей и дериватов // URL: https://www.kt.kz/rus/ecology/2024_1377945148.html (дата обращения: 02.02.2024).

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) насчитывается двадцать одна статья в исследуемой области². Среди них наиболее частыми в криминальном отношении являются:

- незаконная добыча водных, рыбных ресурсов, в том числе растений и животных (ст. 335);

- незаконное использование редких, ограниченных в природопользовании, исчезающих видов животных и растений, а также дериватов и частей животных и растений (ст. 339).

Процент совершения вышеуказанных противоправных деяний за 2022 год, составил 62,8 процента от общего количества правонарушений, а в 2023 году 56,1 процента³. В частности, за 2023 год более 360 лиц совершили экологические правонарушения относительно незаконной ловли рыб, при этом сумма штрафов, наложенная на них, составила 5,5 миллионов тенге. В данной связи особую опасность составляют преступные группы, осуществляющие незаконное использование ресурсов окружающей среды для получения прибыли. Следствием данных действий выступает исчезновение видов животных и растений, в том числе в национальных парках и иных особо охраняемых природных территориях.

Вред, наносимый природе, государству, физическим и юридическим лицам Казахстана, в материальном выражении составляет ежегодно в среднем значении 3,5 миллиарда тенге.

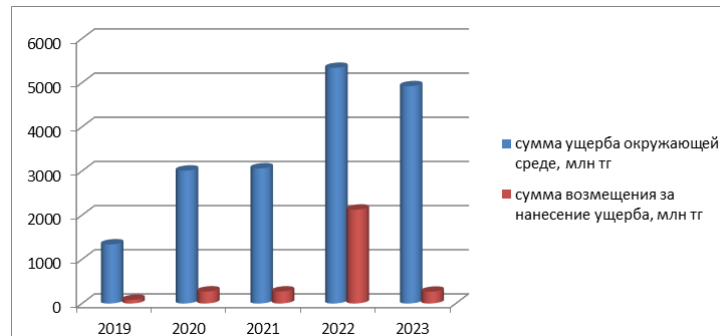

Рисунок 2. Суммы ущерба, нанесенного окружающей среде, и его возмещения за соответствующий год.

² Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226- V ЗРК. Уголовный кодекс Республики Казахстан // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 02.02.2024).

³ Экопреступники наносят Казахстану ущерб на 3,5 миллиарда тенге ежегодно, а возмещают менее 20 % // URL: <https://ranking.kz/reviews/other/ekoprestupniki-nanosyat-kazahstanu-usherb-na-35-milliarda-tenge-ezhegodno-vozmeshayut-menee-20.html?ysclid=ltuja00yzz133141026> (дата обращения: 05.02.2024).

При этом, согласно рисунку 2, лицами, признанными виновными в нарушении уголовного законодательства, в среднем данный ущерб компенсируется в размере 670,5 миллионов тенге в год, то есть 19 процентов от всей суммы вреда, нанесенного окружающей среде за год.

Следствием увеличения воздействия на окружающую среду стало внесение изменений в 2023 году в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Они коснулись порога привлечения к уголовной ответственности в части его снижения: нанесение ущерба окружающей среде при незаконном осуществлении рубки, повреждении деревьев на сумму от пятидесяти (в старой редакции – от ста) МРП. Здесь же устанавливается определение разряда данного правонарушения – преступление вместо проступка. При самовольном применении недрами часть первая статьи 334 УК РК была изменена с уголовного проступка на преступление, а также размер причиненного ущерба был уменьшен. При этом мера наказания определена как лишение свободы до трех лет. Во второй части ужесточен срок меры наказания: до четырех лет. Подобное ужесточение наказания определяет часть третья рассматриваемой статьи. Изменения относятся также к статье 332, в которой введена новая часть, устанавливающая санкцию лишения свободы в части ущерба в особо крупном размере в отношении территорий, признанных по законодательству особо охраняемыми.

В данной связи актуальным становится международное взаимодействие с государствами, которое выражается в разработке документов и рекомендаций в области противодействия экологическим преступлениям, а также организация эффективного сотрудничества, расширяя его границы от различных запросов и помощи взаимного характера. В области экологических

преступлений первый такой документ - Гаагское положение о правовых актах и обычаях сухопутной войны 1907 года. Кроме того, в числе таких документов можно назвать Международные соглашения об установлении гражданской ответственности за ущерб от порчи природных ресурсов нефтью (1969), о загрязнении воздуха на огромные расстояния между странами (1979), об ограничении военного применения различных техногенных средств на окружающую среду (1977), о защите морских животных, рыб и птиц Антарктики (1982), об охране природы на основе уголовных законов (1998), а также Всемирная хартия окружающей среды (1982), Протокол к Конвенции об охране прав пострадавших в связи с военными действиями (1949).

Документация, представленная выше, составляет неотъемлемую основу для международного сотрудничества в области общественных отношений. При этом их эффективность в части профилактики и ликвидации экологических преступлений является низкой в связи с экономической рентабельностью природопользования, которая идет вразрез с созданием благоприятных условий для населения и созданием экологической безопасности [1, с. 250]. Также отдельным негативным фактором выступает недостаточность работающих систем международного взаимодействия универсального характера, который императивно устанавливал положения для субъектов правоотношений в области противодействия экологической преступности [3, с. 54].

Взаимодействие стран в необходимости объединения усилий в данной области строятся на основании следующих задач:

- внедрение общих положений в национальные законодательства государств;

- противодействие преступлениям международного масштаба в области экологической безопасности (экоцид).

Содержание экоцида можно рассматривать в широком отношении как ликвидация всей экологической системы. Такое непонятное и

неконкретное определение может включать в себя различное содержание, в том числе относительно действий человека, что делает невозможным его установление в законодательных актах, а значит, уменьшает возможность применения ответственности к действительно виновным людям [4, с. 138]. Узкое значение данного института позволяет определить рассматриваемое преступление через отдельные его категории [5, с. 139]. Такую установку придерживается казахстанское уголовное законодательство, которое определяет рассматриваемое преступление как отравление и ликвидация как отдельных представителей, так и в совокупности растительного и животного мира, водных и земельных ресурсов, а также атмосферного воздуха. В глобальном масштабе примеры проявления незаконного преступного деяния, как экоцид, можно проследить во времена военных действий во Вьетнаме, Камбоджи при распылении химических веществ на сельскохозяйственные земли данных государств военными силами США [6, с. 3]; в Персидском заливе при подрывных действиях войск Ирака нефтепроводов, нефтехранилищ, нефтяных скважин [7, с. 42]. При этом на практике виновные не понесли ответственность в связи с тем, что институт экоцида определяется как преступление без выявления, с какой целью он был совершен, то есть в мирное или военное время [6, с. 4]. Также в международном масштабе отсутствует судебный орган по привлечению к ответственности за данное преступление, так как данная компетенция возложена на судебные органы самих государств.

В правоприменительной практике органов судебной власти Казахстана данная статья УК РК⁴ является довольно редкой. При этом в практике международного сообщества имеются примеры применения гражданской или уголовной ответственности виновным в нанесении огромного ущерба экологической безопасности и здоровью населения, в частности, обрушение платины недалеко от города Будапешт и разлив химической грязи на сельскохозяйственные земли. Это

⁴ ст. 169. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226 - V ЗРК. Уголовный кодекс Республики Казахстан // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 02.02.2024).

повлекло полмиллиарда долларов штрафа виновной компании и ее банкротство. Похожая история с утечкой токсичного газа в объеме сорока метрических тонн произошла на севере Индии в 1984 году, вследствие чего виновное юридическое лицо оплатило штраф примерно полмиллиарда долларов.

Изучая предмет рассматриваемого преступления, можно определить его общее содержание с экологическими преступлениями, которые регулируются главой 13 УК РК. При этом различие наблюдается в наличии такого признака в экоциде, как экологическое бедствие. Определения наличия следствия в виде экологического бедствия в отношении экологических преступлений не нужно [3, с. 55], признаки экологического преступного деяния уже наличествуют при установлении экоцида. Важно определить, что в большинстве случаев появление экоцида возможно при наличии военных и политических разногласий, чье разрешение может привести к развитию экологической безопасности государств и мирового сообщества в целом.

Результаты

В странах мира на законодательном уровне закреплены стандарты экологической безопасности и ответственности за экологические преступления, но в связи с различием законов нередко возникают противоречия, а также влияет и отсутствие единых экологических стандартов, что в следствие ведёт к увеличению роста преступных сообществ в области экологических правонарушений против экологии. Поэтому относительно задачи по внедрению в национальное законодательство данных стандартов можно определить следующие рекомендации:

- разработка и принятие международного документа о запрете экоцида, а именно: принятие положения не только об ограничении негативного влияния на природу во время военных и иных действиях, но и немаловажным аспектом является описание полного пакета действий, которые могут быть ограничены, и механизм контроля за реализацией вышеуказанных устано-

вок. При этом механизм контроля может включать технические методы контроля в национальном и международном масштабе на основе строгого исполнения международных принципов и норм; возможность обращения в ООН, Международный суд, Совет Безопасности ООН; невозможность ограничения государствами работы инспекций в рамках международного контроля [8, с. 16];

- унификация уголовного национального законодательства государств мирового сообщества. В отношении всех стран из-за различных правовых установок такая деятельность невозможна, но в отношении похожих правовых систем осуществима. Доказательством служит создание Модельного Уголовного кодекса в отношении государств-участников СНГ, которая определяет возможность совершенствования национального уголовного законодательства стран-участников СНГ [9, с. 107]. В частности, в Уголовный кодекс Таджикистана входят положения об экоциде и о биоциде. Последнее направлено на применение оружия химического, биологического, ядерного и т.д. характера. Значит, биоцид выступает как специальный состав преступления относительно экоцида [10, р. 549].

В связи с этим особенно актуально установление уголовной ответственности в отношении юридических лиц, что по мнению зарубежных и отечественных ученых является очень эффективным. К примеру, Клетнева Е.Г. выделяет в качестве субъектов исследуемых правоотношений физические и юридические лица, при этом мерами наказания в отношении юридических лиц могут быть установлены такие, как штрафы, ограничения в отношении осуществления определенных видов деятельности, а также банкротство юридического лица [11, с. 10-11];

- формирование систем наднационального уровня, определяющие стратегическое значение в области охраны окружающей среды и имеющие единую установку относительно обеспечения экологической безопасности. В области защиты окружающей среды и природных ресурсов выделяется деятельность

организаций, имеющих международный формат создания. В частности, ЮНЕП, которая является международной организацией «Программы ООН в сфере охраны природных объектов». На данную организацию возложены функции уполномоченного органа мирового масштаба, который устанавливает основополагающие положения относительно обеспечения экологической безопасности, способствует реализации единого подхода развития экологической гармонизации национального законодательства стран, а также обеспечивает охрану интересов окружающей среды в целом⁵. Деятельность данной организации направлена на совершенствование международных и национальных подходов к экологическому регулированию; установление и повышение эффективности реализации институтов, применяемых в отношении управления природными объектами и ресурсами; экологическое оценивание подходов и направлений в международном, региональном и национальном масштабе⁶.

Особое значение в области противодействия экологической преступности имеет деятельность Интерпола, организации уголовной полиции международного масштаба. Большое количество операций и проектов в области увеличения экологической безопасности реализуется посредством руководства и участия рассматриваемой международной организации. В настоящее время она входит в Международный консорциум в области противодействия преступлениям в отношении окружающей среды (ICCWC). Цель создания и деятельности консорциума включает в себя укрепление механизма уголовного правосудия, а также осуществление содействия в процессе противодействия с экологической преступностью в национальном, региональном и международном масштабе. Данная организация на основе наличия отдельных следственных групп реализует деятельность по содействию в расследовании и техническом отноше-

нии в каждом определенном случае. В названные группы входят специалисты-аналитики и офицеры, имеющие технические, аналитические, судебные знания и умения в данной области, которые могут быть участниками расследований в помощь национальным правоохранительным органам⁷.

Рассматривая международное взаимодействие относительно противодействия экологическим преступлениям, необходимо указывать не только деятельность организаций международного масштаба, так как в данной области сотрудничество возможно двустороннее. В исследуемой области, так же как и в иных областях международного сотрудничества, могут проявляться сопутствующие проблемы. В частности, определение достоверности и полноценности заключений судебно-экологической экспертизы на территории многих государств, в том числе в отношении стран Евразийского содружества, может иметь определенные трудности. На основании практики зарубежных стран можно установить их в отношении оценивания возможности применения судебно-экспертных подходов в сфере охраны окружающей среды. Поэтому возникает необходимость выработки единых названий и содержания профессионального обучения относительно экспертов по сфере охраны окружающей среды, разработки и оценки действенности методического обеспечения деятельности эксперта в области судебной экологии. Это даст возможность применения правоприменительного опыта иного государства на основе подготовительного уровня аккредитации организаций судебно-экспертного характера стран, входящих в Евразийское содружество [12, с. 191].

Рассмотренные выше действия определены их актуальностью по причине трудностей по установлению достоверности и полноценности экспертов государств, входящих в Евразийское содружество, куда входят

⁵ ЮНЕП: Программа ООН по окружающей среде // URL: <http://www.un.org/ru/ga/unesp/index.shtml> (дата обращения: 03.03.2024).

⁶ UNEP = ЮНЕП: официальный сайт // URL: <http://www.unep.org/about/who-we-are/overview> (дата обращения: 03.03.2024).

⁷ Environmental crime // URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Environmental-crime> (date of reference: 03.03.2024).

также и документы по проведению судебно-экологической экспертизы, в частности, при рассмотрении судебным органом вопросов экологического характера относительно ухудшения состояния объектов окружающей среды в результате осуществления хозяйственной или иной производственной деятельности, находящихся на территории одного государства. При этом следствием данной деятельности является вредное влияние на экологическую обстановку находящегося рядом государства. В данном случае объекты судебно-экологической экспертизы могут находиться на земле государства, на которое не распространяется национальная юрисдикция [12, с. 186]. Кроме этого, трудности возникают в механизме обмена информацией и данными относительно экологических преступлений трансграничного характера. В частности, относительно противодействия киберпреступлениям сотрудничество выражается во взаимном обмене информацией в онлайн-формате, которая работает без перерыва и выходных [13, с. 13]. В отношении же экологических преступлений подобная деятельность является неэффективной в связи с тем, что сами государства, пострадавшие от воздействия экологического бедствия, не спешат информировать о наступлении экоцида. Это происходит по причине неотвратимости предъявления претензии государствами, ощутившими его влияние на своей территории, к субъекту экологического преступления, а также самому государству. Примером является разлив нефтяного пятна на реке Сунгари, при котором администрация Китайской Народной Республики осуществляла деятельность по устранению

последствий экологического бедствия, а также регулярно направляла данные Российской Федерации относительно положения в водном ресурсе и наличии химических веществ. Состояние реки Амур ухудшилось⁸, при этом российская сторона не стала предъявлять претензии в другой стороне в связи с тем, что это трансграничный вред. В данном случае вопрос имеет политическое значение.

Заключение

Таким образом, несвоевременное получение данных, их обработка ведет к принятию решения, которое может стать запоздалым и несоответствующим имеющейся ситуации, на основе чего проявляются дополнительные трудности и разногласия юридического характера [14, р. 63]. В этом состоит негативная черта системы международного контроля охраны окружающей среды. При этом с целью упрочения добрососедских отношений с сопредельными государствами страны не всегда имеют желание привлечь виновное государство к гражданско-правовой ответственности, тем самым покрыть вред, нанесенный окружающей среде. На современном этапе направление международного взаимодействия в целях борьбы с экологическими преступлениями определяет углубление и развитие в области сотрудничества стран. Вместе с тем формирование реальной системы правового регулирования и осуществления подхода оперативного реагирования природоохранными и правоохранительными органами государств в отношении противодействия экологическим преступлениям не имеет реализации на практике.

Список литературы:

1. Шишкина, Е.А. Международная экологическая преступность как предмет криминологического анализа // Е.А. Шишкина // Евразийский юридический журнал. - 2015. - №4(83). - С. 248-252.
2. Ellram, L. Sourcing to Support the Green Initiative. // L. Ellram // - New York: Business Expert Press, 2013. - 126 p.
3. Айдарбеков, Ч.А. Экоцид в уголовном законодательстве Кыргызской Республики // Ч.А. Айдарбеков // Управленческое консультирование. - 2016. - №3(87). - С. 52–59.
4. Соседова, Ю.Е. Компаративный анализ экоцида // Ю.Е. Соседова // «Черные

⁸ Китай отравил Амур опасными химикатами // URL: http://www.liveinternet.ru/community/geo_club/post131576510 (дата обращения 14.03.2024)7

дыры» в российском законодательстве. - 2014. - №6. - С. 138–140.

5. Захаров, А.В. Вызовы глобального мира // А.В. Захаров // Социально-экономические явления и процессы. - 2010. - №5(021). - С. 138–143.

6. Греченкова, О.Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. дисс. на соиск.уч.ст.канд. юрид. наук: 12.00.08. // О.Ю. Греченкова // - Краснодар, 2007. - 26 с.

7. Аникиев, В.В. Оценка экоцида от военных действий в конце XX и начале XXI веков // В.В. Аникиев // Современные аспекты гуманитарных операций при чрезвычайных ситуациях и вооруженных конфликтах: материалы 14-й междунар. науч.-практ. конф. по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. – М., 2019. - С. 40–44.

8. Макаров, О.И. Экоцид: международно-правовые аспекты: автореф. дисс. на соиск.уч.ст.канд. юрид. наук. // О.И. Макаров // - М., 1992. - 22 с.

9. Лисаускайте, В.В. Преступления со специфическим статусом по международному уголовному праву // В.В. Лисаускайте // Сибирский юридический вестник. - 2020. - №2. - С. 107–115.

10. Johnson, S.D. Crime displacement: what we know, what we don't know, and what it means for crime reduction// Journal of Experimental Criminology. // S.D. Johnson // - 2014. - Vol. 10. -Issue 4. - P. 549–571.

11. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: автореф.дисс. на соиск. уч.ст.канд. юрид. наук: 12.00.08. // Е.Г. Клетнева // - Казань, 2017. - 22 с.

12. Бекжанов, Ж.Л. Международная интеграция в области судебно-экспертного обеспечения расследования экологических преступлений на Евразийском пространстве// Ж.Л. Бекжанов // Теория и практика судебной экспертизы. - 2013. - №4(32). - С. 185–191.

13. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ // Под ред. И.Г. Смирновой. – М.: Юрлитинформ, 2016. - 312 с.

14. Ginneken, E. «Just» punishment? Offenders' views on the meaning and severity of punishment // E. Ginneken // Criminology & Criminal Justice. - 2017. - Vol. 17. - Issue 1. - P. 62–78.

© Б.Ш. Исмаилова¹, 2025

¹ Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университетінің, Ақтөбе, Қазақстан
(E-mail: daulet070108@mail.ru)

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ҚЫЛМЫСТАРЫМЕН КҮРЕС САЛАСЫНДАҒЫ ШЕТ ЕЛДЕРМЕН ӨЗАРА ӨРЕКЕТІ

Аннотация. Адамның қоршаған ортаға әсері көп жағдайда теріс әсер етеді. Ғылыми-техникалық зерттеулердің, әртүрлі технологиялардың дамуы тиісті аумақтағы экологиялық тепе-теңдіктің бұзылуына әкелуі мүмкін. Қоршаған ортадағы мұндай өзгерістерге уақтылы жауап беру адамдардың өмір сүру үшін қолайлы жағдай жасаудың мақсаты болып табылады. Жұмыста халықаралық қоғамдастықтың экологиялық қылмыстарға қарсы іс-қимыл саласындағы бірлескен саясатты жүргізуге қатысты өзара іс-қимыл мәселелері қарастырылады. Бұл ретте мемлекетке, жеке және заңды тұлғаларға келтірілетін залалды айқындау мақсатында Қазақстанда тиісті уақыт ішінде жасалған экологиялық қылмыстар бойынша статистикалық деректер келтіріледі. Сонымен қатар ұлттық қылмыстық және қылмыстық іс жүргізу заңнамасы адам қызметінің әртүрлі түрлерінің қоршаған ортаға, табиғи объектілерге немесе жекелеген табиғи ресурстарға ықпалының артуына байланысты өзгеріске ұшырайды. Осыған байланысты экологиялық қылмыстарға қарсы күрес саласында жауапкершілікке тартудың бірыңғай тәсілдерін қалыптастыру үшін түрлі шет елдермен ынтымақтастық жөніндегі қызмет ерекше маңызға ие. Мақалада оларды әзірлеу және қабылдау уақыты

бойынша халықаралық құжаттар, сондай-ақ құқықтық қатынастардың зерттелетін саласындағы елдердің өзара іс-қимылы неғұрлым тиімді болуы мүмкін бағыттар келтірілген. Атап айтқанда, әлемдік қоғамдастық субъектілерінің іске асыруынан халықаралық құжаттар мен тетіктерді әзірлеуге қатысты. Дәлелдемелік база ретінде өзге мемлекеттер практикасының мысалдары, сондай-ақ Қазақстанның сот билігі органдарының құқық қолдану практикасымен салыстыру келтіріледі. Қызметі экологиялық қылмыспен күреспен тікелей байланысты халықаралық ұйымдармен жұмыс істеудің маңызы зор.

Түйінді сөздер: экологиялық қылмыс, ұлттық заңнама, халықаралық ынтымақтастық, зиян, қоршаған орта, азаматтар, жауапкершілік.

© B.SH. Ismailova¹, 2025

¹ Aktobe regional university named after K. Zhubanov, Aktobe, Kazakhstan
(E-mail: daulet070108@mail.ru)

KAZAKHSTAN'S COOPERATION WITH FOREIGN COUNTRIES IN THE FIELD OF COMBATING ENVIRONMENTAL CRIMES

Abstract. Human influence on the environment in most cases has negative consequences. The development of scientific and technical research and various technologies can also lead to a violation of the ecological balance in the relevant territory. Timely response to such changes in the environment is the goal to create favorable conditions for people to live. The paper examines the issues of interaction of the international community regarding the implementation of joint policies in the field of combating environmental crimes. At the same time, statistical data on environmental crimes committed in Kazakhstan over the relevant time are provided in order to determine the damage caused to the state, individuals and legal entities. In addition, national criminal and criminal procedure legislation is undergoing changes due to the increased impact of various human activities on the environment, on natural objects or on individual natural resources. In this regard, cooperation with various foreign countries is of particular importance in order to form common approaches to bringing to justice in the field of combating environmental crimes. The article presents international documents according to the time of their development and adoption, as well as the directions in which the interaction of countries in the field of legal relations under study can be most effective. In particular, regarding the development of international documents and a mechanism for their implementation by the subjects of the world community. As an evidence base, examples of the practice of other states are given, as well as a comparison with the law enforcement practice of the judicial authorities of Kazakhstan. Of great importance in cooperation is the work with international organizations whose activities are directly related to the fight against environmental crime.

Keywords: environmental crime, national legislation, international cooperation, damage, environment, citizens, responsibility.

References:

1. Shishkina E.A. Mezhdunarodnaya ekologicheskaya prestupnost kak predmet kriminologicheskogo analiza // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. - 2015. - №4(83). - S. 248-252.
2. Ellram L. Sourcing to Support the Green Initiative. - New York: Business Expert Press, 2013. - 126 p.
3. Aidarbekov Ch.A. Ekotsid v ugovnom zakonodatelstve Kyrgyzskoi Respubliki // Upravlencheskoe konsultirovanie. - 2016. - №3(87). - S. 52-59.
4. Sosedova Yu.E. Komparativnyi analiz ekotsida // «Chernye dyry» v rossiyskom zakonodatelstve. - 2014. - №6. - S. 138-140.
5. Zaharov A.V. Vyzovy globalnogo mira // Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. - 2010. - №5(021). - S. 138-143.

6. Grechenkova O.Yu. Ekotsid kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: avtoref. diss. na soisk.uch.st.kand. yurid. nauk: 12.00.08. - Krasnodar, 2007. - 26 s.
7. Anikiev V.V. Otsenka ekocida ot voennykh deistviy v konce XX i nachale XXI vekov // Sovremennyye aspekty gumanitarnykh operatsiy pri chrezvychaynykh situatsiyah i vooruzhennykh konfliktakh: materialy 14-i mezhdunar.nauch.-prakt. konf. po problemam zashchity naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy. – M., 2019. - S. 40–44.
8. Makarov O.I. Ekotsid: mezhdunarodno-pravovye aspekty: avtoref. diss. na soisk. uch.st.kand. yurid. nauk. - M., 1992. - 22 s.
9. Lisauskaite V.V. Prestupleniya so spetsificheskim statusom po mezhdunarodnomu ugovnomu pravu // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. - 2020. - №2. - S. 107–115.
10. Johnson S.D. Crime displacement: what we know, what we don't know, and what it means for crime reduction// Journal of Experimental Criminology. - 2014. - Vol. 10. - Issue 4. - P. 549–571.
11. Kletneva E.G. Ekologicheskaya prestupnost v Rossiyskoi Federatsii: ponyatie, prichiny, usloviya i preduprezhdenie: avtoref. diss. na soisk.uch.st.kand. yurid. nauk: 12.00.08. - Kazan, 2017. - 22 s.
12. Bekzhanov Zh.L. Mezhdunarodnaya integratsiya v oblasti sudebno-ekspertnogo obespecheniya rassledovaniya ekologicheskikh prestupleniy na Evraziyskom prostranstve// Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy. - 2013. - №4(32). - S. 185–191.
13. Kiberprestupnost: kriminologicheskiy, ugovovno-pravovoi, ugovovno-protsessualnyi i kriminalisticheskiy analiz // Pod red. I.G. Smirnovoi. – M.: Yurlitinform, 2016. - 312 s.
14. Ginneken E. «Just» punishment? Offenders' views on the meaning and severity of punishment // Criminology & Criminal Justice. - 2017. - Vol. 17. - Issue 1. - P. 62–78.

Авторлар туралы мәліметтер:
Сведения об авторах:
Information about authors:

Исмаилова Бакытгуль Шаймерденовна - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының кандидаты, Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік университетінің доценті, Ә. Молдағұлова даңғылы, 34, 030000, Ақтөбе, Қазақстан.

E-mail: daulet070108@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8434-2473>; Researcher ID WOS: MTB-0298-2025; Scopus Author ID: 57217829026.

Исмаилова Бакытгуль Шаймерденовна - автор для корреспонденции, кандидат юридических наук, доцент Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова, проспект А. Молдагуловой, 34, 030000, Актобе, Казахстан.

E-mail: daulet070108@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8434-2473>; Researcher ID WOS: MTB-0298-2025; Scopus Author ID: 57217829026.

Ismailova Bakytgul Shaimerdenovna - corresponding authors, candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Aktobe regional university named after K. Zhubanov, 34 Moldagulova Avenue, 030000, Aktobe, Kazakhstan.

E-mail: daulet070108@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-8434-2473>; Researcher ID WOS: MTB-0298-2025; Scopus Author ID: 57217829026.

BULLETIN OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION
AND LEGAL INFORMATION OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 No 3(2025), 238-250

UDC 341.231.14
IRSTI 10.01.12
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_238
Scientific article

© G.S. Zhamankarayeva^{*1}, M.K. Matayeva²,
E.S. Maishekina², 2025

¹ M. Auyezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

² Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan

(E-mail: ¹camankaraeva@gmail.com; ²maigulm@mail.ru; ²eldana_18@mail.ru)

HUMAN RIGHTS PROTECTION MECHANISMS: INTERNATIONAL STANDARDS AND NATIONAL PRACTICE OF KAZAKHSTAN

Abstract. This article investigates how international human rights monitoring bodies affect domestic human rights systems through an examination of the Republic of Kazakhstan. The research investigates the ongoing discrepancy between Kazakhstan's international legal commitments and its domestic human rights standard implementation. The study investigates international human rights oversight mechanisms as its main subject while analyzing Kazakhstan's responses to UN Human Rights Committee and Committee against Torture and Universal Periodic Review (UPR) recommendations through institutional and legal frameworks. The research evaluates the impact of international monitoring systems on domestic legal and institutional changes and determines the elements which influence their execution. The study uses a combination of comparative legal analysis, teaching studies and institutional methods for studying specific situations, as well as data from United Nations documents, Kazakh legal sources, scientific publications and civil society reports.

This article shows that Kazakhstan has achieved progress through treaty ratification and Ombudsman institution creation, yet practical execution remains restricted. The fundamental obstacles regarding freedom of expression together with association rights and movement freedom and domestic violence protection continue to exist. The success of international monitoring depends on political will together with independent institutions and active civil society involvement. The research adds to knowledge about transnational legal influence and provides useful recommendations to boost national compliance. Its results provide valuable information to policymakers together with legal scholars and human rights advocates who want to boost international monitoring effectiveness in hybrid or transitional legal systems.

Keywords: international human rights law, human rights monitoring, universal periodic review (UPR), institutional reform, treaty bodies.

Introduction

National human rights protection systems in the twenty-first century base their development on both universal standards and supranational monitoring bodies which enforce legal standards on domestic sys-

tems through political and normative power. The global governance architecture relies on these mechanisms which include the UN Human Rights Council's Universal Periodic Review and treaty-based bodies to perform independent multilevel over-

* Corresponding author. E-mail: camankaraeva@gmail.com.

sight procedures for the implementation of international legal obligations. The dual status of Kazakhstan makes it a vital research subject since it participates actively in international human rights monitoring systems while experiencing legal and institutional changes as a post-Soviet state. Kazakhstan became a party to multiple international human rights treaties and established the Ombudsman and constitutional courts to translate these international norms into national laws. The actual implementation of rights remains far behind Kazakhstan's international treaty commitments and domestic rights realization especially regarding freedom of expression and association and movement rights and domestic violence protection.

The research investigates the structural aspects as well as normative frameworks and procedural aspects of Kazakhstan's interactions with universal and treaty-based monitoring systems. The analysis assesses how these mechanisms shape the development of legislation together with institutional transformations and operational conduct of law enforcement agencies and judicial entities. The thesis demonstrates that international monitoring systems generate normative influence and soft power effects but need institutional freedom together with societal involvement and political backing to create systematic transformations.

The research findings offer useful information to legal experts and international law scholars and policymakers and civil society representatives and international human rights monitoring bodies who want to improve human rights implementation in countries transitioning to democracy.

Methods and Materials

The research combines qualitative multidisciplinary methods which include comparative legal analysis doctrinal research and institutional case studies to study international human rights monitoring mechanisms in Kazakhstan. The study assesses how well Kazakhstan's domestic laws match its international treaty obligations specifically under the International Covenant on Civil and Political Rights and the Convention against Torture. The research evaluates Kazakhstan's legal treatment of freedom of expression and association and movement rights and domestic

violence protection through a comparison with Poland Slovenia and the United Kingdom.

The study examines soft law instruments and supranational mechanisms' outputs including General Comments and Concluding Observations and Universal Periodic Review (UPR) recommendations through doctrinal legal methods. The research conducts institutional-empirical analysis to study Kazakhstan's interactions with international human rights bodies including the Human Rights Committee and the Committee against Torture and the growth of national institutions such as the Ombudsman and judicial reforms. The research method provides a complete understanding of human rights oversight mechanisms in Kazakhstan's legal and institutional framework.

Results and Discussion

International human rights protection in modern times depends on both universal norms and principles alongside a broad network of monitoring systems which operate independently with regulatory powers. The mechanisms exercise supranational oversight of State implementation of international obligations which drives domestic legal systems to align with universal standards [1]. The Universal Periodic Review (UPR) operates under the UN Human Rights Council as its main universal monitoring tool. The procedure operates as a distinctive mechanism which extends to all UN member countries while following principles of universal equality and mutual responsibility [1]. The review process requires each State to present a national report which gets evaluated together with alternative sources such as civil society reports and international organization reports. The political and moral impact of these recommendations as soft law increases state motivation to perform institutional reforms [2].

The UN treaty bodies maintain a unique position within international monitoring systems because they specialize in specific international treaties. The Human Rights Committee together with the Committee against Torture and the Committee on the Elimination of Discrimination against Women and other bodies evaluate periodic reports from States parties to create assessments and specific recommendations

for human rights policy improvement [3]. The recommendations alongside General Comments create a quasi-normative body which holds significant authority in both international and national judicial systems.

The treaty bodies use the individual complaint mechanism as their most advanced instrument since States must first accept committee competence. The mechanism allows personalization of international human rights law through quasi-judicial procedures which individuals can use after exhausting all domestic remedies [4]. The non-binding nature of committee decisions does not stop States from using them to modify their law enforcement practices which demonstrates the growing influence of international mechanisms on domestic jurisdiction.

The international human rights system gains strength through the increasing importance of UPR and treaty body institutional interactions. The standardization of recommendations from different structures eliminates duplication while strengthening the universal nature of legal standards [5]. The interaction between different organizations enables States to experience a combined effect of monitoring and accountability efforts. The regional protection level includes institutions such as the European Court of Human Rights and the Inter-American Commission on Human Rights and the African Commission on Human Rights. The regulatory practices of Kazakhstan do not participate in relevant jurisdictional mechanisms but they indirectly shape human rights doctrine and provide national reforms with comparative analysis.

The State demonstrates its commitment to being a responsible global human rights participant through its active involvement in international monitoring procedures. The UPR and treaty bodies receive regular reports from Kazakhstan and its OHCHR interactions demonstrate the established nature of international cooperation in this field [6]. The received recommendations face selective and limited implementation because the country lacks political will and institutional barriers. The monitoring process depends on civil society because its absence would render international mechanisms less empirically valid. International bodies receive objective assessment data from national human rights NGOs together with expert networks

and independent media while these bodies also disseminate international recommendations back to national spaces [7]. Through its bi-directional interaction monitoring functions as both a reporting system and a mechanism for human rights mobilization between borders.

The positive trends in international mechanisms need to be acknowledged while recognizing multiple structural and substantive deficits which affect their functioning. The monitoring mechanisms face three main limitations which include restricted funding and inconsistent recommendation execution and no legal requirements and political context-dependent effectiveness [8]. The current situation requires immediate attention to institutional monitoring mechanism reform proposals which focus on strengthening mandates and optimizing procedures and implementing digital technologies to enhance coverage and responsiveness.

International human rights monitoring mechanisms serve dual purposes in the global human rights infrastructure by establishing norms, effecting transformations and perform dual roles of establishing norms and effecting changes. These supranational mechanisms perform dual roles by evaluating national compliance with individual rights while simultaneously triggering institutional reforms at the national State level.

MECHANISMS FOR MONITORING HUMAN RIGHTS

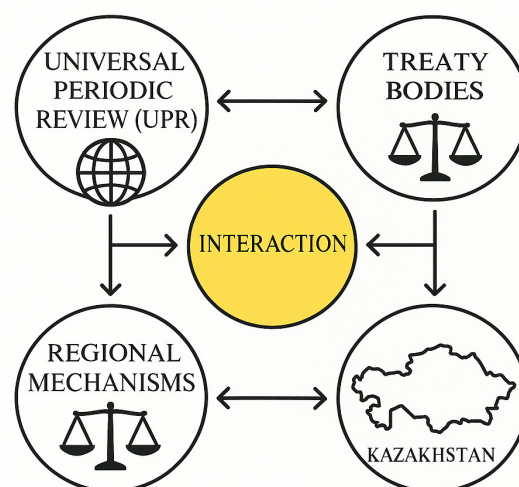

Diagram 1 - Mechanisms for Monitoring Human Rights

The diagram shows how international and regional human rights monitoring institutions (such as the Universal Periodic Review and UN treaty bodies) interact to influence national systems, with Kazakhstan as an engaged participant. At the center is an Interaction node, which represents coordinated communication among oversight levels, which ensures consistent recommendations, reduces duplication, and increases pressure on states to implement international standards. This integrated model shows how different mechanisms work together to create a stable and effective human rights policy.

Kazakhstan shows its dedication to universal human rights principles through its treaty ratifications and constitutional and legislative rights protections. The implementation of human rights in foundational laws by governments requires continuous monitoring from both global and regional international bodies [9]. These mechanisms enhance international norm implementation while driving domestic institutional changes. The scholars agree that proclaimed rights become ineffective when there is no proper implementation [10]. The practical enforcement of rights in Kazakhstan faces major challenges despite having advanced legal norms [7] which demonstrates the necessity for operational frameworks to achieve rights realization in practice.

The Republic of Kazakhstan implements institutional changes in criminal procedure to meet international human rights requirements. The authority to authorize pre-trial detention shifted from prosecutors to judicial courts in 2008. The judicial system gained enhanced oversight of freedom restrictions through this reform while enforcing the International Covenant on Civil and Political Rights provision which requires court orders for arrest and detention [11]. The Republic of Kazakhstan's Constitution permitted prosecutors to authorize arrests before the 2003 international legal obligation ratification. The elimination of this conflict was ensured by the constitutional amendments of 2007 and the reform of criminal procedure legislation in 2008.

The effectiveness of this reform faces ongoing challenges because law enforcement and judicial authorities continue to experience operational problems. The implementation of fair justice remains

limited because of unstable oversight systems and executive branch interference in judicial operations and insufficient professional training for investigators and judges. The criminal justice system will achieve sustainable progress when the judiciary operates independently while judicial procedures become transparent and public trust in the system develops [11].

The Commissioner for Human Rights (Ombudsman) functions as the primary quasi-judicial mechanism for human rights protection in Kazakhstan through its activities under the criminal justice reforms which strengthened the national human rights protection system. The institution's creation marked a crucial development that brought national legal systems closer to international standards for parliamentary oversight of individual rights and freedoms [12]. The Ombudsman carries out two essential responsibilities through which he investigates citizen complaints about government agency actions and officials' omissions while tracking national human rights violations to identify patterns and create recommendations for improvement. The institution monitors human rights conditions across the country through interactions with government bodies and civil society organizations.

The Ombudsman institution functions as a vital component of the Kazakh judicial system which enhances the overall performance of the national rights protection mechanism. Although the institution has achieved some results its institutional potential remains unexplored. The effectiveness of this institution requires three essential conditions which include expanding the Commissioner's authority and strengthening his independence guarantees and enhancing his response capabilities against official abuse [13]. The development of an independent ombudsman institution together with judicial reforms should be seen as interconnected legal frameworks which will help Kazakhstan meet its international commitments and build stronger internal human rights protection systems.

The mechanism operates with multiple structural and functional constraints despite its positive development. The Commissioner receives official authority to defend citizens' rights yet his recommendations lack legal enforcement power and his operations face insufficient legal back-

ing and insufficient resources. The system violates the Paris Principles established through UN General Assembly Resolution 48/134 because they require national human rights institutions to have independence and sufficient resources and effective complaint handling authority. The Kazakh Ombudsman lacks the legislative initiative power which European models possess thus restricting his ability to influence national human rights protection system reforms. The Ombudsman functions as an inadequate human rights protection instrument because it operates without sufficient conditions for effective operation [14].

The institution of the Ombudsman in Kazakhstan faces ongoing legal and institutional barriers that prevent its effective operation despite recent strengthening efforts. The Commissioner lacks sufficient legal status because his powers remain partially uncodified in the Constitution which creates legal uncertainty and restricts his ability to protect citizens' rights. The 2017 Senate amendments to appoint the Ombudsman did not lead to complete constitutional regulation of his powers. The Ombudsman faces difficulties in executing his powers because there are no effective systems to enforce mandatory compliance with his recommendations since official disregard of regulations leads to no consequences [15]. The Ombudsman faces an immediate challenge because he lacks legislative initiative which restricts his ability to address systemic violations through legal reforms as European ombudsmen do. The Ombudsman faces a crucial challenge because there is no legal requirement for media coverage of his decisions which hinders public oversight and transparency development while international examples demonstrate how media collaboration enhances government accountability.

The practical implementation of civil liberties in Kazakhstan remains distant from its international human rights commitments despite institutional progress. Civil liberties particularly face major issues re-

garding free speech and peaceful assembly rights. Although the 2017 legislative reforms brought international standards into alignment with domestic laws about rallies and defamation penalties journalists along with activists face ongoing harassment while Internet platforms remain blocked and discriminatory public gathering regulations persist. The administrative and law enforcement practices fail to respect international obligations while obstructing civil society work. According to scholars the solution to this contradiction requires complete implementation of international expression guarantees together with authentic dialogue between state institutions and society. A full achievement of this goal demands active participation from independent actors including NGOs along with free media organizations and civic initiatives who will maintain public oversight and enforce governmental accountability [16].

The practice of exercising freedom of peaceful assembly in Kazakhstan remains a subject of reasonable criticism from international organizations and human rights organizations. The new Law "On the procedure for organizing and holding peaceful assemblies in the Republic of Kazakhstan" from 2020 did not bring the provisions and law enforcement practice in line with international standards. According to the current law, organizers must send a notification to local executive authorities no later than 5 working days before the day of its holding¹. In addition, meetings are allowed only in designated areas designated by local authorities.

The government agencies' response to the January 2022 events remains a major concern because numerous instances of excessive force were documented during mass protests throughout different regions of the country. Official statistics show that more than 200 people died during the events² and the number of detainees reached approximately 10,000³. Law enforcement agencies have received numerous reports about torture and ill-treatment as well as denial of legal counsel. To this

¹ Law of the Republic of Kazakhstan dated May 25, 2020 No. 333-VI ZRK "On the procedure for organizing and holding peaceful assemblies in the Republic of Kazakhstan". // URL: <https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z2000000333> (date of reference: 05.07.2025).

² Список лиц, погибших во время январских событий. Генеральная прокуратура Республики Казахстан. // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/413195?lang=ru> (дата обращения: 05.07.2025).

³ 2022 Kazakh unrest. Wikipedia: The Free Encyclopedia. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2022_Kazakh_unrest#cite_note-227killed-14 (date of reference: 05.07.2025).

day, no independent thorough investigation has been performed regarding these events and only a few employees have faced consequences for their violations. The current law enforcement practices demonstrate institutional weaknesses in peaceful assembly protection mechanisms which need fundamental changes to both laws and their execution systems.

The right to freedom of association stands as an essential matter that needs immediate reform. The requirement for public associations to obtain state registration under Kazakhstan's law violates Article 22 of the International Covenant on Civil and Political Rights because it makes unregistered groups illegal [17]. The Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan has refused to register numerous non-governmental organizations because their activities did not match the official ideological line. The Alga, Kazakhstan opposition movement received denial of registration twenty-four times with the most recent refusal occurring in April 2024⁴. The feminist initiative group Feminita has attempted registration since 2017 but received continuous rejections because officials claimed the organization's goals conflicted with societal spiritual and moral values⁵. The foundation which assists domestic violence victims faced five consecutive denials for registration after its establishment by S.Nukenova's brother⁶. The examples show that the existing NGO legislation functions as a control mechanism which restricts freedom of association rights and limits independent civic activities. The observed trend damages democratic participation institutions so the legal framework for association registration needs immediate review to remove discriminatory obstacles.

The constitutional provision that restricts this right to citizens breaks international standards because it denies stateless persons and foreign nationals from protection. A repeated state practice of denying registration to independent NGOs while imposing restrictions on unregistered

groups and assemblies while performing financial inspections violates both domestic and international obligations. These practices destroy the core elements of civil society while preventing the establishment of an authentic democratic system. The government must perform a thorough evaluation of association legislation to guarantee it complies with Kazakhstan's international human rights commitments.

The right to free movement exists in Kazakhstan's Constitution yet the country encounters difficulties when enforcing this right. The right to free movement remains limited because of administrative challenges including prolonged approval processes and complex residence requirements and inadequate migration policy coordination. The restrictions on citizens' freedom to move between locations create negative effects on the country's investment potential and its openness to immigration. Human rights protection through actual practice requires more than laws since it needs administrative changes along with procedural simplification and digital public service implementation. The country needs to improve transparency and efficiency in migration regulation to transform constitutional rights into real enforceable protections for all citizens across the nation [18].

The institutional reforms in Kazakhstan have achieved some progress but the structural problems continue to prevent the complete implementation of international human rights obligations in practice. A sustainable human rights-oriented legal system needs a unified approach which includes legislative updates and institutional changes and active civil society participation. The state's response to domestic violence demonstrates an obvious mismatch between international standards and national practice. The Republic of Kazakhstan depends on the Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2009, No. 214-IV "Concerning Prevention of domestic violence" which serves as its main legal instrument to address domestic violence despite its limited scope and preventive fo-

⁴ Список жертв январских событий в Казахстане: что известно. Радио Азаттык. // URL: <https://rus.azattyq.org/a/32919069.html> (дата обращения: 05.07.2025).

⁵ Kazakhstan: Feminist Group Denied Registration. Human Rights Watch. // URL: <https://www.hrw.org/news/2019/09/13/kazakhstan-feminist-group-denied-registration#:~:text=Feminita%20filed%20a%20case%20against,doesn't%20provide%20any%20charitable%20services> (date of reference: 05.07.2025).

⁶ Брату Салтанат Нукуновой не дают защитить жертв бытового насилия. Orda.kz. // URL: <https://orda.kz/bratu-saltanat-nukenovoj-ne-dajut-zaschitit-zhertv-bytovogo-nasilija-390471/> (дата обращения: 05.07.2025).

cus⁷. The law faces criticism from scholars because it contains unclear definitions and lacks consistent enforcement systems and insufficient interagency coordination to address modern challenges. The justice system remains unaware of numerous unreported cases that go unpunished because the current legal and institutional framework needs substantial reform.

The scientific and human rights communities investigate international best practices to handle Kazakhstan's legal and institutional deficits in protecting human rights specifically in domestic violence cases. The countries of Poland Slovenia and the United Kingdom have established specific laws and protective orders while implementing preventive and educational and rehabilitative measures through public awareness campaigns and crisis centers and aggressor rehabilitation programs and free legal aid. The complete set of strategies both matches international requirements and creates a lasting support system for vulnerable groups which decreases private sphere violence [19].

The government of Kazakhstan faces institutional and political pressure for reform because it participates in international human rights monitoring mechanisms including the Universal Periodic Review (UPR) and UN treaty bodies. The non-binding external evaluations create strong moral and political pressure that forces the government to tackle systemic problems [6]. The Human Rights Committee and other bodies review Kazakhstan's national reports to generate recommendations that advance the country's legal and institutional development across freedom of expression and women's rights and judicial independence.

The national human rights architecture of Kazakhstan receives essential support from civil society organizations. The oversight and accountability functions of NGOs and independent media and public advisory councils face structural limitations which restrict their influence. The recent period has brought more NGOs into legal reform activities and collaborative educational programs and public policy dialogue. Experts agree that the protection of human rights requires civil society to have expanded legal and political space and decision-making participation and independent public oversight [13]. The State maintains

its core duty to protect human rights but successful civil society collaboration and ongoing international monitoring remain crucial for solving ongoing problems and achieving enduring reform.

Conclusion

The research confirms that international human rights monitoring systems function as core instruments within the framework of transnational legal governance through both normative and operational functions. These mechanisms perform dual functions by creating global benchmarks while they push legal systems and policies toward fundamental change from within. The Republic of Kazakhstan shows a defined path toward international legal alignment through its involvement with the Universal Periodic Review and treaty body procedures.

The analysis shows that Kazakhstan maintains declarative compliance which continues to exist alongside consistent structural discrepancies between its international commitments and actual implementation. Systemic barriers which combine normative fragmentation with institutional inertia and limited administrative responsiveness prevent Kazakhstan from achieving freedom of expression association and movement rights and proper criminalization of domestic violence. The lack of specialized legal frameworks and inadequate operationalization of international recommendations makes it challenging to achieve effective national human rights protection.

The Ombudsman institution together with judicial reforms demonstrates international alignment yet their power remains restricted because they answer to executive authority. The persistent difference between formal legal systems and actual enforcement practices requires a transition from passive acceptance to active adoption of international norms.

The strength of civil society participation determines both the epistemic and procedural validity of international monitoring mechanisms. Rights-based NGOs and independent media and public oversight councils enable monitoring functions to move from global institutions to local environments. The available political space for civil society actors depends on legislative

⁷ Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2009 No. 214-IV "On Prevention of Domestic Violence" // URL: https://adilet.zan.kz/eng/docs/Z090000214_ (date of reference: 05.07.2025).

protections and political freedoms.

Kazakhstan's development of a meaningful human rights protection framework depends on the combined forces of international monitoring standards and domestic institutional development and increased empowerment of non-governmental actors. The transition toward rights-effective governance demands the establishment of self-sustaining enforcement systems to-

gether with jus cogens standard-based legal doctrine development and a systematic process to embed international norms into national legal practices and consciousness. Kazakhstan can achieve true compliance with contemporary international human rights obligations through this comprehensive alignment of multiple factors.

Authors' contributions

Zhamankarayeva G.S. played a key role in conceptualizing and designing the study, gathering and analyzing data, and interpreting results. She took responsibility for the work's overall integrity, addressed concerns about data accuracy and article completeness, authored the manuscript, evaluated and refined critical sections, and examined relevant literature.

Matayeva M.K. provided expert guidance, overseeing the development of the research concept and methodology, also reviewed the manuscript, aided in interpreting findings, and ensured the work maintained a high scientific standard throughout.

Maishekina E.S. was instrumental in drawing key conclusions, overseeing the research process, and participating in manuscript revision.

References:

1. Restifo, F. Tips for Enhancing Judicial Engagement with the United Nations Human Rights Council Universal Periodic Review. // F. Restifo, G. Magazzeni, M. Bikay, N. Zappile, E. Scala // Retrieved from <https://www.ibanet.org/document?id=Tips-for-judicial-review-report> (date of reference: 01.05.2025).
2. Carraro, V. Overlapping institutions in the UN human rights system: Mutually strengthening or undermining? // V. Carraro // Journal of Human Rights. - 2025. - Volume 24(2). - P. 199-216. - DOI: <https://doi.org/10.1080/14754835.2025.2456827>.
3. Schoner, R.J. Naming and shaming in UN treaty bodies: Individual petitions' effect on human rights // R.J. Schoner // Review of International Organizations. - 2024. - DOI: <https://doi.org/10.1007/s11558-024-09564-1> (date of reference: 01.05.2025).
4. G. Ulfstein. Individual complaints // UN Human Rights Treaty Bodies: Law and Legitimacy. // G. Ulfstein // Cambridge: Cambridge University Press. - 2012. - P. 73-115. - DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139047593.004>.
5. Carraro, V. The more the better? The complementarity of United Nations institutions in the fight against torture // V. Carraro // Netherlands Quarterly of Human Rights. - 2022. - Volume 40(4). - P. 354-378. - DOI: <https://doi.org/10.1177/09240519221131668>.
6. Alastal, A. Mechanisms of United Nations Human Rights Institutions in the Protection of Human Rights // A. Alastal // International Journal of Global Community. - 2022. - Volume 5(3). - P. 227-238. - DOI: <https://doi.org/10.33473/ijgc-ri.v5i3-November.131>.
7. Иванов, Д.В. Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее. Часть 2 // Д.В. Иванов, Е.В. Тарасьянц // Московский журнал международного права. - 2009. - №2. - С. 22-43. - DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-22-43>.
8. Salama, I. Strengthening the UN human rights Treaty Body System: Prospects of a work in progress // I. Salama // Retrieved from <https://www.geneva-academy.ch/joomla-tools-files/docman-files/Ibrahim%20Salama%20-%20Strengthening%20the%20UN%20human%20rights%20TBs.pdf> (date of reference: 01.05.2025).

9. Hamad, A.M.A. Mechanisms of the Legal Protection of Human Rights in Global Regulation // A.M.A. Hamad, J. Jannial, R. Indriyani // Human Rights Global Studies. - 2022. - Volume 1(2). - P. 143-155. - DOI: <https://doi.org/10.56784/hrgs.v1i2.31>.

10. Serohin, V.O. Recognizing and implementing international human rights standards in domestic legislation: An exposure under Ukrainian law // V.O. Serohin, S.H. Serohina, L.M. Gryshko, K.P. Danicheva // Revista de Derecho. - 2021. - Volume 10(2). - P. 161-176. - DOI: <https://doi.org/10.31207/ih.v10i2.291>.

11. Akhpanov, A. International standards and principles, foreign legislative experience of judicial control in the investigation stage // A. Akhpanov, E. Ongarbaev, A. Tukiev, M. Omarbekova, M. Kulbaeva // Journal of Law and Sustainable Development. - 2023. - Volume 11(10). - P. 1-13. - DOI: <https://doi.org/10.55908/sdgs.v11i10.1788>.

12. Otarov, D.L. Kazakhstan in the world human rights protection system // Bulletin of Atyrau University named after Kh. Dosmukhamedov // D.L. Otarov // - 2021. - №3(62). - P. 105-112. - DOI: <https://doi.org/10.47649/vau.2021.v62.i3.12>.

13. Tapakova, V. Ways to improve legal mechanisms' efficiency in protecting human rights and freedom // V. Tapakova, E. Abdrasulov, M. Kulbaeva, R. Shaykhadenov, A. Zhumadilov // Journal of Law and Sustainable Development. - 2023. - Volume 11(9). - P. 1-26. - DOI: <https://doi.org/10.55908/sdgs.v11i9.1698>.

14. Канатов А.К. Институт уполномоченного по правам человека в Казахстане (иммерсивный подход в законотворчестве) // А.К. Канатов, М.А. Шакенов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2022. - №2(69). - С. 152-162. - DOI: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2022_69_2_152.

15. Каржаубаев, С.С. Қазақстандағы адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы // С.С. Каржаубаев // Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының жаршысы. - 2022. - №3(70). - 39-46 б. - DOI: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2022_70_3_39.

16. Biswa, A. International human rights law: Enforcement mechanisms and challenges in a globalized world // A. Biswa // International Journal for Research Publication and Seminar. - 2024. - Volume 15(2). - P. 157-163. - DOI: <https://doi.org/10.36676/jrps.v15.i2.20>.

17. Mitskaya E. Problems of equality in the realisation of the right to association in Kazakhstan // E. Mitskaya, K. Sarykulov, K. Roisah // Law Reform. - 2024. - Volume 20(2). - P. 431-454.

18. Alenov, B. The integration of human rights to freedom of movement in the system of ensuring law and order in Kazakhstan // B. Alenov // Bulletin of Science and Practice. - 2025. - Volume 11(4). - P. 330-338. - DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/113/43>.

19. Суркова, С.С. Административно-правовое регулирование защиты человека от семейно-бытового насилия в Казахстане и международной практике // С.С. Суркова, И.С. Сактаганова, Ф. Золль // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». - 2023. - №3(111). - С. 26-35. - DOI: <https://doi.org/10.31489/2023L3/26-35>.

© Г.С. Жаманкараева¹, М.Х. Матаева², Э.С. Майшекина², 2025

¹ М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан

² Аліхан Бөкейхан атындағы университет, Семей, Қазақстан

(E-mail: ¹camankaraeva@gmail.com; ²maigulm@mail.ru; eldana_18@mail.ru)

АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫН ҚОРҒАУ ТЕТІКТЕРІ: ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАР ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҰЛТТЫҚ ТӘЖІРИБЕСІ

Аннотация. Бұл мақалада адам құқықтарының мониторингі жөніндегі халықаралық органдардың Қазақстан Республикасын сараптау арқылы адам құқықтарының отандық жүйелеріне қалай әсер ететіні зерттеледі. Зерттеу Қазақстанның халықаралық-құқықтық міндеттемелері мен оның адам құқықтары саласындағы ішкі стандарттарын енгізу арасындағы сәйкессіздікті зерттейді. Зерттеу қазақстанның БҰҰ-ның Адам Құқықтары Жөніндегі Комитеті мен Азаптауға қарсы

Іс-қимыл Комитетіне берген жауаптарын және институционалдық және құқықтық негіздер арқылы Жалпыға Бірдей Мерзімді Шолу (UPR) ұсыныстарын талдай отырып, оның негізгі пәні ретінде адам құқықтарын қадағалаудың халықаралық тетіктерін зерттейді. Зерттеу халықаралық мониторинг жүйелерінің ішкі құқықтық және институционалдық өзгерістерге әсерін бағалайды және олардың орындалуына әсер ететін элементтерді анықтайды. Зерттеу барысында салыстырмалы құқықтық талдау, оқытушылық зерттеулер және нақты жағдайларды зерттеудің институционалдық әдістері, Сондай-ақ Біріккен Ұлттар ұйымының құжаттарынан, қазақстандық құқықтық дереккөздерден, ғылыми жарияланымдардан және азаматтық қоғам есептерінен алынған мәліметтер жиынтығы қолданылады.

Бұл мақалада Қазақстан шарттарды ратификациялау және Омбудсмен институтын құру арқылы прогреске қол жеткізгені көрсетілген, бірақ іс жүзінде орындалуы шектеулі болып қала береді. Сөз бостандығына қатысты негізгі кедергілер қауымдастық құқықтарымен және қозғалыс еркіндігімен және тұрмыстық зорлық-зомбылықтан қорғаумен бірге жалғасуда. Халықаралық мониторингтің жетістігі тәуелсіз институттармен бірге саяси ерік-жігерге және азаматтық қоғамның белсенді қатысуына байланысты. Зерттеу трансұлттық құқықтық ықпал туралы білімді толықтырады және ұлттық сәйкестікті арттыру бойынша пайдалы ұсыныстар береді. Оның нәтижелері саясаткерлерге гибриді немесе өтпелі құқықтық жүйелердегі халықаралық мониторингтің тиімділігін арттырғысы келетін заңгер ғалымдармен және құқық қорғаушылармен бірге құнды ақпарат береді.

Түйінді сөздер: адам құқықтарының халықаралық құқығы, адам құқықтарының мониторингі, жалпыға бірдей мерзімді шолу (UPR), институционалдық реформа, шарттық органдар.

© Г.С. Жаманкараева¹, М.Х. Матаева², Э.С. Майшекина², 2025

¹ Южно-Казахстанского университета имени М. Ауезова, Шымкент, Казахстан,

² Университет имени Алихана Бокейхана, Семей, Казахстан

(E-mail: ¹camankaraeva@gmail.com; ²maigulm@mail.ru; eldana_18@mail.ru)

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАЗАХСТАНА

Аннотация. В данной статье исследуется влияние международных органов по мониторингу прав человека на национальные системы защиты прав человека на примере Республики Казахстан. В исследовании рассматривается сохраняющееся несоответствие между международно-правовыми обязательствами Казахстана и соблюдением им национальных стандартов в области прав человека. В качестве основного предмета исследования рассматриваются международные механизмы надзора за соблюдением прав человека, а также анализируются ответы Казахстана на рекомендации Комитета ООН по правам человека и Комитета против пыток и Универсального периодического обзора (УПО) с использованием институциональных и правовых рамок. В исследовании оценивается влияние международных систем мониторинга на внутренние правовые и институциональные изменения и определяются элементы, влияющие на их реализацию. В исследовании используется сочетание сравнительно-правового анализа, педагогических исследований и институциональных методов для изучения конкретных ситуаций, а также данные из документов Организации Объединенных Наций, казахстанских правовых источников, научных публикаций и отчетов гражданского общества.

В этой статье показано, что Казахстан добился прогресса благодаря ратификации международного договора и созданию института омбудсмена, однако практическая реализация остается ограниченной. Фундаментальные препятствия, касающиеся свободы выражения мнений, а также прав на ассоциацию, свободу передвижения и защиту от насилия в семье, продолжают существовать. Успех международного мониторинга зависит от политической воли в сочетании с независимыми институтами и активным участием гражданского общества.

Исследование расширяет знания о транснациональном правовом влиянии и дает полезные рекомендации по повышению соблюдения законодательства на национальном уровне. Его результаты предоставляют ценную информацию политикам, а также ученым-юристам и защитникам прав человека, которые хотят повысить эффективность международного мониторинга в смешанных или переходных правовых системах.

Ключевые слова: международное право в области прав человека, мониторинг прав человека, универсальный периодический обзор (УПО), институциональная реформа, договорные органы.

References:

1. Restifo, F. Tips for Enhancing Judicial Engagement with the United Nations Human Rights Council Universal Periodic Review. // F. Restifo, G. Magazzeni, M. Bikay, N. Zappile, E. Scala // Retrieved from <https://www.ibanet.org/document?id=Tips-for-judicial-review-report> (date of reference: 01.05.2025).
2. Carraro, V. Overlapping institutions in the UN human rights system: Mutually strengthening or undermining? // V. Carraro // *Journal of Human Rights*. - 2025. - Volume 24(2). - P. 199-216. - DOI: <https://doi.org/10.1080/14754835.2025.2456827>.
3. Schoner, R.J. Naming and shaming in UN treaty bodies: Individual petitions' effect on human rights // R.J. Schoner // *Review of International Organizations*. - 2024. - DOI: <https://doi.org/10.1007/s11558-024-09564-1> (date of reference: 01.05.2025).
4. G. Ulfstein. Individual complaints // *UN Human Rights Treaty Bodies: Law and Legitimacy*. // G. Ulfstein // Cambridge: Cambridge University Press. - 2012. - P. 73-115. - DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139047593.004>.
5. Carraro, V. The more the better? The complementarity of United Nations institutions in the fight against torture // V. Carraro // *Netherlands Quarterly of Human Rights*. - 2022. - Volume 40(4). - P. 354-378. - DOI: <https://doi.org/10.1177/09240519221131668>.
6. Alastal, A. Mechanisms of United Nations Human Rights Institutions in the Protection of Human Rights // A. Alastal // *International Journal of Global Community*. - 2022. - Volume 5(3). - P. 227-238. - DOI: <https://doi.org/10.33473/ijgc-ri.v5i3-November.131>.
7. Иванов, Д.В. Международное право защиты и поощрения прав человека: прошлое, настоящее и будущее. Часть 2 // Д.В. Иванов, Е.В. Тарасьянц // *Московский журнал международного права*. - 2009. - №2. - С. 22-43. - DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-22-43>.
8. Salama, I. Strengthening the UN human rights Treaty Body System: Prospects of a work in progress // I. Salama // Retrieved from <https://www.geneva-academy.ch/joomla-tools-files/docman-files/Ibrahim%20Salama%20-%20Strengthening%20the%20UN%20human%20rights%20TBs.pdf> (date of reference: 01.05.2025).
9. Hamad, A.M.A. Mechanisms of the Legal Protection of Human Rights in Global Regulation // A.M.A. Hamad, J. Jannial, R. Indriyani // *Human Rights Global Studies*. - 2022. - Volume 1(2). - P. 143-155. - DOI: <https://doi.org/10.56784/hrgs.v1i2.31>.
10. Serohin, V.O. Recognizing and implementing international human rights standards in domestic legislation: An exposure under Ukrainian law // V.O. Serohin, S.H. Serohina, L.M. Gryshko, K.P. Danicheva // *Revista de Derecho*. - 2021. - Volume 10(2). - P. 161-176. - DOI: <https://doi.org/10.31207/ih.v10i2.291>.
11. Akhpanov, A. International standards and principles, foreign legislative experience of judicial control in the investigation stage // A. Akhpanov, E. Ongarbaev, A. Tukiev, M. Omarbekova, M. Kulbaeva // *Journal of Law and Sustainable Development*. - 2023. - Volume 11(10). - P. 1-13. - DOI: <https://doi.org/10.55908/sdgs.v11i10.1788>.
12. Otarov, D.L. Kazakhstan in the world human rights protection system // *Bulletin of Atyrau University named after Kh. Dosmukhamedov*. // D.L. Otarov // - 2021. - №3(62). - P. 105-112. - DOI: <https://doi.org/10.47649/vau.2021.v62.i3.12>.
13. Tapakova, V. Ways to improve legal mechanisms' efficiency in protecting human rights and freedom // V. Tapakova, E. Abdrasulov, M. Kulbaeva, R. Shaykhadenov, A. Zhumadilov // *Journal of Law and Sustainable Development*. - 2023. - Volume 11(9). -

P. 1-26. - DOI: <https://doi.org/10.55908/sdgs.v11i9.1698>.

14. Канатов А.К. Институт уполномоченного по правам человека в Казахстане (иммерсивный подход в законотворчестве) // А.К. Канатов, М.А. Шакенов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2022. - №2(69). - С. 152-162. - DOI: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2022_69_2_152.

15. Каржаубаев, С.С. Қазақстандағы адам құқықтары жөніндегі уәкіл институтын жетілдіру туралы // С.С. Каржаубаев // Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының жаршысы. - 2022. - №3(70). - 39-46 б. - DOI: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2022_70_3_39.

16. Biswa, A. International human rights law: Enforcement mechanisms and challenges in a globalized world // A. Biswa // International Journal for Research Publication and Seminar. - 2024. - Volume 15(2). - P. 157-163. - DOI: <https://doi.org/10.36676/jrps.v15.i2.20>.

17. Mitskaya E. Problems of equality in the realisation of the right to association in Kazakhstan // E. Mitskaya, K. Sarykulov, K.Roisah // Law Reform. - 2024. - Volume 20(2). - P. 431-454.

18. Alenov, B. The integration of human rights to freedom of movement in the system of ensuring law and order in Kazakhstan // B. Alenov // Bulletin of Science and Practice. - 2025. - Volume 11(4). - P. 330-338. - DOI: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/113/43>.

19. Суркова, С.С. Административно-правовое регулирование защиты человека от семейно-бытового насилия в Казахстане и международной практике // С.С. Суркова, И.С. Сактаганова, Ф. Золль // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». - 2023. - №3(111). - С. 26-35. - DOI: <https://doi.org/10.31489/2023L3/26-35>.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Жаманкараева Галия Сейткаримовна - хат-хабарларға арналған автор, құқық магистрі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің мемлекеттік - құқықтық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, Тәуке хан даңғылы, 5, 160012, Шымкент, Қазақстан.

E-mail: samankaraeva@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-6488>.

Матаева Майгуль Хафизовна - заң ғылымдарының докторы, Алихан Бөкейхан атындағы университеттің проректоры, А. Құнанбаев көшесі, 94/1, 071400, Семей, Қазақстан.

E-mail: maigulm@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4347-0128>; Scopus Author ID: 56375134700.

Майшекина Эльдана Советовна - PhD докторы, Алихан Бөкейхан атындағы университеттің мемлекеттік және құқықтық пәндер кафедрасының оқытушысы, А. Құнанбаев көшесі, 94/1, 071400, Семей, Қазақстан.

E-mail: eldana_18@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1289-7890>; Scopus Author ID: 55776529000.

Жаманкараева Галия Сейткаримовна - автор для корреспонденции, магистр права, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Южно-Казахстанского университета имени М. Ауезова, проспект Тауке хана 5, 160012, Шымкент, Казахстан.

E-mail: samankaraeva@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-6488>.

Матаева Майгуль Хафизовна - доктор юридических наук, проректор Университета имени Алихана Бокейхана, улица А. Кунанбаева, 94/1, 071400, Семей, Казахстан.

E-mail: maigulm@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4347-0128>; Scopus Author ID: 56375134700.

Майшекина Эльдана Советовна - доктор PhD, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Университета имени Аликхана Бокейхана, улица А. Кунанбаева, 94/1, 071400, Семей, Казахстан.

E-mail: eldana_18@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1289-7890>; Scopus Author ID: 55776529000.

Zhamankarayeva Galiya Seitkarimovna - corresponding authors, Master of Laws, Senior Lecturer at the Department of Public Law Disciplines of M. Auyezov South Kazakhstan University, 5 Tauke Khan Avenue, 160012, Shymkent, Kazakhstan.

E-mail: camankaraeva@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7199-6488>.

Matayeva Maigul Khafizovna - doctor of Law, Vice-Rector of Alikhan Bokeikhan University, 94/1 A. Kunanbayev Street, 071400, Semey, Kazakhstan.

E-mail: maigulm@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4347-0128>; Scopus Author ID: 56375134700.

Maishekina Eldana Sovetovna - doctor PhD, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Alikhan Bokeikhan University, 94/1 A. Kunanbayev Street, 071400, Semey, Kazakhstan.

E-mail: eldana_18@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1289-7890>; Scopus Author ID: 55776529000.

BULLETIN OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION
AND LEGAL INFORMATION OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 No 3(2025), 251-264

UDC 341:349.6:339.92
IRSTI 10.51:10.87
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_251
Scientific article

© Wang Dalin¹, L.B. Nyssanbekova^{1*}, 2025

al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: 1250889634@qq.com; lazzat_nb9@mail.ru)

ORGANIC AGRICULTURE IN THE LEGAL FRAMEWORK OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: REGULATION, STANDARDS AND BARRIERS

Abstract. This article presents a comprehensive comparative-legal analysis of the regulation of organic agriculture in the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China within the context of global demand for sustainable production and environmentally safe food systems. The study focuses on a comparative analysis of legal norms governing the certification, standardization, and export of organic products in these countries, as well as identifying institutional and procedural barriers hindering effective bilateral trade. Particular attention is paid to identifying institutional and regulatory barriers impeding bilateral trade in organic products between the RK and China.

The authors examine the dynamics of the organic sector's development in Kazakhstan, including state support measures, legislative initiatives, and the growth of certified farming systems. It is revealed that while internal regulation is actively progressing, Kazakhstan faces challenges in adapting to international standards (Codex Alimentarius, IFOAM) and China's strict certification requirements (COPC). The analysis shows that despite advancements in legal framework development, Kazakhstan encounters obstacles, including the need to align with international standards and Chinese certification norms, which are often more rigorous.

China's legislation is analyzed as a highly standardized and digitized system ensuring strict control over the domestic market and import of organic products. Using a comparative approach, the study assesses the specifics of foreign economic operations, the impact of subsidies, the role of national standards, and institutional support. The conclusion formulates practical recommendations for harmonizing legal approaches and eliminating barriers to organic product trade between the two countries.

Keywords: export, import, agriculture, agricultural products, Kazakhstan, China, legal regulation, trade barriers, subsidies.

Introduction

Modern agriculture oriented toward production intensification largely relies on traditional methods that ensure high yields through the extensive use of chemical fertilizers, pesticides, and intensive exploitation of land resources. Although such approaches have proven effective in increasing production volumes, they have

simultaneously led to a series of serious environmental consequences—soil degradation, water source pollution, biodiversity loss, and depletion of natural capital.

In the context of intensifying climatic challenges and growing pressure on global food systems, there is an objective necessity to transition to sustainable forms of agricultural production. In this context, or-

*Corresponding author. E-mail: camankaraeva@gmail.com.

ganic agriculture is regarded as one of the most promising models that promote ecological well-being, rational resource use, and ensure long-term productivity without harm to the environment. Organic farming is oriented toward restoring the natural balance, rejecting synthetic chemicals, maintaining soil fertility, and ensuring a high degree of product traceability.

Thus, research on the legal, institutional, and trade mechanisms regulating organic agriculture acquires not only academic but also practical significance, particularly in the context of deepening international cooperation and transboundary circulation of environmentally friendly products.

As of today, 303,381 hectares of land resources are allocated to organic agriculture in Kazakhstan. The organic sector produces over 25 types of agricultural crops, with 19 enterprises engaged in processing certified organic products. The total output of organic products amounts to 302,844 tons, including:

Cereals: 161,447 tons

Oilseeds: 84,872 tons

Pulses: 47,845 tons

Fodder crops and medicinal herbs: 8,700 tons and 300 tons, respectively [1, с. 74].

According to the Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan, more than 38 certified organic farms are currently operating in the country. The state actively supports the development of the organic sector through the implementation of special legislation, standards, certification mechanisms, and subsidization. The growing interest among farmers indicates a slow but steady transition to organic production as an integral part of agricultural greening [2].

A brief review of existing research shows that current scientific literature is dominated by fragmented studies focusing on isolated aspects of the organic sector's development, its principles, and influencing factors. At the same time, processes of regionalization of the world economy are intensifying, manifested in territorial integration of states through economic cooperation and institutional convergence [3]. In this regard, research on the legal regulation of organic agriculture within the framework

of bilateral relations between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China has acquired particular relevance.

In recent years, trade between the two countries has shown a positive trend, particularly in the agro-industrial products sector. According to the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, in 2023, the export of agricultural products to China increased by 25% compared to the previous year, reaching \$1.2 billion. This growth is largely attributed to the high demand for environmentally friendly products among Chinese consumers and the geographical proximity of the countries, which creates favorable conditions for expanding trade cooperation in the organic products segment¹.

The People's Republic of China, previously regarded as a peripheral participant in the organic sector, has achieved significant advancements over the past two decades, transforming into one of the global leaders. This transformation has been made possible by strategic structural reforms, a commitment to environmentally responsible forms of agricultural production, and active state policy. One of the key drivers of this progress is society's recognition of the importance of food security and national health, which is accompanied by a sustained demand for pesticide- and synthetic fertilizer-free products.

State support for organic agriculture in China is at a high level. As noted by Yuwen Yang, the policy to support organic farming is directed, inter alia, toward developing poor rural areas, preserving biodiversity, combating poverty, and transforming natural resources into economic assets: "green mountains are turned into golden mountains." Organic agriculture in China is viewed as a means to build a "Community of Shared Life between Humanity and Nature" [4].

China's legal framework embodies one of the most systematic and centralized approaches to regulating organic production globally. Organic agriculture is integrated into the "ecological civilization" (生态文明) strategy, enshrined in the Communist Party of China's policy documents since 2012. This approach underscores sustainable development, environmental

¹ Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Внешняя торговля аграрной продукцией с КНР за 2023 год // URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 15.03.2025).

protection, and rational resource use as fundamental principles for modernizing the agro-industrial complex [5; 6].

In practice, this is reflected in a significant expansion of organic land areas, which currently amount to approximately 2.3 million hectares, placing China among the largest producers of organic products. According to the latest report by the International Federation of Organic Agriculture Movements (IFOAM), China's organic market has demonstrated stable double-digit annual growth, indicating increasing interest in environmentally safe agricultural production from both consumers and the state².

In particular, China demonstrates strengthened state control and strategic planning within the framework of national food security and sustainable development programs. At the same time, legislation in the field of organic agriculture in Kazakhstan is in an active formation stage, striving for integration with international standards and adaptation to national conditions. These characteristics underscore the need for further research aimed at comparing and harmonizing approaches to regulating organic agricultural production, particularly from the perspective of international trade and sustainable development.

The objective of this study is to conduct a comprehensive analysis of the legal regulation of organic agricultural production in China and Kazakhstan, identifying similarities, differences, and the potential for legal harmonization. Existing legal barriers and differences in regulatory approaches hinder the trade process, reducing its efficiency. Particular attention is paid to the prospects of adapting Kazakhstan's legislation to international and regional standards, as well as the possibilities of applying China's experience in the Central Asian context.

Methods and materials

This study is based on a comprehensive methodological approach that incorporates both general scientific and specialized legal methods. First and foremost, a systematic analysis was conducted of the regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China in the field of organic agriculture,

as well as documents of international organizations governing organic production standards.

The comparative legal method was applied, enabling the identification of similarities and differences in legal regulation, institutional approaches, and certification procedures in China and Kazakhstan, including their interaction with international standards (Codex Alimentarius, IFOAM, COPC, EU Organic Regulation, etc.).

In addition, the study employed a formal-legal method to analyze legal definitions, categories, and regulatory mechanisms for organic products at different levels.

The empirical basis consists of official statistical and analytical materials:

- The Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO),
- The International Federation of Organic Agriculture Movements (IFOAM),
- The Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan,
- The Central Government of the People's Republic of China, and specialized certification authorities.

The theoretical foundation is constituted by the works of domestic and foreign scholars addressing issues of agricultural and environmental law, sustainable development, international trade, transboundary certification, and harmonization of national standards.

The chosen methodological toolkit enabled a comprehensive analysis of the legal regulation of organic agriculture and the development of well-founded proposals for aligning the legal regimes of Kazakhstan and China in this field.

In the course of preparing this article, language support technologies based on artificial intelligence (AI) were used to assist with the translation of selected legal and academic sources, as well as to enhance the structuring of analytical sections. The AI tools served as auxiliary instruments and did not replace the author's critical evaluation, legal reasoning, or interpretation of the materials. All final conclusions and assessments were made by the author independently, in accordance with academic standards. In the course of preparing this article, language support technologies based on artificial intelligence (AI)

² Organic Farming in China: State Policy and Market Growth. // URL: <https://www.biovie.fr/en/blog/organic-farming-in-china-n743> (date of reference: 14.02.2025).

were used to assist with the translation of selected legal and academic sources, as well as to enhance the structuring of analytical sections. The AI tools served as auxiliary instruments and did not replace the author's critical evaluation, legal reasoning, or interpretation of the materials. All final conclusions and assessments were made by the author independently, in accordance with academic standards.

Results and Discussion

Despite its origins dating back to the 1990s [7], organic agriculture remains a critical innovative direction in the agricultural sector, integrating the latest scientific and technological advancements [8]. This approach prioritizes the preservation of ecological balance and minimizes the negative environmental impacts of agricultural activities through the use of organic resources and sustainable production methods [9].

Organic agriculture reinforces effective practices for minimizing environmental impact within the framework of sustainable development. Global agriculture increasingly embraces sustainability concepts [10], with organic farming recognized as one of the most sustainable and adaptive forms of agricultural production in the primary sector [11, 12]. It is oriented toward using natural farming methods and excluding pesticides and chemical fertilizers, thereby supporting soil health and preserving biodiversity [13].

Against the backdrop of growing international interest in sustainable farming and the need to adapt to global environmental challenges, individual states are integrating organic agriculture principles into their national development strategies. The Republic of Kazakhstan exemplifies this trend, where systematic efforts are underway at the state level to establish the regulatory and institutional foundations for the organic sector.

The key regulatory act is the Law of the Republic of Kazakhstan "On Organic Production", which introduced basic definitions, principles, and requirements for organic production, including mandatory certification, labeling requirements, and the creation of a registry of organic producers³. The law was designed to align with international approaches, particularly the standards of the Codex Alimentarius and the International Federation of Organic Agriculture Movements (IFOAM). However, in 2024, an updated Law of the Republic of Kazakhstan dated June 10, 2024, No. 89-VIII "On the Production and Circulation of Organic Products"⁴ (hereinafter referred to as the Law) entered into force to modernize and expand regulation. It clarified the legal status of sector participants, the list of certifying bodies, and provisions on product control, monitoring, and traceability. Additionally, other documents were approved, such as:

- Rules for the Production and Circulation of Organic Products⁵ (Order of the Minister of Agriculture of the RK dated November 26, 2024, No. 385);

- List of Permitted Tools Used in Organic Production⁶ (Order of the Acting Minister of Agriculture of the RK dated August 22, 2024, No. 286).

Despite the establishment of a basic regulatory framework for organic agriculture development in Kazakhstan, legal regulation still contains a number of significant systemic, institutional, and procedural problems that hinder the sustainable development of the organic sector and its integration into international trade.

While this Law has laid a regulatory foundation, its practical implementation reveals a deficit of subordinate acts and instructional methodologies to ensure the enforcement of key norms. For instance, the following remain unapproved:

- Standardized forms of organic farm oversight;

³ Закон Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 423-V ЗРК «О производстве органической продукции» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000423_ (дата обращения: 17.02.2025).

⁴ Закон Республики Казахстан от 10 июня 2024 года № 89-VIII «О производстве и обороте органической продукции» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000089_ (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Приказ Министра сельского хозяйства РК от 26 ноября 2024 года № 385 Правила производства и оборота органической продукции // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035431_ (дата обращения: 17.02.2025).

⁶ Приказ исполняющего обязанности Министра сельского хозяйства РК от 22 августа 2024 года № 286 Список разрешенных средств, применяемых при производстве органической продукции // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032869_ (дата обращения: 17.02.2025).

- Procedures for the state registration of foreign certification bodies;
- Inspection audit algorithms for organic product exports.

Moreover, some provisions of the law are declaratory in nature and lack specific enforcement mechanisms. While the law provides for subsidizing part of the costs in accordance with Article 8 of the Law and Article 11, paragraph 6, of the Law of the Republic of Kazakhstan dated July 8, 2005, No. 66-III “On State Regulation of the Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Areas” (as amended and supplemented as of March 30, 2025)⁷, broader support measures such as tax incentives or producer training programs are absent.

The law does not fully account for international standards such as the EU Organic Regulation or USDA NOP, which may hinder the export of organic products from Kazakhstan. Paragraph 2 of Article 2 of the law stipulates those international treaties ratified by the Republic of Kazakhstan shall take precedence over national legislation in case of conflicts⁸. This means that in the presence of international agreements in the field of organic production, their provisions shall have preferential force. In addition, the law provides for the establishment and operation of a Participatory Guarantee System (PGS) based on the principles of voluntary participation, internal control, and collective responsibility for product quality, with a view to conforming to international practices and standards in the field of organic production.

Thus, despite the aspiration to align with international practices, the law does not contain direct references to specific international standards such as the EU Organic Regulation or USDA NOP⁹. This may

pose certain challenges for Kazakhstani producers when exporting organic products to international markets that require compliance with these standards.

Additionally, the absence of a mechanism for mutual recognition of certification with other countries may limit the opportunities of Kazakhstani producers in international trade of organic products.

Addressing this issue is critical, as mutual recognition agreements (MRAs) for organic certification and equivalence agreements for standards are key instruments for promoting organic products on international markets¹⁰. These agreements enable countries to:

- recognize organic certificates issued by each other;
- avoid double certification and laboratory testing;
- reduce costs and simplify export procedures.

Currently, Kazakhstan is not a party to mutual recognition agreements for organic certification, which limits market access for its products in highly regulated markets, particularly in China, the EU, and Japan. Concluding such agreements represents a key step toward enhancing export potential.

Regarding China’s agricultural legal framework, several regulatory acts provide an overview of the country’s agricultural policy structure and priorities, including a focus on food security, sustainable development, environmental protection, and product quality control. Notably, these include the Law of the People’s Republic of China on Agriculture¹¹, the Food Safety Law of the People’s Republic of China¹², the Product Quality Law of the People’s Republic of China¹³, and national stan-

⁷ Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 года № 66-III «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.03.2025 г.). // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000066_ (дата обращения: 17.02.2025).

⁸ Закон Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 423-V ЗПК «О производстве органической продукции» // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000423_ (дата обращения: 17.02.2025).

⁹ Регламент Европейского союза по органическому производству (EU Organic Regulation). // URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁰ USDA National Organic Program (NOP). // URL: <https://www.ams.usda.gov> (date of reference: 18.02.2025)

¹¹ Law of the People’s Republic of China on Agriculture. // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/13/content_1384094.htm (date of reference: 19.02.2025).

¹² Food Safety Law of the People’s Republic of China. // URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2019-05/01/content_37412345.htm (date of reference: 19.02.2025).

¹³ Product Quality Law of the People’s Republic of China. // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/12/content_1383923.htm (date of reference: 19.03.2025)

dards governing organic farming (e.g., GB/T 19630-2019)¹⁴, which codify requirements for organic product production, certification, labeling, and traceability.

Food Safety Law of the People's Republic of China (2015 Edition, amended 2018 and 2021).

This law serves as the foundational document for regulating all food products in China, including organic goods. It defines concepts such as "safe food," "prohibited substances," and "national standards," and mandates product origin traceability. It establishes a multi-tiered quality control system, including on-site inspections, laboratory analysis, and monitoring of production conditions. The law strengthens the legal basis for the organic sector by introducing an additional layer of oversight for producers. For exports to China, foreign certifications do not exempt compliance with this law's procedures. Labeling violations or lack of origin information may result in import bans and market recalls.

- Product Quality Law of the PRC (2021 Edition)

This law regulates the compliance of all product categories—including agricultural and food products—with mandatory quality and safety standards. It imposes strict liability for adherence to national standards (GB standards) and outlines administrative penalties for substandard products, including license revocation and fines. It also defines the role of state inspection authorities such as AQSIQ (now part of SAMR, the State Administration for Market Regulation). Organic products are classified as a high-sensitivity category subject to stricter control, requiring compliance not only with COPC (China Organic Product Certification) standards but also the general quality requirements stipulated in this law.

- National Standard GB/T 19630-2019 Organic Farming

Developed and approved by China's National Standardization Committee, this standard is mandatory for producers seeking COPC certification. Its key features

include:

- A minimum transition period of 2 years for field crops and 3 years for perennial plantings.
- The use of genetically modified organisms (GMOs), chemical fertilizers, synthetic pesticides, and antibiotics is prohibited.
- The principle of spatial isolation is applied: organic fields must be separated from conventional crops.
- Strict requirements for feed and veterinary practices in animal husbandry (only natural feeding and disease prevention without antibiotics are permitted).

The document's primary advantages include its alignment with the core principles of IFOAM (International Federation of Organic Agriculture Movements) and Codex Alimentarius, ensuring high levels of environmental and consumer safety, and serving as a model for certification systems in other Asian countries. However, for foreign exporters, challenges persist due to the absence of a mutual recognition mechanism with other nations, and certification under GB/T 19630-2019 requires re-auditing by Chinese authorities, including on-site farm inspections.

Another key document is the Regulations on Certification of Organic Products (2020)¹⁵, which establishes procedures and mandates for China Organic Product Certification (COPC)¹⁶. It designates the authority of accrediting bodies (CNCA, SAMR)¹⁷ and imposes penalties for non-compliance (fines, certificate revocation, disqualification of certification bodies).

The most significant barrier is the lack of mutual recognition of national organic product certifications. China requires mandatory certification under its COPC system, based on GB/T 19630-2019, regardless of existing international or national certifications (e.g., EU Organic, USDA, Kazakhstan's "Organic"). As noted by Wang & Zhang, a key distinction is that COPC requires continuous compliance verification at all stages—from planting materials to labeling. Additionally, China enforces spatial

¹⁴ GB/T 19630-2019. Organic products — Requirements for production, processing, labeling and management system. // URL: <https://www.sac.gov.cn> (or <https://openstd.samr.gov.cn>) (date of reference: 19.05.2025).

¹⁵ Regulations on Certification of Organic Products. 2020. 国家市场监督管理总局 (SAMR). // URL: http://www.cnca.gov.cn/xxgk/ggxx/202009/t20200918_59957.html (date of reference: 19.05.2025).

¹⁶ CNCA — Certification and Accreditation Administration of the People's Republic of China. // URL: <http://www.cnca.gov.cn> (date of reference: 19.05.2025).

¹⁷ SAMR — State Administration for Market Regulation of the People's Republic of China. // URL: <https://www.samr.gov.cn> (date of reference: 19.05.2025).

isolation between organic and non-organic plots and demands full supply chain transparency [14].

Zhou et al. emphasize that China's strict standards reflect both a desire to protect its domestic market and a strategy to enhance consumer trust in organic products amid high counterfeiting rates (up to 30%, per CNCA 2020 data) [15]. Chinese regulators are reluctant to recognize foreign certifications without full re-auditing.

According to Kazakh exporters, processing an organic export shipment to China takes 10–15 working days, including sanitary, phytosanitary, certification, and laboratory controls on the Chinese side—significantly longer than export timelines to Eurasian Economic Union (EAEU) or EU countries. Li highlights that China strengthened sanitary and phytosanitary (SPS) controls after import quality scandals, noting that while customs digitization is underway, electronic certificates remain unintegrated into the export chain for most Central Asian countries [16]. Organic products face stricter checks than conventional goods: laboratory sampling alone takes at least three days, and protocols require translation and notarization.

Obtaining COPC certification and complying with GB/T 19630-2019 entails significant costs: \$5,000–\$10,000 per enterprise, excluding annual inspection audits and laboratory tests. These expenses are not subsidized by the Kazakh government. Liu & Chen observe that Chinese domestic producers receive central and provincial budget subsidies for certification, while foreign exporters must bear all costs independently [17]. This market access disparity disproportionately affects Kazakhstan's small and medium organic farms, which face financial disincentives to enter the Chinese market without institutional support.

Surveys of Kazakh agri-producers reveal widespread ignorance of Chinese market regulatory requirements, including lists of permitted substances, document submission procedures, accredited laboratories, and labeling specifics. Sun et al.'s cross-border trade study notes that access to certification information in China is hindered by linguistic and administrative barriers, with regulations predominantly available only in Chinese. The absence of English and Russian documentation

reduces foreign farmers' readiness to engage with the market [18].

In summary, the People's Republic of China has demonstrated remarkable progress in organic agriculture, showcasing significant adaptation to international standards in both product quality and safety. The implementation of technological innovations, active government support, and collaboration with authoritative certification bodies—including Ecocert—have established China as a reliable and influential participant in the global organic market. The certification system, which ensures transparent product traceability, and the successful practices of local producers vividly confirm the country's consistent agricultural policy orientation and commitment to ethical farming methods.

As observed, the legal frameworks of Kazakhstan and China exhibit substantial differences in regulating agricultural trade. China imposes stringent requirements on the safety and quality of agricultural products and actively employs non-tariff regulatory measures, such as mandatory HACCP certification and environmental compliance checks for products. Moreover, significant emphasis on customs procedures complicates efficient exports from Kazakhstan.

Contemporary research in international agricultural and trade law underscores that legal fragmentation among states remains a key barrier to the sustainable development of organic product trade [19]. These barriers manifest in divergent approaches to certification, labeling, technical regulations, and customs clearance procedures.

International trade in organic products is governed not only by national and bilateral legal regimes but also by the rules of the World Trade Organization (WTO). Of particular relevance in this context is the Agreement on the Application of Sanitary and Phytosanitary Measures (SPS Agreement), which grants states the right to set their own standards for food safety and the protection of animal and plant health, provided that such measures are based on scientific evidence and are applied in a non-discriminatory manner. As noted by Gabrielle Marceau and Joel Trachtman, the SPS Agreement and the Agreement on Technical Barriers to Trade (TBT) establish key requirements for import regulation, including the need for risk assessments,

harmonization with international standards, and the principles of equivalence and mutual recognition of protective measures [20]. These principles directly affect the regulatory mechanisms governing the export and import of organic agricultural products. According to FAO reports, many developing countries face difficulties in complying with SPS/TBT requirements due to technical and financial limitations, which directly impacts their ability to access international markets. This challenge is also relevant for Kazakhstan, where the mechanism for aligning with international phytosanitary standards in the field of organic agriculture still requires further institutional and regulatory support. As Henson and Loader emphasize, “developing countries often lack the technical capacity to comply with SPS measures, which places them at a disadvantage in global food markets, especially for niche products like organics [21].” This observation remains highly relevant for countries with transitional economies, such as Kazakhstan, which continue to experience challenges in aligning their regulatory infrastructure with international phytosanitary and food safety standards.

K. Asanov's work highlights that the absence of unified quality standards for agricultural products within the Eurasian Economic Union and in relations with China leads to repeated testing, redundant certification, and increased transaction costs. He emphasizes the need to develop an integrated technical regulation platform analogous to the Mutual Recognition Agreements (MRAs) operational in the EU and ASEAN [22].

Chinese scholar H. Li explores the role of digitization and intelligent solutions in accelerating cross-border logistics and customs clearance, particularly focusing on the application of blockchain platforms in organic trade (e.g., Alibaba Blockchain Traceability Platform) and the potential synchronization of these systems with international traceability standards [23]. His conclusions align with recommendations from the FAO and WTO, which emphasize that introducing electronic origin certificates and integrating sanitary and phytosanitary controls into digital environments could reduce export processing times by 30–40%.

Drawing on Professor Steven R. Jones's theory of cross-border institutional cooperation, successful cross-border trade

requires not only tariff reduction but also institutional alignment of norms, procedures, and standards. Jones identifies three critical conditions:

- mutual recognition of conformity assessments;
- establishment of bilateral dispute resolution mechanisms based on international law;
- harmonization of legal practices through participation in multilateral agreements (e.g., WTO SPS Agreement) [24].

In the context of Kazakhstan-China relations, Jones' theory posits the necessity of concluding a bilateral organic certification equivalence agreement, akin to those signed by the EU with Japan and Switzerland. Such an agreement would eliminate duplicative procedures and facilitate market access for Kazakhstani organic products to China.

Conclusion

The results of the analysis show that harmonizing organic agriculture standards plays a decisive role in international trade. Researchers note that the absence of unified international standards leads to fragmentation of regulatory governance, which limits the export capabilities of producers. Additionally, law enforcement practice reveals the need to strengthen state control over the certification process, which is particularly relevant for developing countries.

Thus, drawing conclusions, it can be noted that the legal regulation of organic agriculture in Kazakhstan remains in a formative stage, while in China it is integrated into national strategies for sustainable development. The Republic of Kazakhstan has established a basis for regulatory governance through relevant laws; however, in practice, there is observed fragmentation in implementation and limited institutional support from the state. This reduces the effectiveness of legislation and hinders the growth of the sector.

It is necessary to note the absence of harmonized international standards. In the field of organic agriculture, the absence of harmonized international standards remains a significant barrier to the development of cross-border trade in organic products. Each country employs its own certification criteria, leading to duplicated procedures, increased transaction costs, and reduced competitiveness of producers. Addressing

this issue is possible through active participation of countries in international initiatives (e.g., IFOAM, Codex Alimentarius) and the harmonization of standards at the level of regional integration associations, including the Eurasian Economic Union (EAEU).

Mechanisms for law enforcement and certification require strengthening of institutional infrastructure.

In this regard, a necessary step is the establishment of a transparent, digitized, and independent system for monitoring and certifying organic products, involving accredited private and state centers. It is crucial to ensure open access to registers of certified producers, thereby enhancing consumer trust and the confidence of foreign partners.

Moreover, the financial and economic support mechanisms in Kazakhstan are insufficiently developed,

Which limits farmers' engagement in organic production. Measures are needed to implement a flexible system of subsidies, tax preferences, access to preferential lending, and reimbursement of certification costs. The example of China shows that systematic support, including at the regional level, contributes to the accelerated growth of the organic sector.

The integration of organic agriculture into agricultural policy requires a cross-sectoral approach. This involves coordination among the ministries of agriculture, environment, trade, and education. Support for scientific research, personnel training, and information provision should become integral components of national agroecological policy.

It is recommended to develop a "roadmap" for the development of organic agriculture by 2030, including legal reforms, incentive mechanisms, targets for expanding cultivated areas and exports. Such a program could be integrated into Kazakhstan's food security strategy and "Green Economy" and supported by in-

ternational organizations (FAO, UNEP, UNDP).

The study confirmed that removing legal barriers and harmonizing standards between Kazakhstan and China are key factors for increasing trade volumes. The recommendations proposed in this article can be used to develop national strategies and bilateral agreements that promote the growth of agricultural trade. Both theoretical and empirical findings herein confirm that successful organic product trade is impossible without institutional convergence of legal norms. Harmonization must address not only technical standards but also certification procedures, traceability, and dispute resolution.

The legal regulation of organic agricultural products continues to evolve, adapting to new challenges of the global food market. However, unresolved issues persist, including the incompatibility of national standards, the absence of effective certification mechanisms, and the lack of economic incentives for producers. For the further development of organic agriculture, it is necessary to improve international legal norms, standardize criteria, and strengthen state support for producers. In the context of deepening regional cooperation between Kazakhstan and China, it is advisable to initiate:

- signing a Memorandum on Mutual Recognition of Organic Certification;
- establishing a joint digital platform for exchanging certificates and product origin data;
- aligning national regulatory acts with the equivalence of GB/T 19630–2019 and IFOAM standards.

Future research in this field may be directed toward assessing the effectiveness of law enforcement practices in various countries and developing recommendations for harmonizing the regulatory framework of organic agriculture.

Contributions of the authors

Wang Dalin – data collection, research conduct, structural outline development and article writing.

Nyissanbekova L.B. – objective and task formulation, content analysis of the article, text structuring, text evaluation, methodological analysis, approval of the final version of the article for publication, and compliance checking with technical standards.

References:

1. Ван Мансвелът, Я.Д., Темирбекова С.К. Органическое сельское хозяйство: принципы, опыт и перспективы. // Я.Д. Ван Мансвелът, С.К. Темирбекова // Сельскохозяйственная биология. - 2017. - Том 52. - №3. - С. 478-486 // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/organicheskoe-selskoe-hozyaystvo-printsipy-opyt-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 14.02.2025).
2. Матайбаева, Г.А., Токенова С.М., Кеңес Г.К. Органикалық өнімдер нарығы: тенденциялар және даму перспективалары // Г.А. Матайбаева, С.М. Токенова, Г.К. Кеңес // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. - 2023. - №3. - 67–77 б.
3. Дюсюпова, А.Д. Современное состояние правового регулирования аграрной политики в государствах-членах Евразийского экономического союза // А.Д. Дюсюпова // Аграрное и земельное право. - 2019. - №6(174). - С. 88–95.
4. Yuwen, Yang. 5 - Public policies in support of organic agriculture in China. // Yuwen Yang, Sijie Huang, Chao Wang. // Organic Agriculture and Biodiversity in China. - Academic Press, 2024. - P. 65-81. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90602-9.00007-1>(date of reference: 14.02.2025).
5. Wang H. China's Ecological Agriculture and Sustainable Development: Policy Evolution and Implementation // Wang H., Zhang Y., Liu L. // Journal of Environmental Policy and Development. - 2023. - Volume 28. - №2. - P. 145-161.
6. Zhou, L. Ecological Civilization and Organic Agriculture in China: Legal and Institutional Dimensions // L. Zhou // Asian Journal of Agricultural Law. - 2020. - Volume 15. - №1. - P. 33–49.
7. Kuepper, G. Organic Farming: A Guide to Principles and Practices. // G. Kuepper // - Kerr Center for Sustainable Agriculture, 2010. - 38 p.
8. Padel, S. Conversion to Organic Farming: A Typical Example of the Diffusion of an Innovation? // S. Padel // Sociologia Ruralis. - 1994. - Volume 34. - №1. - P. 52–61.
9. Canaj, K. The Role of Organic Farming in Sustainable Development: Case of EU Countries // Canaj K., Berisha E., Duro A. // Sustainability. - 2021. - Volume 13. - №9. - P. 1–16.
10. Atwell, K.A. Effects of Agricultural Intensity on Nutrient and Sediment Contributions Within the Cache River Watershed, Arkansas // Atwell K.A., Bouldin J.L. // Water. - 2022. - Volume 14(16). - P. 2-11. - DOI: 10.3390/w14162528.
11. Ferreira, J. Organic Farming and Biodiversity: Literature Review and Statistical Overview // Ferreira J., Silva L., Almeida M. // Agroecology and Sustainable Food Systems. - 2022. - Volume 46 (2). - P. 215–232.
12. Chiriaco, M.V. et al. The Effects of Organic Farming on Soil Organic Carbon and Greenhouse Gas Balance: A Review // Chiriaco M.V., Grossi G., Francaviglia R. et al. // Agronomy for Sustainable Development. - 2017. - Volume 37. - Article 22. - DOI: 10.1007/s13593-017-0424-4.
13. Lee, J. Effects of Organic and Conventional Farming on Soil Microbial Community and Diversity: A Meta-analysis // Lee J., Yun J. // Agriculture, Ecosystems & Environment. - 2015. - Volume 207. - P. 1-10.
14. Wang, S. Regulatory stringency and institutional reliability in China's organic agriculture // Wang S., Zhang X. // Journal of Environmental Policy and Management. - 2022. - Volume 18. - No. 4. - P. 421–438.
15. Zhou, L. China's regulatory approach to organic labeling and certification // Zhou L., Chen Y., Liu H. // Food Quality and Safety. - 2021. - Volume 5. - No. 3. - P. 170-182.
16. Li, H. Challenges and digital transition of customs procedures in China's agricultural import system // H. Li // China International Trade Review. - 2021. - Volume 18. - No. 2. - P. 115-134.
17. Liu, Y. Organic certification cost structure and government support in China's agriculture // Liu Y., Chen Z. // Journal of Rural Economics. - 2020. - Volume 7. - No. 1. - P. 88-105.
18. Sun, X. Institutional transparency in cross-border organic trade: An analysis of information access in China // Sun X., Wang M., Liu Z. // Journal of Food System Gover-

nance. - 2020. - Volume 6. - No. 2. - P. 77–93.

19. Meyn, M. The Role of Legal Fragmentation in Organic Trade Governance // Meyn M., Kennett M. // Journal of International Agricultural Law. - 2020. - Volume 15. - No. 2. - P. 45–62.

20. Marceau, G.Z., Trachtman, J.P. A Map of the World Trade Organization Law of Domestic Regulation of Goods: The Technical Barriers to Trade Agreement, the Sanitary and Phytosanitary Measures Agreement, and the General Agreement on Tariffs and Trade. // Marceau G.Z., Trachtman J.P. // Journal of World Trade. - 2014. - Volume 48. - No. 2. - P. 351–432.

21. Henson, S., Loader, R. Barriers to Agricultural Exports from Developing Countries: The Role of Sanitary and Phytosanitary Requirements // Henson S., Loader R. // World Development. - 2001. - Volume 29. - No. 1. – P. 85–102.

22. Асанов, К.Ж. Правовое обеспечение качества аграрной продукции: вызовы гармонизации в ЕАЭС и за его пределами // К.Ж. Асанов // Вестник права и экономики. - 2020. - №4. - С. 22–31.

23. Li, H. Digital innovation and border trade: The case of agricultural product traceability // Li H. // China International Trade Review. - 2021. - Volume 18. - No. 3. - P. 202–218. - DOI: 10.1080/15544575.2021.1938352.

24. Jones, S.R. Cross-border institutional alignment and trade facilitation in agricultural markets // Jones S.R. // Journal of International Economic Law. - 2016. - Volume 19. - No. 2. - P. 243–271. - DOI: 10.1093/jiel/jgw003.

© Ванг Далин¹, Л.Б. Нысанбекова¹, 2025

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
(E-mail: 1250889634@qq.com; lazzat_nb9@mail.ru)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕН ҚЫТАЙ ХАЛЫҚ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ КЕҢІСТІГІНДЕГІ ОРГАНИКАЛЫҚ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ: РЕТТЕУ, СТАНДАРТТАР ЖӘНЕ КЕДЕРГІЛЕР

Аннотация. Мақала Қазақстан Республикасы мен Қытай Халық Республикасында органикалық ауыл шаруашылығын құқықтық реттеуді жан-жақты салыстырмалы-құқықтық талдауға арналған. Зерттеу қазіргі таңда тұрақты агроөндіріс пен экологиялық қауіпсіз азық-түлік жүйелеріне жаһандық сұраныстың артуы жағдайында жүргізіліп отыр. Негізгі назар екі елде органикалық өнімді сертификаттау, стандарттау және экспорттау салаларын реттейтін құқықтық нормаларды салыстырмалы талдауға, сондай-ақ екіжақты сауданың тиімділігіне кедергі келтіретін институционалдық және рәсімдік тосқауылдарды анықтауға аударылады.

Авторлар Қазақстандағы органикалық сектордың қалыптасу динамикасын, мемлекеттік қолдау шараларын, қабылданған заңнамалық және нормативтік актілерді, сондай-ақ сертификатталған шаруашылықтардың өсу қарқынын қарастырады. Ішкі құқықтық реттеудің белсенді дамуына қарамастан, Қазақстан Codex Alimentarius, IFOAM сияқты халықаралық стандарттарға және Қытайдың қатаң сертификаттау талаптарына (COPC) бейімделуге қатысты бірқатар мәселелерге тап болып отыр. Құқықтық базаны қалыптастырудағы ілгерілеушілікке қарамастан, Қазақстан халықаралық стандарттарға және жиі неғұрлым қатаң болып келетін Қытайдың сертификаттау талаптарына бейімделу қажеттігін қоса алғанда, бірқатар қиындықтарға тап болып отырғаны көрсетілді.

Сонымен қатар, Қытай заңнамасы ішкі нарықты және органикалық өнімдердің импортын тиімді реттеуге мүмкіндік беретін жоғары деңгейде стандартталған әрі цифрландырылған жүйе ретінде сипатталады. Салыстырмалы тәсіл арқылы экспорт-импорт операцияларының ерекшеліктері, құқықтық база және мемлекеттік субсидиялардың саудаға әсері талданады. Екі ел арасындағы тауар айналымы бойынша өзекті деректер қарастырылады, негізгі құқықтық кедергілер айқындалып,

оларды барынша азайту бойынша ұсыныстар ұсынылады.

Түйінді сөздер: экспорт, импорт, ауыл шаруашылығы, ауыл шаруашылығы өнімдері, Қазақстан, Қытай, құқықтық реттеулер, сауда кедергілері, субсидия.

© Ванг Далин¹, Л.Б. Нысанбекова¹, 2025

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан
(E-mail: ¹1250889634@qq.com; ¹lazzat_nb9@mail.ru)

ОРГАНИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: РЕГУЛИРОВАНИЕ, СТАНДАРТЫ И БАРЬЕРЫ

Аннотация. Статья посвящена всестороннему сравнительно-правовому анализу регулирования органического сельского хозяйства в Республике Казахстан и Китайской Народной Республике в контексте глобального спроса на устойчивое производство и экологически безопасные продовольственные системы. В центре внимания — сравнительный анализ правовых норм, регулирующих сертификацию, стандартизацию и экспорт органической продукции в указанных странах, а также выявление институциональных и процедурных барьеров, препятствующих эффективной двусторонней торговле. Особое внимание уделено выявлению институциональных и нормативных барьеров, препятствующих эффективной двусторонней торговле между РК и КНР. Авторы рассматривают динамику становления органического сектора в Казахстане, меры государственной поддержки, законодательные инициативы и развитие системы сертифицированных хозяйств. Выявлено, что при активном развитии внутреннего регулирования, Казахстану предстоит решить ряд задач, связанных с адаптацией к международным стандартам (Codex Alimentarius, IFOAM) и строгим требованиям китайской сертификации (COPC). Показано, что несмотря на прогресс в формировании правовой базы, Казахстан сталкивается с рядом вызовов, включая необходимость адаптации к международным стандартам и китайским требованиям сертификации, которые часто являются более жесткими.

Законодательство КНР анализируется как высокостандартизированная и цифровизированная система, обеспечивающая жесткий контроль за внутренним рынком и импортом органической продукции. На основе сравнительного подхода проанализированы особенности внешнеэкономических операций, влияние субсидий, роль национальных стандартов и институциональной поддержки. В заключение сформулированы практические рекомендации по гармонизации правовых подходов и устранению барьеров в торговле органической продукцией между двумя странами.

Ключевые слова: экспорт, импорт, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, Казахстан, Китай, правовое регулирование, торговые барьеры, субсидия.

References:

1. Van Mansvelt Ja.D., Temirbekova S.K. Organicheskoe selskoe hozyaistvo: printsipy, opyt i perspektivy. // Van Mansvelt Ja.D., S.K. Temirbekova // Selskohozyaistvennaya biologiya. - 2017. - Tom 52. - №3. - S. 478-486 // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/organicheskoe-selskoe-hozyaistvo-printsipy-opyt-i-perspektivy/viewer> (data obrashcheniya: 14.02.2025).
2. Mataibaeva G.A., Tokenova S.M., Kenes G.K. Organikalyk onimder narygy: tendentsiyalar zhane damu perspektivalary // G.A. Mataibaeva, S.M. Tokenova, G.K. Kenes // Vestnik ENU im. L. N. Gumileva. - 2023. - №3. - 67–77b.
3. Dyussyupova A.D. Sovremennoe sostoyanie pravovogo regulirovaniya

- agrarnoi politiki v gosudarstvah-chlenah Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // A.D. Dyussyupova // *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. - 2019. - №6(174). - S. 88–95.
4. Yuwen, Yang. 5 - Public policies in support of organic agriculture in China. // Yuwen Yang, Sijie Huang, Chao Wang. // *Organic Agriculture and Biodiversity in China*. - Academic Press, 2024. - P. 65-81. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-90602-9.00007-1>(date of reference: 14.02.2025).
5. Wang H. China's Ecological Agriculture and Sustainable Development: Policy Evolution and Implementation // Wang H., Zhang Y., Liu L. // *Journal of Environmental Policy and Development*. - 2023. - Volume 28. - №2. - P. 145-161.
6. Zhou, L. Ecological Civilization and Organic Agriculture in China: Legal and Institutional Dimensions // L. Zhou // *Asian Journal of Agricultural Law*. - 2020. - Volume 15. - №1. - P. 33–49.
7. Kuepper, G. Organic Farming: A Guide to Principles and Practices. // G. Kuepper // - Kerr Center for Sustainable Agriculture, 2010. - 38 p.
8. Padel, S. Conversion to Organic Farming: A Typical Example of the Diffusion of an Innovation? // S. Padel // *Sociologia Ruralis*. - 1994. - Volume 34. - №1. - P. 52–61.
9. Canaj, K. The Role of Organic Farming in Sustainable Development: Case of EU Countries // Canaj K., Berisha E., Duro A. // *Sustainability*. - 2021. - Volume 13. - №9. - P. 1–16.
10. Atwell, K.A. Effects of Agricultural Intensity on Nutrient and Sediment Contributions Within the Cache River Watershed, Arkansas // Atwell K.A., Bouldin J.L. // *Water*. - 2022. - Volume 14(16). - P. 2-11. - DOI: 10.3390/w14162528.
11. Ferreira, J. Organic Farming and Biodiversity: Literature Review and Statistical Overview // Ferreira J., Silva L., Almeida M. // *Agroecology and Sustainable Food Systems*. - 2022. - Volume 46 (2). - P. 215–232.
12. Chiriaco, M.V. et al. The Effects of Organic Farming on Soil Organic Carbon and Greenhouse Gas Balance: A Review // Chiriaco M.V., Grossi G., Francaviglia R. et al. // *Agronomy for Sustainable Development*. - 2017. - Volume 37. - Article 22. - DOI: 10.1007/s13593-017-0424-4.
13. Lee, J. Effects of Organic and Conventional Farming on Soil Microbial Community and Diversity: A Meta-analysis // Lee J., Yun J. // *Agriculture, Ecosystems & Environment*. - 2015. - Volume 207. - P. 1-10.
14. Wang, S. Regulatory stringency and institutional reliability in China's organic agriculture // Wang S., Zhang X. // *Journal of Environmental Policy and Management*. - 2022. - Volume 18. - No. 4. - P. 421–438.
15. Zhou, L. China's regulatory approach to organic labeling and certification // Zhou L., Chen Y., Liu H. // *Food Quality and Safety*. - 2021. - Volume 5. - No. 3. - P. 170-182.
16. Li, H. Challenges and digital transition of customs procedures in China's agricultural import system // H. Li // *China International Trade Review*. - 2021. - Volume 18. - No. 2. - P. 115-134.
17. Liu, Y. Organic certification cost structure and government support in China's agriculture // Liu Y., Chen Z. // *Journal of Rural Economics*. - 2020. - Volume 7. - No. 1. - P. 88-105.
18. Sun, X. Institutional transparency in cross-border organic trade: An analysis of information access in China // Sun X., Wang M., Liu Z. // *Journal of Food System Governance*. - 2020. - Volume 6. - No. 2. - P. 77–93.
19. Meyn, M. The Role of Legal Fragmentation in Organic Trade Governance // Meyn M., Kennett M. // *Journal of International Agricultural Law*. - 2020. - Volume 15. - No. 2. - P. 45–62.
20. Marceau, G.Z., Trachtman, J.P. A Map of the World Trade Organization Law of Domestic Regulation of Goods: The Technical Barriers to Trade Agreement, the Sanitary and Phytosanitary Measures Agreement, and the General Agreement on Tariffs and Trade. // Marceau G.Z., Trachtman J.P. // *Journal of World Trade*. - 2014. - Volume 48. - No. 2. - P. 351–432.
21. Henson, S., Loader, R. Barriers to Agricultural Exports from Developing Countries: The Role of Sanitary and Phytosanitary Requirements // Henson S., Loader R. // *World Development*. - 2001. - Volume 29. - No. 1. – P. 85–102.

22. Asanov K.Zh. Pravovoe obespechenie kachestva agrarnoi produktsii: vyzovy garmonizatsii v EAES i za ego predelami // K.Zh. Asanov // Vestnik prava i ekonomiki. - 2020. - №4. - S. 22–31.

23. Li, H. Digital innovation and border trade: The case of agricultural product traceability // Li H. // China International Trade Review. - 2021. - Volume 18. - No. 3. - P. 202–218. - DOI: 10.1080/15544575.2021.1938352.

24. Jones, S.R. Cross-border institutional alignment and trade facilitation in agricultural markets // Jones S.R. // Journal of International Economic Law. - 2016. - Volume 19. - No. 2. - P. 243–271. - DOI: 10.1093/jiel/jgw003.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Ванг Далин - әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің докторанты, әл-Фараби даңғылы, 71, 050040, Алматы, Қазақстан.

E-mail: 1250889634@qq.com.

Нысанбекова Ляззат Бегимжановна – хат-хабарларға арналған автор, доктор PhD, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті халықаралық құқық м.а., кафедрасының доцентінің м.а, әл-Фараби даңғылы, 71, 050040, Алматы, Қазақстан.

E-mail: lazzat_nb9@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1547-6816>; Researcher ID WOS: N-4978-2014; Scopus Author ID: 55931138000.

Wang Dalin - first-year Doctoral Candidate in the International Law Program, al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, 050040, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: 1250889634@qq.com.

Nyissanbekova Lyazzat Begimzhanovna – doctor PhD, Associate Professor at the Department of International Law at al-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, 050040, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: lazzat_nb9@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1547-6816>; Researcher ID WOS: N-4978-2014; Scopus Author ID: 55931138000.

Ванг Далин - докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, проспект аль-Фараби 71, 050040, Алматы, Казахстан.

E-mail: 1250889634@qq.com.

Нысанбекова Ляззат Бегимжановна - автор для корреспонденции, доктор PhD, и.о. доцента кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби, проспект аль-Фараби, 71, 050040, Алматы, Казахстан.

E-mail: lazzat_nb9@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1547-6816>; Researcher ID WOS: N-4978-2014; Scopus Author ID: 55931138000.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЗАҢНАМА ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚПАРАТ
ИНСТИТУТЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НӨМІРІ 3(2025), 265-276

ӨОЖ 366.5
ҒТАМР 10.27.51
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_265
Ғылыми мақала

© **А. Амантай^{1*}, А.М. Нұрмағамбетов¹, А.Н. Ахпанов¹, 2025**

¹ Astana International University, Астана, Қазақстан
(E-mail: *abdu_kaz@mail.ru; amanzhol_nur@mail.ru; ahpanov_a@mail.ru)

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ҚҰРАЛДАРЫН ҚОЛДАНУ ТҰТЫНУШЫЛАРДЫҢ СОТ ТӨРЕЛІГІНЕ ҚОЛЖЕТІМДІЛІГІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ӘДІСІ РЕТІНДЕ

Аннотация. Жасанды интеллект (ЖИ) құралдарын тұтынушылардың сот төрелігіне қолжетімділігін қамтамасыз ету бағытындағы бұл зерттеу жұмысының басты мақсаты – құқықтық көмекке мұқтаж тұтынушыларға сот әділдігіне қол жеткізу жолдарын жеңілдету және жеделдетудің ғылыми негіздерін айқындау. Зерттеу өзектілігі тұтынушылардың құқықтық ақпараттың тапшылығы мен сот процестерінің күрделілігі салдарынан өз құқықтарын тиімді қорғай алмауымен түсіндіріледі. Мақалада чатботтар, онлайн-консультанттар мен алгоритмдік шешімдер сияқты заманауи ЖИ технологияларын пайдалану мүмкіндіктері жан-жақты қарастырылады. Талдау нәтижесінде тұтынушылардың сот жүйесіне қолжетімділігін қиындататын негізгі проблемалар (құқықтық сауаттылықтың төмендігі, сот шығындарының қымбаттығы, географиялық алшақтық) анықталды. ЖИ қолданудың артықшылықтары ретінде құқықтық кеңес алудың жылдамдығы мен қолжетімділігінің артуы, шығындардың төмендеуі, адам факторынан тәуелсіз ақпарат ұсыну мүмкіндігі көрсетілді. Сонымен қатар, алгоритмдердегі қателік ықтималдығы, дербес деректердің құпиялығы және ЖИ шешімдеріне шектен тыс сенім секілді шектеулер талқыланады. Қазақстанда іске асырылып жатқан пилоттық жобалар (мысалы, Әділет министрлігінің тәулік бойы жауап беретін заңгерлік чатботын әзірлеуі және IPрав мобильдік қосымшасындағы «Айтеке» виртуалды кеңесшісі) және шетелдік озық тәжірибелер (тұтынушыларға ұсақ талап-арыздар бойынша онлайн көмектесетін чатботтар) сарапталды. Зерттеу әдіснамасы ретінде ұлттық және халықаралық тәжірибені салыстырмалы талдау, сарапшылармен сұхбат және статистикалық мәліметтерге шолу қолданылды. Алынған нәтижелер негізінде ЖИ технологияларын құқықтық қызметтер жүйесіне интеграциялау тұтынушылар үшін сот төрелігіне қолжетімділікті едәуір кеңейтетіні айқындалды. Алайда, тиімді іске асыру үшін технологиялық инфрақұрылымды жетілдіру, құқықтық реттеуді күшейту және адам бақылауын қамтамасыз ету бойынша нақты ұсыныстар берілді. Қорытындысында, ЖИ құралдарын дәстүрлі құқықтық көмек жүйесін толықтырушы элемент ретінде пайдалану халықтың құқық қорғау тетіктеріне тең дәрежеде қол

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: abdu_kaz@mail.ru.

жеткізуін қамтамасыз етуде жоғары әлеуетке ие екені атап өтіледі.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, сот төрелігі, қол жетімділік, тұтынушы құқықтары, цифрлық технологиялар, құқықтық қызметтер, инновациялар, әділ сот, құқық бұзу.

Кіріспе

Жасанды интеллект (ЖИ) қазіргі уақытта тұтынушылардың күнделікті өмірінде тауарлар, қызметтер және ақпаратпен өзара әрекеттесуді түбегейлі өзгертетін маңызды технологиялық қатынасқа айналды, тіптен электрондық коммерция, қаржы, денсаулық сақтау және мемлекеттік қызметтер сияқты салаларда тұтынушылардың өмірін жеңілдетіп, тиімділікті арттыруда. Интернет-дүкендердегі маркетингтік ұсыныстардан бастап, денсаулық сақтау және көлік саласындағы автоматтандырылған жүйелерге дейін ЖИ қатынас алмасудың жылдамдығы пен тиімділігін арттыруда теңдессіз мүмкіндіктер ұсынады. Алайда, ЖИ-дың кеңінен қолданылуы тұтынушылардың құқықтарын қорғауға, соның ішінде деректердің құпиялылығына, жеке алгоритмдердің ашықтығына және кемсітушілікті болдырмауға, бопсалауға, алдап кетуге байланысты күрделі мәселелерді туындатып отырғаны анық.

Елімізде «Цифрлы Қазақстан» (бұл атаумен бағдарлама дамуы өзгерді) сияқты мемлекеттік бағдарламалардың жүзеге асуымен цифрландыру қарқынды дамып келеді, сондықтан ЖИ-ды құқықтық реттеу мәселелері және тұтынушылардың ЖИ көмегі арқылы сот төрелігіне қолжетімділігі ерекше маңызды болып отыр. Зерттеуіміз тұтынушылардың ЖИ қолдануын талдауға, қолданыстағы құқықтық базаны бағалауға, тұтынушылар құқығын қорғау үшін сот төрелігіне қолжетімділік және оны жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеуге бағытталған.

ЖИ-ні еліміздің сот жүйесіне енгізу аса сақтықпен жүзеге асырылуы тиіс, бұл процесте құқықтық қауіпсіздік, этика және заң үстемдігі қамтамасыз етілуі керек, сондай-ақ, ЖИ судьяның

орнын ауыстыруға емес, оның жұмысын тиімді етуге бағытталуы тиіс деп ой топшылайтын қазақстандық ғалымдардың пікірімен толық келісуге болады [1, с. 77].

Жасанды интеллекті сот төрелігі жүйесін түбегейлі өзгертіп, заң қызметтерінің қолжетімділігін арттыруға мүмкіндік береді деген ойымыз дәлелді болу үшін басқа мемлекеттердің тәжірибесіне сүйенуге ұмтыламыз. Көптеген елдерде, соның ішінде Қазақстанда, тұтынушылар заң көмегіне жүгінгенде кедергілерге тап болады: заңгерлер қызметінің жоғары құны, сот рәсімдерінің күрделілігі, халықтың құқықтық сауаттылығының төмендігі және шалғай өңірлерде сот төрелігіне қол жетімділіктің шектеулілігі (бұл туралы арнайы жүргізілген сауалнама нәтижесі бар). ЖИ құралдары, мысалы, чат-боттар, құқықтық құжаттарды талдау платформалары және автоматтандырылған кеңес беру жүйелері, осы кедергілерді жоюға көмектеседі, заң көмегін қолжетімді, жылдам және үнемді етеді деп сенімді түрде айта аламыз. Әрине түрлі кедергі мәселелердің болуы заңдылық, бірақ соған қарамастан заманауи технология жетістіктерін қолдану еліміздің қарыштап дамуына зор үлесін қосар еді.

ЖИ-дың құқық саласында қолданылуы зор әлеуетке ие. Мысалы, АҚШ-тағы DoNotPay¹ немесе Modria² сияқты ЖИ платформалары тұтынушыларға шағымдар дайындауға, айыппұлдардың дұрыс не бұрыстығын анықтай алуға және адвокатсыз кеңес алуға мүмкіндік береді, бұл дәстүрлі заң қызметтерімен салыстырғанда шығындарды 60–80%-ға азайтады³ екен.

Мемлекетімізде eGov және Smart Court платформалары мемлекеттік және сот қызметтерін жеңілдету үшін

¹ FTC Finalizes Order with DoNotPay That Prohibits Deceptive ‘AI Lawyer’ Claims, Imposes Monetary Relief, and Requires Notice to Past Subscribers // URL: https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2025/02/ftc-finalizes-order-donotpay-prohibits-deceptive-ai-lawyer-claims-imposes-monetary-relief-requires?utm_source=chatgpt.com (date of reference: 02.06.2025).

² About Modria. Modria is an online dispute resolution platform for eCommerce // URL: <https://www.cbinsights.com/company/modria> (date of reference: 02.06.2025).

³ Anatolii Z. Will the Internet and artificial intelligence relieve clogged Russian courts? // URL: https://www.intellectpro.ru/en/press/works/onlayn_al_ternativy_razresheniya_sporov/ (date of reference: 25.05.2025)

ЖИ элементтерін пайдаланады. Алайда, ЖИ-ды құқық саласында реттейтін арнайы заңнаманың болмауы және халықтың ақпараттандырылуының төмен деңгейі, жеке деректерді қауіпсіздіктен сақтай алмау осы технологиялардың ауқымын шектейді.

Халықаралық деңгейде басқа елдердің тәжірибесіне қарап отырсақ, ЖИ-ды сот төрелігіне қатыстыстыру, реттеу, қолдану әлі қалыптасып жатыр деуге болады. Оның себебі кейбір елдер қауіпсіздіктен (адамға зияны туралы) қорықақтап отыр. Мәселен, Rodrigues R. ЖИ-нің әсерін «осалдық» деген тұжырымдама шығарып, яғни ЖИ технологиялары әсіресе осал топтарға (мысалы, мүгедектер, аз ұлт өкілдері, балалар) қалай әсер ететінін қарастырады және ЖИ – ден келетін зиян әрекеттеріне нақты жауаптыны нақтылауды сөз етеді [2, р. 1]. Бұл тәсіл арқылы ЖИ-дің адам құқықтарына әсерін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Ал, кейбір елдерде іс жүзінде жүзеге асыруға әлеуеті мен кәсіби деңгейі жетпей жатыр деуге болады. Бұған қатысты Н. Surden-нің пікірін келтіре кетсек, оның ойынша GPT4 тәрізді ірі тілдік модельдерді құқықтық зерттеу, құжат дайындау және талдауда қолданылу мүмкіндіктерін шешуде «ойдан шығарған ақпарат» жүйелі қателіктері және «prompt sensitivity» жағдайлары – тәуекелдерге бару үшін кәсіби мамандардың қызметіне жүгіну маңызды екенін тілге тиек еткен [3, р. 376]. Еуропалық Одақ AI Act әзірлеуде, ол ЖИ жүйелерін тәуекел деңгейіне қарай жіктейді және олардың ашықтығы мен қауіпсіздігіне талаптар қояды.⁴ БҰҰБҒМҰ-ның ЖИ этикасы бойынша ұсынымдары (2021 ж.) адам құқықтарын сақтау және алгоритмдердің ашықтығын қамтамасыз ету қажеттілігін атап өтеді⁵. Бұл құжаттар жаһандық стандарттарды белгілейді, оларды Қазақстанға бейімдеуге болады деген ойдамыз.

Тақырыпты зерттеудің мақсаты – ЖИ құралдарын қолдану тұтынушылардың құқығын қорғау негізі

ретінде сот төрелігіне қол жетімділікті қамтамасыз етудегі рөлін талдау, халықаралық және Қазақстан тәжірибесін зерттеу, мәселелерді анықтай отырып, практикалық ұсыныстар әзірлеу. Тақырыптың өзектілігі тұтынушылар құқықтарына қатысты даулардың көптігімен, сот төрелігін цифрландыру жағдайымен, сондай-ақ, біліктілік санатына қарай «жоғары», «орта» және «осал» топтар үшін кедергілерді азайту қажеттілігімен байланысты.

Материалдар және әдістер

Тақырыптың өзектілігіне сай зерттеу мақсаттарына жету үшін сапалы және сандық талдау әдістерін қамтитын кешенді тәсіл қолданылды.

Жасанды интеллект технологияларын пайдалана отырып тұтынушылардың құқықтарын қорғау және сот төрелігі жүйесіндегі қолданысына байланысты отандық және шетелдік зерттеулерді іздеу мен талдауды зерделейтін бірқатар ғылыми әдістер мен тәсілдермен жұмыс жасауға мүмкіндік берді.

Әдебиетке шолу негізінде тұтынушылардың ЖИ қолдану және оны құқықтық реттеуге қатысты ғылыми мақалалар, нормативтік құжаттарға жүйелі талдау жүргізілді.

Жасанды интеллект ұғымының құқықтық табиғатын, оның тұтынушылармен өзара әрекеттесуіндегі рөлін және тұтынушылардың сот төрелігіне қолжетімділігіне әсерін зерттеу үшін ғылыми танымның әмбебап әдістері қолданылды.

Атап айтсақ, салыстырмалы – құқықтық талдау, бірақатар мемлекеттердегі деректерді қорғау, алгоритмдердің ашықтығы және ЖИ қолдану шешімдеріндегі жауапкершілікке қатысты құқықтық базалар талданды. Электрондық коммерция, денсаулық сақтау және қаржылық қызметтерде ЖИ қолдануға байланысты кейстер зерттелді.

Статистикалық және формальды заңдық талдау әдісімен шетелдік

⁴ Regulation (eu) 2024/1689 of the european parliament and of the council of 13 June 20247. laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date of reference: 25.05.2025)

⁵ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (date of reference: 25.05.2025)

және қазақстандағы ЖИ қолдану бойынша қатынастар, нормативтік база қарастырылып, қолданыстағы заңнамалар бағаланып, ЖИ және оның тұтынушылардың құқықтарын қорғауға әсеріне қатысты реттеу тетіктері зерделенді.

Кейс-стади тәсілімен Қазақстандағы ЖИ қолданудың нақты мысалдары, электрондық коммерция платформалары және мемлекеттік цифрлық сервистері қарастырылды. Олардың тұтынушыларға әсері және құқықтарды қорғау талаптарына сәйкестігі бағаланды.

Сауалнама әдістері тұтынушылардың ЖИ қолдану кезіндегі құқықтары туралы хабардарлығы және технологияларға деген сенім деңгейі және сот төрелігіне қолжетімділігіне қатысты бағалау үшін оффлайн-онлайн-сауалнама (n=200) ұйымдастырылды.

Зерттеу қатысушылардың деректерінің құпиялылығы және әдіснаманың ашықтығы сияқты этикалық принциптерді сақтай отырып жүргізілді.

Бұл әдістер зерттеліп отырған тақырыптың теориялық және практикалық аспектілерін жан-жақты ашуға мүмкіндік берді.

Талқылау және нәтиже

Еліміздегі жасанды интеллектіні (ЖИ-әрі қарай) реттейтін арнайы заңнама 2025 жылғы мәліметтер бойынша әлі толық қалыптаспаған, тек ұсынылған заң жобалары бар. Дегенмен, қазіргі уақытта ЖИ-ге қатысты болмасада бұдан ертеректе қабылданған заңдар бар, мәселен, «Тұтынушылардың құқықтарын қорғау туралы»⁶ заңның 3-бабында ақпарат алу және қауіпсіздік құқықтары бекітілген. ЖИ-ға қатысты ережелер қарастырылмаған және кейінгі өзгерту мен толықтыруларда да жоқ. Сондай-ақ, дербес деректерді жинау, өңдеу және қорғауды реттейтін,

құпиялылық және рұқсатсыз өңдеуге тыйым салу қарастырылған «Дербес деректер және оларды қорғау туралы»⁷ заңды атап өтуге болады. Бұл заңнамда да ЖИ алгоритмдерінің ашықтығына қатысты талаптар көзделмеген.

Ал, Қазақстан Үкіметінің 2023 жылғы 28 наурыздағы №269 қаулысы бойынша бекітілген «2023–2029 жылдарға арналған цифрлық трансформация, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар саласын және киберқауіпсіздікті дамыту тұжырымдамасы»⁸ — елдің цифрлық болашағы үшін стратегиялық құжат. Бұл құжат бойынша ЖИ мемлекеттік деңгейде мойындау мен институционализациялаудың нақты қадамы жасалған; ЖИ этикасы, қауіпсіздігі, құқықтық негізі деген маңызды мәселелерді қамтиды; Отандық ЖИ стартаптары мен зерттеулерге жол ашатын нормативтік база болып табылады; Қазақ тіліндегі цифрлық өнімдерге (соның ішінде ЖИ) ерекше назар аударылған. Бірақ нақты қаржыландыру көлемі, мерзімді индикаторлар, инфрақұрылым дайындығы сияқты аспектілер құжатта толық ашылмаған.

«Қазақстан Республикасында жасанды интеллектті дамытудың 2024–2029 жылдарға арналған тұжырымдамасы»⁹ ЖИ-ды қауіпсіз және жауапты пайдалануға бағытталған қолайлы орта құруды көздейді. Сонымен қатар, ЖИ-ды қолдану және деректер жинау кезінде адамдардың келісімінсіз кейбір тәжірибелерді шектеуге бағытталған заң жобасы мен түзетулер әзірленуде.

ЖИ қолдану және оның қызметін қатысты алаңдаушылыққа қатысты статистикалық деректерге сүйенер болсақ,

OECD (2023) мәліметтері бойынша, ЕО елдерінде тұтынушылардың

⁶ Тұтынушылардың құқықтарын қорғау туралы Қазақстан Республикасының 2010 жылғы 4 мамырдағы № 274-IV Заңы. // URL: http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z100000274_ (жүгінген күні: 24.04.2025).

⁷ Дербес деректер және оларды қорғау туралы Қазақстан Республикасының 2013 жылғы 21 мамырдағы № 94-V Заңы. // URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1300000094> (жүгінген күні: 24.04.2025).

⁸ 2023 - 2029 жылдарға арналған цифрлық трансформация, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар саласын және киберқауіпсіздікті дамыту тұжырымдамасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2023 жылғы 28 наурыздағы № 269 қаулысы // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2300000269> (жүгінген күні: 24.04.2025).

⁹ Жасанды интеллектті дамытудың 2024 – 2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2024 жылғы 24 шілдедегі № 592 қаулысы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P2400000592> (жүгінген күні: 24.04.2025).

68%-ы ЖИ негізіндегі қызметтерді (мысалы, чат-боттар, ұсыныс жүйелері) пайдаланады, бірақ тұтынушылардың 55%-ы деректер қауіпсіздігіне алаңдайды.¹⁰

Қытайда ЖИ қолдану деңгейі жоғары: тұтынушылардың 78%-ы ЖИ-мен өзара әрекеттеседі (мысалы, Alibaba-ның ұсыныс жүйелері) [Statista, 2024].

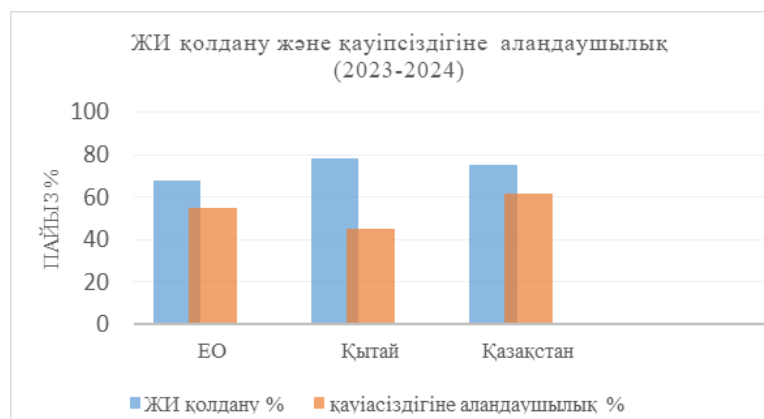

Диаграмма 1: ЖИ қолдану және қауіпсіздігіне алаңдаушылық (2023-2024)

Халықаралық тәжірибені зерттеп, талдай келе жасанды интеллектіні (ЖИ) реттеудің, және оны қолданудың шетелдерде түрлі модельдерге сүйенетінін анықтап отырмыз. Оларды келесідей жіктеп бөлуге болады: нормативтік-құқықтық реттеу (legal regulation): ЖИ-дың дамуы, енгізілуі және қолданылуын реттейтін заңдар, ережелер және нормативтік актілер жиынтығы деуге болады. Бұл модель ЖИ-дың қоғамға әсерін (мысалы, деректердің құпиялылығы, қауіпсіздік, кемсітушілік, зиян, қателік, әділдік, ашықтық, тең құқылық, авторлық құқықты қорғау, жауапкершілік) бақылауға және азаматтардың құқықтарын қорғауға бағытталған. Ол міндет жүктеп, құқық береді және заң бұзушылық үшін санкцияларды қамтиды. Дегенмен, кемшілік тұсы жоғары операциялық шығындар қажет етуі мүмкін, инновацияларды шектеуге апарады, еркіндік бермей, қапаста қалуды тудырады, ал ол өз кезегінде тұтынушылардың «заңды айналып өту», пара, сыбайлас жемқорлық

апаратын жолдарды ашатынын ескертеміз. Сондықтан өгізде өлмей, арба да сынбайтындай «ақылды заң» ойлап табу немесе жағдай жасау, тырнақшаның ішінде әрине (бұл туралы кейінгі зерттеулерде ашамыз).

Этикалық басқару (ethical governance): Бұл ЖИ-дың дамуы мен қолданылуын реттеу үшін әділдік (fairness), есептілік (accountability), ашықтық (transparency) және адам

құқықтарын құрметтеу сияқты этикалық қағидаттарға негізделген тәсіл. Көптеген елдерде басшылыққа алынады. Бұл модель заңнамалық міндеттемелерге қарағанда ерікті кодекстерге, нұсқауларға және ұйымдық стандарттарға сүйенеді. ЖИ-дың қоғамға зиян келтірмеуін қамтамасыз ету, этикалық дилеммаларды (мысалы, алгоритмдік кемсітушілік) шешу және қоғамның

технологияға деген сенімін арттыру қатысты. Мұның енді әрине кемшілігі жоқ емес, міндетті санкциялардың болмауы тиімділікті шектеуі мүмкін, кейбір ұйымдар этикалық стандарттарды елемей, тәртіп болмай, тиімділік шарты өзгеруі салдары бар.

Технологиялық инклюзия (technological inclusion) моделі: Бұл модельдің артықшылығы ЖИ технологияларына қолжетімділікті кеңейту және олардың пайдасын қоғамның барлық топтарына, соның ішінде маргиналданған немесе ресурстары шектеулі топтарға (мысалы, ауыл тұрғындары, цифрлық сауаттылығы төмен топтар, зейнеткерлер, балалар, мүмкіндігі шектеулі жандар т.б.) жеткізуге бағытталған тәсіл. Бұл модель цифрлық теңсіздікті (digital divide) азайтуға және ЖИ-дың әлеуметтік-экономикалық теңсіздігін болдырмауға бағытталған, яғни цифрлық сауаттылықты арттыру, инфрақұрылымды дамыту арқылы технологиялық алшақтықты жою. Кемшін тұсы инфрақұрылым мен білім беру үшін үлкен инвестицияларды қажет етеді, сол себептен дамушы елдерде іске асыру қиын болуы мүмкін.

Бұл модельдер бір-бірін толықтырады. Ең тиімді тәсіл осы модельдердің барлығын бірге қолдану,

¹⁰ Artificial intelligence // URL: <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/artificial-intelligence.html> (date of reference: 26.05.2025)

бірақ ол деген өте күрделі қатынас тудыруы мүмкін. Нормативтік-құқықтық реттеу ЖИ-дың қауіпсіздігі мен ашықтығын қамтамасыз етсе, этикалық басқару оның қоғамдық құндылықтарға сәйкестігін қолдайды. Технологиялық инклюзия ЖИ-дың пайдасы барлық топтарға қолжетімді болуын қамтамасыз етеді, осылайша цифрлық теңсіздікті азайтады деуге саяды. Тәжірибелік зерттеу көрсеткендей ЕО-да нормативтік-құқықтық реттеу басым (GDPR, EU AI Act), Сингапурда этикалық басқаруға баса назар аударылады, ал технологиялық инклюзия дамушы елдерде (мысалы, Қазақстанда) маңызды болып табылады, онда инфрақұрылым және цифрлық сауаттылық шектеулі. Не дегенмен, біздің елде нормативтік реттеуге талпыныс бар.

Қазақстанда нормативтік-құқықтық реттеу әлсіз, этикалық басқару дамымаған, ал технологиялық инклюзия ауылдық аймақтардағы инфрақұрылымдық және білім беру кемшіліктеріне байланысты шектелген. Осы модельдерді біріктіре отырып жұмыс жасау (мысалы, GDPR-ден шабыт алған заңнама, Сингапур стиліндегі этикалық кодекстер және цифрлық сауаттылықты арттыру бағдарламалары) ЖИ-дың тиімді және инклюзивті енгізілуіне ықпал етері сөзсіз.

Енді ЖИ бойынша нақты істеп көргені бар дамыған құқықтық жүйелі елдерді зерделеген соң, солардың нақты тәжірибесіне назар аударайық. Мәселен, ЕО-ның ЖИ-дің реттеуге кешенді тәсілдер қолданатынын көрсетті. GDPR ЖИ-дің автоматтандырылған шешімдерін қоса алғанда, олар дербес деректерді өңдеуге қатаң талаптар қояды және сонымен қоса тұтынушыларға алгоритмдік шешімдерді түсіндіру құқығын береді.

ЕО-ның ЖИ-құқық актісі (2024) ЖИ-ды реттеудің алғашқы кешенді заңы болып отыр және тәуекелген негізделген тәсілді (risk-based regulation) қолданады. Оның негізінде ЖИ жүйелерін төрт санатқа бөледі: тыйым салынған (мысалы, әлеуметтік

скоринг), жоғары тәуекелді (мысалы, биометриялық идентификация), шектеулі тәуекелді (мысалы, чатботтар) және минималды тәуекелді. GDPR ЖИ-дың автоматтандырылған шешімдерін реттеуге қатаң талаптар қояды, тұтынушыларға алгоритмдік ашықтық (algorithmic transparency) құқығын береді (European Union, 2024).

Яғни, нақтырақ айтсақ Еуропалық Одақтың GDPR (General Data Protection Regulation) деректерді қорғаудың «алдын алу моделі» (preventive model) ретінде қызмет етеді, ол алгоритмдік транспаренттілік (algorithmic transparency) және «ақылды» ЖИ (explainable AI) талаптарын енгізеді. GDPR-дің 22-бабы¹¹ автоматтандырылған шешімдер қабылдауға қатаң шектеулер қояды және тұтынушыларға алгоритмдердің логикасын түсіндіру құқығын береді, бұл тұтынушының тәуелді болмауын (consumer autonomy) күшейтеді. Бұған қатысты Voigt & von dem Bussche сияқты ғалымдар GDPR-дің ЖИ-дың автоматтандырылған шешімдерін реттеудегі рөлін талдай отырып, оның алгоритмдік жауапкершілікті (algorithmic accountability) қамтамасыз етудегі тиімділігін атап өтеді. Олар GDPR-дің «ақылды» ЖИ талаптары тұтынушылардың сенімін арттыратынын жазады, бірақ оны іске асыру кәсіпорындар үшін операциялық шығындарды арттыратынын ескертеді [4, p. 105-120].

GDPR-дің Жи-ға қатысты әсерін айтатын болсақ деректерді қорғаудың жаһандық стандарты ретінде ЖИ реттеуге ықпалы әсіресе ЕО мен Сингапурда көрініс табады.

Айтып өткендей Сингапурда ЖИ қызметін жүзеге асыру бойынша бірақатар жұмыстар жасалуда.

Сингапурда ЖИ-ды реттейтін арнайы заң жоқ, бірақ Personal Data Protection Act 2012 және Model AI Governance Framework нормативтік ретінде икемділік (regulatory agility) тәсілі әділдік (fairness) және есептілік (accountability) сияқты қағидаларын алға тартады, ол инновациялар мен

¹¹ 22 бап. Regulation (eu) 2024/1689 of the european parliament and of the council of 13 June 20247. laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (date of reference: 27.05.2025)

реттеу дамытады деп есептейді. AI Verify (2022) және 2024 жылғы генеративті ЖИ бойынша ұсыныстар инновация мен этиканы теңестіруге бағытталған. Бір жағынан дұрыста шығар, бірақ тәсіл икемді болғанымен санкциялардың жоқтығынан тиімділікті төмендетуі мүмкін деген болжам бар [5, p. 15].

АҚШ-та федералдық және штаттық деңгейде бөлшектенген тәсіл инновацияға басымдық береді. Фрагменттік реттеу (fragmented regulation) салалық стандарттарына (industry-specific standards) бағытталған, әсіресе қаржы секторында зор әсері байқалады, бірақ бірыңғай федералдық заңдық реттеудің болмауы нормативтік белгісіздікті (regulatory uncertainty) тудырады, сол себепті бейберекет орын алуы ықтимал. Мысалы, Калифорнияның SB 1047 сияқты бастамалары қауіпсіздікке бағытталғанымен, құқықтық реттеудің бірыңғай жүйесінің болмауы ЖИ-дың этикалық тәуекелдерін арттыратынын айта кету керек [6, p. 671].

АҚШ тәжірибесін мысалға ала отырып, осы жерде түсіндіре кететін жайт бар. Жасанды интеллекті құралдарын қолдана отырып тұтынушылардың сот төрелігіне қолжетімділігін қамтамасыз ету дегенде біздің айтпақ болып отырғанымыз, соттың не судьяның орнын ЖИ ауыстырсын деп емес, соттың жүктемесін азайтуға көмек, тұтынушылардың (халықтың) тегін құқықтық көмек алуына мүмкіндік беру жағынан айтып отырмыз. Оған қатысты нәтижеде нақты ұсынысымызды айтамыз. ЖИ-мен байланысты туындайтын ескеретін маңызды мәселенің бірнешеуін талдай кетейік, содан кейін арасында АҚШ тәжірибесінен жасанды интеллектінің күрделілік жағына қатысты нақты мысал келтіреміз. Ғылыми жобаның аясында біздің жүргізген нақты зерттеулер нәтижесінде ЖИ-ға қатысты келесідей кемшін тұстарды анықтадық десе болады. Біріншіден, жасанды интеллекті құралдарын қолданған кезде машиналық оқытуды басшылыққа ала отырып жасалатын істерде жасанды интеллект моделін оқытуға қолданылған деректерге байланысты болады. Жасанды интеллектінің құқықтық көмек беру кезінде жасайтын ісі адам көрсеткен

белгілі бір алгоритімінен тұрады. Бұл жерде жасанды интеллекті өзіне бұрын енгізілмеген ақпараттарды оқи алмайды немесе таба алмайды, сондықтан ол басқа іздеу жүйесіне өтіп, құқыққа қатысы жоқ не басқа ұқсас баптарды, нормаларды, ұқсас ақпараттарды өз тарапынан қосып жіберуі мүмкін. Егер ол өз тарапынан ақпарат қосатын болса онда өрескел қателікке ұрынады және оның беретін жауабының бәрі қате болып кетеді. Яғни, жаңа, таныс емес деректерге кездескен кезде дұрыс жұмыс істемей қалуы мүмкін және оны өзі саралай алмайды. Бұл ЖИ әлсіз тұсы болып табылады. Бұған нақты мысал ретінде енді АҚШ-тағы Ұлттық Тағам Ассоциациясы (NEDA) қолданған «Tessa» атты генеративті чат-ботты келтірсек. Бұл ЖИ негізделген модель тамақтану тәртібімен айналысып, арықтаумен күресіп жүрген адамдарға көмек көрсету үшін адамдардың орнына call-орталықтан машиналық оқытылған ЖИ моделі жұмыс істеуі тиіс болды. Алайда, күнделікті адам сөйлесулерінде диета және тамақты шектеу туралы кеңестер жиі кездесіп отырған. Соның салдарынан, жүйе көмек көрсетіп, дұрыс рацион ұсынғанның орнына тамақты шектеуге шақыратын «зиянды» кеңестер ұсына бастаған. 2023 жылдың маусым айының басында, осы мәселеге байланысты NEDA өзінің ЖИ-ботын тоқтатты [7]. Мәселе, бұл жерде NEDA-ның «Tessa» чат-ботындағы қате кеңестерінің әсерін алдын ала бағалау арқылы болдырмауға болатын еді. Яғни, зерттеудің эксперименттік жағын басшылыққа алып, пилоттық режимде сынау керек болатын. Құқықтық сұрақтарға жүгінетін азаматтарға арналған ЖИ құралдары дәл осы топтардың жиі ұшырасатын оқиғалары мен жағдайларын артық қамтитын сөздерді тұжырымдауға қатысты машиналық оқытудағы алгоритмдері талданып, әбден жетілдіріліп, эксперименттен өткізіліп енгізілуі тиіс. Әйтпесе, олар үшін бұл технология зиян бөрі мүмкін - жоғарыда аталған NEDA жағдайы соған дәлел.

Сонымен қатар, машиналық оқытылған ЖИ жүйелері «галлюцинация» деп аталатын мәселеге де бейім [7]. Бұл дегеніміз жүйе тарапынан жасалған нақты емес, қате сөйлемдер немесе

тұжырымдар болғанда шығады. Мұндай қателіктердің қаупін азайтатын тәсілдер бар болғанымен, оларды толығымен жоятын әдіс жоқ. Өйткені оның негізі техникалық жетілуде жатыр. Сондықтан ЖИ құралдарын қолдана отырып зерттеп жатқан заң және сот тәжірибесімен байланысты біздің жоба осы кемшіліктердің алдын алуға бағытталған. Бұл кемшіліктер мен атаған бернешеуі ғана, ғылыми зерттеу барысында көптеген кемшін тұстарын шешуге қатысты көпген тұжырымдар жасалды.

Қытай өзінің қатаң талаптарымен танымал сондықтан, мемлекеттік-центристік моделі (state-centric model) инновацияларды қолдай отырып, қадағалау капитализмі (surveillance capitalism) элементтерін күшейтеді, мәселен, Қытайдағы 2023 жылғы генеративті ЖИ ережелері және 546 модельдің тіркелуі қатаң қадағалауды көрсетеді. Бұл дегеніміз ЖИ-дың тез енгізілуіне ықпал етеді, бірақ азаматтардың құпиялылық (data privacy), еріктілік құқықтарын шектейді, теңсіздік, этикалық мәселелер туындатуы мүмкін [8].

Әлемдік тәжірибе ЖИ-ды реттеудің тиімді моделі ретінде нормативтік-құқықтық базаны, этикалық стандарттарды және бақылау механизмдерін біріктіруді талап ететінін көрсетеді. GDPR және Сингапур моделі деректерді қорғау мен этикалық басқарудың эталондары болғанымен, АҚШ пен Қытайдың тәсілдері нормативтік белгісіздік пен құпиялылық мәселелерін ашып береді. Бұл модельдердің әрқайсысы өз контекстінде тиімді болғанымен, оларды Қазақстан сияқты дамушы елдерге бейімдеу институционалдық әлеуетті (institutional capacity) және цифрлы инфрақұрылымды (digital infrastructure) дамытуды қажет етеді.

Еліміздің заңнамасы деректерді қорғау және тұтынушылардың құқықтарын ішінара реттейді, бірақ ЖИ-дың ерекшеліктерін ескермейді. Мысалы, алгоритмдердің ашықтығы немесе ЖИ-дың кемсітушілігіне жауапкершілікті реттейтін нормалар жоқ. Kaspi.kz сияқты электронды коммерция платформалары дараландыру үшін ЖИ-ды белсенді қолданады, бірақ тұтынушылар кемсітушілік немесе деректердің жария

болу қаупі жағдайында өз құқықтарынан хабарсыз.

Сауалнама негізінде Қазақстандағы респонденттердің 68%-ы ЖИ-қосымшаларды (мысалы, дауыстық көмекшілер немесе ұсыныс жүйелері) пайдаланатынын, бірақ тек 23%-ы ЖИ-мен өзара әрекеттесу кезіндегі құқықтарын білетінін көрсетті. 57% деректер қауіпсіздігіне алаңдаса, 45% алгоритмдердің ашықтығының жоқтығын атап өтті (авторлармен зерттелген).

Негізгі сын-қатерлерге алгоритмдердің ашық еместігі, кемсітушілік қаупі (мысалы, динамикалық баға белгілеуде), деректердің жария болуы және цифрлы теңсіздік жатады. Қазақстанның ауылдық аймақтарында инфрақұрылымның әлсіздігі мен цифрлық сауаттылықтың төмендігі ЖИ-технологияларға қолжетімділікті шектейді.

Халықаралық тәжірибе ЖИ-ды тиімді реттеу заңнамалық нормаларды, этикалық стандарттарды және бақылау механизмдерін біріктіруді талап ететінін көрсетеді. GDPR деректерді қорғаудың эталоны болғанымен, оны Қазақстанда қолдану инфрақұрылым мен оқытуға айтарлықтай инвестицияларды қажет етеді. Сингапурдың ерікті этикалық принциптеріне негізделген тәсілі бастапқы кезеңде қолайлы болуы мүмкін, бірақ құқық қолдану мәселесін шешпейді. Өйткені, Қазақстанда заңнамасындағы олқылықтар тұтынушылардың құқықтық сауаттылығының төмендігімен қатар олардың осалдығын арттырады.

Kaspi.kz сияқты платформалардың кейс-стадии ЖИ-дың пайдаланушы тәжірибесін айтарлықтай жақсартады, бірақ реттеудің болмауы ашықтық пен ықтимал кемсітушілікке байланысты тәуекелдер тудыратынын көрсетеді. Мысалы, егер тұтынушылар оның логикасын түсінбесе, динамикалық баға белгілеу әділетсіз деп саналуы мүмкін. Сарапшылармен сұхбаттар тілдік және мәдени ерекшеліктерді ескеретін ұлттық ЖИ стандарттарын әзірлеу қажеттілігін атап өтті.

Цифрлы теңсіздік маңызды кедергі болып қала береді. Инфрақұрылым мен цифрлы сауаттылыққа инвестиция салынбаса, ЖИ енгізу қала мен ауыл арасындағы алшақтықты күшейтуі мүмкін.

Қорытынды

Тұтынушылардың ЖИ қолдануы өмір сүру сапасын арттыру үшін кең мүмкіндіктер ашады, бірақ құқықтардың бұзылуы, ашықтықтың болмауы және цифрлық теңсіздікке байланысты тәуекелдермен қатар жүреді. Халықаралық тәжірибе тиімді реттеу заңнамалық нормаларды, этикалық стандарттарды және білім беру бастамаларын біріктіруді қажет ететінін көрсетеді. Қазақстанда ЖИ ерекшеліктерін ескеру үшін нормативтік базаны жаңарту және тұтынушылардың құқықтары туралы хабардарлығын арттыру қажет. ЖИ жүйелерінің жауапкершілігін анықтай отырып, ЖИ әрекеттерінен туындаған зиян үшін кім жауапты болатынын нақтылау. Ұсыныстарға алгоритмдердің ашықтығына арналған ұлттық стандарттарды әзірлеу, деректерді қорғауды күшейту және цифрлық инфрақұрылымға инвестиция салу кіреді. Келесі зерттеулер халықаралық тәжірибені Қазақстан жағдайына бейімдеуге және ЖИ-жүйелерді бақылау механизмдерін әзірлеуге бағытталуы керек. Біздің жоба тұтынушылардың мүдделеріне сәйкес ЖИ-ды әділ және қауіпсіз пайдалануды қамтамасыз ететін инновациялық тәсілдерді сынау платформасы бола алады.

ЖИ-ды тиімді енгізу интегративтік тәсілді (integrative approach) талап етеді, онда нормативтік-құқықтық реттеу, этикалық басқару және технологиялық инклюзия өзара байланысты жұмыс істейді. Институционалдық әлеуеттің (institutional capacity) және цифрлық инфрақұрылымның (digital infrastructure)

жеткіліксіздігі бұл модельдерді енгізуді күрделендіреді, бірақ халықаралық тәжірибе (ЕО, Сингапур) локализацияланған шешімдер әзірлеуге мүмкіндік береді. Мысалы, GDPR-дің деректерді қорғау принциптері және Сингапурдың этикалық кодекстері Қазақстанда ЖИ-дың ашықтығын және әділдігін қамтамасыз етуге негіз бола алады. Технологиялық инклюзия болса, цифрлық әділеттілікті (digital justice) және ЖИ-дың қоғамдық пайдасын кеңейтуді қолдайды.

Жоғарыдағы зерттеулерді басшылыққа ала отырып ЖИ құралдарын қолдану тұтынушылардың сот төрелігіне қолжетімділігін қамтамасыз етудің әдісі ретінде біздің ұсынатын тұжырым ҚР заңнамалары мен сот тәжірибесінің материалдарын жұртшылыққа түсінікті әрі қолжетімді ете отырып, азаматтардың заң үстемдігіне деген сенімін арттыру және қоғамдық қатысуды күшейту. Осы мақсатта машиналық оқыту негізінде ЖИ құралдарын қолдана отырып жүйеге енгізгелі отырған арнайы жоба. Ол Legalexpert.kz деп аталатын ғылыми зерттелген және сынақтан өткізілген, Қазақстан Республикасының қылмыстық құқық, азаматтық құқық, әкімшілік құқық салаларын қамтып машиналық оқытумен талданған платформа. ЖИ құралдарын қолдана отырып тұтынушылардың сот төрелігіне қолжетімділігін қамтамасыз етуге қатысты ойлап тапқан платформаның негізгі ерекшелігі және ғылыми мәні туралы алдағы уақытта толығырақ талдаймыз.

Бұл мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті қаржыландыратын «Жасанды интеллект құралдарын қолдана отырып, Қазақстан Республикасы халқының сот төрелігіне қолжетімділігін қамтамасыз етудің инновациялық тәсілдері» атты BR24992826 ғылыми жоба аясында жарияланды.

Авторлардың қосқан үлесі

Амантай А. - деректерді жинауға және өңдеуге жауапты. Зерттеу әдістері туралы бөлім жазды. Авторлар мен олардың үлестері туралы ақпарат дайындады.

Нұрмағамбетов М. Н. - нәтижелер мен талқылауға жауапты. Библиографиялық дереккөздерді өңдеді және талдады. Әдебиет пен транслитерацияны ресімдеуге қатысты.

Ахпанов А.Н. - зерттеу әдістемесіне жауапты. Кіріспе мен қорытынды жазды. Статистикалық деректерге талдау жүргізді.

Әдебиеттің тізімі:

1. Сактаганова, И.С. Применение искусственного интеллекта при отправлении правосудия: перспективы и вызовы / И.С. Сактаганова, Е.В. Мицкая, А.Б. Сактаганова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2025. - №1(80). - С. 68-80.
2. Rodrigues, R. Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities / R. Rodrigues // Journal of Responsible Technology. - 2022. - №4. - P. 1-13. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005> (date of reference: 07.06.2025).
3. Surden, H. Artificial Intelligence and Law. An Overview of Recent Technological Changes in Large Language Models and Law / H. Surden // Colorado Law Review. - 2025. - Volume 96. - P. 376-411. - DOI: 10.2139/ssrn.5135305. (date of reference: 07.06.2025).
4. Voigt, P., A. von dem Bussche. The EU General Data Protection Regulation (GDPR). A Practical Guide. - Springer, 2017. - P. 105-120, 145-160 // Retrieved from <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-57959-7> (date of reference: 29.04.2025).
5. Araz, T. Governance of Generative AI Open Access / T. Araz // Policy and Society. // January 2025. - Volume 44. - Issue 1. - P. 1-22 // URL: <https://doi.org/10.1093/polsoc/puaf001>
6. Barocas, S. Big Data's Disparate Impact / S. Barocas, A.D. Selbst // California Law Review. - 2016. - №104(3). - P. 671-732.
7. Artificial Intelligence and Access to Justice: Authored by: Cas Laskowski, Ch.L. Griffin Jr. S.A. Thumma. - Williamsburg, VA: NACM. - 2023. - P. 1-14. // Retrieved from <https://nacmnet.org/wp-content/uploads/AI-and-Access-to-Justice-Final-White-Paper.pdf> (date of reference: 28.06.2025).
8. Zuboff, Sh. The Age of Surveillance Capitalism. PublicAffairs. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / Sh. Zuboff // - Hachette Book Group, Jan 15, 2019. - P. 305-330. // Retrieved from <https://www.publicaffairsbooks.com/titles/shoshana-zuboff/the-age-of-surveillance-capitalism/9781610395694/>

© А. Амантай¹, А.М. Нурмагамбетов¹, А.Н. Ахпанов¹, 2025

¹ Astana International University, Астана, Қазақстан
(E-mail: abdu_kaz@mail.ru; amanzhol_nur@mail.ru; ahpanov_a@mail.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯМ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

Аннотация. Цель данного исследования — научное обоснование возможностей использования инструментов искусственного интеллекта (ИИ) для повышения доступности правосудия для потребителей, нуждающихся в юридической помощи. Актуальность темы обусловлена тем, что потребители нередко не могут эффективно защищать свои права из-за дефицита правовой информации и сложности судебных процедур. В статье рассматриваются возможности применения современных ИИ-технологий, таких как чат-боты, онлайн-консультанты и алгоритмические решения. В результате анализа выявлены основные проблемы: низкая правовая грамотность, высокая стоимость судебных издержек и географическая удалённость.

Среди преимуществ ИИ — доступность, оперативность предоставления правовой информации, снижение затрат и независимость от человеческого фактора. Вместе с тем обозначены риски, связанные с погрешностями алгоритмов, конфиденциальностью персональных данных и чрезмерным доверием к автоматизированным решениям. Рассмотрены казахстанские пилотные проекты (юридический чат-бот Минюста, виртуальный помощник «Айтеке» в приложении IPрав) и зарубежный опыт. Методология включает сравнительный анализ, интервью с экспертами и изучение статистических данных. Сделан вывод, что интеграция ИИ

в систему правовых услуг может существенно расширить доступ потребителей к правосудию, при условии технологического, нормативного и организационного сопровождения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосудие, доступность, права потребителей, цифровые технологии, правовые услуги, инновации, справедливый суд, правонарушение.

© A. Amantay¹, A.M. Nurmagambetov¹, A.N. Akhpanov¹, 2025

¹Astana International University, Astana, Kazakhstan
(E-mail: abdu_kaz@mail.ru; amanzhol_nur@mail.ru; ahpanov_a@mail.ru)

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS AS A METHOD TO ENSURE CONSUMERS' ACCESS TO JUSTICE

Abstract. The aim of this study is to provide a scientific rationale for the use of artificial intelligence (AI) tools to improve access to justice for consumers in need of legal assistance. The relevance of the topic lies in the fact that many consumers struggle to protect their rights effectively due to a lack of legal information and the complexity of court procedures. This article explores the potential of modern AI technologies such as chatbots, online legal advisors, and algorithmic decision-making systems. The analysis identifies major challenges: low legal literacy, high litigation costs, and geographic barriers. Advantages of AI include increased accessibility, faster legal assistance, reduced costs, and minimized reliance on human intervention. However, risks such as algorithmic errors, data privacy concerns, and overreliance on automated systems are also discussed. The paper examines pilot projects in Kazakhstan (e.g., the Ministry of Justice's legal chatbot and the virtual assistant "Aiteke" in the IPrav mobile app) alongside international best practices. The methodology includes comparative legal analysis, expert interviews, and statistical data review. The study concludes that AI integration into the legal services system significantly enhances consumers' access to justice, provided that technological infrastructure, legal regulations, and human oversight are adequately ensured.

Keywords: artificial intelligence, justice, accessibility, consumer rights, digital technologies, legal services, innovations, fair trial, legal violation.

References:

1. Saktaganova, I.S. Primenenie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudiya: perspektivy i vyzovy / I.S. Saktaganova, E.V. Mitskaya, A.B. Saktaganova // Vestnik instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazahstan. - 2025. - №1(80). - S. 68-80.
2. Rodrigues, R. Legal and human rights issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities. / R. Rodrigues // Journal of Responsible Technology. - 2022. - №4. - P. 1-13. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.jrt.2020.100005> (date of reference: 07.06.2025).
3. Surden, H. Artificial Intelligence and Law. An Overview of Recent Technological Changes in Large Language Models and Law. / H. Surden // Colorado Law Review. - 2025. - Volume 96. - P. 376–411. - DOI: 10.2139/ssrn.5135305. (date of reference: 07.06.2025).
4. Voigt, P., A. von dem Bussche. The EU General Data Protection Regulation (GDPR). A Practical Guide. - Springer, 2017. - P. 105–120, 145–160 // Retrieved from <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-57959-7> (date of reference: 29.04.2025).
5. Araz, T. Governance of Generative AI Open Access. / T. Araz // Policy and Society. // January 2025. - Volume 44. - Issue 1. - P. 1–22 // Retrieved from <https://doi.org/10.1093/polsoc/puaf001>.
6. Barocas, S. Big Data's Disparate Impact. / A.D.Selbst, S.Barocas // California Law Review. - 2016. - №104(3). - P. 671–732.

7. Artificial Intelligence and Access to Justice: Authored by: Cas Laskowski, Ch.L. Griffin Jr. S.A. Thumma. – Williamsburg, VA: NACM. - 2023. - P. 1-14. // Retrieved from <https://nacmnet.org/wp-content/uploads/AI-and-Access-to-Justice-Final-White-Paper.pdf> (date of reference: 28.06.2025).

8. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. PublicAffairs. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. / Sh. Zuboff // - Hachette Book Group, Jan 15, 2019. - P. 305–330. // Retrieved from <https://www.publicaffairsbooks.com/titles/shoshana-zuboff/the-age-of-surveillance-capitalism/9781610395694/>.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Абдолла Амантай - хат-хабарларға арналған автор, Астана халықаралық университетінің докторанты, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: abdu_kaz@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1268-9702>.

Нұрмағамбетов Аманжол Мағзумович - заң ғылымдарының докторы, профессор, Астана халықаралық университетінің профессоры, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: amanzhol_nur@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9026-9019>; Researcher ID WOS: AGV-6905-2022; Scopus Author ID: 57213152261.

Ахпанов Арыстан Нөкешұлы - заң ғылымдарының докторы, профессор, Астана халықаралық университетінің профессоры, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: ahpanov_a@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3256-8875>; Researcher ID WOS: E-4528-2015; Scopus Author ID: 56766215300.

Амантай Абдолла - автор для корреспонденции, докторант Astana International University, проспект Кабанбай Батыра, 8, Астана, Казахстан.

E-mail: abdu_kaz@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1268-9702>.

Нурмағамбетов Аманжол Мағзумович - доктор юридических наук, профессор, профессор Astana International University, проспект Кабанбай Батыра, 8, Астана, Казахстан.

E-mail: amanzhol_nur@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9026-9019>; Researcher ID WOS: AGV-6905-2022; Scopus Author ID: 57213152261.

Ахпанов Арстан Нөкешевич - доктор юридических наук, профессор, профессор Astana International University, проспект Кабанбай Батыра, 8, Астана, Казахстан.

E-mail: ahpanov_a@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3256-8875>; Researcher ID WOS: E-4528-2015; Scopus Author ID: 56766215300.

Abdolla Amantay - corresponding authors, doctoral student at Astana International University, Kabanbai Batyr Avenue, 8, Astana, Kazakhstan.

E-mail: abdu_kaz@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1268-9702>.

Nurmagambetov Amanzhol Magzumovich - doctor of Law, Professor, Professor at Astana International University, Kabanbai Batyr Avenue, 8, Astana, Kazakhstan.

E-mail: amanzhol_nur@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9026-9019>; Researcher ID WOS: AGV-6905-2022; Scopus Author ID: 57213152261.

Akhpanov Arstan Nokeshevich - doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Astana International University, Kabanbai Batyr Avenue, 8, Astana, Kazakhstan.

E-mail: ahpanov_a@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3256-8875>; Researcher ID WOS: E-4528-2015; Scopus Author ID: 56766215300.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 277-290

УДК 342.9:35.08.4
ГРНТИ 11.07.11
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_277
Научная статья

© А.М. Кушербаев^{1*}, Р.Т. Дуламбаева², 2025

¹ Институт государственного управления при Президенте
Республики Казахстан, Астана, Казахстан
(e-mail: ¹740637@gmail.com; ²r.dulambayeva@apa.kz)

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы нормативно-правового закрепления принципа клиентоориентированности в системе государственного управления Республики Казахстан. Цель исследования – оценить степень институционализации этого принципа в действующем законодательстве и стратегических документах, а также определить, насколько существующие механизмы обеспечивают его реализацию на практике. Исследование основано на анализе стратегических программ, концептуальных документов и нормативно-правовых актов, отражающих ориентацию государственного управления на потребности граждан. Установлено, что принцип клиентоориентированности зафиксирован на уровне программных заявлений (Стратегия «Казахстан–2050», Концепция развития госуправления до 2030 года, Концепция развития госслужбы 2024–2029 гг. и др.) и отдельных законов (например, Закон «О государственных услугах»), однако его правовая институционализация носит фрагментарный характер. Особое внимание уделено роли цифровизации как инструмента реализации клиентоориентированного подхода. Отмечено, что цифровизация государственных услуг зачастую ограничивается технической модернизацией процессов без глубокого переосмысления целей и принципов публичного сервиса. Обоснована необходимость разделения индивидуальных и общественных интересов при проектировании государственных услуг, институционализации механизмов обратной связи с гражданами и учета их мнения при оценке эффективности органов власти. Практическая значимость результатов состоит в том, что выводы исследования могут быть использованы при совершенствовании законодательства и внедрении клиентоориентированных механизмов в деятельность государственных органов. Сделан вывод, что клиентоориентированность частично реализована в практике казахстанского государственного управления, и предлагаются основные направления для дальнейшего совершенствования нормативной базы с целью превращения данного принципа из декларативного в действенный.

Ключевые слова: государственные услуги, клиентоориентированность, цифровизация, обратная связь, цифровое неравенство, государственное управление.

* Автор для корреспонденции. E-mail: 740637@gmail.com.

Введение

Современная модель государственного управления в Республике Казахстан стремится соответствовать принципам эффективности, транспарентности и сервисной направленности. В этом контексте особую значимость приобретает концепция клиентоориентированности, предполагающая переосмысление роли гражданина в административной системе - не как просителя, а как полноценного участника и получателя качественных услуг, предоставляемых государством.

Клиентоориентированность в сфере государственного управления означает, что потребности, интересы и ожидания граждан выступают в качестве приоритетных ориентиров в деятельности государственных органов. Этот принцип получил распространение в рамках международных подходов к Good Governance, в казахстанской практике он также нашел свое отражение в стратегических документах и реформах, направленных на упрощение процедур, проактивное оказание услуг и цифровизацию.

Следует отметить ключевое различие клиентоориентированности в государственном управлении и бизнесе. Государственное управление фокусируется на общественных интересах и проблемах граждан, в то время как бизнес ставит во главу угла индивидуальные запросы клиентов и максимизацию прибыли [1].

Принципы ориентации на клиента, заложенные в системах управления качеством, могут повысить оперативность реагирования государственных учреждений [2]. Тем не менее, массовое внедрение ценностей частного сектора в государственное управление может создать риски для общественных интересов и вопрос заключается в том, чтобы эффективно интегрировать деловые практики, сохраняя при этом особую роль государственных учреждений как гарантов коллективного благосостояния [3].

С другой стороны исследования подтверждают, что восприятие гражданами эффективности государственных услуг оказывает прямое влияние на уровень доверия к правительству [4].

Наиболее действенные, быстрые и прозрачные механизмы предоставления государственных услуг на сегодняшний день предлагает цифровизация. Однако наблюдения показывают, что цифровизация не всегда носит системный характер. В некоторых случаях она ограничивается технической оптимизацией каналов предоставления услуг, без глубокого анализа условий, контекста и целей [5].

В условиях Республики Казахстан цифровизация зачастую осуществляется как реакция на общественные запросы, а не как инициатива самих государственных органов. Это обуславливает необходимость внедрения проектного подхода в администрировании, перехода от задачи «как быстрее оказать услугу» к вопросу «что именно нужно гражданину». Кроме того, важно учитывать, что качество услуг воспринимается через такие параметры, как удобство, простота интерфейса, безопасность и конфиденциальность данных [6; 7].

Переход к сервисной модели управления, которая ориентируется на потребности граждан, способствующий улучшению качества оказываемых услуг и повышению доверия к государственным институтам является ключевым принципом реформирования государственной службы [8]. При этом ориентированность деятельности государственного аппарата на потребителей услуг потребует и умения на более качественном уровне работать в непосредственном контакте с населением [9].

Таким образом, клиентоориентированность в государственном управлении приобретает все более конкретные черты и требует нормативного и процедурного закрепления. Цель данной статьи - проанализировать, насколько определение клиентоориентированности закреплено в правовой системе Республики Казахстан, в том числе в действующем законодательстве и стратегических документах, а также оценить достаточность предусмотренных механизмов ее реализации на практике.

Материалы и методы

При подготовке статьи были изучены научные труды учёных в области административного права, государственного управления и цифровизации, которые составили теоретическую основу исследования [1-14].

Критическому анализу подверглось действующее законодательство Республики Казахстан, стратегические и концептуальные документы, в частности, Стратегия «Казахстан–2050», Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года, Концепция развития государственного управления до 2030 года, Концепция развития государственной службы на 2024–2029 годы, Закон Республики Казахстан «О государственных услугах», Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, а также Этический кодекс государственных служащих.

Отдельно изучены международные стандарты и рекомендации, в частности документы Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) и отчёты ООН.

Работа написана на основе общих и частных методов научного познания. В ходе исследования применялся юридико-догматический (формально-юридический) метод, позволивший раскрыть содержание действующих правовых норм, и сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления казахстанского законодательства с зарубежными и международными стандартами. Также был применён системный метод, благодаря которому проанализирована совокупность взаимосвязанных элементов законодательства и государственной политики, и структурно-аналитический метод, позволивший выявить внутреннюю структуру нормативного регулирования и определить степень закрепления принципа клиентоориентированности.

Обсуждение

Формирование клиентоориентированного подхода в казахстанской модели государственного управления можно обозначить с утверждения Стратегии «Казахстан–2050» [10], в ней сформулирована идея государства, ориентированного на интересы граждан, хотя сам термин «клиентоориентированность» напрямую не использовался и четко поставлена задача отойти от односторонне-властных подходов во взаимоотношениях госаппарата с населением к эффективному и оперативному оказанию государственных услуг гражданам. В рамках реализации Стратегии в 2013 году был принят Закон «О государственных услугах».

В Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2025 года¹, более конкретно поставлена задача повышения качества деятельности государственных органов на основе клиентоориентированности. Акцент в ней обозначен на постоянном получении обратной связи по предоставляемым услугам и выполненной работе.

В Концепции развития государственного управления до 2030 года² закреплено требование формирования «Слышащего государства» и клиентоориентированного государственного аппарата. Концепция определяет клиенториентированность, по сути, как неотъемлемую характеристику новой модели государственного управления, основанной на проактивности, справедливости и оперативности. Действия по ее внедрению фокусируются в Концепции на системный мониторинг и анализ работы каналов прямой и обратной связи с населением, оперативное реагирование на поступающие запросы СМИ, неправительственных организаций и населения, усиление эффективного взаимодействия государства и общества. Кроме того, в этом году в Концепции были закреплены индикаторы по фор-

¹ Указ Президента РК от 15 февраля 2018 года №636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» (утратил силу) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636#z3> (дата обращения: 8.06.2025).

² Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года №522 «Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522> (дата обращения: 8.06.2025).

мированию клиентоориентированного и открытого государственного аппарата, основанные на международном рейтинге доступа к информации и индексе учета мнения населения и подотчетности государственных органов Всемирного Банка³.

Более детализованным документом является Концепция развития государственной службы на 2024 - 2029 годы⁴, в которой клиентоориентированность закрепляется как одна из семи базовых принципов государственной службы и описана как «работа на опережение, ориентация на результат и обеспечение доступности». Прямо указывается на необходимость изменения и дополнения существующего законодательства, которое не отражает в полной мере миссию государственной службы как ориентированной на потребности граждан. Это указывает на институциональный запрос на расширение нормативной базы в части сервисной ориентации государственной службы.

В самом позднем документе - Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года⁵ обобщенно дублируются задачи по внедрению клиентоориентированной модели поведения государственных служащих.

Следует отметить, что Система государственного планирования⁶ в своих положениях использует и закрепляет принцип «человекоцентричности», определяемый как направленность целей, задач и индикаторов результатов на улучшение качества жизни и повышение благосостояния населения. Без четкого разграничения и взаимосвязи с более утилитарным характером клиентоориентированности

параллельное использование этих терминов может привести к дублирующим и даже противоречивым действиям или решениям государственных служащих.

На уровне законодательства клиентоориентированность не всегда выделяется как самостоятельный юридический термин, однако её составляющие присутствуют в ряде ключевых нормативных актов.

Прежде всего, Закон «О государственных услугах»⁷ закрепляет базовые принципы оказания услуг: равный доступ, качество, подотчётность, прозрачность, недопустимость бюрократизма и постоянное совершенствование процедур. Хотя сам термин «клиентоориентированность» отсутствует, указанные положения, по сути, выражают ориентированность на интересы услугополучателя.

Концепция «одного окна» и, позднее, «одного заявления» реализована как нормативно, так и организационно. Создание Государственной корпорации «Правительство для граждан» обеспечило структурную основу для унифицированного предоставления услуг. Принцип «одного заявления» позволяет получать несколько взаимосвязанных услуг по одному запросу, что приближает государственное администрирование к модели пользовательского опыта.

Более конкретно «клиентоориентированность» закреплена в Этическом кодексе государственных служащих⁸. В этом документе ей дается определение как принципа, в рамках которого государственные служащие обязаны «принимать меры к повышению качества предоставляемых государственных услуг, всецело ориентируясь на запросы

³ Указ Президента Республики Казахстан от 10 июня 2025 года №904 «О внесении изменения в Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года №522 «Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2500000904#z5> (дата обращения: 6.08.2025).

⁴ Указ Президента Республики Казахстан от 17 июля 2024 года №602 «Об утверждении Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024 - 2029 годы» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000602> (дата обращения: 8.06.2025).

⁵ Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года №611 «Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2029 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (дата обращения: 8.06.2025).

⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2017 года №790 «Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000790> (дата обращения: 8.06.2025).

⁷ Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 года №88-V «О государственных услугах». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000088> (дата обращения: 8.06.2025).

⁸ Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года №153 «О мерах по

населения как потребителя государственных услуг, и по недопущению проявлений бюрократизма и волокиты при рассмотрении обращений.».

Важный шаг - принятие Административного процедурно-процессуального кодекса (АППК)⁹, вступившего в силу в 2021 году. Кодекс устанавливает обязанности административных органов по личному приёму граждан, активному реагированию на обращения, публичности и мотивированности решений. Также он стал юридическим основанием для системы е-Өтініш, предоставляющей возможность отслеживания обращений и получения цифровых уведомлений.

Вместе с тем, реализуемые меры демонстрируют ограниченную глубину применения клиентоориентированного подхода. Концепция развития госслужбы (2024–2029) четко показывает, что нормативная база пока не содержит детальной регламентации миссии новой модели государственной службы. Закон «О государственной службе» не содержит прямого определения клиентоориентированности как принципа или цели деятельности служащего.

Таким образом, казахстанское законодательство содержит фрагментарные нормы, имплицитно закрепляющие принцип клиентоориентированности, но отсутствие чёткого правового определения и статуса данного принципа как одного из ключевых для государственной службы затрудняет его полноценную реализацию.

Разработанный Агентством по делам государственной службы проект Закона «О государственной службе»¹⁰ содержит ряд положений о клиентоориентированности:

- закрепление в статье 7 «Основа государственной службы» в качестве требования к государственному служащему;

- закрепление в статье 17 «Основные обязанности государственных слу-

жащих» в качестве одной из обязанностей к его деятельности.

- отдельная статья 10 «Клиентоориентированность», которая не даёт конкретного определения клиентоориентированности, но отмечает, что она включает в себя совокупность требований, предъявляемых к организации деятельности и должностному поведению государственных служащих, направленные на создание условий, необходимых для эффективного взаимодействия с физическими и (или) юридическими лицами с учетом их прав, законных интересов, запросов и потребностей.

Данная норма носит обобщенный характер и слабо применима на практике без дополнительных комментариев, что снижает ее эффективность и необходимость нормативного закрепления, так как неясно какие требования описаны в норме, те, которые можно отметить в последующих пунктах этой статьи или все требования к государственным служащим, содержащиеся в законодательстве, а также будет ли эти требования регламентированы отдельным списком.

Если рассматривать остальные положения этой статьи 10, то можно выделить следующие требования:

- своевременно рассматривать запросы физических и (или) юридических лиц и предоставлять им ответы, содержащие полную и достоверную информацию в пределах своей компетенции;

- принимать меры по обеспечению реализации прав физических и (или) юридических лиц, в том числе:

1) без их обращения, если момент возникновения их прав может быть определен;

2) обеспечения при возможности одновременной реализации нескольких взаимосвязанных прав физических и (или) юридических лиц;

3) независимо от места проживания физических лиц или местонахождения юридических лиц;

дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> (дата обращения: 8.06.2025).

⁹ Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года №350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350> (дата обращения: 8.06.2025).

¹⁰ Проект Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» // URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=15521285> (дата обращения: 8.06.2025).

4) недопущения отказа в рассмотрении заявления по формальным основаниям.

- принимать меры по непрерывному совершенствованию деятельности государственного органа, в том числе:

1) оптимизации и автоматизации государственных функций, включая сокращение сроков и этапов их исполнения, объема запрашиваемых документов;

2) устранению причин и условий, способствующих проявлениям бюрократизма и волокиты.

- не допускать действия (бездействие), затрудняющие реализацию физическими и (или) юридическими лицами своих прав, свобод и законных интересов.

В международных актах есть следующие определения:

OECD (2005, 2019)¹¹: Клиентоориентированность — это принцип, при котором государственные органы ор-

ганизуют свою деятельность вокруг потребностей, ожиданий и удобства граждан, а не вокруг своей структуры или процессов.

UN E-Government Survey (2022)¹²: Государство, ориентированное на граждан, нацелено на индивидуализацию услуг и обеспечение доступности, прозрачности и отзывчивости

ISO 18091:2019¹³ - определяет как подход, основанный на потребностях пользователей, реализуемый через механизмы участия, адаптации услуг и постоянного улучшения на основе обратной связи

Результаты

Выделив основные признаки клиентоориентированности используемых в международной практике и сопоставив с нормами проекта Закона можно отметить ряд недостатков (Таблица 1).

Таблица 1. Основные признаки клиентоориентированности

№	Признаки	Описание	Сравнение с проектом Закона
1.	Ориентация на потребности граждан	Государственные услуги проектируются и предоставляются исходя из реальных жизненных ситуаций и запросов, а не процедур ведомств	Нечетко отмечено, государственные служащие по проекту должны проводить оптимизацию и дебюрократизацию, но четкой связи с жизненными ситуациями нет, изменения с текущими процессами и новой моделью не очевидны
2.	Персонализация услуг	Индивидуальный подход к заявителю, адаптация процесса в зависимости от жизненного контекста	Не отмечено

¹¹ Modernising Government: The Way Forward", OECD, 2005 — обзор реформ государственно-административных подходов // URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2005/09/modernising-government_g1gh5a93/9789264010505-en.pdf?utm_source=OECD%20Recommendation%20on%20Public%20Service%20Leadership%20and%20Capability // URL: https://www.dgaep.gov.pt/upload/Rlareas/OCDE/OECD-Recommendation_Leadership_Capability.pdf?utm_source=OCDE/OECD-Recommendation_Leadership_Capability.pdf?utm_source (date of reference: 8.06.2025).

¹² United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2022. UN EGovernment Survey 2022: The Future of Digital Government. New York: UNPAN // URL: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/202209/Web%20version%20EGovernment%202022.pdf> (date of reference: 8.06.2025).

¹³ International Organization for Standardization. 2019. ISO 18091:2019. Quality management systems – Guidelines for the application of ISO 9001 in local government. Geneva: ISO // URL: https://standards.iteh.ai/catalog/standards/iso/cd68e4c6-4c21-46f2-9612-21902b913172/iso-18091-2019?srsltid=AfmBOoreCg_NWbeBaR5lhTOIZRnzDx0Hdgc_0vxBKl74ck3VyFbtzPqf&utm_source=standards.iteh.ai/catalog/standards/iso/cd68e4c6-4c21-46f2-9612-21902b913172/iso-18091-2019?srsltid=AfmBOoreCg_NWbeBaR5lhTOIZRnzDx0Hdgc_0vxBKl74ck3VyFbtzPqf&utm_source (date of reference: 8.06.2025).

3.	Доступность и удобство	Простота интерфейсов, многоязычность, единые окна, омниканальные платформы, минимизация документооборота	Не отмечено, но данная работа в целом носит технический характер и в целом рекомендуется для регулирования на подзаконном уровне
4.	Участие граждан	Механизмы обратной связи, участие пользователей в проектировании и оценке качества услуг	Не отмечено, что, по сути, существенно снижает ценность предлагаемых поправок, в виду концептуальности данного признака
5.	Проактивность	Услуги предоставляются без запроса, если наступили юридически определяемые основания (например, пенсия, пособие, смена статуса)	Отмечено
6.	Быстрота и прозрачность	Сокращение сроков, автоматизация, прозрачные регламенты, отслеживание статуса обращения	Отмечено
7.	Этичность и уважение	Вежливость, недопущение формального отказа, забота о достоинстве и правах заявителя	Частично отмечено, кроме того, имеется закрепление принципа вежливости в Этическом кодексе, в целом признак охвачен
8.	Оценка и совершенствование	Постоянный сбор данных о восприятии услуг, публичные метрики качества, внутренние реформы на их основе.	Не отмечено

С учетом данных таблицы 1 можно сделать вывод, что в предлагаемых поправках не охвачена задача системного сбора обратной связи, мониторинга данных о качества услуг и постоянном принятии мер по повышению качества на основании этих сведений, важности индивидуального обращения с каждым запросом каждого гражданина без которых клиентоориентированность сохранит декларативный характер и не сможет обеспечить переход от односторонне-властных подходов во взаимоотношениях государственного аппарата с населением обозначенного в Стратегии -2050.

Клиентоориентированность предполагает наличие каналов обратной связи, позволяющих учитывать мнение граждан при проектировании и оказании услуг. В Казахстане реализованы такие инструменты, как платформа е-Әтініш, институты личного приёма, общественные советы, публичные отчёты акимов, онлайн-опросы и т.д. Все эти механизмы направлены на получение и обработку

сигналов от общества.

Однако наблюдается парадокс: даже при наличии технических средств и формальных процедур участия, вовлечённость граждан остаётся ограниченной. Как отмечается в международных исследованиях, успех цифровых инициатив зависит от готовности граждан их воспринимать, а также от доверия к государственным институтам [11].

Актуальным вопросом сохраняется соотношение индивидуальных и общественных интересов в клиентоориентированности.

Клиентоориентированность предполагает фокус на нуждах конкретного человека как потребителя государственных услуг. Однако государство не может игнорировать, что индивидуальные интересы могут противоречить общественным приоритетам, особенно в условиях ограниченности ресурсов.

Эта дилемма особенно ярко проявляется в сфере цифровизации,

где решения об автоматизации принимаются с расчётом на максимальную эффективность, а не на социальную справедливость [6].

Казахстанская практика показывает, что многие услуги, оказываемые в электронном формате, разрабатываются с акцентом на массовость, а не на уникальность ситуаций. Например, лицензии для бизнеса с низким уровнем потребления автоматизируются, несмотря на то что они практически не влияют на рост экономики из-за малого количества. Такая практика противоречит принципам результативного и ориентированного на потребности общества управления, поскольку ресурсы расходуются в ущерб более значимым, но менее «оцифрованным» проблемам.

Концепция развития государственного управления до 2030 года предусматривает, что не менее 90% услуг должны быть переведены в электронный формат. Однако подобный KPI ориентирован на количественный результат, не учитывая реальную ценность или доступность этих услуг для уязвимых групп.

На практике, как показывает опыт, цифровизация зачастую использовалась как средство повышения эффективности отдельных процессов, без анализа причин и условий оказания услуг. Только с внедрением проектного управления и акцентом на результат появились предпосылки для смещения фокуса с технической реализации на потребности граждан. Это отражено в Концепции развития государственного управления до 2030 года: «основное внимание должно быть уделено клиентскому опыту и гибкости предоставления услуг».

В международной практике также отмечается, что цифровое самообслуживание, хотя и эффективно, предъявляет определенные требования к гражданам. Особенно это касается пожилых людей, сельских жителей, людей с ограничениями в здоровье или цифровой грамотности [12]. Цифровизация социальных услуг часто требует высокой степени самостоятельности, которую не все могут реализовать.

В результате, наблюдается

парадокс: чем более автоматизированной становится система, тем сложнее отдельному гражданину взаимодействовать с ней в нестандартных ситуациях. Асимметрия информации и власти между гражданином и алгоритмом усиливается, если не предусмотрены понятные механизмы обжалования решений [13].

Некоторые исследователи считают, что электронное правительство потенциально эффективно за счёт перехода к цифровому управлению через облачные технологии, ИИ и интерактивные приложения. Но они же подчёркивают, что технологии должны сопровождаться механизмами обратной связи, этическими стандартами и прозрачностью обработки данных [7].

Ориентация только на цифровизацию без анализа социальных ожиданий ведёт к неэффективности и снижению доверия [5]. Именно это наблюдалось в отдельных случаях, когда высокотехнологичные сервисы не учитывали уровень цифровой грамотности или инфраструктурные ограничения в сельских районах [14].

Кроме того, автоматизированные системы редко могут учесть уникальные обстоятельства, особенно в социально-чувствительных сферах (например, пособия, субсидии). В таких случаях необходима не только правовая защита, но и «человеческий фактор» — внимательное, эмпатичное отношение, которое не может быть заменено алгоритмом [15].

Проблемы этики, конфиденциальности и возможности оспаривания решений, принятых ИИ, слабо проработаны в казахстанской правовой системе. Отсутствие правового регулирования таких ситуаций создает риски произвольности и недоверия к системе. Этот пробел требует не только нормативных изменений, но и широкой дискуссии о правах пользователя в цифровом государстве.

Четко выраженная в проекте Закона связь клиентоориентированности с требованиями, предъявляемыми к государственным служащим, также придает его нормам четко выраженный административный характер, что не совсем совпадает

с концепцией изменений в подходах взаимодействия с гражданами. Возможно более корректным будет расширение содержания норм о клиентоориентированности в Этическом кодексе как отражении философии государственного служащего нового образца. В рамках данного исследования в национальных законодательствах других стран также не выявлено закрепление клиентоориентированного подхода на уровне законодательных актов.

Более эффективным представляется детализация регулирования взаимодействия государственных органов, граждан и организаций на подзаконном уровне, особенно по вопросам сбора, обработки и использования обратной связи, которые имеют очевидные проблемы в реализации.

Конкретизация механизмов и методик соотношения индивидуальных и общественных интересов при принятии государственных решений по запросам граждан также требует скорейшего решения, поскольку их отсутствие увеличивает риски от влияния активного меньшинства при пассивности большинства граждан. Это явление можно обозначить как власть выкриков - ситуацию, при которой громко артикулируемая, но численно меньшая группа навязывает свои вопросы и ценности через давление на политиков, медиа и институты.

Заключение

Проделанный анализ показал, что принцип клиентоориентированности в Казахстане пока закреплён в правовой системе лишь частично. На уровне стратегических документов и концепций управления (Стратегия «Казахстан–2050», Концепция развития государственного управления до 2030 года и др.) данный подход провозглашён в качестве приоритета, что также нашло отражение в концепции «Слышащего государства». Отдельные нормативные акты уже содержат элементы клиентоориентированности – например, Закон «О государственных услугах» устанавливает принципы равного доступа и прозрачности, Этический кодекс государственных служащих

обязывает действовать в интересах населения, а Административный процедурно-процессуальный кодекс регламентирует обязанность органов реагировать на обращения граждан. Однако комплексной правовой институционализации принципа не достигнуто: в ключевых законах (таких как Закон «О государственной службе») отсутствует четкое определение клиентоориентированности и ее статус как одного из ключевых принципов деятельности госаппарата. Даже в проекте нового закона о государственной службе клиентоориентированность упомянута не в полной мере, без достаточной конкретизации механизмов ее обеспечения. Таким образом, исследование подтверждает наличие разрыва между декларируемой на высоком уровне идеей и ее реализацией в нормативно-правовых актах – принцип закреплён фрагментарно и не системно.

Для превращения клиентоориентированности из декларации в реальный рабочий принцип необходимы целенаправленные правовые и организационные изменения. Прежде всего, следует расширить и уточнить нормативную базу: нормативно закрепить понятие клиентоориентированности и включить его в число основополагающих принципов государственной службы, внести сопутствующие изменения в законодательство, устранив разрозненность и пробелы.

Кроме того, требуется институционализировать механизмы обратной связи с населением: установить в подзаконных актах обязательные процедуры сбора, рассмотрения и учета мнения граждан при оказании услуг и оценке деятельности органов власти. Такое закрепление обеспечит постоянную коррекцию государственных услуг на основе ожиданий общества.

Не менее важно адаптировать предоставление услуг под разные группы населения – с учётом цифровой грамотности, возрастных и социальных особенностей – чтобы все граждане, включая уязвимые категории, могли в полной мере воспользоваться своим правом на качественные услуги.

Отдельного внимания законодателя заслуживает баланс

индивидуальных и общественных интересов: нормативные решения должны предотвращать ситуацию, когда удовлетворение единичных запросов противоречит общественному благу.

Выполнение этих шагов позволит формально и, по сути, закрепить клиентоориентированность как системный принцип государственного

управления. Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности и справедливости государственного сервиса, а также укреплению доверия граждан к институтам власти, что соответствует целям политики улучшения государственного управления в Республики Казахстан.

Вклад авторов.

Статья подготовлена в результате совместной научной работы:

Кушербаев А.М. осуществил правовой и содержательный анализ стратегических документов и нормативных актов, систематизировал подходы к клиентоориентированности, а также подготовил сравнительную таблицу и сформулировал основные выводы.

Дуламбаева Р.Т., как научный руководитель, определила методологические рамки исследования, обеспечила научное сопровождение проекта, участвовала в формулировке ключевых положений и редактировании текста статьи. Оба автора внесли равнозначный вклад в развитие темы, обсуждение нормативной институционализации клиентоориентированности и подготовку предложений по улучшению законодательства в данной сфере.

Данное исследование было проведено в рамках программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR27100377 «Разработка модели инклюзивного управления для государственных органов в рамках человекоцентричной модели государственного управления».

Список литературы:

1. 余朦朦. 浅析新公共服务中“公民至上”与企业管理中“顾客至上”之差异 [Differences between Civilian Supremacy in New Public Service and Customer Supremacy in Business Administration] // 商业经济 Business and Economy. – 2012. – №4. – P. 84–85, 98.
2. Ludwiczak, A. The role of customer orientation in improving services in public administration // A. Ludwiczak // Management. – 2014. – Vol. 18. – P. 356–369.
3. Larson, P.E. Public and private values at odds: can private sector values be transplanted into public sector institutions? // P.E. Larson // Public Administration and Development. – 1997. – Vol. 17. – P. 131–139.
4. Welch, E.W., Charles, C.H., Moon, M.J. Linking citizen satisfaction with e-government and trust in government // E.W. Welch, C.H. Charles, M.J. Moon // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2005. – Vol. 15. - №3. – P. 371–391.
5. Mergel, I. Defining digital transformation: Results from expert interviews // I. Mergel, N. Edelman, N. Haug // Government Information Quarterly. – 2019. – Vol. 36. - №4. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002> (date of reference: 8.06.2025).
6. Ojasalo, J. Public value in public service ecosystems // J. Ojasalo, S. Kauppinen // Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing. – 2022. – Vol. 36. - №2. – P. 179–207.
7. Nili, A. The public sector can teach us a lot about digitizing customer service // A. Nili, A. Barros, M. Tate // MIT Sloan Management Review. – 2019. – Vol. 60. – №2. – P. 84–87.
8. Бокаев, Б.Н. Применение инновационных инструментов при оказании государственных услуг в контексте перехода к сервисной модели государственного управления в Республике Казахстан // Б.Н. Бокаев, К.К. Садыкова, Ә.Ғ. Ғалы // Вестник университета «Туран». – 2025. – №1. – С. 42–54.
9. Ospanova, D.A. Improving the system of accessibility of public services: national and foreign experience // D.A. Ospanova, M.K. Tazabekov // Development of legal

systems of Russia and foreign countries: problems of theory and practice. – Publishing Center RIOR, 2023. – P. 117–130.

10. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 8.06.2025).

11. Jayanti, A.D.K.N.Utilize of Information Technology for Village Officials in Providing Public Services // A.D.K.N.Jayanti, G.Sastrawangsa // Jurnal Sinergitas PKM dan CSR. – 2020. – Vol. 4. – №3. – P. 226–241.

12. Kusumajaya, R. Design of Remote Biometrics Authentication System to Access Public Services from Remote Area // R. Kusumajaya, N.R.Hapsari, Y. Istianto, A.S. Nugroho, G.S. Wibowanto // Proceedings of the 2020 International Conference on Engineering and Information Technology for Sustainable Industry (ICONETSI 2020). – 2020. – Vol. 27. – №1. – P. 1–5.

13. Grudin, J. and the Quest for Artificial General Intelligence // J. Grudin, R. Jacques, Chatbots, Humbots // Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. – 2019. – P. 1–11. // Retrieved from <https://doi.org/10.1145/3290605.3300439> (date of reference: 8.06.2025).

14. Krupina G.D., Safiullin N.A., Faizrakhmanov D.I., Kurakova C.M. Main directions of popularization of electronic state and municipal services among rural population // G.D. Krupina, N.A. Safiullin, D.I. Faizrakhmanov, C.M. Kurakova // BIO Web of Conferences. – 2020. – Vol. 27. – № 1. – P. 1–5.

15. Makasi T., Nili A., Desouza K.C., Tate M. A typology of chatbots in public service delivery // T. Makasi, A. Nili, K.C. Desouza, M. Tate // IEEE Software. – 2021. – Vol. 39. – № 3. – P. 58–66.

© **Ә.М. Көшербаев¹, Р.Т. Дуламбаева²**

¹ Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы
Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институты, Астана, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕ КЛИЕНТКЕ БАҒДАРЛАНУ ҚАҒИДАТЫН НОРМАТИВТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ БЕКІТУ: ІСКЕ АСЫРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Аннотация. Мақалада Қазақстан Республикасының мемлекеттік басқару жүйесінде клиентке бағдарлану қағидатын нормативтік-құқықтық тұрғыда бекіту мәселелері зерттеледі. Зерттеудің мақсаты – осы қағидаттың қолданыстағы заңнама мен стратегиялық құжаттардағы институционалану деңгейін бағалау және қолданыстағы тетіктердің оны іс жүзінде іске асыруды қаншалықты қамтамасыз ететінін анықтау. Зерттеу барысында мемлекеттік басқарудың азаматтардың қажеттіліктеріне бағдарлануын көрсететін стратегиялық бағдарламаларға, тұжырымдамалық құжаттар мен нормативтік-құқықтық актілерге талдау жүргізілді. Зерттеу нәтижесінде клиентке бағдарлану қағидаты жоғары деңгейдегі стратегиялық құжаттарда («Қазақстан–2050» стратегиясы, 2030 жылға дейінгі мемлекеттік басқаруды дамыту тұжырымдамасы, 2024–2029 жылдарға арналған мемлекеттік қызметті дамыту тұжырымдамасы және т.б.) және кейбір заңнамалық актілерде (мысалы, “Мемлекеттік қызметтер туралы” заң) бекітілгені анықталды. Алайда осы қағидатты құқықтық тұрғыда институционализациялау фрагменттік сипатқа ие екендігі көрсетілді. Зерттеуде цифрландырудың клиентке бағдарланған тәсілді іске асырудағы рөліне ерекше назар аударылды. Мемлекеттік қызметтерді цифрландыру көбінесе рәсімдердің тек техникалық жаңартылуымен шектелетіні және қоғамдық қызмет көрсету мақсаттары мен қағидаттарын терең қайта қарастырмайтыны анықталды. Мемлекеттік қызметтерді жобалау кезінде жеке және қоғамдық мүдделерді ажырату, азаматтармен кері байланыс тетіктерін институционаландыру және мемлекеттік органдардың тиімділігін бағалау барысында азаматтардың

пікірін ескеру қажеттілігі негізделді. Зерттеу нәтижелерінің тәжірибелік маңызы – оның қорытындыларын заңнаманы жетілдіруде және мемлекеттік органдардың қызметіне клиентке бағдарланған тетіктерді енгізуде пайдалануға болатындығында. Осылайша, клиентке бағдарлану қағидаты Қазақстанның мемлекеттік басқару тәжірибесінде тек ішінара іске асырылғаны анықталды және оны декларативті қағидаттан нақты жұмыс істейтін қағидатқа айналдыру үшін нормативтік базаны одан әрі жетілдірудің негізгі бағыттары ұсынылды.

Түйінді сөздер: мемлекеттік қызметтер, клиентке бағдарлану, цифрландыру, азаматтармен кері байланыс, цифрлық теңсіздік, мемлекеттік басқару.

© A.M. Kusherbayev¹, R.T. Dulambayeva²

¹ Institute of Management at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

NORMATIVE INSTITUTIONALIZATION OF CLIENT ORIENTATION IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND IMPLEMENTATION PROSPECTS

Abstract. The article examines the formal legal establishment of the client orientation principle in Kazakhstan's public administration. The study aims to assess the extent of institutionalization of this principle in current legislation and strategic documents, and to determine whether existing mechanisms ensure its practical implementation. The research employs analysis of strategic programs, conceptual policy documents, and legal acts that reflect the orientation of public administration toward citizen needs. The analysis shows that the client orientation principle is affirmed in high-level policy documents (e.g., the “Kazakhstan–2050” Strategy, the Public Administration Development Concept until 2030, the Civil Service Development Concept 2024–2029) and in certain laws (for example, the Law “On Public Services”), but its legal institutionalization remains fragmented. The study pays special attention to digitalization as a tool for implementing a client-oriented approach. It finds that the digitalization of public services is often limited to technical improvements without a fundamental rethinking of public service goals and principles. The need to distinguish between individual and public interests in designing government services is substantiated, along with the institutionalization of citizen feedback mechanisms and consideration of citizen opinions in evaluating government performance. Practically, the findings can inform legislative reforms and the introduction of client-oriented mechanisms in the public sector. It is concluded that client orientation is only partially realized in Kazakhstan's public administration, and recommendations are provided to strengthen the regulatory framework to transform this principle from declarative to effective.

Keywords: public services, client orientation, digitalization, citizen feedback, digital divide, public administration.

References:

1. 余朦朦. 浅析新公共服务中“公民至上”与企业管理中“顾客至上”之差异 [Differences between Civilian Supremacy in New Public Service and Customer Supremacy in Business Administration] // 商业经济 Business and Economy. – 2012. – №4. – P. 84–85, 98.
2. Ludwiczak, A. The role of customer orientation in improving services in public administration // A. Ludwiczak // Management. – 2014. – Vol. 18. – P. 356–369.
3. Larson, P.E. Public and private values at odds: can private sector values be transplanted into public sector institutions? // P.E. Larson // Public Administration and Development. – 1997. – Vol. 17. – P. 131–139.
4. Welch, E.W., Charles, C.H., Moon, M.J. Linking citizen satisfaction with e-government and trust in government // E.W. Welch, C.H. Charles, M.J. Moon // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2005. – Vol. 15. – №3. – P. 371–391.

5. Mergel, I. Defining digital transformation: Results from expert interviews // I. Mergel, N. Edelman, N. Haug // *Government Information Quarterly*. – 2019. – Vol. 36. – №4. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002> (date of reference: 8.06.2025).
6. Ojasalo, J. Public value in public service ecosystems // J. Ojasalo, S. Kauppinen // *Journal of Nonprofit & Public Sector Marketing*. – 2022. – Vol. 36. – №2. – P. 179–207.
7. Nili, A. The public sector can teach us a lot about digitizing customer service // A. Nili, A. Barros, M. Tate // *MIT Sloan Management Review*. – 2019. – Vol. 60. – №2. – P. 84–87.
8. Bokaev, B.N. Primenenie innovatsionnyh instrumentov pri okazanii gosudarstvennyh uslug v kontekste perehoda k servisnoi modeli gosudarstvennogo upravleniya v Respublike Kazakhstan // B.N. Bokaev, K.K. Sadykova, A.G. Galy // *Vestnik universiteta «Turan»*. – 2025. – №1. – S. 42–54.
9. Ospanova, D.A. Improving the system of accessibility of public services: national and foreign experience // D.A. Ospanova, M.K. Tazabekov. *Development of legal systems of Russia and foreign countries: problems of theory and practice*. – Publishing Center RIOR, 2023. – P. 117–130.
10. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan - Lidera natsii N.A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana Strategiya «Kazakhstan-2050» // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (data obrashcheniya: 8.06.2025).
11. Jayanti, A.D.K.N. Utilize of Information Technology for Village Officials in Providing Public Services // A.D.K.N. Jayanti, G. Sastrawangsa // *Jurnal Sinergitas PKM dan CSR*. – 2020. – Vol. 4. – №3. – P. 226–241.
12. Kusumajaya, R. Design of Remote Biometrics Authentication System to Access Public Services from Remote Area // R. Kusumajaya, N.R. Hapsari, Y. Istianto, A.S. Nugroho, G.S. Wibowanto // *Proceedings of the 2020 International Conference on Engineering and Information Technology for Sustainable Industry (ICONETSI 2020)*. – 2020. – Vol. 27. – №1. – P. 1–5.
13. Grudin, J. and the Quest for Artificial General Intelligence // J. Grudin, R. Jacques, Chatbots, Humbots // *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. – 2019. – P. 1–11. // Retrieved from <https://doi.org/10.1145/3290605.3300439> (date of reference: 8.06.2025).
14. Krupina G.D., Safiullin N.A., Faizrahmanov D.I., Kurakova C.M. Main directions of popularization of electronic state and municipal services among rural population // G.D. Krupina, N.A. Safiullin, D.I. Faizrahmanov, C.M. Kurakova // *BIO Web of Conferences*. – 2020. – Vol. 27. – № 1. – P. 1–5.
15. Makasi T., Nili A., Desouza K.C., Tate M. A typology of chatbots in public service delivery // T. Makasi, A. Nili, K.C. Desouza, M. Tate // *IEEE Software*. – 2021. – Vol. 39. – № 3. – P. 58–66.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Көшербаев Әділет Мұратұлы - заң ғылымдарының магистрі, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының докторанты, Абай даңғылы, 33а, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: 740637@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1874-2135>.

Дуламбаева Раушан Тлегенқызы - экономика ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Басқару институтының профессоры, Абай даңғылы, 33а, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: r.dulambayeva@apa.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3942-8875>; Scopus Author ID: 55623876600.

Кушербаев Адилет Муратович - магистр юридических наук, докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, проспект Абая, 33а, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: 740637@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1874-2135>.

Дуламбаева Раушан Тлегеновна - доктор экономических наук, профессор Института управления Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, проспект Абая, 33а, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: r.dulambayeva@apa.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3942-8875>; Scopus Author ID: 55623876600.

Kusherbayev Adilet Muratovich - Master of Legal Sciences, doctoral student at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, 33 Abay Avenue, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: 740637@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1874-2135>.

Dulambayeva Raushan Tlegenovna - Doctor of Economics, Professor of the Institute of Management at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, 33 Abay Avenue, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: r.dulambayeva@apa.kz; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3942-8875>; Scopus Author ID: 55623876600.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 291-305

УДК 349.2
ГРНТИ 10.63.01
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_291
Научная статья

© Д.Б. Разиева^{1*}, 2025

¹ Alikhan Bokeikhan University, Семей, Казахстан
(E-mail: razieva@mail.ru)

АНТРОПОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ ТРУДОВОМУ ПРАВУ

Аннотация. Современные достижения в области искусственного интеллекта и робототехники привели к появлению технологических решений, обладающих не только способностью к выполнению задач, но и к самостоятельному принятию решений, адаптации к меняющимся условиям и взаимодействию с другими субъектами. В связи с этим, перед исследователями возникает вопрос о возможности признания таких систем субъектами права.

Данное исследование основано на антропоцентричном подходе, согласно которому человек признаётся высшей ценностью и главным ориентиром правового регулирования. Используя философско-антропологическую, сравнительно-правовую и функционально-аналитическую методологию, автор раскрывает ограничения традиционного правопонимания в цифровую эпоху и аргументирует невозможность признания интеллектуальных агентов субъектами трудового права. Основное внимание уделяется сохранению онтологического и правового приоритета человека в новых трудовых форматах, а также формулируются предложения по нормативному закреплению статуса интеллектуальных систем как орудий труда. Обоснована необходимость модернизации трудового законодательства в целях обеспечения безопасности, устойчивости и этичности взаимодействия человека и технологий.

Автор обращает особое внимание на риски, связанные с подменой человека в правовом регулировании труда, и приводит научные концепции, допускающие возможность создания «техносубъектов».

В статье обоснована необходимость нормативного закрепления интеллектуальных систем в качестве орудий труда, а также предложены конкретные изменения в Трудовой кодекс Республики Казахстан, направленные на регулирование безопасности взаимодействия с интеллектуальными и роботизированными системами.

В статье резюмируется, что адаптация трудового права должна основываться не на отказе от антропоцентризма, а на его концептуальном обновлении. Человек должен сохраняться как центральная фигура правовой системы, а технологии — как средства для реализации его трудового потенциала.

Ключевые слова: трудовое право, антропоцентризм, искусственный интеллект, цифровизация, субъект права, робот, правовая субъектность, трансформация труда, правовое регулирование, интеллектуальные системы.

* Автор для корреспонденции. E-mail: 1razieva@mail.ru.

Введение

Современное развитие права немыслимо без глубокого методологического анализа его оснований. В условиях цифровизации и ускоренной трансформации трудовой сферы, вызванной внедрением автономных систем, алгоритмов искусственного интеллекта и технологических агентов, перед правовой наукой остро встаёт вопрос о переосмыслении классических правовых конструкций, в первую очередь — категории работника как основного субъекта трудовых отношений. Традиционные юридические подходы, сформированные в эпоху индустриального общества, всё менее отвечают вызовам постиндустриального мира, где в производственные процессы всё чаще вовлекаются не только люди, но и сложные технико-цифровые комплексы, выполняющие действия, ранее присущие исключительно работнику.

На этом фоне становится особенно значимым обращение к антропоцентричному подходу — как к методологической основе не только анализа правовой реальности, но и её нормативного конструирования. В праве этот подход утверждает человека как высшую ценность, источник и меру правовых отношений. Он требует от науки права исходить не из абстрактных понятий и процедур, а из реального существования человека в правовой действительности — со всей полнотой его трудовой, социальной, интеллектуальной и моральной активности.

Принцип приоритета человека как центральной категории правового регулирования закреплён и в национальной правовой системе. Так, согласно пункту 1 статьи 1 Конституции Республики Казахстан (далее - РК), государство утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным, а высшими ценностями признаются человек, его жизнь, права и свободы¹. Это конституционное положение подтверждает методологическую обоснованность антропоцентричного подхода как базовой парадигмы отечественного

правопонимания и служит фундаментом для последующего осмысления субъектности в условиях цифровой трансформации общества.

Антропоцентризм позволяет увидеть в праве не просто систему норм, а способ обеспечения условий для достойной, содержательной и свободной реализации человеческого потенциала.

Однако парадокс современной юридической мысли состоит в том, что, несмотря на внешнюю ориентированность на человека, современная правовая система всё ещё в значительной степени опирается на формальные и технократичные конструкции субъектности. В условиях цифровизации такая установка проявляется особенно остро: автоматизированные системы способны не только заменять работника в рутинных операциях, но и принимать управленческие и квазисамостоятельные решения, результатом которых становятся последствия, имеющие правовое значение. Это требует не только частных правовых корректировок, но методологического пересмотра антропоцентризма: от его буквального толкования — к концептуальному расширению, в рамках которого человек сохраняет статус высшей ценности, но категория «субъектности» получает новое, функциональное измерение.

Цель настоящего исследования - раскрыть потенциал антропоцентричного подхода как методологической основы для переосмысления трудового права в условиях цифровизации. В центре внимания окажется не абстрактная проблема «признания робота субъектом трудового права», а более сложный вопрос: каким образом правовая система может адаптироваться к современной реальности, не утратив человека как фундаментальную ценность и главную цель своего существования.

Предметом исследования являются теоретико-правовые основания пересмотра правовой субъектности в трудовых отношениях, объектом — современные социально-технические

¹ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=19;24#pos=19;24 (дата обращения: 06.05.2025).

трансформации в сфере труда. Методологическую основу составляют принципы антропоцентризма, а также сравнительно-правовой, функциональный и футурологический методы юридического анализа.

В рамках настоящего исследования будет предпринята попытка интеграции философско-антропологического подхода в отраслевое трудовое право с тем, чтобы сформулировать теоретически выверенные и практически применимые предложения по модернизации нормативных представлений о субъекте труда в XXI веке.

Материалы и методы

Методологической основой настоящего исследования выступает антропоцентричный подход, утверждающий человека как высшую ценность, нормативную цель и меру правового регулирования. В рамках данной парадигмы правовая система рассматривается не только как совокупность норм, но и как средство обеспечения условий для полноценной реализации человеческого потенциала. Отправной точкой выступает необходимость концептуального пересмотра традиционной субъектности в праве, обусловленного участием автономных интеллектуальных систем в трудовой деятельности.

Применяемые методы включают сравнительно-правовой анализ, позволяющий сопоставить национальные и международные подходы к признанию субъектности искусственного интеллекта, а также функционально-аналитический метод, направленный на оценку способности интеллектуальных агентов выполнять трудовые функции, сопоставимые с деятельностью человека. В исследование интегрированы футурологические и правосоциологические элементы, что позволило спрогнозировать последствия нормативного расширения категории «работник» и обосновать правовые риски гипотетического наделения роботов субъектным статусом. Выводы опираются на теоретические концепции В.И. Павлова, И.Л. Честнова, а также современные разработки в сфере трудового и

цифрового права, с целью выработки научно обоснованных предложений по модернизации законодательства Республики Казахстан.

Результаты и обсуждение

Истоки и научное развитие антропоцентричного подхода в праве

Антропоцентричный подход в праве представляет собой теоретико-методологическую ориентацию, в основе которой лежит признание человека как главной ценности, цели и основания правовой системы. Этот подход уходит корнями в классическую философию, но его научная разработка в правовой доктрине получила развитие в контексте критики позитивизма и усиливающейся потребности в гуманизации права.

Идейные истоки антропоцентризма восходят к философии И. Канта, в частности, к его категорическому императиву, согласно которому человек всегда должен рассматриваться как цель, а не как средство достижения чужих целей [1]. Продолжателем этой идеи выступает Г.В.Ф. Гегель, который в «Философии права» утверждает право как форму реализации свободы [2, с. 7].

В XX веке идеи антропоцентризма получили развитие в концепции Л.И. Петражицкого, который впервые ввёл в правовую науку понятие «эмоционально-психологического правосознания» как источника юридической реальности [3]. В русле критики формализма выступал и Г. Радбрух, обосновывая примат справедливости как основной ценности права [4].

В постсоветской юридической науке наиболее последовательную разработку антропоцентричной методологии дал В.И. Павлов, автор антропологической концепции права, в рамках которой сформулирован принцип человекомерности права. Он утверждает, что все правовые категории и институты должны соотноситься с человеком как активным участником правовой реальности [5], [6, с. 55].

Схожие идеи развивает И.Л. Честнов, предлагая постклассическую онтологию права, в которой человек осмысливается как субъект правового бытия, а не просто носитель формально определённых прав. Развивая эти положения в контексте рас-

смаатриваемой темы, представляется обоснованным принять, что право как социальная реальность включает в себя не только систему норм, но и правосознание, а также правопорядок, в рамках которого нормы и правосознание реализуются. При этом человек — как абстрактное правовое понятие и как конкретный участник правовых отношений — интегрирован во все элементы правовой системы. Он присутствует и в правовых нормах, и в структурах правосознания, и в механизмах функционирующего правопорядка. Следует учитывать, что субъектом права фактически всегда выступает человек, однако в юридическом смысле субъектность может быть закреплена и за социальным субъектом — коллективным образованием, организацией, государством, должностным лицом и т. п., — в случаях, когда индивид действует не от своего имени, а представляет интересы этих образований [7, с. 631].

Зарубежный ученый Н. Рулан подчеркивает связь правовых институтов с культурными, поведенческими и ценностными основаниями существования человека [8].

М. Нуссбаум, развивая так называемый капацитарный (способностный) подход, утверждает, что цель права — это создание условий для раскрытия способностей человека в изменчивом мире [9].

Наконец, Мишель Вийе подчеркивает, что право невозможно понять вне контекста человеческого существования, поскольку оно укоренено в нравственной и культурной природе человека [10].

Таким образом, антропоцентричный подход представляет собой не узкую теоретическую установку, а интегральную методологию, сочетающую философские, социокультурные и юридические компоненты. Его применение особенно актуально в условиях цифровой трансформации, когда формальные юридические конструкции сталкиваются с новыми формами субъектности, требующими сохранения человека как нормативного ядра правовой системы.

Ограничения традиционного подхода в цифровую эпоху

Несмотря на свою историческую

укорененность и методологическую значимость, классический антропоцентризм в праве начинает испытывать ограничения в условиях стремительной цифровизации общественно-трудовых процессов. Традиционная юридическая парадигма, исходящая из признания только физических и юридических лиц в качестве носителей прав и обязанностей, оказывается недостаточной для описания новых явлений, порождённых внедрением автономных технологических систем, алгоритмов и платформ на основе искусственного интеллекта.

Одним из ключевых проявлений ограниченности традиционного подхода является его неспособность учитывать функциональную активность интеллектуальных систем, которые в ряде случаев действуют без непосредственного контроля со стороны человека, принимая решения, порождающие юридически значимые последствия. Так, современные цифровые агенты могут выполнять трудовые функции, организовывать логистику, управлять производственными циклами и даже осуществлять надзор за исполнением задач. Эти действия, хотя и не сопровождаются волеизъявлением в человеческом смысле, формируют причинно-следственные связи, сравнимые с действиями традиционного работника.

В ряде научных публикаций предпринимаются попытки осмыслить влияние искусственного интеллекта на трансформацию трудового права. Так, С.Ф. Гуцу и А. Бубликов формулируют вывод о необходимости пересмотра трудового законодательства с учётом новых реалий, включая обновление его принципов, а также разработку новых гарантий и стандартов охраны труда в условиях цифровизации. По их мнению, развитие искусственного интеллекта обуславливает расширение круга субъектов трудового права и потенциальную возможность признания за определёнными интеллектуальными системами специального правового статуса. В частности, исследователи предполагают, что с приобретением электронными агентами правосубъектности

в гражданском праве, «умные» рабочие места смогут рассматриваться как субъекты трудовых отношений. Представленные позиции, несмотря на дискуссионный характер, указывают на усиливающийся тренд научного поиска новых подходов к регулированию труда в условиях цифровой трансформации. Более того, существующие механизмы ответственности, привязанные исключительно к человеку или организации, не всегда позволяют эффективно разрешать споры, связанные с действиями автономных систем. В результате возникают правовые лакуны, когда действия интеллектуального агента не могут быть квалифицированы ни как деяние работника, ни как полностью предусмотренное алгоритмом действие работодателя. В трудовом праве это порождает особую неопределённость в вопросах распределения ответственности, прав на результаты труда, режима рабочего времени и оценки условий труда.

Таким образом, сохраняющийся акцент на человеке как единственно возможном субъекте трудового права, без учета новых форм участия в трудовом процессе, приводит к нормативному отставанию правовой системы от фактической реальности. Необходимость расширения концепта правосубъектности, с сохранением приоритета человека как цели и меры права, становится центральной задачей научного и законодательного осмысления в условиях цифровой эпохи [11].

Среди современных научных подходов к переосмыслению трудового права в условиях цифровой трансформации представляет интерес позиция итальянского исследователя М. Файоли, изложенная в статье «Robot Labor Law. Research lines for a new branch of labour law and in view of the 2024 G7 session on artificial intelligence». Автор предлагает концептуальную основу для принятия «Закона о труде роботов» с учётом изменений, вызванных интеграцией робототехники и искусственного интеллекта в сферу труда. Ученый предлагает отказаться от традиционного подхода, ориентированного исключительно на человека, и сформировать нормативную

модель, способную обеспечить гармонизацию интересов работников и технологических агентов. При этом в центре внимания остаётся благополучие человека: подчёркивается, что роботы, при условии этичного и грамотного внедрения, могут не только повысить производительность, но и способствовать формированию более сбалансированной и безопасной рабочей среды.

Предложенная модель формируется в рамках трансдисциплинарного исследовательского проекта, объединяющего данные юридической, социологической, инженерной и медицинской наук. Такой подход, по мнению автора, позволяет сформировать прочную научную и нормативную базу для адаптации трудового права к условиям индустрии 4.0. В качестве долгосрочной цели обозначается создание правового режима, способствующего как технологическому прогрессу, так и защите человеческого ресурса [12].

Проблематика адаптации трудового законодательства к условиям автоматизации и внедрения интеллектуальных систем также затрагивается в исследовании венгерских авторов Н. Якаб (Nóra Jakab), Ж. Раци (Zsófia Rácz), Л. Береньи (Laura Berényi), посвящённом вопросам регулирования труда в контексте растущей автоматизации. Авторы указывают, что по мере проникновения автоматизированных решений в сферу труда, классическое понимание наёмного работника начинает утрачивать универсальность. Коллаборативные роботы и интеллектуальные системы, способные выполнять задачи, ранее отнесённые к человеческому труду, ставят под вопрос существующие определения субъектов трудового права. Это, в свою очередь, порождает новые юридические вызовы, прежде всего — в вопросах распределения ответственности и обеспечения безопасности на рабочем месте.

Согласно позиции исследователей, текущая нормативная база ориентирована преимущественно на физическое лицо как носителя прав и обязанностей в трудовых отношениях. Однако в условиях гибридных рабочих

пространств, где взаимодействуют люди и интеллектуальные машины, может потребоваться пересмотр ряда понятий, включая само определение «работника». Обсуждается возможность нормативного расширения этого понятия либо создания особых правовых режимов, применимых к техносубъектам в трудовой среде [13].

Таким образом, высказанные в публикации положения иллюстрируют растущее внимание к проблеме нормативного соответствия трудового законодательства технологическим реалиям, при этом акцент остаётся на необходимости сохранения эффективности правовых механизмов защиты интересов человека в изменяющемся производственном ландшафте.

Теоретико-правовая характеристика статуса работника в трудовом праве.

Исторически формирование категории «работник» происходило в контексте становления трудового права как самостоятельной отрасли, отличной от гражданского права. Несмотря на изначальное заимствование некоторых элементов правового статуса из гражданско-правовой доктрины, развитие трудового законодательства привело к обособлению трудовых правоотношений и выработке собственных понятийных конструкций [14]. В этом процессе работник признается уникальным субъектом, обладающий самостоятельным трудовым статусом, отражающего специфику регулирования труда в условиях подчинённости, зависимости и социальной уязвимости.

Как справедливо отмечает М.Х. Хасенов, работник является одним из ключевых субъектов трудового права, чьи права и интересы защищаются государством посредством установления норм трудового законодательства и контроля за их соблюдением [15, с. 276].

Пункт 43 статьи 1 Трудового кодекса РК определяет работника как физическое лицо, состоящее в трудовых отношениях с работодателем и непосредственно выполняющее работу по трудовому договору².

Анализ положений Трудового кодекса РК позволяет выделить основные признаки работника:

- 1) физическая природа субъекта;
- 2) наличие трудовой правосубъектности (правоспособности и дееспособности);
- 3) вступление в трудовые отношения путём заключения трудового договора;
- 4) выполнение конкретной трудовой функции в интересах работодателя;
- 5) получение вознаграждения за труд;
- 6) подчинение установленному режиму труда и локальным актам работодателя;
- 7) возможность быть привлечённым к юридической ответственности в рамках трудовых отношений.

Такая правовая конструкция, по нашему убеждению, исключает возможность признать субъектом трудового права кого-либо, кроме человека. В то же время технический прогресс демонстрирует всё большую автономность искусственных систем, способных выполнять функции, ранее свойственные исключительно человеку-работнику, что обостряет дискуссию о допустимости расширения правового поля «фигуры» работника.

Пересмотр традиционного образа работника: вызовы в условиях цифровой трансформации.

Антропоцентрическое понимание работника, основанное на биологической природе субъекта, в условиях цифровой трансформации начинает утрачивать свою универсальность. Современные автономные системы и интеллектуальные агенты уже выполняют трудовые функции — в логистике, банковской сфере, на производстве, в сфере обслуживания и здравоохранении. Их деятельность по внешним признакам идентична трудовой функции, установленной законодательством: выполнение задач по заданию и в интересах другого субъекта, в рамках установленного регламента и за вознаграждение.

На этом фоне усиливается философско-правовая дискуссия о возможности предоставления

² Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832&pos=252;-58#pos=252;-58 (дата обращения: 06.05.2025).

искусственному интеллекту не только правовой субъектности, но и правоподобных гарантий, аналогичных правам человека. Такая аргументация опирается на моральную обязанность признавать субъективные права за ИИ-системами, обладающими сходными с человеческими характеристиками: автономностью, обучаемостью, когнитивной активностью и способностью к принятию решений. Эмпирические исследования демонстрируют, что социальные гуманоидные роботы способны оказывать эмоциональную поддержку уязвимым категориям населения, таким как одинокие пожилые люди, что порождает вопрос о юридической защите таких форм морального взаимодействия.

Сторонники концепции наделения ИИ правосубъектностью утверждают, что это позволило бы создать нормативную базу для установления юридической ответственности за действия автономных систем. Такая конструкция могла бы стимулировать разработчиков к созданию более предсказуемых и безопасных технологий, где ответственность распределялась бы между оператором, производителем и самой интеллектуальной системой. Кроме того, предоставление роботам юридической идентичности открыло бы им доступ к осуществлению экономических функций, включая право на владение имуществом, участие в сделках и заключение контрактов, что, по мнению сторонников, способствовало бы справедливому распределению создаваемых ценностей и стимулировало инновации³.

Развивая данную аргументацию, некоторые авторы рассматривают сценарии с участием так называемого искусственного суперинтеллекта — гипотетических ИИ-систем с развитым самосознанием, абстрактным мышлением, моральной активностью и способностью к планированию будущего. Сторонники постгуманистического

подхода утверждают, что такие системы могут претендовать не только на равный, но и потенциально более высокий правовой статус по сравнению с человеком. Они предлагают применять к ним положения международных актов в области прав человека, включая запрет дискриминации по «статусу» и право на жизнь, предусмотренные Европейской конвенцией [16].

В то же время, на международной арене пока отсутствует единый подход к признанию субъектности ИИ. Большинство национальных правовых систем по-прежнему исходят из презумпции, что субъективные права и обязанности могут принадлежать исключительно человеку или юридическому лицу. Однако в научной литературе и международных инициативах всё чаще обсуждается идея ограниченной правосубъектности. Европейский парламент, например, в ряде резолюций предлагает введение статуса «электронной личности» для автономных агентов [17].

Некоторые государства предпринимают шаги к нормативной адаптации. Так, Япония, сталкиваясь с нехваткой рабочей силы, активно внедряет роботов в рабочие процессы и общественную жизнь, однако рассматривает их как имущество, а не как субъектов с правами⁴. В Южной Корее роботам присвоен статус пешеходов, что означает признание их определённых прав и обязанностей в общественном пространстве. Это может стать шагом к более структурированной правовой интеграции роботов⁵. Сингапур, напротив, придерживается прагматичного подхода, не стремясь к признанию роботов субъектами права, а сосредотачиваясь на использовании ИИ для решения трудовых проблем⁶.

При этом, несмотря на формальное расширение функциональности интеллектуальных систем, остаётся очевидным, что

³ Should robots have separate legal personality as companies do? Critically analysis // URL: <https://www.linkedin.com/pulse/should-robots-have-separate-legal-personality-companies-sheikh/> (date of reference: 06.05.2025).

⁴ Japan will allow self-driving delivery robots to roam its streets to combat labour shortages // URL: <https://www.euronews.com/embed/2200244> (date of reference: 06.05.2025).

⁵ South Korea Officially Recognizes Robots as Pedestrians: A Revolutionary Step Toward Future Cities // URL: <https://intimedia.id/read/south-korea-officially-recognizes-robots-as-pedestrians-a-revolutionary-step-toward-future-cities>. (date of reference: 06.05.2025).

⁶ Singapore Increases Robots in the Workplace to Deal with Labour Shortages // URL: <https://www.asiapacific.ca/asia-watch/singapore-increases-robots-workplace-deal-labour-shortages>. (date of ref-

они лишены ключевых компонентов, присущих человеческому участнику правовых отношений. Результаты психологических и поведенческих исследований показывают: роботы не обладают чувством социальной взаимности, способностью к эмпатии и моральной оценке последствий своих «решений». В задачах, требующих доверия, морального суждения и эмоционального интеллекта — таких как гуманитарное планирование или консультирование в социальной сфере — люди по-прежнему воспринимаются как более надёжные советники. Замена человека машиной в таких контекстах нередко вызывает негативные эмоции у принимающих решения, снижая уровень доверия к рекомендациям, в то время как взаимодействие с консультантом-человеком вызывает ощущение социальной связи и ответственности [18].

Эти выводы находят отражение и в международной повестке. В частности, в отчёте Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Taxonomy of Human Rights Risks Connected to Generative AI» подчёркивается, что неконтролируемое или поспешное наделение ИИ субъектностью способно нарушать базовые права человека — включая право на труд, частную жизнь и недискриминацию. Документ призывает к максимальной осторожности при нормативной интеграции автономных систем, подчёркивая необходимость приоритета международных стандартов в области прав человека и сохранения человека как главного объекта правовой защиты⁷.

Казахстанские исследователи подчёркивают важность сдержанного и взвешенного подхода к юридическому признанию искусственного интеллекта, настаивая на сохранении человека в качестве центральной фигуры правовой системы. Особую тревогу вызывает перспектива автоматизации процессов принятия судебных решений, поскольку такая практика способна не только усилить существующие социальные перекося, но и разрушить

фундаментальные принципы справедливости. Подчёркивается, что роботизированные интеллектуальные системы, лишённые морального суждения и подверженные алгоритмической предвзятости, не могут быть наделены неограниченной свободой в сфере правоприменения. В этих условиях исключительно важным становится установление чётких нормативных рамок и механизмов ответственности для всех участников, вовлечённых в разработку и использование цифровых правовых технологий [19].

В этой связи рекомендуется переосмыслить роль технологий не как замены человека, а как средства его усиления. Современные исследования призывают отказаться от мифологизированной концепции технологической сингулярности, предполагающей превосходство машин над человеческим интеллектом. Вместо этого следует сместить акцент на развитие дополненного интеллекта — концепции, согласно которой интеллектуальные системы служат помощниками человека, усиливая его способности, но, не вытесняя из процесса принятия решений. Подобная стратегия предполагает проектирование машин, способных адаптироваться к потребностям работника, обеспечивать более быстрые и точные решения, сохраняя при этом первичность человеческого волеизъявления. Разделение между узким и универсальным искусственным интеллектом подчёркивает, что подавляющее большинство современных ИИ-систем являются инструментами с ограниченными задачами, а не самостоятельными субъектами. Следовательно, ключевым направлением должно оставаться создание таких моделей взаимодействия, где технологии расширяют человеческий потенциал, а не механизмируют его. Именно такой подход способен обеспечить устойчивое развитие занятости, гибкость производственных процессов и

erence: 06.05.2025).

⁷ United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. Taxonomy of Human Rights Risks Connected to Generative AI Supplement to B-Tech's Foundational Paper on the Responsible Development and Deployment of Generative AI // URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/business/b-tech/taxonomy-GenAI-Human-Rights-Harms.pdf>. (date of reference: 06.05.2025).

приоритет человека как субъекта труда в условиях цифровой экономики [20].

Таким образом, современное понимание работника сталкивается с глубокими вызовами в условиях цифровизации. Существуют как аргументы в пользу расширения правовой субъектности на ИИ, так и серьёзные правовые, этические и социальные возражения против этого. Юридическая наука и практика находятся на этапе концептуального выбора, где необходимо выработать сбалансированный подход между инновационным развитием и защитой базовых прав человека.

Результаты исследования

Рассмотренные в исследовании научные и нормативные подходы демонстрируют, что, несмотря на растущую автономность и функциональность цифровых систем, роботы и интеллектуальные агенты не могут рассматриваться как субъекты трудового права. Они не обладают волей, правосознанием и способностью нести юридическую ответственность. Все их действия обусловлены алгоритмом и программной средой, ответственность за которые лежит на человеке - работодателе, операторе, производителе.

С позиции трудового законодательства робот — это объект, инструмент труда, техническое средство, предназначенное для выполнения отдельных операций в интересах человека. В этой связи, в целях устранения правовой неопределённости и предупреждения гипотетических злоупотреблений в будущем, предлагается внести следующее уточнение в Трудовой кодекс РК:

«Статья 185-1. Использование интеллектуальных и роботизированных систем как орудий труда

1. Роботизированные и интеллектуальные системы, используемые в процессе труда, признаются орудиями труда и не могут рассматриваться в качестве субъектов трудовых отношений.

Работодатель обязан обеспечивать правовые, организационные и технические условия для безопасного

применения таких систем в соответствии с принципами охраны труда.

2. Установление норм охраны труда при использовании автономных технических средств регулируется актами уполномоченного государственного органа».

Более того, в целях обеспечения безопасности и здоровья работников при взаимодействии с автономными системами, представляется необходимым дополнить главу 19 Трудового кодекса РК следующими положениями:

В статью 183 («Аттестация производственных объектов по условиям труда») следует включить пункты:

«...10. При наличии на производственном объекте роботизированных, автоматизированных или интеллектуальных систем, участвующих в трудовом процессе, аттестация по условиям труда должна включать оценку рисков, связанных с эксплуатацией таких систем, включая технические сбои, автономные решения и взаимодействие с работниками.

11. Методика аттестации с участием роботизированных и интеллектуальных систем утверждается уполномоченным органом по труду и должна учитывать как физические, так и когнитивные (информационные и эмоциональные) риски для работников...»

В статью 184 («Требования безопасности рабочих мест») предлагается внести:

«...7. При использовании интеллектуальных систем, роботов, коллаборативных устройств и программно-аппаратных комплексов, работодатель обязан обеспечить:

1) их безопасную интеграцию в производственный процесс;

2) обучение работников правилам взаимодействия с такими системами;

3) установку программных и технических ограничений;

4) обязательную техническую сертификацию таких устройств...»

В статью 185 («Обязательный медицинский осмотр работников») — рекомендуется внести новый пункт:

«...3. Работники, взаимодействующие с автономными или интеллектуальными техническими системами,

подлежат обязательному психофизиологическому мониторингу в рамках медицинских осмотров, с учётом воздействия когнитивных перегрузок, связанных с автоматизацией труда...»

Эти изменения позволяют не только сохранить антропоцентричную структуру трудового законодательства, но и обеспечить правовую адаптацию к гибридным трудовым форматам, формируя условия для безопасного и этически обоснованного внедрения цифровых решений.

Таким образом, в условиях цифровизации ключевая задача трудового права заключается не в расширении понятия «работник» за счёт технологий, а в том, чтобы сохранить человека как меру всех правовых институтов и обеспечить его приоритет в трудовой сфере. Соответственно, роботы не могут признаваться работниками, выступая лишь средствами, облегчающими трудовые операции, не подменяя при этом его человеческую сущность.

Заключение

Цифровизация труда, сопровождающаяся активным внедрением автономных и интеллектуальных систем, поставила перед правовой наукой задачу пересмотра устоявшихся понятий, прежде всего — правовой субъектности в трудовых отношениях. Несмотря на высокую степень функциональной активности современных роботов и ИИ-агентов, их правовой статус не может быть приравнен к статусу работника. Искусственный интеллект не обладает ни правосознанием, ни волей, ни спо-

собностью к правовой ответственности, что исключает возможность признания его субъектом трудового права в рамках действующей антропоцентричной доктрины.

Антропоцентричный подход сохраняет свою значимость и актуальность как методологическая основа правового регулирования труда, утверждая человека в качестве высшей ценности и нормативного ядра всей правовой системы. Именно человек остаётся источником и мерой правовых отношений, и именно его интересы должны быть в приоритете при построении новых моделей регулирования труда в условиях технологической трансформации. Предложение о признании интеллектуальных систем субъектами права не только подрывает правовую логику, но и несёт потенциальную угрозу для базовых трудовых прав работников.

С учётом изложенного, обоснованным представляется закрепление в трудовом законодательстве нормы о том, что роботизированные и интеллектуальные системы являются орудиями труда — техническими средствами, поддерживающими, но не заменяющими человека в трудовом процессе. Вместе с тем, их использование должно сопровождаться современными мерами охраны труда, включающими не только физическую, но и психофизиологическую защиту работников, занятых во взаимодействии с автономными системами.

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования по научным и (или) научно-техническим проектам на 2023-2025 годы: АР19676064 «Цифровые права в Республике Казахстан: разработка правовых механизмов расширения содержания правосубъектности в эпоху цифровой трансформации (в плоскости частноправовых отношений)».

Список литературы:

1. Кант, И. Основы метафизики нравственности / Иммануил Кант // [перевод с немецкого Б. Фохта, Н. Соколова]. - М.: «АСТ», 2023. - 384 с. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://content.img-gorod.ru/nomenclature/29/892/2989241.pdf>. (дата обращения: 06.05.2025).
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель // [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В.С. Нерсисянц]; АН СССР, Ин-т философии. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.

3. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1 / Л.И. Петражицкий // - М.: «Юрайт», 2023. - 237 с. - (Антология мысли). - ISBN 978-5-534-08031-5. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/513687>. (дата обращения: 06.05.2025).

4. Glahé, Ph. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht. Leben und Wirken Gustav Radbruchs / Ph. Glahé // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/359171595_Gesetzliches_Unrecht_und_übergesetzliches_Recht_Leben_und_Wirken_Gustav_Radbruchs. (gesehen am 06.05.2025).

5. Павлов, В.И. Методологические основания антропологической концепции права / В.И. Павлов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/8347306/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%9E%D0%94%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95%D0%9E%D0%A1%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%A%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%99%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%A6%D0%98%D0%98%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%90%D1%80%D1%83%D1%81> (дата обращения: 06.05.2025).

6. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие / В.И. Павлов // Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». - Минск: Академия МВД, 2017. - 262 с.

7. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография. // И.Л. Честнов // Постклассическая теория права. Монография. СПб.: «Алеф-Пресс», 2012. - 650 с.

8. Рулан, Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. Перевод с франц. Ответственный редактор - член-корр. доктор юридических наук, профессор В.С. Нерсисянц. / Н. Рулан // - М.: «НОРМА», 1999 - 310 с. // <https://reallib.org/reader?file=671055> (дата обращения: 06.05.2025).

9. Nussbaum, M. Creating Capabilities: The Human Development Approach. / M. Nussbaum // - Harvard University Press, 2011 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/28662520/Creating_Capabilities_The_Human_Development_Approach. (date of reference: 06.05.2025).

10. Villey, M. La formation de la pensée juridique moderne. Cours d'histoire de la philosophie du droit. / M. Villey // Revue Philosophique de la France Et de l'Etranger. -1976. - №166 (1). - P. 61-62. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philpapers.org/rec/VILLFD-6>. (date de l'appel: 06.05.2025).

11. Gutsu, S.F. Transformation of Legal Labor Regulation Under Influence of Artificial Intelligence. / S.F. Gutsu, A. Bublikov // - 2022. - P. 599–617. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-3-030-94259-5_51 // <https://scispace.com/papers/transformation-of-legal-labor-regulation-under-influence-of-1pr2e6f4>. (date of reference: 06.05.2025).

12. Faioli, M. (n.d.). Robot Labor Law. Research lines for a new branch of labour law and in view of the 2024 G7 session on artificial intelligence. Social Science Research Network. / Faioli, M. (n.d.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.2139/ssrn.4818008> // <https://scispace.com/papers/robot-labor-law-research-lines-for-a-new-branch-of-labour-239uoha9yx>. (date of reference: 06.05.2025).

13. Jakab, N. Az automatizálás munkaerőpiaci és munkajogi kérdései / N. Jakab, Zs. Rácz, L. Berényi // European Journal of Legal Studies. - 2020. - №4. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.47745/ERJOG.2020.04.06>. (a kérelem dátuma: 06.05.2025).

14. Лебедев, В.М. Философия трудового права: монография / В.М. Лебедев // - М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 128 с. - ISBN 978-5-00156-098-2. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.ru/catalog/product/1178770> (дата обращения: 06.05.2025).

15. Хасенов, М.Х. Трудовое право Республики Казахстан: учебник. В 3-х т. Т.1. Общая часть. / М.Х. Хасенов // - Алматы: Smart University Press, 2023. - 504 с.

16. Wiater, P. Robots and Human Rights: A Matter of Coherence? / P. Wiater //

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/robots-and-human-rights-a-matter-of-coherence/> (date of reference: 06.05.2025).

17. Mays, K. K., et al. The Robot Rights and Responsibilities Scale. International Journal of Human–Computer Interaction / K.K. Mays et al. // -2024. - № 41(5). - P. 3413–3430. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10447318.2024.2338332> (date of reference: 06.05.2025).

18. Prah, A. Out with the humans, in with the machines?: Investigating the behavioral and psychological effects of replacing human advisors with a machine / A. Prah, L.M, Van Swol // Human-Machine Communication. -2021. - №2. - P. 209-234. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.30658/hmc.2.11> (date of reference: 16.06.2025).

19. Сактаганова, И.С. Применение искусственного интеллекта при отправлении правосудия: перспективы и вызовы / И.С. Сактаганова, Е.В. Мицкая, А.Б. Сактаганова // Научно-правовой журнал «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан». - 2025. - №80(1). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.52026/2788-5291_2025_80_1_68 (дата обращения: 16.06.2025).

20. Dégallier-Rochat, S. Human augmentation, not replacement: A research agenda for AI and robotics in the industry / S. Dégallier-Rochat, M. Kurpicz-Briki, N. Endrissat, O. Yatsenko // Frontiers in Robotics and AI. – 2022. - №9. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/frobt.2022.997386> (date of reference: 16.06.2025).

© Д.Б. Разиева¹, 2025

¹ Alikhan Bokeikhan University, Семей, Казахстан
(E-mail: razieva@mail.ru)

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ҰСТАНЫМЫ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ СУБЪЕКТІСІНІҢ ЦИФРЛЫҚ ДӘУІРДЕГІ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ: ЕҢБЕК ҚҰҚЫҒЫНА ТӨНЕТІН СЫН-ҚАТЕРЛЕР

Аннотация. Жасанды интеллект пен робототехника саласындағы қазіргі жетістіктер тек тапсырмаларды орындау қабілетімен ғана шектелмей, сонымен қатар шешім қабылдау, өзгермелі жағдайларға бейімделу және басқа субъектілермен өзара әрекеттесу мүмкіндігі бар технологиялық шешімдердің пайда болуына әкелді. Осыған байланысты зерттеушілердің алдында мұндай жүйелерді құқық субъектісі ретінде тану мүмкіндігі туралы мәселе туындайды.

Бұл зерттеу адамды жоғарғы құндылық әрі құқықтық реттеудің негізгі өлшемі ретінде танитын антропоцентризм ұстанымына негізделген. Философиялық-антропологиялық, салыстырмалы-құқықтық және функционалды-аналитикалық әдістерді қолдана отырып, автор цифрлық дәуірдегі дәстүрлі құқықтық түсініктің шектеулерін ашады және интеллектуалдық агенттерді еңбек құқығы субъектісі ретінде танудың мүмкін еместігін дәлелдейді. Зерттеуде адамның онтологиялық және құқықтық басымдығын сақтауға ерекше назар аударылып, интеллектуалдық жүйелердің еңбек құралы ретіндегі мәртебесін нормативтік тұрғыда бекіту бойынша ұсыныстар тұжырымдалады. Сонымен қатар, адамның технологиялармен өзара іс-қимылының қауіпсіздігін, тұрақтылығын және этикалық негізін қамтамасыз ету үшін еңбек заңнамасын жаңғырту қажеттігі негізделеді.

Автор еңбек құқықтық реттеу саласында адамның орнын технологиямен алмастыруға байланысты тәуекелдерге ерекше назар аударады және «техносубъектілерді» құру мүмкіндігін қарастыратын ғылыми тұжырымдамаларды келтіреді.

Мақалада интеллектуалдық жүйелерді еңбек құралы ретінде нормативтік тұрғыда бекітудің қажеттілігі негізделіп, Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне интеллектуалдық және роботтандырылған жүйелермен өзара әрекеттесу қауіпсіздігін реттеуге бағытталған нақты өзгерістер ұсынылған.

Мақалада еңбек құқығын бейімдеу антропоцентризмнен бас тартуға емес,

керісінше, оны ұғымдық тұрғыда жаңартуға негізделуі тиіс деген тұжырым жасалады. Адам құқықтық жүйенің орталық тұлғасы болып қалуы қажет, ал технологиялар — оның еңбек әлеуетін іске асырудың құралы ретінде қарастырылуы тиіс.

Түйінді сөздер: еңбек құқығы, антропоцентризм, жасанды интеллект, цифрландыру, құқық субъектісі, робот, құқықтық субъектілік, еңбектің трансформациясы, құқықтық реттеу, интеллектуалдық жүйелер.

© D.B. Razyeva¹, 2025

¹ Alikhan Bokeikhan University, Семей, Қазақстан
(E-mail: ¹razieva@mail.ru)

ANTHROPOCENTRIC APPROACH AND THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL SUBJECT IN THE DIGITAL AGE: CHALLENGES FOR LABOR LAW

Abstract. Recent advances in artificial intelligence and robotics have led to the emergence of technological solutions capable not only of performing tasks, but also of making autonomous decisions, adapting to changing conditions, and interacting with other entities. In this regard, researchers are faced with the question of whether such systems can be recognized as subjects of law.

This study is based on the anthropocentric approach, according to which the human being is recognized as the highest value and the primary reference point for legal regulation. By applying philosophical-anthropological, comparative legal, and functional-analytical methodologies, the author explores the limitations of traditional legal understanding in the digital era and argues against the recognition of intelligent agents as subjects of labor law. The focus is placed on preserving the ontological and legal primacy of the human in new labor formats, while proposals are formulated for the normative designation of intelligent systems as tools of labor. The article substantiates the need to modernize labor legislation to ensure the safety, sustainability, and ethical nature of human–technology interaction.

The author draws special attention to the risks associated with replacing the human being in the legal regulation of labor and presents scientific concepts that allow for the possibility of creating “techno-subjects.”

The article substantiates the need to legally define intelligent systems as tools of labor and proposes specific amendments to the Labor Code of the Republic of Kazakhstan aimed at regulating the safety of interaction with intelligent and robotic systems.

It is concluded that the adaptation of labor law should be based not on the rejection of anthropocentrism, but on its conceptual renewal. The human being must remain the central figure of the legal system, while technology should serve as a means of realizing human labor potential.

Keywords: labor law, anthropocentrism, artificial intelligence, digitalization, legal subject, robot, legal subjectivity, transformation of labor, legal regulation, intelligent systems.

References:

1. Kant, I. Osnovy metafiziki нравственности / Immanuel Kant // [perevod s nemetskogo B. Fohta, N. Sokolova]. - M.: «AST», 2023. - 384 s. // Retrieved from <https://content.imgorod.ru/nomenclature/29/892/2989241.pdf>. (data obrashcheniya: 06.05.2025).
2. Gegel, G.V.F. Filosofiya prava [Per. s nem.] / Georg Vilgelm Fridrih Gegel // [Avt. vstup. st., s. 3-43, i primech. V.S. Nersesjanc]; AN SSSR, In-t filosofii. - M.: Mysl, 1990. - 524 s.
3. Petrazhitskiy, L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравственности v 2 ch. Chast 1 // L.I. Petrazhitskiy // - M.: «Yurait», 2023. - 237 s. - (Antologiya mysli). - ISBN 978-5-534-08031-5. // Retrieved from <https://urait.ru/bcode/513687>. (data obrashcheniya: 06.05.2025).
4. Glahé, Ph. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht. Leben und

Wirken Gustav Radbruchs / Ph. Glahé // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/359171595_Gesetzliches_Unrecht_und_ubergesetzliches_Recht_Leben_und_Wirken_Gustav_Radbruchs. (gesehen am 06.05.2025).

5. Pavlov, V.I. Metodologicheskie osnovaniya antropologicheskoi kontseptsii prava / V.I. Pavlov // Retrieved from https://www.academia.edu/8347306/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%9E%D0%94%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%95_%D0%9E%D0%A1%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%AF_%D0%90%D0%9D%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%99_%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%A6%D0%98%D0%98_%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%90_%D1%80%D1%83%D1%81_ (data obrashcheniya: 06.05.2025).

6. Pavlov, V.I. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie / V.I. Pavlov // uchrezhdenie obrazovaniya «Akad. M-va vnutr. del Resp. Belarus». - Minsk: Akademiya MVD, 2017. - 262 s.

7. Chestnov, I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. Monografiya. / I.L. Chestnov // Postklassicheskaya teoriya prava. Monografiya. SPb.: «Alef-Press», 2012. - 650 s.

8. Rulan, N. Yuridicheskaya antropologiya. Uchebnik dlya vuzov. Perevod s frants. Otvetstvennyi redaktor - chlen-korr. doktor yuridicheskikh nauk, professor V.S. Nersesyants / N. Rulan // - M.: «NORMA», 1999 - 310 s. // <https://reallib.org/reader?file=671055> (data obrashcheniya: 06.05.2025).

9. Nussbaum, M. Creating Capabilities: The Human Development Approach / M. Nussbaum // - Harvard University Press, 2011 Retrieved from https://www.academia.edu/28662520/Creating_Capabilities_The_Human_Development_Approach. (date of reference: 06.05.2025).

10. Villey, M. La formation de la pensée juridique moderne. Cours d'histoire de la philosophie du droit / M. Villey // Revue Philosophique de la France Et de l'Etranger. -1976. - №166 (1). - P. 61-62. // Retrieved from <https://philpapers.org/rec/VILLFD-6>. (date de l'appel: 06.05.2025).

11. Gutsu, S.F. Transformation of Legal Labor Regulation Under Influence of Artificial Intelligence / S.F. Gutsu, A. Bublikov // - 2022. - P. 599–617. // Retrieved from https://doi.org/10.1007/978-3-030-94259-5_51 // <https://scispace.com/papers/transformation-of-legal-labor-regulation-under-influence-of-1pr2e6f4>. (date of reference: 06.05.2025).

12. Faioli, M. (n.d.). Robot Labor Law. Research lines for a new branch of labour law and in view of the 2024 G7 session on artificial intelligence. Social Science Research Network. / M. Faioli // Retrieved from <https://doi.org/10.2139/ssrn.4818008> // <https://scispace.com/papers/robot-labor-law-research-lines-for-a-new-branch-of-labour-239uohaqux>. (date of reference: 06.05.2025).

13. Jakab, N. Az automatizálás munkaerőpiaci és munkajogi kérdései / N. Jakab, Zs. Rácz, L. Berényi // European Journal of Legal Studies. - 2020. - №4. // Retrieved from <https://doi.org/10.47745/ERJOG.2020.04.06>. (a kérelem dátuma: 06.05.2025).

14. Lebedev, V.M. Filosofiya trudovogo prava: monografiya / V.M. Lebedev // - M.: Norma: INFRA-M, 2021. - 128 s. - ISBN 978-5-00156-098-2. // Retrieved from <https://znanium.ru/catalog/product/1178770> (data obrashcheniya: 06.05.2025).

15. Hasenov, M.H. Trudovoe pravo Respubliki Kazakhstan: uchebnik. V 3-h t. T.1. Obshchaya chast. / M.H. Hasenov // - Almaty: Smart University Press, 2023. - 504 s.

16. Wiater, P. Robots and Human Rights: A Matter of Coherence? / P. Wiater // Retrieved from <https://www.ejiltalk.org/robots-and-human-rights-a-matter-of-coherence/> (date of reference: 06.05.2025).

17. Mays, K.K., et al. The Robot Rights and Responsibilities Scale. / K.K. Mays et al. // International Journal of Human–Computer Interaction. -2024. - №41(5). - P. 3413-3430. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/10447318.2024.2338332> (date of reference: 06.05.2025).

18. Prah, A. Out with the humans, in with the machines?: Investigating the behavioral and psychological effects of replacing human advisors with a machine. / A. Prah, L.M. Van Swol // Human-Machine Communication. - 2021. - №2. - P. 209-234. // Retrieved from <https://doi.org/10.30658/hmc.2.11> (date of reference: 16.06.2025).

19. Saktaganova, I.S. *Primenenie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudiya: perspektivy i vyzovy.* / I.S. Saktaganova, E.V. Mitskaya, A.B. Saktaganova // *Nauchno-pravovoi zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan».* - 2025. - №80(1). // Retrieved from https://doi.org/10.52026/2788-5291_2025_80_1_68 (data obrashcheniya: 16.06.2025).

20. Dégallier-Rochat, S. *Human augmentation, not replacement: A research agenda for AI and robotics in the industry.* / S.Dégallier-Rochat, M.Kurpicz-Briki, N.Endrissat, O. Yatsenko // *Frontiers in Robotics and AI.* - 2022. - №9. // Retrieved from <https://doi.org/10.3389/frobt.2022.997386> (date of reference: 16.06.2025).

Автор туралы мәліметтер:

Сведения об авторе:

Information about authors:

Разиева Динара Багдатқызы - хат-хабарларға арналған автор, PhD докторы, азаматтық-құқықтық пәндер кафедрасының аға оқытушысы, Alikhan Bokeikhan University, A. Құнанбаев көшесі, 94/1, 071400, Семей, Қазақстан.

E-mail: razieva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9930-4375>; Scopus Author ID: 57189506572.

Разиева Динара Багдатовна - автор для корреспонденции, доктор PhD, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Alikhan Bokeikhan University, улица А. Кунанбаева, 94/1, 071400, Семей, Казахстан.

E-mail: razieva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9930-4375>; Scopus Author ID: 57189506572.

Raziyeva Dinara Bagdatovna - corresponding authors, PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Alikhan Bokeikhan University, 94/1 A. Kunanbaev Street, 071400, Semey, Kazakhstan.

E-mail: razieva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9930-4375>; Scopus Author ID: 57189506572.

ӘЛЕУМЕТТАНУ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ФИЛОСОФИЯСЫ
СОЦИОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
SOCIOLOGY AND PHILOSOPHY OF LAW

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
 И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
 ISSN 2788-5283
 eISSN 2788-5291
 ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 306-316

УДК 34.01
 ГРНТИ 10.07.61
 DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_306
 Научная статья

© **З.К. Аюпова^{1*}, Д.У. Кусаинов², 2025**

¹ Казахский национальный аграрный исследовательский университет, Алматы, Казахстан

² Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан
 (E-mail: zaure567@yandex.ru; daur958@mail.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ХОДЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка всестороннего осмысления влияния модернизации ценностных установок - правовых, моральных и культурных - на правовую систему Республики Казахстан. Особое внимание при этом уделяется анализу недавних конституционных реформ, которые стали неотъемлемой частью реализации государственной инициативы, известной под названием «Новый Справедливый Казахстан». В центре внимания - не только институциональные преобразования, но и более глубокие процессы трансформации общественного сознания, связанные с переосмыслением фундаментальных ценностей, прав и свобод личности.

Одним из ключевых аспектов, рассматриваемых в рамках данной темы, является поэтапный процесс модернизации правовых и социокультурных ценностей в трансформации правовой системы.

Это проявляется в стремлении к повышению роли Парламента и политических партий, институтов гражданского общества, расширению его законодательных и контрольных функций, а также в повышении уровня подотчётности государственных органов перед обществом. Такие шаги, как представляется, направлены на формирование более прозрачной, ответственной и ориентированной на граждан правовой системы.

В контексте современного этапа развития Казахстана данные изменения также сопряжены с укреплением национальной идентичности, что, в свою очередь, представляет собой важный элемент в условиях глобализации. Параллельно прослеживается устойчивый курс на дальнейшее углубление рыночных реформ и экономической модернизации. Особо подчёркивается необходимость поиска и поддержания баланса между сохранением традиционных культурных и исторических ценностей и активной интеграцией в глобальное сообщество.

Опираясь на отечественный опыт, статья обращается к накопленному материалу эволюции теоретико-методологических положений изучения структуры правовой системы и некоторых подходов к правовой политике государства.

Вместе с тем подчёркивается важность критического подхода к заимствованию

* Автор для корреспонденции. E-mail: zaure567@yandex.ru.

зарубежного опыта, а также необходимость учёта культурных, исторических и ментальных особенностей казахстанского общества.

Ключевые слова: модернизация, ценности, правовая система, преемственность, национальная идентичность, правосознание, права человека.

Введение

Модернизация ценностей — это сложный и многоаспектный процесс, который оказывает глубокое влияние на правовую систему любого государства. Правовая система, в свою очередь, является отражением ценностных ориентаций общества, его моральных устоев и представлений о справедливости.

Право, будучи инструментом социального регулирования, неизбежно несет на себе отпечаток господствующей системы ценностей, отражая ее идеалы и стремления. В контексте глобализации и стремительных социальных изменений, модернизация ценностей становится не просто желательным, а необходимым условием для успешного развития государства и обеспечения его конкурентоспособности на мировой арене. Этот процесс, однако, не должен рассматриваться как простое заимствование западных моделей или отказ от собственных традиций, а как творческий синтез, учитывающий как универсальные принципы, так и национальную специфику [1, с. 12].

В Казахстане, как и во многих других странах постсоветского пространства, процесс модернизации ценностей имеет свои специфические особенности. Наше государство придерживается политики интеграции, цифровизации при полной приверженности к сохранению традиционных ценностей. Для этого необходимо выдерживать баланс между этническими особенностями и западными ценностями. Демократическое правовое государство, во главе угла которого стоят права и свободы человека и гражданина, олицетворяет процесс модернизации сквозь призму общечеловеческих ценностей. Правовая система и реформы, продолжающиеся в нашем обществе, ярко свидетельствуют о политике демократизации. Без этого модернизация рискует остаться поверхностной и не принести ожидаемых результатов [2, с. 89].

Активное участие граждан, в свою очередь, требует не только правовой грамотности, но и доступа к информации и возможности свободно выражать свое мнение [3, с. 136].

Данная статья посвящена исследованию роли и места модернизации ценностей в трансформации правовой системы Казахстана. Целью статьи является выявление ключевых факторов, определяющих этот процесс, а также анализ конкретных изменений, которые происходят в правовой культуре. В рамках этого исследования мы будем опираться на правосознание и правовую политику страны, достижения современной философии права, социологии, политологии и других смежных дисциплин, учитывать исторический опыт модернизации в различных странах мира. Рассмотрим, к примеру, японский опыт, где сочетание технологического прогресса и традиционных ценностей, таких как коллективизм и уважение к старшим, позволило создать инновационную экономику, сохраняя уникальную культурную идентичность [4, р. 45]. Китайская модель, напротив, характеризуется государственным контролем и рыночными механизмами, где акцент делается на экономическом развитии и социальной стабильности, что нередко достигается за счет ограничения индивидуальных свобод [5, р. 112]. В США модернизация ценностей строится на принципах индивидуализма, свободы и конкуренции, что сформировало инновационную, но вместе с тем и социально поляризованную систему [6, р. 156]. Германия, в свою очередь, демонстрирует важность рациональности, социальной справедливости и правового сознания, что позволяет создать эффективное социальное государство с высоким уровнем доверия к институтам [7, р. 200]. Страны Скандинавии, такие как Швеция и Дания, показывают успешные примеры модернизации ценностей, основанные на принципах равенства, социальной солидарности и устойчивого развития, где высокое доверие к государству и

активное участие граждан в политической жизни способствуют созданию сбалансированной и справедливой социальной системы [8, р. 67]. Опыт стран Латинской Америки, напротив, часто сопровождался социальной напряженностью, неравенством и политической нестабильностью, что подчеркивает важность учета специфического контекста и разработки инклюзивных стратегий, учитывающих интересы всех слоев населения [9, р. 234]. В странах Восточной Европы, после падения коммунистических режимов, модернизация ценностей была связана с переходом к демократии и рыночной экономике, однако этот процесс сопровождался и рядом проблем, таких как коррупция и социальное неравенство, что требует укрепления институтов гражданского общества и обеспечения прозрачности государственного управления [10, р. 34]. Опыт стран Африки показывает, что модернизация ценностей сталкивается с особыми вызовами, связанными с сохранением культурной самобытности, преодолением бедности и обеспечением политической стабильности, где важно сочетание традиционных ценностей с современными демократическими принципами для создания устойчивого и справедливого общества [11, р. 78]. Анализ опыта стран Азии, таких как Южная Корея и Сингапур, демонстрирует важность инвестиций в образование и науку, а также создания благоприятного инвестиционного климата для привлечения передовых технологий и развития инновационной экономики, что требует сильной государственной правовой политики и активного участия частного сектора [12, р. 112].

В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- Определение сущности и содержания понятия «модернизация ценностей» в контексте правовой системы, опираясь на различные философские и социологические подходы.

- Анализ влияния модернизации ценностей на правовую культуру, правосознание и правовую политику Казахстана, с учетом специфики казахстанского общества и его исторического развития.

- Исследование междуна-

родного опыта модернизации ценностей и его применимости к условиям Казахстана, выделяя как позитивные, так и негативные примеры.

- Изучение современных подходов к правовой системе на основе мирового опыта. Наша правовая система основана на принципе защиты прав и свобод человека и гражданина.

Поскольку право является регулятором общественных отношений, то система запретов и дозволений выступает краеугольной и важной. В широком смысле право означает совокупность справедливых законов в цивилизованном гражданском обществе. Значит, провозглашение правового государства и естественного права лежат в основе развитой правовой системы.

Динамизм правовых преобразований не ослабевает, правовая система, видимо, будет еще более усложняться. Трудная и ответственная задача для правовых наук - осмысление этих процессов, специализированно и общетеоретически, структурно и системно, в юридическом и философско-правовом аспектах. Особую роль играет сохранение и модернизация ценностей, основанных на национальной идентичности государства. В эпоху глобализации все ярче выражается раскрытие эволюционных процессов в общественном сознании.

Правовая система, модернизация ценностей в трансформации правовой системы направлены на построение демократического правового государства, строительство которого идет с момента обретения независимости.

Правовая система, в свою очередь, должна стать инструментом укрепления этой идентичности, обеспечивая равные возможности для всех граждан и защиту их прав и свобод.

Правовая система есть упорядоченное целое, в рамках которого правовые явления закономерно связаны между собой и проявляют в этой связи необходимые, а не случайные свойства.

Материалы и методы

Для всестороннего исследования роли и места модернизации ценностей в трансформации правовой системы

Казахстана был применен комплексный методологический подход, сочетающий теоретические и эмпирические стратегии анализа. Этот подход позволил рассмотреть модернизацию ценностей как многогранный процесс, затрагивающий различные аспекты общества и государства. Теоретический анализ, включающий глубокий обзор научной литературы по юриспруденции, международному праву, позволяет глубоко изучить и «правовую культуру» [13, р. 45]. В частности, анализ трудов, посвященных проблемам глобализации, трансформации правовых систем и формированию национальной идентичности, способствовал формированию широкой перспективы на изучаемый феномен. Сравнительный анализ правовых систем различных стран и опыта модернизации ценностей в разных культурных контекстах был проведен с целью выявления общих закономерностей и специфических особенностей этого процесса. Этот анализ, в свою очередь, позволил оценить применимость международного опыта к условиям Казахстана, учитывая его уникальные исторические и культурные особенности [14, р. 78].

Результаты и обсуждение

В современных условиях возрастает роль модернизации ценностей, особенно в свете прав и свобод человека и гражданина. Тема данной статьи относится не только к общей теории права по установившейся классификации правовых наук и учебных дисциплин. Все это свидетельствует о необходимости изучения данной проблематики. Мы подразумеваем реформу национального законодательства, а не внесение изменений и дополнений в отдельные нормативно-правовые акты. Нам нужны такие законы, которые креативно отражают современные реалии.

Поскольку в структуре правовой системы праву принадлежит ведущая роль, то оно должно гибко коррелировать с другими элементами. Правовая система скрупулезно изучается на протяжении многих лет юристами-правоведами, политологами, философами.

Использование системного подхода позволило рассматривать

правовую систему как сложную, взаимосвязанную систему, на которую оказывают влияние различные факторы, в том числе модернизация ценностей. Применение данного подхода способствовало выявлению ключевых элементов правовой системы, которые наиболее подвержены влиянию ценностных изменений, а также определению механизмов этого влияния [15, р. 123]. Концепция идеальных типов, разработанная Максом Вебером, использовалась для создания идеализированных моделей различных типов правовых систем и оценки их соответствия реальной ситуации в Казахстане [16, р. 201]. Институциональный анализ, опирающийся на работы Дугласа Норта и других исследователей, позволил выявить ключевые институты, участвующие в процессе модернизации ценностей, а также оценить их роль и эффективность [17, р. 56]. Наряду с теоретическими приемами в исследовании были использованы и эмпирические подходы.

Анализ нормативных правовых актов, включая Конституцию РК, законы и указы Президента, позволил определить правовые основы модернизации ценностей в Казахстане и оценить соответствие национального законодательства международным стандартам. Анализ статистических данных, социологические опросы, экспертные интервью и контент-анализ средств массовой информации были применены для изучения общественного мнения, выявления ценностных ориентаций граждан Казахстана и оценки ее эффективности.

В настоящее время конкретизируется само понятие правовой системы, ее структурных элементов, системы права, системы законодательства, появляются креативные дефиниции.

Глобальные тенденции и международный опыт, безусловно, играют свою роль в формировании правовых и социокультурных ценностей, однако ни одно общество не может полностью копировать чужие практики без учета собственной идентичности и внутреннего контекста.

Для успешной модернизации ценностей необходимо не только

принимать во внимание международные стандарты, но и учитывать специфику казахстанского общества, его традиции и культурное наследие. Исследование показало, что Казахстан сталкивается с определенной трудностью в гармонизации этих двух компонентов - традиции и модернизации. Применение системного подхода позволило рассматривать правовую систему как взаимосвязанную структуру, где все элементы системы - от законодательных актов до судебной практики - подвержены воздействию процесса модернизации ценностей.

Анализ проблематики модернизации правовых и социокультурных ценностей требует учитывать не только правовые, но и социальные аспекты, в частности уровень правовой культуры населения и доступность юридической помощи.

В различных странах правовая система изучается при помощи различных методов и приемов. В европейских государствах во главу угла ставятся цифровизация и достижения естественных наук. В постсоветских государствах закону и праву отводится ведущая роль.

Мы опирались в нашей статье на имеющийся опыт в этой области в плане изучения модернизации правовых и социо-культурных ценностей в трансформации правовой системы. При проведении исследования мы использовали диалектический метод, сравнительно-правовой метод, метод системного анализа, синтез, логический метод.

Процесс модернизации правовых и социо-культурных ценностей в трансформации правовой системы во многом определяют уровень доверия населения к государству и готовность общества к восприятию новых социальных норм.

Результаты социологических опросов и экспертных интервью свидетельствуют о том, что модернизация ценностей в Казахстане находит определённую поддержку среди населения, однако сохраняются опасения, связанные с возможной утратой национальной идентичности и культурных традиций. Эти тревоги во многом обусловлены влиянием

глобализационных процессов, которые воспринимаются как вызов сохранению привычного образа жизни. При этом казахстанцы подчёркивают важность поиска баланса между внедрением новых ценностей и сохранением уникальных черт национальной культуры, включая язык, религию, семейные и образовательные традиции. Именно эти сферы становятся предметом особого внимания в процессе реформ. В правовой системе важна тесная взаимосвязь структурных элементов, так как право призвано регулировать общественные отношения.

С позиций социологической школы права, историческая школа права, в какой-то степени, является продуктом и опорой тоталитарных режимов. Здесь нельзя видеть в праве только карательную, репрессивную роль. Наоборот, право призвано регулировать общественные отношения, обеспечивать правопорядок в обществе, обеспечивать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Так что, насколько высоко ни было бы место и значение правовой культуры в обществе и правовой системе, она все-таки не всесильна. Благотворное воздействие политики и власти на право, его систему и культуру не всегда общеизвестно (правовые ценности объявлялись «факультетом ненужных вещей»).

В правосознании особо выделяется правовое мировоззрение, в которое входят некоторые элементы и обыденного, и теоретического сознания. Правовая система представляет собой особый мир права, соответственно этому, правовое мировоззрение состоит из юридических знаний и убеждений, элементов психологии и идеологии, обычаев и традиций. Самостоятельными элементами юридического мировоззрения, на наш взгляд, являются правовые вера и идеалы. Мировоззренческий характер носят такие структурные части правовой культуры, как правовые ценности и особый феномен - правовая воля, которая, возможно, имеет и объективные измерения. Данная миссия права направлена на создание эффективного механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Все элементы правовой системы осуществляют свойственные им функции, основные направления деятельности по осуществлению стоящих перед ними задач. Конечно, в данном аспекте право не может выступать безликим институтом, наоборот, оно наполнено глубоким смыслом и содержанием.

Роль и место традиций, в том числе правовых, не нуждаются в преувеличениях их значения. Поэтому воспроизведение достоинств прежних государственных и правовых институтов не есть самовосхваление или призыв к возврату в прошлое. Следует только внимательнее и бережнее относиться к наследию истории и культуры, и мы увидим, что действительно всякое новое есть хорошо забытое старое, рациональные стороны которого нуждаются в умелой модернизации.

Взамен марксистской методологии некоторые юристы предлагают, прежде всего, ценности традиционной национальной культуры, в том числе правовой и политической, а также ценности традиционных структур и систем - социальной, экономической, правовой, политической - во взаимосвязи с достижениями западной и восточной культур и цивилизаций. Другое дело, что эти «предложения» не вполне учитываются властными структурами или вовсе игнорируются маргинализированной частью интеллигенции, нередко встречая с ее стороны яростное сопротивление.

Место и значение правовой культуры, ее роли в правовой системе неоспоримы и анализ, возможно, даже выходит за рамки общей теории права и в значительной степени представляют предмет философии права. Наблюдается стремление сузить общее представление о структуре правовой системы, свести их лишь к системе права и системе законодательства (т.е. суждения о ценностном смысле с точки зрения Идеи права) наличных правовых форм бытия права и связанных с ними общественных институтов.

Вопросы модернизации ценностей в трансформации правовой системы Казахстана всегда находятся в центре внимания юристов-правоведов. Тем более, что такие элементы, как система

законодательства, правовая культура недостаточно изучены на сегодняшний день.

Заключение

Наша страна не случайно считается залогом стабильности, сохранения порядка и постепенной модернизации через реформы, направленные на консолидацию власти. В нынешних реалиях все развитые государства взяли курс на строительство цивилизованного общества, основной акцент при этом делается на соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Происходящая трансформация общественного сознания, повышение прозрачности власти, демократическая политическая система, интеграция общечеловеческих принципов, строительство цивилизованного общества, соблюдение прав и свобод человека и гражданина свидетельствуют о реализации теории разделения властей с системой сдержек и противовесов.

Современные тенденции и особенности говорят нам о четком курсе властей, направленном на соблюдение демократических ценностей и приоритета естественного права.

Правовые реформы в сфере экономики не исчерпываются проблемами рыночных отношений и собственности. Да и эти фундаментальные проблемы содержат в себе много относительно самостоятельных, сложных и актуальных проблем, привлекающих обостренное внимание как правовой теории, так и законодательной и юридической практики.

Динамизм правовых преобразований не ослабевает, правовая система, видимо, будет еще более усложняться. Трудная и ответственная задача для правовых наук - осмысление этих процессов, специализированно и общетеоретически, структурно и системно, в юридическом и философско-правовом аспектах. Особую роль играет сохранение и модернизация ценностей, основанных на национальной идентичности государства. В эпоху глобализации все ярче выражается раскрытие эволюционных процессов в

общественном сознании.

В заключение еще раз отметим, что тема нашей статьи посвящена изучению модернизации ценностей в трансформации правовой системы Казахстана. Для нас было очень важно изучить казахстанский и зарубежный опыт в этой области, как складывается ситуация с обеспечением и защитой прав и свобод человека и гражданина.

Мы признаем: правовая система, существуя в правовой реальности (правовой действительности, правовой жизни), не охватывает все полностью, в целом. Она есть одна из сторон этих проявлений бытия права.

Правовая система - такая сторона правовой реальности, в которой последняя приобретает конкретно-историческую (или историко-культурную) и пространственно-временную определенность.

Данная система есть упорядоченное целое, в рамках которого правовые явления закономерно связаны между собой и проявляют в этой связи необходимые, а не случайные свойства.

Правовая система предстает,

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR24993269 «Эволюция и трансформация ценностных ориентиров казахстанского общества в период Независимости»).

Вклад авторов

Аюпова З.К. - сбор, анализ и обработка данных, написание основного текста статьи, редактирование, окончательное утверждение к публикации.

Кусаинов Д.У. - разработка концепции статьи, исследование литературы, оформление и структурирование текста.

Список литературы:

1. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм // Наука. - 1996. - С. 12-45.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл, // Academia. - 1999. - С. 89-102.
3. Сморгунова, В.Ю. Гражданское участие в современной России: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. / В.Ю. Сморгунова // - 2011. - №3. - С. 136-148.
4. Benedict, R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture / R. Benedict // Houghton Mifflin Harcourt. - 1946. - P.45-67.
5. Pye, L.W. Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority / L.W. Pye // Harvard University Press. - 1985. - P.112-134.
6. Bellah, R. et al. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life / R. Bellah // University of California Press. - 1985. - P. 156-178.
7. Dahrendorf, R. Society and Democracy in Germany / R. Dahrendorf // Weiden-

как внутренне организованная, динамическая целостность, состоящая из процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию правовых явлений и взаимосвязей между ними. Важно, чтобы этот процесс не стал имитацией западных моделей, а представлял собой уникальное сочетание современных достижений и казахстанской идентичности. Мы пришли к выводу: определение элементов системы во многом связывается с ее субстанциональной характеристикой; элемент есть минимальный носитель атрибутивных свойств составляющей системы субстанции.

Таким образом, синтез эндогенных традиций и экзогенных инноваций является залогом успешного развития Казахстана. Объединение национальных ценностей с современными мировыми стандартами позволяет создать устойчивую платформу для реформ, способствующих развитию демократического общества, технологической модернизации и социальной гармонии в стране.

feld & Nicolson. - 1967. - P. 200-224

8. Rothstein, B. Social Traps and the Problem of Trust / B. Rothstein // Cambridge University Press. - 2005. - P. 67-89.

9. Domínguez, J.I. Cuba: Internal and International Affairs / J.I. Domínguez // Sage Publications. - 1982. - P. 234-245.

10. Sampson, S. An End to Ideology in Albania? Political Beliefs and Social Relations in the Post-Communist Era // S. Sampson // East European Monographs. - 1993. - P. 34-56.

11. Mazrui, A.A. Cultural Forces in World Politics / A.A. Mazrui // James Currey Publishers. - 1990. - P. 78-89.

12. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel // Cambridge University Press. - 2005. - P. 112-134.

13. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson // Sage. - 1992. - P. 45-67.

14. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S.P. Huntington // Simon & Schuster. - 1996. - P. 78-98.

15. Parsons, T. The Social System / T. Parsons // Free Press. - Glencoe, IL. - 1951. - P. 123-145.

16. Weber, M. Economy and Society / M. Weber // University of California Press. - Berkeley. - 1978. - P. 201-223.

17. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D.C. North // Cambridge University Press. - 1990. - P. 56-78.

© **З.К. Аюпова¹, Д.Ө. Құсайынов², 2025**

¹ Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, Алматы, Қазақстан

² Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан
(E-mail: zaure567@yandex.ru; daur958@mail.ru)

ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖҮЙЕНІ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ БАРЫСЫНДА ҚҰҚЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫ ЖАҢҒЫРТУ

Аннотация. Осы мақалада Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесіне құндылықтық ұстанымдардың - құқықтық, моральдық және мәдени - жаңғыруының ықпалын жан-жақты түсіндіру әрекеті жасалады. Бұл ретте «Әділетті Қазақстан» мемлекеттік бастамасын жүзеге асыру аясында жүргізілген конституциялық реформаларды талдауға ерекше көңіл бөлінеді. Назар орталығында тек институционалдық өзгерістер ғана емес, сонымен қатар қоғам санасының терең трансформациясы, негізгі құқықтар мен бостандықтарға және түбегейлі құндылықтарға қайта көзқарас қалыптастыру үдерісі тұр.

Осы тақырып аясында қарастырылатын негізгі аспектілердің бірі-құқықтық жүйені трансформациялаудағы құқықтық және әлеуметтік-мәдени құндылықтарды жаңғыртудың кезең-кезеңімен жүзеге асырылуы.

Бұл Парламент пен саяси партиялардың, азаматтық қоғам институттарының рөлін арттыруға, оның заңнамалық және бақылау функцияларын кеңейтуге, сондай-ақ мемлекеттік органдардың қоғам алдындағы есеп беру деңгейін арттыруға ұмтылудан көрінеді. Мұндай қадамдар неғұрлым ашық, жауапты және азаматтарға бағытталған құқықтық жүйені қалыптастыруға бағытталған сияқты.

Қазақстанның қазіргі даму кезеңі аясында бұл өзгерістер ұлттық бірегейлікті нығайтумен ұштасады, бұл өз кезегінде жаһандану жағдайындағы маңызды элементті білдіреді. Сонымен қатар, нарықтық реформалар мен экономикалық модернизацияны одан әрі тереңдетудің тұрақты бағыты байқалады. Дәстүрлі мәдени және тарихи құндылықтарды сақтау мен жаһандық қоғамдастыққа белсенді интеграция арасындағы тепе-теңдікті табу және сақтау қажеттілігі ерекше атап өтіледі.

Отандық тәжірибеге сүйене отырып, мақала құқықтық жүйенің құрылымын және мемлекеттің құқықтық саясатына кейбір көзқарастарды зерттеудің теориялық және

әдіснамалық ережелерінің эволюциясының жинақталған материалына жүгінеді.

Сонымен қатар, шетелдік тәжірибені қарызға алуға сыни көзқарастың маңыздылығы, сондай-ақ қазақстандық қоғамның мәдени, тарихи және психикалық ерекшеліктерін ескеру қажеттілігі атап өтіледі.

Түйінді сөздер: жаңғырту, құндылықтар, құқықтық жүйе, сабақтастық, ұлттық бірегейлік, құқықтық сана, адам құқықтары.

© Z.K. Ayupova¹, D.U. Kussainov², 2025

¹ Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, Kazakhstan

² Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty Kazakhstan
(E-mail: zaure567@yandex.ru; daur958@mail.ru)

MODERNIZATION OF LEGAL AND SOCIO-CULTURAL VALUES DURING THE TRANSFORMATION OF THE LEGAL SYSTEM

Abstract. This article undertakes a comprehensive reflection on the impact of the modernization of value orientations - legal, moral, and cultural - on the legal system of the Republic of Kazakhstan. Particular attention is given to the analysis of recent constitutional reforms, which have become an integral part of the state initiative known as "New Fair Kazakhstan". The focus is placed not only on institutional transformations but also on the deeper processes of public consciousness transformation related to the rethinking of fundamental values, rights, and freedoms.

One of the key aspects considered within this topic is the gradual process of decentralization of state power. This is reflected in the efforts to strengthen the role of Parliament, expand its legislative and oversight functions, and increase the accountability of state bodies to society. Such measures appear aimed at creating a more transparent, responsible, and citizen-oriented legal system.

This is reflected in the desire to enhance the role of Parliament and political parties, civil society institutions, expand its legislative and oversight functions, as well as increase the level of accountability of government agencies to society. Such steps seem to be aimed at creating a more transparent, responsible and citizen-oriented legal system.

In the context of the current stage of Kazakhstan's development, these changes are also associated with the strengthening of national identity, which, in turn, is an important element in the context of globalization. At the same time, there is a steady course towards further deepening of market reforms and economic modernization. The need to find and maintain a balance between the preservation of traditional cultural and historical values and active integration into the global community is emphasized.

Based on the domestic experience, the article addresses the accumulated material of the evolution of theoretical and methodological provisions of the study of the structure of the legal system and some approaches to the legal policy of the state.

At the same time, the article stresses the importance of critically assessing foreign experience and taking into account the cultural, historical, and mental specificities of Kazakhstani society.

Keywords: modernization, values, legal system, succession, national identity, legal consciousness, human rights.

References:

1. Dyurkgeim, E. O razdelenii obshchestvennogo truda / E. Dyurkgeim // Nauka. - 1996. - S. 12-45.
2. Bell, D. Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya / D. Bell // Academia. - 1999. - S. 89-102.
3. Smorgunova, V.Yu. Grazhdanskoe uchastie v sovremennoi Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya / V.Yu. Smorgunova // Polis. Politicheskie issledovaniya. - 2011. - №3. - S. 136-148.
4. Benedict, R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture

- / R. Benedict, // Houghton Mifflin Harcourt. - 1946. - P.45-67.
5. Pye, L.W. Asian Power and Politics: The Cultural Dimensions of Authority / L.W. Pye // Harvard University Press. - 1985. - P.112-134.
6. Bellah, R. et al. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life / R. Bellah // University of California Press. - 1985. - P. 156-178.
7. Dahrendorf, R. Society and Democracy in Germany / R. Dahrendorf // Weidenfeld & Nicolson. - 1967. - P. 200-224.
8. Rothstein, B. Social Traps and the Problem of Trust / B. Rothstein // Cambridge University Press. - 2005. - P. 67-89.
9. Domínguez, J.I. Cuba: Internal and International Affairs / J.I. Domínguez // Sage Publications. - 1982. - P. 234-245.
10. Sampson, S. An End to Ideology in Albania? Political Beliefs and Social Relations in the Post-Communist Era / S. Sampson // East European Monographs. - 1993. - P. 34-56.
11. Mazrui, A.A. Cultural Forces in World Politics / A.A. Mazrui // James Currey Publishers. - 1990. - P. 78-89.
12. Inglehart, R. & Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel // Cambridge University Press. - 2005. - P. 112-134.
13. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson // Sage. - 1992. - P. 45-67.
14. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S.P. Huntington // Simon & Schuster. - 1996. - P. 78-98.
15. Parsons, T. The Social System / T. Parsons // Free Press. - Glencoe, IL. - 1951. - P. 123-145.
16. Weber, M. Economy and Society / M. Weber, // University of California Press. - Berkeley. - 1978. - P. 201-223.
17. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D.C. North // Cambridge University Press. - 1990. - P. 56-78.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Аюпова Зәуре Кәрімқызы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің профессоры, Абай даңғылы, 8, 050010, Алматы, Қазақстан.

E-mail: zaure567@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5925-1619>; Scopus Author ID: 57188326300.

Құсайынов Дәуренбек Өмірбекұлы - философия ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің профессоры, Достық даңғылы, 13, 050010, Алматы, Қазақстан.

E-mail: daur958@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-5986>; Scopus Author ID: 57207678423.

Аюпова Зауре Каримовна – автор для корреспонденции, доктор юридических наук, профессор, профессор Казахского национального аграрного исследовательского университета, проспект Абая, 8, 050010, Алматы, Казахстан.

Email: zaure567@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5925-1619>; Scopus Author ID: 57188326300.

Кусаинов Дауренбек Умирбекович - доктор философских наук, профессор, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая, проспект Достык, 13, 050010, Алматы, Республика Казахстан.

E-mail: daur958@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-5986>; Scopus Author ID: 57207678423.

Ayupova Zaure Karimovna - corresponding authors, doctor of Law, professor, professor Kazakh National Agrarian Research University, 8 Abai Avenue, 050010, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: zaure567@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5925-1619>; Scopus Author ID: 57188326300.

Kussainov Daurenbek Umirbekovich - doctor of Philosophy, professor, professor Kazakh National Pedagogical University named after Abai, 13 Dostyk Avenue, 050010, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: daur958@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4274-5986>; Scopus Author ID: 57207678423.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 317-326

УДК 342.951:351.82
ГРНТИ 10.17.45
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_317
Научная статья

© Ж.У. Тлембаева^{1*}, 2025

¹Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан
(E-mail: zhanna.ot@mail.ru)

СТРАХОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые основы страхования профессиональной ответственности медицинских работников, как эффективного механизма защиты права на охрану здоровья. Автором акцентируется внимание на специфике медицинской деятельности, связанной с рисками причинения вреда здоровью пациентов, которые могут быть вызваны не только профессиональными нарушениями, но и иными субъективными и объективными факторами (например, малоизученность заболеваний, слабая материальная оснащенность клиник). Проведен обзор систем страхования профессиональной ответственности медицинских работников в развитых зарубежных странах. Анализ передовой практики страхования медицинского персонала в различных странах показывает, что несмотря на различия в подходах к регулированию, оно направлено на защиту врачей от финансовых рисков и обеспечение гарантированности компенсации причиненного здоровью или жизни пациентов вреда.

Проанализированы условия страхования профессиональной ответственности за вред, причиненный при оказании медицинских услуг, особенности договора страхования профессиональной ответственности медицинских работников, его содержание. Даны авторские определения терминов, связанных со страхованием профессиональной ответственности медицинских работников. Особое внимание уделено характеристике объекта страхования, страхового случая, которые рассматриваются в контексте целей страхования профессиональной ответственности.

По результатам анализа отечественной и зарубежных систем страхования автором выделены основные преимущества и возможности страхования профессиональной ответственности медицинских работников в Казахстане. Констатируется, что установленные законодательством правила страхования (обязательный характер страхования, установление размеров страховых премий и страховых выплат, наличие независимого органа по рассмотрению жалоб пациентов о выплате компенсации) направлены на обеспечение справедливости и прозрачности процедур страхования. Выявлены проблемы законодательства и практики применения нового вида страхования, предложены пути их решения.

Ключевые слова: страхование профессиональной ответственности, медицинские работники, пациент, возмещение вреда здоровью, объект страхования, страховой случай.

* Автор для корреспонденции. E-mail: zhanna.ot@mail.ru.

Введение

Сложившаяся в последние годы ситуация в здравоохранении, характеризуется ростом количества жалоб граждан на качество оказываемой медицинской помощи, судебных разбирательств, нередко завершающихся выплатой значительных компенсаций пациентам. В Министерство здравоохранения ежегодно поступает более 7000 жалоб граждан². В 2024 году в Фонд социального медицинского страхования поступило более 13,5 тысяч жалоб, из которых почти 98 процентов касаются оказания медицинской помощи³. Очевидно, что в сложившихся условиях особое значение приобретает обоснование страхования профессиональной ответственности медицинских работников, как эффективного механизма защиты прав граждан при оказании медицинской помощи.

Обзор зарубежной практики показал, что этот вид страхования является одним из популярных и наиболее эффективных способов гарантирования возмещения пациентам вреда и защиты врачей от финансовых затруднений, связанных с его возмещением. Однако внедрение страхования вызвало недоверие врачей к системе страхования, что обусловлено их слабой осведомленностью о преимуществах данного инструмента, а анализ действующего законодательства показал наличие в нем определенных проблем.

Целями настоящего исследования является комплексный анализ отечественного и зарубежного опыта регулирования и практики страхования профессиональной ответственности медицинских работников для выработки предложений и рекомендаций по совершенствованию данного института в Республике Казахстан (далее - РК).

Материалы и методы

С целью изучения института страхования профессиональной ответственности медицинских работников в статье проведен анализ положений Конституции РК, законов, приказов Министра здравоохранения по вопросам страхования медицинских работников, обзор научных публикаций, отчетов, интернет-источников.

Проведен анализ норм следующих нормативных правовых актов: Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения»⁴ (далее – Кодекс о здоровье), Гражданского кодекса РК (Особенная часть)⁵, Уголовного кодекса РК⁶, Кодекса РК «Об административных правонарушениях»⁷, Закона РК «О страховой деятельности»⁸; постановления Правительства РК от 24 ноября 2022 года № 945 «Об утверждении Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года»⁹; приказов Министра здравоохранения РК: от 24 июля 2024 года № 58 «Об утверждении Правил страхования профессиональной ответственности медицинских работников»¹⁰, от 28 июня

² «Не дают лекарства и нарушают этику». С какими жалобами на врачей казахстанцы обращаются в Минздрав. // URL: <https://kz.kursiv.media/2024-04-04/ne-dayut-lekarstva-i-narushayut-etiku-s-kakimi-zhalobami-na-vrachej-kazahstancy-obraashhayutsya-v-minzdrav> (дата обращения: 10.06.2025).

³ «Фонд подотчетен всем». Интервью Председателя Правления ФСМС Абылкаира Скакова. // URL: <https://msqory.kz/ru/eshche/press-tsentr/smi-o-nas/stati/fond-podotcheten-vsem-intervyu-predsedatelya-pravleniya-fsms-abylkaira-skakova/> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года №360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 года №409. // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K9900000409_ (дата обращения: 18.01.2025).

⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z1178> (дата обращения: 17.01.2025).

⁷ Об административных правонарушениях. Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 27.01.2025).

⁸ Закон Республики Казахстан от 18 декабря 2000 года «О страховой деятельности». // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000126_ (дата обращения: 22.02.2025).

⁹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2022 года №945 «Об утверждении Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000945> (дата обращения: 27.01.2025).

¹⁰ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 24 июля 2024 года №58 «Об утверждении Правил страхования профессиональной ответственности медицинских работников».

2024 года № 40 «Об утверждении правил деятельности независимой экспертной комиссии и минимальных требований по установлению наличия (отсутствия) факта причинения вреда жизни и здоровью пациента в результате осуществления медицинской деятельности»¹¹. В результате анализа законодательства выявлены проблемы страхования профессиональной ответственности медицинских работников и предложены пути их решения.

Обзором охвачены научные статьи и публикации казахстанских и зарубежных исследователей, посвященные теоретическим и практическим вопросам страхования профессиональной ответственности медицинского персонала. Научные исследования, включенные в обзор, оценивали различные аспекты страхования и опыт применения страхования в развитых зарубежных странах.

При проведении исследования использовались метод анализа законодательства, интерпретации и анализа результатов исследований, сравнительно-правовой метод, посредством которого выявлены особенности зарубежной практики страхования медицинского персонала. Полученные в результате исследования выводы могут быть применены в ходе дальнейшего развития данного вида страхования в Казахстане.

Результаты и обсуждения

Провозглашенное Конституцией право на охрану здоровья (статья 29) включает в себя целый перечень прав граждан в сфере здравоохранения, установленный Кодексом о здоровье (статьи 77, 134). Наиболее значимым среди них является право на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании им медицинской помощи.

Вред, причиненный медицинским работником жизни и здоровью граждан, подлежит возмещению в полном объеме (статья 917 Гражданского кодекса РК). Как правило, суммы

компенсаций за причиненный вред могут быть значительными и исчисляться миллионами тенге. В таких случаях «важно защитить материальное и моральное состояние работников здравоохранения» [1, с. 61]. В этой связи наиболее эффективным и доступным способом защиты от рисков является страхование профессиональной ответственности медицинских работников.

Стимулирующим фактором развития этого вида страхования, которое появилось в конце XX века в развитых европейских государствах, явилось движение потребителей медицинских услуг в защиту своих прав. Это позволило «избежать массового роста судебных конфликтов в сфере оказания медицинской помощи» [2]. В настоящее время в этих странах «страховая система продолжает способствовать повышению качества медицинской помощи, минимизировать количество судебных исков и повышать удовлетворенность пациентов» [3, с. 131].

В настоящее время в мировой практике сложились две группы систем страхования: деликтная и безвиновная. Деликтная система страхования (США, Германия) предполагает необходимость доказывания в суде факта врачебной ошибки, тогда как системы «без вины» снижают судебное давление на врачей и приводят к экономии средств [4]. Система страхования в США обеспечивает пациентам сильную юридическую защиту. В Германии страхование носит обязательный характер и распространяется на всех практикующих врачей. Пациент может обратиться к врачу с заявлением, в котором обоснованы требования о выплате компенсации за причиненный здоровью вред, на основании которых врач принимает решение об удовлетворении требований пациента или об отказе в компенсации [5]. Ключевую роль в определении того, связано ли ухудшение здоровья пациента с медицинским вмешательством играют

// URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034803> (дата обращения: 10.01.2025).

¹¹ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 28 июня 2024 года №40 «Об утверждении правил деятельности независимой экспертной комиссии и минимальных требований по установлению наличия (отсутствия) факта причинения вреда жизни и здоровью пациента в результате осуществления медицинской деятельности». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034656> (дата обращения: 17.01.2025).

экспертные комитеты и арбитражные советы в рамках медицинских ассоциаций штатов¹².

Преимуществом системы страхования профессиональной ответственности без вины (Швеция, Канада и другие) является то, что она позволяет оперативно и справедливо выплачивать компенсацию пострадавшим пациентам, одновременно минимизируя время судебного разбирательства и юридические издержки [4]. К ее недостаткам можно отнести склонность врачей к недооценке своей ответственности и угроза судебного преследования. Основанием для осуществления страховых выплат является заключение экспертной комиссии [5].

В Швеции финансовая ответственность возлагается на государственные фонды. Пациенты могут получить компенсацию без необходимости доказывать вину конкретного врача. Важную роль играет Комиссия по претензиям. В Канаде страхование осуществляется Канадской ассоциацией медицинской защиты, которая предоставляет компенсацию пациентам и их семьям, пострадавшим от оказания медицинской помощи [6], а врачам - юридическую защиту.

Таким образом, обе модели страхования различаются по механизму, структуре, источникам финансирования. Но их объединяет общая цель - обеспечение справедливого возмещения вреда, причиненного здоровью пациентов.

Вопрос о внедрении страхования профессиональной ответственности медиков в Казахстане неоднократно

поднимался в государственных программных документах и выступлениях Главы государства¹³. И лишь 19 апреля 2024 года были внесены соответствующие поправки в законодательные акты¹⁴. Оптимальной моделью страхования была признана смешанная модель страхования с использованием потенциала страхового рынка, которая сочетает элементы системы «без вины» и досудебное урегулирование конфликта.

В соответствии с новыми правилами одним из обязательных условий для осуществления медицинской деятельности является заключение субъекта здравоохранения договора страхования профессиональной ответственности медицинских работников со страховой организацией. Минимальные размеры страховых взносов установлены в размере от 1,5 (по специальности стоматология) до 24,1 МРП (по специальностям нейрохирургия, кардиохирургия - до 24,2 МРП).

Объектом страхования являются имущественные интересы медицинских работников, связанные с возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью пациентов.

Страховым случаем признается сам факт причинения такого вреда, при наступлении которого страховая компания берет на себя обязательства по выплате страховой выплаты пострадавшей стороне.

По данным Министерства здравоохранения, с начала введения страхования договоры страхования заключили более 97% государственных и около 47% частных медицинских

¹² Private vs Public Health Insurance in Germany [English Guide]. 2020, November 18. Simple Germany. Available from. // URL: <https://www.simplegermany.com/private-vs-public-health-insurance-germany/> (date of reference: 01.07.2025).

¹³ Постановление Правительства Республики Казахстан от 23 июля 2012 года №961 «О мерах по реализации поручений Главы государства, данных в статье «Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к обществу всеобщего труда». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1200000961> (дата обращения: 27.01.2025); Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на третьем заседании Национального совета общественного доверия 27 мая 2020 года. // URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-glavy-gosudarstva-ktokaeva-na-tretem-zasedanii-nacionalnogo-soveta-obshchestvennogo-doveriya (дата обращения: 05.07.2025); постановление Правительства Республики Казахстан от 24 ноября 2022 года №945 «Об утверждении Концепции развития здравоохранения Республики Казахстан до 2026 года». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000945> (дата обращения: 27.01.2025).

¹⁴ Закон Республики Казахстан от 7 июля 2020 года №361-VI ЗПК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам здравоохранения». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000361> (дата обращения: 10.01.2025).

организаций¹⁵. За невыполнение обязанности по заключению договоров по статье 230 Кодекса Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» в 1 полугодии 2025 года к административной ответственности привлечено 3 физических и 7 юридических лиц¹⁶.

В соответствии с установленными правилами для получения компенсации вреда пациент или его родственники должны обратиться с жалобой в медицинскую организацию, где проводилось лечение. В течение 3 дней со дня поступления обращения в медицинской организации создается независимая экспертная комиссия (далее – НЭК). В состав НЭК входят профильные специалисты, представители медицинских ассоциаций и страховых компаний.

После рассмотрения жалобы заключение НЭК направляется пациенту и страховой организации для осуществления страховой выплаты. В случае несогласия с выводами заключения пациент имеет право обратиться в государственный орган в сфере оказания медицинских услуг (помощи) или в суд.

Размер страховых выплат зависит от степени тяжести причиненного здоровью вреда. В случае установления инвалидности он составляет от 500 до 800 МРП в зависимости от группы инвалидности. В иных случаях он не должен превышать 300 МРП. В случае смерти пациента размер компенсации должен быть не менее 3000 МРП. В отдельных случаях предусмотрено возмещение расходов на оплату услуг адвоката медицинского работника - до 5 процентов от суммы страховой премии.

Введение страхования профессиональной ответственности медицинских работников, как отмечают ученые-юристы, позволит «гарантировать правовую защищенность в случаях невиновного причинения вреда» [7, с. 55]. Тем самым, введение страхования обеспечит справедливое рассмотрение

жалоб пациентов и защиту прав медицинских работников. Со стороны врачей введение страхования вызвало опасения, что «на лечебные учреждения обрушится шквал жалоб, и тем придется тратить все заработанные деньги на услуги юристов и адвокатов» [8]. Полагаю, что эти опасения обусловлены слабой осведомленностью медиков о преимуществах данного инструмента, к которым можно отнести:

- обеспечение гарантий компенсации пациентам причиненного вреда;
- снижение финансовых рисков для медицинских работников, так как расходы по компенсации вреда несет страховая компания;
- справедливость рассмотрения обращений пациентов о выплате компенсации независимым органом;
- прозрачность процедур страхования, обусловленная наличием фонда страховых компаний и подотчетностью последних Национальному банку.

Несмотря на успехи законодательного регулирования института страхования профессиональной ответственности в медицине, обращают на себя внимание следующие проблемы.

1. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников в научной литературе чаще определяется с экономических позиций [9; 10, с. 62]. Однако для практики страхования наибольшее значение имеет рассмотрение этого понятия в правовом аспекте как механизма социальной и правовой защиты врачей и одновременно пациентов [11].

В юридической литературе обособление страхования профессиональной ответственности внутри страхования гражданско-правовой ответственности осуществляется на основании отличия той или иной профессии от иных занятий [12]. Аналогичное подход применяется и в законодательстве. Так, в Законе «О страховой деятельности»¹⁷ установлено общее родовое понятие

¹⁵ Свыше 97% государственных клиник заключили договора о страховании профответственности медработников. // URL: <https://medpul.kz/news/c510c99e-d060-4fee-e398-08dda7fd6a37> (дата обращения: 29.06.2025).

¹⁶ Данные КПСиСУ ГП РК за 2025 г. // URL: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 29.06.2025).

¹⁷ Закон Республики Казахстан от 18 декабря 2000 года «О страховой деятельности». // URL:

страхования профессиональной ответственности, которое относится ко всем видам профессиональной деятельности (пункт 8–2 статьи 7). Однако определение понятия обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников в законодательстве отсутствует. С учетом изложенного предлагается следующее определение этого понятия: *вид страхования, предусматривающий осуществление страховых выплат пациентам в связи с причинением вреда их жизни и здоровью медицинскими работниками в процессе медицинской деятельности.*

2. С целью предотвращения страховых случаев при оказании медицинских услуг представляется целесообразным в Типовом договоре страхования профессиональной ответственности медицинских работников¹⁸ предусмотреть такие меры, как приобретение нового медицинского оборудования, повышение квалификации медицинского персонала, использование новых технологий, усиление контроля за качеством оказываемой медицинской помощи и т. д.

3. В Кодексе о здоровье отсутствует понятие «дефект медицинской помощи», имеющее ключевое значение для установления факта причинения вреда. Без его понимания ни медицинский работник, ни эксперт не смогут обосновать заключение. Предлагается следующее определение этого понятия: *«дефект оказания медицинской помощи - несоответствие медицинской помощи требованиям законов, стандартов организации оказания медицинской помощи, условиям договора, информации об оказываемых медицинских услугах, а также необоснованное отклонение от клинических протоколов».*

4. Анализ определения понятия «медицинский инцидент» (статья 270-3 Кодекса о здоровье) не дает ответа на вопрос, в чем отличие между добросовестным заблуждением и медицинской ошибкой. Такое положение «не дает гарантий от возможных

ошибок в правоприменительной практике» [7, с. 64–65]. Сложность проблемы определяется отсутствием в законодательстве официального закрепления понятия «медицинская ошибка». Как отмечают ученые, это «следует трактовать в качестве «законодательного умолчания», обусловленного недостаточно полным рассмотрением проблематики данной терминологии» [8]. В этой связи рассматривать эту проблему нужно с позиций современной науки и практики с привлечением медиков и юристов.

5. С целью принятия НЭК правомерных решений и снижения количества исков пациентов в суды о возмещении вреда при определении страхового случая необходимо привлекать к работе НЭК не только представителей профсоюзов, но и юристов.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что законодательное регулирование страхования профессиональной ответственности медицинских работников обеспечит реализацию права граждан на возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании им медицинской помощи. Правовая база страхования профессиональной ответственности является вполне достаточной для ее эффективного развития. Вместе с тем обращает на себя внимание наличие проблем законодательства, требующих принятия законодателем и уполномоченным органом следующих мер.

1. В целях восполнения пробела закрепить в Кодексе о здоровье определение понятия «страхования профессиональной ответственности медицинских работников».

2. Для предотвращения страховых случаев при оказании медицинских услуг в Типовом договоре страхования профессиональной ответственности медицинских работников предусмотреть мероприятия превентивного характера, при невыполнении которых страховое возмещение может быть не выплачено.

https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000126_ (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁸ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 24 июля 2024 года №57 «Об утверждении типового договора страхования профессиональной ответственности медицинских работников». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034802> (дата обращения: 25.06.2025).

3. Предусмотреть в Кодексе о здоровье понятие «дефект медицинской помощи», имеющего ключевое значение для установления факта причинения вреда медицинским работником.

4. Для обеспечения защиты пациентов и медицинских работников разработать и законодательно закрепить четкие критерии разграничения понятий «медицинский инцидент» и «медицинская ошибка», инициировать проведение специальных исследований

по рассмотрению данной проблематики с целью законодательного закрепления этих понятий.

5. Внести дополнения в статью 270–2 Кодекса о здоровье в части привлечения к работе НЭК не только представителей профсоюзов, медиатора, но и юристов. Это позволит обеспечить пациентов и медицинских работников квалифицированной юридической помощью и снизит количество исков пациентов в суды о возмещении вреда.

Список литературы:

1. Абильдина, А.С. Внедрение страхования профессиональной ответственности для юридической и финансовой защиты медицинских работников: Аналитический обзор / А.С. Абильдина, М.А. Жумакаримов, Р.М. Уримов, Б.Д. Салхаева // *Journal of Health Development*. – 2021. – №40 (Special Issue) – С. 59–68. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://jhdz.org/gallery/Special%20issue.%20Number%2040%20\(2021\).pdf](https://jhdz.org/gallery/Special%20issue.%20Number%2040%20(2021).pdf) (дата обращения: 30.06.2025).

2. Воропаев А.В. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников / А.В. Воропаев, И.В. Воропаева, Ю.С. Исаев // *Байкальский медицинский журнал*. – 2006. – №2. – С. 104–106. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-professionalnoy-otvetstvennosti-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 15.03.2025).

3. Биялиева, Г. Обзор международных практик страхования профессиональной ответственности медицинских работников / Г. Биялиева // *Евразийский журнал здравоохранения*. – 2024. – №4(4). – С. 131–134. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.kgma.kg/index.php/vestnik/article/view/1276> (дата обращения: 01.03.2025).

4. Lee, S.K. Canada's System of Liability Coverage in the Event of Medical Harm: Is It Time for No-Fault Reform? / S.K. Lee, B.H. Rowe, C.M. Flood, S.K. Mahl // *Healthc Policy*. – 2021. – Aug. 17(1). – P. 30–41. – doi: 10.12927/hcpol.2021.26580.

5. Аверьянова, О.В. Особенности института страхования профессиональной ответственности медицинских работников / О.В. Аверьянова, С.И. Андреев, Ю.А. Прокудин, С.Л. Семенов // *Вестник Российской военно-медицинской академии*. – 2020. – Т. 22. – №2. – С. 142–145. – doi: 10.17816/brmma50061.

6. Разиева Д.Б. Қазақстан Республикасында медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру / Д.Б. Разиева, Е.М. Айтказин, М.А. Амирова // *Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық акпарат институтының Жаршысы*. – 2023. – №2(73). – 53–62 б. – doi:10.52026/2788–5291_2023_73_2_53

7. Жаппарова А.С. Правовое регулирование охраны здоровья в Казахстане: уроки прошлого и опыт настоящего / А.С. Жаппарова // *Право и государство*. – 2021. – №1(90). – С. 54–72. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789/894/5%20%20d0%96%20%20b0%20%20bf%20%20bf%20%20b0%20%20d1%80%20%20e%20%20b2%20%20b0.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 02.02.2025).

8. Макаренко Л. Под защитой престижа / Л. Макаренко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/pod-zashchitoy-prestizha/> (дата обращения: 01.02.2025).

9. Бесфамильная Л. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников. / Л. Бесфамильная, А. Цыганов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.insur-info.ru/press/53487/> (дата обращения: 17.01.2025).

10. Старченко А.А. Законопроект «Об обязательном страховании гражданской ответственности медицинских организаций перед пациентами»: не защищает интересы ни пациента, ни учреждения здравоохранения / А.А. Старченко // *Менеджер здравоохранения*. – 2012. – №10. – С. 62–69. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zakonoproekt-ob-obyazatelnom-strahovanii-grazhdanskoj-otvetstvennosti-meditsinskih-organizatsiy-pered-patsientami-ne-zaschischaet>

11. Малюков, А.В. Страхование профессиональной ответственности врачей как форма социальной защиты: дисс... канд. мед. наук. / А.В. Малюков // - Волгоград, 2009. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-medicina/strahovanie-professionalnoj-otvetstvennosti-vrachej-kak-forma-socialnoj-zawity.html> (дата обращения: 10.01.2025).

12. Рябина, О.В. Организационно-правовые аспекты внедрения страхования гражданской ответственности за причинение вреда жизни и здоровью в результате медицинского вмешательства: диссертация ... канд. мед. наук: 14.00.33. / О.В. Рябина // - М., 2008. - 184 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-medicina/organizacionno-pravovye-aspekty-vnedrenija-strahovaniya-grazhdanskoj-otvetstvennosti.html> (дата обращения: 30.06.2025).

© Ж.О. Тілембаева¹, 2025

¹ Астана медицина университеті, Астана, Қазақстан
(E-mail: zhanna.ot@mail.ru)

МЕДИЦИНА ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ КӘСІБИ ЖАУАПКЕРШІЛІГІН САҚТАНДЫРУ ДЕНСАУЛЫҚ САҚТАУ ҚҰҚЫҒЫН ҚОРҒАУ ТЕТІГІ РЕТІНДЕ

Аннотация. Мақалада медициналық қызметкерлердің кәсіби жауапкершілігін сақтандырудың құқықтық негіздері денсаулықты қорғау құқығын қорғаудың тиімді тетігі ретінде қарастырылады. Автор пациенттердің денсаулығына зиян келтіру қаупімен байланысты медициналық қызметтің ерекшеліктеріне назар аударады, бұл тек кәсіби бұзушылықтармен ғана емес, сонымен қатар басқа да субъективті және объективті факторлармен (мысалы, нашар түсінілген аурулар, емханалардың нашар материалдық жабдықталуы және т.б.) болуы мүмкін. Дамыған шет елдердегі медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыру жүйелеріне шолу жүргізілуде. Өртүрлі елдердегі медициналық персоналды сақтандырудың озық тәжірибесін талдау, реттеу тәсілдерінің айырмашылығына қарамастан, ол дәрігерлерді қаржылық тәуекелдерден қорғауға және пациенттердің денсаулығына немесе өміріне келтірілген зиянның кепілдік берілген өтемін қамтамасыз етуге бағытталғанын көрсетеді.

Мақалада медициналық қызмет көрсету кезінде келтірілген зиян үшін кәсіби жауапкершілікті сақтандыру шарттары, медицина қызметкерлерінің кәсіптік жауапкершілігін қоса сақтандыру шартының ерекшеліктері, оның мазмұны талданады. Медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандыруға қатысты терминдерге авторлық анықтамалар берілген. Кәсіби жауапкершілікті сақтандыру міндеттері контекстінде қарастырылатын сақтандыру объектісінің, сақтандыру оқиғасының сипаттамаларына ерекше назар аударылады.

Отандық және шетелдік сақтандыру жүйелерін талдау негізінде автор Қазақстандағы медицина қызметкерлерінің кәсіби жауапкершілігін сақтандырудың негізгі артықшылықтары мен мүмкіндіктерін анықтайды. Заңмен белгіленген сақтандыру ережелері (сақтандырудың міндетті сипаты, сақтандыру сыйлықақылары мен сақтандыру төлемдерінің мөлшерін белгілеу, өтемақы төлеу туралы пациенттердің шағымдарын қарайтын тәуелсіз органның болуы) сақтандыру рәсімдерінің әділдігі мен ашықтығын қамтамасыз етуге бағытталғаны көрсетілген. Заңнаманың және сақтандырудың жаңа түрін қолдану тәжірибесінің мәселелері айқындалып, оларды шешу жолдары ұсынылды.

Түйінді сөздер: кәсіби жауапкершілікті сақтандыру, медицина қызметкерлері, пациент, денсаулыққа келтірілген зиянды өтеу, сақтандыру объектісі, сақтандыру жағдайы.

© Z.U. Tlembayeva¹, 2025¹ Astana Medical University, Astana, Kazakhstan
(E-mail: zhanna.ot@mail.ru)**PROFESSIONAL LIABILITY INSURANCE OF MEDICAL PROFESSIONALS
AS A MECHANISM FOR PROTECTING THE RIGHT TO HEALTH PROTECTION**

Abstract. The article examines the legal basis for professional liability insurance of medical professionals as an effective mechanism for protecting the right to health protection. The author focuses on the specifics of medical activities associated with the risks of harm to patients' health, which can be caused not only by professional violations, but also by other subjective and objective factors (for example, poorly understood diseases, poor material equipment of clinics, etc.). A review of professional liability insurance systems for medical professionals in developed foreign countries is conducted. An analysis of the best practices of medical personnel insurance in various countries shows that despite differences in approaches to regulation, it is aimed at protecting doctors from financial risks and ensuring guaranteed compensation for harm caused to the health or life of patients.

The article analyzes the conditions for professional liability insurance for harm caused in the provision of medical services, the features of the professional liability co-insurance agreement for medical professionals, and its content. The author's definitions of terms related to professional liability insurance for medical workers are given. Particular attention is paid to the characteristics of the insurance object, the insurance event, which are considered in the context of the objectives of professional liability insurance. Based on the analysis of domestic and foreign insurance systems, the author identifies the main advantages and opportunities for professional liability insurance of medical professionals in Kazakhstan. It is concluded that the insurance rules established by law (mandatory nature of insurance, establishment of the amount of insurance premiums and insurance payments, the presence of an independent body for reviewing patient complaints about compensation) are aimed at ensuring fairness and transparency of insurance procedures. The problems of legislation and practice of applying the new type of insurance are identified, and ways to solve them are proposed.

Keywords: professional liability insurance, medical professionals, patient, compensation for damage to health, insurance object, insurance event.

References:

1. Abildina, A.S. Vnedrenie strahovaniya professionalnoi otvetstvennosti dlya yuridicheskoi i finansovoi zashchity meditsinskih rabotnikov: Analiticheskiy obzor / A.S. Abildina, M.A. Zhumakarimov, R.M. Urimov, B.D. Salhaeva // Journal of Health Development. – 2021. - №40 (Special Issue) - S. 59-68. // Retrieved from [https://jhdkz.org/gallery/Special%20issue.%20Number%2040%20\(2021\).pdf](https://jhdkz.org/gallery/Special%20issue.%20Number%2040%20(2021).pdf) (data obrashcheniya: 30.06.2025).
2. Voropaev A.B. Strahovanie professionalnoi otvetstvennosti meditsinskih rabotnikov / A.B. Voropaev, I.V. Voropaeva, Yu.S. Isaev // Baikalskiy meditsinskiy zhurnal. - 2006. - №2. - S. 104–106. // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-professionalnoy-otvetstvennosti-meditsinskih-rabotnikov> (data obrashcheniya: 15.03.2025).
3. Biyalieva, G. Obzor mezhdunarodnyh praktik strahovaniya professionalnoi otvetstvennosti meditsinskih rabotnikov / G. Biyalieva // Evraziyskiy zhurnal zdavoohraneniya. - 2024. - №4(4). - S. 131–134. // Retrieved from <https://vestnik.kgma.kg/index.php/vestnik/article/view/1276> (data obrashcheniya: 01.03.2025).
4. Lee, S.K. Canada's System of Liability Coverage in the Event of Medical Harm: Is It Time for No-Fault Reform? / S.K. Lee, B.H. Rowe, C.M. Flood, S.K. Mahl // Healthc Policy. – 2021. – Aug.17(1). – P. 30-41. - doi: 10.12927/hcpol.2021.26580
5. Averyanova O.V. Osobennosti instituta strahovaniya professionalnoi otvetstvennosti meditsinskih rabotnikov / O.V. Averyanova, S.I. Andreev, Yu.A. Prokudin,

S.L. Semenov // Vestnik Rossiyskoy voenno-meditsinskoi akademii. - 2020. - T. 22. - №2. - S. 142–145. doi: 10.17816/brmma50061

6. Razieva D.B. Kazakstan Respublikasynda meditsina kyzmetkerlerinin kasibi zhauapkershiligin saktandyru. / D.B. Razieva, E.M. Aitkazin, M.A. Amirova // Kazakstan Respublikasynyn Zannama zhane kukykyk akparat institutynyn Zharshysy. -2023. - №2(73). - 53–62 b. - doi: 10.52026/2788–5291_2023_73_2_53

7. Zhapparova A.S. Pravovoe regulirovanie ohrany zdorovya v Kazahstane: uroki proshlogo i opyt nastojashhego / A.S. Zhapparova // Pravo i gosudarstvo. - №1(90). - 2021. - S. 54–72. // Retrieved from <http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789/894/5%20%D0%96%D0%B0%D0%BF%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (data obrashcheniya: 02.02.2025).

8. Makarenko L. Pod zashchitoi prestizha / L.Makarenko // Retrieved from <https://kazpravda.kz/n/pod-zashchitoi-prestizha/> (data obrashcheniya: 01.02.2025).

9. Besfamilnaya L. Strahovanie professionalnoi otvetstvennosti meditsinskih rabotnikov. / L. Besfamilnaya, A.Cyganov // Retrieved from <https://www.insur-info.ru/press/53487/> (data obrashcheniya: 17.01.2025).

10. Starchenko A.A. Zakonoproekt «Ob objazatelnom strahovanii grazhdanskoi otvetstvennosti meditsinskih organizatsiy pered patsientami»: ne zashchishchaet interesy ni patsienta, ni uchrezhdeniya zdavoohraneniya / A.A. Starchenko // Menedzher zdavoohraneniya. - 2012. - №10. - S. 62–69. // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonoproekt-ob-obyazatelnom-strahovanii-grazhdanskoy-otvetstvennosti-meditsinskih-organizatsiy-pered-patsientami-ne-zaschischaet>

11. Malyukov A.V. Strahovanie professionalnoi otvetstvennosti vrachei kak forma sotsialnoi zashchity: diss... kand. med. nauk. /A.V. Malyukov// - Volgograd, 2009. // Retrieved from <http://www.dslib.net/soc-medicina/strahovanie-professionalnoj-otvetstvennosti-vrachej-kak-forma-socialnoj-zawity.html> (data obrashcheniya: 10.01.2025).

12. Ryabinina O.V. Organizatsionno-pravovye aspekty vnedreniya strahovaniya grazhdanskoi otvetstvennosti za prichinenie vreda zhizni i zdorovyu v rezultate meditsinskogo vmeshatelstva: dissertatsiya ... kand. med. nauk: 14.00.33. / O.V. Ryabinina // - M., 2008. - 184 s. Retrieved from <http://www.dslib.net/soc-medicina/organizacionno-pravovye-aspekty-vnedreniya-strahovaniya-grazhdanskoy-otvetstvennosti.html> (data obrashcheniya: 30.06.2025).

Сведения об авторе:

Автор туралы мәліметтер:

Information about author:

Тілембаева Жанна Орынбасарқызы - хат – хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының кандидаты (Ph.D), доцент, Астана медицина университетінің медициналық құқық және этика кафедрасының профессоры, Бейбітшілік көшесі, 49А, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: zhanna.ot@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4088-1087>; Researcher ID WOS: MBV-2153-2025.

Тлембаева Жанна Урумбасаровна - автор для корреспонденции, кандидат юридических наук, (Ph.D) доцент, профессор кафедры медицинского права и этики Медицинского университета Астана, улица Бейбитшилик, 49А, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: zhanna.ot@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4088-1087>; Researcher ID WOS: MBV-2153-2025.

Tlembayeva Zhanna Urumbassarovna - corresponding authors, Candidate (Ph.D.) of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of the Department of Medical Law and Ethics of the Astana Medical University, 49A Beibitshilik Street, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: zhanna.ot@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4088-1087>; Researcher ID WOS: MBV-2153-2025.

BULLETIN OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION
AND LEGAL INFORMATION OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 No 3(2025), 327-336

UDC 343.85
ISRSTI 10.85.31
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_327
Scientific article

© A.G. Kazbayeva^{1*}, 2025

¹ Kokshetau University named after Abay Myrzakhmetov, Astana, Kazakhstan
(E-mail: ¹K_2385@mail.ru)

ANALYSIS OF CONDITIONS OF DETENTION OF WOMEN IN PLACES OF IMPRISONMENT: NATIONAL LEGISLATION, INTERNATIONAL STANDARDS AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the legislation of the Republic of Kazakhstan regulating the conditions of detention for women in places of deprivation of liberty, including women with minor children. The author examines the degree of compliance of national legal acts with international standards, including the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules), the Bangkok Rules, and the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW).

The Penal Execution Code of the Republic of Kazakhstan provides for special conditions of detention: enhanced food rations, access to medical care, adapted living conditions, and social support measures. However, monitoring results show that these guarantees are only partially implemented in practice. Correctional facilities face limited funding, a shortage of qualified personnel, and poor sanitary conditions. These issues are particularly acute for pregnant women and mothers with children.

There is also serious concern regarding the limited access to mechanisms of parole and the replacement of sentences with more lenient forms. Although such measures are provided for in Articles 72 and 73 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, their application is hindered by the mandatory requirement of full compensation for material damage. For women without financial support, this requirement becomes an insurmountable barrier, depriving them of a real chance at early release.

Thus, despite the existence of formal legal guarantees, their practical implementation with respect to women requires systemic improvement. Enhancing the effectiveness of law enforcement, improving detention conditions, and eliminating social barriers are key steps toward aligning national practices with international standards.

Keywords: legislation, detention conditions, women prisoners, human rights, international standards, probation, penitentiary system.

Introduction

The issue of conditions of detention for women in places of imprisonment of liberty in the Republic of Kazakhstan remains one of the key challenges for the penal system and the state's human rights policy. Despite the measures taken to modernize the penal legislation, there remain signifi-

cant gaps related to the protection of the rights of women prisoners, the level of their medical and psychological care, as well as access to rehabilitation and social adaptation programs after serving their sentences. Contemporary international standards for the enforcement of penalties require consideration of gender aspects and the

* Corresponding author. E-mail: K_2385@mail.ru.

creation of conditions that reduce recidivism among women serving sentences.

The protection of the rights of emerging women is especially relevant in the context of Kazakhstan's international commitments, including ratified treaties such as the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules), the Bangkok Rules, and the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW). These documents contain key provisions aimed at protecting the rights of female inmates, supporting their rehabilitation, and ensuring access to adequate medical and social services.

Special attention is required for the situation of imprisoned women with children. The issue of accommodating children in correctional institutions and ensuring their rights to proper development and upbringing in a nurturing environment remains unresolved. In most cases, the conditions of detention do not meet the standards for the well-being of both mothers and their children. In practice, imprisoned women face the risk of being separated from their children, a lack of specialized programs for parenting and adaptation, and an absence of infrastructure for cohabitation with children in prisons.

Additionally, the inadequate level of medical care particularly in the fields of gynecology, psychology, and reproductive health poses a serious concern. Female inmates often lack timely access to qualified medical services, which can lead to chronic illnesses, deteriorating health, and negative consequences for both their physical and mental well-being. Underfunding of correctional institutions, a shortage of medical personnel, and limited access to specialized care exacerbate the problem and increase health risks for women in prison.

Another significant issue is the social reintegration of women post-release. Many of them face difficulties with employment, social stigma, and a lack of support from both the state and society. The absence of rehabilitation programs and mechanisms for social reintegration leads to high recidivism rates, highlighting the need for comprehensive measures to support their successful return to society. Introducing alternative sentences, strengthening vocational training

programs, and expanding social support services could play a key role in reducing recidivism among women.

This study aims to analyze the effectiveness of the existing legislation of the Republic of Kazakhstan concerning the conditions of detention for women prisoners, identify its shortcomings and inconsistencies with international standards, and develop proposals for its improvement. The research is based on comparative legal analysis, empirical studies, human rights reports, and international best practices, allowing for an objective assessment and specific recommendations for progress.

The implementation of mechanisms for protecting the rights of women prisoners, developing social rehabilitation programs, improving prison conditions, and ensuring transparency in the penitentiary system through civil oversight are essential directions requiring close governmental attention. Studying international experience, developing effective rehabilitation models, and applying modern reintegration methodologies can significantly improve the situation and enhance the effectiveness of sentence enforcement in Kazakhstan. Thus, the results of this study may contribute to the development of strategies for reforming the penal system and establishing a comprehensive approach to protecting the rights of imprisoned women.

The modern penitentiary system of the Republic of Kazakhstan is undergoing a process of reform; however, the protection of the rights of imprisoned women remains insufficiently developed and requires increased attention from the academic community, government authorities, and human rights organizations. International human rights standards, including the Nelson Mandela Rules and the Bangkok Rules, emphasize the need to provide gender-specific conditions of detention, taking into account women's psychological, medical, and social needs. Nevertheless, national legislation still contains gaps that hinder the effective implementation of these principles. Historical studies indicate that Kazakhstan's penal system was shaped in the early 20th century on principles not adapted to the needs of women, particularly mothers an infrastructural legacy that continues to

constrain contemporary women's correctional facilities [1].

One of the most pressing issues is the provision of adequate medical care for women in prison, including access to specialized services in gynecology and reproductive health. According to statistical data, a significant proportion of women in detention suffer from health conditions requiring regular medical supervision, yet such services are provided only to a limited extent in Kazakhstan's correctional facilities. Insufficient funding of the penitentiary system, a shortage of qualified specialists, and the absence of targeted programs leading to deteriorating health among female prisoners, in clear contradiction to international standards for the treatment of imprisoned persons.

Another critical issue is the lack of effective social reintegration programs for women released from prison. High recidivism rates among former imprisoned women are largely due to the absence of post-release support mechanisms, social stigma, and difficulties in securing employment. In most cases, women do not have access to vocational training and social adaptation programs, reducing their chances of successful reintegration into society.

The rights of imprisoned mothers further underscore the urgency of this issue. Despite existing provisions that allow mothers to keep their children with them in prison until the age of four, the actual conditions for raising and developing children in correctional facilities are far from optimal. The limited availability of dedicated children's spaces, a lack of qualified caregivers, and the absence of psychological support programs create adverse environments for both mothers and their children.

Therefore, the need to improve national legislation, develop comprehensive support programs for women in prison, and adapt international standards to Kazakhstan's context make this study highly relevant. This work provides a detailed analysis of the legal framework, identifies problematic aspects of its implementation, and formulates proposals for improving the conditions of detention for women in line with modern international approaches.

Materials and methods

This study employs an interdisciplinary approach that combines comparative legal analysis, empirical research and the study of international practices in regulating women's conditions of detention. To assess the effectiveness of the legislation in force in the Republic of Kazakhstan, the study includes an analysis of legal regulatory acts governing the penitentiary system, for example, the Penal Execution Code, the Law «On Probation» and relevant subordinate acts issued by the Ministry of Internal Affairs.

The methodological basis of the study includes an analysis of the content of law enforcement documents, court decisions and reports of human rights organizations, which allows to identify the main problems in the application of sanctions against women. The study also includes a comparative analysis with international standards such as UN documents, Bangkok Rules and the CEDAW convention, which made it possible to assess the degree of their implementation in national practice.

The empirical part of the study is based on the study of statistical data on the number of female prisoners, their age composition, health status and conditions of detention in correctional institutions. Domestic researchers have pointed to the erosion of correctional and educational work in Kazakhstan's penitentiary institutions. For example, Zhamuldinov (2005) emphasizes that the decline of such practices undermines the primary goal of rehabilitation, especially in the case of incarcerated mothers [2; p. 57]. The work also used interviews with experts in the field of the prison system, human rights activists and lawyers working with convicted women, which allowed us to get an objective picture of the current situation.

Thus, the use of a comprehensive methodological framework ensures a thorough analysis of the problem and makes it possible to draw up practical recommendations for improving the conditions of detention of women in Kazakhstan's correctional institutions.

Results and discussion

The analysis of conditions of detention for women in places of imprisonment in the Republic of Kazakhstan remains

one of the most urgent issues in contemporary penal practice, requiring close attention not only from legislators but also from the academic community. Despite Kazakhstan having signed key international agreements such as the Convention against Torture and the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women and committing to protect the rights of vulnerable groups, the formal guarantees outlined in the Penal Execution Code (PEC) and related normative documents are often not implemented in practice. This problem is particularly acute in relation to pregnant women and mothers raising young children within correctional institutions.

According to Skakov (2017), al-

though Kazakhstan's criminal executive legislation includes progressive provisions, their implementation remains largely formalistic, lacking gender-specific operational mechanisms in practice [3].

On paper, the legislation provides for a number of measures that can meet the needs of women: increased nutritional standards, special accommodation for mothers with children, the possibility of regular medical examinations, as well as the use of mechanisms for parole and replacement of the unserved portion of the sentence (RUPS) if the crime is not serious. However, the practice of monitoring women's colonies shows that many institutions face numerous problems.

Table 1. Institutions, their years of foundation and types of security

Institution	Year of foundation	Region	Type of security
№10 (village Zhaugashty, Almaty region, «Children's home»)	1937	Almaty region	Medium security
№23 (OB-156/21)	2002	Abay region	Medium security
№32	1937	Karaganda region	Medium security
№50	1964	North Kazakhstan region	Medium security
№78	1967	Shymkent	Maximum security
№79	2009	Atyrau region	Medium security

Currently, six women's correctional institutions operate in Kazakhstan, located in the Abai, Almaty, Atyrau, Karaganda, and North Kazakhstan regions, as well as the city of Shymkent. All are designated as medium-security facilities, with the exception of Institution No. 78 in Shymkent, which is classified as maximum security.

Most of the facilities were built during the Soviet period (1930 – 1960s), which results in significant deterioration of the infrastructure and the initial design for the needs of the male contingent, which results in their poor suitability for the maintenance of women, especially mothers with children (there are no sanitary and hygienic blocks, no equipped rooms for leisure, raising children or psychological relief). This situation is rooted in the historical development of

the penal system in Kazakhstan, which, as research indicates, evolved primarily around the needs of male prisoners in the early 20th century. Consequently, many existing facilities were never designed to accommodate the gender-specific needs of women, especially mothers with children [2, p. 57-58]. Only institution No. 10 in the Almaty region is equipped with a Children's Home, where women can live together with their young children. The other institutions do not provide such an opportunity, which forces mothers to separate from their children, violating both the rights of the woman and the rights of the child. This contradicts international standards, including the provisions of the Bangkok Rules and the Convention on the Rights of the Child.

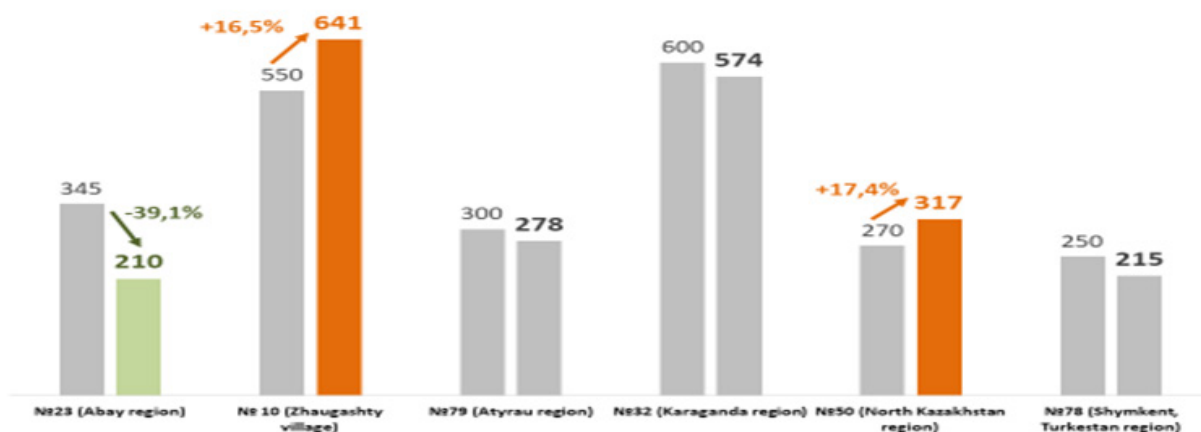

Diagram 1. Comparison of the established limit and the actual number of convicts

An analysis of facility capacities versus actual occupancy reveals that at least two colonies exceed their designated limits (for example, those in the Almaty and North Kazakhstan regions). This overcrowding, combined with outdated infrastructure and staffing shortages, exacerbates the situation. Furthermore, by the end of 2024, 15 women with children and 8 pregnant women are expected to be transferred to the Zhaugashty institution. Almost all facilities report vacancies in security and medical departments, which undermine the implementation of existing legal guarantees. All of these issues highlight the urgent need for systematic reform of women's correctional institutions in Kazakhstan, taking into account international standards, gender-specific needs, and the principle of penal humanization.

In addition, statistics for 2024 show that there is less than one qualified health worker for every 100 women in correctional facilities, and regular consultations with obstetricians or pediatricians are extremely irregular due to the remoteness of the colonies and lack of resources. These findings are consistent

with recent studies [4], which provide data on the impact of inadequate medical care on recidivism rates and the exacerbation of psychophysiological problems among female prisoners.

In addition to infrastructural shortcomings, a serious issue lies in the inconsistent application of legal mechanisms for mitigating sentences. According to Article 163 of the PEC of the Republic of Kazakhstan, a woman serving a prison sentence may request a deferral if she is pregnant or has a young child. However, in practice, courts frequently deny such petitions, citing the requirement for full compensation of damages as a condition that is often unattainable for imprisoned women lacking financial resources. As a result, the possibility of early release is effectively blocked, even in cases where the committed offense poses no threat to society. These findings are supported by studies [5] emphasizing the need for a flexible approach to parole petitions, one that considers the actual capacity of the convicted woman and the best interests of the child.

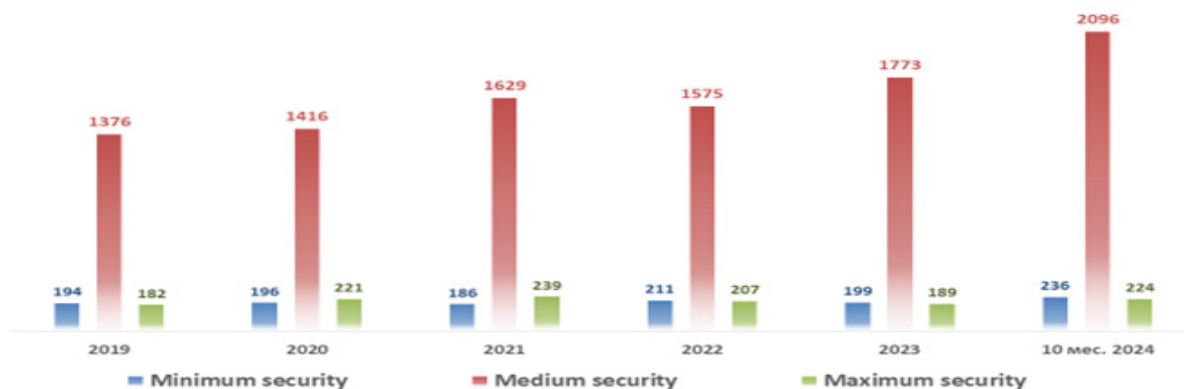

Diagram 2. Number of women serving sentences (by type of institution)

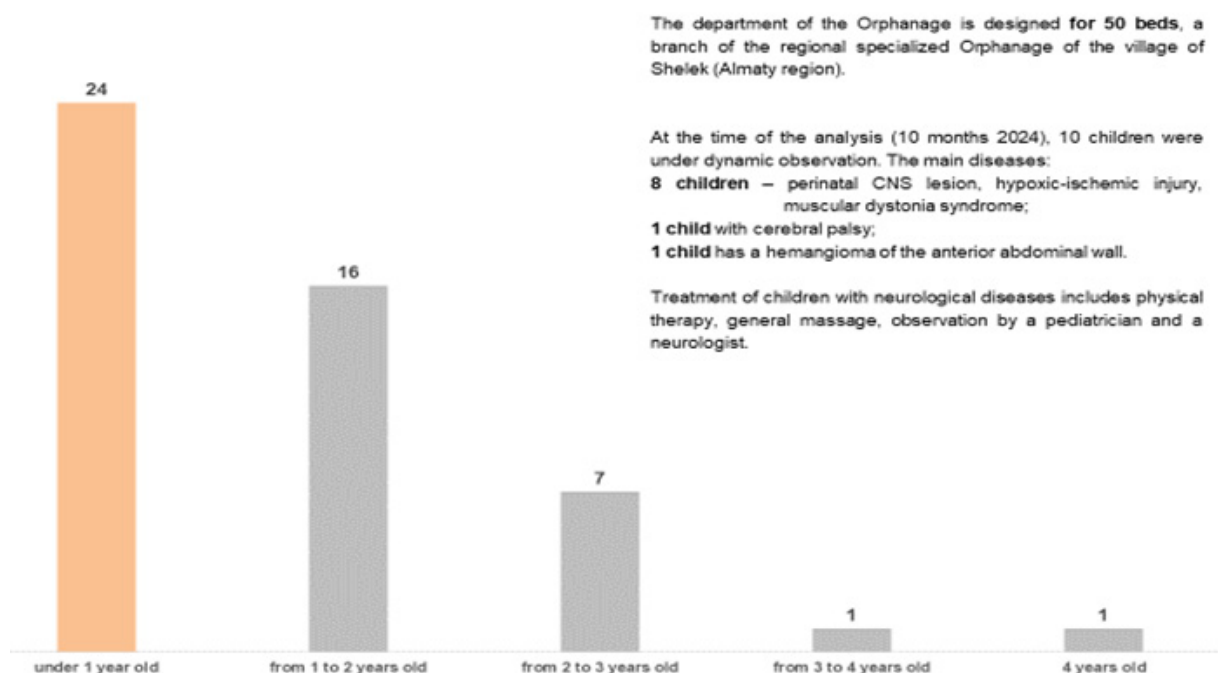

Diagram 3. Number of children in the Children's Home at the PES institution

The problem of underdeveloped rehabilitation programs also remains extremely relevant. Specially designed courses aimed at improving parenting skills, professional training, psychological and legal support in the PES is practically absent in most colonies. Moreover, according to surveys of correctional facility employees conducted in Kazakhstan, only about 25-30% of institutions have rehabilitation programs capable of providing systemic support to women after release. The relevant discussion is being conducted among specialists, and in particular, on the basis of the work in which the authors Bloom, Owen and Covington (2003) [6] emphasize the importance of gender-specific approaches for the successful rehabilitation of female prisoners. These approaches include structured programs aimed at psychological adaptation and professional training, which can significantly reduce the risk of recidivism.

Moreover, the issue of oversight in correctional institutions is crucial. Although oversight commissions formally exist, many operate with insufficient transparency, and the results of inspections are rarely made public. This lack of civil oversight hinders the timely identification and correction of violations related to inadequate medical services, overcrowding, and the absence of rehabilitation programs. Strengthening independent oversight and increasing

transparency in the operation of penal institutions could greatly improve conditions, as violations would be identified and addressed more swiftly.

Another important aspect is the dissemination of legal information to women in prison. Many are unaware of their rights under both national legislation and international standards. Regular legal consultations, the distribution of educational materials, and independent awareness campaigns could help inmates better understand how to file complaints or petitions for reduced sentences. In this context, cooperation with child protection authorities is also vital. These bodies must continuously monitor the condition of children living in correctional facilities and ensure that proper developmental conditions are provided.

International experience demonstrates that countries such as Norway, Germany, and Canada apply comprehensive approaches to the detention of women in penitentiary institutions. These include not only high-quality medical care but also effective alternative sentencing programs. For example, some European countries have «family units», where women serve their sentences under less restrictive conditions and can maintain close relationships with their children. Covington's research [7] emphasizes that such models contribute to reduced recidivism and improved post-re-

lease social adaptation. The experience of these countries illustrates that successful reintegration of female inmates depends not only on the formal observation of standards but also on the creation of conditions that preserve their human dignity and family ties.

Conclusion

In conclusion, despite the existence of formally enshrined norms, the implementation of which should ensure the protection of the rights of pregnant women and mothers with young children, there is a significant gap between the documented standards and actual practice in correctional institutions of Kazakhstan. To eliminate these shortcomings, it is necessary to take a set of measures: increase funding for colonies, provide a sufficient number of qualified medical and social personnel, review the judicial and prosecutorial practice of applying parole and RUPS measures, adapting them to the specifics of motherhood, and strengthen the system of public control through independent monitoring commissions and human rights organizations. The implementation of such measures will not only bring practice closer to international standards, but also create conditions conducive to the successful socialization of women and their children after release, which is of paramount impor-

tance for the sustainable development of society.

These findings and proposals are based on data obtained from official sources of authorized state bodies, as well as on the results of monitoring conducted among correctional institutions and on scientific research published in international journals, for example, in the article [4]. Earlier research by the Legal Policy Research Centre (2008) also drew attention to the disjunction between law and implementation. Their analytical report on Kazakhstan's penal system emphasized chronic underfunding, gaps in personnel training, and the lack of gender-specific policies despite the existence of legislative guarantees¹.

These real works emphasize that the integration of gender-specific approaches and adaptive punishment measures has a positive impact on the resocialization of women and reduces the risk of re-offending. In summary, a comprehensive approach based on increased funding, review of judicial practice, development of specialized programs and strengthening of public control is a key element of reforming the penitentiary system of Kazakhstan, which will significantly improve the conditions of detention of female prisoners and their children, in line with both national and international obligations.

References:

1. Хон, Л.О. Развитие уголовно-исполнительной системы на территории современного Казахстана в 1905–1941 гг.: организационные и правовые основы / Л.О. Хон // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-na-territorii-sovremennogo-kazakhstana-v-1905-1941-gg-organizatsionnye-i-pravovye-osnovy> (дата обращения: 27.06.2025).
2. Жамулдинов, В.Н. Воспитательная работа как основное средство исправления осужденных / В.Н. Жамулдинов // Вестник КазНУ серия юридическая. – 2011. - Том 59 № 3 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/issue/view/8> (дата обращения: 04.07.2025).
3. Скаков, А.Б. Уголовно-исполнительное законодательство Казахстана: современное состояние и перспективы развития / А.Б. Скаков // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-ispolnitelnoe-zakonodatelstvo-kazahstana-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 03.07.2025).
4. Opsal, T. Gender-Responsive Programming for Women in the Community Corrections Context: A Scoping Review. / T. Opsal, I. Luxton // Policy, Practice and Research. – 2024. - Vol. 4. - P. 500-516 // Retrieved from <https://www.tandfonline.com/doi/>

¹ Центр исследования правовой политики/ Аналитический доклад «Уголовно-исполнительная система Республики Казахстан 2000-2008 г.г.: современное состояние и перспективы развития» // URL: <https://prc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Analiticheskij-doklad-CZIPP-%C2%ABUgolovno-ispolnitelnaya-sistema-Respubliki-Kazahstan-2000-2008-g.g.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).

full/10.1080/23774657.2023.2278192 (date of reference: 15.06.2025).

5. Covington, S. Gender-Responsive Programming and Evaluation for Females in the Criminal Justice System: A Shift from What Works? to What is the Work? / S. Covington, B. Bloom // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/354857476_Gender-Responsive_Programming_and_Evaluation_for_Females_in_the_Criminal_Justice_System_A_Shift_from_What_Works_to_What_is_the_Work (date of reference: 03.07.2025).

6. Owen, B. Gender-Responsive Strategies. Bloom, Owen, Covington 2003 NIC / B. Owen // Retrieved from https://www.academia.edu/5681468/Gender_Responsive_Strategies_Bloom_Owen_Covington_2003_NIC (date of reference: 22.06.2025).

7. Covington, S.S. A Woman's Journal: Helping Women Recover by Stephanie S. Covington (2008-06-09) Paperback / S.S. Covington // – January 1, 1729 // Retrieved from <https://www.amazon.com/Womans-Journal-Stephanie-Covington-2008-06-09/dp/B01JXRMMOM> (date of reference: 01.07.2025).

© А.Г. Казбаева¹, 2025

¹ Kokshetau University named after Abay Myrzakhmetov, Astana, Kazakhstan
(E-mail: K_2385@mail.ru)

БАС БОСТАНДЫҒЫНАН АЙЫРУ ОРЫНДАРЫНДА ӘЙЕЛДЕРДІ ҰСТАУ ЖАҒДАЙЛАРЫН ТАЛДАУ: ҰЛТТЫҚ ЗАҢНАМА, ХАЛЫҚАРАЛЫҚ СТАНДАРТТАР ЖӘНЕ ПРАКТИКАЛЫҚ ҰСЫНЫМДАР

Аннотация. Мақалада бостандықтарынан айырылған әйелдерді, соның ішінде кәмелетке толмаған балалары бар әйелдерді ұстау шарттарын реттейтін Қазақстан Республикасының заңнамасына кешенді талдау ұсынылған. Автор ұлттық нормативтік құқықтық актілердің Біріккен Ұлттар Ұйымының Сотталғандарға қатысты Міндетті Ең төменгі стандарттық ережелері (Нельсон Мандела ережелері), Бангкок ережелері және Әйелдерге қатысты кемсітудің барлық нысандарын жою туралы конвенция (CEDAW) сияқты халықаралық стандарттарға сәйкестік дәрежесін қарастырады.

Қазақстан Республикасының Қылмыстық-атқару кодексінде ұстаудың арнайы шарттары көзделген: тамақтанудың күшейтілген нормалары, медициналық көмекке қолжетімділік, тұрмыстық жағдайлардың бейімделген түрі және әлеуметтік қолдау шаралары. Алайда мониторинг нәтижелері бұл кепілдіктердің тәжірибеде ішінара ғана іске асырылатынын көрсетеді. Мекемелер жеткіліксіз қаржыландырумен, білікті мамандардың тапшылығымен және қанағаттанарлықсыз санитариялық жағдайлармен бетпе-бет келеді. Бұл мәселелер, әсіресе, жүкті әйелдер мен балалы аналарға қатысты өткір байқалады.

Уақытынан бұрын шартты түрде босатуға және жаза мерзімін жеңіл түріне ауыстыру тетіктеріне қолжетімділіктің шектеулі болуы да ерекше алаңдаушылық туғызады. Мұндай шаралар Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 72 және 73-баптарында көзделгенімен, оларды қолдану материалдық зиянды толық өтеу талабымен қиындайды. Қаржылай қолдаудан айырылған әйелдер үшін бұл талап еңсерілмейтін кедергіге айналып, оларды мерзімінен бұрын босату мүмкіндігінен айырады.

Осылайша, формалды құқықтық кепілдіктердің болуына қарамастан, оларды әйелдерге қатысты тәжірибеде іске асыру жүйелі түрде жетілдіруді қажет етеді. Құқық қолдану тиімділігін арттыру, ұстау жағдайларын жақсарту және әлеуметтік тосқауылдарды жою – ұлттық практиканы халықаралық стандарттарға сәйкестендіру жолындағы басты қадамдар болып табылады.

Түйінді сөздер: заңнама, ұстау шарттары, қамаудағы әйелдер, адам құқықтары, халықаралық стандарттар, пробация, пенитенциарлық жүйе.

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ЖЕНЩИН В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Аннотация. В статье комплексный анализ законодательства Республики Казахстан, регулирующего условия содержания женщин в местах лишения свободы, в том числе женщин с несовершеннолетними детьми. Автор рассматривает степень соответствия национальных правовых актов международным стандартам, включая Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), Бангкокские правила ООН, а также Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW).

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан предусматривает специальные условия содержания: повышенные нормы питания, доступ к медицинской помощи, адаптированные бытовые условия и меры социальной поддержки. Тем не менее, результаты мониторинга показывают, что на практике эти гарантии реализуются частично. Учреждения сталкиваются с ограниченным финансированием, нехваткой квалифицированного персонала и неудовлетворительным санитарным состоянием. Особенно остро проблемы проявляются в отношении беременных женщин и матерей с детьми.

Отдельную обеспокоенность вызывает ограниченный доступ к механизмам условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким видом. Хотя такие меры предусмотрены статьями 72 и 73 Уголовного кодекса Республики Казахстан, их применение осложняется обязательным требованием полного возмещения материального ущерба. Для женщин без финансовой поддержки такое требование становится непреодолимым препятствием, лишаящим их реального шанса на досрочное освобождение.

Таким образом, несмотря на наличие формальных правовых гарантий, их практическая реализация в отношении женщин требует системного улучшения. Повышение эффективности правоприменения, улучшение условий содержания и устранение социальных барьеров, то есть ключевые шаги на пути к приведению национальной практики в соответствие с международными стандартами.

Ключевые слова: законодательство, условия содержания, женщины-заключенные, права человека, международные стандарты, пробация, пенитенциарная система.

References:

1. Hon, L.O. Razvitie ugovovno-ispolnitelnoi sistemy na territorii sovremennogo Kazahstana v 1905–1941 gg.: organizatsionnye i pravovye osnovy / L.O. Hon // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-na-territorii-sovremennogo-kazahstana-v-1905-1941-gg-organizatsionnye-i-pravovye-osnovy> (data obrashcheniya: 27.06.2025).
2. Zhamuldinov, V.N. Vospitatelnaya rabota kak osnovnoe sredstvo ispravleniya osuzhdennykh / V.N. Zhamuldinov // Vestnik KazNU serija yuridicheskaya. – 2011. - Tom 59 № 3 // Retrieved from <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/issue/view/8> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
3. Skakov, A.B. Ugolovno-ispolnitelnoe zakonodatelstvo Kazahstana: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya / A.B. Skakov // Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-ispolnitelnoe-zakonodatelstvo-kazahstana-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
4. Opsal, T. Gender-Responsive Programming for Women in the Community Corrections Context: A Scoping Review. / T. Opsal, I. Luxton // Policy, Practice and Research. – 2024. - Vol. 4. - P. 500-516 // Retrieved from <https://www.tandfonline.com/>

doi/full/10.1080/23774657.2023.2278192 (date of reference: 15.06.2025).

5. Covington, S., Bloom B. Gender-Responsive Programming and Evaluation for Females in the Criminal Justice System: A Shift from What Works? to What is the Work? / S. Covington, B. Bloom // Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/354857476_Gender-Responsive_Programming_and_Evaluation_for_Females_in_the_Criminal_Justice_System_A_Shift_from_What_Works_to_What_is_the_Work (date of reference: 03.07.2025).

6. Owen, B. Gender-Responsive Strategies. Bloom, Owen, Covington 2003 NIC // Retrieved from https://www.academia.edu/5681468/Gender_Responsive_Strategies_Bloom_Owen_Covington_2003_NIC (date of reference: 22.06.2025).

7. Covington, S.S. A Woman's Journal: Helping Women Recover by Stephanie S. Covington (2008-06-09) Paperback / S.S. Covington // – January 1, 1729 // Retrieved from <https://www.amazon.com/Womans-Journal-Stephanie-Covington-2008-06-09/dp/B01JXRMMOM> (date of reference: 01.07.2025).

Автор туралы мәліметтер:

Сведения об авторе:

Information about author:

Қазбаева Әсел Ғабиденқызы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының кандидаты, Абай Мырзахметов атындағы Көкшетау университеті кафедрасының доценті, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының бас ғылыми қызметкері, Жеңіс даңғылы, 15А, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: K_2385@mail.ru; Researcher ID WOS: MCJ-9466-2025.

Казбаева Асель Габиденовна - автор для корреспонденции, кандидат юридических наук, доцент кафедры Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова, главный научный сотрудник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан; проспект Жеңіс, 15А, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: K_2385@mail.ru; Researcher ID WOS: MCJ-9466-2025.

Kazbayeva Assel Gabidenovna - corresponding authors, candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Kokshetau University named after Abay Myrzakhmetov, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan; 15A Zhenis Avenue, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: K_2385@mail.ru; Researcher ID WOS: MCJ-9466-2025.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЗАҢНАМА ЖӨНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚПАРАТ
ИНСТИТУТЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НӨМІРІ 3(2025), 337-347

ӘОЖ 340
ҒТАМР 10.01.11
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_337
Ғылыми мақала

© Л.К. Амандықова¹, А. Ержан¹, М.Қ. Жұрұнова^{1*}, 2025

¹ «Астана» халықаралық университеті, Астана, Қазақстан
(E-mail: monamie2000@mail.ru; arayyerzhan@gmail.com; *merekezurunova@gmail.com)

ЗАҢНАМАНЫҢ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ МОНИТОРИНГТІҢ РӨЛІ

Аннотация. Кез-келген мемлекеттің құқықтық жүйесінің жаңартылып отыруы мен жүйелі түрде талдауға түсуі заманауи талап болып табылады. Қоғам және экономиканың қарқынды дамып жатқан заманында заңнаманың тұрақтылығы және оның жаңа өзгерістерге дайын болуы мен құқық қолдану тәжірибесінің талаптарына сәйкес келуі қажет. Бұл жағдайда заңнамалардың тұрақтылығы мен тиімділігін құқықтық мониторинг жүргізу арқылы анықтауға болады. Осы тұрғыдан, жыл сайын жана нормативтік құқықтық актілердің қабылдануы және оның санының көбеюі, өз кезегінде қайшы, қайталанатын нормалар мен олқылықтарды туындатуы құқықтық мониторинг жүргізудің өзектілігін арттырады. Құқықтық мониторингтің жиі кездесетін проблемалары ретінде заңдардың жиі өзгертулері ғана емес, заңға тәуілді актілердің қоғам өміріне әкелетін кейбір қиындықтары, құқықтық жүйенің ішкі заңнаманы ғана емес, құқықтық мониторинг жүргізуді қиындататын халықаралық стандарттардың қолданылуын ескеруі тиіс.

Жаңадан қабылданған заңға тәуелді актілерде ғылыми жаңалықтың болмауы, сондай-ақ бұрынғы редакцияның елеулі өзгерістерсіз сақталуы нормашығармашылықтағы формализмге ықпал етеді. Мұндай тәсіл толыққанды құқықтық мониторингтің жүргізілмеуі жағдайында заңнаманың сапасын төмендетіп, құқық қолдану практикасына кері әсерін тигізеді.

Сондықтан, заңнаманың тұрақтылығын қамтамасыз ету арқылы адам құқықта-рының сақталуын әрі бұзылмауын қалыптастыру үшін осы процестің қазіргі жағдайын зерттеу, кемшіл тұстарын анықтай отырып, оларды шешу жолын ұсыну осы мақаланың мақсаты болып табылады.

Бұл мақсатқа жету үшін құқықтық мониторинг мәселелерін нысаналы реттейтін құқықтық мониторинг жүргізудің қағидаларына талдау жасалады. Талдау нәтижесінде құқықтық мониторинг объектілерінің тізбесінің ауқымдылығы, мониторинг жүргізудің әдістемелік ұстанымдары мен белгілерінің жоқтығы, сонымен қатар формальды тәсілдің сақталуы тәрізді проблемалық мәселелер анықталып, авторлардың бұл мәселерге қатысты тұжырымдамалық ұсыныстары келтіріледі.

Түйінді сөздер: құқықтық мониторинг, нормативтік құқықтық акт, құқықтық жүйе, құқықтық мониторингтің болмысы, нормашығармашылық, құқық қолдану, иерархия, тиімділікті бағалау, болжау, заңнаманы талдау.

Кіріспе

Азаматтық қоғам өмірінің барлық салаларын қазіргі заманғы реформалау және барлық билік институттарының

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: merekezurunova@gmail.com.

өзара іс-қимылы негізінде құрылған мемлекеттің дамуы жағдайында норма шығару қызметін жоспарлауда мемлекеттік органдардың нормативтік құқықтық актілердің жобаларын дайындаудағы болжамды-талдамалық функциясын, оның ішінде қолданыстағы заңнаманың «кемшіл тұстарын» анықтауға ықпал ететін құқықтық мониторинг үлкен маңызға ие.

Құқықтық мониторинг құқықтық реттеудің тиімділігін арттырудың негізгі құралдарының бірі бола отырып, заңнаманың жай-күйін мемлекеттік бақылаудың, оны жетілдірудің, құқық қолдану практикасын жақсартудың пәрменді ұйымдық-құқықтық тетігі болып табылады. Құқықтық мониторинг жеке тұлғаның, қоғамның және мемлекеттің мүдделерін қорғау мен қамтамасыз етудің бір әдісі ретінде әрекет етеді.

Қазақстан Республикасының 2025 жылға дейінгі Стратегиялық даму жоспарында «заңнаманы жетілдіру және заңдарды сақтау үшін жағдайлар жасауды қамтамасыз ету» басымдығы шеңберінде мемлекеттің алдына заңнама мен құқық қолданудың сапасын, оның тұрақтылығын арттыру міндеті қойылды. Атап айтқанда: «...Осы мақсаттарда заңды әркелкі түсіндіру мүмкіндіктерін жою, олардың қайталануын болдырмау, заңдардың тұрақтылығын және бір мезгілде заңнамадағы өзгерістер мен жаңалықтардың болжамдылығын қамтамасыз ету қажет»¹.

Сонымен бірге, Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасында бірнеше өзгерістер енгізілген құқықтық актілерге мониторинг жүргізумен бірге, халықаралық актілерге де көңіл бөлу оң тәжірибені қалыптастыратыны туралы аталады².

Дегенмен, өз кезегінде, заңнамалық актілердің тұрақтылығы еліміздің күн тәртібінде тұрған өзекті мәселелердің бірі болып отыр.

Мемлекет басшысының 2022 жылғы 1 қыркүйектегі Қазақстан халқына Жолдауында заңдардың тиісті түзетулер енгізілгеннен кейін шексіз түзетулерге ұшырайтыны, сондай-ақ бір сәттік конъюнктураға немесе тар корпоративтік мүдделерге орай өзгеруіне жол бермеу керектігіне баса назар аударылды³.

Бұл міндеттерді негізінен құқықтық мониторингті пайдалану кезінде іске асыруға болады.

Әдістер мен материалдар

Зерттеу барысында Big Data тәсілі арқылы 2019–2023 жылдар аралығында қабылданған заңдарға енгізілген өзгерістердің жиілігі, сипаты және салалық бағыттары статистикалық талданды. Сонымен қатар, контент-талдау әдісі арқылы қолданыстағы құқықтық мониторинг қағидаттарының мазмұны мен құрылымы сараланды. Бұл тәсіл заңнамалық актілердің регулятивтік сапасын кешенді бағалауға мүмкіндік берді.

Ғылыми мақаланы жазу барысында авторлар аталған тақырыпқа сәйкес отандық доктринамен бірге, шетелдік тәжірибені, ұлттық заңнамалар мен құқықтық мониторинг туралы біркелкі халықаралық стандарттар болмағанымен, адам құқықтары туралы халықаралық келісімдер мен құжаттар, Ішкі аудит туралы халықаралық стандарттар, Тұрақты даму мақсаты 16 (ТДМ 16) қолданылды.

Нәтижелер мен талқылау

Алғаш рет мониторинг жүргізу мәселесі 2004 жылы Қазақстан Республикасы Премьер-Министрінің өкімінде қабылданып, оған сәйкес Әділет министрлігі иерархиялық орналасуы бойынша жоғары тұрған нормаларға қайшылықтарды анықтау, ескірген, декларативті, тиімсіз нормаларды анықтау тұрғысынан заңға тәуелді актілерге ревизия жүргізді.

¹ «Қазақстан Республикасының 2025 жылға дейінгі Стратегиялық даму жоспарын бекіту және Қазақстан Республикасы Президентінің кейбір жарлықтарының күші жойылды деп тану туралы» Қазақстан Республикасының Президенті Жарлығының жобасы туралы Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2017 жылғы 30 қарашадағы №799 қаулысы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1700000799> (жүгінген күні: 13.02.2025).

² Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы №674 Жарлығы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2100000674> (жүгінген күні: 13.02.2025).

³ Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года. // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_2/info (дата обращения: 13.02.2025)

Жүргізілген жұмыстың нәтижелері ревизияның тұрақты және жүйелі сипатта болуы керектігін көрсетті, бұл өз кезегінде құқықтық мониторинг моделін заңнамалық бекіту қажеттілігін тудырды.

Қазақстан Республикасы Құқықтық актілер туралы заңында құқықтық мониторинг жүргізу талатары, мақсаты мен міндеттері айқындалып, мемлекеттік органдарға мониторинг жүргізу қажеттілігі қарастырылған⁴.

Сонымен бірге, бүгінгі күні құқықтық мониторинг мәселелерін нысаналы реттейтін нормативтік құқықтық акті Әділет министрінің 2023 жылғы 11 шілдедегі № 471 бұйрығымен бекітілген Құқықтық мониторинг жүргізу қағидалары (бұдан әрі – Қағидалар) болып табылады⁵.

Аталған, Қағидалардың мазмұны құқықтық мониторинг жүргізудің жалпы ұйымдастырушылық мәселелерін ғана реттейді. Мысалы, оның ережелері құқықтық мониторингке жататын нормативтік құқықтық актілердің шеңберін, құқықтық мониторинг жүргізу тіркелімдерін қалыптастыру тәртібін, есептерді ұсыну мерзімдерін және басқасын белгілейді.

Сонымен қатар Қағидаларда құқықтық мониторингтің мақсаттары да, оларға қол жеткізу құралдары да шартты түрде белгіленген. Атап айтқанда, Қағидалардың 2-тармағына сәйкес қабылданған нормативтік құқықтық актілердің өзге заңнамаға қайшылықтары бар-жоғын, қайталану, олқылық, ескірген, тиімсіз іске асырылатын және сыбайлас жемқорлық сипатына ие құқық нормаларын анықтау құқықтық мониторинг аясында жүзеге асырылады, сонымен қатар қабылданған нормативтік құқықтық актілердің іске асырылу тиімділігін болжанып, талданып, бағаланып, соның нәтижесінде оларды одан әрі жетілдіру туралы ұсыныстар жасалады. Бұл құқықтық мониторингтің мақсатын ғана құрайды [1, с. 28].

Өз кезегінде, құқықтық мониторинг жүргізу мемлекеттің заң шығару қызметіне және қабылданған құқықтық

актілердің қоғамның әр саласын реттеуде қолданылуына тікелей әсер етеді.

Құқықтық әдебиеттерде құқықтық мониторингтің жан-жақты сипаты атап өтіледі, ол тек нормативтік құқықтық актілерді ғана емес, сонымен бірге заң шығару процесінің барлық кезеңдерін, тұжырымдамаларды, бағдарламалық құжаттарды, заңнаманың жекелеген салаларын қамтуы керек [2, с. 125].

Мәселен, М.М. Рассолов өз еңбектерінде құқықтық мониторинг объектісі ретінде құқықтық жүйені, құқықтық саясатты, іске асыру, интерпретация және түсіндіру актілерін, сондай-ақ құқықтық актілерді іске асыруға байланысты қатынастарды атап өтеді [3].

Н.Толмачева болса, құқықтық мониторингті мемлекеттік бақылауды қолданудың жоспарланатын, ағымдық және перспективалық жай-күйі мен практикасына, сондай-ақ осы заңды орындау үшін қабылданатын құқықтық актілерге мемлекеттік бақылауды жүзеге асыру әдісі ретінде анықтайды, ол жүйелі түрде және оны қолданудың жағымсыз салдарын болдырмау және (немесе) жою мақсатында бақыланатын объектінің жай-күйі туралы ақпаратты үнемі жинау мен талдаудан тұратындығына назар аударады [4, с. 18].

Осылайша, құқықтық мониторинг жүргізу арқылы жаңа қабылданған заңдардың мақсатты индикаторға жету-жетпеу деңгейі, ал өзгелері бойынша олардың тиімділігі бағаланады.

Қағидаларның құқықтық мониторинг объектісіне жататын нақты нормативтік құқықтық актілер бойынша жүргізілетіндігі туралы 3-тармағына сүйенсек, құқықтық мониторинг оның объектілерінің иерархиялық байланысына (нормативтік құқықтық актілердің жоғарыдан төменге өзара байланысы) қарай емес, олардың қабылдануына қарай, яғни қабылданғанына 5 жылдан аспаған нормативтік құқықтық актілерге жүргізіледі [5, с. 1869].

Бұл тұста құқықтық нормативтік актілердің өзара иерархиялық

⁴ Құқықтық актілер туралы Қазақстан Республикасының Заңы 2016 жылғы 6 сәуірдегі №480-V ҚРЗ. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000480> (жүгінген күні: 13.02.2025).

⁵ Құқықтық мониторинг жүргізу қағидаларын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Әділет министрінің 2023 жылғы 11 шілдедегі №471 бұйрығы. Қазақстан Республикасының Әділет министрлігінде 2023 жылғы 12 шілдеде №33069 болып тіркелді. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V2300033069> (жүгінген күні: 13.02.2025).

байланысы мен олардың арасындағы коллизия мәселесі емес, олардың иерархиялық байланысы арқылы біріктіре отырып, тұтастай байланысты жүйе ретінде қарау мәселесі қозғалады.

Себебі осы саланы жан-жақты зерттей келе, құқықтық мониторинг белгіленген иерархиядан оқшаулау жағдайында заңнама саласының тұтас көрінісін көруге мүмкіндік бермейді деп санаймыз, осыған байланысты кемшіліктерді анықтау фактілерінің болмауы практикасы жиі кездеседі.

Бұл ретте мемлекеттік органдар әзірлейтін нормативтік құқықтық акті жобаларының саны айтарлықтай жоғары деңгейде қалып отыр, бұл өз кезегінде нормативтік құқықтық актінің өзінің де, тұтастай алғанда заңнаманың да тұрақтылығына әсер етеді. Сонымен қатар 2030 жылға дейінгі Құқықтық саясат тұжырымдамасында өзге де өзекті мәселелермен қатар, қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнаманың тұрақтылығын бұзатын өзгерістер мен толықтырулар жиі енгізілетіні, бұл құқық қолдану қызметінде қателіктердің туындауына, сондай-ақ енгізілген өзгерістер туралы білмейтін адамдардың аталған заңдардың нормаларын бұзуына ықпал ететіні атап өтілген.

Бұл мәселенің өзектілігінің дәлелі ретінде келесі статистикалық ақпаратқа назар аударуға болады. Атап айтқанда, 2014 жылы қабылданған Қылмыстық кодекстің 2022 жылға дейінгі 8 жылдан аз уақыт ішінде оған түрлі 70 заңмен түзетулер енгізілді. Қылмыстық-процестік кодекс бойынша да осындай жағдай, оған 69 заңмен өзгерістер енгізілді, оның ішінде бастапқы тұжырымдамасы оны түзетуді көздемеген заңдарда бар.

Осылайша, заңнама тұрақтылығының бұзылуы және заң шығару қызметінің сапасының болмауы құқық қолдану практикасына, азаматтардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау процесіне теріс әсер етеді.

Мысалы: Өнеркәсіп және құрылыс министрлігі бойынша 2021 жылы Қазақстан Республикасы Үкіметінің қаулылары бойынша жағдай былайша

қалыптасты:

- мемлекеттік органның құқықтық мониторингі жүргізілген НҚА саны - 92;

- мемлекеттік орган құқықтық мониторинг бойынша НҚА-да тиімсіз және т.б. нормаларды анықтады - 0;

- мемлекеттік органнан заң сараптамасына түскен НҚА жобаларының саны – 122 (2022 жылдың бірінші жартыжылдығында - 75).

Осылайша, құқықтық мониторинг жүргізудің қолданыстағы тәртібінің 3 түбірлік проблемасын ажыратуға болады:

1. жеке тәсіл (нақты нормативтік құқықтық актілер бойынша) және мониторинг объектілерінің шамадан тыс ауқымды тізбесі, яғни сандық тұрғыдан объектілердің көп болуы, оларға мониторинг жүргізу бойынша жұмыстың сапалық белгісіне өзінің кері әсерін тигізеді;

2. мониторинг жүргізудің, оның ішінде қабылданған нормативтік құқықтық актілердің тиімділігін анықтаудың нақты әдістемелік ұсынымдары мен критерийлерінің болмауы заң шығарушы мен құқық қолданушы арасында мониторинг жүргізу арқылы қалыптасуы тиіс кері байланысты болғызбайды, бұл өз ретінде құқық қолданысындағы бірқатар мәселелердің туындауының себепшісі болады;

3. мемлекеттік органдар тарапынан «формальды» тәсілді сақтау, мәселенің өзге тиімдірек шешімін іздеуге мүмкіндік бермейді.

Бұл жерде, заңнама саласының жетілмегендігін анықтауға және оларды жою жөнінде шаралар қабылдауға мүмкіндік беріп, сол арқылы мемлекеттік органның нормашығармашылық қызметін тиісті жоспарлауды, заң жобаларының сапасын және заңнаманың тұрақтылығын тиісінші жан-жақты талдау жасау арқылы қамтамасыз ету керек.

Нормативтік-құқықтық актілердің сапасына қатысты мысал ретінде Қазақстан Республикасының «Мемлекеттік қызмет туралы» жаңа Заңының жобасы (Заң жобасы) қарастырылады⁶.

Аталған заң жобасы Ашық нормативтік құқықтық актілер порталында жарияланған және оны қабылдаудың негізі — Қазақстан

⁶ О государственной службе Республики Казахстан. // URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=15521285> (дата обращения: 02.06.2025).

Республикасы Президентінің «Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызметін дамытудың 2024–2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын» бекітуімен байланысты екені белгілі⁷.

Дегенмен, заң жобасында қолданыстағы заңмен салыстырғанда мазмұндық тұрғыда елеулі өзгерістер немесе ғылыми жаңалықтың болмауы, оның жаңа редакция ретінде қабылдануының негізділігіне қатысты сұрақ туындатады. Мұндай жағдайлар тек құқықтық мониторингті сапалы жүргізу арқылы ғана негізделуі тиіс.

Сонымен қатар, заң жобасында қолданыстағы нормаларда кездесетін құқықтық қайшылықтар мен кемсітушілік сипаттағы ережелерге қатысты түзетулердің болмауы да алаңдаушылық туғызады. Мысалы, тәртіптік теріс қылық үшін лауазымды төмендету сияқты шаралар тәртіптік жауапкершіліктің құқықтық шекарасынан шығып кететінін көрсетеді. Сондай-ақ, сынақ мерзімінің шамадан тыс ұзақтығы да құқықтық айқындық пен әділдікке қайшы келетін нормалардың бірі болып табылады.

Заң жобасымен бірге ұсынылған өзгерістер қатарында Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне енгізілетін түзету де бар. Атап айтқанда, Кодекстің 32-бабына мемлекеттік қызметке үміткер тұлғалар табысы туралы декларация тапсырып, оны растайтын анықтама беруі тиіс деген талап енгізілген. Бұл норма еңбек қатынастарының тікелей пәніне жатпайтындықтан, оның еңбек заңнамасына енгізілуі ғылыми және жүйелі тұрғыдан негізделмеген деп есептеледі.

Аталған мысал заңнама саласындағы жүйелік кемшіліктерді, нормашығармашылық жоспарлаудың әлсіз тұстарын және құқықтық мониторингтің жүргізілмеуінің салдарын айқын көрсетеді. Мұндай жағдайлар құқықтық реттеудің сапасын төмендетіп, заңнамалық тұрақтылықты қамтамасыз етуге кедергі келтіреді.

Құқықтық мониторинг жүргізудің

тиімділігін арттыруда бірқатар халықаралық стандарттар мен ұсынымдар негіз бола алады. Мәселен, Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымының (ЭЫДҰ) реттеушілік саясат және басқару жөніндегі ұсынымдары заң жобаларын әзірлеуде ғылыми негізделген талдаулар жүргізуді, қоғамдық консультациялар өткізуді және реттеушілік әсерді бағалауды талап етеді. Бұл ұсынымдар заңнама сапасын арттыруда маңызды әдіснамалық құрал ретінде қарастырылады. ЭЫДҰ ұсынымдарында құқықтық актілердің дәйектілігін, реттеудің ашықтығы мен болжамдылығын қамтамасыз етуге баса мән беріледі⁸.

Сондай-ақ, SIGMA бағдарламасы әзірлеген заңнамалық жобалар мен реттеушілік басқару бойынша тексеру тізімі Орталық Азия мен Еуропа елдеріндегі мониторинг жүйелерінің сапасын арттыруда қолданылуда. Онда саясатты әзірлеу, құқықтық сараптама жүргізу, мүдделі тараптардың пікірін ескеру, реттеушілік әсерді бағалау және заң жобаларын қоғамдық кеңестер арқылы келісу тетіктері ұсынылған⁹.

Халықаралық заңнама қауымдастығы (IAL) ұсынған заң жобаларын дайындаудың халықаралық стандарттары мен Akoma Ntoso секілді техникалық стандарттар цифрлық құқықтық құжаттарды құрылымдауға және құқықтық мониторинг процесін автоматтандыруға септігін тигізеді. Akoma Ntoso форматы құқықтық актілерді XML тілінде біріздендіру арқылы оларды құрылымдық талдау мен іздеу үшін қолайлы база қалыптастырады¹⁰.

Қазақстан үшін бұл стандарттар заңнамалық процесті жетілдіру, құқықтық тұрақтылықты қамтамасыз ету және халықаралық тәжірибеге негізделген жүйелі мониторинг жүргізу тұрғысынан маңызды құрал бола алады. Сонымен қатар, олар заң шығару сапасын бағалау мен болжауға мүмкіндік беретін институционалдық, техникалық және әдістемелік тетіктерді енгізуге негіз

⁷ Қазақстан Республикасының мемлекеттік қызметін дамытудың 2024 - 2029 жылдарға арналған тұжырымдамасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Президентінің 2024 жылғы 17 шілдедегі №602 Жарлығы. // URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/U2400000602> (жүгінген күні: 02.06.2025).

⁸ OECD Recommendation on Regulatory Policy and Governance, 2012. // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0390>. (date of reference: 02.06.2025).

⁹ SIGMA Checklist on Law Drafting and Regulatory Management. // URL: <https://www.sigmaweb.org/publications/checklist-on-law-drafting.htm> (date of reference: 02.06.2025).

¹⁰ Akoma Ntoso Standard. // URL: <https://www.akomantoso.org/> (date of reference: 02.06.2025).

болады.

J. Black, M. Lodge және M. Thatcher сияқты зерттеушілер «evidence-based policy» элементі ретінде заң шығару цикліне мониторингті біріктірудің маңыздылығын атап көрсетеді [6, p. 75].

Олардың пікірінше, бұл тәсіл құқықтық болжамдылықты, заңдылықты және өзгерістердің орындылығын қамтамасыз етуге мүмкіндік беретін реттеу нәтижелерін көрсетеді.

Өз кезегінде Еуропалық Одақ Еуропалық Комиссия жүзеге асыратын REFIT (Regulatory Fitness and Performance Programme) жүйесі жарамдылықты тексеру (fitness checks), экспост-бағалау және Refit Scoreboard цифрлық панелі сияқты элементтерді қамтитын ex post бағалаудың институттандырылған моделін қолданады, ол арқылы заңдарды бағалаудың тиімділік, өзектілік, дәйектілік сияқты көрсеткіштері мен «Have Your Say» платформасы арқылы қоғаммен тығыз байланыс ұстанып, кеңестер алу сияқты жұмыстар жүргізеді. Бұл заңнаманың тиімділігін бақылау процесінің ашықтығы мен оның заңдылығының жоғары дәрежесін көрсетеді.

Ұлыбритания Post-legislative scrutiny (PLUS) практикасы Парламент қызметіне біріктірілген және қабылданған актілердің іске асырылуын парламенттік бақылауға сүйенеді [7, с. 68].

Заңның орындалуын бағалау туралы стандартталған меморандумдарды министрліктер Парламентке акт күшіне енгеннен кейін 3-5 жыл өткен соң береді. Парламент комитеттері (Select Committees) осы құжаттар негізінде талқылауға бастамашылық жасайды және негізделген ұсынымдар қалыптастырады. Осылайша, заң шығару сапасына парламенттік бақылауды қамтамасыз ететін кері байланыс жүйесі қалыптасады.

Германия Федеративтік Республикасының тәжірибесінде заңнаманың тиімділігін бағалау моделі сандық-экономикалық бағалау әдістеріне бағытталған. Егер қабылданатын заң 1 млн еуродан астам әкімшілік шығыстар тудырса, атқарушы билік органдары құқықтық реттеудің (ex post evaluation) тиімділігін бағалауды жүргізуге міндетті [8, с. 133].

Демек, ұлттық нормативтік бақылау кеңесі (NKR) есептеулерді тәуелсіз сараптамалық тексеру функциясын орындайды және әдістемелік қолдауды үйлестіреді. Германия реттеуші «жарамдылық» тұжырымдамасы шеңберінде мониторингті интеграциялаудың мысалын көрсетеді.

АҚШ-та атқарушы агенттіктер деңгейінде (retrospective review), атап айтқанда Regulatory Impact Analysis (RIA) механизмі арқылы нормативтік актілерді үнемі қайта қарау практикаланады. Ақ үйдегі әкімшілік-бюджеттік басқару (OIRA) негізгі үйлестіруші рөл атқарады. Федералды заңдар үшін міндетті ex post бағалауларының жоқтығына қарамастан, атқарушы билік артық немесе ескірген талаптарды анықтау үшін реттеуден кейінгі бақылауды жүзеге асырады.

Салыстырмалы талдау құқықтық мониторингтің тиімділігі келесі факторларға байланысты екенін көрсетеді: нақты нормативтік базаның және бағалау әдіснамасының болуы, мониторингтің заңнамалық қызмет цикліне ендірілуі, институционалдық есеп беру және ведомствоаралық үйлестіру, мүдделі тараптардың ашықтығы мен қатысуы (public engagement), сандық құралдар мен деректерге негізделген аналитиканы қолдану орын алатынын анықтадық.

ҚР заңнаманың тиімділігіне талдау жыл сайын жоспарлы негізде жүргізіледі, талдау жүргізу үшін НҚА тізбесі мемлекеттік органдардың ұсыныстары мен алдағы жылға арналған заң жобалау жұмыстарының жоспары негізінде қалыптастырылады («Құқықтық актілер туралы» Қазақстан Республикасы Заңының 50-бабының 3-тармағы) [9, с. 313].

Бұл өз алдына талдамалық қызметтің қорытынды нәтижелері заңнаманың, құқық қолданудың жай-күйі мен тиімділігін бағалауды, оларды жетілдіру жөніндегі ұсыныстарды, болжамды сипаттағы қорытындыларды қамтуға мүмкіндік береді.

Осылайша, құқықтық мониторинг тек техникалық құқықтық түзету құралы ретінде ғана емес, сонымен бірге құқықтық модернизацияның элементі ретінде де қарастырылуы орынды болады. Оны енгізу тұрақты, бейімдел-

гіш және ұтымды құқықтық жүйені қалыптастыруға ықпал етеді.

Қорытынды

Құқықтық мониторинг жүйесінің тиімділігі заңнаманың тұрақтылығын, оның сапасы мен құқықтық реттеудегі пәрменділігін қамтамасыз етудің негізгі шарттарының бірі болып табылады. Мақалада ұсынылған тәсілдер Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесін жетілдіруге бағытталған нақты ғылыми негізделген ұсыныстар ретінде бағалануы мүмкін. Осы арқылы құқықтық саясаттың тиімді іске асырылуына және азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерінің қорғалуына нақты үлес қосылады.

Жоғарыда аталған мәселелерге сүйене отырып, авторлық тұжырымдамалар ретінде құқықтық мониторинг процесін реформалау ұсынылады:

1. объектіні нақты нормативтік құқықтық актіден заңнаманың саласына (кіші саласына) өзгерту жолымен сала-

лық мониторингке көшу (мемлекеттік органның жіктеуші және функционалдық талдауы негізінде);

2. құқықтық мониторинг жүргізілетін нормативтік құқықтық акті шеңберін қысқарту (саланы мұқият зерделеу мақсатында жыл ішінде мониторинг жүргізілетін мемлекеттік органның НҚА салаларын/шеңберлерін айқындау орынды болып көрінеді);

3. салалардың ерекшеліктерін ескере отырып, қолданыстағы реттеудің әдістемелік ұсынымдары мен тиімділік көрсеткіштерін әзірлеу;

4. бес жыл ішінде жаңа заңдар бойынша құқықтық мониторинг жүргізудің қолданыстағы тәртібін салалық мониторингке интеграциялау (талданатын салада жаңа заң болған жағдайда реттеуші саясаттың консультативтік құжатының нысаналы көрсеткіштері ескерілетін болады);

5. мониторинг жүргізуді ведомствоішілік үйлестірудегі заң қызметтерінің рөлін күшейту.

Авторлардың қосқан үлесі

Амандыкова Л.К. - ғылыми мақалада ғылыми доктрина мен аннотацияны жазуға үлесін қосты.

Ержан А. - ғылыми мақалада негізгі бөлімдегі ресми статистикалық деректер мен құқық қолдану тәжірибесіндегі өзекті мәселелер мен оларды шешу жолдарын қорытынды бөлімді нақтылады.

Журунова М.К. - ғылыми мақалада стратегиялық маңызды құжаттар мен заңға тәуелді актілердің құқық қолдану тәжірибесінде әкелетін мәселелері мен халықаралық стандарттарға сәйкестігін және қолданылған әдебиеттердің тізімін нақтылады.

Әдебиеттің тізімі:

1. Сборник аналитических справок по результатам правового мониторинга за 4 квартал 2021 года // Под ред. Н.В. Пан, Р.К. Сарпекова, В.Т. Конусовой, А.Г. Казбаевой - Нур-Султан: РГП на ПХВ Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан», 2021. – 357 с.

2. Кайжакпарова, А.Б. Анализ эффективности законодательства Республики Казахстан об игорном бизнесе (результат правового мониторинга) / А.Б. Кайжакпарова, А.Г. Казбаева // Сборник статей по итогам III Новосибирского международного юридического форума (27-28 мая, 10 июня 2021 г.) «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития» // Новосибирск, 2021 – С. 82-86

3. Рассолов, М.М. Мониторинг правоприменения в Российской Федерации: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / М.М. Рассолов // - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. - 239 с.

4. Толмачева, Н. Мониторинг закона - от практики к теории / Н. Толмачева // Право и экономика. – 2006. - №7. – С. 3-11

5. Тлупова, А.В. «Принципы и методы проведения правового мониторинга законодательства» / А.В. Тлупова // Журнал «Право и политика». - 2009. - №9 (117). - С. 1868–1875.

6. Black, J. (Eds.) *Regulatory Innovation: A Comparative Analysis*. / J. Black, M. Lodge, M. Thatcher // - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2005. - 205 p. // URL: <https://econpapers.repec.org/bookchap/elgeebook/3769.htm>

7. Коновалова, Л.Г. «Подотчетность правительства парламенту в Великобритании» / Л.Г. Коновалова // Журнал «Конституционное и муниципальное право» — 2024. - №4 - С. 65-69.

8. Давыдов, К.В. «Формальные административные процедуры в законодательстве России и Германии: сравнительно-правовой анализ» / К.В. Давыдов // Журнал «Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского» Серия Право. - 2017. - №3 - С. 130-134.

9. Жадауова, Ж.А. Возвращаясь к научной публикации к.ю.н. З.Г. Казиева, А.Б. Есимовой «Отраслевой правовой мониторинг: общее понятие, задачи и возможности проведения» / Ж.А. Жадауова // Журнал Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан - 2024. - №4 - С. 309-314.

© Л.К. Амандыкова¹, А. Ержан¹, М.К. Журунова¹, 2025

¹Международный университет «Астана», Астана, Казакстан

(E-mail: monamie2000@mail.ru; arayyerzhan@gmail.com; merekezurunova@gmail.com)

СТАБИЛЬНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РОЛЬ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

Аннотация. Современное требование заключается в том, чтобы правовая система любого государства обновлялась и систематически подвергалась анализу. В условиях бурного развития общества и экономики необходимо стабильность законодательства и его готовность к новым изменениям и соответствие требованиям правоприменительной практики. В этом случае стабильность и эффективность законодательства можно определить путем проведения правового мониторинга. С этой точки зрения, ежегодное принятие и увеличение количества новых нормативных правовых актов, в свою очередь, порождаящих противоречивые, повторяющиеся нормы и пробелы, повышает актуальность проведения правового мониторинга. В качестве наиболее частых проблем правового мониторинга следует учитывать не только частые изменения законов, но и некоторые трудности, которые приносят в жизнь общества законопослушные акты, применение международными стандартами правовой системы, затрудняющими проведение правового мониторинга, а не только внутреннего законодательства.

Отсутствие научной новизны в новых подзаконных актах, а также сохранение прежней редакции без существенных изменений способствуют формализму в нормотворчестве. Такой подход, при отсутствии полноценного правового мониторинга, снижает качество законодательства и оказывает негативное влияние на правоприменительную практику.

Поэтому целью данной статьи является изучение современного состояния данного процесса, выявление недостатков и предоставление пути их решения для формирования соблюдения и неприкосновенности прав человека путем обеспечения стабильности законодательства.

Для достижения этой цели проводится анализ правил проведения правового мониторинга, целенаправленно регулирующих вопросы правового мониторинга. В результате анализа выявляются проблемные вопросы, такие как масштабность перечня объектов правового мониторинга, отсутствие методических принципов и признаков проведения мониторинга, а также соблюдение формального подхода, приводятся концептуальные предложения авторов по этим вопросам.

Ключевые слова: правовой мониторинг, нормативный правовой акт, правовая система, сущность правового мониторинга, нормотворчество, правоприменение, иерархия, оценка эффективности, прогнозирование, анализ законодательства.

© L.K. Amandykova¹, A. Yerzhan¹, M.K. Zhurunova¹, 2025¹ «Astana» International University, Astana, Kazakhstan

(E-mail: monamie2000@mail.ru; arayyerzhan@gmail.com; merekezurunova@gmail.com)

THE STABILITY OF LEGISLATION AND THE ROLE OF LEGAL MONITORING

Abstract. The current requirement is that the legal system of any State should be updated and systematically analyzed. In the context of the rapid development of society and the economy, it is necessary to ensure the stability of legislation and its readiness for new changes and compliance with the requirements of law enforcement practice. In this case, the stability and effectiveness of legislation can be determined through legal monitoring. From this point of view, the annual adoption and increase in the number of new regulatory legal acts, which in turn generate contradictory, repetitive norms and gaps, increases the relevance of legal monitoring. As the most frequent problems of legal monitoring, it is necessary to take into account not only frequent changes in laws, but also some difficulties that law-abiding acts bring to the life of society, the application of international standards of the legal system, which make it difficult to conduct legal monitoring, and not only domestic legislation.

The absence of scientific novelty in newly adopted subordinate acts, as well as the preservation of previous versions without substantial changes, contributes to formalism in rule-making. This approach, in the absence of comprehensive legal monitoring, lowers the quality of legislation and has a negative impact on law enforcement practice.

Therefore, the purpose of this article is to study the current state of this process, identify shortcomings and provide a way to solve them in order to ensure respect for and inviolability of human rights by ensuring the stability of legislation.

To achieve this goal, the rules of legal monitoring are analyzed, which specifically regulate issues of legal monitoring. As a result of the analysis, problematic issues are identified, such as the scale of the list of objects of legal monitoring, the lack of methodological principles and signs of monitoring, as well as compliance with a formal approach, and the authors' conceptual proposals on these issues are presented.

Keywords: legal monitoring, regulatory legal act, legal system, the essence of legal monitoring, rulemaking, law enforcement, hierarchy, effectiveness assessment, forecasting, analysis of legislation.

References:

1. Sbornik analiticheskikh spravok po rezultatam pravovogo monitoringa za 4 kvartal 2021 goda // Pod red. N.V. Pan, R.K. Sarpekova, V.T. Konusovoi, A.G. Kazbaevoi - Nur-Sultan: RGP na PHV Institut zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan», 2021. – 357 s.
2. Kaizhakparova, A.B. Analiz effektivnosti zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan ob igornom biznese (rezultat pravovogo monitoringa) / A.B. Kaizhakparova, A.G. Kazbaeva // Sbornik statei po itogam III Novosibirskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (27-28 maja, 10 iyunja 2021 g.) «Pravo i ekonomika: natsionalnyi opyt i strategii razvitiya» // Novosibirsk, 2021 – S. 82-86
3. Rassolov, M.M. Monitoring pravoprimeneniya v Rossiyskoi Federatsii: uchebnoye posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu «Yurisprudentsiya» / M.M. Rassolov // - M.: JuNITI-DANA, 2017. - 239 s.
4. Tolmacheva, N. Monitoring zakona - ot praktiki k teorii / N.Tolmacheva // Pravo i ekonomika. – 2006. - №7. – S. 3-11
5. Tlupova, A.V. «Printsipy i metody provedeniya pravovogo monitoringa zakonodatelstva» / A.V. Tlupova // Zhurnal «Pravo i politika». - 2009. - №9(117). - S. 1868–1875.
6. Black, J. Regulatory Innovation: A Comparative Analysis. / J. Black, M.Lodge, M.Thatcher (Eds.) // - Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2005. - 205 p. // URL: <https://econpapers.repec.org/bookchap/elgeebook/3769.htm>

7. Konovalova, L.G. «Podotchetnost pravitelstva parlamentu v Velikobritanii» / L.G. Konovalova // Zhurnal «Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo» - 2024. - №4 - S. 65-69.

8. Davydov, K.V. «Formalnye administrativnye protsedury v zakonodatelstve Rossii i Germanii: sravnitel'no-pravovoi analiz» / K.V. Davydov // Zhurnal «Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo» Seriya Pravo. - 2017. - №3 - S. 130-134.

9. Zhadauova, Zh.A. Vozvrashchaya k nauchnoi publikatsii k.yu.n. Z.G. Kazieva, A.B. Esimovoi «Otraslevoi pravovoi monitoring: obshchee ponyatie, zadachi i vozmozhnosti provedeniya» / Zh.A. Zhadauova // Zhurnal Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan - 2024. - №4 - S. 309-314.

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Амандықова Лейла Көшкенқызы - заң ғылымдарының кандидаты, «Астана» халықаралық университеті Құқық жоғарғы мектебінің қауымдастырылған профессоры, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: monamie2000@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5341-1776>; Researcher ID WOS: ACK-6769-2022.

Ержан Арай - заң ғылымдарының магистрі, «Астана» халықаралық университеті Құқық жоғарғы мектебінің докторанты, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: arayyerzhan@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6116-0482>; Researcher ID WOS: CAA-8184-2022.

Жұрунова Мереке Қонысханқызы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, «Астана» халықаралық университеті Құқық жоғарғы мектебінің аға оқытушысы, Қабанбай батыр даңғылы, 8, Астана, Қазақстан.

E-mail: merekezurunova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6020-5823>; Researcher ID WOS: LGO-8587-2024; Scopus Author ID: 56149816300.

Амандыкова Лейла Кошкеновна - кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы права Международного университета «Астана», проспект Кабанбай Батыра, 8, 020000, Астана, Казахстан.

E-mail: monamie2000@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5341-1776>; Researcher ID WOS: ACK-6769-2022.

Ержан Арай - магистр юридических наук, докторант Высшей школы права Международного университета «Астана», проспект Кабанбай Батыра, 8, 020000, Астана, Казахстан.

E-mail: arayyerzhan@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6116-0482>; Researcher ID WOS: CAA-8184-2022.

Журунова Мереке Қонысхановна - автор для корреспонденции, магистр юридических наук, старший преподаватель Высшей школы права Международного университета «Астана», проспект Кабанбай Батыра, 8, 020000, Астана, Казахстан.

E-mail: merekezurunova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6020-5823>; Researcher ID WOS: LGO-8587-2024; Scopus Author ID: 56149816300.

Amandykova Leila Koshkenovna - candidate of Law, Associate Professor of the Higher School of Law of «Astana» International University, Kabanbai Batyr Avenue 8, Astana, Kazakhstan.

E-mail: monamie2000@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5341-1776>; Researcher ID WOS: ACK-6769-2022.

Yerzhan Arai - master of Law, Doctoral student at the Higher School of Law of «Astana» International University, Kabanbai Batyr Avenue 8, Astana, Kazakhstan.

E-mail: arayyerzhan@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6116-0482>; Researcher ID WOS: CAA-8184-2022.

Zhurunova Mereke Konyskhanovna - corresponding authors, master of Law, Senior Lecturer at the Higher School of Law of «Astana» International University, Kaban-bai Batyr Avenue 8, Astana, Kazakhstan.

E-mail: merekezurunova@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6020-5823>; Researcher ID WOS: LGO-8587-2024; Scopus Author ID: 56149816300.

ЖАС ҒАЛЫМ МІНБЕРІ
Трибуна молодого ученого
YOUNG RESEARCHER'S TRIBUNE

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
 И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
 ISSN 2788-5283
 eISSN 2788-5291
 ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 348-356

УДК 347.122
 ГРНТИ 10.27.23
 DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_348
 Научная статья

© А.К. Досанова^{1*}, А.Е. Рамазан¹ 2025

¹Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Астана, Казахстан
 (E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com; asselerlankyzy@gmail.com)

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей научной статье осуществляется всесторонний анализ проблемных аспектов правового обеспечения социальной защиты лиц с инвалидностью в Республике Казахстан. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена как необходимостью реализации принципа равенства прав и возможностей для всех граждан, так и стремлением государства к надлежащему исполнению своих международных обязательств в области прав человека. Особое значение придается ратификации Республикой Казахстан Конвенции ООН о правах инвалидов и Факультативного протокола к ней, что требует системной гармонизации национального законодательства с международными стандартами и лучшими практиками.

Исследование базируется на анализе и сопоставлении действующих нормативных правовых актов Республики Казахстан, международных договоров, а также научных трудов отечественных и зарубежных авторов, специализирующихся на вопросах правового статуса лиц с инвалидностью. Целью статьи является выявление ключевых проблем действующего законодательства и выработка аргументированных предложений по его совершенствованию, направленных на повышение эффективности правовых механизмов защиты прав лиц с инвалидностью.

В ходе исследования применялись методы формально-юридического, сравнительно-правового и логического анализа. В рамках работы рассматриваются теоретико-правовые подходы к определению понятий «лицо с инвалидностью» и «ребенок с инвалидностью» с формулировкой возможных актуализированных определений. Отдельное внимание уделяется проблеме дискриминации по признаку инвалидности, включая вопрос необходимости её закрепления в действующем законодательстве.

Сформулированные в статье выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности, при подготовке проектов нормативных правовых актов, научных исследованиях и правоприменительной практике.

Ключевые слова: инвалидность, лицо с инвалидностью, ребенок с инвалидностью, социальная защита, дискриминация по признаку инвалидности.

* Автор для корреспонденции. E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com.

Введение

Лица с инвалидностью являются одной из наиболее уязвимых слоев населения. Соответственно степень их юридической защищенности играет ключевую роль в обеспечении качества жизни, социальной интеграции, трудоустройстве и др. На сегодняшний день принят ряд документов, направленных на защиту лиц с инвалидностью. Республика Казахстан в 2015 году ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов¹, а в 2023 году ратифицировала Факультативный протокол к указанной Конвенции², которые требуют от государств-участников принимать соответствующие меры для обеспечения осуществления прав своих граждан.

Вместе с тем, в законодательстве Республики Казахстан имеются недостатки, требующие устранения и совершенствования. Наиболее важной проблемой, с которой сталкиваются лица с инвалидностью, является отсутствие надлежащей защиты от дискриминации. В частности, данная проблема наглядно проявляется в сфере трудоустройства. Так, согласно информационно-справочному материалу «О мерах по социальной защите лиц с инвалидностью», подготовленному к заседанию Правительства 6 ноября 2024 года³, на 1 ноября 2024 года занятость обеспечена лишь 148 тыс. человек, что составляет около 39 % трудоспособного населения с инвалидностью. Между тем пункт 2 статьи 107 Социального кодекса Республики Казахстан обязывает местные исполнительные органы устанавливать квоты для трудоустройства лиц с инвалидностью в размере от 2 до 4 процентов для работодателей, численность сотрудников которых превышает 50 человек. Такая статистика иллюстрирует несоответствие фактических показателей законодательным требованиям и указывает на сохраняющиеся барьеры и скрытую

дискриминацию в сфере труда. Аналогичные проблемы проявляются и в отношении детей с инвалидностью, особенно в сфере образования. В этой связи целью настоящей статьи является комплексный анализ законодательных норм в области социальной защиты лиц с инвалидностью, выявление ключевых проблем и формулирование предложений по его совершенствованию.

Подобная необходимость подчеркивается и в научной литературе. Сарпеков Р.К. также отмечает, что на сегодняшний день общемировым трендом развития законодательства в сфере защиты прав лиц с инвалидностью является усиление акцентов на обеспечении равенства, борьбу с дискриминацией по признаку инвалидности. Человекоцентричность должна стать главным принципом регулирования положения лиц с инвалидностью [1]. Несмотря на наличие общих норм о праве лиц с инвалидностью на равенство и недискриминационное отношение, на практике зачастую встречаются препятствия. Данный факт можно объяснить неэффективной законодательной защитой и сохраняющимся неблагоприятным отношением к гражданам с ограниченными возможностями в обществе.

В рамках данной статьи будут проведены анализ нормативных правовых актов по защите прав лиц с инвалидностью, а также будут рассмотрены возможности их совершенствования.

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы, в том числе анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод. При написании статьи были изучены действующие нормативные правовые акты Республики Казахстан, труды отечественных и зарубежных ученых-правоведов в сфере защиты прав лиц с инвалидностью.

¹ Закон Республики Казахстан от 20 февраля 2015 года № 288-V ЗПК «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000288> (дата обращения: 02.09.2024).

² Закон Республики Казахстан от 7 июня 2023 года № 8-VIII ЗПК «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах инвалидов». // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z23000000008> (дата обращения: 02.09.2024).

³ Информационно-справочный материал «О мерах по социальной защите лиц с инвалидностью», подготовленному к заседанию Правительства от 6 ноября 2024 года. // URL: <https://primeminister.kz/assets/media/ism-ot-06112024.pdf> (дата обращения: 30.06.2025).

Результаты. Обсуждение

Действующее законодательство, регламентирующее социальную защиту лиц с инвалидностью, включает положения Конституции Республики Казахстан и Социального кодекса Республики Казахстан.

Пункт 2 статьи 14 Конституции Республики Казахстан устанавливает запрет на какую-либо форму дискриминации, в том числе, по признаку инвалидности⁴. В соответствии с пунктом 2 статьи 28 Конституции, гражданам гарантируется социальное обеспечение инвалидности. Таким образом, право на социальную защиту лиц с инвалидностью закреплено на уровне Основного закона как одна из базовых социальных гарантий.

Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года №224-VII ЗРК, вступивший в силу с 1 июля 2023 года, является кодифицированным актом, комплексно регулирующим отношения в сфере социальной защиты населения, включая гарантии и механизмы поддержки лиц с инвалидностью. Кодекс устанавливает виды социальной помощи, порядок назначения пособий, предоставления социальных услуг, а также механизмы реабилитации⁵.

До введения в действие Социального кодекса регулирование осуществлялось на основании Закона Республики Казахстан от 16 июня 1997 года №126 «О государственных социальных пособиях по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан»⁶ и Закона Республики Казахстан от 13 апреля 2005 года №39 «О социальной защите лиц с инвалидностью в Республике Казахстан»⁷, которые определяли основания и размеры пособий, а также меры социальной защиты, включая обеспечение средствами реабилитации, доступ к медицинской помощи и трудоустройству.

С принятием Социального кодекса указанные законы были признаны утратившими силу. Новый кодекс объединил и систематизировал положения о социальной защите в едином законодательном акте, что позволило устранить фрагментарность регулирования и усилить согласованность системы мер поддержки лиц с инвалидностью.

Учитывая, что Социальный кодекс Республики Казахстан пришел на смену Закону Республики Казахстан «О социальной защите лиц с инвалидностью», представляется целесообразным проанализировать, насколько изменились подходы к обеспечению социальной поддержки лиц с инвалидностью.

Вместе с тем, отдельные положения, включая определения таких терминов, как «инвалидность», «лицо с инвалидностью», «ребенок с инвалидностью», были перенесены в Социальный кодекс без существенных изменений. Такой перенос норм без доработки вызывает вопросы, поскольку основная цель кодификации заключается не только в систематизации действующего законодательства, но и в его совершенствовании. Кроме того, воспроизведение прежних норм не в полной мере соответствует международным обязательствам Республики Казахстан, в частности положениям Конвенции ООН о правах инвалидов, подчеркивающим «многообразие инвалидов».

Адибаевым А.М. отмечается, что начиная с 1960-1970-х годов в международной практике утвердилась социальная модель, акцентирующая внимание на устранении барьеров и дискриминации, а не на медицинском диагнозе как основании статуса [2].

При этом следует отметить, что в отечественной науке данная проблематика всё ещё недостаточно освещена. Как справедливо

⁴ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. // URL: <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/1/rus> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года №224-VII ЗРК. // URL: <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/180051/rus> (дата обращения: 02.09.2024).

⁶ Закон Республики Казахстан от 16 июня 1997 г. №126 «О государственных социальных пособиях по инвалидности и по случаю потери кормильца в Республике Казахстан». // URL: <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/104200/rus> (дата обращения: 02.09.2024).

⁷ Закон Республики Казахстан от 13 апреля 2005 года №39 «О социальной защите лиц с инвалидностью в Республике Казахстан». // URL: <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/23663/rus> (дата обращения: 02.09.2024).

утверждают Мышбаева З.Т. и Сокира Т.С., «в последние годы отсутствуют исследования отечественных ученых по данной тематике. Это относится к актуальным проблемам, так как научные исследования приводят к рассмотрению лиц с инвалидностью, как важный экономический ресурс для продвижения страны» [3].

В существующих определениях отсутствует указание на врожденные состояния, а также на умственные и психические расстройства, что ограничивает охват соответствующих категорий лиц. Международный подход, напротив, акцентирует внимание на многоаспектности инвалидности, охватывающей как физические, так и психологические и когнитивные нарушения.

Так, д.мед.н. Барбара М. Альтман указывала, что «процесс инвалидности, который может начаться с заболевания, врожденного дефекта или несчастного случая, также включает в себя личные и средовые характеристики, связанные с данным человеком, и, хотя он содержит множество элементов, общий характер этого процесса довольно прост. Физическое, психическое или эмоциональное состояние (заболевание или активная патология, травма или врожденная аномалия), от которого страдает человек, создает (или не создает) активное физическое, психическое или эмоциональное нарушение на клеточном, органном или конечностном уровнях человека в активной стадии заболевания» [4].

Развивая данную идею, в зарубежной доктрине все чаще подчеркивается необходимость учета возрастных аспектов инвалидности. В этой связи Нил Халфон, Эми Хаутроу, Кэндис Ларсон и Пол В. Ньюачек, в рамках изучения изменений в представлениях об инвалидности в детском возрасте, определяют ребенка с инвалидностью при помощи концепции, учитывающей особенности развития [5]. В частности, они описывают «ребенка с инвалидностью» как ребенка, у которого существует разрыв между его способностями и нормативными ожиданиями, что ограничивает его способность успешно взаимодействовать с окружающей средой [5]. Таким образом,

такое определение выходит за рамки статических нарушений и включает задержки, отклонения и вариации в росте и развитии, что соответствует концепции Международной классификации функционирования, инвалидности и здоровья, и Конвенции ООН о правах инвалидов.

Проблема учета исключительно физиологических аспектов инвалидности отмечается и в казахстанской научной литературе. Так, Сарпеков Р.К., анализируя международно-правовые стандарты защиты прав лиц с инвалидностью, обращает внимание на недостаточный учет психологических факторов при проведении медико-социальной экспертизы [1]. Он отмечает, что в действующей практике оценка способности к коммуникации, обучению и контролю поведения осуществляется преимущественно на основе физиологических показателей, в то время как участие психологов в экспертной комиссии не является обязательным [1]. В качестве рекомендации предлагается предусмотреть участие психологов или социальных работников на постоянной основе при проведении экспертизы, по аналогии с подходами, применяемыми, например, в Испании и Эстонии [1].

Таким образом, представленные наблюдения указывают на необходимость пересмотра отдельных положений Социального кодекса с целью приведения их в соответствие с современными международными стандартами, а также расширения охвата используемых дефиниций. В этой связи предлагается пересмотреть формулировки терминов «лицо с инвалидностью» и «ребенок с инвалидностью», представив их в следующей редакции:

«105) лицо с инвалидностью – лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное врожденными или приобретенными заболеваниями, увечьями (ранениями, травмами, контузиями), их последствиями либо иными нарушениями, включая физические, умственные, психические или сенсорные расстройства, которое приводит к ограничению жизнедеятельности и необходимости социальной защиты;

110) ребенок с инвалидностью –

лицо в возрасте до восемнадцати лет, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное врожденными или приобретенными заболеваниями, увечьями (ранениями, травмами, контузиями), их последствиями либо иными нарушениями, включая физические, умственные, психические или сенсорные расстройства, которое приводит к ограничению жизнедеятельности и необходимости социальной защиты;».

Согласно статье 4 Социального Кодекса, никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства, возраста, состояния здоровья, в том числе инвалидности или по любым иным обстоятельствам. Статья 3 указанного законодательного акта предусматривает принцип равноправия и недопустимости ограничения прав человека и гражданина в сфере социальной защиты. Следует отметить, что данный принцип относится исключительно к государственной политике в сфере социальной защиты.

Учитывая то, что в статье 14 Конституции дискриминация по признаку инвалидности поглощается формулировкой «по любым иным обстоятельствам» и отдельно не указывается, представляется необходимым в Социальном кодексе раскрыть данное понятие и уделить ему особое внимание. Таким образом, вопросы дискриминации не в полной мере раскрываются в положениях Социального кодекса.

Среди прочего, стоит отметить, что Закон Республики Казахстан «О правовых актах» определяет, что в законах устанавливаются основные цели, задачи, принципы, компетенции и полномочия регулирования соответствующей отрасли (сферы)⁸. Тем не менее, в Социальном кодексе норма о цели социального законодательства отсутствует, что также является подтверждением необходимости его совершенствования.

Возвращаясь к вопросам дискриминации, определение термина «дискриминация по признаку инвалидности» предусмотрено Конвенцией ООН о правах инвалидов, согласно которой «дискриминация по признаку инвалидности» означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области. Оно включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении. Ввиду того, что упомянутая Конвенция ратифицирована Республикой Казахстан, представляется целесообразным введение понятия «дискриминация по признаку инвалидности» в законодательство Казахстана, а также ее закрепление в отдельной статье Социального кодекса. Данная инициатива также находит отражение в проекте Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам улучшения качества жизни лиц с инвалидностью».

Необходимость закрепления в Социальном кодексе термина «дискриминация по признаку инвалидности» уже поднималась во время принятия этого Кодекса. Как отметила сенатор Ляззат Калтаева, «необходимо дать объяснение — что такое дискриминация, и как она выражается. Практически все иски, подаваемые по признаку дискриминации инвалидов, проигрываются из-за отсутствия в законах четкого определения понятия дискриминация по признаку инвалидности». Она подчеркнула, что «даже если у человека с инвалидностью нарушены права, в суде он не сможет доказать факт дискриминации, потому что в отечественном законодательстве отсутствует определение самой дискриминации»⁹.

Представленные в Конвенции

⁸ Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года №480-V ЗПК «О правовых актах». // URL: <https://zan.gov.kz/client/#!/doc/100890/rus> (дата обращения: 01.07.2025).

⁹ Почему в Казахстане сложно бороться с нарушением прав лиц с инвалидностью? — Mail.kz.

положения находят отражение и в научной литературе, где предпринимаются попытки раскрыть содержание дискриминации по признаку инвалидности. Так, Сандор Гурбай, анализируя право лиц с инвалидностью на недискриминацию в контексте принудительных мер вмешательства, предлагает следующее альтернативное определение: «прямая дискриминация по признаку инвалидности означает любое неблагоприятное обращение по признаку инвалидности, которое в силу этой инвалидности ущемляет или лишает возможности признания, осуществления или использования каких-либо прав человека или основных свобод. Такое обращение не допускает никаких оправданий. Следовательно, любое неблагоприятное обращение по этому признаку автоматически будет считаться прямой дискриминацией по признаку инвалидности» [6].

Аналогично, Н. Мадрик, исследуя дискриминацию в сфере занятости, подчеркивает, что лица с инвалидностью сталкиваются с теми же стереотипами и предвзятыми установками, что и другие уязвимые группы. Дискриминация может проявляться как в форме неравного обращения (например, автоматический отказ в приеме на работу без оценки компетенций работника), так и в виде неравного воздействия, когда формально нейтральные требования исключают людей с инвалидностью без объективной связи с трудовыми функциями [7].

На практике дискриминация лиц с инвалидностью проявляется также в сферах трудоустройства, образования, здравоохранения, обеспечения инфраструктурной доступности. В этой связи рассмотрение вопросов дискриминации исключительно в Социальном кодексе недостаточно, необходимо также внесение изменений и дополнений в законодательные акты, регулирующие указанные сферы, для обеспечения комплексной защиты прав лиц с инвалидностью.

Заключение

Социальная защита лиц с инвалидностью является актуальной

темой для обсуждения не только в научном сообществе, но и в нормотворчестве. В рамках обсуждений поднимаются вопросы дискриминации по признаку инвалидности, создания доступной среды для лиц с инвалидностью, применения международных стандартов и исполнения международных обязательств.

Анализ действующих нормативных правовых актов показал необходимость совершенствования законодательства в целях повышения качества жизни лиц с инвалидностью.

В этой связи предлагается рассмотреть возможность внесения следующих изменений и дополнений:

1. Изложить подпункты 105) и 110) Социального кодекса Республики Казахстан с учетом случаев врожденных, умственных и психических заболеваний.

2. Введение в Социальный кодекс Республики Казахстан термина «дискриминация по признаку инвалидности» с раскрытием его содержания, опираясь на положения Конвенции ООН о правах инвалидов. Такая мера соответствует и Заключительным замечаниям Комитета по правам инвалидов ООН по первоначальному докладу Республики Казахстан от 19 апреля 2024 года¹⁰, в которых Комитет указал на отсутствие в национальном законодательстве четкого определения дискриминации по признаку инвалидности, включая ее интерсекциональные формы, и рекомендовал принятие всеобъемлющего антидискриминационного закона (Замечание общего порядка № 6 (2018)).

3. Заменить в пункте 2 статьи 6 Трудового кодекса Республики Казахстан слова «физических недостатков» на слово «инвалидности» с целью приведения национального законодательства в соответствие с Конвенцией ООН о правах инвалидов, а также устранения пробелов в защите прав лиц с психическими, интеллектуальными и сенсорными нарушениями, не охватываемых понятием «физических недостатков».

// URL: <https://mail.kz/ru/news/kz-news/pochemu-v-kazahstane-slozhno-borotsya-s-narusheniem-pravlic-s-invalidnostyu> (дата обращения: 30.06.2025).

¹⁰ Заключительные замечания по первоначальному докладу Казахстана от 19 апреля 2024 года. // URL: <https://docs.un.org/ru/CRPD/C/KAZ/CO/1> (дата обращения: 30.06.2025).

Вклад авторов

Досанова Ә.К. – результаты и обсуждение, заключение, оформление литературы.

Рамазан А.Е. – введение, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение.

© А.К. Досанова¹, А.Е. Рамазан¹ 2025

¹ Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институты, Астана, Қазақстан
(E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com; asselerlankyzy@gmail.com)

**МҮГЕДЕКТІГІ БАР АДАМДАРДЫ
ӘЛЕУМЕТТІК ҚОРҒАУДЫ ҚҰҚЫҚТЫҚ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ:
ТАЛДАУ ЖӘНЕ ЖЕТІЛДІРУ ЖОЛДАРЫ**

Аннотация. Осы ғылыми мақалада Қазақстан Республикасында мүгедектігі бар адамдарды әлеуметтік қорғауды құқықтық қамтамасыз етудің проблемалық аспектілеріне жан-жақты талдау жүзеге асырылады. Қарастырылып отырған тақырыптың өзектілігі барлық азаматтар үшін құқықтар мен мүмкіндіктердің теңдігі қағидатын іске асыру қажеттілігімен де, мемлекеттің адам құқықтары саласындағы өзінің халықаралық міндеттемелерін тиісінше орындауға ұмтылуымен де байланысты болып табылады. Қазақстан Республикасының БҰҰ-ның Мүгедектердің құқықтары туралы конвенциясын және оған Факультативтік хаттаманы ратификациялауына ерекше мән беріледі, бұл ұлттық заңнаманы халықаралық стандарттармен және үздік тәжірибелермен жүйелі үйлестіруді талап етеді.

Зерттеу Қазақстан Республикасының қолданыстағы нормативтік құқықтық актілерін, халықаралық шарттарды, сондай-ақ мүгедек адамдардың құқықтық мәртебесі мәселелеріне маманданған отандық және шетелдік авторлардың ғылыми еңбектерін талдауға және салыстыруға негізделеді. Мақаланың мақсаты қолданыстағы заңнаманың негізгі мәселелерін анықтау және мүгедектігі бар адамдардың құқықтарын қорғаудың құқықтық тетіктерінің тиімділігін арттыруға бағытталған оны жетілдіру бойынша дәлелді ұсыныстар әзірлеу болып табылады.

Зерттеу барысында формальды-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және логикалық талдау әдістері қолданылды. Жұмыс аясында мүмкін болатын өзекті анықтамаларды тұжырымдай отырып, «мүгедектігі бар адам» және «мүгедектігі бар бала» ұғымдарын анықтауға қатысты теориялық-құқықтық тәсілдер қарастырылады. Мүгедектік белгісі бойынша кемсітушілік мәселесіне, оның ішінде оны қолданыстағы заңнамада бекіту қажеттілігі мәселесіне ерекше назар аударылады.

Мақалада тұжырымдалған қорытындылар мен ұсыныстар заң шығару қызметінде, нормативтік құқықтық актілердің жобаларын дайындауда, ғылыми зерттеулер мен құқық қолдану тәжірибесінде қолданыла алады.

Түйінді сөздер: мүгедектік, мүгедектігі бар адам, мүгедектігі бар бала, әлеуметтік қорғау, мүгедектік белгісі бойынша кемсітушілік.

© А.К. Dosanova¹, A.E. Ramazan¹ 2025

¹ Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
(E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com; asselerlankyzy@gmail.com)

**LEGAL SUPPORT OF SOCIAL PROTECTION OF PERSONS
WITH DISABILITIES: ANALYSIS AND WAYS OF IMPROVEMENT**

Abstract. This scientific article provides a comprehensive analysis of the problematic aspects of legal support for the social protection of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan. The relevance of the topic under consideration is due to both the need to implement the principle of equal rights and opportunities for all citizens and

the state's desire to properly fulfill its international obligations in the field of human rights. Particular importance is attached to the ratification by the Republic of Kazakhstan of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities and its Optional Protocol, which requires the systematic harmonization of national legislation with international standards and best practices.

The study is based on an analysis and comparison of the current regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan, international treaties, as well as scientific works by domestic and foreign authors specializing in issues of the legal status of persons with disabilities. The purpose of the article is to identify key problems in the current legislation and to develop reasoned proposals for its improvement, aimed at increasing the effectiveness of legal mechanisms for protecting the rights of persons with disabilities.

The study used methods of formal legal, comparative legal, and logical analysis. The work examines theoretical and legal approaches to defining the concepts of «person with a disability» and «child with a disability» with the formulation of possible updated definitions. Particular attention is paid to the problem of discrimination on the basis of disability, including the issue of the need to enshrine it in current legislation.

The conclusions and proposals formulated in the article can be used in lawmaking, in the preparation of draft regulatory legal acts, in scientific research, and in law enforcement practice.

Keywords: disability, person with a disability, child with a disability, social protection, discrimination on the basis of disability.

References:

1. Sarpekov, R.K. Mezhdunarodno-pravovye standarty zashchity prav lits s invalidnostyu: nekotorye aspekty vnedreniya v Kazakhstane i zarubezhnyh stranah. / R.K. Sarpekov // Nauchno-pravovoj zhurnal «Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan» - 2023. - №2(73). // Retrieved from https://doi.org/10.52026/2788-5291_2023_73_2_137 (data obrashcheniya: 05.08.2024).
2. Adibayev, A.M. Issues of implementation of ratified international conventions on the protection of the rights of persons with disabilities in the republic of Kazakhstan. / A.M. Adibayev // Scientific and Legal Journal «Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. - 2025 - №80(1). // Retrieved from https://doi.org/10.52026/2788-5291_2025_80_1_303 (date of reference: 01.07.2025).
3. Sokira, T.S. Aktualnye problemy zanyatosti lits s invalidnostyu v Respublike Kazakhstan. / T.S. Sokira, Z.T. Myshbaeva // Central Asian Economic Review. - 2020. - №5. // Retrieved from <https://caer.narxoz.kz/jour/article/view/18/18> (data obrashcheniya: 05.08.2024).
4. Altman, B. Definitions, concepts, and measures of disability. / B. Altman // Annals of Epidemiology. - 2014. - Volume 24. - Issue 1. // Retrieved from <https://doi.org/10.1016/j.annepidem.2013.05.018>. (date of reference: 05.08.2024).
5. Halfon, N. The changing landscape of disability in childhood. Future Child. / N. Halfon, A. Houtrow, K. Larson, P.W. Newacheck // Spring - 2012. - Volume 22. - No1. // <https://doi.org/10.1353/foc.2012.0004> (date of reference: 05.08.2024).
6. Gurbai, S. Beyond the Pragmatic Definition? The Right to Non-discrimination of Persons with Disabilities in the Context of Coercive Interventions. / S. Gurbai // Health and Human Rights. // Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32669807/> (date of reference: 05.08.2024).
7. Mudrick, N.R. Employment Discrimination Laws for Disability: Utilization and Outcome. / N.R. Mudrick // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science - Volume 549. - Issue 1. // Retrieved from <https://doi.org/10.1177/0002716297549001005> (date of reference: 18.06.2025).

Сведения об авторах:
Авторлар туралы мәліметтер:
Information about authors:

Досанова Әйгерім Кенжебекқызы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының азаматтық, азаматтық процесстік заңнама және атқарушылық іс жүргізу бөлімінің аға ғылыми қызметкері, Жеңіс даңғылы, 15А, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1847-9960>.

Рамазан Асель Ерланқызы - заң ғылымдарының магистрі, Қазақстан Республикасы Заңнама және құқықтық ақпарат институтының азаматтық, азаматтық процесстік заңнама және атқарушылық іс жүргізу бөлімінің аға ғылыми қызметкері, Жеңіс даңғылы, 15А, 010000, Астана, Қазақстан.

E-mail: asselerlankyzy@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1396-391X>.

Досанова Айгерим Кенжебекқызы - магистр юридических наук, старший научный сотрудник отдела гражданского, гражданского процессуального законодательства и исполнительного производства Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, проспект Жеңіс, 15А, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1847-9960>.

Рамазан Асель Ерланқызы - магистр юридических наук, старший научный сотрудник отдела гражданского, гражданского процессуального законодательства и исполнительного производства Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, проспект Жеңіс, 15А, 010000, Астана, Казахстан.

E-mail: asselerlankyzy@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1396-391X>.

Dosanova Aigerim Kenzhebekkyzy - corresponding authors, master of Laws, Senior Research Associate of the Department of Civil, Civil Procedural Legislation and Enforcement Proceedings of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 15A Zhenis Avenue, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: aigerimdossanova8@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1847-9960>.

Ramazan Assel Erlankyzy - master of Laws, Senior Research Associate of the Department of Civil, Civil Procedural Legislation and Enforcement Proceedings of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 15A Zhenis Avenue, 010000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: asselerlankyzy@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1396-391X>.

BULLETIN OF THE INSTITUTE OF LEGISLATION
AND LEGAL INFORMATION OF THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 No 3(2025), 357-368

UDC 343.3/.7
IRSTI 10.77.51
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_357
Scientific article

© N.M. Apsimet¹*, 2025

¹ al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com)

CRIMES INVOLVING DEEPPAKE IN ONLINE FRAUD AND THE CHALLENGES OF PROVING THEM

Abstract. This research explores crimes committed using deepfake technology in the context of online fraud. The aim of the study is to analyze how deepfakes are applied in fraudulent schemes, identify key challenges in investigating and proving such crimes, and offer recommendations for improvement. The methodology includes forensic analysis of deepfake detection technologies, comparative review of international practices, examination of academic sources, and analysis of Kazakhstan's legislation on cybercrime.

The study identifies three major areas of criminal deepfake use: financial fraud, blackmail and extortion, and political manipulation. Cases are examined where deepfakes were used to bypass identity verification systems, produce fake videos and audio recordings to steal money, and spread disinformation. Particular focus is placed on the difficulties of classifying and proving these offenses due to the lack of specific legal norms and investigative tools. The study also reviews current detection technologies, such as microexpression analysis and audio spectral analysis.

The results of the study may contribute to improving Kazakhstan's criminal law, developing forensic techniques for investigating deepfake crimes, and raising awareness among experts and the public. The research concludes that deepfake technology presents a growing threat to information security and public order, complicating the process of criminal investigation and prosecution. The need for updated legislation, specialized detection methods, and international cooperation is strongly emphasized.

Keywords: deepfake, falsification, online fraud, cybercrime, proving, forensic analysis.

Introduction

Modern artificial intelligence significantly impacts the digital environment, offering societal benefits yet posing substantial information security risks. One of the most controversial innovations is deepfake technology, capable of creating highly realistic falsified audio and video content. Initially popular in entertainment and digital marketing, deepfakes have increasingly been utilized in criminal activities, notably online fraud.

The proliferation of deepfake-related crimes is facilitated by advanced machine learning algorithms enabling real-time manipulation of audio and video, convincingly replicating individuals' appearance and voice. This presents new opportunities for perpetrators in financial fraud, social engineering, and blackmail. For example, in 2019, criminals in the UK successfully defrauded a company of €220,000 by impersonating the CEO's voice using deepfake technology, underscoring its effectiveness

* Corresponding authors. E-mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com.

and detection challenges [1].

While Kazakhstan lacks official statistics specifically on deepfake fraud, broader cybercrime data indicate a significant increase in online fraud. According to Kazakhstan's Committee on Legal Statistics, 22,900 internet fraud cases were recorded in 2024, with 81.8% terminated due to unidentified perpetrators. Financial losses reached 11.4 billion tenge – 2.8 times higher than in 2023 – with individuals bearing the brunt of damage (11 billion tenge), followed by legal entities (385 million tenge) and state organizations (8.4 million tenge). Prominent fraud types included unauthorized access to personal data (6,500 cases), fraudulent online services (5,500), goods purchases (5,200), and fraudulent online loans (3,900). These figures emphasize the urgency of enhancing investigative and preventive strategies.

Criminal schemes utilizing deepfake technology, particularly fraudulent video calls impersonating financial institutions, government officials, or relatives, represent a significant concern. These tactics undermine traditional identity verification methods, exploiting inherent trust in visual communication. Additionally, deepfakes are widely employed in blackmail, defamation, and disinformation campaigns targeting public officials and influencing political stability, posing risks of reputational harm and public unrest.

Kazakhstan's President Kassym-Jomart Tokayev has repeatedly highlighted cybersecurity's importance, notably addressing these issues during the Shanghai Cooperation Organization summit. He directed law enforcement agencies to intensify measures against cybercrime and fraud. In response, Kazakhstan adopted the "Cyber Shield of Kazakhstan" Concept, aimed at safeguarding electronic information resources and infrastructure. However, despite these initiatives, combating deepfake crimes remains challenging due to inadequate specialized detection methods.

Current Kazakhstani criminal legislation lacks explicit regulations addressing deepfake-related crimes, creating legal gaps complicating investigation and prosecution. The absence of norms specifically targeting digital audiovisual forgery hampers evidence collection. Thus, there is a pressing need for enhanced forensic

detection techniques, standardized judicial procedures, and legislative adaptation to address evolving digital threats.

This research aims to analyze deepfake applications in online fraud comprehensively, identify investigative and prosecutorial obstacles, and propose evidence-based legal responses. The scientific relevance lies in addressing synthetic media crimes through criminal law and forensic methodologies, contributing to stronger protective frameworks against digital threats.

Methods and materials

The research employed an interdisciplinary approach combining legal analysis, technological insights, and academic scholarship. It focused on criminal and cybercrime regulations in Kazakhstan, particularly the Criminal Code and the strategic initiative "Cyber Shield of Kazakhstan". Scholarly literature on deepfake technology, cyber fraud, and digital criminality was reviewed, alongside open-source materials and media reports on relevant incidents both domestically and internationally. Empirical data from international organizations and leading tech companies further enriched the analysis.

Forensic techniques assessed deepfake detection methods, while comparative legal analysis examined regulations in the US, EU, and China. A doctrinal review covered prevailing academic views. Collected data underwent analytical-synthetic processing, forming conclusions and policy recommendations.

Results

Deepfake technology has rapidly evolved, creating new cyber-enabled fraud threats that endanger personal privacy, financial systems, public institutions, and social structures. Current criminal trends reveal three primary fraudulent uses of deepfakes: financial scams, extortion schemes, and manipulation of political discourse. Each of these domains presents distinct challenges, including detection difficulties and significant social impacts, necessitating detailed investigation and tailored legal responses.

Financial fraud is a prevalent form of deepfake-related crime, as fabricated audio and video materials are employed to execute deceptive financial transactions.

Advanced artificial intelligence algorithms enable criminals to convincingly alter individuals' appearance and voice in real-time, creating authentic-looking communications purportedly from bank personnel, corporate executives, or business partners. The banking sector is particularly vulnerable to such deepfake schemes, where perpetrators impersonate clients or executives to fraudulently authorize fund transfers. The integration of sophisticated audio-visual manipulation with social engineering complicates the identification and prevention of these crimes.

A significant incident in 2020, in the United Arab Emirates, highlighted the severity of deepfake threats. Fraudsters effectively mimicked the voice and appearance of a high-ranking corporate executive, misleading a bank manager into approving an unauthorized transfer of roughly \$35 million [2]. Such cases underscore the growing ineffectiveness of conventional verification methods, such as audio-visual identification, against advanced deepfake techniques.

Another widespread fraud method involves criminals leveraging artificially generated video and audio content to impersonate real clients when applying for loans or credit. Offenders produce realistic video statements, allegedly featuring genuine bank customers verifying their identities and explicitly consenting to loan terms. After obtaining the funds, perpetrators disappear, leaving victims with substantial financial losses and legal challenges, as the convincing fabricated evidence complicates disputing their purported involvement¹.

Financial institutions need to implement innovative safeguards because fraudulent activities continue to grow more complex and realistic. Advanced biometric verification systems which use multi-factor authentication together with microexpression recognition techniques and specialized algorithms for detecting digitally manipulated media show great potential as solutions. The financial ecosystem requires strong defense mechanisms against deepfake-enabled fraud to protect individual financial security

and maintain trust stability in the face of escalating digital threats.

Deepfake technologies serve as powerful instruments for generating deceptive compromising material which criminals use to blackmail victims and exert coercive control. The ability to generate realistic fake visual content creates a distinctive threat because people risk facing false accusations from disturbingly convincing yet completely fabricated materials. The ability to identify genuine content from deepfakes has become increasingly complex which puts victims at risk of severe psychological damage and severe damage to their reputation.

People whose professional success depends on their public image face the highest risk including politicians and senior government employees and corporate leaders and famous celebrities. Criminals create fake videos showing these persons in compromising positions and then threaten to release the content unless they pay extortion money. The perpetrators intentionally spread false information through online channels to damage the victim's credibility while increasing social pressure.

The political consequences of deepfake misuse became evident through a major incident in the United States during 2024 which showed how these manipulations moved from personal harm to affect the wider public domain. A satirical video featuring Vice President Kamala Harris spread across social media platforms after artificial intelligence successfully replicated her voice with remarkable precision. Although she had never made the statements attributed to her in the clip, the video nonetheless left many viewers convinced of its authenticity. The incident triggered widespread public discourse and prompted scholars and legal experts to reexamine the ethical boundaries and regulatory gaps associated with AI-generated media in political contexts [3].

Adolescents and young adults represent a particularly at-risk group for deepfake-related exploitation. The capacity of such technology to fabricate highly realistic but fictitious video content makes it possible to depict individuals in

¹ Deepfakes in the Financial Sector: Understanding the Threats, Managing the Risks. A Report by the FS-ISAC Artificial Intelligence Risk Working Group. // URL: <https://www.fsisac.com/hubfs/Knowledge/AI/DeepfakesInTheFinancialSector-UnderstandingTheThreatsManagingTheRisks.pdf> (date of reference: 28.01.2025).

compromising or inappropriate contexts. These fabricated materials are frequently weaponized to apply psychological pressure, extort financial or other forms of compliance from victims, and often result in significant emotional harm and enduring psychological consequences.

Prosecuting deepfake-based blackmail and extortion poses a range of legal and technical difficulties. Proving the inauthenticity of manipulated media demands the use of cutting-edge digital forensic methods – such as metadata scrutiny, advanced content verification tools, and coordinated collaboration with global online platforms that serve as channels for distribution. The intricate nature of these cases highlights the urgent necessity for both the enhancement of investigative capabilities and reform of existing legal structures, which are often ill-equipped to handle rapidly evolving digital threats.

An equally alarming concern is the deployment of deepfakes as instruments of political manipulation. Synthetic media can simulate political figures making fabricated declarations or participating in staged scenarios, thus offering a potent method of defamation, political sabotage, or deliberate social destabilization. When disseminated tactically, such forgeries can undermine public confidence in institutions, distort the democratic process, and incite social divisions. There is mounting evidence of deepfakes being used during electoral campaigns to disseminate false statements attributed to political candidates [4, p. 455]. The technology behind deepfakes has moved beyond domestic political use and is now widely used in geopolitical relations for international propaganda and psychological operations. The goal of such utilization involves spreading false information while disrupting diplomatic relations and altering how people view reality. The quick development of this phenomenon creates major challenges for investigative journalism and academic research and human rights advocacy because it makes it harder to distinguish between authentic content and artificially created digital media.

A solution to deepfake political misuse requires multiple integrated measures. The regulation of synthetic audiovisual media requires specialized

legislative frameworks together with advanced technological instruments to verify digital content authenticity and its creation and dissemination regulation. The establishment of independent expert panels dedicated to objective evaluation of questionable digital materials represents an essential measure. Public digital literacy programs combined with awareness initiatives create substantial societal resistance against manipulative tactics.

The fast development of artificial intelligence systems which merge with current digital communication networks creates complex legal challenges for defining and prosecuting deepfake-related crimes. Deepfake technology differs from standard fraudulent methods because it creates realistic audiovisual evidence that mimics authentic materials. Law enforcement agencies face major challenges when trying to classify and prosecute these cases because they involve complex technology and no established judicial guidelines.

The criminal legislation of Kazakhstan lacks specific provisions that directly address offenses related to deepfake technologies. At present, criminal cases tied to synthetic media usage are typically subsumed under general articles such as fraud (Article 190), dissemination of false information (Article 274), extortion (Article 194), or misuse of personal data (Article 147). These legal norms, however, were initially formulated without considering the distinct nature and implications of deepfake technology, thus creating ambiguity. The legal status becomes particularly uncertain in cases where synthetic audiovisual impersonation is used to secure financial or other gains, as it is unclear whether such acts constitute forgery, cybercrime, or a separate, specialized type of digital deception.

One of the primary investigative challenges in prosecuting crimes involving deepfake technology is verifying digital content authenticity. This issue intensifies when manipulated media intentionally distort critical judicial contexts, such as falsely representing a victim's consent. Historically, audiovisual evidence has been deemed credible proof in courts, making the rise of convincing synthetic materials particularly troubling regarding evidence reliability and admissibility.

Identifying deepfakes demands advanced forensic techniques and specialized digital expertise. Early deepfake content featured noticeable anomalies, like unnatural facial movements; however, technological progress has considerably reduced these evident flaws. Nonetheless, contemporary deepfakes still exhibit subtle visual or auditory imperfections identifiable through detailed forensic analysis. Automated detection tools, although increasingly utilized, currently recognize only approximately 65% of manipulated media, often without clearly contextualizing the specific alterations [5, p. 2]. Specialists emphasize that as generative AI evolves, these detection tools will face greater challenges, particularly with the increasing availability of sophisticated disinformation techniques.

Technological responses, such as digital watermarking, public-key cryptography, and advanced authentication processes, have been suggested to counter deepfake proliferation, yet they presently offer incomplete protection. A significant unresolved issue remains the absence of an internationally recognized framework for authenticating digital media.

The ease of deepfake creation, enabled by widely available software and minimal technical skills, has substantially facilitated their spread, especially through social media, rapidly undermining public trust in digital content. Consequently, deepfakes carry profound social implications beyond technological concerns, impacting public confidence in official institutions and traditional information sources. Experts underline that demonstrating falsification remains technically demanding, resource-intensive, and complex, even amid efforts to develop blockchain-based verification solutions.

The fight against deepfake technology is actively supported by researchers and forensic experts developing advanced analytical methods and machine learning models. The scientific community emphasizes creating automated tools capable of reliably detecting digital manipulations, thus strengthening anti-fraud measures in cyberspace.

One effective approach analyzes subtle facial movements and eye-blinking patterns. Studies indicate that deepfake videos often contain irregularities, such

as unnatural eye movements, inconsistent facial expressions, and abnormal blinking rates. Although difficult for humans to detect, specialized algorithmic analysis efficiently identifies these anomalies. Modern detection frameworks frequently employ convolutional neural networks (CNNs) combined with long short-term memory (LSTM) models, effectively capturing temporal variations across sequential video frames, significantly improving detection accuracy [6, p. 229].

Similarly, in audio forensics, spectral analysis of sound signals is crucial. Synthetic audio generated by advanced voice-synthesis technologies exhibits distinct frequency-related distortions and subtle acoustic irregularities. Techniques like Short-Time Fourier Transform (STFT), Constant-Q Transform (CQT), and Wavelet Transform (WT), especially when combined with auditory filters such as Mel or Gammatone, successfully detect artificial audio features. These analytical methods enable forensic experts to identify synthetic audio often used in fraud, fake communications, or voice imitation attacks [7, p. 1].

Collaboration between law enforcement and major tech companies, including Google, Microsoft, and Meta, further strengthens efforts against deepfake threats. For instance, Meta initiated the global Deepfake Detection Challenge in 2020 to advance automated identification methods [8]. Initiatives of this kind accelerate technological developments and support countries in establishing national systems tailored to specific geopolitical and security contexts.

Combining advanced forensic methodologies across audio and visual domains with coordinated actions by state authorities and technology enterprises significantly improves global resilience against criminal activities involving deepfake technologies.

Discussion

Deepfake technologies empower criminals to execute sophisticated fraud by generating highly realistic audiovisual content distinct from traditional forgeries and misinformation. The synthetic media produced are extremely convincing, complicating forensic differentiation between genuine and artificial recordings.

Consequently, law enforcement faces considerable difficulties in identifying digital forgeries due to the absence of identifiable modifications or reference points.

Increasingly, deepfake-driven cybercrimes pose severe challenges to various sectors, notably financial institutions, by facilitating targeted attacks against both individuals and organizations. These offenses differ fundamentally from conventional fraud techniques, requiring significant revisions in digital evidence standards and specialized forensic methodologies designed explicitly to detect synthetic media.

Security systems relying on biometric verification methods such as facial recognition and voice authentication are particularly vulnerable to deepfake manipulations. Fraudsters use advanced machine-learning algorithms to produce realistic audiovisual content capable of deceiving even experienced security personnel. Recent cases demonstrate attackers employing deepfake technology to impersonate executives, prompting unauthorized financial transfers and accessing protected banking platforms without leaving traditional forensic traces.

Kazakhstan's existing criminal legislation inadequately addresses the unique characteristics of deepfake-enabled offenses. Current provisions in Article 190 (Fraud) and Article 385 (Forgery of Documents) of the Criminal Code target conventional falsification methods but fail to encompass the distinctive threats of synthetic digital identities. Therefore, legislative reform is essential to close this gap and enable effective law enforcement responses to crimes involving artificially generated personas.

The misuse of deepfake technologies further threatens critical public services, governmental processes, educational institutions, and notarization systems reliant on robust identity verification. By exploiting vulnerabilities within facial and vocal authentication procedures, offenders gain unauthorized access to protected platforms and confidential databases, perpetrating fraud under false digital identities.

A critical dimension of deepfake-related threats involves compromising official identity verification procedures through real-time audiovisual

impersonations, circumventing conventional forensic detection methods. Traditional forensic techniques struggle to analyze intangible AI-generated evidence, underscoring the necessity for innovative investigative approaches.

The escalating threat of identity theft via deepfake tools increasingly compromises cybersecurity. Attackers leverage biometric data acquired from public social media and compromised databases to create fabricated identities. Traditional authentication methods, including passwords, PINs, and basic biometrics, are becoming inadequate against these threats, demanding prompt updates to Kazakhstan's cybersecurity framework. The iProov report underscores the urgency, noting a dramatic increase in deepfake-based attacks, with Native Virtual Camera attacks rising by 2,655% and Face Swap attacks growing by 300% over the past year [9].

Deepfake technology, initially prominent in financial and cyber offenses, now serves increasingly in personal crimes, including blackmail, defamation, disinformation, and public manipulation. By creating realistic audiovisual content falsely depicting individuals in criminal or compromising situations, deepfakes threaten both criminal justice integrity and personal reputations. Due to their realism, such materials often evade immediate scrutiny, causing substantial reputational harm even if proven false.

Deepfakes represent a new level of digital manipulation, commonly used for coercion, extortion, or political sabotage. Dissemination through social media, encrypted messengers, and pseudo-news platforms accelerates the spread, complicating timely debunking. This technology creates an illusion of credible evidence, enabling fabricated events to appear authentic, thereby undermining public perception, judicial processes, and democratic institutions.

Kazakhstan's criminal law currently addresses deepfake misuse through existing articles on dissemination of false information (Article 274), extortion (Article 194), and invasion of privacy (Article 147). However, there is no explicit regulation targeting identity falsification or synthetic audiovisual content, creating challenges in properly classifying and prosecuting such

offenses. Addressing this legislative gap by introducing specific provisions on digital identity fraud and enhancing investigative protocols becomes crucial.

Rapid advancements in deepfake technology challenge traditional forensic methods, which previously relied on visible editing traces. Unlike conventional modifications, deepfakes produce entirely new, highly realistic content, complicating detection and necessitating new forensic techniques. In response, forensic science prioritizes developing sophisticated verification tools and analytical frameworks, supported by updated legislation and investigative strategies.

Current forensic research emphasizes analyzing subtle physiological indicators such as facial muscle dynamics, emotional expressions, and speech synchronization. Despite improvements in synthetic media, deepfake algorithms often fail to accurately replicate natural facial expressions, eye movements, or speech synchronization [10, p. 1]. Researchers actively develop algorithms targeting these subtle anomalies. Additionally, forensic analysts increasingly examine nuanced elements like skin textures, shadow inconsistencies, and lighting imperfections, which neural networks still struggle to render flawlessly.

Acoustic forensic analysis also effectively identifies deepfake-generated audio by detecting subtle digital artifacts invisible to human listeners, using advanced spectral and frequency-based methods. Such analysis reveals unnatural tonal fluctuations, irregular pauses, and frequency deviations, allowing reliable differentiation between synthetic and genuine recordings.

Modern forensic approaches predominantly leverage artificial intelligence to automatically detect digital manipulations, analyzing extensive audio-visual data against established indicators of authenticity. However, continuous perpetrator advancements necessitate persistent and rapid technological progress in forensic detection tools.

The increasing spread of manipulated digital content prompts the judicial community to critically reassess the traditional reliance on audio, visual, and photographic evidence, given that their

authenticity can no longer be presumed. Consequently, there is an urgent need to update procedural standards for validating digital evidence. In response, some jurisdictions, notably in the United States and several European Union countries, have already integrated advanced digital forensic protocols, enabling judicial bodies to systematically verify media authenticity prior to their use as admissible evidence in court. Leveraging AI-driven methods, these jurisdictions evaluate the authenticity and detect potential manipulation within digital files, thereby furnishing the judiciary with reliable scientific tools for accurate evaluation of evidence integrity².

At present, Kazakhstan's criminal legislation lacks explicit norms dedicated specifically to offenses involving deepfake technology. Investigative and prosecutorial efforts are thus guided by general provisions of existing criminal statutes, which frequently fail to fully address the nuanced complexities inherent in digital manipulation. This gap between current technological practices and legislative frameworks significantly hampers accurate criminal classification, investigation effectiveness, and judicial evaluation of such offenses.

At present, liability for crimes involving deepfake may arise under the following articles of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan:

- article 190 – fraud, in cases where deepfake is used to deceive financial institutions or private individuals for unlawful gain;
- article 385 – forgery of documents, when deepfake is used to simulate official identity documents or other legal instruments;
- article 147 – violation of privacy, in instances where deepfake content is used to unlawfully collect or disseminate personal information or to intrude upon a person's private life;
- article 274 – dissemination of knowingly false information, if deepfake materials are employed for the purpose of manipulating public opinion or spreading disinformation.

The distinct nature of deepfake-related offenses stems from their capability to substitute identities and create synthetic

² Electronic Evidence. Eucrim 2023/2. issue_2023-02.pdf (date of reference: 23.01.2025).

// URL: https://eucrim.eu/media/issue/pdf/eucrim_

digital representations, or «digital doubles,» surpassing traditional forms of fraud or document forgery. Currently, Kazakhstan's criminal legislation lacks explicit provisions that establish criminal liability for producing and disseminating falsified digital images, audio, or videos, unless explicitly tied to fraud or extortion.

Globally, several jurisdictions have responded to the increasing threats posed by deepfake technologies by directly criminalizing the creation and dissemination of such content. These legislative actions reflect a growing awareness of deepfake-related risks to individual rights, public trust, and democratic processes.

In the United States, the DEEPFAKES Accountability Act established legal responsibility for distributing manipulated media without the consent of featured individuals. Moreover, multiple U.S. states introduced specific laws restricting deepfake use in political contexts, particularly during elections, aiming to protect voters from manipulation and misinformation. For example, Virginia amended its legislation to specifically criminalize the creation and distribution of pornographic deepfakes, addressing privacy violations and dignity infringements caused by synthetic explicit content [11, p. 371]. Similarly, Texas enacted provisions in 2019 prohibiting deepfake dissemination aimed at harming political candidates or altering electoral outcomes, with penalties including imprisonment and fines, reinforcing electoral authenticity and fairness [11, p. 374].

In 2023, the European Union implemented the Digital Services Act (DSA), requiring online platforms to effectively detect and label misleading deepfake content. The DSA differentiates between lawful harmful and illegal content, enhances digital literacy, promotes platform accountability through labeling and watermarking, and mitigates politically motivated synthetic media manipulation [12, p. 10].

China also introduced rigorous regulations through the «Provisions on the Administration of Deep Synthesis in Internet Information Services,» effective from January 2023. These provisions mandate clear labeling of synthetic media, impose transparency obligations on platforms, enhance data governance practices, and establish substantial financial and criminal

penalties for non-compliance [13].

The international regulatory experience underscores the necessity for Kazakhstan to develop comprehensive legislative frameworks addressing ethical and legal complexities associated with synthetic media. By analyzing and incorporating global best practices, Kazakhstan can enhance its legal mechanisms for effectively preventing and prosecuting deepfake-related abuses.

Conclusion

The rapid advancement of artificial intelligence, particularly deepfake technologies, poses sophisticated challenges to information security and complicates cybercrime prevention. Initially designed for entertainment, deepfake technology has evolved into a potent instrument for crimes such as financial fraud, extortion, blackmail, and manipulation of public perception. These offenses have proliferated due to machine learning algorithms capable of generating hyper-realistic digital forgeries nearly in real-time. Current research identifies three primary categories of deepfake-related crime: financial deception, coercive blackmail, and political interference, each requiring targeted counterstrategies.

Kazakhstan's existing legislation lacks adequate frameworks to tackle deepfake-related offenses, highlighting significant regulatory gaps. The ambiguous nature of these crimes complicates their classification within existing Criminal Code provisions, potentially encompassing fraud, intentional dissemination of false information, extortion, and unauthorized use of personal data. The distinctive features of deepfake crimes, notably the fabrication of digital identities and entities, further challenge their precise legal categorization.

A key challenge in deepfake investigations lies in reliably verifying the authenticity of digital evidence. Despite significant technological improvements in forensic detection – such as analysis of facial micro-expressions, audio spectral features, and advanced digital forensic methods – the continuous evolution of deepfake techniques necessitates ongoing enhancement of detection strategies.

Considering the susceptibility of digital evidence to manipulation,

judicial procedures must develop robust verification methodologies. Kazakhstan would benefit significantly from examining and integrating best regulatory and forensic practices established internationally, especially those effectively implemented in jurisdictions such as the United States, China, and the European Union.

Effectively combating deepfake-related crimes requires an integrated approach across several interconnected areas: refining criminal legislation to address unique aspects of synthetic media; advancing specialized digital

forensic methods; and establishing clear judicial standards for evaluating digital evidence. Moreover, promoting institutional cooperation among law enforcement agencies, scientific communities, and technology firms, as well as improving public awareness and digital literacy, are essential components of a comprehensive strategy.

Together, these measures will substantially enhance information security, strengthen legal protections, and ensure robust responses to emerging threats posed by synthetic media.

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP26103625 «Online fraud using deepfake-technologies and social engineering: problems of criminal law counteraction, prospects for legislative regulation»).

References:

1. Stupp, C. Fraudsters Used AI to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case / C. Stupp // Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402> (date of reference: 23.01.2024).
2. Brewster, T. Fraudsters Cloned Company Director's Voice In \$35 Million Heist, Police Find. / T. Brewster, // Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/thomasbrewster/2021/10/14/huge-bank-fraud-uses-deep-fake-voice-tech-to-steal-millions/> (date of reference: 23.01.2025).
3. Swenson, A. A parody ad shared by Elon Musk clones Kamala Harris' voice, raising concerns about AI in politics. / A. Swenson // Retrieved from <https://apnews.com/article/parody-ad-ai-harris-musk-x-misleading-3a5df582f911a808d34f68b766aa3b8e> (date of reference 30.01.2025).
4. Łabuz, M. On the way to deep fake democracy? Deep fakes in election campaigns in 2023 / M. Łabuz, C. Nehring // European Political Science. – 2024. – Volume 23. – P. 454-473.
5. Van der Sloot B. Deepfakes: regulatory challenges for the synthetic society / B. Van der Sloot, Y. Wagenveld // Computer Law & Security Review. – 2022. – Volume 46. – P. 1-15.
6. M.R. Sanil, Deepfake detection using eye-blinking pattern / M.R. Sanil, S. Saathvik, R. RaiK, P.M. Srinivas // International Journal of Engineering Applied Sciences and Technology. – 2022. – No3. – P. 229-234.
7. Pham, L. Deepfake Audio Detection Using Spectrogram-based Feature and Ensemble of Deep Learning Models / L. Pham, P. Lam, T. Nguyen, H. Nguyen, A. Schindler // 2024 IEEE 5th International Symposium on the Internet of Sounds (IS2). – 2024. – P. 1-4.
8. Ferrer, C.C. Deepfake Detection Challenge Results: An open initiative to advance AI / C.C. Ferrer, B. Dolhansky, B. Pflaum, J. Bitton, J. Pan, J. Lu // Retrieved from <https://ai.meta.com/blog/deepfake-detection-challenge-results-an-open-initiative-to-advance-ai/> (date of reference: 30.01.2025).
9. Seldon, M. Surge in Digital Injection and Deepfake Attacks on Identity Verification Systems / M. Seldon // Retrieved from <https://www.hstoday.us/subject-matter-areas/cybersecurity/surge-in-digital-injection-and-deepfake-attacks-on-identity-verification-systems/> (date of reference: 01.03.2025).
10. Datta, S.K. Exposing Lip-syncing Deepfakes from Mouth Inconsistencies / S.K., Datta, S. Jia, S. Lyu // 2024 IEEE International Conference on Multimedia and Expo (ICME), Niagara Falls, ON, Canada. – 2024. – P. 1-6.

11. Lussier, N. Nonconsensual deepfakes: detecting and regulating this rising threat to privacy / N. Lussier // Idaho Law Review. – 2022. – Volume 58. – P. 353-383.
12. Khan, F. Does the Digital Services Act achieve a balance between regulating deepfakes and protecting the fundamental right to freedom of expression? / F. Khan // SSRN Electronic Journal. – 2024. – P. 1-15.
13. Interesse, G. China to Regulate Deep Synthesis (Deepfake) Technology Starting / G. Interesse // Retrieved from <https://www.china-briefing.com/news/china-to-regulate-deep-synthesis-deep-fake-technology-starting-january-2023/> (date of reference: 18.02.2025).

© Н.М. Әпсімет¹, 2025

¹ әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан
(E-mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com)

ИНТЕРНЕТТЕГІ АЛАЯҚТЫҚТА ДЕЕРФАКЕ ҚОЛДАНАТЫН ҚЫЛМЫСТАР ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ДӘЛЕЛДЕУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Бұл зерттеу интернеттегі алаяқтық саласындағы deepfake технологиясын қолдану арқылы жасалған қылмыстар мәселесін қарастырады. Жұмыстың мақсаты-deepfake-ті онлайн-алаяқтықта қолдану тетіктерін жан-жақты талдау, мұндай қылмыстарды тергеу және дәлелдеу процесінде бар проблемаларды анықтау, сондай-ақ оларды шешу бойынша ұсыныстарды тұжырымдау. Зерттеу әдістемесі ретінде deepfake танудың техникалық мүмкіндіктерін криминалистикалық талдау, deepfake-алаяқтықпен күресудің халықаралық тәжірибесін салыстырмалы талдау, тақырып бойынша ғылыми әдебиеттерді доктриналық зерттеу және Қазақстан Республикасының киберқылмыс саласындағы заңнамасын талдау пайдаланылды.

Зерттеу нәтижелері deepfake-ті қылмыстық пайдаланудың үш негізгі бағытын анықтады: қаржылық алаяқтық, бопсалау және саяси манипуляциялар. Deepfake-ті қаржы секторындағы жеке басын тексеру жүйелерін айналып өту, қаражатты ұрлау және жалған ақпарат тарату мақсатында жалған бейне және аудио материалдар жасау үшін пайдалану мысалдары талданды. Бұл қылмыстарды саралаудың қиындықтарына және мамандандырылған құқықтық нормалар мен әдістер болмаған жағдайда бұрмалау фактісін дәлелдеуге ерекше назар аударылады. Deepfake-ті анықтаудың заманауи техникалық құралдары, соның ішінде микромимика мен дыбыстың спектрлік сипаттамаларын талдау қарастырылған.

Зерттеу нәтижелерін қолдану саласы Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын жетілдіруді, deepfake-пен байланысты қылмыстарды анықтау мен тергеудің криминалистикалық әдістемелерін әзірлеуді, сондай-ақ мамандар мен жұртшылықтың осы қауіп туралы хабардарлығын арттыруды қамтиды.

Зерттеудің қорытындылары deepfake технологиясының дамуы ақпараттық қауіпсіздік пен құқықтық тәртіпке үлкен қауіп төндіреді, бұл онлайн алаяқтықтың жаңа түрлерін жасайды және оларды тергеу мен қудалау процесін қиындатады. Заңнаманы бейімдеу, deepfake анықтау мен сараптаманың мамандандырылған әдістерін дамыту, сондай-ақ қылмыстың осы түріне қарсы күресте халықаралық ынтымақтастық қажеттілігі атап өтілді.

Түйінді сөздер: deepfake, фейковизация, онлайн алаяқтық, киберқылмыс, дәлелдеу, криминалистикалық талдау.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ DEERFAKE В ОНЛАЙН-МОШЕННИЧЕСТВЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено проблеме преступлений, совершаемых с использованием технологии deepfake в сфере онлайн-мошенничества. Целью работы является всесторонний анализ механизмов применения deepfake в онлайн-мошенничестве, выявление существующих проблем в процессе расследования и доказывания таких преступлений, а также формулирование предложений по их решению. В качестве методологии исследования использовались криминалистический анализ технических возможностей распознавания deepfake, сравнительный анализ международного опыта борьбы с deepfake-мошенничеством, доктринальное исследование научной литературы по теме и анализ законодательства Республики Казахстан в области киберпреступности.

Результаты исследования выявили три ключевые области криминального использования deepfake: финансовое мошенничество, шантаж и вымогательство, а также политические манипуляции. Проанализированы примеры использования deepfake для обхода систем верификации личности в финансовом секторе, создания поддельных видео- и аудиоматериалов с целью хищения средств и распространения дезинформации. Особое внимание уделено трудностям квалификации данных преступлений и доказывания факта фальсификации в условиях отсутствия специализированных правовых норм и методов. Рассмотрены современные технические средства обнаружения deepfake, включая анализ микроимики и спектральных характеристик звука.

Область применения результатов исследования включает совершенствование уголовного законодательства Республики Казахстан, разработку криминалистических методик выявления и расследования преступлений, связанных с deepfake, а также повышение осведомленности специалистов и общественности о данной угрозе.

Выводы исследования заключаются в том, что развитие технологии deepfake представляет серьезную угрозу для информационной безопасности и правопорядка, создавая новые формы онлайн-мошенничества и затрудняя процесс их расследования и судебного преследования. Подчеркивается необходимость адаптации законодательства, развития специализированных методов обнаружения и экспертизы deepfake, а также международного сотрудничества в борьбе с данным видом преступлений.

Ключевые слова: deepfake, фейковизация, онлайн-мошенничество, киберпреступность, доказывание, криминалистический анализ.

Автор туралы мәліметтер:

Сведения об авторе:

Information about author:

Әпсімет Нұрдаулет Мұхамедиярулы - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті заң факультетінің докторанты, әл-Фараби даңғылы, 71, 050040, Алматы, Қазақстан.

E-mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-5579>.

Апсимет Нурдаулет Мухамедиярулы - автор для корреспонденции, магистр юридических наук, докторант юридического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, проспект Аль-Фараби, 71, 050040, Алматы, Казахстан.

E- mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-5579>.

Apsimet Nurdaulet Mukhamediyaruly - corresponding authors, master of Law, Doctoral student of the Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Avenue, 050040, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5127-5579>.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЗАҢНАМА ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ АҚПАРАТ
ИНСТИТУТЫНЫҢ ЖАРШЫСЫ
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
TOM 80 НӨМІРІ 3(2025), 369-375

ӘОЖ 343.5
ҒТАМР 10.77.21
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_369
Ғылыми мақала

© А.С. Тулебаева^{1*}, 2025

¹ «Тұран» университеті, Алматы, Қазақстан
(E-mail: a.tulebayeva@turandeu.kz)

ӘЙЕЛДЕРГЕ ҚАТЫСТЫ ТҰРМЫСТЫҚ ЗОРЛЫҚ-ЗОМБЫЛЫҚТЫҢ КРИМИНОЛОГИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Аннотация. Әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлықтар дүние жүзі бойынша кеңінен тараған және мәдени, географиялық орналасуынан тыс таралып отырған бүкіләлемдік мәселе болып табылады. Бұл зорлық-зомбылықтың барлық түрлері адам құқықтары мен бостандықтарының бұзылуына әкеледі. Тұрмыстағы зомбылықтар әйелдер өз өміріндегі жиі кездесетін зорлық-зомбылық түрлерінің бірі болып табылады, ал ол көбінесе беймәлім немесе таныс адамдардың физикалық тұрғыдағы немесе жыныстық сипаттағы күш қолдануынан әлдеқайда жиі кездеседі. Бұл мақаланың басты мақсаты – тұрмыстық зорлық-зомбылықты болдырмау жолдары және ол іс-әрекеттермен күрес жүргізу үшін, оның себептері мен оған ықпал ететін факторларын тыңғылықты зерттеу. Мақалада тұрмыстық зорлық-зомбылыққа әсер ететін факторлар, қылмыстың виктимологиясы мен криминалогиялық аспектілері қарастырылды. Зерттеу нәтижелері бойынша тұрмыстық зорлық-зомбылықты болдырмау және онымен күресу бойынша ұсыныстар жасалды, сол ұсыныстарды жүзеге асыруда қандай әдіс-тәсілдер қолданылды, олар қаншалықты тиімді, сондай-ақ Қазақстандағы қолданыстағы заңнамаларға талдау жүргізіліп, тұрмыстық зорлық-зомбылықты болдырмау шаралары ұсынылды.

Өртүрлі сипаттағы зорлықтарды болдырмау үшін ұсынымдар қоғамды ақпараттандыруды жақсарту, құрбандарға қолдау көрсету және құқық бұзушыларға жазаны күшейтуді қамтиды. Әйелдерге зорлық-зомбылық оқиғалары туралы қауіпсіз хабарлауға мүмкіндік беретін тиімді тетіктерді құру, сондай-ақ болашақта зорлық - зомбылықтың алдын алу үшін жастар арасында профилактикалық іс - шаралар жүргізу маңызды.

Қазақстандағы тұрмыстық зорлық - зомбылық мәселесі, басқа елдердегідей, заңнаманы қатайтуды ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік нормалар мен құндылықтарды өзгертуді қамтитын кешенді тәсілді қажет етеді. Бұл үдерісте әйелдер үшін қауіпсіз және әділ ортаны құруға бағытталған білім беру және әлеуметтік бағдарламалар маңызды рөл атқарады.

Түйінді сөздер: заң, зорлық-зомбылық, тұрмыстық зорлық-зомбылық, физикалық зорлық-зомбылық, виктимология, қылмыс, отбасы-тұрмыстық қатынастар.

Кіріспе
Қазіргі қоғамдағы зорлық-зомбылыққа қарсы күрес Қазақстанның мемлекеттік саясатының маңызды басымдылықтарының бірі болып табылады және республика қабылдаған және қазіргі уақытта ұлттық деңгейде жүзеге асырылып жатқан міндеттердің

* Хат-хабарларға арналған автор. E-mail: a.tulebayeva@turandeu.kz.

бірі болып табылады. Отбасындағы және күнделікті өмірдегі әрекеттердің ерекше сипатына байланысты әйел көшеде немесе басқа болжамды орындардан гөрі үйде - қауіпсіз көрінетін жерде жиі құрбан болады. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтың жоғары қаупі - әйел жәбірленуші ретінде физикалық немесе психологиялық жарақат алып қана қоймай, сонымен бірге өлуі мүмкін. Әйел тұрмысқа шыққанда отбасылық өмірдің қуаныштарымен бірге күйеуінде, оның туыстарында және достарында үнемі алаңдаушылық, эмоционалдық шиеленіс пен жанжалдың көзін жиі қабылдайды. Некедегі физикалық зорлық-зомбылықтың алдында әрқашан өзара наразылық, психологиялық қысым, ауызша ұрыс, бөтендік және дұшпандық кезең болады. Еліміздің тұрмыстық зомбылықты алдын алу, оны болдырмау жолдары туралы заңына орай тұрмыстық зорлық - зомбылық – отбасылық тұрмыстық қатынастар барысында бір отбасы мүшесінің басқа мүшесіне қатысты оның денсаулығына және психикасына келтіретін немесе келтіру қаупі бар құқыққа қайшы қасақана іс-әрекеті немесе әрекетсіздігі.¹

Елдің саяси басшылығы және ең алдымен Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті Н.Ә. Назарбаев Қазақстанның құқықтар мен бостандықтар саласындағы халықаралық міндеттемелерін мойындауын қолдайтынын айтты. Ел басшысының күш-жігерінің арқасында қоғам мен мемлекеттің адам құқықтары саласындағы халықаралық стандарттарға ашықтығының саяси-құқықтық идеясы жүзеге асырылды, оның ішінде зорлық-зомбылық пен кемсітушіліктен қорғау жөніндегі халықаралық құқықтық актілердің маңызы зор. Бұл курс еліміздің президенті Қ.Ж. Тоқаевтың 2 қыркүйек 2019 жылы мемлекетіміздің халқына жолдаған Жолдауында «Жыныстық тұрғыдағы зорлық - зомбылық, нақты айтқанда әйел адамдарға қатысты тұрмыста кездесетін зорлық - зомбылықтар... үшін жазаны анағұрлым қатаңдату керек» деп айтқан болатын.

Физикалық тұрғыдағы және жыныстық сипаттағы зорлықтар жәбірленуші мен қылмыскер арасындағы тығыз қарым-қатынасты білдіреді және қорлау мен көмектің болмауы арқылы көрінеді. Әйелдер некедегі зорлық-зомбылықпен күресудің қандай әдістерін тандайды? Зорлық-зомбылыққа мінез-құлық реакцияларының спектрі өте кең. Біреулер шыдап үнсіз қалады, біреулер жанжал шығарып, айтысады, көндіреді, ұрысады, кейбірі үйден шығып ажырасуға арыз береді. Зорлаушылардың агрессивті мінез-құлқының себептері психологиялық және әлеуметтік негізге ие. Біршама жағдайларда зорлық-зомбылыққа зорлаған тұлғаның психологиялық жағдайының мәселелері себеп болады – нашар көңіл-күй, жүйке күйзелісі, қызғаныш, төмендік кешені, өзін-өзі бағалаудың төмендігі, мегаломания, әйелдің немқұрайлылығы, оның бағынбауы немесе жай ғана көпшілдігі, әйелін жоғалтудан қорқу немесе оның шығындары. бала тәрбиелеу. Көптеген жағдайларда агрессивтілік әлеуметтік факторларға байланысты - қаржылық проблемалар, тұрақсыз жұмыс [1]. Отбасы-тұрмыстық қатынастар саласындағы құқық бұзушылықтарды жасаудың себептері алкогольдік ішімдіктерді бірлесіп ішумен күшейген жанжал, араздық қарым-қатынастар, әлеуметтік деңгейдің төмендігі және қызғаныш болып табылады. Әйелдер ерлерді зорлық-зомбылыққа немесе агрессияға сирек итермелейді. Агрессияны арандату, егер ол орын алса, әдетте кек алу немесе бастамашылық қорлау, ескертулер немесе шағымдардан тұрады. Тұрмыстық зорлық-зомбылықтан зардап шеккен тереңдетілген сұхбатқа қатысушылар оған үнемі ұшырап, өмірлеріне қауіп төндірсе де, зорлық-зомбылық фактілерін басқалардан жасырып отырды. Кейбір жағдайларда дене жарақаттары соншалықты ауыр болды, олар мүгедектікке әкелді. Сонымен қатар, әйелдерді зорлаушымен сырттан көмек сұрамай-ақ өмір сүруді жалғастыруға мәжбүрлейтін, жалғыз қалудан, қаржылық қолдаусыз қалудан және балаларын толыққанды отбасынан

¹ Тұрмыстық зорлық-зомбылық алдын-алу туралы ҚР 2009 жылғы 4 желтоқсандағы N214-IV Заңы. // «Егемен Қазақстан» 2009 жыл, 12 желтоқсан N416-418 (25815); «Казахстанская правда» от 12.12.2009 г., №293 (26037); Қазақстан Республикасы Парламентінің Жаршысы 2009 жыл №23 (2551-2552), 114-құжат // URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z090000214_ (жүгінген күні: 29.04.2024).

айырудан қорқу арқылы күшейетін көптеген стереотиптер бар.

Материалдар мен әдістер

Қойылған сұрақтарды зерделеу кезінде зерттеу нысанының сапалық сипаттамаларын ашатын логикалық, формальды-құқықтық, аналитикалық, сонымен қатар функционалдық әдіс қолданылады, ол зерттелетін мекеменің мәнін, зерттеу мүмкіндігін анықтауға мүмкіндік береді. салалық заңнаманың Қазақстан Республикасындағы заңдылық пен құқықтық тәртіп жағдайына реттеушілік әсері. Авторлар жүргізген ғылыми талдауда күрделілік пен жүйелілік принциптері дәйекті түрде жүзеге асырылып, нәтижелі үйлестірілді, бұл әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылықтың криминологиялық проблемалары мәселелерін неғұрлым толық, ғылыми тұрғыдан жаңартуға мүмкіндік берді. Логикалық әдіс зерттеу барысында теориялық тұжырымдарды қалыптастыру мен олардың практикалық қолданылуын талдауда маңызды рөл атқарады. Ол тұрмыстық зорлық-зомбылықтың қылмыстық сипаттамаларын, сондай-ақ оның алдын алу шараларын зерттеуге бағытталған. Формальды-құқықтық әдіс заңнамалық актілер мен құқықтық нормаларды сараптап, олардың тұрмыстық зорлық-зомбылыққа қатысты тиімділігін бағалауға мүмкіндік береді. Қазақстан Республикасының құқықтық жүйесінде тұрмыстық зорлық-зомбылықты реттейтін заңдар мен нормативтік-құқықтық актілердің орындалуын бақылауға негізделген. Аналитикалық әдіс тұрмыстық зорлық-зомбылықтың қылмыстық құрамы мен оның қоғамға тигізетін әсерін терең зерттеуге көмектеседі. Бұл әдіс тұрмыстық зорлық-зомбылықтың психологиялық, әлеуметтік және құқықтық аспектілерін қарастырып, оның алдын алу үшін ұсынылатын шараларды әзірлеуге мүмкіндік береді. Функционалдық әдіс тұрмыстық зорлық-зомбылықтың алдын алу мен күресу шараларының тиімділігін бағалауға бағытталған. Бұл әдіс тұрмыстық зорлық-зомбылықтың салдарларын минимизациялауға, сондай-ақ заңнаманың, құқық қорғау органдарының және әлеуметтік қызметтердің үйлесімді жұмысын

қамтамасыз етуге мүмкіндік береді [2].

Зерттеу барысында алынған нәтижелерде күрделілік пен жүйелілік принциптері кеңінен қолданылды. Бұл принциптер әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылықтың криминологиялық аспектілерін жан-жақты және ғылыми тұрғыдан терең зерделеуге мүмкіндік берді. Авторлар өздерінің ғылыми талдауларында тұрмыстық зорлық-зомбылықтың қылмыстық сипаттамасын, оның кең таралу себептерін және Қазақстандағы қазіргі жағдайды қарастырып, осы мәселелерге қатысты ұсыныстар мен шешімдер ұсынды.

Зерттеу материалдары Қазақстан Республикасының құқықтық актілерін, халықаралық ұйымдардың құжаттарын, ғылыми зерттеулер мен статистикалық деректерді қамтиды. Сонымен қатар, әйел адамдарға қарсы тұрмыстағы зорлық - зомбылықтарды болдырмау және оған қайшы күрес бойынша халықаралық тәжірибе де зерттеу нысанына енгізілген.

Нәтижелер

Тұрмыстық зорлық-зомбылық – отбасы мүшелері арасында бір адамның екінші адамға (көбінесе әйелдерге) дене, психологиялық, экономикалық немесе сексуалдық зиян келтіру мақсатында жасалатын заңға қайшы әрекеттері.

Мұндай әрекеттердің ерекшелігі – ол жақын адамдар арасында жүзеге асады және жиі жасырын сипатта болады [3].

Бұл мәселенің криминологиялық қырларын қарастыра отырып, оның себептері мен салдарына назар аудару қажет. Тұрмыстық зорлық-зомбылық көбіне әлеуметтік теңсіздік, маскүнемдік, жұмыссыздық және гендерлік стереотиптердің нәтижесінде туындайды. Ер азаматтардың үстемдігін көрсететін ескірген түсініктер де әйелдерді қанауға және олардың құқықтарын шектеуге негіз болады.

Елімізде тұрмыстағы зорлықты қадағалау және алдын алу мақсатында “Тұрмыстық зорлық-зомбылықты алдын-алу туралы” атты арнайылап заң қабылданған. Осы заңнама жәбірленушілерге құқықтық көмек көрсету, қорғау ордерлерін беру және арнайы баспаналар ашу сияқты маңызды

шараларды қамтиды. Дегенмен, заңнаманы одан әрі жетілдіру және құқық қорғау органдарының әрекеттерін тиімді ету қажеттілігі туындап отыр.

Бұл мәселені шешу үшін алдын алу шараларына басымдық беру керек. Ең алдымен, қоғамдағы әйелдерге қатысты теріс көзқарастарды өзгерту маңызды. Бұған білім беру бағдарламалары арқылы қол жеткізуге болады. Сонымен қатар, әйелдердің құқықтық сауаттылығын арттырып, зорлық-зомбылыққа ұшырағандарға психологиялық және әлеуметтік көмек көрсету қажет.

Тұрмыстық зорлық-зомбылық тек жеке адамдардың емес, бүкіл қоғамның мәселесі. Сондықтан, оған қарсы күресте мемлекеттік, қоғамдық және жеке деңгейде бірлескен іс-қимыл қажет. Бұл тек құқық қорғау органдарының ғана емес, әрбір азаматтың борышы. Қоғамдағы бейбіт өмір мен теңдікке қол жеткізу үшін әйелдердің құқығын қорғауға ерекше назар аударуымыз керек.

Талқылау

Бұл зерттеудің нәтижелері Әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылық – бұл тек қылмыстық әрекет емес, сонымен қатар әлеуметтік, мәдени және экономикалық факторлармен тығыз байланысты құбылыс. Зерттеулер мен статистикалық мәліметтер бұл мәселенің ауқымы кең екенін және қоғамдағы көптеген әйелдер осы зорлық түрінің құрбаны болатынын көрсетеді.

Әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылықтың деңгейі жоғары. Көп жағдайда жәбірленушілер оны жасырын ұстап, құқық қорғау органдарына жүгінбейді. Қоғамдағы гендерлік стереотиптер мен әлеуметтік теңсіздік бұл қылмыстың таралуына ықпал етеді [4].

Қазақстандағы заңнамалық база тұрмыстық зорлық-зомбылықты алдын алуға бағытталған, алайда оның тиімділігі жеткіліксіз. Әйелдерге арналған дағдарыс орталықтарының жеткіліксіздігі мен құқықтық көмек алудың қиындықтары жәбірленушілердің қорғану мүмкіндігін шектейді.

Зорлық-зомбылық оқиғаларының қайталануы жиі байқалады. Бұл құқықтық жүйенің әлсіздігімен және жәбірленушілердің өз құқықтарын

толық қорғай алмауымен байланысты. Көптеген әйелдер экономикалық тәуелділік немесе отбасылық қысым салдарынан қылмыскермен бірге өмір сүруді жалғастырады.

Зерттеулер тұрмыстық зорлық-зомбылықтың пайда болу себептері терең әрі көпқырлы екенін көрсетеді. Бұл мәселе отбасылық және жеке қарым-қатынастар деңгейінен асып, жалпы әлеуметтік құрылымның әлсіз тұстарын ашады. Мысалы, гендерлік теңсіздік: Әйелдерге екінші дәрежелі тұлға ретінде қарау және олардың құқықтарын шектеу зорлық-зомбылықтың түпкілікті себептерінің бірі болып табылады. Білім мен құқықтық сауаттылық: Құқықтарын білмейтін әйелдер заңды қорғау тетіктерін қолдануға дәрменсіз. Бұл өз кезегінде қылмыстардың жазасыз қалуына әкеледі. Мәдениет және дәстүр: Кейбір дәстүрлер тұрмыстық зорлық-зомбылықты ақтауға негіз болады, бұл әсіресе ауылдық жерлерде жиі кездеседі [5].

Тұрмыстағы зорлықтарға қарсы күресте нақты нәтижелерге, тиімді қорытындыларға жету үшін біршама іс-шараларды жүзеге асыру қажет етеді. Құқықтық базаны жетілдіру: Қылмыскерлерге жазаны қатаңдату және жәбірленушілерді қорғау тетіктерін күшейту. Қоғамдық сана мен тәрбиені өзгерту: Гендерлік теңдікті насихаттау және әйелдерге қатысты кемсітушілікті жою.

Әлеуметтік көмек жүйесін дамыту: Дағдарыс орталықтарының санын көбейту, психологиялық және құқықтық қолдау көрсетуді күшейту.

Алдын алу шаралары: Зорлық-зомбылықтың алдын алу бойынша білім беру бағдарламаларын енгізу және жәбірленушілерге көмек көрсету процесін жеңілдету.

Қорытынды

Әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылық – бұл тек жеке адамдар арасындағы мәселе емес, ол қоғамның тұрақтылығына және дамуына әсер ететін күрделі әлеуметтік құбылыс. Бұл қылмыс әйелдердің денсаулығы мен өміріне қауіп төндіріп қана қоймай, олардың негізгі құқықтары мен бостандықтарын бұзады.

Зерттеу барысында тұрмыстық

зорлық-зомбылықтың көптеген формалары мен себептері анықталды. Олардың қатарында гендерлік теңсіздік, құқықтық жүйедегі кемшіліктер, жәбірленушілердің экономикалық тәуелділігі, сондай-ақ қоғамдағы теріс көзқарастар мен стереотиптер бар. Сонымен қатар, зорлық-зомбылықтың қайталану деңгейінің жоғары болуы бұл мәселенің өзектілігін одан әрі күшейтеді [6].

Құқықтық негіздерді күшейту: Қылмыскерлерді жазалаудағы жауапкершілікті арттыру және жәбірленушілердің құқықтарын қорғаудың тиімді тетіктерін жасау.

Әлеуметтік қолдауды күшейту: Дағдарыс орталықтарын көбейтіп, психологиялық, медициналық және құқықтық көмек көрсетуді жетілдіру.

Қоғамдық сананы өзгерту: Білім

беру бағдарламалары арқылы гендерлік теңдікті насихаттап, әйелдерге қатысты кемсітушілік пен зорлық-зомбылықты айыптау мәдениетін қалыптастыру.

Алдын алу шаралары: Зорлық-зомбылыққа тап болған адамдарға ерте көмек көрсету және қылмыстың алдын алуға бағытталған әлеуметтік бағдарламаларды іске асыру.

Қорытындылай келе, әйелдерге қатысты тұрмыстық зорлық-зомбылық тек құқық қорғау органдарының ғана емес, бүкіл қоғамның бірлескен күш-жігерімен шешілетін мәселе. Әрбір адам, ұйым және мемлекеттік құрылым бұл күресте жауапты рөл атқаруы тиіс. Әйелдердің құқықтарын қорғау және оларға қауіпсіз өмір сүруді қамтамасыз ету – дамыған әрі әділетті қоғамның негізгі көрсеткіштерінің бірі.

Әдебиеттің тізімі:

1. Меликов, Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье. Автореф. дисс... канд. юрид. наук / Ф.А. Меликов // – М., 2017. – 31 с.
2. Абдукаримова, З.Т. «Криминологическая характеристика домашнего насилия в отношении женщин Казахстана» / З.Т. Абдукаримова, Н.К. Абдраманова, М.Б. Кайназарова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – №4(75). - 2023. - С. 150-157.
3. Рахметов, С.М. «Проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию» / С.М. Рахметов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - №5(63).-2020. - С. 127-134.
4. Назарбаев, Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. «Стратегия «Казахстан2050»: новый политический курс состоявшегося государства» / Н.А. Назарбаев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 25.01.2021).
5. Назарбаев, Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. «Стратегия «Казахстан2050»: новый политический курс состоявшегося государства» / Н.А. Назарбаев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (дата обращения: 25.01.2021).
6. Рахимбердин, К.Х. «Теоретические и правовые аспекты противодействия бытовому насилию в законодательстве Республики Казахстан: проблемы и перспективы» / К.Х. Рахимбердин, М.Р. Гета // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан.- 2021.- С. 64-73.

© А.С. Тулебаева¹, 2025

¹ «Туран» университет, Алматы, Казакстан
(E-mail: a.tulebayeva@turanaedu.kz)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Аннотация. Домашнее насилие в отношении женщин — глобальная проблема, широко распространенная во всем мире и выходящая за рамки культурных и географических границ. Все формы этого насилия приводят к нарушениям прав и

свобод человека. Домашнее насилие является одной из наиболее распространенных форм насилия, с которым женщины сталкиваются в своей жизни, и зачастую оно встречается гораздо чаще, чем физическое или сексуальное насилие со стороны незнакомцев или знакомых. Основная цель данной статьи — тщательно изучить причины и факторы, способствующие домашнему насилию, с целью поиска путей предотвращения и борьбы с этой практикой. В статье рассматриваются факторы, влияющие на домашнее насилие, виктимология преступления, криминологические аспекты. По результатам исследования были даны рекомендации по предупреждению и борьбе с бытовым насилием, какие методы и подходы использовались для реализации данных рекомендаций, насколько они эффективны, а также проведен анализ действующего законодательства Казахстана и предложены меры по предупреждению бытового насилия.

Рекомендации по предотвращению насилия различных видов включают повышение осведомленности общественности, оказание поддержки жертвам и ужесточение наказаний для правонарушителей. Важно создать эффективные механизмы, которые позволят женщинам безопасно сообщать о случаях насилия, а также проводить профилактические мероприятия среди молодежи, чтобы предотвратить повторение насилия в будущем.

Проблема домашнего насилия в Казахстане, как и в других странах, требует комплексного подхода, который будет включать не только ужесточение законодательства, но и изменение общественных норм и ценностей. Важную роль в этом процессе играют образовательные и социальные программы, направленные на создание безопасной и справедливой среды для женщин.

Ключевые слова: право, насилие, бытовое насилие, физическое насилие, виктимология, преступление, семейные отношения.

© A.S.Tulebayeva¹, 2025

¹ «Turan» University, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: a.tulebayeva@turan-edu.kz)

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST WOMEN

Abstract. Domestic violence against women is a global problem, widespread throughout the world and transcending cultural and geographical boundaries. All forms of this violence lead to violations of human rights and freedoms. Domestic violence is one of the most common forms of violence that women face in their lives, and it is often much more common than physical or sexual violence by strangers or acquaintances. The main purpose of this article is to thoroughly examine the causes and factors contributing to domestic violence in order to find ways to prevent and combat this practice. The article examines the factors influencing domestic violence, crime victimology, and criminological aspects. Based on the results of the study, recommendations were given for the prevention and combating of domestic violence, what methods and approaches were used to implement these recommendations, how effective they are, as well as an analysis of the current legislation of Kazakhstan and proposed measures to prevent domestic violence.

Recommendations for the prevention of various types of violence include raising public awareness, providing support to victims and toughening penalties for offenders.

It is important to create effective mechanisms that will allow women to safely report cases of violence, as well as to conduct preventive activities among young people to prevent future violence.

The problem of domestic violence in Kazakhstan, as in other countries, requires a comprehensive approach that will include not only tightening legislation, but also changing social norms and values. Educational and social programs aimed at creating a safe and fair environment for women play an important role in this process.

Keywords: law, violence, domestic violence, physical violence, victimology, crime, family relations.

References:

1. Melikov, F.A. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodeistviya nasiliyu v semye. Avtoref. diss... kand. yurid. Nauk / F.A. Melikov // – M., 2017. – 31 s.
2. Abdukarimova, Z.T. «Kriminologicheskaya charakteristika domashnego nasiliya v otnoshenii zhenshchin Kazakhstana» / Z.T. Abdukarimova, N.K. Abdramanova, M.B. Kainazarova // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. – №4(75). - 2023. - S. 150-157.
3. Rahmetov, S.M. «Problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan po protivodeistviyu semejno-bytovomu nasiliyu» / S.M. Rahmetov // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. - №5(63).-2020. - S. 127-134.
4. Nazarbaev, N.A. Poslanie Prezidenta RK narodu Kazakhstana ot 14 dekabrya 2012 g. «Strategiya «Kazakhstan 2050»: novyi politicheskii kurs sostoyavshegosya gosudarstva» / N.A. Nazarbaev // Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (data obrashheniya: 25.01.2021).
5. Nazarbaev, N.A. Poslanie Prezidenta RK narodu Kazakhstana ot 14 dekabrya 2012 g. «Strategiya «Kazakhstan 2050»: novyi politicheskii kurs sostoyavshegosya gosudarstva» / N.A. Nazarbaev // Retrieved from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (data obrashheniya: 25.01.2021).
6. Rahimberdin, K.H., Geta M.R. «Teoreticheskie i pravovye aspekty protivodeistviya bytovomu nasiliyu v zakonodatelstve Respubliki Kazakhstan: problemy i perspektivy» / K.H. Rahimberdin, M.R. Geta // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan.- 2021.- S. 64-73.

Автор туралы мәліметтер:**Сведения об авторе:****Information about author:**

Түлебаева Асем Серикболовна - хат-хабарларға арналған автор, заң ғылымдарының магистрі, «Тұран» университеті Құқық жоғары мектебінің сениор-лекторы, Қ. Сатпаев көшесі, 16А, Алматы, Қазақстан.

E-mail: a.tulebayeva@turan-edu.kz; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7184-2403>.

Түлебаева Асем Серикболовна - автор для корреспонденции, магистр юридических наук, сениор-лектор Высшей школы права университета «Туран», улица Сатпаева 16А, 050013, Алматы, Казахстан.

E-mail: a.tulebayeva@turan-edu.kz; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7184-2403>.

Tulebayeva Assem Serikbolovna - corresponding authors, master of Law, Senior Lecturer at the Higher School of Law of «Turan» University, 16A K. Satpayev Street, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: a.tulebayeva@turan-edu.kz; ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7184-2403>.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ISSN 2788-5283
eISSN 2788-5291
ТОМ 80 НОМЕР 3(2025), 376-384

УДК 342.4
ГРНТИ 10.15.23
DOI 10.52026/2788-5291_2025_80_3_376
Научная статья

© С.Г. Кожаметова^{1*}, 2025

¹Международный университет «Астана», Астана, Казахстан
(e-mail: k_saulet@mail.ru)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В научной работе проведено всестороннее исследование теоретических, так и практических аспектов по обеспечению правовых гарантии деятельности судьи Конституционного Суда Республики Казахстан (далее КСРК) в сравнении со странами с большим опытом деятельности в этой сфере. Выборочно, рассматриваются страны: Федеративная Республика Германия ((ФРГ), исторически устоявшийся Конституционный Суд), Российская Федерация (исторически Российская Федерация (РФ) и Республика Казахстан (РК) длительное время были в составе Союза), Республика Польша ((Польша), орган конституционного контроля был создан, будучи под влиянием Союза, ранее чем в странах СНГ) в сравнении с Казахстаном. Автор, применяя научные методы в сопоставлении с аналогичными механизмами, существующими в вышеуказанных странах, рассматривает ключевые аспекты основного элемента статуса судьи Конституционного Суда (далее КС). Проведен анализ гарантии деятельности судьи КС, как независимость, неприкосновенность, обеспечение финансовых и социальных условий. Более детально изучено конституционно-правовое закрепление гарантий в Конституции, конституционных законах и других в указанных странах. В научной работе подчеркивается мысль, что основные гарантии деятельности судьи КСРК закрепляются на конституционном уровне, то более детальное их описание могло быть в специальном Законе. Также обоснована необходимость дальнейшего усовершенствования национального законодательства с учетом международного опыта по предоставлению гарантии судье КС для их независимого и объективного проведения конституционного контроля. Сделаны выводы о том, что устойчивые правовые механизмы защиты статуса судьи КС способствуют укреплению верховенства права и доверия социума, также выявлены ряд предложений по укреплению данного института.

Ключевые слова: конституционная реформа, конституционный контроль, Конституция, Конституционный суд, правовые гарантии, статус судьи.

Введение

В Казахстане в силу проведения конституционной реформы в 2022 году одной из новелл является апгрейд органа конституционного контроля. Для надлежащего проведения конституционного

контроля почти во всех иностранных государствах на конституционном уровне закрепляются гарантии деятельности судьи Конституционных судов (КС). В Казахстане воссоздавая Конституционный суд одним из основных норм, рассматривали вопросы

* Автор для корреспонденции. E-mail: k_saulet@mail.ru.

обеспечения гарантий деятельности судьи КС. Так как они представляют с собой актуальность при обеспечении их независимости, беспристрастности и устойчивости к внешнему давлению, особенно в период политической и социальной нестабильности такие гарантии являются основой доверия к КС, к его способности защищать верховенство Конституции.

Одним из критериев правового статуса судьи КС являются гарантии их деятельности, разносторонний анализ с сравнительным исследованием по странам как Россия, Польша и ФРГ является целью научной работы.

Материалы и методы

При исследовании темы научной работы были применены научные методы как общенаучные (наблюдение, анализ, синтез) и специальные методы. Аналитический метод использован для детального анализа конституционного законодательства РК в сравнении с РФ, Польши, ФРГ в части закрепления правовых гарантии деятельности судьи КС. Сравнительно-правовой метод (компаративный) позволил выявить общие сходства и различия в подходах к обеспечению гарантий деятельности судьи КС. Так, к примеру, постатейно по конституционным нормам рассмотрены элементы гарантии. Формально-юридический метод использовался при изучении и интерпретации норм законодательства, регулирующего элементы гарантии судьи КС в этих странах.

Системный метод позволил рассмотреть данные гарантии как взаимосвязанные элементы целостного, комплексного механизма обеспечения деятельности судьи. Доктринальный метод применялся при анализе научных трудов и позиции отечественных и зарубежных ученых в сфере конституционного правосудия.

Обсуждение и результаты

Прежде всего, проведем всесторонний анализ конституционных гарантий деятельности судьи Конституционного Суда Республики Казахстан (далее КС РК), закреплё-

ных на конституционном уровне. Конституция РК содержит несколько норм гарантий судейской деятельности, так в п.5 ст.71 устанавливается об их правовом иммунитете, также в п.4. сказано о несовместимости должности судьи КС с другими, кроме научной и преподавательской¹.

Касательно остальных элементов гарантий их деятельности, то они закреплёны в Конституционном законе Республики Казахстан от 05.11.2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (далее КЗ КС РК). Так данный акт по правовым гарантиям статуса судьи КС содержит главу 3, которая включает статьи с 10 по 16. В статье 10 закреплёно, что судьи КС *независимы* и подчиняются только Конституции и вышеназванному конституционному закону. Также в п.4 данной ст.10 закреплёно о том, что судьи *несменяемы*, их полномочия могут быть приостановлены или прекращены по основаниям вышеназванного акта. В ст.11, содержится норма о *правовом, судейском иммунитете*, судья КС РК обладает неприкосновенностью: «Судья не может быть задержан, арестован, подвергнут приводу, привлечены к уголовной ответственности без согласия Парламента РК, кроме случаев задержания на месте совершения преступления...»².

В контексте данного вопроса представляет интерес точка зрения ученого Ж.Н. Байшева, он в своем труде о 1-м КС РК, по поводу неприкосновенности судей КС (1-го) отмечает так: «лишение правового иммунитета судей КС связано с Верховным Советом, но соглашаясь с мнением зарубежных экспертов, в целях гарантии судейской независимости было бы целесообразно, чтобы КС сам решал данный вопрос» [1, с. 65]. Можно согласиться с таким мнением, так по сравнению в ФРГ данный вопрос решается самим КС. Это подчеркивает действительно высокий уровень институциональной автономии деятельности КС ФРГ.

Для раскрытия темы рассмотрим статью 12 Конституционного закона РК «О Конституционном Суде Республики Казахстан», здесь установлено

¹ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. – Алматы: Юрист, 2025. -39 с..

² Конституционный закон РК от 05.11.2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан» // URL: online.zakon.kz/Document/?docid=39441762 (дата обращения: 21.06.2025)..

о *паритете прав* всех судей КС РК, при принятии им решений по конституционному производству. В статье 13 закреплена про безопасность судей КС РК, что они и члены их семей, также и их имущество находятся под государственной защитой. Следующие статьи с 14-16 раскрывают материальное, социальное, пенсионное обеспечение и вопросы компенсации. Также они имеют право на особое мнение, без обнародования и публичности (ст.59)³.

Немаловажная гарантия как обеспечение безопасности судьи и его членов семьи осуществляется за счет государственных средств.

Касательно гарантий деятельности судей Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ), они также закреплены в статьях Конституции РФ: 120 (независимость судей), 121 (несменяемость), 122 (неприкосновенность). Также в ст.124 закреплена о финансировании судей, для оказания их полной независимости при осуществлении своего функционала. Хотя данные нормы касаются судей, полагаем и судей КС РФ, так как КС РФ осуществляет судебную власть⁴. К сравнению, в Федеральном конституционном Законе Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации», аналогично содержатся гарантии деятельности судьи КС, как независимость, несменяемость (ст.14), иммунитет (ст.15), паритет (ст.16), гарантии прав судей в отставке (ст.19)⁵.

Следует отметить мнение В. Зорькина, касающееся данного вопроса, он в своем труде отмечает, что неприкосновенность судей при исполнении своих полномочий является: «судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия» [2, с. 391]. Он также

отмечает, что вопросы финансирования судебной власти прошли кризис 90-х годов, не должным образом исполнительная власть осуществляла функционал по обеспечению из федерального бюджета, невыполнялись требования по ст.124 Конституции, по гарантированию финансового обеспечения судей.

Правовые гарантии деятельности судьи Конституционного Трибунала (КТ) содержатся в статьях 194-196 Конституции Польши 1997 года. Данные статьи закрепляют ключевые гарантии их деятельности. Согласно ст.195, судьи КТ при выполнении своих полномочий независимы, подчиняются только нормам Конституции. В п.2 данной статьи предусматривается о надлежащем обеспечении судей, соответствующее достоинству их деятельности. В статье 196 содержится о правовом иммунитете судей⁶. Эти нормы статей создают прочную основу для осуществления независимости судей при осуществлении конституционного производства.

Более того, в Законе Польши от 30.11.2016 г. «О статусе судей Конституционного Трибунала» более подробно содержатся гарантии, в ст.1 закреплена о правовом иммунитете, о независимости (ст.6), о несовместимости с другой деятельностью (ст.10), также подробно расписаны правила финансирования и оплаты их труда, социальное обеспечение⁷.

Нужно отметить, что в Польше также есть отдельный документ как Кодекс чести судьи КТ, который состоит из этических принципов, необходимых для обеспечения гарантий деятельности судьи КТ.

По поводу независимой деятельности судьи КТ Польши автор Д. Береговцова указывает: «Судьи Трибунала при осуществлении своих полномочий независимы и подчиняются только закону. Они не могут быть членами

³ Там же.

⁴ Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года. // URL: duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/ (дата обращения: 21.06.2025)

⁵ Федеральный Конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 21.06.2025)

⁶ The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April, 1997 // URL: www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm (date of reference: 21.06.2025)

⁷ Ustawa z dnia 30 listopada 2016 r. o statusie sędziów Trybunału Konstytucyjnego // URL: isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160002073 (дата отwołania: 21.06.2025)

политических партий, профсоюзов, либо заниматься любой общественной деятельностью, несовместимой и принципами независимости судов и судей» [3, с. 391].

По поводу гарантии деятельности судьи КС ФРГ, в Основном Законе ФРГ в ст. 97 сказано следующее: «судьи независимы и подчиняются только Закону». В целом о КС в Основном Законе закреплено в статьях 92, 93, 94, 97. Также в ст. 115 Основного Закона ФРГ, сказано о недопустимости посягательства на КС и на его судей⁸. Также есть отдельный Федеральный Закон ФРГ от 12 марта 1951 г. «О Федеральном конституционном суде» (BVerfGG), в котором закреплены конкретные статьи о порядке избрания судей КС к своей деятельности, в ст. 1 закреплено о независимости и автономности КС⁹. Отдельный Закон содержит нормы касающиеся создания (порядок избрания) состава КС, их полномочия, порядок судопроизводства и др.

Кроме вышеназванных основных элементов правовых гарантий деятельности судьи КС, к ним добавляются срок полномочий и материальное обеспечение.

По данному критерию, как срок полномочий подчеркивает свою позицию судья Конституционного Трибунала (в отставке), ученый Марек Зубик в своем труде: «...унифицировать правовой статус судей Конституционного Трибунала со статусом судей общих судов, Верхового Суда и Высшего Административного суда, отказавшись от срока полномочий судьи Трибунала в пользу избрания на неопределенный срок» [4, р. 101]. Хотя, по состоянию на сегодняшний день по Закону РП от 30 ноября 2016 года «О статусе судей Конституционного Трибунала» срок полномочий судьи Конституционного Трибунала составляет 9 лет (п. 2 ст. 2)¹⁰.

Сроки полномочий органов

конституционного контроля Казахстана в разные годы составляли: 10 лет (1992 г.), 6 лет (1995 г.), 6 лет (08.06.2022 г.) и 8 лет (17.09.2022 г.). На основании последних поправок в Конституцию РК от 17.09.2022 года срок полномочий КС РК составляет 8 лет, без права переназначения п. 1 ст. 71¹¹.

Срок полномочий судей КС РФ составлял в разные годы разные сроки, начиная с 1991 года бессрочно, с 1994 года 12 лет, с 2001 года 15 лет, с 2005 года отменен срок полномочий, оставив его бессрочным. На сегодняшний день срок полномочий судей КС РФ без ограничений, лишь с учетом предельного возраста 70 лет¹².

Таким образом, отметим, что срок полномочий судьи КС является весьма динамичным, из анализа зарубежных источников, данный срок может сокращаться и наоборот увеличиваться. Поэтому, полагаем нет стандарта по сроку полномочий судей КС. Каждое государство устанавливает в силу своих правовых предпочтений, иначе говоря, с учетом пользы проведения конституционного контроля.

Следующий элемент, финансирование КС, который во всех вышеназванных странах достаточно на высоком уровне обеспечивают судей, во избежание коррупционных рисков и укреплении их независимости от каких-либо воздействий практически одинаковы. Однако, отдельно отметим то, что в Казахстане в п. 2 ст. 14 КЗ РК устанавливается о материальном и социальном обеспечении (в том числе пенсионное) Председателя, заместителя Председателя и судей КС РК, которые уравниваются одинаково уровням должностных лиц исполнительной власти (...заместителя Премьер-Министра, министра)¹³. На наш взгляд такая формулировка ставит вопрос, обладая особым статусом данные лица (судьи КС), приравнены

⁸ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // URL: Schade... der gewünschte Inhalt wurde nicht gefunden :-(| Themen | bpb.de (Gesehen am 23.06.2025)

⁹ Bundesverfassungsgerichtsgesetz (BVerfGG) 12.03.1951 // URL: www.gesetze-im-internet.de/bverfGG/BJNR002430951.html (Gesehen am 23.06.2025)

¹⁰ Ustawa z dnia 30 listopada 2016 r. o statusie sędziów Trybunału Konstytucyjnego // URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20160002073 (data odwołania: 23.06.2025)

¹¹ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. – Алматы: Юрист, 2025. -39 с.

¹² Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года. // URL: дума.gov.ru/legislative / documents/constitution/ (дата обращения: 21.06.2025).

¹³ Конституционный закон РК от 05.11.2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан» URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=39441762 (дата обращения: 23.06.2025).

по такому элементу гарантий с членами исполнительной власти, что необходимо обосновать. Полагаем, что вопросы материального и социального обеспечения необязательно детально описывать в нормах конституционного закона, поэтому необходимо их выводить в отдельный правовой акт (закон), как в Польше (ниже рассмотрено). Также здесь необходимо учесть, что КС РК не входит в судебную власть и правовой статус его судей отличен от судей судов общей юрисдикции, также возможно необходимо дополнить статью 143 Трудового кодекса РК, по регулированию трудовой деятельности судьи КС¹⁴.

О способах прихода к должности (избрание либо назначение) и прекращение полномочий судьи КС, полагаем, что необходимо отдельное исследование.

Анализируя юридические научные материалы, диссертации, к примеру по РФ они охватывают в целом о гарантиях деятельности судей, и в том числе судей КС. В диссертации Шеломановой Л.В. «предлагается авторская классификация конституционных средств правового регулирования и реализации принципа независимости судей, такие как: институциональные, процессуальные и социальные гарантии...» [5]. Отдельных работ именно по гарантиям деятельности конституционных судей не нашлось. По результатам исследования прослеживается, что гарантии деятельности судей КС и принципы независимости судей рассматриваются как одно и то же, в этих целях отдельным исследованием необходимо проанализировать данные вопросы.

Аналитик КС РК, ученый Балгынтаев А.О.: выделяет следующие принципы предоставленных гарантий «...Конституционный закон возлагая на Конституционный Суд обеспечение верховенства Конституции предусмотрел законодательные гарантии деятельности его судей. К ним относятся: независимость, неприкосновенность, равенство прав судей, обеспечение прав судей, материальное и социальное обеспечение» [6].

По поводу реализации

вышеназванных гарантий деятельности судей КС полагаем, что необходимо ввести *индекс*, наподобие Rule of Law Index для объективной оценки эффективности гарантий деятельности судьи КС и выявление направлений их дальнейшего совершенствования. О таких мировых индексах в своем труде раскрывает В.Т. Конусова, она указывает на проведение предварительного анализа слабых и сильных сторон таких инструментов перед адаптацией их в Казахстане [7, с. 201].

Следует подчеркнуть, что в странах СНГ в последние годы наблюдаются масштабные трансформации института конституционного контроля, сопровождающиеся проведением значительных конституционно-правовых реформ. К примеру, в России в 2020 году, авторы научной статьи об этом указывают следующим образом: «...летом 2020 года в России была проведена масштабная конституционная реформа. Многие поправки коснулись системы конституционного правосудия. Количество судей Конституционного Суда России сократилось с девятнадцати до одиннадцати, но полномочия конституционного контроля были расширены» [8]. С акцентом на эти конституционные реформы, отметим, что во многих странах СНГ, в том числе и в Казахстане (в 2022 г.) действительно демократизируется деятельность органа, проводящего конституционный контроль, усиливаются гарантии их деятельности по защите прав человека и верховенства Конституции.

Заключение

Хотелось бы отметить, в рассмотренных зарубежных странах КС принадлежит к судебной власти, поэтому общие гарантии судейской деятельности относятся и к судьям КС. Однако, по казахстанскому законодательству то, что касается судей общей юрисдикции не может относиться к «конституционным судьям».

Благодаря гарантиям деятельности судьи КС, данные органы в разное время в вышеназванных странах рассматривали дела, с реальными результатами. По этим странам в качестве примера можем привести,

¹⁴ Трудовой кодекс Республики Казахстан от 23.11.2015 г. // URL: adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414#z143 (дата обращения: 23.06.2025).

Решение 2009 года по Лиссабонскому договору в Германии; Решения 2016 года по законам о СМИ и судебной реформе Польши; Дело 2004 года о смертной казни в России; Решения по делам о социальных правах граждан 2023 года как алименты, пенсии, медицинская помощь и вопросы ядерного полигона в Казахстане. И это лишь некоторые примеры из полномочий КС, которые достигают благодаря высокому обеспечиванию гарантий судебской деятельности в этих странах.

Итак, по вышерассмотренным странам общие сходства по элементам гарантий деятельности судей КС то они, практически все одинаковы, закреплены в конституциях и конституционных законах. Вот, касательно отличий, то они незначительны, срок полномочий (РК-8 лет, Польша-9 лет, ФРГ - 12) и право повторного переизбрания, в РФ полномочия судей КС сроком не ограничены. Следующее по правилам привлечения к ответственности, в ФРГ решает сам КС, вот в РК, РФ, Польше требуется согласие другого государственного органа (к примеру, Парламента в РК).

Из вышерассмотренного полагаем, можно выделить следующие элементы (критерии) гарантий деятельности судей КС: независимость и несменяемость; неприкосновенность (иммунитет); несовместимость должностей; установленные полномочия; финансирование и социальное обеспечение, этические нормы.

В силу того, что КС РК не входит в состав судебной системы, поэтому предполагаем, что необходим отдельный закон. Принятие отдельного закона о статусе судей КСРК необходимо ввиду особого характера

их полномочий и недостаточного действующего регулирования в конституционном законе, так как данный закон носит фрагментарный характер по всему спектру статуса судей КС РК. Так, по некоторым элементам гарантий устанавливается слишком детально, по некоторым поверхностно, а по стандартам этики и вовсе нет норм. Полагаем, такой закон обеспечит комплексное закрепление правового статуса судьи КС РК, в том числе и гарантии, включая вопросы назначения, прав и обязанностей, ответственности, ограничений и запретов, финансового и социального обеспечения, прекращения деятельности и этические нормы. Международная практика демонстрирует (к примеру, Польша), что специальные законы о статусе судей КС способствуют укреплению независимости и авторитета конституционного производства.

К дополнению вышерассмотренному полагаем, что нужно ввести механизм использования индекса (рейтинга) гарантии деятельности судьи КС (как Rule of Law Index), для научного оценивания судебных гарантий на деле. Также, необходимо создать Кодекс чести судьи КСРК (этические нормы).

Следовательно, можно заключить, что юридические гарантии деятельности судьи КС, это все же комплексный механизм, обеспечивающий защиту и правовой порядок при осуществлении конституционного контроля.

В Казахстане, как и во многих странах гарантии деятельности судьи КС конституционно закреплены, в вышеизложенном материале можно проследить ряд предпочтений и пожеланий, которые были отмечены сразу в обсуждении.

Список литературы:

1. Баишев, Ж.Н. Судебная защита конституции // Ж.Н. Баишев // - Алматы: Жеті-Жарғы, 1994. – 189 с.
2. Зорькин, В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика // В.Д. Зорькин // – М, 2019.- 592 с.
3. Береговцова, Д.С. Особенности и значение института конструктивного контроля в Республике Польша // Д.С. Береговцова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2024. - DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-60-64 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: journals.psu.by/economics/article/view/6728 (дата обращения: 23.06.25).
4. Zubik, M. Status prawny sędziego Trybunału Konstytucyjnego // M. Zubik // – Warszawa, 2011. – 216 s.

5. Шеломанова, Л.В. Независимость судей как конституционный принцип правосудия: дис... канд. юрид. наук: 12.00.02 // Л.В. Шеломанова // – Белгород, 2013 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/nezavisimost-sudei-kak-konstitutsionnyi-printsip-pravosudiya> (дата обращения: 24.06.2025)

6. Балгынтаев, А.О. Конституционный Суд в обеспечении верховенства Конституции Казахстана // А.О. Балгынтаев // 25.12.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35224096&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 24.06.2025).

7. Конусова, В.Т. Конституционный мониторинг как инструмент созидательного развития национальной правовой системы // В.Т. Конусова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2023. - №2(73). - С. 193-203.

8. Yakunin, V. Post-Soviet Political and Legal Transformations: Institutional Design of Constitutional Justice in the Commonwealth of Independent States (CIS) // V.Yakunin, M. Abrámová, Cuestiones Constitucionales. - 2023. - №49 - doi.org/10.22201/ijj.24484881e.2023.49.18577 // Retrieved from <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/cuestiones-constitucionales/article/view/18577> (date of reference: 24.06.2025)

© С.Ф. Қожахметова¹

¹ «Астана» халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЖӘНЕ ШЕТ ЕЛДЕР КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ СОТЫ СУДЬЯСЫ ҚЫЗМЕТІНІҢ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ КЕПІЛДІКТЕРІ

Аннотация. Ғылыми жұмыста теориялық аспектілер, оның ішінде Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының (бұдан әрі – ҚРКС) судьясының осы салада тәжірибесі мол елдермен салыстырғандағы құқықтық кепілдіктерді қамтамасыз етудің практикалық жағы да жан-жақты зерттелген. Таңдамалы түрде келесі елдер қарастырылады: Қазақстанмен салыстырғанда Германия Федеративтік Республикасы (тарихи қалыптасқан Конституциялық сот), Ресей Федерациясы (тарихи түрде Қазақстан Республикасы мен Ресей Федерациясы ұзақ уақыт Одақтың құрамында болды), Польша (конституциялық бақылау органы Одақтың ықпалы бола тұра, өзге ТМД елдеріне қарағанда ертерек құрылған). Автор ғылыми әдістерді жоғарыда аталған елдерде бар ұқсас тетіктермен салыстыра отырып, Конституциялық Сот судьясы (бұдан әрі – КС) мәртебесінің негізгі элементінің негізгі аспектілерін қарастырады. Конституциялық Сот судьясының тәуелсіздігі, иммунитеті, қаржылық және әлеуметтік жағдайларын қамтамасыз ету сияқты қызметінің кепілдігін талдауға басты назар аударылады. Аталған елдердегі Конституциядағы, конституциялық заңдардағы және басқалардағы кепілдіктердің конституциялық-құқықтық бекітілуі толығырақ зерттелген. Ғылыми еңбекте ҚРКС судьясы қызметінің негізгі кепілдіктері конституциялық деңгейде бекітілген болса, олардың егжей-тегжейлі сипаттамасы арнайы Заңда болуы керек екендігі туралы өз пікірі атап өтілген. Сондай-ақ КС судьясына олардың конституциялық бақылауды тәуелсіз және объективті жүргізуіне кепілдік берудің халықаралық тәжірибесін ескере отырып, ұлттық заңнаманы одан әрі жетілдіру қажеттілігі дәлелденген. КС судьясының мәртебесін қорғаудың тұрақты құқықтық тетіктері заңдылық пен қоғамның сенімін нығайтуға ықпал ететіндігі туралы қорытындылар жасалып, осы институтты нығайту бойынша бірқатар ұсыныстар да айқындалды.

Түйінді сөздер: конституциялық реформа, конституциялық бақылау, Конституция, Конституциялық сот, құқықтық кепілдіктер, судья мәртебесі.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF THE ACTIVITIES OF A JUDGE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND FOREIGN COUNTRIES

Abstract. The scientific work contains a comprehensive study of theoretical and practical aspects of ensuring legal guarantees for the activities of a judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (hereinafter CCRK) in comparison with countries with extensive experience in this area. Selectively, the following countries are considered: Federal Republic of Germany (a historically established Constitutional Court), the Russian Federation (historically, the Kazakhstan and the Russia were part of the Union for a long time), Poland (The Constitutional Tribunal was created under the influence of the Union, earlier than in the CIS countries). The author, using scientific methods in comparison with similar mechanisms existing in the above-mentioned countries, examines the key aspects of the main element of the status of a judge of the Constitutional Court (hereinafter CC). The main attention is paid to the analysis of the guarantee of the activity of the judge of the CC, such as independence, immunity, provision of financial and social conditions. The legal consolidation of guarantees in the Constitution and other acts in the specified countries has been studied in detail. The scientific work emphasizes that if the main guarantees of the activities of the CCRK judge are enshrined at the constitutional level, then a more detailed description of them could be in a special Law. The need for further improvement of national legislation, taking into account international experience in providing guarantees to a judge of the CC, is substantiated. Conclusions are made that sustainable legal mechanisms for protecting the status of a CC judge contribute to strengthening the rule of law and trust of society, and a number of proposals for strengthening this institution are also identified.

Keywords: constitutional reform, constitutional control, Constitution, Constitutional Court, legal guarantees, status of a judge.

References:

1. Baishev, Zh.N. Sudebnaya zashhita konstitutsii // Zh.N.Baishev // - Almaty: Zheti-Zhargy, 1994. – 189 s.
2. Zorkin, V.D. Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika // V.D. Zorkin // – M, 2019.- 592 s.
3. Beregovtsova, D.S. Osobennosti i znachenie instituta konstruktsionnogo kontrolya v Respublike Polsha // D.S. Beregovtsova // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. 2024. - DOI 10.52928/2070-1632-2024-68-3-60-64 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: journals.psu.by/economics/article/view/6728 (data obrashcheniya: 23.06.25).
4. Zubik, M. Status prawny sędziego Trybunału Konstytucyjnego // M. Zubik // – Warszawa, 2011. – 216 s.
5. Shelomanova, L.V. Nezavisimost sudei kak konstitutsionnyi printsip pravosudiya: dis... kand. yurid. nauk: 12.00.02 // L.V. Shelomanova // – Belgorod, 2013 // [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.dissercat.com/content/nezavisimost-sudei-kak-konstitutsionnyi-prinsip-pravosudiya> (data obrashcheniya: 24.06.2025).
6. Balgyntaev, A.O. Konstitutsionnyi Sud v obespechenii verhovenstva Konstitutsii Kazahstana // A.O. Balgyntaev // 25.12.2024 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35224096&pos=6;-106#pos=6;-106 (data obrashcheniya: 24.06.2025).
7. Konusova, V.T. Konstitutsionnyi monitoring kak instrument sozidatel'nogo razvitiya natsionalnoi pravovoi sistemy // V.T. Konusova // Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazahstan. - 2023. - №2 (73). - S. 193-203.
8. Yakunin, V., Abrámova, M. Post-Soviet Political and Legal Transformations:

Institutional Design of Constitutional Justice in the Commonwealth of Independent States (CIS) // V.Yakunin, M. Abrámová // Cuestiones Constitucionales. - 2023. - №49 - doi.org/10.22201/ij.24484881e.2023.49.18577 // Retrieved from <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/cuestiones-constitucionales/article/view/18577> (date of reference: 24.06.2025)

Авторлар туралы мәліметтер:

Сведения об авторах:

Information about authors:

Қожахметова Сәулет Ғазизқызы - заң ғылымдарының магистрі, «Астана» халықаралық университеті Құқық жоғары мектебінің 3 курс докторанты, аға оқытушы, Қабанбай батыр даңғылы 8, 020000, Астана, Қазақстан.

E-mail: k_saulet@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3676-1413>.

Қожахметова Саулет Газизовна - магистр юриспруденции, докторант 3 курса Высшей школы права Международного университета «Астана», старший преподаватель, проспект Кabanбай Батыра 8, 020000, Астана, Казахстан.

E-mail: k_saulet@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3676-1413>.

Kozhakhmetova Saulet Gazizovna - Master of Laws, 3rd year PhD student of Higher School of Law of "Astana" International University, Senior Lecturer; 8 Kabanbai Batyr Avenue, 020000, Astana, Kazakhstan.

E-mail: k_saulet@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3676-1413>.

Жарияланған материалдар редакцияның көзқарасына сай болмауы мүмкін
Жариялымдағы фактілер мен мәліметтердің шынайылығына авторлар жауап береді.
Редакция қолжазбаларды қайтармайды.
Материалдарды қайта басу редакцияның рұқсатымен мүмкін болады.
Журналға сілтеме жасау міндетті.

Журналда жариялау үшін мақалаларды пішімдеу ережелерімен мына сайттан <https://www.zqai.kz/>
танысуға болады

Мақалаларды журналға орналастыру бойынша Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат
институтына хабарласуға болады

E-mail: institutzakonodatelstva@gmail.com

Журналда жариялауға мақалалар жіберу ережелерін білу үшін <https://www.zqai.kz/> сайтына көрініз

Ғылыми-құқықтық журнал авторлық редакциясында жарияланған

«Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты» ШЖҚ РМК
баспаханасында түптелген және басылған
Адрес 010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ. Жеңіс даңғылы, 15А
Телефон: 8(7172) 57-25-01

Опубликованные материалы могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за достоверность фактов и сведений, содержащихся в публикациях, несут авторы.
Редакция рукописи не возвращает.
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

По вопросам опубликования статей в журнале обращаться в Институт законодательства и правовой
информации Республики Казахстан.

E-mail: institutzakonodatelstva@gmail.com

Правила оформления статей для публикации в журнале смотреть на сайте: <https://www.zqai.kz/>

Научно – правовой журнал издается в авторской редакции

Сверстано и отпечатано в типографии
РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан»
Адрес: 010000, Республика Казахстан, г. Астана, проспект Жеңіс, 15А
Телефон: 8-7172 - 57-25-01

The published materials may not reflect the editorial board's point of view.
Authors are responsible for the accuracy of the facts and information presented in their publications.
Manuscripts are not returned by the editorial office.
Reprinting of materials is permitted only with the editorial board's approval.
A reference to the journal is mandatory.

For inquiries regarding article publication in the journal, please contact the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan.

E-mail: institutzakonodatelstva@gmail.com

Article formatting guidelines for publication in the journal are available on the website: <https://www.zqai.kz/>

Scientific and Legal Journal published in the author's original version

Composed and printed at the printing house of the RSE on the REM «Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan»

Address: 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 15A Zhenis Avenue
Phone: +7 (7172) 57-25-01

Басуға 22.09.2025 ж. қол қойылды.
Формат А4
Қағазы офсеттік
Сандық басып шығару
Көлемі 67,2 б.т.
№9 Тапсырыс

Дата подписания тиража
22.09.2025 г.
Формат А4
Бумага офсетная
Печать цифровая
Объем 67,2 печ. л.
Заказ № 9

Date of issue 22.09.2025
Format: A4
Paper: Offset
Printing: Digital
Volume: 67,2 printed sheets
Order No.: 9